Валерий Солдатенко
История сталинизма
Высокое стремление
Судьба Николая Скрыпника

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга об одной из самых выдающихся личностей украинства XX в., одаренной фигуре общественного движения с неповторимо яркой и одновременно трагической судьбой. Пылкий патриот Украины и безгранично преданный интернациональной революции борец – Николай Алексеевич Скрыпник – оставил после себя самобытное творческое наследие и такой след в истории, на который был способен не каждый. В жизни, деятельности и даже смерти Н. Скрыпника с чрезвычайной рельефностью отразилась целая эпоха, и предлагаемая книга – это еще и рассказ-размышление об очень непростых процессах отечественного прошлого во времена самого крутого в истории общественного поворота. Книга рассчитана на всех, кто интересуется советской историей. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

- Валерий Солдатенко
  -
  - Предисловие к российскому изданию
  - Введение
  - I. Выбор пути
  - II. В революционных водоворотах
  - III. На ниве национально-государственного созидания
  - IV. Рождение коммунистической партии (большевиков) Украины
  - V. Наркомовские заботы
  - VI. Раздумья, надежды, стремления
  - VII. Жизненный апогей. Украинизация
  - VIII. Вспышки трагедии
  - IX. Его «Голгофа»
  - X. После смерти
  - Несколько несистемных соображений вместо заключения
  - Приложение[701]
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51

- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95

- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139

- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183

- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227

- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271

- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315

- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359

- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403

- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447

- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491

- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535

- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579

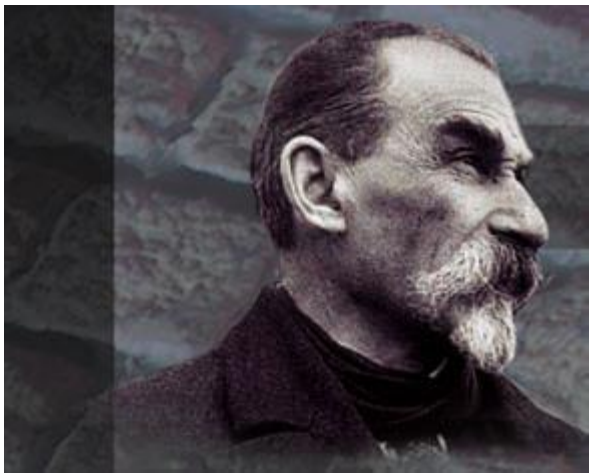
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623

- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667

- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701

Валерий Солдатенко
Высокое стремление: судьба Николая Скрыпника

Издание осуществлено при финансовой поддержке Еврейского музея и Центра толерантности



© Солдатенко В. Ф., 2018
© Солдатенко М., Веденеева В. Т., перевод на русский язык,

2018

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Политическая энциклопедия», 2018

Солдатенко Валерий Фёдорович – родился 13 апреля 1946 г. в г. Селидово, Донецкой обл. (Украина).

Окончил исторический факультет Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко.

Член-корреспондент Национальной академии наук Украины, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины.

Лауреат премии НАН Украины им. Н. Костомарова и международной премии им. В. Винниченко.

Сфера научных интересов – история общественно-политического, революционного, национально-освободительного движений XX века.

Важное место в исследованиях уделяется выяснению различных аспектов исторической и национальной памяти, генеалогии украинской идеи, опыту государственного строительства, соборничества, международной и военной политики, разработке проблем историографии и методологии науки, современного украиноведения, политологии. Автор около 800 публикаций, 30 из которых – индивидуальные монографии.

В их числе: «Украинская революция: концепция и историография» (в 2 т. К., 1997, 1999);

«Украинская революция. Исторический очерк» (К., 1999);

«Несломленный: жизнь и смерть Николая Скрыпника» (К., 2002);

«Георгий Пятаков: мгновения неспокойной судьбы» (К., 2003);

«Три Голгофы: политическая судьба Владимира Винниченко»

(К., 2005);

«В поисках социальной и национальной гармонии. (Эскизы к истории украинского коммунизма)» (К., 2006);

«Винниченко и Петлюра: политические портреты революционной эпохи» (К., 2007);

«Украина в революционную эпоху: Исторические эссе-хроники» (в 4 т. Годы 1917–1920) (Харьков; Киев, 2008–2010);

«Проект “Украина”. Личности» (К., 2011);

«Революционная эпоха в Украине (1917–1920 гг.): логика постижения, исторические личности, ключевые эпизоды» (1-е и 2-е изд. К., 2011, 2012);

«Украина. Год 1917» (К., 2012);

«Гражданская война в Украине. 1917–1920 гг.» (М., 2012);

«Демиурги революции. Очерк партийной истории Украины 1917–1920 гг.» (К., 2017);

«Георгий Пятаков: оппонент Ленина, соперник Сталина» (М., 2017).

Предисловие к российскому изданию

Предлагаемая книга впервые увидела свет на украинском языке в Киеве в 2002 г. под названием «Незламний. Життя і смерть Миколи Скрипника» («Несгибаемый (непоколебимый, несломленный). Жизнь и смерть Николая Скрыпника»).

Ее подготовка и публикация заняли весьма длительное время и могут служить своеобразной иллюстрацией к непростым метаморфозам в общественной, идеологической, политической жизни России и Украины в последнее столетие.

Николай Алексеевич Скрыпник принадлежал к когорте старейших и наиболее заслуженных деятелей большевистской партии. С начала XX в. и до конца 1917 г. он являлся активным участником российского революционного движения. В 1918–1933 гг. его деятельность практически неразрывно была связана с Украиной, с революционными преобразованиями и социалистическим строительством в регионе. Он первый официальный глава первого советского правительства Украины – Народного секретариата. Ему принадлежала одна из ключевых ролей в образовании в 1918 г. Коммунистической партии (большевиков) Украины. В дальнейшем опытный, инициативный, принципиальный, энергичный функционер последовательно занимал целую череду наркомовских постов по мере выдвижения их общественной значимости на определяющие позиции. На протяжении многих лет – член Центрального исполнительного комитета Советов Украины, его Президиума, член ЦК КП(б)У, Политбюро ЦК КП(б)У, ЦК ВКП(б). В общем, один из самых влиятельных и авторитетных партийно-советских деятелей УССР. Однако в 1933 г. он заканчивает жизнь самоубийством.

И дальше – со сталинским клеймом «национал-уклониста» – на долгие десятилетия оказывается очень «неудобной» для историков личностью. С одной стороны, никак не обойтись без упоминания имени Н. А. Скрыпника в связи с некоторыми важнейшими процессами и событиями – образованием КП(б)У, национальным возрождением, политикой украинизации, культурной революцией. С другой стороны – постоянные оглядки, страховки от того, чтобы, оценивая Н. А. Скрыпника, повествуя о нем, не попасть в круг его симпатиков и автоматически самому быть причисленным к явным или скрытым сторонникам, популяризаторам националистической идеологии.

Творческое наследие одного из самобытных, очень ярких

авторов-пропагандистов марксизма, идеологов социалистического созидания, национального ренессанса было почти полностью уничтожено. Даже в Институте истории партии при ЦК Компартии Украины – филиале Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (а Н. А. Скрыпник был создателем и первым руководителем Института истории партии и Октябрьской революции) незавершенное издание его статей и речей (1929–1932 гг.) сохранилось лишь в фотокопиях: точнее – через десятилетия после смерти автора немалыми усилиями историков-энтузиастов собрано только в фотокопиях. И этот редчайший фотодокументальный источник надежно был упрятан в спецфонд, даже отдельные его составляющие не подлежали републикации и после тщательного «селективного отбора».

В годы перестройки в условиях проводившейся кампании массовых реабилитаций жертв сталинских репрессий ЦК Коммунистической партии Украины принял постановление о посмертной реабилитации Николая Алексеевича Скрыпника в партийном отношении. Тем же документом предписывалось издание избранных произведений Н. А. Скрыпника и подготовка научной биографии – монографии о нем.

Участвовавшему в создании проекта упомянутого постановления, комплектовании тома с лучшими образцами, наиболее значимыми и интересными публикациями творческого наследия Н. А. Скрыпника (эта работа велась уже на протяжении ряда предыдущих лет) доктору исторических наук В. Ф. Солдатенко было поручено написание книги о жизненном пути, деятельности человека, оставившего огромный след в истории Украины.

Издание избранных трудов было запланировано на 1991 г. и успешно осуществилось. А завершенная рукопись книги о Н. А. Скрыпнике, приуроченная к его 120-летию в январе 1992 г., незадолго до этого была возвращена автору Издательством политической литературы Украины; заключенный ранее договор – расторгнут. Причина – в новых, кардинально изменившихся условиях, в том числе запрете (неконституционном, как затем оказалось) Компартии Украины. Руководство издательства сочло нецелесообразным появление книги о кристальном, пламенном коммунисте, ярчайшем революционере. Так образ борца со сталинским режимом за торжество украинской идеи (об этом ранее очень много писалось в эмигрантской, диаспорной литературе) молниеносно трансформировался в ленинско-сталинского агента, послушное орудие тоталитаризма, деятельность которого якобы была глубоко чужда и даже вредна, враждебна национальному делу.

Продолжая понемногу совершенствовать рукопись, автору удалось-таки в 2002 г., уже к 130-летию незаурядной исторической личности, издать монографию о Н. А. Скрыпнике. На удивление, она была воспринята в целом положительно, имела немало одобрительных откликов – рецензий, тогда как ни одной публичной рекламации не появилось.

В то же время нельзя не констатировать, что в политическом истеблишменте, в идеологической сфере отношение к Н. А. Скрыпнику, оценка его деятельности приобретали все более негативный оттенок и содержание. С принятием Верховной радой Украины в 2015 г. ряда законов о «декоммунизации» публиковать исследования с положительными образами партийцев, особенно такого ранга, как Скрыпник, стало невозможным.

Поэтому с пониманием и одобрением мною было воспринято предложение издательства «Политическая энциклопедия» (РОССПЭН) выпустить монографию о Н. А. Скрыпнике в русском переводе. Речь, конечно, не о том, что подобный поворот событий может польстить авторскому самолюбию. Главное – осознание существенного расширения возможностей читательского доступа к результатам научных исследований, многократно осмысленной выработанной точке зрения, к чему в принципе не может не стремиться любой ученый. Твердо убежден: удивительно многогранная, уникальная личность благородного, щедро одаренного талантами, страстно увлеченного желанием нести добро людям, совершенствовать мир высокоморального человека с настоятельной необходимостью предполагает, чтобы о нем больше знали, помнили, благодарно ценили как ныне живущие, так и приходящие им на смену новые поколения людей. Такие как Скрыпник несомненно могут быть вдохновляющим примером беззаветной преданности идеалам борьбы за общественный прогресс, за счастливую жизнь и справедливость во все времена, во все эпохи.

Может быть, наиболее обобщенной, лапидарной характеристикой, оценкой жизни и деятельности Н. А. Скрыпника, многих и многих соратников, людей его поколения была устремленность в будущее, непоколебимая вера в новую жизнь. За это они готовы были не щадить собственной жизни…

Наверное, для общества не менее важно всегда объективно оценивать прошлое, пытаться разобраться в его исторических уроках, в том числе и тех, которые могут быть предостережением от повторения ошибок, просчетов, недостатков пережитого.

Для российского читателя важно сделать одну очень существенную оговорку. Издание как собрания упомянутых статей и речей, так и избранных произведений Н. А. Скрыпника

осуществлялись в свое время исключительно на украинском языке, то есть часть из них в переводах с русского языка. И эти первоисточники (надо сказать – удельный вес таких публикаций незначителен) со временем, в силу вышеотмеченных причин, оказались или безвозвратно утраченными, или на сегодня недоступными (необнаруженными). Исключение составляют очень ограниченные, буквально единичные рукописные материалы, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории. Использование наличных публикаций уже в «обратном переводе», конечно, никоим образом не влияет на сущность воссоздаваемой исторической картины, хотя при обнаружении оригинальных первоисточников на русском языке возможны незначительные, непринципиальные, не влияющие на смысл, содержание документов редакционные или стилевые разночтения.

У сегодняшнего читателя может возникнуть вопрос, почему в предлагаемой книге значительное место отводится (собственно – сохраняется) полемике с положениями уже давней публикации И. Кошеливца «Николай Скрыпник». Дело в том, что в современной историографии ничего хоть сколько-нибудь нового в оценках жизненного пути и деятельности видного украинского деятеля не появилось, а время от времени только повторяются тезисы, аргументы диаспорного автора. К тому же часть нынешних историков – сторонников нациоцентрического принципа в исследовании опыта прошлого ориентируются на упомянутое издание как на лучшее в своем роде (см., напр.: Шаповал Ю. Олександр Шумський. Життя, доля, невідомі документи. К.; Львів, 2017. С. 729–730), хотя на поверку сразу становится очевидной его узкая ангажированность, идеологическая конъюнктурность.

С момента первого издания монографии прошло более полутора десятка лет. Хотя специальных научных исследований в этот период не появилось, имя Н. А. Скрыпника время от времени упоминается, а соответствующие, в целом малозначимые сюжеты носят по большей мере отрицательный оценочный характер. Это единственный момент, на который автор счел возможным крайне кратко отреагировать, что только и отличает предлагаемую книгу от украинского варианта. Естественно, сделаны необходимые фактологические уточнения, не повлиявшие на существо воссоздаваемой исторической картины.

В. Ф. Солдатенко

Введение

Судьбы человеческие… Как не похожи они друг на друга… Как глубоко индивидуальны, неповторимы… Как в большинстве загадочны. И как часто труднопостижимы.

Пожалуй, с юных лет каждый человек обязательно, пусть про себя, глубоко тайно, но все же мечтает о светлой, счастливой, прекрасной судьбе. И большинство не только надеются на чудо, но и в течение десятилетий стремятся быть хозяивами и кузнецами собственной судьбы. Затем, на склоне лет, каждый мысленно тщательно осматривает пройденный жизненный путь, по-разному оценивает оставленный след на земле. И, наконец, завещает потомкам непростую задачу – определять, оценивать его вклад в историю. Для одних, правда, это история собственной семьи, близкого окружения, а для других – история целого народа, а то и человечества, общественного прогресса.

Николай Алексеевич Скрыпник вступил на путь борца вполне сознательно. Вступил, неплохо представляя судьбу революционера в такой полицейской стране, как Россия. Однако никак не предполагал, что за ним пятнадцать раз со зловещим грохотом будут закрываться кованые ворота тюрем, семь раз он будет отправляться в ссылку – подальше от революционных центров (Екатеринослав и Онега, Туруханск и Енисейск, Красноярск, Якутск и Моршанск). Не знал, что будет осужден царским судом в общем к 34 годам лишения свободы (больше половины отпущенного судьбой жизненного срока), а однажды, заочно – даже к смертной казни. Несколько раз, хотя и с невероятным трудом, но все же в конце концов счастливо сможет вырваться из рук жандармов и снова и снова будет окунаться с головой в такую тяжелую, самоотверженную – до изнурения и потери здоровья (кто на это вообще обращал внимание!) революционную борьбу. Однако какой-либо другой судьбы он ни в юности, ни в зрелом возрасте, очевидно, не мыслил. Ведь не может быть большего удовлетворения, большего счастья для революционера, нежели осознание того, что все силы отдаются за лучшее будущее народа и торжество высоких, великих идеалов.

Звездным часом для Николая Скрыпника стала революция 1917 г. Он возглавил рабоче-крестьянское правительство Украины – Народный секретариат, стал у истоков создания невиданного еще, но выношенного в мечтах общества. Однако жизнь его не стала с тех пор менее тревожной или безоблачной, спокойной. В водовороте Гражданской войны, борьбе за преодоление ее разрушительных последствий, прокладывании путей к

социализму он оказывался, как правило, на острие решения злободневных и едва ли не самых сложнейших задач – возглавлял Организационное бюро по созыву Первого съезда КП(б)У, был членом коллегии Всероссийской чрезвычайной комиссии, наркомом государственного контроля УССР, наркомом Рабоче-крестьянской инспекции, наркомом внутренних дел, наркомом юстиции, генеральным прокурором республики и народным комиссаром образования УССР, председателем Госплана и заместителем председателя Совета народных комиссаров республики. Начиная с IX съезда был делегатом всех съездов большевистской партии, состоявшихся при его жизни, всех съездов КП(б)У, членом ЦК ВКП(б), членом Политбюро ЦК Компартии Украины, был награжден Орденом боевого Красного знамени и Орденом трудового Красного знамени. Плодотворно проявил себя как ученый, талантливый публицист.

Его перу принадлежит более 600 печатных работ. Неоднократно его назначали редактором центрального органа ЦК КП(б)У – «Коммуниста», он неизменно входил в редколлегию журнала «Большевик Украины», был членом редколлегий ряда других периодических изданий. Николай Алексеевич возглавлял комиссию Истпарта при ЦК КП(б)У, руководил изданием Украинской энциклопедии, был избран членом Коммунистической академии СССР, академиком Академии наук Украинской ССР и Академии наук Белорусской ССР.

Переживая радости и тревоги, Скрыпник всегда был полон надежд и планов. Им вообще не было числа. Как и прежде, в юности, хотелось работать все больше, интенсивнее, добавляя к рвению приобретенный опыт, жизненный рассудок и непременно добиваться, чтобы как можно быстрее жизнь народа, страны улучшалась, становилась все полнокровнее, богаче. Хотелось, преодолевая все ошибки и просчеты (возможно, далеко не все из них можно было избежать на не изведанном еще никем пути), чтобы все четче становились очертания воплощенных в практику гуманистических идей.

А как хотелось воочию убедиться, насколько совершенным будет общественный строй, созданию которого отдано уже столько усилий! Как хотелось и самому творить в условиях того нового общества! Ведь иногда представлялось, что оно уже вот, рядом, до него, как говорится, можно рукой подать. Еще одно-два усилия…

И вдруг – выстрел. Выстрел в собственное сердце…

Что это? Почему затейнице-судьбе было угодно именно так, так бессмысленно, трагически подвести итог, казалось бы, наполненной, плодотворной жизни?

Что подняло руку, придало ей трагической решимости, безошибочности в тот роковой момент?.. Неужели мимолетное душевное расстройство?.. Малодушие?.. Разочарование?.. Отчаяние?.. Бессилие перед обстоятельствами?.. Страх завтрашнего дня?.. Измена самому себе?.. Делу?.. А может, стремление ценой собственной жизни привлечь внимание коллег, всех людей к определенным явлениям, сторонам развития общества и таким образом превратить даже смерть в акт борьбы?

Последний, но не пораженческий акт… И тогда выстрел в сердце выглядит не таким уж внезапным, а в чем-то понятным. И, как ни горько констатировать, в чем-то даже оправданным, конечно – исторически оправданным.

Вопросы… вопросы… Как на них ответить?..

Один из самых оптимальных вариантов – попытаться по возможности беспристрастно, страница за страницей, по документам перевернуть, переворошить всю летопись его жизни, пытаясь проникнуть в смысл каждого шага на пути к непоправимому – постараться проследить, понять ход, логику мыслей.

К сожалению, в этом отношении личности Николая Скрыпника явно не повезло. И сегодняшняя историография, посвященная его жизни и творчеству, слишком бедна.

Это не удивительно. Десятилетиями на Николае Алексеевиче лежал отпечаток (а может, точнее, клеймо) некролога, напечатанного 8 июля 1933 г. «Правдой», затем другими газетами.

Сообщая о смерти члена ЦК ВКП(б) Николая Алексеевича Скрыпника, последовавшей в результате акта самоубийства, верховный орган партии делал ударение на том, что погибший пал жертвой буржуазно-националистических элементов, которые, войдя к нему в доверие, использовали его имя для своих антисоветских националистических целей. А последний, запутавшись в своих связях с ними, якобы допустил ряд политических ошибок и, осознав упущения, не нашел в себе мужества по-большевистски их преодолеть…

А потом Николаю Алексеевичу предъявили еще более тяжкие обвинения: якобы он явился родоначальником националистического уклона в КП(б)У, способствовал шпионским и контрреволюционным элементам, агентам фашизма, поддерживал с ними связи. Так Скрыпник стал «врагом народа», а имя его исчезло со страниц исторических произведений. Его старательно пытались придать забвению.

С развенчанием во второй половине 50-х годов прошлого века культа личности И. В. Сталина о тяжелых, необоснованных

обвинениях Н. А. Скрыпника больше не вспоминали, имя его стало все чаще встречаться в исторической литературе.

Появились и две небольшие специальные работы, изданные Политиздатом Украины в 1962 и 1967 гг.[1] Их авторы стремились к тому, чтобы читатель смог хотя бы в общих чертах представить жизненный путь Николая Скрыпника, привлечь внимание к творческому наследию революционера – деятеля ленинской когорты. Однако, как и любая работа, они несут на себе отпечаток своего времени: многие «острые» или «неудобные» вопросы в брошюре и книге только обозначены или, в силу определенных причин, опущены. Среди них – выяснение позиции Н. А. Скрыпника по поводу принципов образования КП(б)У, отношение В. И. Ленина к одному из виднейших деятелей Компартии Украины, взаимоотношения последнего с другими руководителями страны и республики, в частности с И. В. Сталиным, Л. М. Кагановичем, С. В. Косиором, Э. И. Квирингом, А. П. Любченко, П. П. Постышевым, В. П. Затонским, Д. З. Мануильским, А. Я. Шумским, Г. Ф. Гринько, о действительной или надуманной принадлежности Николая Алексеевича к национал-уклонизму, его связях с буржуазно-националистическими элементами и тому подобное.

Практически не проанализированными остались труды Николая Алексеевича по истории, экономике, партийному и государственному строительству, национальному вопросу, образованию, культуре. За исключением, возможно, одного вопроса – выяснения роли Скрыпника в процессе образования КП(б)У[2], другие аспекты его политической биографии и творчества так в последующем и не изучались. Да это и понятно. Ведь в 70 – начале 80-х годов было немало сделано для того, чтобы деформировать принципиальные подходы XX съезда КПСС ко многим страницам отечественной истории, вернуть их в прежнее русло. Многие благотворные процессы захлебнулись, так по-настоящему и не набрав силы.

В советской историографии вообще сколько-нибудь серьезно не изучался феномен национал-уклонизма в КП(б)У. Авторы и обобщающих, и специальных трудов, прибегая к использованию упомянутого в целом туманного термина, просто обращались к трафарету из арсенала тех же 30-х годов. Поскольку ни само явление, ни те, кто олицетворял его своими взглядами, деятельностью, не стали предметом глубокого научного анализа, а принадлежность к национал-уклониз-му считалась едва ли не самым страшным грехом, о Н. А. Скрыпнике было принято говорить все же с какой-то опаской, с обязательными оговорками и не всегда понятными, главное же – оправданными намеками.

Такой подход был вовсе не диалектическим, всесторонним, объективным, как, впрочем, его нередко пытались представить. Он скорее, закрывал путь к подлинному исследованию и оценке жизненного пути и творчества опытного революционера, авторитетного партийца, чем открывал его.

Поэтому даже об издании хотя бы короткого сборника творческого наследия Николая Алексеевича речи не было (а в 20-х – начале 30-х годов выходил, хотя и не завершился, 5-томник его трудов). Точнее, робкие инициативы надежно блокировались[3].

И, как ни грустно и неприятно, все же придется признать справедливость замечания Ивана Кошеливца, который еще в 1972 г. выпустил в мюнхенском издательстве «Сучасність» («Современность») довольно объемную книгу «Николай Скрыпник»: долгие десятилетия в Киеве, в Украине не находилось историка, который бы попробовал детально, взвешенно описать и оценить жизненный путь этой крупной и одновременно противоречивой исторической фигуры[4].

В период горбачевской перестройки ситуация, казалось, начала меняться к лучшему. Кроме того, благоприятную атмосферу для пересмотра закостенелых обществоведческих концепций, схем, приближения к научной истине, значительный импульс для действительно объективного, всестороннего анализа жизненного и творческого пути таких личностей, как Николай Скрыпник, создала одобренная сентябрьским (1989 г.) Пленумом ЦК КПСС Платформа КПСС «Национальная политика партии в современных условиях». В ней было признано, что во времена культа личности И. В. Сталина «безосновательно обвинялись в национализме и преследовались многие партийные и государственные работники республик, представители национальной интеллигенции». Комиссии Политбюро ЦК по политической реабилитации поручалось «отдельно рассмотреть вопросы, связанные с обвинениями в так называемом «национал-уклонизме», дать им оценку, восстановить имена партийных и государственных деятелей, которые были политически ошельмованы и репрессированы по этой причине»[5].

Выполняя соответствующее поручение Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, Комиссия партийного контроля при ЦК Компартии Украины совместно с Институтом истории партии при ЦК Компартии Украины – филиалом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС поставили перед Политбюро ЦК Компартии Украины вопрос о реабилитации Н. А. Скрыпника в партийном отношении, официальном признании безосновательными негативных оценок его деятельности. 29

марта 1990 г. ЦК Компартии Украины принял по этому поводу специальное решение. «Учитывая, что согласно заключению Института истории партии и Комиссии партийного контроля при ЦК Компартии Украины политические обвинения бывшего члена Политбюро ЦК КП(б) Украины, заместителя Председателя СНК УССР Скрыпника Н. А. в так называемом “национал-уклонизме” основываются на сфальсифицированных материалах и искаженных представлениях о его взглядах и деятельности, считать Скрыпника Н. А. реабилитированным в партийном отношении (посмертно)»[6].

Параллельно в периодике республики, а затем и в научных изданиях был опубликован ряд статей, материалов, в которых обращалось внимание на некоторые малоисследованные аспекты биографии и наследия революционера, партийно-государственного деятеля[7]. Участились упоминания о Николае Алексеевиче и в многочисленных материалах публицистов, литераторов, деятелей культуры, появившихся в республиканских художественных периодических изданиях. Правда, нередко при этом верх брали эмоции, а акт самоубийства позволял некоторым авторам таких публикаций подходить к изображению фигуры своего героя в неком мистическом ключе. Пренебрегая фактами, Н. А. Скрыпника наделяли такими чертами и оценками, которые вели к определенной идеализации его действительной роли в истории развития украинской нации, украинской культуры.

Своеобразным концентрированным отражением подобных подходов стала выпущенная издательством «Молодь» («Молодежь») в серии «Прославленные имена» биографическая повесть «Николай Скрыпник»[8]. Ее автор А. Мацевич построил рассказ о герое, следуя в основном известным важнейшим фактам его жизни. Правда, он прибег к попыткам их искусственной обработки, окраски логическими вымыслами. Немало усилий потрачено на художественное оформление бытовых деталей, воссоздание эмоциональных элементов семейных отношений и тому подобное. Безусловно, это позволяет разнообразить представление о некоторых чертах личности Николая Алексеевича, его богатых человеческих качествах, представить их рельефнее и эффектнее, привлечь дополнительный читательский интерес. Однако без должной тесной увязки с фундаментальными мировоззренческими позициями революционера – борца и государственника-созидателя, императивными нравственными принципами использованная палитра кажется явно бледной, недостаточной для адекватного изображения очень колоритной, действительно незаурядной, выдающейся исторической фигуры. Поэтому только под пристальным взглядом можно обнаружить

подлинно глубинные, достаточно выразительные краски-характеристики. Одним словом, в итоге по-настоящему привлекательной картины все же, думается, не получилось.

На рубеже 90-х годов появились попытки использовать примеры судеб национал-коммунистов, к которым начали относить Н. А. Скрыпника, прежде всего как аргументы исторического оправдания изначально имманентных украинству центробежных предпочтений и ориентаций, как наглядное доказательство невозможности органического согласования марксистско-ленинской идеологии и национальных стремлений.

Тогда же достаточно отчетливо проявилась и несколько иная тенденция. В условиях нарастающего кризиса СССР как союзного государства, усиления очевидной эрозии многонационального государственного феномена в Украине начался поиск национальных кумиров, которые в прошлом решительно боролись с унитаризмом, великодержавничеством, тоталитаризмом, коммунистической идеологией и социалистической практикой вообще. На их фоне Николай Скрыпник – выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства (сомнений в этом быть не могло) – выглядел почти антигероем, во всяком случае человеком, объективно вредившим реализации украинской идеи, торжеству национального дела. Непростая конъюнктура привела к значительному затягиванию выпуска издательством «Украина» подготовленного Институтом политических исследований ЦК Компартии Украины (ранее – Институт истории партии при ЦК Компартии Украины) сборника трудов Николая Алексеевича[9] и срыву издания монографического документально-биографического очерка. Сразу же после известных запретов деятельности Компартии Украины руководство издательства «Украина» поспешило разорвать соглашение с автором рукописи монографии и этих строк, хотя настоятельная инициатива написания произведения незадолго до того исходила именно от издательства (ранее оно именовалось Политиздатом Украины).

Однако Николай Алексеевич Скрыпник явно не та историческая фигура, чей вклад в судьбу украинского народа, в исторический прогресс, чей благотворный след на земле можно легко перечеркнуть конъюнктурными соображениями и решениями.

Исследование любых проблем, связанных с историей украинского народа в XX в., особенно в революционную эпоху, 20-30-е годы, просто невозможно без обращения к деятельности Скрыпника, учета его роли в развитии социальных, национальных, государственных и других процессов.

Это стало очевидным в те же 90-е годы (возможно, многие в этом вообще никогда, ни на минуту и не сомневались). Едва ли не самое яркое доказательство тому – справочная литература по новой, модной отрасли современного обществоведения – этногосударствоведению. Ее создатели не допускают возможности выхода в свет работ, где бы замалчивалась, обходилась личность Николая Алексеевича, каким бы узким в конце концов не оказывался круг лиц, чья позиция и деятельность имели общественно-значимые последствия[10].

Логика развития исследований в условиях поиска путей выхода отечественной исторической науки из кризиса обусловила превращение теоретического наследия Н. А. Скрыпника, его практической деятельности в объект специального внимания[11]. Особого отличия, очевидно, заслуживает проведение Институтом истории НАН Украины «круглого стола» 24 января 1997 г. по случаю 125-летия со дня рождения Н. А. Скрыпника. Правда, участие в заседании приняли менее десяти ученых, а в соответствующий сборник статей подали материалы только 5 исследователей[12].

Несколько более широким и основательным оказалось обсуждение проблем, связанных с деятельностью и творческим наследием Скрыпника, проведенное в Украинском институте национальной памяти в связи с его 140-летним юбилеем[13].

Сюжеты, статьи автора данной монографии о выдающемся украинском деятеле появились в серии энциклопедических, справочных изданий[14], монографических трудах[15].

Большие или меньшие сюжеты и в дальнейшем посвящаются Н. А. Скрыпнику в публикациях о национал-коммунизме и опыте украинизации[16]. В данном случае, думается, не место для подробного выяснения правомерности рассмотрения деятельности Николая Скрыпника как олицетворения национал-коммунистического течения, или, в такой же степени, целесообразности безотлагательного стремления найти ответы на болезненные вопросы при попытке логического (а для оппонентов – абсолютно противоестественного) сочетания феноменов национал-коммунизма и украинизации. Достаточно ограничиться констатацией, что в обоих, а может быть, и во всех случаях постижение смысла деятельности незаурядной личности «вписывается» в контекст истолкования очень сложных, противоречивых явлений, а их (толкований) спектр сегодня очень широк, включает в себя наряду с продуманными, взвешенными подходами, беспристрастными поисками истины и откровенно низкопрофессиональные публикации ангажированных авторов[17].

К сожалению, немного добавляют к накоплению информации,

к углублению понимания личности Н. А. Скрыпника, мотивации его идеологической политической деятельности, выработке комплексной оценки его вклада в поступь нации, УССР новейшие труды и публикации, в которых известный, авторитетный партиец и государственник с неизбежностью должен быть одним из главных действующих лиц[18].

Отдельно, очевидно, стоит сказать о трудах американского доктора истории Д. Мейса, который определенное время (до своей смерти) работал в Украине, выпускал в свет результаты своих исследований. Надо отметить, что еще в 1983 г., в условиях острейшего идейного противоборства советской и западной историографий – своеобразного проявления «среза» «холодной войны» (хорошо известно, что это накладывало свой негативный отпечаток на труды историков обоих лагерей), Д. Мейс подготовил монографию, посвященную украинскому коммунизму[19]. В более поздних публикациях[20], ориентируясь прежде всего на труды зарубежных коллег пройденного историографического этапа – в исследовании украинского коммунизма[21], автор, как правило, прибегал к повторению наработанных ранее стереотипов. Среди последних – подход к деятельности Н. А. Скрыпника как «личного агента Ленина»[22].

Естественным в отмеченных обстоятельствах является стремление теоретических кругов Коммунистической партии Украины еще раз вернуться к оценке одного из самых ярких представителей борьбы за идеалы коммунизма и украинского патриота, показать на примере его жизни и деятельности привлекательность и исторические преимущества марксистской, ленинской идеологии, диалектичность и жизненность осуществляемой на ее основе (а не на искривлениях ее) политики. Несколько публикаций самого Николая Алексеевича, материалов о нем в восстановленном журнале «Коммунист Украины», думается, подчиняются именно этой цели[23].

К имени Николая Скрыпника обращаются и те современные политические течения, которые еще находятся в поиске своих кумиров, идейных предшественников. В частности, об этом заявил в своих документах Украинский коммунистический союз молодежи[24]. Нетрудно предположить, что молодые политики вряд ли много и основательно знают о Н. А. Скрыпнике, его взглядах и деятельности. Речь здесь идет вовсе не о желании бросить хоть малую тень недоверия к новичкам или – тем более – вызвать пренебрежение к ним. Просто объективно для более или менее надежных знаний о видном деятеле советской эпохи нет соответствующей базы – серьезных, объективных исследований, публикаций.

Поэтому-то с учетом вышеупомянутого можно констатировать, что проблема оценки таких фигур, как Николай Алексеевич Скрыпник, имеет особое значение: и научное, и политическое, и моральное, и воспитательное.

В дискуссиях, которые не утихают вокруг проблем соотношения между революционными, радикальными и эволюционными, реформистскими путями общественного развития немало сделано, чтобы поколебать авторитет революционеров, романтиков (и не только большевиков), именно на них возложить ответственность за самые крупные проблемы и трагедии в истории.

На передний план сегодня выдвигают такие человеческие качества, как индивидуализм, эгоизм, корыстолюбие…

В жизнь, в политику приходят все новые поколения. И чтобы видеть неомрачненную перспективу, избирать надежные векторы деятельности, следует опираться на истинные знания о прошлом опыте. Возможно, кому-то поможет найти свой путь к правде и справедливости, к настоящей душевной гармонии и счастью знакомство с таким непростым, таким неординарным жизненным путем, который прошел Николай Скрыпник.

Все вышеизложенное и побуждает к новой попытке воспроизведения его политического портрета. Основными предпосылками осуществления такого замысла являются достижения современной историографии, наличие соответствующей источниковой базы, используемой пока явно недостаточно, богатое литературное наследие самого Николая Алексеевича, а также возможности нынешнего этапа развития общества, создающие благоприятную для подлинного научного поиска и творчества ситуацию.

I. Выбор пути

Существует достаточно устоявшаяся точка зрения, что перед смертью каждый человек мысленно в один миг как будто переживает, переосмысливает, переоценивает всю свою жизнь. Считается, что такова уж человеческая природа, когда даже тяжело больные, находящиеся в обморочном состоянии люди на какое-то мгновение приходят в сознание, и их мировосприятие в этот момент предельно четкое, а суждения глубокие, реалистичные, объективные – возможно, как никогда раньше.

Так это или нет – утверждать однозначно трудно. Но вполне логичным, думается, будет предположить, что человек, который собственноручно решил покончить счеты с жизнью, обязательно должен в последний момент еще и еще раз мысленно охватить пройденный жизненный путь и окончательно утвердиться в избранном уже решении.

Так, пожалуй, пронеслось в сознании Николая Скрыпника в последние трагические секунды все самое главное, самое существенное, что случилось в его судьбе. Во время долгих этапов, в ссылке, в камерах-одиночках мысль с такой невероятной скоростью не летела над вехами пережитого, тогда она надолго задерживалась на том или ином эпизоде, возвращаясь к некоторым из них, выкристаллизовывая ту или иную его оценку.

Джавахарлал Неру несколько позже заметит, что человек, которому не пришлось сидеть в тюрьме, вообще мало чего стоит – ведь у него не было возможности остановиться в скоротечном водовороте жизни, осмыслить себя, свою роль в нем. Как и Неру, судьба «дарила» такие возможности Николаю Скрыпнику часто, пожалуй даже с лихвой.

После победы революции о подобных случаях – «роскоши» для самоанализа, самооценки, казалось, нечего и думать. Жизнь молнией летела вперед и останавливаться в этом полете – значит, безнадежно отстать, рухнуть в пропасть. Но нет! А сотни произведений, вышедших из-под неугомонного пера, – разве в них не осмысление пережитого, прочувствованного, передуманного?

Это же как у бессмертного Кобзаря, которым так искренне восхищался Николай Алексеевич:

Думы мои, думы мои,
Горе, думы, с вами.
Что вы встали на бумаге
Хмурыми рядами?
Что вас ветер не развеял

Пылью на просторе,
Что вас ночью, как ребенка,
Не приспало горе?..[25]

И поэтому 7 июля 1933 г. вся жизнь оказалась у Николая Алексеевича Скрыпника словно на ладони. И мысли не прыгают беспорядочно с одной на другую, не путаются, а образовали некую плавную цепь, которую мозг схватывает от начала до конца сразу, без напряжения. И все эпизоды жизни видятся так отчетливо, так ясно, что кажется – все это происходило совсем недавно, только что…

Раннее детство. Это Донбасс, Харьковская губерния. Частая смена мест проживания. Так складывалась жизнь отца, что он, как железнодорожный служащий (сначала долго телеграфист, впоследствии – помощник начальника станции), вынужден был постоянно путешествовать – практически каждые полгода переезжать с места на место. Когда молодожены (жена Алексея Касьяновича Оксана Филипповна была по специальности акушеркой) проживали в железнодорожной теплушке в слободе Ясиноватой Бахмутского уезда Екатеринославской губернии, появился первенец. Произошло это 13 (25) января 1872 г. Назвали сына Николаем. С самого рождения он стал привыкать к паровозным и заводским гудкам, вдыхать дым фабричных труб и специфический запах шахтных терриконов. А перестук колес бесконечными железнодорожными путями под вагончиком, в котором проживала молодая семья, не мешал спать – казалось, так оно и должно быть.

Колин отец был выходцем из крестьян, с большим трудом завоевывал у жизни возможности для более или менее приличного существования. С ранних лет он возненавидел существующий строй, а учась в воскресной школе, где преподавали и революционные демократы, быстро проникся симпатиями к революционным идеям.

Во время обучения на акушерских курсах в Харькове сблизилась с революционно настроенными личностями и мать Николая. Сочувственное отношение родителей к прогрессивным взглядам, революционным действиям создавало в семье благоприятную атмосферу для формирования соответствующего мировосприятия, выработки жизненной позиции и у всех их детей. А было их четверо. Вслед за Николаем родились Владимир, Александр, Мария. Сыновья пошли по революционному пути. Так, Александр принимал участие в революции 1905 г., был арестован, с ноября 1907 до февраля 1908 г. отбывал наказание в

Екатеринославской тюрьме, после чего был сослан в Тобольскую губернию, где и умер после 1910 г.[26] Во всяком случае, последнюю весть о нем получили именно тогда…

А родителям очень хотелось, чтобы дети не испытали тех лишений, которые выпали на их долю. Путь к лучшей жизни они видели в надлежащем образовании. Когда пришло время учиться, Николая отдали в Барвенковскую двухклассную слободскую школу, а после ее окончания – в Изюмское реальное училище.

Барвенково, Изюм – их окрестности окружены живописным лесом с вековыми дубами, стройными соснами, душистыми липами. А в какое восхищение способны привести кого угодно извилистые, одетые в золотые, бархатистые пески берега спокойно текущего Северского Донца!

Кажется, что главная сложность здесь для человека с художественным вкусом, наклонностями – выбрать из множества самых прекрасных мест, конкурирующих друг с другом, действительно лучшее, неповторимое. Тут так легко, свободно дышится и так хорошо думается.

Николай любил оставаться наедине с этой спокойно мягкой, в чем-то даже ласковой природой. Мог часами наблюдать, как солнечные лучи пробиваются сквозь крону могучих деревьев, прокладывают светлые полоски-дорожки сквозь голубую тишину, такую тишину, что просто звенит. Наблюдал и мечтал. Ставил себе вопросы и пытался найти на них ответы. Иногда мучительные рассуждения так ни к чему и не приводили.

Тогда выбирал место где-то на краю поляны или на берегу реки, вынимал книгу, которая всегда была с ним, и углублялся в текст. Так выходило, что чаще всего в руках оказывался «Кобзарь» Шевченко. Конечно, это было не случайно. Стихи великого Тараса бередили душу Николая, задевали самые чувствительные струны, отзывались в сердце самым глубоким, тончайшим образом, часто оказывались удивительно созвучными внутреннему настроению.

Юношу пленила лирика Тараса Шевченко. Но не меньший восторг вызывали произведения о гайдамаках, овеянной легендами Колиивщине. Ученик заучил наизусть целые главы из бессмертной поэмы «Гайдамаки», охотно их декламировал. Позже вспоминал: «Развивался самостоятельно, исходным пунктом моего развития было изучение украинской литературы и истории Украины. Влияли здесь и семейные рассказы о прадедах – запорожцах, особенно об одном из них, которого польские шляхтичи посадили на кол за участие в восстании Железняка и Гонты в XVIII веке. Стихи Тараса Шевченко возбудили во мне охоту к чтению истории вообще, в частности истории Украины, особенно об эпохе освободительных восстаний, войны и руины,

где я наткнулся и на Черную Раду, и на восстания классового характера угнетенных против казацкой старшины; это укрепило мое критическое отношение к господству богатых, а вместе с тем побудило к чтению по историческим и экономическим вопросам»[27].

Произведения великого Тараса, другие книги заставляли все больше задумываться и над суровой действительностью с ее произволом, несправедливостями, народными страданиями. Ответы на вопросы, которых у жадного к знаниям юноши с каждым днем возникало все больше, трудно было ожидать в школе или училище. Учебной программой он овладевал без всякого напряжения, и упорно искал те книги (должны же быть – такая вера была неодолимой), в которых объяснялись бы противоречия окружающей жизни, существующих порядков.

Николай Скрыпник прокладывал свой собственный путь к правде, путь, который вел его в ряды революционеров. «… Любопытство, возбужденное украинской литературой, – писал он впоследствии в автобиографии, – толкнуло меня последовательно увлечься фольклором, лингвистикой, древней историей, антропологией, геологией, теорией развития космоса»[28].

Эти обстоятельства – рост и политическое возмужание на украинской почве – позволили самому Скрыпнику уже в зрелом возрасте оценить первые шаги к революционной деятельности как отличные от тех, которыми пришли в большевистскую партию интеллигенты-россияне. Видимо, такие рассуждения не лишены смысла. Однако сделанные им оговорки, думается, если не абсолютизируют, то по крайней мере переоценивают зарубежные его биографы.

Не менее мощным идейным источником были произведения русских революционеров-демократов – Александра Герцена, Николая Чернышевского, Михаила Добролюбова, Дмитрия Писарева.

Не обходил Николай Скрыпник и народническую литературу. А образы А. Рахметова, А. Желябова, В. Фигнер как-то сплетались в один образ революционера, сознательно отдающего жизнь службе народу, беззаветной борьбе за его освобождение от угнетателей, за его счастье.

И случилось так, что уже в реальном училище, еще не имея сколько-нибудь сформированного мировоззрения, сложившихся ориентиров, Николай и его однокашники попытались вести разъяснительно-пропагандистскую работу среди рабочих и крестьян Изюмского уезда. Делали это под видом экскурсий в мастерские, на мелкие предприятия или под предлогом этнографических экспедиций в села для изучения народного

творчества. Однако такая «деятельность» учащихся достаточно быстро стала известной начальству, и Николай Скрыпник понес первое серьезное и довольно распространенное в то время в Российской империи административное наказание – был исключен из Изюмского реального училища.

Конечно, неприятность неожиданная и немалая. Что же – смириться или, может, как-то попытаться доказать начальству свою лояльность. Ведь учиться так хотелось! Однако некоторые черты характера у юноши сформировались в то время уже достаточно прочно. Предавать идею, отступать от начатого дела – ни в коем случае! Можно продолжить овладевать знаниями и самостоятельно.

Сил, времени не жалел. Читал как можно больше. Все заметнее начал чувствовать особый вкус к социалистической литературе. Правда, далеко не все тут сразу показалось убедительным. Это касалось и исследования ученого, профессора Киевского университета Николая Ивановича Зибера «Теория ценности и капитала Д. Рикардо» – одной из первых отечественных работ, в которой популяризировалось экономическое учение К. Маркса, в частности доказывалась правомерность положений и выводов «Капитала».

Какое-то двойственное впечатление оставалось и после ряда статей Карла Каутского – одного из руководящих деятелей и видных теоретиков не только германской, но и мировой социал-демократии.

Важной вехой в собственном идейном, революционном становлении Николай Скрыпник считал знакомство с «галицийским переводом» «Эрфуртской программы» германской социал-демократии. Согласно научным исследованиям, брошюра была издана не в Коломые М. Павликом, как считалось ранее, а в Киеве марксистским кружком Б. Кистяковского, прибегнувшего к дезинформации из конспиративных соображений[29].

Естественно, возникло желание глубже разобраться в сути социалистической теории, обратиться к трудам основоположников коммунистической идеологии, не довольствуясь интерпретацией их взглядов. Когда же такая возможность представилась и в руки попал «Капитал» К. Маркса, Н. А. Скрыпник почувствовал истинное удовольствие и даже наслаждение от блестящего умения автора вести научный анализ общественного развития и подводить читателя к всесторонне обоснованным, научным выводам. Лихорадочно искал и поглощал один за другим иные труды Карла Маркса и Фридриха Энгельса, смог ознакомиться и с изданиями переводчиков, популяризаторов революционной теории пролетариата – членов

группы «Освобождение труда», в частности пионера марксизма в России – Г. В. Плеханова. Большой след в сознании молодого человека, формировании его материалистических подходов к анализу общественных явлений и процессов сыграла книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

Где-то уже во второй половине 90-х годов Николай Скрыпник обратил внимание и на нелегально распространяемые произведения анонимного автора. Это была брошюра «По поводу так называемого вопроса о рынках» и отдельные гектографические выпуски достаточно объемного произведения «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?». Позже молодой революционер узнает, что принадлежали они перу молодого В. Ульянова. Здесь привлекало, прежде всего, стремление подойти с марксистских позиций к конкретной российской действительности, а также достаточно аргументированный научный разбор взглядов либерального народничества, показ объективной неспособности постичь им суть положения в стране, найти выход из раздирающих ее противоречий.

Мало-помалу Николай Скрыпник убеждается в том, что именно за марксизмом историческая правота и что это именно то оружие, с помощью которого можно вести настоящую борьбу за переустройство общества. К таким выводам все более подталкивала и практическая работа в революционных кружках, общение с революционно настроенными личностями в Изюме, Екатеринославе, Харькове, Курске. Позже Н. А. Скрыпник сам так определил одну из важнейших, отправных вех в своей жизни: «С 1897 года я уже вел свою работу как марксист, социал-демократ и с этого времени считаю себя членом партии»[30].

Было в то время Николаю Алексеевичу 25 лет. Пожалуй, не так много людей в таком возрасте могут сказать, что они определили свой путь в жизни, ясно видели ту идею, которой можно посвятить всего себя без остатка.

Достаточно четким было представление и о том, что революционеру крайне необходимо и основательное образование, широкие знания. И, добившись в 1900 г. сдачи экзаменов за курс реального училища в Курске, он, не задерживаясь, уезжает в Петербург.

Конечно, столица привлекала молодого человека не только своей пышной красотой и возможностью поступить в один из ведущих вузов страны, но и бурлением политической жизни. Николай это уже хорошо понимал. И любовался помпезностью дворцов, неповторимостью памятников недолго. И не тем он уже в то время был человеком, для которого эстетические рефлексии

утолили бы огонь, который полыхал в груди, молнией пронизывал сознание, когда он останавливался в том или ином уголке столицы. Вот «Медный всадник». На память сразу нахлынули слова Шевченко из поэмы «Сон»:

…На скале начертано:
«Первому – Вторая»
Это диво поставила.
Теперь-то я знаю:
Это – Первый, распинавший
Нашу Украину,
А Вторая доконала
Вдову-сиротину.
Так мне тяжко, тяжко стало,
Словно я читаю
Историю Украины![31]

Погрузившись в размышления, вдруг вздрогнул от пушечного залпа, донесшегося из-за спины, с другой стороны Невы. Повернулся на звук, понял, что настал полдень. Поднял глаза туда, куда в низкие свинцовые тучи пыталась вонзить свой игольчатый шпиль Петропавловская крепость.

От таких же выстрелов сотрясалась вся Россия, когда орудийными залпами сообщалось о казни ее лучших сыновей. А сколько их, борцов против угнетения, за прогресс страны, было брошено в мрачные казематы, по существу заживо похоронено.

С Сенатской площади, навечно впитавшей в себя память о славных декабристах, направился к площади перед Казанским собором, где Г. В. Плеханов поднял первый в России красный флаг – флаг рабочей солидарности. Знаменательное место…

А вот и рабочие кварталы. Кажется, что даже для «северной столицы», вообще такой скупой на солнечные дни, здесь оказываешься в каком-то совсем уж зловещем темном мире. Сюда, вероятно, и солнце практически не проникает, не согревает своими лучами мрачных, скользких, ободранных, облупленных стен бараков. А в них люди. Те, кто своим трудом создают богатства всего общества. И как же они бедствуют! Как несчастны! Как можно быстро, эффективно помочь им? Как их поднять на слом старого мира? Как претворить в жизнь учение Маркса?..

Надо, прежде всего, возможно максимально вооружиться знаниями. Николай Скрыпник успешно сдает вступительные экзамены, становится студентом Технологического института. Вуз был известен своими прогрессивными традициями.

Немало здесь обучалось и выходцев из Украины, которые

образовывали землячество (Громаду). Естественно, вошел в землячество и украинский студент-первокурсник. Этот факт служит основанием для утверждений о принадлежности юноши и к Революционной украинской партии (РУП), возникшей в 1900 г. на основе объединения громад, прежде всего студенческих, как первичных ячеек партии. Существуют и определенные соображения-возражения относительно «методики» автоматического зачисления в РУП всех членов громад, которые нередко исповедовали различные взгляды и идеалы. Пожалуй, искать однозначный, категорический ответ на затронутый вопрос особого смысла нет. Ведь сколько-нибудь заметного следа ни в деятельности РУП, ни даже в петербургской Громаде Николай Скрыпник не оставил. Единственное, что доподлинно известно, так это то, что после ареста в 1902 г., когда молодой революционер-украинец находился в ссылке в Сибири, его земляки из петербургской Громады получили известия о бесперспективности связей с ним, поскольку Скрыпник связан с деятельностью совсем другой организации[32]. Речь, конечно, об РСДРП.

Поскольку сам Николай Алексеевич к упомянутому эпизоду никогда в своих трудах не возвращался, можно только гадать, что именно и в наибольшей степени повлияло на выбор пути. Следовательно, стоит заметить, что искать объяснение «ренегатства украинцев» «в особенностях российской имперской методы завоевывать народы и владеть ими»[33], полностью распространять этот вывод на Скрыпника, считать его «пропащей силой» для родной нации вряд ли оправданно. Есть достаточно оснований склоняться к выводу, что процесс избрания ориентации молодым революционером происходил в несколько иной плоскости – приобщения к организации, которая субъективно представлялась в то время наиболее перспективным борцом с российским самодержавием – оплотом и социального, и национального гнета.

Нельзя, конечно, исключить и каких-либо других вариантов. Ведь параллельно с Громадой Николай Скрыпник вошел в контакт с революционно настроенными студентами, кружок которых имел, так сказать, интернациональный характер (скорее – на национальное происхождение никто не обращал внимания) и вместе с новыми товарищами углубился в изучение нелегальной литературы, до хрипоты отстаивал в спорах собственное мнение. Одновременно он ищет выход и за пределы вуза, на революционные организации, связанные с массами, с рабочими.

Вскоре через товарищей Николай Скрыпник знакомится с членами социал-демократической группы «Рабочее знамя», входит

в ее состав. Ядро группы, что за Невской заставой, в 1898 г. составили бывшие члены ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Видимо, в данном случае первостепенную роль сыграл случай. Ведь в то время, после разгромов жандармами «Союзов борьбы», на передний план выдвинулись так называемые «молодые», или «экономисты». Они склонялись к абсолютизации экономических форм борьбы рабочего класса, считали возможным на том этапе ограничиться лишь агитацией на почве экономических интересов пролетариев, призывали отдать первенство в освободительной, политической борьбе либеральной буржуазии, что, по мнению радикалов, обрекало бы в конце концов рабочее движение на бесперспективность, на хвостизм.

Не смог внести существенных изменений в ситуацию и Первый съезд РСДРП. Он имел огромное значение, провозгласив создание рабочей марксистской партии в России, поднял флаг социал-демократии. К решениям съезда сразу же присоединились все действительно революционные элементы. Но «экономисты» не «сложили оружия», внося разлад в работу социал-демократов, раскалывая организации. В. И. Ленин охарактеризовал тот этап в развитии российской социал-демократии как период разброда и шатаний.

Чувствуя несогласованность в рядах марксистов, активизировались и «легальные марксисты», либеральные народники, которые, было, совсем пали духом после ленинского разгрома их программных основ и тактики в работах «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?» и «Экономическое содержание народничества и критика его в книге господина Струве».

Представитель каждого направления освободительного движения стремился доказать правоту именно своих взглядов, привлечь к своей организации новых членов, особенно из числа молодых, начинающих борцов.

Достаточно наглядное представление об идейной борьбе, практически войне, которой характеризовалась в то время ситуация в Петербурге, дает воспроизведение одного из многочисленных эпизодов тогдашней жизни близким к Максиму Горькому писателем, участником многих интересных событий излома веков Александром Серебровым (Тихоновым). В книге мемуаров прямо-таки со стенографическими подробностями воссоздается длительная дискуссия на одной из сходок, довольно часто происходивших в Петербурге под видом вечеринок.

В ней одновременно приняли участие представители «легальных марксистов», либеральных народников,

«экономистов», бундовцев, революционных социал-демократов ленинского направления. В противовес своим политическим соперникам «твердокаменные из группы Ленина» уже тогда не ограничивались учеными диспутами, абстрактным теоретизированием, хотя и тут они часто побеждали оппонентов, а сблизились с рабочими, объединились с ними в совместных организациях для практичной борьбы.

Случилось так, что Николай Скрыпник сразу примкнул к «твердокаменным», тогда как многие из его поколения долго искали путь на ощупь, методом «проб и ошибок». А некоторые так никогда и не находили.

Как член группы «Рабочее знамя» Скрыпник вел политическую пропаганду среди рабочих, не раз вступая в острые перепалки с «экономистами». Напряженно, нетерпеливо ждал того, когда же проявятся плоды работы, когда пролетарии организованно заявят о своей силе. А отовсюду приходили сообщения о забастовках, митингах и демонстрациях, лихорадившие огромную Российскую империю – из Варшавы и Харькова, Вильно и Екатеринослава, Одессы и Тбилиси. Пролетарские выступления будили активность других слоев населения – крестьянства, интеллигенции, студенчества, учащейся молодежи.

Николай Алексеевич хорошо помнит, что настоящее революционное крещение он получил во время демонстрации рабочих и студентов, которая состоялась на площади перед Казанским собором 4 марта 1901 г. Поводом стала расправа над студентами Киевского университета. Когда в декабре 1900 г. киевские студенты в очередной раз выступили за отмену реакционного университетского устава, за демократизацию высшей школы, они подверглись жестоким репрессиям. А 183 активиста были исключены из университета и отданы в солдаты.

Узнав об этой возмутительной новости, Николай сразу вспомнил Тараса Шевченко, его солдатчину, скитания, издевательства над ним, вспомнил о том, какое потрясение переживала ранимая душа поэта от наказания шпицрутенами, вспомнил, как отливались в свинцовые строки слова – проклятия царизму, слова – призывы к борьбе:

…Другого не жди,
Не ожидай желанной воли —
Она заснула. Царь Микола приспал ее.
Чтоб разбудить больную волю поскорее, —
Обух придется закалить
И наточить топор острее —

И волю миром всем будить…[34]

Неужели с тех пор ничего так и не изменилось?!

Вот и В. И. Ленин в «Искре» с возмущением отмечает: «На многие мысли и сопоставления наводит эта новая карательная мера, новая своей попыткой воскресить давным-давно отжившее старое. Поколений три тому назад, во времена николаевские, отдача в солдаты была естественным наказанием, вполне соответствовавшим всему строю русского крепостного общества. Дворянчиков отдавали в солдаты, чтобы заставить их служить и выслуживаться до офицера, в отмену вольности дворянства. Крестьянина отдавали в солдаты как в долголетнюю каторгу, где его ждали нечеловеческие пытки “зеленой улицы” и т. п.»[35].

Владимир Ильич доказывает, что с тех пор в царской армии мало что изменилось: «…Казарма насквозь пропитана духом самого возмутительного бесправия. Полная беззащитность солдата из крестьян или рабочих, попирание человеческого достоинства, вымогательство, битье, битье и битье. А для тех, у кого есть влиятельные связи и деньги, – льготы и изъятия. Неудивительно, что отдача в эту школу произвола и насилия может быть наказанием и даже очень тяжелым наказанием… Но не меньше жестокости нового наказания возмущает его унизительность. Правительство делает вызов всем, в ком осталось еще чувство порядочности…»[36]

Все прогрессивные элементы общества были единодушны во мнении: «…ответить правительству должно не одно студенчество. Правительство само позаботилось сделать из этого происшествия что-то гораздо большее, чем чисто студенческую историю. Правительство обращается к общественному мнению, точно хвастаясь энергичностью своей расправы, точно издеваясь над всеми освободительными стремлениями. И все сознательные элементы во всех слоях народа должны ответить на этот вызов, если они не хотят пасть до положения безгласных, молча переносящих оскорбления рабов»[37].

Ничуть не сомневался в необходимости протестных действий и Николай Скрыпник. Он непременно должен быть среди демонстрантов, выступающих против самодержавного произвола. Так считали все настоящие социал-демократы. Так считали рабочие и солдаты Киева, Москвы, Харькова, Одессы, Екатеринослава, других центров, поднявшие в те дни свои голоса протеста.

В Петербурге у Казанского собора собрались тысячи жителей

– в основном рабочие и студенты. Их союз олицетворяли два флага – красный (от рабочих) и белый (от студентов), под которыми они дружно двинулись в поход по Невскому проспекту, как только появился условный знак – розовый шар, взлетевший в небо. Над демонстрантами закружились листовки, отовсюду послышались призывы:

Долой царизм!

Долой «Временные правила»!

Не позволим нас гнать в солдаты!

Да здравствует революция!

Самодержавие в то время имело незатейливую, просто дикую, однако, как казалось власть имущим, достаточно эффективную тактику борьбы с «мятежниками»: казаки, жандармы, пули.

Вот и сейчас командовать разгоном демонстрантов прибыл сам градоначальник Клейгельс. С выражением нескрываемого презрения посмотрел на многотысячную толпу, по-деловому, не торопясь обследовал подготовленные силы – три эскадрона казаков, множество городовых жандармов – триста из них были конными. Минутку что-то вроде взвешивал-высчитывал. И с какой-то показной брезгливостью «бросил» свою черную силу в бой против безоружных людей. Засвистели плети, заблестели сабли. Озверевшие всадники с ходу врезались в толпу, давя коваными копытами первые ряды демонстрантов, пытаясь достать тех, кто был и подальше, – «для науки». Демонстранты не удержались, бросились врассыпную. Многих из них догоняли, валили с ног, волокли по мостовой, нещадно били, здесь же, у стен Святого храма, а случалось – и об колонны святилища.

Клейгельс был доволен – демонстрация довольно быстро рассеяна. Ничего, что несколько человек оставались бездыханно лежать на земле, что десятки были искалечены. Многих скрутили и отправили в тюрьму. Среди последних был и студент первого курса Петербургского технологического института Николай Скрыпник.

Вряд ли кто желал бы когда-либо, а не то что в начале своей жизни, попасть за решетку. Но Николая это обстоятельство не особенно угнетало. Он боролся за правое дело. Расправу же над собой и такими, как он, считал неправедной. Так считали и демократические силы столицы, всей страны, товарищи, оставшиеся на свободе. До заключенных дошла весть, что социал-демократы Петрограда обратились к общественности с письмом – страстным призывом поддержать требования демократов.

Власти поспешили «распорядиться» относительно арестованных. Николая Скрыпника уже в апреле 1901 г. отправили в Екатеринослав.

Все яснее становилось, что возвращение к учебе, получение высшего образования перерастает в проблему, преодолеть которую так никогда и не удастся. Впрочем, в официальных анкетах советского времени Николай Алексеевич на вопрос «образовательный ценз» собственноручно записывал: «Спг. Технологический и-т», или «образование» – «высшее»[38].

Возвращение в родной край, поближе к родительским местам, не может не растрогать. Любовался буйством весенней украинской природы и теперь уже бывший студент-технолог. Но это не приносило успокоения неугомонному сердцу. Мысли невольно возвращались к делам. А их было немало. Да и не легкими они были!

Когда-то в Екатеринославе была достаточно сильной революционная организация. И. В. Бабушкин, И. Х. Лалаянц, Г. И. Петровский – эти имена говорили уже в то время немало любому революционеру. А Екатеринославский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»! Он был одним из наиболее многочисленных, участвовал в подготовке и проведении Первого съезда РСДРП.

Однако и власти не дремали. Методически вырывали из рядов борцов радикально настроенных, отправляли за решетку, в ссылку. В то же время они относились явно терпимее к тем, кто больше говорил о революции, чем на самом деле что-то делал для ее приближения. Уже тогда начальник Московского охранного отделения С. Зубатов начал воплощение в жизнь своих планов – создание подконтрольных полиции рабочих организаций, которые не представляли реальной угрозы существующему строю.

В этих условиях в Екатеринославе смогли усилить свои позиции «экономисты», которые захватили руководство местным комитетом РСДРП. Скрыпник вместе с товарищами-единомышленниками, революционными социал-демократами начали кропотливую работу по созданию альтернативных рабочих кружков, в которых вели пропаганду подлинного марксизма.

Огромное значение в преодолении «экономизма» сыграла ленинская «Искра», первый номер которой вышел 11 декабря 1900 г. и которая на весну 1901 г. была достаточно востребованной в социал-демократических кругах, в рабочей среде. Это было одним из конкретных результатов деятельности агентов «Искры», доставлявших газету на места, присылавших информацию – материалы с мест, собиравших средства. А издание всем своим содержанием задавало революционный тон работе, сплачивало местные комитеты вокруг общих идей, придавая всему движению единое политическое направление. Как

и считал В. И. Ленин, общероссийская политическая газета может быть не только коллективным агитатором и коллективным пропагандистом, но и коллективным организатором. Выполняя последнюю функцию, агенты революционного издания постепенно консолидировали, объединяли те организации, которые воспринимали, поддерживали ленинское направление, в общероссийскую организацию «Искры», в организацию единомышленников – базу для создания подлинно революционной партии. Так стал приобретать реальные очертания ленинский план, сформулированный в первом же номере «Искры» в статье «Насущные задачи нашего движения». «Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой засыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров в одну партию, к которой потянется все, что есть в России живого и честного»[39].

Мощь партии, ее авторитет, влияние на массы, другие качества, необходимые для осуществления исторической миссии коммунистов, конечно, определялись прежде всего боевитостью, сплоченностью местных организаций. Этим и занимались самые последовательные сторонники революционно-социалистического направления в российском рабочем движении. Среди них был и Николай Скрыпник, который осенью 1901 г. вернулся в Петербург и сразу же включился в работу только что созданной искровской социал-демократической организации.

Вместе со старыми товарищами по Технологическому институту он участвует в устройстве тайников для «Искры», распространении газеты, других революционных изданий в массах, страстно пропагандирует ленинские идеи в рабочих кружках за Невской заставой, на Петербургской стороне, на резиновой мануфактуре «Треугольник».

Николай Алексеевич вспоминал то время с какой-то особой, тихой нежностью. Сколько было юношеского задора, неуемной энергии, как радовался каждому удачному выступлению перед рабочими, когда в глазах слушателей читал восприятие идей, которые пропагандировались, чувствовал строгую, скромную благодарность. И еще как беззлобно, бесшабашно смеялись над филерами, когда товарищи по организации рассказывали друг другу о том, как в очередной раз удалось ловко избавиться от «хвоста», сбить с толку верных служак самодержавия.

Однако, к сожалению, последнее удавалось не всем и не всегда. Столичная охранка выследила искровскую организацию и в ночь с 3 на 4 декабря 1902 г. совершила налет, разгромила

руководящее ядро, арестовала около 30 человек.

Н. А. Скрыпнику удалось скрыться, сменить адрес и не один раз. Таясь от жандармов, он наведывался на рабочие собрания, в бараки.

Но 2 марта, не «дотянув» 2 дня до «годовщины» первого ареста, попал-таки в руки жандармов.

Опять ссылка. Однако подальше, чем в первый раз. На этот раз в Якутию, на целых четыре года под гласный надзор полиции. Хотя всего царским охранникам выведать тогда и не удалось. Наказание было определено за организацию «студенческих беспорядков» и подготовку демонстрации.

Ничего не поделаешь. Дальняя, безрадостная дорога. Вот, правда, большая удача – новые товарищи по этапу – Ф. Э. Дзержинский, И. Х. Лалаянц, М. С. Урицкий. Жадно, словно губка, впитывал все, чему учили старшие, более опытные друзья. Вот где были настоящие уроки революционной мудрости, заменявшие многим начинающим борцам университетскую науку. А можно ли академическим путем приобрести такие прочные интернационалистские чувства, как на нарах пересыльных пунктов, когда украинец, русский, поляк, армянин, еврей согревают друг друга под хлипеньким арестантским одеялом теплом собственных тел, спасают от холодной смерти. Да и что им делить?

Полные благородного гнева рассказы Феликса Дзержинского о положении польских рабочих и крестьян лишь в незначительных деталях отличались от таких же рассказов о бедствиях армянских трудящихся. Поэтому настоящим революционерам и патриотам боль и чаяния другого народа были такими же близкими, как и свои.

Когда до Красноярска осталось несколько этапных переходов, Николай Скрыпник случайно узнал от тюремного врача, что выяснилась принадлежность его к искровской социал-демократической организации, а это обещало привлечение к суду и несомненное усиление меры наказания.

Решение пришло сразу – бежать. С товарищем по ссылке Николаем Лысиком составили план. Когда прибыли в село Маломанзурка, невдалеке от Верхоленска, еще днем заметили небольшую лодку, одиноко прижимавшуюся к берегу. В полночь вернулись к ней и тихонько отчалили в ночную тьму через неизвестную стремнину реки. Что же их ждет?.. Не оставалось ничего другого, как положиться на удачу.

И на этот раз она не подвела. Нос лодки мягко коснулся противоположного берега. А к утру друзья были уже далеко от того места. Ищите, куда пролегал их путь! «Искра» посвятила

этому побегу специальную заметку.

Беглецы хорошо понимали, что власти не простят их поступка-вызова. Они не могли знать дословного содержания депеши, разлетевшейся во все уголки России. Губернаторам, градоначальникам, оберполицмейстерам, начальникам жандармских и железнодорожных полицейских управлений предписывалось «принять меры к розыску названных Михаила Лысика и Николая Скрыпника и, в случае обнаружения, обыскать, арестовать и отправить в распоряжение якутского губернатора, известив об этом департамент». Но беглецы понимали, что подобный документ должен появиться, и о его сути сомнений не возникало.

Таясь, с большим трудом добрались до Европейской части страны. Вот и Волга, Царицын. Но задерживаться опасно. И Николай Алексеевич постоянно меняет место жительства. Саратов – Вольск – Нижний Новгород. В каждом городе постоянная смена жилья. Случайные мизерные заработки, которые и заработками назвать трудно: а что же еще могли дать случайные уроки, выполнение отдельных чертежных заказов. Постоянной работы не только не было, ее следовало и остерегаться – залог пребывания на свободе был именно в постоянных сменах места жительства, работы, даже имени.

Неизменным же при любых условиях оставалось одно – преданность революционному делу и подпольная деятельность. Где бы ни появлялся Николай Алексеевич, он обязательно входил в контакт с местными социал-демократами и благодаря присущим способностям и чертам характера: широкой эрудиции, инициативности, ораторским данным, организаторской жилке, – как правило, выдвигался в руководящие группы социал-демократических организаций.

В Саратове его хлопотами был налажен выпуск листовок и прокламаций. Когда находился в Нижнем Новгороде, решился отправить первые корреспонденции в «Искру». Поводом стали судебные процессы над сормовскими рабочими, участниками известной майской демонстрации в 1902 г., и участниками демонстрации в Саратове.

Разоблачив судебные заседания как сфальсифицированные, как фарс, передав пламенное содержание выступлений, мужество стойких революционеров, среди которых были П. Заломов, П. Моисеев и др., Н. А. Скрыпник завершал первую корреспонденцию пророческими словами: «Горько и тяжело здесь у всех на душе от этого приговора, но вместе с тем весь этот суд, и само ведение суда, и эти закрытые двери, все поведение товарищей, которых отправляют в ссылку, защитников и самих

судов невольно заставляют убеждаться, что эта “пожизненная” ссылка не будет такой. Пусть самодержавие прячется за закрытыми дверями судов, пусть оно в последней агонии отправляет в ссылку и вешает борцов за свободу, – наемной стае лживых и гнусных шпионов, продефилировавшей в суде, мы противопоставим сознательную и солидарную армию рабочего класса, и растворятся, наконец, двери всероссийской тюрьмы. Что приговор не испугает, а лишь заставит с еще большей энергией бороться каждого, в ком бурлит мысль и живое чувство, – это абсолютно ясно. И если теперь выхваченные жандармами из толпы демонстранты показали яркий пример нравственной мощи, то недалеко уже время, когда большинство осознает, что это его обязанность сказать последнее и решительное: “Долой самодержавие!”»[40]

Случилось так, что оба сообщения были помещены в одном номере «Искры» (№ 29, 1 декабря 1902 г.).

В Нижнем Новгороде задерживаться долго было тоже опасно. С помощью товарищей, в их числе был однокашник по Петербургскому технологическому институту Аносов, Н. А. Скрыпник незамеченным выехал в Самару. Одновременно выполнял партийное задание – передал самарцам, которые представляли один из крепких искровских центров – «Самарское бюро «Искры»», тысячу рублей от новгородских социал-демократов, собранных для революционной работы.

«Самарское бюро “Искры”», или же Центральный комитет, возглавляли супруги – Глеб и Зинаида Кржижановские. Комитет опирался в своей работе на достаточно широкий актив агентов, корреспондентов «Искры», местных социал-демократов, находившихся в то время в Самаре. Среди них В. Невзоров, С. И. Радченко, В. П. Арцыбушева, Д. И. Ульянов, М. И. Ульянова.

Николай Алексеевич обрадовался, что вокруг оказалось столько единомышленников. Но сразу пришлось решать и иные задачи: переправить «транспорт» – искровскую литературу из Киева в Харьков. Конечно, рискованно, но в то же время, постоянно перемещаясь, только и можно было запутать жандармов. И привык к риску за время революционной деятельности. По дороге в Киев волновался мало – ехал «чистым». До Харькова же все время делал вид, что спит на скамейке, подняв воротник, надвинув на глаза шляпу. Украдкой, из-под ресниц, не выпускал из поля зрения коричневый чемодан с «товаром», который, нарочито открыто, поставил у всех на виду. А в чемодане между тем было двойное дно. И если бы жандармы, входившие на станциях, заподозрили что-то неладное… Не предвещал ничего хорошего и обыск – ведь под рубашкой в

специальном поясе были упакованы важные бумаги. Однако «пронесло». Передал товарищам из Харькова «транспорт» и уже на следующий день выехал в Самару.

Тем временем началась непосредственная работа по подготовке ко II съезду РСДРП. Большая роль в деле консолидации социал-демократических сил на искровской платформе отводилась Оргкомитету по созыву съезда, который был создан в ноябре 1902 г. по инициативе В. И. Ленина. В организационный комитет вошел и Г. М. Кржижановский. Вскоре он получил письмо от В. И. Ленина, в котором выдвигалась задача: «Обдумайте атаку на центр, Иваново и др., Урал и Юг»[41].

Выполняя ленинскую установку, Кржижановский решил предложить выехать на Урал среди ряда партийных работников и Скрыпнику. Тот же не имел привычки обсуждать поручения и, не колеблясь, в начале апреля 1903 г. отправился в Екатеринбург. Он застал там непростую ситуацию. Социал-демократы Урала все еще не избавились от взглядов «экономизма», более того, они образовали странный союз – симбиоз с эсерами, получивший название «Уральский союз социал-демократов и социалистов-революционеров», который пытался совместить в своей деятельности мелочные экономические требования с призывами к индивидуальному террору.

Рабочее же движение уже давно переросло узкие рамки, в которые его хотели втиснуть вожди-«экономисты», на самом деле отстаивавшие хвостистские позиции. Н. А. Скрыпник это сразу понял и дал подробный анализ положению в направленной в «Искру» корреспонденции (подписывался он тогда фамилией Глассен) о столкновении с властями рабочих Златоуста.

«Время идет, – писал Николай Алексеевич, – растет голодная армия безработных, умножаются болезни и смерти (самых пораженных инфекционными болезнями в Пермской губернии было 13 800; в Уфимской губернии умирает 56 % детей), призрак голодной смерти встает перед истощенным рабочим… А помощи все нет, ни от кого, ни от царя небесного, ни от царя земного…

И мучительным, долгим путем вырабатывается в сознании рабочего убеждение, произвольное или под влиянием, неизвестными путями распространяемых идей: “Если не могут помочь царь небесный и царь земной, не остается ли нам самим о себе подумать? Не просить, а требовать! Не жаловаться, а бороться! И бороться не забастовками – на Михайловском заводе рабочие забастовали, но правление закрыло завод, и рабочие разбрелись, кто куда, в поисках работы… Не нужна экономическая борьба! Нужна революция!” – писал осужденный на каторгу Киселев в своем письме ко всем рабочим, и эти слова

выражают все более распространяемое убеждение с каждым разом большей массы. И первые вспышки живительной приближающейся грозы уже сверкают на нашем свинцовом небосклоне, предвестниками грозных громовых ударов раздаются выстрелы Златоустовского вооруженного столкновения»[42].

Рассказав о столкновении тысячной толпы рабочих с войсками губернатора и начальника горного управления, от которых требовали освобождения четырех арестованных рабочих Златоуста, а в ответ получили ружейные залпы, сабли и копья городовых, десятки погибших пролетариев, автор размышлял: «Что будет дальше? Положение здесь, на Урале, теперь критическое. Закованные в тяжелые кандалы крепостничества, административного произвола и “боярского”, посессионного капитализма, уральские рабочие на краю пропасти. И вероятность грозного стихийного взрыва возрастает с каждым днем. Задача революционера социал-демократа – переделать девиз стихийного взрыва “Хлеба и работы!” на девиз революционного восстания “Жить свободными, или умереть в борьбе!” Задача наша – внести сознательность и организованность в это движение, слить местное движение с движением всего рабочего класса России и, став во главе этого революционного потока, повести на штурм самодержавия»[43].

Н. А. Скрыпник приходил к вполне определенному выводу, что болтовня на тему о вооруженном сопротивлении в эпоху массовых вооруженных столкновений, об «открытой борьбе» кучек террористов является пустой. «…Ад устилают этими благопожеланиями, а не русло революционного движения! – подчеркивал он. – Жизнь требует здесь действительно революционной организации, которая под четко обозначенным флагом революционной социал-демократии объединит рабочий класс на Урале против всенародного врага и поведет его на борьбу и на победу»[44].

За короткое время Николай Алексеевич и несколько его товарищей добились ощутимых сдвигов: установили связи с теми, кто склонялся к их позиции, организовали кружки на предприятиях целого ряда городов Урала, привлекли на свою сторону многих и многих рабочих, группируя их вокруг «Уральского союза». Постепенно «искровцы» взяли под свой контроль все связи с основными пролетарскими центрами Урала, с крупнейшими предприятиями. Работа была проведена действительно титаническая, но по прошествии лет (в 1921 г.) она казалась Николаю Алексеевичу почти обыденной: «Нам повезло отцепить от екатеринбургского “Объединения” почти всех рабочих, а когда у эсеров большинство провалилось, к нам

перешли почти все рабочие кружки. Я поехал в Пермь, оформил отделение с.-д. от эсеров, – и тем самым Уральский союз был похоронен не только фактически, но и формально. В Н.-Тагиле и в других местах повезло организовать группы и связать их…»[45]

Созданный летом 1903 г. в Екатеринбурге при участии Н. А. Скрыпника Среднеуральский комитет РСДРП твердо заявил о своей солидарности с «Искрой».

Деятельность энергичного молодого революционера не могла не привлечь внимания охранных служб. «К этому времени, – вспоминал Скрыпник, – концу лета 1903 года – Екатеринобургская почва под моими ногами стала горячей, однажды я убежал от шпиков, только проскользнув через “веселый дом”, ибо так пристально уже за мной следили. Однажды полиция даже арестовала меня, но я убежал. Пришлось немедленно выезжать из Екатеринбурга»[46].

На короткое время остановился в Киеве, где встретился с Г. М. Кржижановским, избранным II съездом РСДРП членом ЦК партии, и двинулся еще дальше на юг – в Одессу.

Так уж получилось, что Одесса стала одним из опорных пунктов большевиков в развернувшейся борьбе за влияние на местные социал-демократические организации после II съезда партии. Крупный портовый город с достаточно развитой промышленностью, многочисленным отрядом рабочего класса в начале века нередко взрывался масштабными классовыми столкновениями. В частности, забастовки становились здесь все более организованными, политически острыми, заканчивались упорным сопротивлением хорошо вооруженным властям.

Конечно, большевики всегда стремились работать прежде всего там, где была сосредоточена большая масса пролетариев, там, где кипение революционных страстей достигало высоких отметок. Поэтому в Одессу в это время прибыла и работала там целая когорта ленинских сторонников – В. В. Воровский, Р. С. Землячка, Л. М. Книпович, И. Х. Лалаянц и др. Присоединился к ним и Н. А. Скрыпник.

Деятельность Одесской организации находилась в поле постоянного внимания В. И. Ленина. Так, когда в августе 1903 г. комитет в своем воззвании «К рабочим и работницам города Одессы» ошибочно призвал к бойкоту выборов фабричных старост, большевистский лидер посоветовал пересмотреть позицию и выпустить листовку с изложением принципиальной партийной линии. Комитет воспользовался ленинскими советами и в новой листовке сформулировал тактику участия социал-демократов в выборах фабричных старост.

Тем временем общая ситуация в партии значительно

осложнилась. Меньшевики осенью 1903 г. закрепились в редакции «Искры» и Совете партии. В. И. Ленин в таких условиях оставил редакцию

«Искры» и через ЦК РСДРП прилагал усилия для укрепления местных партийных организаций, укрепления в них большевистского влияния. Одесская организация стала в этом одной из ключевых.

В ноябре Одесский комитет принял решение о своей солидарности с большевистской частью партии и осуждением действий меньшевиков. «Наша позиция, – говорилось в письме, направленном в “Искру”, – позиция большинства съезда. Одесский комитет стоит именно на той политической позиции, которую теперь представляет Ленин».

Сразу после приезда Н. А. Скрыпник с головой погрузился в партийную работу. Войдя в состав Одесского комитета, он, прежде всего, стал налаживать связи, сплачивать вокруг партийных ячеек рабочих. «Я был организатором района Молдаванка – Каменоломни – Пересыпь, а дальше и порта, – писал Николай Алексеевич в автобиографии. – Сначала организация имела очень немного связей, но дальше связи на заводах распространялись, – кружки были почти на всех заводах и фабриках. На Пересыпи связи организовал я сам, – пойдя (устроившись. – *В. С.)* для этого рабочим. Особенно напряженно работа шла в каменоломнях, где зимой мне посчастливилось организовать большие массовки рабочих, до нескольких сотен человек, а также в порту. В порту посчастливилось наладить связи с пароходными командами, в конце 1903 г. через них распространял массу литературы среди солдат, которых отправляли на Дальний Восток, очевидно, предвидя японскую войну»[47].

Прочная опора на рабочих позволяла большевистскому крылу комитета определять главные направления его деятельности, оказывать решающее влияние на постановку партийной работы. Поэтому, например, когда в Одессу прибыл И. Ф. Дубровинский, стоявший на позициях примиренчества, комитет отказался от включения его в свой состав.

Постепенно становилось яснее, что выход из кризисной ситуации, сложившийся в результате раскола партии на большевиков и меньшевиков, следует искать на пути созыва нового, III съезда партии. Значительную роль в его подготовке сыграли одесские большевики, созданное здесь Южное бюро ЦК РСДРП. Но когда подготовительная работа к съезду приобрела конкретное содержание, Н. А. Скрыпник уже покинул Одессу – опасность ходила рядом, дышала в затылок, «улизнуть» от

шпионов становилось делом практически безнадежным. Прибыл в Киев, снова встретился с супругами Кржижановскими и сразу почувствовал, что за ним следят. Недавний провал Киевского комитета убедительно свидетельствовал, что охранка здесь не дремлет. Тайно перебрался в Екатеринослав, где накануне комитет распался. Что ж, и здесь следует возобновлять работу. Острые, напряженные дискуссии с меньшевиками склоняли в глазах рабочих чашу весов в пользу большевиков. Укрепив свои позиции на Юге, было решено консолидировать усилия и провести конференцию южных комитетов большинства. Скрыпника избрали ее делегатом, но при выезде из Екатеринослава не повезло – был арестован.

Приговор суда – ссылка на пять лет в Камский округ Архангельской губернии (на восток прекратили ссылки из-за русско-японской войны). По дороге заболел. Состояние было тяжелым, но молодой организм, похоже, побеждал недуг. Не докучали и жандармы – пусть болеет, вон сколько их скончалось, пока добирались до места ссылки! А это еще один верный претендент на такую же судьбу.

Этим и воспользовался. Собрал небогатые пожитки и углубился в тайгу. Ноги еще не совсем окрепли, сказывалась усталость, иногда грудь разрывал кашель, отдавался острой болью в голове. Но стремление к свободе поднимало будто на крыльях и несло дальше и дальше от Онеги, туда, где друзья, где борьба, где тебя всегда ждут.

II. В революционных водоворотах

В памяти мелькает нескончаемый калейдоскоп переездов с места на место. Нелегальных, без всяких гарантий добраться до следующего пункта. С постоянной угрозой ареста. С неугасимым нервным напряжением.

Видимо, привыкнуть к состоянию перманентной опасности нельзя. Однако можно закалить себя, приобрести опыт вести себя так, чтобы не привлекать внимания охранки, или же вводить ее в заблуждение, играя некую роль – прикрытия. Сколько и каких ролей пришлось изменить – вспомнить уже и нельзя. Иногда их было даже несколько в течение одного путешествия, такого как, например, с Севера – от самой Онеги в Одессу. Правда, хотел остановиться в Ярославле или в Москве, но не смог связаться с местными организациями РСДРП, которые накануне перенесли болезненные провалы.

И вот – снова колоритный черноморский город. Однако привычные мартовские приготовления к курортному сезону как-то совсем уж не похожи на прежние. Изменилась обстановка на улицах, время от времени заполняемых толпами народа. Здесь и там вспыхивают митинги, взметаются красные флаги. В стране набирает силу революция, начало которой положили трагические, кровавые события 9 января 1905 г.

Революция подтолкнула к более четкому определению позиций членов организации РСДРП, которая в Одессе оказалась объединенной. После неудачной попытки овладеть комитетом меньшевики пошли на открытый раскол и 11 января 1905 г. основали при поддержке примиренцев в ЦК «Одесскую группу при ЦК РСДРП». Ситуация параллельного существования двух самостоятельных организаций – руководимого Одесским комитетом РСДРП объединения большевиков и Одесской группы при ЦК РСДРП, состоявшей из меньшевиков, просуществовала вплоть до начала ноября 1905 г.

Одесский комитет РСДРП стремился всячески сплачивать трудящихся, объединять их усилия, готовить к решающим выступлениям. Необходимо было вести неустанную разъяснительную работу, оперативно выпускать листовки по злободневным вопросам, определять направления борьбы, предлагать принятие конкретных мер, осуществление вполне определенных шагов и акций. И здесь очень кстати пригодился опыт Николая Алексеевича, как всегда, сразу же с головой ушедшего в работу. А революционная обстановка служила дополнительным стимулом, прибавляла сил – и дела спорились.

Один из тогдашних руководителей Одесского комитета большевиков Л. М. Книпович в письме к В. И. Ленину отмечала, что деятельность Н. А. Скрыпника производит хорошее впечатление. Усилиями В. В. Воровского, И. Х. Лалаянца, Л. М. Книповича, Н. А. Скрыпника удалось наладить достаточно эффективную работу ячеек в различных районах города, укрепить связь с рабочими, усилить влияние в их среде.

На это же время приходится завершающий этап подготовки III съезда РСДРП. Меньшевики, которым удалось взять под свой контроль центральные органы партии, не желали созыва партийного форума. Но с развитием революционных событий они испытывали все большее давление со стороны рядовых членов партии, требовавших разработки четкой линии поведения, ясной и действенной, а главное – единой тактики. Даже некоторые меньшевистские комитеты вынуждены были при таких обстоятельствах высказаться за созыв съезда. Тогда меньшевистский ЦК сманеврировал и решил предложить Бюро комитетов большинства (БКБ) провести переговоры о совместном созыве съезда. В. И. Ленин, который достаточно быстро разгадал «дипломатию» меньшевиков, выступил с решительным предостережением против уступок меньшевикам, за самостоятельный созыв съезда.

Но ленинские советы не сразу были восприняты. Часть членов Одесского комитета РСДРП не устояла перед настоятельной позицией Л. Б. Красина, имевшего тогда примиренческие настроения, и согласилась на создание Организационного комитета по созыву съезда из представителей от БКБ и от ЦК, приняла соответствующее соглашение. Николай Алексеевич занял принципиальную позицию относительно такого шага, в специальном заявлении в Одесский комитета РСДРП подверг решение примиренцев аргументированной критике. «Соглашение между Бюро и ЦК можно, разумеется, лишь приветствовать к[а]к ср[едст]во для приглашения на съезд всех партийн[ых] организаций, могущих (и долженствующих) быть представленными на съезде, – писал он. – Но вместе с тем мы, стоящие на партийной точке зрения и лишь в победе этой партийной точки зрения видим conditio sine gua non (непременное условие. – *В. С.)* партийного существования Рос[сийской] с[оциал]-д[емократ]ии, можем признать, что всякого рода соглашения лишь тогда полезны для партии, когда их условия партийны.

М[ежду] тем один из пунктов соглашения между ЦК и БКБ я не считаю партийным, именно параграф 3: “санкционируется организационная работа по созыву 3-го парт[ийного] съезда,

выполненная до сих пор БКБ”.

Работа БКБ находит свое оправдание в современном положении дел в партии. Формальную санкцию ей мож[ет] дать не ЦК (окончательно себя дискредитировавший в глазах партии своей борьбой против съезда), но, если таковая санкция требуется, лишь партийный съезд. Партийную санкцию мож[ет] дать верховный орган партии. Теперешние центральные] уч[режде]ния перестали быть верховными органами партии, вследствие своей борьбы против съезда. С их “санкциями”, к[а]к и с их “резолюциями” БКБ не может и не должно считаться»[48].

В то же время Н. А. Скрыпник высказал ряд критических замечаний в адрес Бюро комитетов большинства, допустившего в подписанном с меньшевистским ЦК соглашении неоправданные уступки, которые могли негативно сказаться как на составе очередного съезда, так и на характере его работы и содержании решений.

Николай Алексеевич снискал огромный авторитет среди товарищей по организации и среди рабочих. Поэтому одесские большевики считали вполне закономерным предоставить ему возможность принять участие в работе III съезда РСДРП. А мандат от Одесской организации в то время приобрел особое значение. Дело в том, что в условиях острейшей борьбы с меньшевиками за каждое место на съезде, делегатом от Николаевской организации РСДРП вначале избрали В. И. Ленина. Однако там параллельно существовало два комитета – большевистский и меньшевистский, в связи с чем существовала угроза обжалования выборов со стороны меньшевиков. Большевики же, естественно, хотели исключить любой риск: мандат вождя партии должен был быть бесспорным. Поэтому по согласованию Одесского и Николаевского комитетов было решено поменять обладателей мандатов – мандат Одесского комитета, который получил В. В. Воровский, передать В. И. Ленину, а мандат Николаевского комитета (то есть В. И. Ленина), наоборот, передать В. И. Воровскому[49].

Таким образом, Н. А. Скрыпник представлял на III съезде РСДРП Одесскую организацию вместе с В. И. Лениным. Он получил право совещательного голоса, «хорошо знакомого с периферией». При этом Николай Алексеевич проявил незаурядную активность.

В протоколах партийного форума зафиксированы его выступления: об отколовшейся части партии, об отношении к национальным социал-демократическим организациям (дважды), о пропаганде и агитации, выступления с поправками к отчету ЦК РСДРП (дважды) и при обсуждении резолюции «По поводу

событий на Кавказе».

На съезде, совершившем весомый вклад в разработку революционной стратегии и тактики большевизма, Скрыпник впервые встретился с Лениным. Он по-прежнему безоговорочно поддерживал революционное, ленинское направление в российской социал-демократии. Личные же впечатления от наблюдений за Владимиром Ильичом, от общений с ним еще больше утвердили Николая Скрыпника в правильности выбранного пути. Это убедительно показали и все его выступления на съезде.

Так, решительно поддержав проект резолюции В. И. Ленина и М. М. Литвинова об отношении к меньшевикам, Николай Алексеевич настаивал на том, чтобы кроме четко определенных задач борьбы с меньшевистской идеологией в резолюцию были включены вполне определенные положения касательно организации «меньшинства» как отколовшейся части партии, а не только как представителей меньшевистских взглядов. В то же время он предлагал сделать все, чтобы завоевать тех рядовых членов партии, которые до этого шли за меньшевиками, обеспечить партийные формы идейной борьбы внутри РСДРП на равных для всех условиях членства в ней.

Будучи выходцем из Украины, работая в местных организациях, Н. А. Скрыпник на III съезде партии впервые заявил о себе и как знаток национальной борьбы. В частности, он последовательно отстаивал положение о том, что право заключения соглашений с национальными социал-демократическими организациями может являться только прерогативой ЦК, а боевые соглашения с эсеровскими организациями допустимы лишь при определенных условиях и только под контролем ЦК.

Скрыпник предлагал внести в резолюцию о пропаганде и агитации тезис о необходимости издания литературы на национальных языках – украинском, польском, еврейском и др. Он высказался и за действенную поддержку освободительной борьбы закавказских рабочих и крестьян, за подготовку в стране вооруженного восстания, вооружение с этой целью трудящихся[50]. Примечательно, что во всех своих выступлениях Николай Алексеевич довольно удачно оперировал аргументами, заимствованными из практики партийной работы в Екатеринославе и Одессе.

Принятые III съездом РСДРП решения нацелили партию на осуществление буржуазно-демократической революции с перспективой ее перерастания в социалистическую. Важное значение имели разработанные съездом положения о гегемонии

пролетариата в революции, его союзе с крестьянством, о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, о временном революционном правительстве, о вооруженном восстании. Съезд заменил мартовскую формулировку пункта 1 Устава партии на ленинскую, что способствовало повышению уровня организованности, боеспособности РСДРП, так необходимых в революционную эпоху.

Решения III съезда партии способствовали идейному и организационному укреплению партийных организаций, их численному росту, усилению влияния на массы. На местах с пониманием, отчасти даже с энтузиазмом воспринимались лозунги большевиков, предлагаемая ими тактика, поддерживались отчеты и выступления делегатов съезда, положения ленинской работы «Две тактики социал-демократии в демократической революции», в которой были подведены, разъяснены результаты работы съезда партии и опровергнута линия поведения меньшевиков.

После завершения съезда Н. А. Скрыпник на короткое время прибыл в Одессу, сделал отчет о своем участии в работе высшего партийного форума и сразу переехал в Петербург. Такова была воля Центрального комитета. Николай Алексеевич сначала работал секретарем партийного комитета Нарвского района, а вскоре стал и секретарем столичного комитета РСДРП. По поручению Центрального комитета в России вошел в состав технической группы, которая занималась налаживанием связей с рабочими, организацией боевых отрядов, их вооружением.

Наступал момент для практической реализации установок III съезда РСДРП. Скрыпник хорошо понимал, что важно не только агитировать за будущее вооруженное восстание, а заняться его организационно-технической подготовкой. По его инициативе в Петербурге создается Боевой комитет, члены которого назначались городским комитетом и утверждались ЦК партии. Боевой комитет поставил цель создать боевую организацию. Последняя, согласно представлениям Н. А. Скрыпника, должна была состоять из вооруженных боевых рабочих дружин, к которым бы присоединялись, по мере их вооружения, также и все члены заводских кружков с целью приведения всей организации в боевое состояние. Николай Алексеевич не только направлял эту работу, но и сам непосредственно реализовывал замысел. Он находил организаторов боевых дружин, устраивал склады для оружия, участвовал в поиске необходимых средств, в закупке оружия, в том числе и за рубежом, в изготовлении простых видов вооружения. Но наибольшую заботу Николай Алексеевич

проявлял в деле поиска и обучения кадров, способных обеспечить решение военно-боевой работы. Эта задача оказалась самой сложной. Основываясь на решениях III съезда РСДРП, ленинских установках, адресованных инструкторам военного дела, Скрыпник разработал специальную программу занятий, которой предусматривалось овладение такими знаниями, как задачи социал-демократии по подготовке вооруженного восстания, прогнозы возможного развития российской революции, тактика и техника уличной борьбы и тому подобное[51].

В то же время Н. А. Скрыпник втянулся в активную дискуссию с меньшевиками, не разделявшими курса на военно-техническую подготовку восстания, считавшими невозможным вооружить сколько-нибудь значительную часть трудящихся, недооценивавшими качественной стороны подготовленных к практическим действиям боевых дружин. В статье «Задачи вооружения» Николай Алексеевич отмечал, что социал-демократия и не ставит перед собой задачу массового вооружения населения. «Массу мы вооружим во время восстания, – отмечал он, – когда наши боевые кружки во главе массы пойдут на всякие оружейные магазины и склады и захватят их. Просто глупо было бы задаваться тем, чтобы вооружить массу. Для массы мы возьмем оружие у правительства в его арсеналах…

“Где нельзя силой взять, там надо ухваткой!” – нам сказал дедушка Крылов. Если мы не можем составить достаточного числа или кадра вооруженных рабочих, мы возьмем качеством организации имеющихся кадров.

Прочная, дисциплинированная, представляющая единую силу и состоящая из преданных, беззаветных, осознающих свои задачи и умеющих постоянно ориентироваться в событиях рабочих, боевая организация – вот тот рычаг, с помощью которого мы перевернем отживший мир всероссийского произвола.

Не в том ее задача, чтобы “**заменять**” массу – прочь всякие бланкистские мечтания о “делании революции!” Нет. Наша социал-демократическая рабочая боевая организация может действовать в массе, с массой, во главе массы. Она может быть сильна именно тем духом огненной ненависти и беззаветного стремления, который нарастает в рабочем классе не по дням, а по часам и который поведет рабочие массы на улицу, на борьбу, на баррикады»[52].

Призывая к созданию боевых дружин, в качестве злободневных задач Н. А. Скрыпник предлагает рабочим: «Если хотите победить в приближающемся последнем бою… с царским произволом и насилием – организовывайтесь для этого. Без организации – вы бессильная толпа отдельных единиц. В

организации – вы сила, которая сможет бороться и победить»[53].

Как ответственное лицо в подготовке к вооруженному восстанию, Скрыпник сделал специальный доклад Петербургскому комитету РСДРП и послал соответствующий отчет боевого комитета в ЦК РСДРП, Ленину. Следует отметить, что подходил Николай Алексеевич к оценке результатов проведенной работы очень критически, считал, что практические достижения здесь, с точки зрения важности поставленной цели, слишком незначительны. Поэтому он подчеркивал: «Жизнь требует от нас деятельной работы по подготовке вооруженного восстания. Чем дальше, тем больше выясняется грозный жизненный ультиматум:

Или социал-демократия разовьет широкую работу по подготовке восстания;

Или социал-демократия останется за бортом жизни в стремительном ходе революции.

Наш ответ может быть только один:

Ни от одной из огромных задач, возлагаемых на нее жизненными интересами пролетариата, социал-демократия не может отказаться и не откажется. Пропаганда и агитация, организация всех сил пролетариата в его борьбе, организация фактической силы рабочего класса для восстания – все эти грандиозные задачи должна социал-демократия наверстать и, напрягая все свои силы, выполнить»[54].

Николай Алексеевич вносил немало конкретных предложений, направленных на улучшение деятельности по военно-технической и организационной подготовке восстания, в частности по совершенствованию работы Боевого комитета, уточнению его структурного построения.

Ленин очень внимательно следил за подготовкой восстания в Петербурге, оперативно отреагировал на корреспонденцию Скрыпника. 16 октября он обратился к Боевому комитету с письмом. «Дорогие товарищи! – писал большевистский лидер. – Очень благодарен Вам за присылку 1) отчета Боевого комитета и 2) записки по вопросу об организации подготовки восстания + 3) схемы организации. Прочитав эти документы, я счел долгом прямо обратиться к Боевому комитету для товарищеского обмена мнений. Нечего и говорить, что о практической постановке дела я судить не берусь; что делается все возможное при тяжелых русских условиях, в этом не может быть сомнения»[55].

В то же время Ленин сумел сразу же уловить и довольно досадную тенденцию – увлечение руководства Боевого комитета формальной стороной дела, склонностью к канцелярщине, бумажной волоките. Поэтому он сразу же выразил по этому

поводу естественное беспокойство: «В таком деле менее всего пригодны схемы, да споры и разговоры о функциях Боевого комитета и правах его. Тут нужна бешеная энергия и еще энергия. Я с ужасом, ей-богу с ужасом, вижу, что о бомбах говорят *больше полгода* и ни одной не сделали! А говорят ученейшие люди… Идите к молодежи, господа! вот одно единственное всеспасающее средство… Основывайте *тотчас* боевые дружины везде и всюду…»[56]

Стоит добавить, что далеко не все в Петербургском комитете РСДРП готовы были к рутинной работе по подготовке восстания. Идя навстречу митинговым настроениям, заполонившим массы, немало партийных работников увлеклись агитационной работой, участием в бесконечных митингах, собраниях, манифестациях. Другие направления деятельности отошли на второй план. У Н. А. Скрыпника на этой почве возникли определенные недоразумения и споры с коллегами по Петербургскому комитету РСДРП.

Именно в это время ЦК партии решил направить Николая Алексеевича в Рижскую организацию, по инициативе которой форсировалась подготовка к вооруженному захвату Усть-Двинской крепости. Так, накануне решающих событий, в октябре 1905 г. Скрыпник оставил столицу.

В то время эпицентром революционного взрыва мог стать и периферийный город. Это показали октябрьские забастовки, мощной волной прокатившиеся из конца в конец огромной страны.

В условиях кипения народного гнева, желая любой ценой сбить силу революционного натиска, царизм вынужден был пойти на уступку. 17 октября 1905 г. был провозглашен Манифест, согласно которому в стране вводились демократические свободы и планировался созыв Государственной думы, наделенной законодательными функциями. Многие готовы были квалифицировать вынужденный шаг царизма как огромную победу, как введение конституционного строя.

Но большевики несколько иначе восприняли причины и содержание царских «милостей», сразу же взялись за их разоблачение как шага, призванного лишь выиграть время и, собрав резервы, обрушиться на революционные силы. Большевики стремились использовать завоеванные позиции для дальнейшего давления на самодержавие. Радикальным же условием такого давления было вооружение трудящихся, уровень их готовности к восстанию. Недостаток опыта в этом деле, определенная переоценка имеющихся сил, настроения революционного нетерпения, случалось, приводили и к нежелательным

последствиям. Так произошло и в Риге, где не подготовленные как следует, революционно настроенные артиллеристы Усть-Двинской крепости выступили преждевременно, не дождавшись организованного вооруженного восстания. Солдаты были разоружены, в городе начались массовые репрессии, в тюрьмы бросались все заподозренные в неблагонадежности, а также те, что попадали в руки охранки.

Как ни сложно было избежать в таких условиях ареста, Николай Скрыпник – в то время достаточно опытный конспиратор-подпольщик – смог-таки остаться на свободе. Некоторое время надежно укрывали товарищи. И когда судебные власти заочно вынесли смертный приговор (хотя и не установили настоящей фамилии), решил перебраться в другое место. Путь пролег в Ярославль.

Казалось, главная опасность уже позади. Удалось установить надежные контакты с местной организацией, с рабочими ряда предприятий, добыть достаточно высокого качества паспорт на имя крестьянина Магнуса. Но всего, пожалуй, никогда не предусмотришь. В доме, где Николай Алексеевич снял угол, среди проживающих там студентов-эсеров, оказался провокатор. Он сообщил полиции о подготовке к побегу из местного исправительного арестантского отделения нескольких политических заключенных.

Полиция совершила налет неожиданно. Проекты резолюций конференции комитетов большинства, в подготовке которой принимал участие Н. А. Скрыпник, ни спрятать, ни уничтожить не успели, и они стали важным доказательством причастности Николая Алексеевича к революционному, антисамодержавному движению. Хотя к организации побега из тюрьмы он никакого отношения не имел, ничего даже не слышал, его тоже арестовали, бросили в каземат и, недолго разбираясь, решили снова выслать в Сибирь. На этот раз этапный путь должен был дойти до Туруханского края Енисейской губернии. Срок ссылки – пять лет.

Что ж – частые неудачи способны сломать кого угодно, многих они могут заставить отречься от поставленной цели, многих бросить в сети депрессии. Но, пожалуй, Николай Скрыпник был вылеплен из особого человеческого материала. Из такого материала, который делает личность несгибаемым революционером, вместе с единомышленниками прокладывающим дорогу в будущее. И он не сник, не упал духом. Едва этап миновал Енисейск, сентябрьской ночью сбежал и через несколько дней оказался в Красноярске. Быстро вошел в местную организацию РСДРП, как всегда, ушел в дела. Товарищи немало рассказывали о Красноярской республике, существовавшей в

течение 25 дней на рубеже 1905 и 1906 гг. Тогда здесь властью был Совет рабочих и солдатских депутатов, явочным путем введены демократические свободы, осуществлены меры в интересах трудящихся.

Теперь революция была на спаде. Но отказываться от нее большевики и не думали. Вооруженные методы борьбы надлежало заменить другими. И Николай Алексеевич целиком отдается избирательной кампании во Вторую государственную думу. Сделав критические выводы из неудачи по бойкоту выборов в Первую думу, большевики решили принять участие в новых выборах и использовать кампанию для разоблачения сущности существующего строя, воспользоваться трибуной Думы в интересах трудящихся, в интересах революции.

Не всем и не сразу легко давалась тактика парламентаризма. В среде большевиков по этому поводу также нередко возникали определенные споры и недоразумения. Вопросы выработки и осуществления последовательно революционной линии активно обсуждались на заседаниях комитета, на собраниях в разных аудиториях.

Николай Скрыпник, как правило, был активным участником таких дискуссий, говорил горячо, взволнованно, страстно. В полемическом пылу, казалось, не способен был особенно наблюдать за теми, кто собирался вокруг. Но вот почувствовал на себе чей-то внимательный, проницательный взгляд, повернул голову и на мгновение даже запнулся.

Так, пожалуй, бывает рано или поздно у каждого человека. Встречается на жизненном пути множество хороших людей: общие взгляды, общие дела, длительное общение, задушевные разговоры сближают с ними, делают верными друзьями, такими, что, кажется, преданнее и быть не может. И внезапно случаются такие глаза, такой взгляд, которые в один миг говорят столько, что сердце вдруг и навсегда теряет покой и потому меняется весь мир, все его восприятие. Более того – весь мир с этого момента вроде концентрируется в этом единственном человеке, без него он вообще кажется невозможным и даже бессмысленным.

Николая Скрыпника тогда огненной молнией обожгла мысль – это же она, о которой мечталось ночами и бесконечными днями в сырых казематах. Он раньше не знал, как она будет выглядеть, черноволосой будет, или белокурой, горделиво-стройной или миниатюрно-хрупкой… Но верил, фатально верил в то, что она где-то есть, и так же, как и он, стремится найти его, только его.

…После заседания возвращались домой уже вместе. И говорили о жизни, о ее смысле, о своем месте в ней. В чем-то взгляды совпадали, в чем-то отличались, однако вызывали

понимание и уважение. Казалось, что это вовсе и не первая встреча, не первый разговор. А возможно, во многом так было и на самом деле, если учесть, что сейчас вслух звучало то, о чем мысленно они говорили друг с другом годами. И все выразительнее говорили чувства, говорили сердца.

Звали девушку с внешностью и манерами курсистки Марией. Марией Николаевной Межевой. Вскоре и на всю жизнь она станет Марией Николаевной Скрыпник. Пройдет с мужем нелегкими жизненными тропами через лишения подполья и триумф революции, через глубокое уважение и безосновательные обвинения. А еще приходилось все время расставаться. Кто-то посчитал, что редко какому революционеру удавалось работать в подполье больше года, большинству же приходилось несколько месяцев – достаточно эффективно работала охранка.

Вот и Николая Скрыпника снова арестовали. Было это в феврале 1907 г., прямо на улице, после предвыборных собраний, на которых выступал с разъяснением большевистской тактики во Вторую государственную думу. Правда, как случалось не раз, настоящего имени не узнали – Н. А. Скрыпник в то время проживал по паспорту крестьянина Засицкого. А может быть, особо и не хотели узнавать. Царизм жестоко мстил революции, чинил лютую расправу над всеми прогрессивными элементами. Что касается большевиков, чья позиция была наиболее радикальной, то их ждали особые испытания. Правительство поставило цель физически уничтожить партию, разбить все ее организации. На это, прежде всего, были направлены многочисленные карательные экспедиции, черносотенные погромы, деятельность военно-полевых судов. Потому у властей никаких колебаний не было – и Николая Алексеевича снова высылают в Туруханский край. Опять на те же, уже привычные по приговорам, пять лет.

И по привычке, с первых шагов этапного пути стал готовиться к очередному побегу. Однако возможность выпала не скоро. Пришлось достичь Туруханска. А уже там, сделав запас продовольствия и разжившись плохонькой лодкой, хмурым октябрьским днем пустился в, казалось, почти безнадежное путешествие. До железной дороги было 1200 длинных верст. На дворе стояла пасмурная, холодная сибирская осень. Сотни километров – ни жилища, ни единой живой души.

Что же поддерживает в такие моменты человека, придает сил, способность преодолевать усталость, шаг за шагом приближаться к желаемой цели? Пожалуй, прежде всего – это жажда свободы, неукротимость характера, непоколебимая вера в правоту избранного пути. Прогресс человечества вообще вряд был бы

возможным, если бы оно не рождало таких сыновей, превыше всего ставивших стремление к свободе и справедливости, борьбу за счастливую судьбу общества. И ошибкой было бы считать, что для людей как бы не существует стремления к счастью в меньшем измерении – счастья личного, счастья для своей семьи, для своего дома. Просто сердца у таких людей чрезвычайно чувствительны к боли и страданиям не только ближайшего окружения, а целых народов, всех обиженных и обездоленных. И вообще, наверное, проблематична возможность любви ко всему человечеству без такого же искреннего светлого чувства к конкретным личностям.

Николай Скрыпник понимал, душой чувствовал, что он нужен на свободе не только товарищам по борьбе, но и ей – его любимой Марии. Перед глазами то и дело вырисовывался ее образ – умные, проницательные глаза, которые могли так ласково улыбаться, длинная русая коса…

Да, он всей душой неудержимо рвался к ней, хотел как можно быстрее увидеть ее. А сколько хотелось ей рассказать! Пока же разговаривал с ней мысленно. И представлял реакцию на каждое рассуждение, на каждое слово. Может потому длинные, холодные, дождливые дни и ночи в абсолютном одиночестве казались не такими изнурительными и угнетающими. А каждый взмах весла над Енисейской бесконечностью, каждый шаг в таежной пустоши отдавался не только сверхчеловеческой усталостью, но и осознанием приближения той счастливой минуты, когда снова можно будет прямо взглянуть в те неповторимые глаза, прижать к груди ту головку с русой косой…

Вот и дорога. Конспиративные навыки вновь пригодились, и без особых осложнений опытный революционер добрался до столицы.

Однако пьянящее ощущение свободы быстро испарилось. Петербург встретил не только привычными для октябрьской поры серыми дождями, но и крайне напряженной обстановкой в комитете РСДРП. Сближение между большевиками и меньшевиками, происходившее в условиях подъема революции, под давлением рядовой партийной массы, сменилось новой фазой расхождений и противоречий. Правда, в ноябре 1907 г. в Гельсингфорсе состоялась еще совместная IV партийная конференция. Н. А. Скрыпник принял в ней участие в качестве представителя Сибирского союза (Красноярского комитета), последовательно отстаивал ленинские позиции думской тактики (а этот вопрос был тогда главным). Вернулся в Петербург с твердым намерением сделать все возможное для воплощения намеченной линии в жизнь. Что касается форм работы, считал необходимым использовать любую возможность для сплочения

рабочих масс, для их подготовки к новым классовых битвам. А работать становилось все сложнее и сложнее. Вследствие постоянных репрессий на каждого партийного работника, еще остававшегося на свободе, приходилось с каждым днем все больше и больше нагрузки. «Одновременно, – вспоминал Николай Алексеевич, – я был организатором II городского района (Рождественского) и работал “по использованию легальных возможностей”: был членом правления кооператива “Труженик”, редактировал профжурнал, был на легальных всероссийских съездах кооперативных и по вопросам фабрично-заводской медицины (под фамилией Г. Г. Ермолаева). Г[ода] 1908 был организатором Невского района»[57].

Численное сокращение рядов партии, конечно, вызывало большое беспокойство. Вырванных из рядов бойцов просто не успевали заменить новые. Но не меньшую угрозу таили и внутрипартийные процессы в РСДРП. Значительная часть меньшевистского крыла была деморализована поражением революции, считала дальнейшую нелегальную борьбу бесперспективной. Поэтому они предлагали отказаться от существования нелегальных организаций, сосредоточиться только на использовании легальных возможностей работы, прежде всего Государственной думы, легальных профсоюзов, различных съездов. На место ликвидированной таким образом нелегальной части партии (отсюда и название этого течения – ликвидаторы) правые меньшевистские лидеры выдвинули идею созыва рабочего съезда и создания соответствующей партии с весьма ограниченной программой. Такую партию, по меткому определению большевиков, можно было бы именовать столыпинской рабочей партией – то есть такой, которая не противоречила направлениям деятельности царского правительства, возглавляемого П. А. Столыпиным после третьеиюньского переворота.

С другой стороны, созрели левацкие настроения среди большевистской части РСДРП. Разочарование результатами первой революции, которая не смогла одним ударом смести самодержавную тиранию, неготовность сразу изменить формы и методы борьбы, неспособность к длительной, кропотливой работе, когда во многом приходилось начинать все с самого начала, выводила некоторых из равновесия, подменялась по сути демагогической, анархистской фразеологией. Такие люди были «ликвидаторами наизнанку», потому выдвинули лозунг отозвать из легальных организаций, прежде всего из Думы, своих партийных представителей. Течение это получило название «отзовизма». Его разновидностью стали «ультиматисты», которые

хотели, чтобы думские депутаты высказались за немедленное введение социал-демократических программных требований, а в случае неминуемого отказа (вряд ли можно было найти политического деятеля, сомневавшегося в этом) – оставили парламент.

Оба течения – ликвидаторство и отзовизм, дополняя друг друга, с разных сторон вели к одному – подрыву РСДРП как массовой революционной партии. Кризис усиливался позицией центристов, примиренцев, готовых на любые уступки идейным и политическим соперникам. Одновременно среди членов партии распространились настроения «богоискательства», «богостроительства» как своеобразного отражения увлеченности значительной части российской интеллигенции идеалистическими философствованиями, упадочничеством, декадентством.

Не растеряться при таких обстоятельствах, не подпасть под чье-то влияние можно было только при наличии самых твердых убеждений, постоянного совершенствования теоретических знаний. Николай Алексеевич никогда не жалел для этого ни сил, ни времени. Поэтому и позицию имел четкую, ясную, непоколебимую. А еще отличался кремневым характером. И работоспособностью обладал исключительной, да еще удивительной целеустремленностью.

Однако развернуться в полную силу такой натуре было невозможно. Кольцо шпиков становилось все теснее, и единственным выходом оставался отъезд за границу. Скрыпник провел тогда полтора месяца в Женеве.

Однако это не было временем отдыха. Он погрузился в книги, социал-демократическую периодику разных стран, готовился к выполнению новых партийных поручений. А последние не замедлили появиться – получил командировку в Москву.

Три месяца Н. А. Скрыпник работал организатором одного из районов, а затем был направлен в Центральное бюро профсоюзов. Последнее же вскоре в полном составе было арестовано. После трех месяцев административного заключения был освобожден. Долго не мог привыкнуть к легальному положению, в котором оказался впервые за много лет подполья. Правда, паспорт, как всегда, был на чужое имя – и к этому было уже не привыкать.

С новой энергией принялся за организаторскую работу, возглавлял один из партийных районов Москвы, неустанно боролся с отзовистами. «Условия работы все усложнялись бегством и ренегатством интеллигенции, – писал впоследствии, – не проходило недели, чтобы не пришла весть, что тот или иной рабочий отходит от работы, уезжает в другой город, возвращается

к учебе и т. д. и т. п. Рабочие районные держались твердо, но заедала провокация. Квартиру для явок, ночлега и др. с каждым днем становилось все труднее добывать, интеллигенция напрочь вся отказывалась помогать. Печатать обращения и т. п. становилось очень трудно, – материальных средств не получали ниоткуда. Словно ветром смело всех курсисток и другую молодежь, которая прятала, разносила и т. д. Организация еще держалась чрезмерным напряжением ее рабочих, которые еще сохранились»[58].

Занимаясь не покладая рук разного рода организаторской работой, Скрыпник вместе с тем пытался внимательно анализировать процессы, происходившие в рабочей среде, в самой социал-демократии, посылал корреспонденции по этому поводу в центральные печатные органы большевиков. Таковыми, в частности, были объемная статья «Кооперативный съезд и рабочие кооперативы», посвященная I Всероссийскому съезду кооперативных учреждений, и письмо «К предстоящему съезду фабрично-заводских врачей». Первый материал опубликован 23 июля 1908 г. в газете «Пролетарий», второй – в 1909 г. в «Социал-демократе». Лейтмотив обеих корреспонденций концентрируется в таких словах: «Очень скромную по размерам легальную возможность, что, видимо, выпадет, необходимо использовать для социал-демократической пропаганды и агитации. В дело это должна вмешаться наша партийная организация и не допускать к этому наших ревизионистов, которые, выслуживаясь перед либералами, начнут потом упрекать рабочих и работниц в “митинговости”, преступном и “узком” желании “отмежеваться” от либералов, как это делают теперь некоторые господа после женского съезда»[59].

Н. А. Скрыпник провел в Москве подготовительную работу к выборам делегатов на V конференцию РСДРП, решительно осудившую ликвидаторство, отмежевавшуюся от него. После этого революционер поехал с докладами на пролетарский Урал. Старался, чтобы выступления носили не сугубо академический характер, а заканчивались конкретными организационными предложениями. Пытался, в частности, провести Уральскую конференцию большевиков. Однако из-за нехватки местных сил, инертности многих работников реализовать замысел не удалось. Правда, Уфимский и Пермский комитеты, Миньярская и Златоустовская партийные организации доверили Николаю Алексеевичу представлять свои интересы на совещании расширенной редакции газеты «Пролетарий», собравшейся в Париже в июне 1909 г.

Выезд за границу дался нелегко, и Н. А. Скрыпник едва успел

к началу работы совещания. Как всегда, не оставался в стороне от злободневных вопросов, горячо отстаивал свою точку зрения, поддерживал ленинскую позицию. Опровергая взгляды отзовистов, доказывая преимущества тактики сочетания нелегальных и легальных методов борьбы, Николай Алексеевич призывал: «Необходимо приводить в движение рабочие массы на почве мелких конфликтов и приводить их в движение также и с помощью легальных организаций. Это надо уже сейчас поставить нашей задачей. Надо наметить вопросы о вне-думской деятельности». И еще: «Что касается форм воздействия, то нельзя ограничиваться одной нелегальной, и мы не должны отказываться от форм легальных. Должны участвовать в съездах, собраниях в легальной прессе. Не надо выпускать прессу из своих рук. Мы должны использовать не одно орудие, а все. Возможно, придется взяться за съезд легальных организаций, за организацию газеты и др.»[60].

Решения совещания расширенной редакции газеты «Пролетарий» стали идейно-политической основой для разграничения с отзовистами, ультиматистами, теми течениями, которые считались попутчиками большевизма. Они сориентировали партию на тактику использования и органического сочетания различных форм борьбы.

Делегировав Н. А. Скрыпника в Париж, уральские большевики выдвигали условие: обязательное возвращение в район для детального отчета о работе совещания. Николай Алексеевич точно придерживался договоренности – опять объехал с докладами крупные центры Урала, разъяснял сущность партийной политической линии, пропагандировал эффективные формы и методы деятельности.

Только после этого отбыл, как и было условлено еще в Париже, в Петербург. На этот раз не пришлось долго искать нужные контакты, входить в работу. Ведь поселился прямо у секретаря городского комитета Серовой (кличка Люся). Отрадным было то, что рядом находилась жена, с которой до этого виделись очень мало. И хотя иллюзий относительно спокойной жизни не питал никаких, но и то, что имел, сначала воспринимал как настоящий подарок судьбы.

Вскоре обратил внимание на некоторые странные моменты в поведении хозяйки квартиры, которая на удивление легко опровергала подозрения относительно своих заметно неплохих доходов. Но ощущение чего-то неладного у опытного подпольщика возникло. К сожалению, оно оказалось не напрасным. Когда жена провожала на вокзале в Москву (по делам партии надлежало посетить вторую столицу), будто из-под земли

у поезда выросли два жандарма. Отпираться не было смысла. На след привела Люся, оказавшаяся провокатором. С ее же согласия и место ареста выбрали удобное – вокзал.

Поразила горечь абсолютной беспомощности, осознания невозможности выполнить партийное поручение. Пронзила боль разлуки с дорогим человеком. Словно огнем обожгли сердце слезы Марии, появившиеся теперь преимущественно в печальных, но не менее ласковых глазах. Когда в последний раз прижал ее к себе, пытался, сдерживая волнение, какими-то словами успокоить перед расставанием.

Он уже не раз думал, сколько хлопот, неудобств с ним испытывает Мария Николаевна, сколько она, бедная, натерпелась различных лишений. Чувствовал себя виноватым, подавленным, что не может дать человеку, которого любит, ради которого готов на все, хотя бы крошку супружеского счастья. Однако знал и другое – Мария полюбила его именно таким, каким он был. И если бы попытался изменить своему революционному делу ради того, чтобы принести в семейную жизнь спокойствие, безмятежность, счастья бы ей это не прибавило.

Но одно дело понимать это умом, а совсем другое – видеть слезы очередной разлуки, которая неизвестно когда закончится.

Судебная машина самодержавия работала без перебоев, даже как-то ритмично – монотонно. В который раз Н. А. Скрыпнику приходилось садиться на скамью подсудимых, и вновь приговор был тем же – пять лет ссылки. Менялась только «география» – новое место поселения выбиралось дальше от предыдущего – теперь этапный путь пролегал в Якутию в глухой Вилюйский округ. Правда, в конце концов повезло – случилось остановиться в Якутске. Но облегчение это было весьма относительным. Какой-либо жилой угол, скромнейшее питание – все непреодолимые проблемы. А о возможности хотя бы минимального заработка и мечтать не приходилось. Побег же из такого настоящего «медвежьего угла» абсолютно исключен.

Власти же хорошо все это знали, и их расчеты были, казалось, не беспочвенны: пусть сполна «хлебнут» бунтари, смутьяны бедствий, голода, жестокого климата, одиночества – смотри и одумаются, сломаются, забудут о своей революции и о своем социализме. И действительно, были те, кто не выдерживал жестоких испытаний, унижений, издевательств. Отрекались от идеалов, оставляли выбранный путь. Некоторые даже перебрасывались в лагерь вчерашних политических соперников, предлагали свои услуги власть имущим.

У тех же, кто не покорялся нелегким обстоятельствам, судьба складывалась по-разному. Одних подстерегали неизлечимые

болезни, еще молодых сводя в могилу, другие обрекались на долгие физические страдания. Но были и такие, которых тяжелейшие условия, испытания только все более закаляли морально и физически, выковывали из них таких бойцов-революционеров, судьба которых – побеждать. Правда, это не дается само собой.

Хорошо, когда на свободе есть друзья, которые не забывают, готовы помочь, поддержать хотя бы добрым словом, теплым письмом. Почта приходила в Якутск с огромным опозданием, один раз в три-четыре месяца. И каждый раз это было большим праздником. Ведь всегда прорывались какие-то весточки от товарищей по партии, по борьбе. А еще всегда были письма от Марии Николаевны. Нечего и говорить, с какой жадностью набрасывался Николай Алексеевич на почту. Сначала быстро-быстро пробегал строки из писем любимой жены, затем таким же образом – письма от друзей, заголовки газет, журналов, книг. Затем уже медленнее перечитывал еще и еще.

Скоро письма жены знал наизусть. И все же не прекращал перечитывать их. Закроет глаза – а письмо перед глазами, каждая строка, каждая буква вырисовываются с фотографической точностью. И слышится трогательный голос Марии, его интонации не перепутать ни с чьими другими.

Однако было и письмо, которое сразу горячим огнем обожгло сердце, перехватило дыхание, железными тисками сжало виски. В написанное женой никак не хотелось верить. В отчаянии Мария сообщала, что умер их маленький сынишка Георгий – Жоржик, как они его с любовью оба именовали в письмах, для которого Николай Алексеевич сочинял и регулярно отправлял по почте сказки – единственную радость, которую мог принести ребенку из далекой ссылки.

С тех пор Н. А. Скрыпник стал еще молчаливее и сосредоточеннее, даже мрачнее – по-мужски – в себе, переживая семейную трагедию. И так невероятно хотел хоть на минуту оказаться рядом с Марией, которая там одна страдает, хоть одним словом утешить ее. А от осознания неисполнимости этого, казалось, вот-вот разорвется сердце…

Нет! Надо жить, надо преодолевать любые трудности и препятствия. Надо жить ради будущей встречи, ради того, чтобы принести этой женщине хоть немного, хоть каплю счастья. Она его так заслуживает!

Как заслуживают и другие женщины. Женщины революционеров, женщины тружеников, пролетарки, крестьянки. И разве не надо жить ради них, ради их лучшей судьбы?!

Можно ли останавливаться, не пройдя всей дороги к

избранной цели?! Нет, надо жить, надо выжить при любых условиях, вопреки обстоятельствам.

А для этого никак нельзя упасть духом. Николай Алексеевич знал от бывалых ссыльных: лучшее средство здесь – ни минуты расслабления. Работать и еще раз работать. Готовиться, чтобы новые битвы встретить еще более вооруженным. Тогда и заботы о хлебе насущном отходят на второй план.

Н. А. Скрыпник никогда раньше столько не читал. Труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина штудировал как дисциплинированнейший и добросовестнейший гимназист. Хорошо, что политссыльные постоянно пополняли собрания ценнейших для революционера книг. А собственные мнения, оценки, выводы отшлифовывал в общении с товарищами по РСДРП, а также в дискуссиях с представителями других политических организаций, которые были представлены немалым количеством ссыльных в Якутске.

Для человека, не желающего сидеть сложа руки, дело всегда найдется. Николай Алексеевич организовал кружок молодых рабочих, вел в нем систематические занятия, выступал инициатором проведения собраний, диспутов, маевок. Когда узнал, что в Петербурге начала издаваться «Правда», прислал туда несколько сообщений.

И хотя каждый день был заполнен различными делами, как говорится, до краев, все же никак нельзя сказать, что четыре с лишним года ссылки пролетели быстро. Наконец, ноябрьским днем 1913 г. Николай Алексеевич вновь вернулся в Петербург.

Короткие часы радости после встречи с женой – а больше удержаться не мог. Поспешил в комитет. Ведь хотелось поскорее встретиться с товарищами, с которыми не общался так давно, узнать новости, взяться, наконец, за живое дело.

…Много воды утекло за это время. Немало существенных изменений произошло в политической жизни России. Полоса черной реакции закончилась, и еще в 1910 г. обозначился новый революционный подъем. Кривая забастовок, демонстраций, митингов неуклонно поползла вверх. Активизировалась деятельность различных партий, организаций.

Важным признаком политического оживления стал выпуск многочисленных периодических изданий. В мае 1912 г. начала выходить «Правда» – первая ласточка массовой большевистской прессы. Значительную роль в постановке революционной пропаганды и агитации играл и журнал «Вопросы страхования». Собственно, оба издания были теми главными центрами, которые координировали работу большевистских организаций в России, обеспечивали сочетание легальных и нелегальных направлений

борьбы.

После приезда в Петербург Н. А. Скрыпник становится одной из ключевых фигур в деятельности «Правды» и «Вопросов страхования».

Руководство партийного издательства «Прибой» (Н. Н. Крестинский, П. И. Стучка) предложило Николаю Алексеевичу взять на себя редактирование журнала «Вопросы страхования», на что он сразу дал согласие. Одновременно стал руководителем Рабочей страховой группы и фактическим куратором специального отдела по вопросам страхования в «Правде».

ЦК РСДРП в конце декабря 1913 г. решил пригласить Николая Алексеевича для работы в «Правде». Секретарь Российского бюро ЦК Е. Ф. Розмирович имела с Н. А. Скрыпником разговор по этому поводу, после которого сообщала В. И. Ленину: «Говорила сегодня со Скрыпником. Он дает принципиальное согласие на участие в “Пролетарской правде” (тогдашнее название «Правды», которое приходилось очень часто менять из-за постоянных преследований, штрафов, решений о прекращении издания. – *В. С.)*. Видно у него большое желание поработать там. Согласен заняться и хозяйственными делами. Впечатление произвел прекрасное. Сейчас в “Правде” пустыня. Думаю, что хорошо бы Скрыпника включить в состав редакции. Напишите, как относитесь к этому. Сейчас он ведет там страховой отдел»[61].

Очевидно, лидер большевиков к тому времени уже достаточно хорошо знал Николая Алексеевича, его способности, поэтому сразу поддержал выдвинутое Розмирович предложение.

В редакции «Правды» тогда работали М. С. Ольминский, К. Н. Самойлова, а вскоре влился и Л. Б. Каменев. Приход Н. А. Скрыпника положительно отразился на ведении и издании «Правды». «Теперь у нас работает Николай Алексеевич, и дела идут лучше», – сообщала в ЦК партии Самойлова уже в феврале 1914 г.

В своей жизни профессионального революционера Скрыпнику по поручению партии приходилось заниматься множеством дел, довольно часто меняя их. И ни разу он не относился к очередному поручению как ко временному, такому, которому можно, казалось бы, уделить и несколько меньше внимания, поскольку оно в системе приоритетов явно не было главным. Николай Алексеевич всегда выполнял порученное дело с таким настроением, будто оно было самым главным.

Вот и сейчас, за короткий срок он в совершенстве овладел проблемами рабочего страхования и систематически публиковал статьи по этой теме в «Правде» и «Вопросах страхования». Его выступления, без преувеличения, можно отнести к числу самых

основательных большевистских публикаций по данной проблеме. Всем им присуща предельная целеустремленность, глубокая аргументированность, органическая увязка программы страхования рабочих с достижением стратегических целей пролетарского движения, последовательное отстаивание революционного курса.

Разоблачая правительство, либеральные проекты введения страхования, Н. А. Скрыпник принципиально противопоставлял им классовые пролетарские подходы: «Рабочие выдвигают свои основные страховые требования, – не раз подчеркивал Николай Алексеевич, – страхование всех рабочих и служащих; страхование во всех случаях нетрудоспособности и безработицы; страхование, возмещающее полный заработок рабочего; страхование, обеспечивающее членов семей рабочих; страхование с полным самоуправлением страхуемых; страхование без каких-либо приплат со стороны рабочих.

Все эти 6 основных пунктов рабочей страховой программы стали достоянием широких рабочих масс, обсуждаются и отстаиваются всеми передовыми рабочими. Выяснение их и укрепление в сознании масс является одним из самых насущных очередных задач рабочего движения. Ибо в сознании каждого из нас – прежде всего вера в возможность достижения поставленных задач»[62].

Учитывая новизну для России проблемы социального страхования, Н. А. Скрыпник стремился как можно более популярно разъяснить рабочим его необходимость, правомерность, подробно выяснял механизмы образования страховых фондов и тому подобное. В статье «Классовый характер организации социального страхования» он отмечал: «В своей борьбе за страхование рабочий класс исходит не просто из абстрактных соображений “общественной справедливости”, а из экономического факта своего положения на производстве и в обществе. Рабочий класс обращается не к чувству справедливости и сочувствия имущих классов, а к присваиваемой ими прибавочной стоимости, которую создает рабочий класс.

С прибавочной стоимости, создаваемой трудом рабочих, рабочему классу должна выделяться не только заработная плата, но и достаточное страховое обеспечение в случае нетрудоспособности и безработицы. Все расходы на социальное страхование по рабочим законопроектам падают на общественную прибавочную стоимость. И только те, кто участвует в ее создании, могут, конечно, и быть обеспечены этим социальным страхованием»[63].

О тогдашнем увлечении Н. А. Скрыпника вопросами

социального страхования убедительно свидетельствует такой факт: за один только 1914 г. в «Правде» («Пролетарской правде», «Трудовой правде», «Пути правды»), «Вопросах страхования», «Работнице», «Невской звезде» под псевдонимами Н. Асник и М. Засицкий Николай Алексеевич опубликовал 53 материала (статьи, заметки, репортажи и т. д.), посвященные различным аспектам проблемы (подсчеты автора). Среди публикаций – «Металлисты и страхование», «Гласность в страховом Совете», «Самоуправление рабочего класса в организации социального страхования», «Вопросы тактики рабочего страхового представительства», «Совершенно за счет предпринимателей», «О выборах страхового Совета», «Хозяева и страховые сборы рабочих», «Рабочее страховое представительство и задачи объединения», «Венский конгресс и рабочие страховщики», «Страховой Совет и рабочие», «Основные задачи страхового движения и рабочие-горняки», «Охрана жизни и здоровья рабочих» и др.

Естественно, Николай Алексеевич занимался в редакциях «Правды» и «Вопросов страхования» не только подготовкой публикаций по проблемам страхования. Его интересы и функции были значительно шире, разностороннее. Да и ситуация с комплектованием редколлегий по разным причинам складывалась так, что приходилось брать на себя и те обязанности, которые до этого выполняли арестованные коллеги, или те, кто вынужден был покинуть столицу. Так, со второй половины июня 1914 г. Н. А. Скрыпник остался один в редколлегии и сам вел все дела, связанные с подготовкой и изданием «Правды».

Приходилось буквально дневать и ночевать в редакции, где 8 июля он и был арестован. Это были дни, непосредственно предшествовавшие началу империалистической войны. Всячески культивируя шовинизм, царизм пытался подавить, погасить любые очаги интернационализма. А таким центром, бесспорно, и была «Правда», те, кто в ней работал. Редакцию арестовали практически в полном составе. Скрыпник попал в сырую, темную Спасскую тюрьму. Здесь пришлось провести пять месяцев, что очень негативно сказалось на его больных легких. Всегда неприхотливый к условиям, привычный переносить любые удары судьбы, не склонный никому жаловаться, особенно родным, которые за него беспокоились, Николай Алексеевич едва ли не впервые в жизни в письмах к Марии Николаевне («дорогой Марусе») жалуется на ужасное положение, подрывающее его здоровье[64].

Судебного разбирательства на этот раз не было, и

административный приговор для Н. А. Скрыпника оказался традиционным – высылка на пять лет, теперь аж на Ангару. Правда, тогда же место ссылки сменили на Моршанск Тамбовской губернии, а срок Николай Алексеевич даже забыл – возможно, до окончания войны. Пожалуй, опытного, несгибаемого революционера не слишком уж и волновало, какой срок ссылки ему определили – привык уже ко всему, морально готовился к следующему периоду нелегальной жизни.

Но военное положение, введенное в стране, привело к существенному ужесточению порядков. Исчезновение из-под надзора полиции и переход в подполье приходилось не один раз откладывать. Угнетала и однообразная, слишком скучная работа банковского служащего, которую все же следовало выполнять, чтобы иметь хоть какие-то средства к существованию. Но и при таких условиях Николай Алексеевич пытался наладить революционную деятельность, с большим трудом организовал два рабочих кружка на железной дороге и прядильной фабрике. «… Жандармерия, – вспоминал он позже, – окружила меня в Моршанске достаточно сложной сетью надзора и провокации, держа специально для этого двух провокаторов, из которых одного устроили на службу в банк. Каждый мой шаг был на виду, как в тюрьме, и когда в конце 1916 и в начале 1917 года я организовал выпуск листовок, то в небольшой группе, издававшей их вместе со мной, кроме трех иных (рабочих и сторожей) был и Авценко – провокатор, посаженный в банк специально для наблюдения за мной»[65].

Очевидно, функции Авценко, как и других провокаторов, не ограничивались выполнением одной задачи. Однако остается фактом, что от подобной опеки, да еще во время войны, ничего хорошего ждать не следовало. Ведь листовки носили антивоенный характер, а проблема достижения мира прочно увязывалась со свержением самодержавия…

Николай Алексеевич вспоминает как об одном из самых счастливых мгновений в своей жизни тот момент, когда в Моршанск докатилась весть о свержении в России царизма. Как же много сил он отдал для того, чтобы такая минута настала! А сколько для этого сделали его товарищи по партии!

Постоянно наносили ощутимые удары по самодержавию и другие политические партии, движения. К концу своего бесславного властвования Николай II и его правительство оказались если и не в полной изоляции, то, во всяком случае, без сколько-нибудь реальной, хотя бы даже очень ограниченной поддержки. Слишком мало было тех, кто с сожалением переживал падение российского трона. В целом же общество вздохнуло с

большим облегчением, с нескрываемой надеждой на начало новой исторической эпохи. И практически все его силы бросились устраивать жизнь на новый лад согласно своим представлениям о перспективах развития страны, народа.

Насколько быстро перевернулся залитый кровью и грязью воз Романовской монархии, столь же быстро сложилась и такая ситуация, аналога которой человечество еще не знало, – многовластия, много в чем – безвластия. Сформировались Советы рабочих, солдатских, крестьянских депутатов – организации и выразители воли тех масс, которые внесли решающий вклад в победу революции. Одновременно было образовано Временное правительство со своими комиссарами на местах, в губерниях, которые действовали в контакте с комитетами объединенных общественных организаций. Возникали и другие институты, не только претендовавшие на политическую роль в обществе, но и самовольно присваивавшие себе те или иные функции, без которых управленческая деятельность была просто неэффективной, отчасти даже невозможной.

Определенный период конкурирующим организациям, представляющим различные социальные полюса общества, различные его устремления, не удавалось достичь единовластия, хотя все стороны, конечно, прилагали к обеспечению именно такого результата немалые усилия. Ведь не следовало обладать каким-то особым политическим опытом, чтобы понимать – результат противоборства во многом будет зависеть от степени организованности властных институтов, сплоченности вокруг них масс.

Поэтому, когда 1 марта 1917 г., на третий день победы Февральской революции, усилиями большевиков, меньшевиков, эсеров в Моршанске был сформирован Совет рабочих депутатов, Н. А. Скрыпник без колебаний согласился возглавить его исполком. В целом по стране были буквально единицы Советов, которые с первых же дней существования возглавили большевики. И работали такие Советы почти исключительно в промышленных регионах с крупными отрядами пролетариев, где большевики имели устойчивое влияние.

Нелегко было управлять исполкомом Совета, большинство которого составляли представители партий соглашательского характера. Однако личные качества Николая Алексеевича, его авторитет позволяли добиваться такой линии поведения Совета, которая отвечала интересам трудящихся, интересам развития революционных процессов.

В конце марта 1917 г. Н. А. Скрыпник представлял Моршанский Совет на конференции Советов рабочих и

солдатских депутатов Центра России в Москве, где собрались делегаты от 13 губерний.

Оттуда он уехал в Петроград, где 27 марта – 3 апреля проводилось Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов, и в то же время – 27 марта – 2 апреля – Всероссийское совещание партийных работников-большевиков.

На конференции и на совещаниях шел нелегкий поиск адекватной политической оценки создавшегося положения в стране, платформы дальнейшего развития революции. Но сделать это сколько-нибудь успешно тогда не удалось. Большинство представителей Советов, в соответствии с их составом, занимали позицию поддержки Временного правительства, его политики, как внешней, так и внутренней.

Большевистское партийное совещание тоже не смогло выработать четкой, ясной линии поведения: чувствовались как инерция мышления (к непредвиденной в теории ситуации подходили с позиций устаревших схем и представлений), так и отсутствие вождя партии, в то время пытавшегося прорваться из «проклятого далека» на Родину.

Скрыпник принял активное участие в обсуждении злободневных вопросов текущего момента и перспектив развития революции на конференции и всероссийских совещаниях. Пытался отстаивать радикальные позиции, хотя, как и другие, не смог избежать противоречивых, непоследовательных подходов, в частности разделял лозунг условной поддержки Временного правительства.

К чести испытанного революционера, он никогда не кривил душой, был всегда склонен к объективности, впоследствии честно признавал, как сложно вырабатывался партийный курс. Так, в 1923 г., выступая с докладом, приуроченным к 25-летию образования РКП(б), отмечал: «Я вспоминаю 4-ое апреля 1917 года, день приезда Ленина, непосредственно после первого совещания Советов, когда он с поезда прибыл с громадной демонстрацией рабочих в дом Кшесинской. Ленин произнес свою речь, где впервые формулировал свои знаменитые “тезисы”. Я видел некоторых старых большевиков, которые с недоумением смотрели на Ленина, для них его тезисы были чем-то непонятным, как будто человек говорил на чужом языке…Новые задачи, выдвинутые экономическим развитием и поставленные империалистической войной, задачи непосредственной борьбы за диктатуру пролетариата, за осуществление и проведение социалистической революции не были сразу восприняты многими старыми большевиками тотчас, когда жизнь потребовала ответа»[66].

После ознакомления с ленинским стратегическим планом перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической Николай Алексеевич довольно быстро сменил позицию на значительно более радикальную, стал горячим сторонником политического курса, предложенного Лениным.

Принципиальную линию Скрыпник стремился проводить прежде всего в Моршанском Совете рабочих и солдатских депутатов, что привело к конфликту с соглашательским большинством исполкома, добивавшемся вывода большевика из своего состава. В то же время руководство банка лишило Николая Алексеевича места.

Однако его это уже не очень беспокоило. Н. А. Скрыпник полностью сосредоточился на работе в местной большевистской организации, на пропаганде партийной линии в рабочей среде, в воинских частях, на создании массовых организаций, мобилизации их на осуществлении конкретных революционных мероприятий. Принимал самое активное участие в проведении собраний, митингов, демонстраций, распространении большевистской литературы. Часто выступал с докладами – речами. На это и уходило теперь все время. А точнее – времени катастрофически не хватало.

Вот тогда, в конце мая 1917 г., ЦК РСДРП(б) отозвал Скрыпника в Петроград и делегировал в Центральный Совет фабрично-заводских комитетов столицы, где его уже в июне избрали секретарем Совета.

Фабрично-заводские комитеты стали формой организации, в отличие от профсоюзов объединявшей рабочих не по профессиональному признаку, а всех их на каждом предприятии, к какой бы профессии они ни принадлежали. Рожденные в горниле Февральской революции, фабрично-заводские комитеты достаточно быстро стали рабочими крепостями большевизма. Из всех организаций рабочего класса именно фабзавкомы быстро и в наибольшей степени были большевизированными, что, в свою очередь, способствовало их превращению в действительно боевые, массовые революционные ячейки, надежную опору в борьбе против предпринимателей, за воплощение в жизнь программы социально-экономических преобразований.

В авангарде здесь, как положено, шли фабзавкомы столицы, Центральный Совет которых возглавляли большевики Н. А. Скрыпник, В. Я. Чубарь, М. Дербишев, М. Барышев и др.

Николай Алексеевич представлял петроградские фабзавкомы на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, был избран в состав Центрального исполнительного комитета Советов.

Руководимые большевиками, фабзавкомы активно способствовали внедрению в жизнь мер экономической платформы РСДРП(б): 8-часового рабочего дня, контроля над производством и тому подобное. Правда, ситуация здесь значительно осложнилась после июльских событий, когда правые, консервативные силы добились фактического единовластия. Тактику партии в новых условиях выработал VI съезд РСДРП(б), который взял курс на вооруженное восстание.

Н. А. Скрыпник был делегатом съезда, представлял петроградских большевиков вместе с С. В. Косиором, Г. К. Орджоникидзе, Н. И. Подвойским, В. Володарским (М. М. Гольштейном) и др. Приветствуя съезд от имени Центрального Совета фабзавкомов, он, как всегда, проявил высокую активность при обсуждении вопросов повестки дня.

В частности, безоговорочно выступил против явки В. И. Ленина на суд Временного правительства. «В резолюции, предложенной т. Сталиным, было известное условие, при котором наши товарищи могли бы пойти в республиканскую тюрьму, – это гарантия безопасности. Я думаю, что в основу резолюции должны лечь иные положения, – говорил Николай Алексеевич. – Мы одобряем поведение наших вождей. Мы должны сказать, что мы протестуем против клеветнической кампании против партии и наших вождей. Мы не отдадим их на классовый пристрастный суд контрреволюционной банды»[67].

Скрыпник предложил немало поправок при рассмотрении проекта Устава РСДРП(б), резолюций «Текущий момент и война», «Об экономическом положении», «Предвыборная кампания в Учредительное собрание», «О политическом положении». После доклада Н. П. Глебова (Авилова) о профессиональном движении Николай Алексеевич сделал краткий дополнительный доклад по этому вопросу. Он сконцентрировал внимание на разоблачении тезиса о нейтральности профсоюзов. «Спор о нейтральности профессиональных союзов ведется очень давно, и, несмотря на совершенно определенную резолюцию Штутгартского конгресса, связывающую действия партийной и профессиональной организаций, сторонники нейтрализма постоянно находили почву в оппортунистических слоях рабочего класса. Нейтрализм всегда служил для того, чтобы отвлечь рабочие массы от политической борьбы, но никогда еще вред нейтрализма не сказывался еще так ярко, как в эпоху переживаемой войны, когда нейтралисты определенно встали на сторону империализма. Основной урок войны в том, что в интересах социалистического воспитания масс мы не должны объединять пролетариат на платформе, суживающей его классовые задачи. Если нейтральность была

вредна раньше, то тем более она вредна теперь, в эпоху войны и революции. При усиливающемся натиске контрреволюции, в профессиональных союзах неизбежно движение против оборончества и стремление не только к идейной, но и организационной связи с партией революционной социал-демократии»[68]. От имени профессиональной секции Скрыпник предложил проект резолюции «Партия и профессиональные союзы», которая отражала основную идею его выступления. Съезд высказался за передачу обоих проектов резолюций, предложенных и Н. П. Глебовым-Авиловим и Н. А. Скрыпником, в ЦК партии для выработки общей резолюции[69] (очевидно, совместная резолюция так и не была подготовлена Центральным комитетом, в связи с чем в официальный протокол съезда вошли оба документа).

VI съезд РСДРП(б) избрал Николая Алексеевича Скрыпника кандидатом в члены ЦК РСДРП(б). А сразу после партийного форума его ввели в редакцию «Пролетария», издававшегося вместо разгромленной в июльские дни и запрещенной Временным правительством «Правды». Николай Алексеевич возглавил фабрично-заводской и страховой отделы газеты, в то время выполнявшей функции органа ЦК партии.

На страницах «Пролетария», который тоже не раз потом менял свое название на «Рабочий и солдат», «Рабочий путь» и т. п., шла широкая пропаганда решений VI съезда РСДРП(б), обосновывалась необходимость подготовки к вооруженному восстанию как единственному пути выхода из кризиса, в котором оказалась страна, раскрывалась тактика борьбы с политическими соперниками, входившими в консервативно-монархический лагерь и попытавшимися в августе 1917 г. осуществить мятеж генерала Л. Г. Корнилова с целью установления военной диктатуры. Н. А. Скрыпник во время генеральской авантюры входил в Комитет обороны, который организовывал трудящихся на отпор ударникам, брошенным Л. Г. Корниловым на Питер для ликвидации революционных сил. Заговор довольно быстро с треском провалился, а массы колебнулись влево, к РСДРП(б). Резко усилился процесс большевизации организаций трудящихся – Советов, профсоюзов, фабзавкомов, солдатских и крестьянских комитетов, активизировалось создание отрядов Красной гвардии.

Скрыпник в это время и дальше активно работает в Центральном Совете фабзавкомов Петрограда, прилагает усилия для созыва I Всероссийской конференции Советов фабрично-заводских комитетов. Он возглавил организационное бюро по созыву конференции, провел значительную подготовительную работу, не раз выступал по этому поводу с докладами и в прессе.

По поручению оргбюро он 17 октября открыл конференцию приветственной речью, в сжатом виде наметил основные направления деятельности фабзавкомов.

«Огромные задачи поставлены перед нами, – говорил Николай Алексеевич. – Лозунг рабочего контроля над производством и распределением продуктов распространился по всей стране и теперь предстал перед нами во всю широту; нам нужно выяснить задачи и условия борьбы рабочего класса. Необходимо осветить коренные вопросы современности, среди которых, как немая стена, стоят вопросы войны и демобилизации. Рабочему классу необходимо поддержать связь города с деревней. Перед нами также стоит огромная задача – выборы в Учредительное собрание. Работа будет колоссальная, и конференция фабрично-заводских комитетов не может уклониться от нее: объединяя творчески работающих представителей рабочего класса, она выполнит эти задачи»[70].

Проведение конференции фабзавкомов, образование на ней всероссийского объединения этих рабочих организаций стало серьезной демонстрацией силы, сплоченности, организованности пролетариата, имело большое значение для формирования морально-психологической атмосферы в преддверии решающего октябрьского штурма.

Николай Алексеевич не покладая рук занимался разъяснительно-мобилизационной работой среди трудящихся, разоблачал планы экономической корниловщины – попытки предпринимателей путем саботажа, локаутов, эскалации безработицы сломить пролетариат, заставить его отступить.

Однако партия, последовательно придерживаясь курса, одобренного VI съездом РСДРП(б), приступила к завершающей стадии подготовки вооруженного восстания. Особое значение здесь имели решения заседаний ЦК партии 10 и 16 октября, ленинские статьи и письма, написанные в октябре. Реализуя их идеи, большевики предприняли ряд мер по подготовке красногвардейских отрядов, солдат гарнизона и частей, близких к Петрограду, матросов Балтийского флота к решающему бою. Для руководства восстанием был создан Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, в который вошли В. А. Антонов-Овсеенко, Н. В. Крыленко, Н. И. Подвойский, Я. М. Свердлов, Л. Д. Троцкий и др. Фабзавкомы столицы делегировали в комитет Н. А. Скрыпника. Как член ВРК, он выполнял во время восстания 24–25 октября 1917 г. ряд ответственных поручений, связанных с использованием потенциала фабзавкомов, их аппарата, вооруженных отрядов для достижения победы над силами

Временного правительства.

Как и другие ратники Октября, Николай Скрыпник в те дни забыл, что такое сон, покой, и не помнил, когда последний раз обедал. Однако чувство неординарности, значимости событий придавало дополнительные силы, а одерживаемые успехи вдохновляли на все новые приливы энтузиазма.

День 25 октября с тех пор стал для Н. А. Скрыпника, как, собственно, и для всей ленинской гвардии, самым знаменательным личным праздником.

В дни торжеств Николая Алексеевича, как героя Октября, приглашали поделиться воспоминаниями. С особым вниманием ловили каждое слово о ходе вооруженного восстания в Петрограде, о первых днях обороны только родившейся новой власти. И участнику важнейших событий было о чем рассказать. Как член Военнореволюционного комитета, Скрыпник был направлен в район Пулково – одну из ключевых точек, где решалась судьба революции во время мятежа А. Ф. Керенского – П. Н. Краснова, поднятого сразу же после победы восстания.

Положение было крайне критическим. Спешно сформированные отряды красногвардейцев и революционных солдат неприступной стеной встали на Пулковских высотах на пути белых генералов и офицеров, ведущих на Питер регулярные войска. И первая попытка задушить революцию оружием была сорвана, восставший народ отстоял свои завоевания, наголову разбил контрреволюционное воинство.

Революция не время покоя, это время непрерывного, интенсивного действия. Не успели отзвучать последние залпы в пригородах Петрограда, а уже началась работа по ликвидации аппарата Временного правительства и созданию органов Советского государственного строя. Скрыпник снова в гуще событий. Он член Совета рабочего контроля, вводит контроль над производством и распределением, контроль за работой фабрик и заводов. Это были первые шаги на пути к овладению хозяйством, к его организации на социалистических началах.

Страна начинала путь к новой жизни, путь первопроходца. Каким-то он будет? Тогда никаких сомнений не возникало, что это магистральный путь человечества к счастью. Душу наполняла радость от того, что настало время, когда собственными руками творилась история…

III. На ниве национально-государственного созидания

Один из моментов, к которому лихорадочно апеллирует память, – возвращение в Украину в начале 1918 г. Возможно, именно тогда начались те жизненные коллизии, которые в июле 1933 г. привели Николая Алексеевича к последней жизненной черте? А возможно, и нет. Это он пытается найти причину своего рокового поступка в самом себе, прежде всего – в себе.

На самом деле все всегда сложнее. И действие разнонаправленных факторов, обстоятельств, в конце концов, создает такую равнодействующую, которую трудно предсказать.

Хотя все же нельзя погасить в душе и того, что ведь были, были какие-то смутные сомнения или опасения, когда собирался после более чем двенадцатилетнего перерыва на родную землю, на Родину. Жизнь приучила безотказно выполнять те поручения, которые определяла партия, быстро переключаться на новый участок работы. Но ведь в этот раз, казалось, он так нужен в красном Питере – эпицентре всех важнейших событий. Деятельность в Совете рабочего контроля, подготовительную работу по созданию Высшего Совета народного хозяйства – первого пролетарского органа для планового ведения социалистической экономики он считал тогда едва ли не важнейшими направлениями созидания грядущей жизни, нового общества. И других поручений хватало, скажем – работа в комиссии по выборам в Петроградскую думу и так далее…

Но вдруг сообщение из Харькова. I Всеукраинский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, который проходил 11–12 декабря 1917 г., избрал Н. А. Скрыпника членом Всеукраинского Центрального исполнительного комитета Советов и ввел в рабоче-крестьянское правительство – Народный секретариат народным секретарем труда, то есть – министром.

С ситуацией в Украине не был знаком досконально. Хотя всегда проявлял к событиям в регионе естественную повышенную заинтересованность, и из газетных сообщений, нередко противоречивых, ясную картину представить было нелегко. Правда, как член ЦК РСДРП(б), присутствовал при обсуждении вопроса о создании краевого партийного объединения, затронутого большевиками ЮгоЗападного края. Знал и о том, что в ноябре-декабре вопросы о событиях в Украине несколько раз обсуждались на заседаниях Совнаркома, где, как правило, основным докладчиком и ответственным за подготовку

документов был народный комиссар по делам национальностей И. В. Сталин. Слушал он и специальную речь И. В. Сталина «Об украинской Раде» на заседании ВЦИК 14 декабря 1917 г. Несколько раз перечитал «Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской раде», подготовленный В. И. Лениным, И. В. Сталиным и Л. Д. Троцким, обнародованный в начале декабря 1917 г. Знал и о переговорах, которые начал Совет народных комиссаров с помощью «левых эсеров» с Центральной радой, чтобы предотвратить излишнее кровопролитие. Интересовался ходом событий в Украине и у товарищей, приезжавших с мест в Петроград – в ЦК РСДРП(б), СНК, ВЦИК, ВРК и тому подобное. Как-то, кажется именно в те дни, пришлось коротко переговорить и с Г. Л. Пятаковым, прибывшим по распоряжению Совнаркома из Киева для работы заместителем комиссара (управляющего) Государственным банком страны.

Однако недостаток информации о быстроменяющихся событиях в Украине Н. А. Скрыпник все же чувствовал достаточно определенно и еще до отъезда из Петрограда попытался предметно разобраться в тенденциях развития в регионе, обратившись к изданиям политических противников большевиков, корреспонденциям, которые начали поступать в столицу от командующего войсками по борьбе с контрреволюцией на Юге В. А. Антонова-Овсеенко, от Чрезвычайного комиссара по делам Украины Г. К. Орджоникидзе.

Постепенно очертания событий в Украине в 1917 г. проступили более рельефно.

…После свержения самодержавия ситуация здесь приобрела некоторые отличительные особенности. Наряду с характерными для всей страны основными политическими институтами – Советами рабочих, солдатских, крестьянских депутатов и местными органами Временного правительства (губернскими комиссарами и комитетами объединенных общественных организаций) в Киеве 3–4 марта 1917 г. оформилась Центральная рада. Ее инициатором стало либеральное Товарищество украинских прогрессистов (постепеновцев – ТУП) – единственная организация, действовавшая до революции легально, а непосредственным создателем – различные украинские организации: кооперативные, просветительские, студенческие и др.

Политическое лицо Рады определяли украинские партии, загнанные царизмом еще после революции 1905–1907 гг. в глубокое подполье и очень обескровленные. После свержения самодержавия на волне всеобщей демократизации они быстро

возрождались и возглавили национально-освободительное движение, латентно накапливая потенции. Самой многочисленной в 1917 г. стала Украинская партия социалистов-революционеров (УПСР) – партия украинского крестьянства. Ее организации существовали еще со времен первой российской революции, хотя учредительный съезд удалось провести только в начале апреля 1917 г. Лидерами УПСР были в основном молодые, а следовательно – и политически малоопытные люди: Н. Н. Ковалевский, П. А. Христюк, М. Е. Шаповал.

Именно к ним присоединился в 1917 г. и один из лидеров ТУП, авторитетный в украинских кругах общественный деятель, выдающийся ученый-историк М. С. Грушевский.

Интеллектуальные силы украинства концентрировались главным образом в Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП) и вокруг нее. Это, прежде всего, самый популярный украинский писатель-романист, драматург начала века В. К. Винниченко, талантливые литераторы, публицисты, ученые, профессиональные революционеры – Д. В. Антонович и Н. В. Порш. Возобновил свое членство в УСДРП в мае 1917 г. и известный к тому времени журналист, литературный и театральный критик С. В. Петлюра.

Украинским социал-демократам удалось оттеснить от руководства Центральной радой даже инициатора ее создания – Товарищество украинских прогрессистов, которое после революции изменило свое название на Украинский союз автономистов-федералистов, а затем – Украинскую партию социалистов-федералистов. Профессорская партия, как ее именовали, имела в своих рядах таких выдающихся ученых-интеллектуалов, как С. А. Ефремов, Д. И. Дорошенко, А. В. Никовский, В. К. Прокопович, М. И. Туган-Барановский. Из этой же среды вышел и М. С. Грушевский, который заочно был избран председателем Центральной рады.

Сформировавшись сначала как киевская (городская) организация, Украинская центральная рада уже своим названием заявила о намерении быть ключевым фактором украинского освободительного движения. И действительно, к ней достаточно быстро потянулись нити связей от всего украинского населения. Рада была переизбрана и значительно расширена на Всеукраинском национальном съезде (конгрессе) 6–8 апреля 1917 г. С этого времени она стала всеукраинским национальным органом. А после включения в конце июля в ее состав представителей многочисленных национальных меньшинств (русских, поляков, евреев) превратилась в краевой (территориальный) орган. Центральная рада быстро росла (летом

в ее рядах было около 700 членов) за счет делегирования в главный орган украинства представителей различных массовых форумов (солдатских, крестьянских, рабочего съездов) от кооперативных, профсоюзных организаций.

Вокруг Центральной рады довольно быстро начали объединяться национально сознательные, политически активные украинцы, которые расценивали момент после свержения самодержавия благоприятным для достижения давней цели национально-освободительного движения – уничтожения национального гнета, завоевания права самим распоряжаться собственной жизнью, возрождения национальной государственности.

Идейно-политическая платформа, которую предложила Центральная рада, точнее ее лидеры – М. С. Грушевский, В. К. Винниченко, С. А. Ефремов и др., впитала в себя доминантные традиции украинской общественно-политической мысли, определяющие положения и требования программ украинских политических партий, главные устремления, настроения широких украинских масс, оперативно проявившиеся в условиях демократических свобод. Краеугольными камнями выбранного курса стали: 1) стремление к народоправию, уничтожению неравенства, эксплуатации, то есть создание строя, который всеми левыми, прогрессивными партиями того времени в мире именовался социалистическим; 2) реализацию автономистско-федералистских принципов национально-государственного устройства, конкретизировавшегося претворением в жизнь лозунгов широкой национально-территориальной автономии Украины в федеративной демократической республике Россия; 3) украинизацию всех направлений деятельности общества.

Осуществление такой концепции, по мнению ее создателей, было бы весомым вкладом украинской нации в демократическое переустройство России, закрепление революционных завоеваний и одновременно гарантировало бы украинскому народу его возрождение во всех сферах общественной жизни: экономической, политической, духовной, государственной.

Целенаправленное движение украинства согласно выработанному плану (концепции) под руководством нескольких массовых политических партий во главе с координационно-организационным центром – Украинской радой с первых же дней после свержения самодержавия приобрело такие масштабы и специфические очертания, что его по праву стали именовать Украинской национально-демократической революцией. Рожденная и стимулируемая общероссийским революционным процессом, будучи его органической составляющей, Украинская

революция в своих стремлениях с пониманием воспринималась демократическими слоями России и с неприязнью – врагами национальной свободы, независимости.

Приняв на себя роль определяющего фактора Украинской революции, Центральная рада сначала надеялась, что Временное правительство, задекларировав свою преданность демократии, само проявит инициативу в предоставлении всем народам бывшей «тюрьмы народов» права на самоопределение. Когда этого не произошло, а первые проявления национально-политической жизни в Украине встретили яростное сопротивление со стороны великодержавников, привели к кампании злостных шовинистических нападок на украинство, лидеры Центральной рады попытались путем переписки и переговоров доказать Временному правительству, что ничего страшного они не добиваются, что реализация платформы Украинской революции не повредит единству государства, а только укрепит его, усилит демократические принципы, обеспечит им широкую поддержку. Однако и эти попытки были грубо отвергнуты.

Лишь после того и под давлением своих же масс Центральная рада встала на путь осторожного введения автономии Украины, по возможности стараясь держаться в пределах легитимности. Объявив о своих намерениях в Первом универсале (июнь 1917 г.), одним из отправных шагов по их осуществлению Центральная рада сделала формирование Генерального секретариата – органа исполнительной власти, правительства Украины.

Не в состоянии больше бороться репрессивными мерами с украинцами, Временное правительство вынуждено было в конце концов фактически признать и Центральную раду представителем украинского народа, и Генеральный секретариат. Правда, за это признание пришлось заплатить немалую цену – Центральная рада приняла обязательство не осуществлять больше самовольных шагов по внедрению автономии до Всероссийского учредительного собрания, прекратить украинизацию армии, а согласилась, чтобы Генеральный секретариат был органом Временного правительства в Украине. Эти позиции были зафиксированы после переговоров с представителями петроградской власти в специальном правительственном постановлении и во Втором универсале Центральной рады.

Лидеры украинства считали, что они поступают единственно верно, воздерживаясь от эскалации противоборства, от силовых методов выхода из перманентной конфликтной ситуации. Временное правительство, напротив, не снижало агрессивности. Временной инструкцией Генеральному секретариату от 4 августа

1917 г. оно крайне бесцеремонно и даже грубо ограничило состав и полномочия генеральных секретарей, признав их прерогативы лишь на половину украинских губерний – Киевскую, Подольскую, Волынскую, Черниговскую и Полтавскую.

Робкие, весьма умеренные, интеллигентные, деликатные попытки Центральной рады противостоять безудержному великодержавному произволу ощутимых результатов не принесли. И не удивительно. Шовинистические действия Временного правительства решительно поддержали почти все общероссийские партии, имевшие достаточно прочные позиции и на самой Украине.

Единственной партией, решительно выступившей в поддержку законных требований украинцев, их шагов к введению собственной государственности, были большевики. Их лидер В. И. Ленин в статьях «Украина», «Украина и поражение правящих партий России», «Не демократично, гражданин Керенский!» и др., опубликованных в «Правде», со всей бескомпромиссностью разоблачал «великорусских держиморд» за их позицию в украинском вопросе.

Процитировав в статье «Украина» положение I Универсала, которые касались требований разрешения национальной проблемы, Ленин отмечал: «Это совершенно ясные слова. С полнейшей точностью заявлено в них, что в данное время украинский народ отделяться от России не хочет. Он требует автономии, ничуть не отрицая необходимости и верховной власти “всероссийского парламента”. Ни один демократ, не говоря уже о социалисте, не решится отрицать полнейшей законности украинских требований. Ни один демократ не может также отрицать *права* Украины на свободное отделение от России: именно безоговорочное признание этого права одно лишь и дает возможность агитировать за вольный союз украинцев и великороссов, за *добровольное* соединение в одно государство двух народов. Именно безоговорочное признание этого права одно лишь в состоянии разорвать на деле, бесповоротно, до конца, с проклятым царистским прошлым, которое *все* сделало для *взаимоотчуждения* народов столь близких и по языку, и по месту проживания, и по характеру, и по истории. Проклятый царизм превращал великороссов в палачей украинского народа, всячески вскармливал в нем ненависть к тем, кто запрещал даже украинским детям говорить и учиться на родном языке»[71].

Гневно заклеймив политику Временного правительства, вождь большевиков показал ее полный крах относительно Украины, призвал соглашательские партии, входившие в коалицию с буржуазией, поддержать права украинцев вплоть до

отделения в собственное государство: «Революционная демократия России, если она хочет быть действительно революционной, действительно демократией, должна порвать с этим прошлым, должна вернуть себе, рабочим и крестьянам России, братское доверие рабочих и крестьян Украины. Этого нельзя сделать без полного признания прав Украины, в том числе *права* на свободное отделение»[72].

Ленин, большевики доказывали: путь к тесному интернациональному единению, как идеалу коммунистов, лежит именно через безоговорочное признание всех национальных требований, какими бы кардинальными они ни были. «Мы не сторонники мелких государств, – писал лидер РСДРП(б). – Мы за теснейший союз рабочих всех стран против капиталистов и “своих” и всех вообще стран. Но именно для того, чтобы этот союз был добровольным, русский рабочий, не доверяя ни в чем и ни на минуту ни буржуазии русской, ни буржуазии украинской, стоит сейчас за право отделения украинцев, *не навязывая* им своей дружбы, а *завоевывая ее* отношением как к равному, как к союзнику и брату в борьбе за социализм»[73].

Деятели украинского политического лагеря высоко оценивали подобную принципиальную позицию.

Однако не все большевики имели одинаковые взгляды на сущность украинской проблемы, пути ее разрешения. Особенно рельефно разнобой сказывался в местных организациях. Так, лидер Киевской организации Г. Л. Пятаков, некоторые его сторонники выступали против лозунга права наций на самоопределение, рассматривали национальное движение как реакционное явление.

Руководство партийных организаций промышленных районов Левобережья, Донбасса, Юга (Э. И. Квиринг, С. И. Гопнер, В. Г. Юдовский, П. И. Старостин, А. И. Хмельницкий и др.) считали эти регионы неопределенно украинскими, предлагали решать вопрос об их включении в состав Украины путем референдумов.

Находясь в эпицентре украинского движения – Киеве, местные большевики очень сложно выстраивали свои отношения с Центральной радой, украинскими партиями, их руководством. В действиях последних наряду с демократическим содержанием в национальной сфере они усматривали противодействие радикальным, максималистским, интернационалистским настроениям и политике РСДРП(б) в главном вопросе – о свержении Временного правительства и установлении диктатуры пролетариата. А потому позиция украинского руководства расценивалась как реакционная, контрреволюционная, буржуазно-националистическая.

Дополнительные основания для усиления конфронтационных настроений у большевиков появились после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде.

По призыву местных большевиков достаточно широкие массы населения Украины поднялись на борьбу за установление Советской власти. Уже в первые дни эта власть восторжествовала в ряде пунктов Донбасса и прифронтовой полосы, имея явную тенденцию к дальнейшему расширению сферы своего влияния.

Центральная рада уже в ночь с 25 на 26 октября 1917 г. создала «Краевой комитет по охране революции» и начала борьбу за утверждение своей власти в Украине. Большевики, войдя в Комитет и Малую раду (Г. Л. Пятаков, И. М. Крейсберг, В. П. Затонский), обусловили свои действия тем, что Центральная рада не будет выступать против вооруженного восстания в Петрограде и не пропустит из Юго-Западного и Румынского фронтов через территорию Украины войска для его подавления. В свою очередь, они приняли на себя обязательства не предпринимать никаких активных действий в Киеве.

Однако уже 26 октября Рада выносит резолюцию с осуждением партии большевиков и петроградского восстания. В документе указывалось, что Рада будет «энергично бороться с любыми попытками поддержки этого восстания на Украине».

В ходе вооруженного восстания 29–31 октября 1917 г. рабочие и солдаты Киева одержали победу над войсками штаба Киевского военного округа – органа Временного правительства. Однако плодами восставших воспользовалась Центральная рада, которая в результате ряда специфических обстоятельств и собственных тонких, предусмотрительных политических маневров, а также непоследовательной линии большевиков смогла добиться передачи ей власти в городе. 1 ноября она опубликовала воззвание, в котором объявила себя высшей краевой властью, а Генеральный секретариат – правительством Украины. В этот же день Генеральный секретариат потребовал от населения безусловного подчинения.

2 ноября на заседании Киевского Совета солдатских депутатов по предложению большевика Я. Б. Гамарника была принята резолюция о признании Центральной рады верховной властью уже в Украине, а в Киеве – власти Советов рабочих и солдатских депутатов. Киевский Совет потребовал созыва Всеукраинского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, на «котором будет избрана Рада, правильно отражающая интересы рабочих, солдат и крестьян», а также созыва Украинского учредительного собрания.

Эти идеи обосновывались и в объявленной большевиками

декларации на заседании исполнительных комитетов киевских Советов рабочих и солдатских депутатов 4 ноября 1917 г. Конечно же, признание Центральной рады краевой властью и планы ее «реорганизации» на совместно созванном Всеукраинском съезде Советов были иллюзорными. Однако важно подчеркнуть, что для большевиков перспектива развития событий в тот момент связывалась с мирным, ненасильственным, путем выборов решения вопроса о власти в Украине. Впрочем, на другой вариант у них просто и не было сил.

Однако Центральная рада не проявляла никаких стремлений к «встречному движению». Она выдала официальные распоряжения о неподчинении декретам и законам Советской власти, военным органам Советского правительства, о запрете вывозить хлеб в северные районы страны. Генеральный секретариат Рады принял меры против введения рабочего контроля над производством, поощрял локауты промышленников, саботаж чиновников, тормозил распространение большевистской прессы, пытался помешать связям местных Советов и комитетов большевиков с Петроградом.

Стремясь решить основной вопрос борьбы – о власти – в свою пользу, Центральная рада поспешила оформить украинскую государственность, противопоставляя ее как молодому общероссийскому Советскому государству, так и использовавшимся тогда большевиками мерам по созданию центральных органов Советской власти в Украине. Эти действия нашли критическую оценку в трудах самих лидеров Центральной рады. Так, председатель Генерального секретариата В. К. Винниченко вскоре утверждал: «…Мы знали только одно государство – буржуазное, современное, со всеми его устоявшимися органами и аппаратами. Мы верили в его вечность, незыблемость, неизменность. Мы знали, что эти государственные органы и аппараты были самыми лучшими средствами нашего национального порабощения. Мы знали, что для того, чтобы освобождение наше было полным, мы должны захватить эти аппараты власти, сделать их своими, то бишь добыть свою национальную государственность.

Так мы и делали. На это шло все наше внимание, энергия, сила, задор. Мы добывали, строили и создавали ту государственность, которую мы знали, какая была перед нашими глазами.

И сколько, действительно, той энергии, сил, упорства, крови и жизни мы вложили в то, чтобы сделать… не свою государственность, враждебную нашей нации, пагубную для нее!

Говоря начистоту, мы решительно ничего не меняли в сути

той государственности, которая была во времена Временного правительства. Ни одной основы ее мы не нарушили. Мы только меняли национальную форму ее – вместо сине-бело-красного флага мы вешали желто-блакитный…»[74]

7 ноября 1917 г. Малая рада утвердила Третий универсал, которым провозглашала образование Украинской Народной Республики и подтверждала установление на ее территории власти Центральной рады и ее Генерального секретариата.

Универсал декларировал отмену помещичьего землевладения, введение восьмичасового рабочего дня, право национально-персональной автономии для национальных меньшинств, прокламировал борьбу за мир, права местного самоуправления в налаживании производства и распределении продуктов.

Руководствуясь непризнанием власти Совнаркома в центре страны и Советов на местах, Центральная рада выступила инициатором создания из национальных единиц и территорий, которые самоопределялись, новой, федеративной демократической Российской республики. Ее политической основой должны были стать однородно-социалистические (многопартийные), а не однопартийные (как в большевистской России) правительства.

6 и 12 ноября представители Генерального секретариата подписали в Ставке Верховного главнокомандования России соглашение о военном сотрудничестве против Советского правительства. Десятого ноября Генеральный секретариат постановил немедленно вступить в переговоры с правительствами Дона и Кубани «о создании единого антисоветского правительства». В ночь на 15 ноября военное правительство А. М. Каледина одобрило предложение Центральной рады о создании «федеративного» антисоветского правительства России.

Таким образом, в развернувшихся событиях Центральная рада заняла не просто антисоветскую, но и активно, даже агрессивно антисоветскую позицию, логично вела ее к открытой конфронтации с Советской властью и, в конце концов, к неизбежному вооруженному столкновению с ней.

24 ноября на заседании Киевского областного Совета рабочих и солдатских депутатов совместно с представителями от Харьковского и Одесского Советов было принято решение о созыве 3 декабря 1917 г. съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины с повесткой дня: 1. Самоопределение Украины. 2. О власти в Украине. 3. Взаимоотношения центра и краевой власти. 4. О созыве Украинского учредительного собрания. 5. Организационные

вопросы. Было избрано Оргбюро по созыву съезда и утверждены нормы представительства, задачи съезда.

Однако Киевский комитет РСДРП(б) и местный Совет ничего не сделали для охраны съезда, для приведения сил большевиков в состояние боевой готовности.

Рада, наоборот, обнаружила достаточную гибкость. От отрицания необходимости созыва съезда Советов она стала высказываться за участие в нем, хотя в прессе начала доказывать, что принятые нормы представительства недемократические, не отражают народной воли. Центр тяжести был перенесен в плоскость практической борьбы против сторонников большевиков. Украинская Рада принимала активное участие в кампании по ликвидации Военно-революционного комитета во главе с Л. Л. Пятаковым. 28 ноября по приказу Центрального Совета в Киеве началось разоружение отрядов Красной гвардии и революционно настроенных воинских частей. Были арестованы выборные командиры.

В то же время сторонники Центральной рады начали стягивать верные себе войска в Киев – место созыва съезда Советов. В конце ноября они располагали более 20 000 офицеров и солдат, тогда как в распоряжении киевского ВРК было 6500 революционных солдат и 2000 красногвардейцев.

Утром 29 ноября верные Центральной раде войска разоружили практически все более или менее значительные части революционных войск и красногвардейские отряды и, погрузив в железнодорожные составы, их отправили за пределы Украины. Были арестованы Л. Л. Пятаков, Е. Г. Горбачев и другие большевики.

Возмущенные этим, члены ряда трудовых коллективов приняли на заседаниях различных организаций, собраниях, митингах резолюции протеста. Однако самое большое, что они могли сделать, – провели 1 декабря однодневную всеобщую политическую стачку.

Центральная рада тем временем усиливала силовые акции. В первые дни декабря по ее приказу гайдамаки разоружали революционные войска, красногвардейские отряды, разгоняли Советы рабочих и солдатских депутатов, арестовывали и расстреливали большевиков, революционных рабочих, солдат и крестьян. Попытки захватить оружие и разоружить красногвардейцев имели место в Екатеринославе, Луганске, Мариуполе, Николаеве и других городах. В Одессе было спровоцировано вооруженное столкновение с Красной гвардией, в Полтаве, Конотопе, Ананьеве распущены советы. В Бердичев, Винницу, Коростень, Казатин, Здолбунов введены

украинизированные войска, разоружен ряд гарнизонов прифронтовой полосы ЮгоЗападного и Румынского фронтов, разогнаны революционные организации. В то же время, по распоряжению Центральной рады на Дон пропускались казачьи части для поддержки калединского мятежа против власти Советов и задерживались революционные войска и красногвардейские отряды, которые Советское правительство посылало для разгрома калединцев.

Обеспокоенные обострением событий в Украине, руководители Советской страны вынесли 3 декабря на обсуждение СНК вопрос о положении в Украине и отношениях с Центральной Радой. Была создана комиссия для выработки проектов манифеста к украинскому народу и ультиматума Раде. Документ готовился в основном В. И. Лениным. Участвовали в составлении текста и редактировании Л. Д. Троцкий и И. В. Сталин.

4 декабря, накануне Всеукраинского съезда Советов, СНК обнародовал «Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской раде». Прежде всего, это была попытка предотвратить военный способ разрешения конфликта. Манифест признал право всех народов, в том числе украинского, на национальную независимость. «„Мы, Совет Народных Комиссаров, – говорилось в нем, – признаем народную Украинскую республику, ее право совершенно отделиться от России или вступить в договор с Российской республикой о федеративных и тому подобных взаимоотношениях между ними»[75]. Одновременно Совнарком провозглашал единство действий, братский союз русских и украинских рабочих, всех трудящихся в борьбе за власть Советов. Квалифицируя действия Центральной рады против Советской власти как враждебные и вероломные, Совнарком потребовал от нее не пропускать на Дон, Урал и в другие места страны контрреволюционные части, прекратить дезорганизацию фронта, разоружение советских полков и рабочей Красной гвардии в Украине, немедленно вернуть отобранное у них оружие. Совет народных комиссаров заявил, что в случае невыполнения выдвинутых требований «будет считать Раду в состоянии открытой войны против Советской власти в России и на Украине»[76].

Центральная рада, естественно, отказалась выполнять требования Совета народных комиссаров. Руководители УНР развернули шумную кампанию, считая свою борьбу против Советов в Украине и в России войной между Украиной и Россией.

СНК, рассмотрев 5 декабря 1917 г. телеграмму из Киева

относительно ультиматума, решил «признать ответ Рады неудовлетворительным» и «считать Раду в состоянии войны с нами»[77].

В Киеве же сторонники Центральной рады предприняли тем временем решительные меры, направленные на перелом ситуации в свою пользу. Получив солидное подкрепление – около 2000 крестьян из ближайших к Киеву уездов, вызванных срочно Крестьянским союзом (селоспилкой) на Всеукраинский съезд Советов, Рада осуществила энергичные шаги. Ее сторонники захватили помещение мандатной комиссии, самовольно выписали себе мандаты участников съезда. Избранные по инициативе официального Оргбюро по созыву съезда делегаты были в результате растворены в массе сторонников Центральной рады.

В ответ на предложение представителя Оргбюро по созыву съезда В. П. Затонского, открывавшего съезд 4 декабря в доме Купеческого собрания, проверить полномочия делегатов оппоненты большевиков потребовали изменить нормы представительства на съезде. Считая невозможным дальнейшую работу в такой атмосфере, по призыву членов РСДРП(б) около 200 делегатов (большевики, меньшевики, эсеры, меньшевики-интернационалисты, украинские социал-демократы и беспартийные) после провозглашения декларации 5 декабря оставили собрание, провели совещание, на котором решили перенести работу съезда в Харьков.

Когда делегаты, которые оставили киевский съезд, смогли прибыть в Харьков, там проходил III съезд Советов Донецкого и Криворожского бассейнов. Объединившись с делегатами из Киева, новый форум конституировался как I Всеукраинский съезд Советов. В его работе, проходившей 11–12 декабря 1917 г., принимали участие делегаты 46 Советов Донецко-Криворожской области, 32 Советов Юго-Западного края и 4 Советов Юга Украины. На съезде были представлены рабочие, трудящиеся губернских центров, крупных городов, основных районов Украины. Вместе с большевиками среди делегатов были меньшевики, эсеры, представители других партий, что обусловило острую борьбу по ряду вопросов.

Обсудив проблему организации власти, съезд объявил создание Украинского советского государства. «Власть на территории Украинской республики, – говорилось в постановлении съезда, – отныне принадлежит исключительно Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов: на местах – уездным, городским, губернским и областным Советам, а в центре – Всероссийскому съезду Советов рабочих и солдатских

депутатов, его Центральному Исполнительному Комитету и тем органам, которые он создаст.

Украина объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»[78]. При этом официальное название новообразованного государства было заимствовано у уже существующего – Украинская Народная Республика.

Съезд признал все постановления и распоряжения Центральной рады антинародными и недействительными. ЦИК Советов было поручено распространить на территорию Украинской Советской Республики действие всех декретов и распоряжений Советского правительства Российской Федерации, прежде всего – декретов о земле, рабочем контроле над производством, о демократизации армии.

Форум принял решение установить между Советской Украиной и Советской Россией тесные братские связи, «полную согласованность в целях и действиях, необходимую в интересах рабочих и крестьян всех народов Российской Федерации». В резолюции «О самоопределения Украины» Украинская Советская Республика была признана федеративной частью Российской республики и заявлялось, что рабочие и крестьяне будут решительно бороться против контрреволюционной Центральной рады, за свою республику, «основанную на тесной солидарности трудящихся масс Украины, независимо от их национальной принадлежности, с трудящимися массами всей России»[79].

Через несколько дней в Харькове было сформировано и правительство УССР Советской Украины – Народный секретариат.

Создание Украинской Советской Республики встретило всецелое одобрение Совета Народных Комиссаров. «Приветствуя образование в Харькове истинно народной Советской власти на Украине, видя в этой рабочей и крестьянской Раде подлинное правительство Народной Украинской Республики, – говорилось в телеграмме Советского правительства ЦИК Советов Украины, – Совет Народных Комиссаров обещает новому правительству братской республики полную и всемерную поддержку в деле борьбы за мир, а также в деле передачи всех земель, фабрик, заводов и банков трудящемуся народу Украины»[80].

Центральная рада, разумеется, не только не признала решений I Всеукраинского съезда Советов, но и развернула кампанию, направленную на дискредитацию принятых съездом решений, усилила борьбу против Советов, всех революционных сил. В этих условиях ВЦИК, Совет народных комиссаров, пытаясь разрядить обстановку, признав уже в Украине власть Всеукраинского центрального исполнительного комитета Советов и Народного секретариата – первого полномочного правительства

рабоче-крестьянской Украины, пообещав им всестороннюю поддержку и помощь, нашли возможным – с целью прекращения военного конфликта и предотвращения нового кровопролития – пойти на переговоры с Центральной радой. При этом резолюция, подготовленная В. И. Лениным и принятая СНК 19 декабря, согласовывалась с ВУЦИК. В ней высказывалось твердое убеждение, что только победа Советской власти в Украине создаст условия, при которых станут невозможными любые недоразумения и конфликты между братскими народами.

Ленин надеялся, что успеху переговоров будет способствовать то, что для их ведения привлекались левые эсеры: В. А. Карелин, И. З. Штейнберг, П. П. Прошьян[81].

Однако Центральная рада, дав устное согласие на ведение переговоров, увеличила масштаб репрессий против своих противников. На Румынском фронте был убит комиссар фронта, большевик С. Г. Рошаль, на Юго-Западном – арестован комиссар фронта, член Всероссийского ЦИК Г. И. Чудновский. 25 декабря ночью был арестован и вскоре убит глава Киевского ВРК Л. Л. Пятаков.

Но остановить лавинообразно нарастающий процесс борьбы трудящихся Украины за повсеместное установление власти Советов уже было невозможно.

Силам социалистической революции в Украине эффективную помощь оказывали военные отряды, которые прибывали из Советской России. Казалось бы, количество их было небольшим – всего 32 тыс. Причем около 20 тыс. направились из Харькова – основного места своей дислокации – на калединский фронт: через Никитовку на Ростов. Определенное количество из оставшихся 12 тыс. устремились на Екатеринослав – Александровск – Одессу, что в определенной мере в тот момент представляло собой фланг калединского фронта. И значительно меньшая часть могла принять участие в начатом 3 января 1918 г. походе на Киев. Около половины участников этого похода (а в нем приняло участие по самым оптимальным оценкам – до 10 тыс.) были местными красногвардейцами и солдатами[82].

Однако и такому ограниченному контингенту Центральная рада не смогла противопоставить сколько-нибудь серьезного сопротивления. Ее вооруженные силы катастрофически таяли, по сути не доходя до прямых столкновений с красными отрядами. В этих условиях Центральная рада пошла на решительный шаг. Считая в принципе своим идеалом федеративный принцип переустройства России, 12 января 1918 г. она приняла IV Универсал (официально под документом обозначена дата – 9 января), которым УНР провозглашалась свободной, ни от кого не

зависимой, суверенной республикой украинского народа. Расчет был прост: а) отмежеваться от процессов, охвативших Россию и получивших наименование триумфального шествия революции; б) сформировать юридические основания для участия в Брестских переговорах на полноправной основе; в) попытаться договориться с Германией и Австро-Венгрией об отправке в Украину на помощь Центральной раде украинских военнопленных, сформировав из них воинские части.

Оперативнее всего удалось выполнить вторую задачу: было заключено соглашение УНР со странами Четверного союза. Правда, в результате наиболее вероятной перспективой вырисовывалась оккупация Украины новоиспеченными союзниками.

Украинская советская государственность, таким образом, рождалась в чрезвычайной борьбе страстей, под неумолкаемый гул артиллерийских и ружейных канонад, топот кованых копыт, в огромных муках и крови.

Кто бы мог утверждать, что история выбирает единственно верный маршрут? Кто бы взялся безоговорочно доказывать, что революционная практика, преодолевая различные преграды, во всем соответствует марксистской теории, является оптимальным воплощением в жизнь тех высоких представлений о новом строе, об отношениях между народами и нациями, которые вдохновляли поколения борцов против эксплуатации, угнетения, неравенства на самые дерзновенные порывы?

Хотя тогда, на рубеже 1917 и 1918 гг., Н. А. Скрыпник усиленно пытался разобраться в ситуации в Украине и хорошо понимал, что на расстоянии прочувствовать все ее нюансы, тонкости невозможно. Беспокоило и то, что долголетнее пребывание за пределами Родины не могло не отразиться на глубине осведомленности с ее проблемами последнего десятилетия, с новейшими явлениями в духовной жизни…

Возможно, все это в определенной степени порождало нерешительность, создавало внутреннее предостережение, обусловившее задержку с отъездом.

Мария Николаевна Скрыпник позже воссоздавала ситуацию и в несколько ином ракурсе. Она в то время работала в секретариате Совнаркома и ведала приемом делегаций В. И. Лениным. «Очевидно, у Ленина сложилось мнение, что я препятствовала отъезду т. Скрыпника на Украину, – писала жена Николая Алексеевича. – Убедилась я в этом, когда однажды он вызвал меня к себе и, укоризненно глядя на меня, спросил:

– Когда Скрыпник выезжает на Украину? Его там ждут.

Я почувствовала в его словах упрек и сказала:

– Владимир Ильич, разве нет, кроме Скрыпника, украинцев, которые там будут полезны?

В ответ на мои слова он строго заметил мне:

– Нам нужен не только украинец, а именно Скрыпник, – и недовольно отвернулся от меня.

Я в тот же день передала его слова т. Скрыпнику, несмотря на то что лично была расстроена этой командировкой.

У меня теплилась надежда, что Ленин изменит свое решение и Скрыпник останется в Петрограде, где его знали рабочие массы как одного из руководителей фабрично-заводских комитетов. На третий день Ленин снова вызвал меня к себе в кабинет и, держа в руках телеграмму, сказал:

– Повлияйте на т. Скрыпника, чтобы он быстрее ехал на Украину.

При этом Ленин посмотрел на меня не строго, а мягко. Очевидно, он не мог проявить черствости по отношению ко мне, чувствуя и понимая мою тревогу.

– Не задерживайте его, – добавил он, внимательно посмотрев на меня.

Я была смущена тем, что Ленин повторно дал мне почувствовать, что я препятствую поездке Скрыпника на Украину. Но то, что Ленин на этот раз не упрекал меня, а подошел ко мне с другой стороны, заставило меня почувствовать свою вину перед партией.

– Я его не задерживаю. Он находится в распоряжении партии. Если вы считаете нужным, он поедет.

У Ленина стоял т. Сталин и иронично на меня поглядывал. Когда я выходила из кабинета, Ленин еще раз сказал мне:

– Передайте ему сегодня же, чтобы он ехал.

Через несколько дней Скрыпник отбыл на Украину…»[83]

Насколько рассказ Марии Николаевны точно определяет главную причину задержки Николая Алексеевича в Петрограде – сказать трудно. Но понять любящую, заботливую женщину можно.

К тому же она в это время болела и очень волновалась, когда несколько дней не могла получить сообщение о пребывании Н. А. Скрыпника в Украине – он направился в Харьков, 1 января 1918 г. уже включился в бурную работу. Делам не было конца, и все они представлялись сверхважными и архисрочными. Народный секретарь выбивался из сил и некоторое время не мог послать ни одной весточки о себе. А в такое тревожное время могло случиться что угодно.

Бесспорно, супруги обсуждали и предстоящую поездку Николая Алексеевича, который мысленно еще и еще раз обращался к довольно долгому, обстоятельному разговору с

Лениным. Касался он, прежде всего, сложного положения в Украине. Огромный регион с сильными революционными традициями, многочисленными отрядами пролетариата и большевиков превратился к началу 1918 г. в место притяжения всероссийских контрреволюционных сил. Только в Киеве сконцентрировалось более 30 тыс. офицеров старой российской армии, прибыло немало политических оппонентов большевиков, спасавшихся от Советской власти.

В общем положение в Украине на деле оказалось даже сложнее пессимистических предположений. Едва успел Народный секретариат перебазироваться в занятый красными войсками Киев и развернуть свою деятельность, как началось наступление немецких и австро-венгерских войск, осуществлявшееся согласно договору с Центральной радой. За ликвидацию большевистской власти Рада пообещала поставить в страны Четверного союза огромное количество продовольствия и сырья: только одного хлеба – 60 млн пудов.

Большевики призывали массы стать на защиту Родины, занялись формированием вооруженных отрядов, возглавили их борьбу с иностранными оккупантами. При таких обстоятельствах нагрузка на каждого народного секретаря заметно возросла. Н. А. Скрыпник занял пост народного секретаря торговли и промышленности. Однако главной задачей каждого члена правительства была мобилизация народных сил на отпор врагу. Этому подчинялась вся работа каждого народного секретаря. Состав же их при таких обстоятельствах менялся, менялись и конкретные поручения.

Некоторое время в Народном секретариате Украины официального председателя не было. В основном его функции исполняла народный секретарь внутренних дел Е. Б. Бош. Но после эвакуации правительства из Киева в Полтаву между его членами возникли противоречия по поводу тактики обороны советской республики. Те, кто придерживался левых взглядов (к ним принадлежала и Е. Б. Бош), вместе с «левыми коммунистами» (среди них – Г. Л. Пятаков, оставивший пост комиссара (управляющего) Госбанком РСФСР и прибывший в Украину для организации борьбы с захватчиками) считали в момент тяжких испытаний необходимым лично участвовать в боевых действиях. После очередного заседания правительства 2 марта 1918 г. они отправились на фронт, на участок Гребенка – Ромодан.

Пришлось еще раз пересмотреть функции народных секретарей, еще раз скорректировать структуру правительства. При таких обстоятельствах 4 марта 1918 г. Н. А. Скрыпник назначается ЦИК Советов Украины председателем Народного

секретариата и народным секретарем иностранных дел[84].

От ясного, четкого представления новоизбранного председателя правительства о ситуации, в которой находилась тогдашняя Украина, от глубины осознания ее реального статуса в отношениях как с другими национально-государственными образованиями бывшей империи, так и со своими западными соседями, во многом зависела политика, линия поведения Народного секретариата. Вот когда огромную службу Николаю Алексеевичу должно было сослужить знание тех процессов, которые развивались в крае в течение 1917 – первых месяцев 1918 г.

Однако, пожалуй, нельзя опять не отметить, что Н. А. Скрыпник в основном знал об этих событиях из периодики, от товарищей по партии. Непосредственное участие в решении тех или иных проблем, в частности национально-государственных, он начал принимать только в самое последнее время. И если стремиться выяснить гносеологию взглядов Скрыпника на пути развития Украины, то все же придется признать, что до марта 1918 г. украинские проблемы носили для него больше теоретическо-абстрактный характер.

Очевидно, нельзя считать, что к данному моменту Николай Алексеевич довольно глубоко владел и теоретическими знаниями в национальном вопросе вообще. Во всяком случае, в своих публикациях он этой проблемы практически не касался. В результате получилось так, что к решению задач национально-государственного, а дальше – и национально-партийного строительства он был якобы в целом и подготовлен, хотя считать эту готовность оптимальной все же нельзя.

В день своего назначения на высшую правительственную должность Н. А. Скрыпник направил наркому по делам национальностей РСФСР И. В. Сталину телеграмму о положении в Украине. К тому времени главе правительства Украины еще не было известно о подписании Советской Россией Брестского мира. Как интернационалист, Николай Алексеевич высказывался за подписание такого соглашения ради сохранения завоеваний революции.

«Ваша телеграмма, – писал Н. А. Скрыпник, – заставляет предполагать, что в связи с пунктом четвертым мирного договора Совнарком вынужден рассматривать Украину как находящуюся вне Федерации и лишь в дружеском соглашении. Так ли это? Если так, скажите определенно, если не так, то как именно смотрит Совнарком. Это очень важно знать, потому что этим определяется очень многое, ибо, как Вам известно, мы до сих пор продолжаем стоять на почве федерации, если необходимость спасения

революции не вынудит стать на иную позицию вас. И мое личное мнение, [что] сейчас нужно отстоять базу для социалистической революции хотя бы лишь на известной территории, если это лишь возможно. Поэтому, по-моему, следует руководствоваться не столько соображениями связи или нейтралитета по отношению к Украине, но, прежде всего, интересами дальнейшего развития социальной революции. Повторяю, это мое личное мнение, и мне самому, как работающему здесь, больно предчувствовать возможность вашего формального нейтралитета, но пусть определяет не это, а интересы общесоциалистической борьбы»[85].

Скрыпник, другие большевики, входившие в ЦИК Советов Украины, Народный секретариат, направляя борьбу масс против австро-немецкого нашествия, одновременно провели работу по подготовке II Всеукраинского съезда Советов (17–19 марта 1918 г.), на который вынесли самые животрепещущие вопросы тогдашнего положения республики.

Глава правительства выступил на съезде с приветствием, речами о текущем и политическом моменте.

Хотя большевики и не имели преимущества на съезде (они даже составляли вторую по численности фракцию: к началу съезда левых эсеров было 414, а большевиков – 401), опираясь на левые элементы из других партий (кроме левых эсеров, левые украинские социал-демократы, максималисты), они добились проведения своей линии, своих решений.

Большинство делегатов Всеукраинского съезда после упорной борьбы поддержали курс VII съезда РКП(б) на мирную передышку и согласились с Брестским миром. Учитывая условия последнего, которыми разрывалась связь Украины с Россией, съезд объявил Украину независимой советской республикой и заявил, что, по сути, отношения братских республик остаются прежними.

Для информации об итогах съезда, а также для достижения договоренности о форме взаимоотношений между РСФСР и Советской Украиной в связи с подписанием Брестского мира и австро-германской оккупацией Украины 26 марта 1918 г. было принято решение направить в Москву Чрезвычайное полномочное посольство ЦИК Советов Украины и Народного Секретариата[86]. В специальном мандате значилось: «Именем Украинской рабоче-крестьянской республики.

Рабоче-Крестьянское правительство Украины – Центральный Исполнительный Комитет Всеукраинского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Народный Секретариат Украинской Народной Республики уполномочивают Чрезвычайное Полномочное Посольство декларировать самостоятельность Украинской Советской Федеративной

Республики перед Правительством Российской Советской Федеративной Республики и вести переговоры с Советом Народных Комиссаров относительно заключения договора между обеими советскими Федерациями – Российской и Украинской.

Чрезвычайное Полномочное посольство состоит из Председателя Народного Секретариата, Народного Секретаря Иностранных дел Николая Алексеевича Скрыпника, народного Секретаря Внутренних Дел Юрия Михайловича Коцюбинского и Народного Секретаря Образования и Межнациональных дел Николая Евтихиевича Врублевского. Вышеупомянутые члены Чрезвычайного Полномочного Посольства имеют право от имени Рабоче-Крестьянского Правительства Украины составлять заявления и подписывать договоры, обязательные для государства Украинского»[87].

Слова в мандате звучат довольно претенциозно, даже торжественно. Но в жизни все было не только значительно прозаичнее, но и часто просто беспомощнее.

Немало усилий стоило, в частности, документально оформить тот же мандат. В условиях спешной эвакуации невозможно было сразу найти главу ВУЦИК В. П. Затонского, затем – печать высшего органа государственной власти УССР, по поводу чего Н. А. Скрыпник и Г. Л. Лапчинский (тогда временно исполнял обязанности главного писаря Народного секретариата) затеяли безрезультатную переписку[88]. Комендант Таганрога не имел возможности найти для полномочного посольства поезда и некоторое время согласовывал с В. А. Антоновым-Овсеенко вопрос о том, чтобы прицепить вагон с высокими чиновниками к товарному поезду и негласно осмотреть их багаж, и тем самым сорвал экстренный отъезд в Москву[89]. Не имели практического последствия и обращения Н. А. Скрыпника, его товарищей к разным ведомствам в Москве с просьбами ускорить их проезд по территории РСФСР. Часами посольство УССР ждало на станциях оказии и в конце концов соглашалось продолжать путь, когда вагон таки цепляли к товарным эшелонам[90].

Конечно, все это не добавляло энтузиазма, в определенной степени раздражало, однако не ввергало высоких посланцев в отчаяние. Прибыв в Москву, Скрыпник сразу же подготовил статью «Новое состояние революции на Украине», в которой попытался дать более полную и точную информацию о событиях в республике, которые российской прессой часто освещались неточно и неверно. В статье говорилось о расстановке сил, настроениях масс, отношении к Брестскому миру, взаимоотношениях с левыми эсерами, о перспективах революционной борьбы. Специально выделялся раздел «Цель

приезда в Москву», в котором говорилось: «Нас послал Центральный Исполнительный Комитет украинских Советов и Народный Секретариат, чтобы официально заявить перед Советом Народных Комиссаров и Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом о провозглашении вторым Всеукраинским съездом Советов независимости Украины.

Далее, мы приехали как посольство от независимого государства, чтобы заявить, что наше отношение к Российской Федерации будет вполне дружеским.

Мы хорошо понимаем, что в данный момент Советская власть России не может нам прийти на помощь, но мы надеемся на свои собственные силы, растущие с каждым днем, потому что массы все больше понимают, что их спасение – в закреплении и усилении на Украине Советской власти»[91].

1 апреля 1918 г. Николай Алексеевич выступил на заседании ВЦИК РСФСР. Рассказав о бедственном положении в республике, о сопротивлении масс оккупантам и их сообщникам, глава Чрезвычайного посольства остановился на решениях II Всеукраинского съезда Советов: «Весь украинский съезд признал, что навязанный Австро-Германией Российской Федерации мирный договор формально разрывал те федеративные узы, которые до сих пор связывали Российскую Федерацию с Украиной. Мы, товарищи, всегда были сторонниками объединения всех трудящихся масс, всего рабочего класса, всего беднейшего класса в единую силу, которая борется против единого врага – мирового капитала, и мы всегда боролись против того, чтобы какие-либо шовинистические побуждения отделяли Украину от всей Советской Федерации, но сейчас цели борьбы, одинаково стоящие перед нами и перед вами, заставляют нас признать, что этот навязанный Германией (Российской) Федерации мирный договор формально подрывает федеративные узы и украинский революционный народ становится самостоятельной Советской республикой. Конечно, по сути объединение обеих республик остается прежним. Мы уверены, съезд этот заявит громогласно в своей резолюции, мы уверены, что в дальнейшей борьбе трудящихся масс федеративная связь будет восстановлена и все советские республики объединятся в единую мировую социалистическую республику»[92].

3 апреля на заседании Совнаркома члены Чрезвычайного посольства огласили декларацию о вынужденном условиями Брестского мира разрыве федеративных связей с Советской Россией и провозглашении Украины самостоятельной республикой. В декларации говорилось, что украинский народ не смирится с оккупацией и будет продолжать борьбу против австро-

немецких захватчиков и внутренней контрреволюции, за восстановление власти Советов в Украине и укрепление братских связей с Советской Россией. Совнарком РСФСР принял декларацию к сведению и в специальной резолюции (автор Г. В. Чичерин) выразил «свое восторженное сочувствие героической борьбе трудящихся и эксплуатируемых масс Украины, которые в настоящее время являются одним из передовых отрядов всемирной социальной революции»[93].

Хорошо известно, что международные отношения, дипломатическая практика всегда имели и имеют не только парадную, показную сторону. За официальным фасадом часто скрываются и немалые противоречия, проблемы, которые порой принимают достаточно острые формы, требуют немалых усилий для согласования, сопровождаются усложнениями личностных отношений. Не обошлось без неприятностей и в данном случае.

Параллельно с громкими декларациями все острее проявлялись конфликтные, в чем-то даже скандальные тенденции в отношениях между должностными лицами УССР и РСФСР. Дело заключалось в том, что, эвакуируясь из Украины, Народный секретариат вывозил определенный объем ценностей, и еще до прибытия Чрезвычайного посольства в Москву уполномоченные правительством лица начали сдавать ценные бумаги и вещи в Государственный банк России, другие учреждения столицы РСФСР. Однако в первый же день пребывания в Москве Н. А. Скрыпник, его коллеги поняли, что практического доступа к достояниям Украины они в дальнейшем иметь не будут. Возникали проблемы и относительно судьбы банковских кредитных билетов, выпущенных в свое время Центральной радой. Ведь подписанный РСФСР Брестский мир можно было истолковать и таким образом, что использование упомянутых ценных бумаг в финансовых операциях РСФСР воспринималось бы как опосредованная недружественная акция касательно Украины, то есть как нарушение взятых на себя Россией обязательств.

Поэтому уже 1 апреля 1918 г. Н. А. Скрыпник собственноручно написал три официальных документа о необходимости прекращения сдачи ценностей, привезенных из Екатеринослава, и возвращение их, как и тех, которые уже были приняты Московской конторой госбанка в Таганроге, в распоряжение Народного секретариата Украины[94]. Тогда же было положено начало интенсивной переписке с И. В. Сталиным, Г. В. Чичериным, Л. М. Караханом (член Коллегии иностранных дел РСФСР), однако московские правительственные чиновники не хотели принимать представителей Украины, под разными

предлогами затягивали с решением вопросов, которые выдвигала украинская сторона[95].

Аргументы, к которым прибегала российская сторона, – будто бы екатеринославские ценности зачисляются в качестве возмещения выделенных ранее Советской Украине кредитов, – Н. А. Скрыпник и его коллеги считали безосновательными. Поэтому ответственным лицам, которые сопровождали ценности из Украины, было отдано распоряжение прекратить их сдачу в банки Москвы и под охраной вернуть в Таганрог[96]. А в соответствующем обращении к СНК, рядом с необходимыми для такого рода документов дипломатическими атрибутами (заверениям в уважении, дружбе и т. д.), находился и довольно резкий элемент – подтверждение позиций о возвращении сданных ценностей, а также то, что данная просьба не означает «нашего примирения с недопустимым затягиванием общего возврата Народному Секретариату всех эвакуированных ценностей»[97].

Тогда же была подготовлена доверенность на имя члена посольства народного секретаря М. Е. Врублевского «получить от правительства Российской Федерации ценности, эвакуированные из Украины, полностью или частично»[98].

Последний из обнаруженных документов по данному вопросу датирован 6 апреля 1918 г. Это еще одно обращение к правительству Российской Федерации за подписью председателя Народного секретариата Украинской Советской Республики и ряда народных секретарей. В нем сконцентрирована сущность коллизии, приобретшая к тому времени весьма неприглядный вид: «Из-за наступления немецких войск, ценности, которые находятся в распоряжении Народного Секретариата Украинской Советской Республики, были эвакуированы в разные отделения Государственного банка (в Москву, Самару, Саратов, а также в Нижний Новгород и Воронеж). Ценности эти были эвакуированы из Киева, Полтавы, Екатеринослава, Харькова и других городов Украины. В числе ценностей находятся: кредитные билеты, выпущенные Центральной Радой, казначейские обязательства, местные торгово-промышленные обязательства и векселя, кредитные билеты и т. д. Сданы они были в Государственный банк под самыми разными формами: как такие, которые находятся в распоряжении Народного Секретариата или Центр. Исп. Ком., или отдельных советов Украины, или даже просто как эвакуированные из отделений Гос. Банка на Украине.

Посредством следующих переговоров Совета Народных Комиссаров с Центральной Радой эти ценности, являющиеся достоянием трудящихся масс Украины и временно находящиеся на хранении в Гос. Банке Российской Федерации, могут стать

предметом посягательств контрреволюционной Рады; тогда как они нужны для дела борьбы украинских трудящихся масс. В частности, т. н. рубли могут быть аннулированы Центральной Радой: потерять свою ценность.

Поэтому просим Совет Народных Комиссаров Российской Федерации сделать общее распоряжение о немедленной выдаче Народному Секретариату Советской Украинской Республики ценностей, эвакуированных из Украины в Россию»[99].

С этой ситуацией переплелось событие, которое, с одной стороны, высветило истинное отношение тогдашнего наркома по делам национальностей, а впоследствии высшего руководителя партии и государства И. В. Сталина к Украине, ее суверенитету, ее полномочным представителям, а с другой, многое определило в его будущих личных отношениях с одним из самых талантливых деятелей Украины тех лет – Н. А. Скрыпником.

4 апреля 1918 г. председатель ЦИК Советов Украины В. П. Затонский имел разговор по прямому проводу с И. В. Сталиным[100]. Позже он пытался доказывать, что разговор носил частный характер и имел целью просто передать Н. А. Скрыпнику, с которым вроде бы не было возможности связаться, новейшую информацию о событиях в районе Ростова – Таганрога, о настроениях партийных, советских, военных работников, намерениях активизировать совместную борьбу по отпору австро-немецким оккупантам, планах прибегнуть с этой целью к ряду организационно-технических и военных мероприятий[101].

Не исключено, что Затонский сознательно использовал такой «дипломатический ход» для зондажа позиций одного из самых влиятельных должностных лиц в РСФСР (которому в вопросах политики в национальных регионах безоговорочно доверял Ленин) относительно избираемой, намечаемой линии поведения, а также уже осуществляемых, хотя и не санкционированных центром шагов. Хотел того Затонский или нет, однако он спровоцировал Сталина, озабоченного возможным втягиванием Дона – одной из областей РСФСР – в борьбу против немцев, как возможного повода для срыва Брестского мира, на решительное, категорическое осуждение действий украинского советского руководства. С присущей ему прямолинейностью Сталин грубо оборвал председателя ВУЦИК и раздраженно заявил: «Мы все здесь думаем, что ЦИК Ук. должен, нравственно обязан покинуть Таганрог и Ростов. Достаточно играли в Правительство и Республику, кажется хватило, пора бросить игру. Прошу передать копию этой записки Чрезвычайному Комитету (так в тексте, возможно – Посольству. – *В. С.),* Серго (Г. К. Орджоникидзе. – *В. С.),* Донскому Ревкому и ЦИК Ук. Нарком Сталин»[102].

Конечно, такая, возможно, по большому счету в чем-то и понятная реакция, выраженная в совершенно недопустимой для деятеля высокого государственного масштаба форме, вызвала естественное возмущение представителей Украинской Социалистической Советской Республики. Чрезвычайное посольство срочно подготовило заявление правительству Российской Советской Федерации. Его подписали председатель Народного секретариата Н. А. Скрыпник, другие народные секретари. «Мы должны заявить самый решительный протест против выступления наркома Сталина, – говорилось в документе. – Мы должны заявить, что ЦИК Советов Украины и Народный Секретариат имеют источниками своих действий не то или иное отношение того или иного НАРКОМА Российской Федерации, но волю трудящихся масс Украины, выразившуюся в постановлении II-го Всеукраинского съезда Советов. Заявления, подобные сделанному наркомом Сталиным, направлены ко взрыву Советской власти на Украине и не могут быть допускаемы со стороны представителя Советского правительства соседней Республики. Трудящиеся массы Украины ведут свою борьбу со своей буржуазной контрреволюцией независимо от того или иного решения Совнаркома Российской Федерации, и взрывается советская власть на Украине сейчас штыками германских войск. И если кто-нибудь осмеливается назвать борьбу украинской трудящейся массы “игрою”, “которую” пора прекратить, то сами борющиеся массы Украины думают иначе, и те делегации, которые обращаются к нам даже из занятых германцами местностей Украины, подтверждают это, как и та борьба, которая теперь ведется нашими войсками. Дружественное отношение, к которому обязался Сов. Нар. Комиссаров Российской Федерации по отношению к Украинской Республике требуют недопущения заявлений, направленных ко взрыву советской власти на Украине и прямо способствующих врагам украинских трудящихся масс»[103].

Далее Полномочное представительство Украины попыталось доказать, что его деятельность ни в коей мере не может рассматриваться противоречащей Брестскому соглашению и может привести к конфликту между РСФСР и Германией. «Отдельные группы и части Российской Федерации, [которые] от нее откалываются (Крым, Дон и т. д.), сейчас предлагают Украинской Народной Республике (речь, конечно, о советской УНР. – *В. С.)* создание «Южной Советской Федерации». Но Народный Секретариат всегда стремился объединить для борьбы с Центральной Радой трудящиеся массы местностей, на которые посягает эта Центральная Рада, но нисколько не имеет намерений

втягивать в свою борьбу Российскую Федерацию или ее отдельные части»[104].

Авторы документа коснулись и вопроса, который вряд ли в то время имел однозначное толкование, – о принадлежности части Области Войска Донского (а именно Таганрогского округа) Украине: «Относительно требований Наркома Сталина, чтобы Народный Секретариат Украины покинул Таганрог, мы лишь укажем, что Таганрог является частью территорий Украинской Народной Республики и лишь население этой территории может заявить, к какой Советской Федерации оно желает принадлежать – Российской или Украинской»[105].

Чрезвычайное и полномочное Посольство выразило просьбу к правительству РСФСР «сделать надлежащее разъяснение относительно выступления Наркома Сталина и тем устранить возможные последствия его выступления, которые так вредно могут отозваться на борьбе трудящихся масс Украины за социализм»[106].

Как был исчерпан конфликт – точно не известно. Поскольку со стороны украинской делегации нареканий по этому поводу больше не было, очевидно, В. И. Ленину, как обычно, хватило дипломатического и политического таланта, чтобы заставить И. В. Сталина снять напряжение.

Но вряд ли к этому моменту больше мысленно не обращались и И. В. Сталин, и Н. А. Скрыпник. И можно предположить, что осадок, который оставила эта история в памяти обоих, не раз сказывался на их позициях относительно сложных аспектов разрешения различных проблем, а также на их личных отношениях.

Резюмируя, можно отметить, что в то время, когда правительство Советской Украины возглавлял Н. А. Скрыпник, по разным причинам статус Украины как национально-государственного образования далеко не сложился. Этот статус менялся, нередко воплощая в себе в различных комбинациях принципиальные подходы к решению национальной проблемы с факторами временного действия, элементами политического, дипломатического характера. Такое сочетание временами оказывалось достаточно противоречивым. Постоянная же причастность Скрыпника к поискам разрешения сложнейших проблем национально-государственного строительства, отношений с другими государственными образованиями выработали в нем своеобразный метод, которому он не изменял и в последующем, пытаясь иногда искусственно совмещать противоречащие друг другу элементы, хотя настоятельной потребности в этом уже и не было. Это иногда приводило к

возникновению новых осложнений, стоило самому Николаю Алексеевичу нелегких моральных переживаний и страданий.

IV. Рождение коммунистической партии (большевиков) Украины

Подобно тому, как Н. А. Скрыпнику пришлось вплотную столкнуться с проблемой государственного строительства в Украине в то время, когда этот процесс приобрел уже достаточно заметную силу, хотя и не достиг более или менее законченных форм, он вошел и в дело образования Коммунистической партии Украины, когда здесь был пройден только начальный путь, а конца еще не было видно.

Позже, на I съезде КП(б)У, Скрыпник вспоминал, что еще летом 1917 г. ЦК РСДРП(б) предлагал ему поехать в Украину для образования здесь партии. Это утверждение вызывает определенные сомнения. Во-первых, нет никаких свидетельств, чтобы для В. И. Ленина, ЦК РСДРП(б) такая проблема приобрела уже тогда практическое значение. Во-вторых, идея консолидации большевистских сил в общеукраинском масштабе летом 1917 г. только рождалась и еще далеко не овладела сознанием сколько-нибудь широких кругов даже руководящих работников местных организаций.

На пути к Октябрю большевики Украины все явственнее ощущали потребность в объединении своих сил в региональном масштабе. Объяснялось это как вполне реальными расчетами на усиление своих позиций посредством объединения всех партийных рядов в регионе, необходимостью обеспечения эффективного руководства революционным движением, укрепления связи рабочих и крестьян Украины с революционными силами всей страны, одновременно важностью учета специфики партийной работы, определявшейся как местными условиями, так и наличием у политических соперников большевиков в Украине общерегиональных объединений и органов – партий украинских социал-демократов (УСДРП), украинских эсеров (УПСР), украинских социалистов-федералистов (УПСФ), их центральных комитетов, а также Центральной рады.

Больше других последнее обстоятельство ощущали большевики Киева, который был местом расположения и центром деятельности всех украинских политических партий и организаций. Очевидно, этим в определенной степени было продиктовано приглашение на Областную конференцию РСДРП(б) Юго-Западного края 1012 июля 1917 г. представителей партийных организаций Харькова, Екатеринослава, Николаева,

других городов, которые не входили в Юго-Западный край[107].

Большевики Киева первыми осознали недостаточность наличия двух областных партийных объединений – Донецко-Криворожского бассейна и Юго-Западного края (организованных в июле 1917 г.) для эффективного разрешения задачи, вставшей после октябрьского вооруженного восстания в Петрограде – установления Советской власти и образования Украинского Советского государства. Не последнюю роль здесь сыграло и оперативное провозглашение Центральной радой Украинской национальной государственности.

8 ноября 1917 г., то есть на следующий день после объявления III Универсалом УНР, областной комитет РСДРП(б) Юго-Западного края сообщил о своем решении созвать «съезд большевистских организаций и большевистских фракций Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов со всей Украины и военных организаций Юго-Западного и Румынского фронтов» для рассмотрения вопроса об объединении этих организаций, о власти краевой и на местах[108]. На следующий день в газете «Пролетарская мысль» была напечатана редакционная статья «Социал-демократия на Украине». Мотивируя предложение о создании краевой организации РСДРП(б), областной комитет партии в числе других указал на задачи организационного и политического сплочения всех большевистских организаций Украины для мобилизации революционных сил на борьбу против украинской буржуазно-националистической контрреволюции, под которой понимались Центральная рада, силы, ее поддерживавшие. При этом газета подчеркивала, что речь идет не о создании отдельной партии, а только об объединении существующих в этих районах организаций в крупный отряд единой РСДРП(б). «Вырастает необходимость объединения всех организаций революционной социал-демократии на Украине в краевую организацию и создания своего центра, – говорилось в статье, – который бы входил как часть в целое, в Российскую социал-демократическую рабочую партию, являлся бы одним из отрядов ее»[109].

11 ноября 1917 г. областной комитет большевиков Юго-Западного края направил в ЦК РСДРП(б) специальное письмо, в котором говорилось: «Постоянные препятствия в нашей работе в виде шовинизма и разлагающего влияния украинских социалистических партий и Центральной Рады, порождающих рознь среди пролетариата Украины и натравливающих друг на друга части его, заставляют нас серьезно задуматься о создании социал-демократии Украины в противовес Украинской СДРП. В связи с этим и целым рядом других вопросов (о власти в крае и

др.) нами предполагается созыв краевого партийного съезда. Просим ваших санкций и директив в связи с готовящимся съездом»[110].

12 ноября к ЦК РСДРП(б) и областному комитету Юго-Западного края с просьбой «созвать съезд всех организаций партии Украинской Народной Республики для выработки общей тактики» обратился Полтавский комитет РСДРП(б)[111]. Инициаторы съезда стремились привлечь к его проведению Донецко-Криворожский областной комитет партии. 17 ноября 1917 г. в разговоре по прямому проводу с членом ЦК РСДРП(б) И. В. Сталиным член Юго-Западного областного комитета большевиков С. С. Бакинский проинформировал о «подготовке съезда партии нашей области совместно с Харьковской областью»[112].

Однако уставной нормы оформления партийной организации РСДРП(б) в рамках вновь создаваемой национальной республики тогда еще не существовало. Ни члены областного комитета ЮгоЗападного края, ни члены Киевского комитета – самой крупной организации этой области – не имели ясного представления об организационных принципах и формах предстоящего объединения большевистских организаций Украины. У некоторых из них возникла идея образования отдельной от РСДРП(б) партии социал-демократов Украины. Поэтому, как видно из сообщения от 8 ноября, в повестку дня краевого съезда РСДРП(б) было намерение включить вопрос «о социал-демократии Украины». В упомянутой статье «Пролетарской мысли» подчеркивалось, что всеукраинское объединение большевиков будет оставаться частью РСДРП(б). Однако в письме в ЦК РСДРП(б) от 11 ноября, подписанном членом областного комитета И. Ю. Куликом, одним из сторонников организации отдельной партии, речь шла «о создании социал-демократии Украины в противовес Украинской СДРП».

На этом документе секретарем ЦК РСДРП(б) Я. М. Свердловым была сделана надпись: «Ответ послан с нарочным. Создание особой партии украинской, как бы она ни называлась, какую бы программу ни принимала, считаем нежелательным. Предлагаем посему не вести работы в этом направлении. Иное дело созыв краевого съезда или конференции, которые мы бы рассматривали как обычный областной съезд нашей партии. Ничего нельзя было бы возразить против наименования области не Юго-Западной, а Украинской. Такова наша точка зрения по затрагиваемому вами вопросу»[113].

Таким образом, до образования Украинской Советской

Республики ЦК РСДРП(б) считал любые попытки выделения большевиков региона в отдельную партию нежелательными и рекомендовал никакой работы в этом направлении не осуществлять. Логичным представлялось только проведение обычного областного (краевого) съезда (конференции) РСДРП(б), что не повлекло бы перестройки существующей структуры партии.

Исследования показывают, что ответ ЦК была направлен в Киев 24 или 25 ноября 1917 г.[114]

Еще до получения этого ответа Юго-Западный областной комитет партии вновь обсудил вопрос о созыве краевого партийного съезда. На этот раз, публикуя 23 ноября соответствующее объявление, он четко определил главные задачи, включив в повестку дня вопрос «Краевой орган»[115]. Это означает, что большинство членов областного комитета ориентировалась не на образование новой партии, а на оформление краевого органа РСДРП(б) в Украине. Однако от разномыслий и противоречий в областном комитете избавиться не удалось, в связи с чем было решено направить в ЦК партии своего представителя С. С. Бакинского для информации и всестороннего выяснения вопроса[116].

Он прибыл в Петроград накануне 27 ноября и 27–29 ноября 1917 г. имел две встречи с В. И. Лениным[117]. Бакинский так передает содержание бесед: «Я приехал в Питер в ЦК по поручению киевских товарищей для выяснения вопроса, что нам строить на Украине: областную конференцию РСДРП(б) или учредительный съезд УСДРП(б). Я явился к Владимиру Ильичу и изложил ему детально наше положение на Украине и все выявившиеся мысли, все “за” и “против” того и второго решения. Владимир Ильич выслушал детали, поставил ряд вопросов как для определения обеих точек зрения, так и для выяснения общего положения на Украине, согласился с тем, что положение может иметь различные последствия, если совершить ошибочный шаг, но от определенного указания воздержался и предложил мне зайти к нему через несколько дней с тем, чтобы на днях, во-первых, выяснить, что случилось в Киеве за те дни, пока ехал оттуда (дня четыре)… во-вторых, поскольку решение вопроса связано с двумя сторонами – национальной и организационной, – чтобы я встретился с товарищами Сталиным и Свердловым и вместе с ними наметил проект решения вопроса»[118].

Обращает на себя внимание осторожность, с которой Ленин подходил к решению этого непростого вопроса. 29 ноября 1917 г. он рассматривался на заседании ЦК РСДРП(б). В повестке дня значится «Украинский вопрос (СДРП Украины)». В протокол

записано: «Украинские социал-демократы просят разрешения именоваться с.-д. рабочей партией Украины ввиду того, что Российская СДРП по-украински значит – русская»[119]. ЦК не принял по этому поводу никакого решения и передал его в бюро ЦК (В. И. Ленин, И. В. Сталин, Я. М. Свердлов, Л. Д. Троцкий)[120].

В начале декабря 1917 г. ЦК РСДРП(б) продолжал изучать вопрос о принципах создания всеукраинского партийного объединения, стремясь не допустить поспешных, необоснованных решений. Об этом свидетельствует и письмо Секретариата ЦК РСДРП(б) Елисаветградскому комитету партии от 5 декабря 1917 г. ЦК одобрительно отнесся к предложению созыва 15 декабря партийной конференции Черноморской области (Херсонская, Таврическая и Бессарабская губернии) в Одессе с целью создания областного партийного объединения. «Не исключена возможность, – говорилось далее в письме, – отделения от нас Киевской, Полтавской, Черниговской, Харьковской и Екатеринославской губерний при отделении Украины. Тогда, безусловно, придется согласиться на создание социал-демократии Украины, чего мы до сих пор избегали, хотя соответствующие предложения и делались нам…»[121]

Таким образом, на определенном этапе ЦК РСДРП(б) допускал партийное объединение в Украине, в состав которого могут и не войти организации Юга. А приведенное письмо может оцениваться и как поощрение «сепаратистских» (относительно будущего партийного объединения Украины) действий большевиков Юга. Возникновение же всеукраинского партийного объединения очевидным образом связывалось с решением вопроса о государственности Украины, ставилось в прямую логическую зависимость от него.

Окончательно подход ЦК РСДРП(б) к решению вопроса об образовании общеукраинской партийной организации определился только в середине декабря в 1917 г., после провозглашения Украины Советской Социалистической Республикой на I Всеукраинском съезде Советов. Хотя текст самого решения не обнаружен, о позиции ЦК в этом важном вопросе можно судить по письмам Секретариата ЦК РСДРП(б) Полтавскому комитету и Сарненской группе большевиков (Волынская губерния), направленным соответственно 18 и 26 декабря в 1917 г. При этом ЦК учел не только упомянутые просьбы большевиков Украины, но и «общие соображения»[122]. К последним, очевидно, относится и провозглашение Украинской Советской Республики, установление связи между ЦИК Советов Украины и Советом народных комиссаров, то есть тех новых государственно-политических реалий, пренебрегать которыми

ради привычных принципов было бы несерьезно, а в перспективе могло привести к негативным последствиям.

В письме к Полтавскому комитету РСДРП(б) Секретариат ЦК сообщал: «Не отвечали вам до сих пор на ваш вопрос об Украине, так как до сих пор не было принято окончательного решения ЦК. В настоящее время вопрос решен следующим образом: Украина, как самостоятельная единица, может иметь свою самостоятельную социал-демократическую организацию, а потому может именовать себя социал-демократическая рабочая партия Украины, но так как они не хотят выделяться из общей партии, то существуют на тех же правах, как самостоятельный район»[123].

Та же мысль, лишь с некоторой конкретизацией аспектов партийного строительства, содержалась и в письме к сарненским большевикам: «Ввиду того, что украинцы социал-демократы обращались к нам с просьбой об изменении наименования их организации, а также по общим соображениям, постановлено, что Украина, как самоопределяющаяся единица, может иметь свою самостоятельную социал-демократическую партию и может именоваться социал-демократическая рабочая партия Украины, но так как они (большевики Украины. – *В. С.)* целиком входят в нашу партию, то они существуют на правах районной (местной, областной – по сути дела) организации»[124].

Таким образом, ЦК РСДРП(б) пришел к выводу, что в условиях победы социалистической революции, прихода большевиков к власти, в условиях бурного советского национально-государственного строительства целесообразно создать новое звено партийной структуры – республиканские партийные организации. При этом структура партии должна была учитывать, но не копировать национально-государственную структуру. Основополагающими в строительстве партии были закономерности социалистической революции, ее главные цели и ленинские принципы партийного строительства, что, как считалось, в наибольшей степени соответствовало высшим интересам революции. Следовательно, в новых условиях шел поиск формы не просто сохранения, а укрепления и развития единства партии: через создание в ее составе республиканских парторганизаций.

Интересно, что в ходе выработки подходов к решению этой непростой задачи были сделаны и шаги к созданию в Украине самостоятельной Коммунистической партии. Группа членов Киевского комитета РСДРП(б) (В. П. Затонский, И. Ю. Кулик и др.) с согласия комитета подготовила и 30 ноября 1917 г. издала листовку: «Социал-демократия Украины (большевики-украинцы)».

(О существовании этой листовки ученым было известно давно[125], но вот обнаружить ее текст долгое время не получалось. Но и после того, как ее перепечатка была найдена и получила надлежащую оценку[126], исследователи почему-то не спешат принимать во внимание настоящий важный исторический документ, анализируя процессы партийного строительства в конце 1917 г.) Листовка вышла от имени Организационного комитета социал-демократии Украины (большевиков-украинцев). То есть в то время, когда областной комитет РСДРП(б) Юго-Западного края пытался решить проблему консолидации партийных сил в регионе и консультировался по этому поводу с ЦК РСДРП(б), члены Киевского комитета большевиков проявили нетерпение. Это непросто объяснить, ведь буквально через несколько дней должен был начать работу Краевой (областной) съезд РСДРП(б), призванный решить вопрос об объединении большевиков Украины, о названии этой объединенной организации и тому подобное.

Авторы листовки искренне считали, что они не нарушали элементарную партийную этику, партийную дисциплину. Так, на Краевом (областном) съезде РСДРП(б) В. П. Затонский настаивал: «Для того чтобы наша партия была массовой, следует выбросить название русская. Здесь образовалась уже с.-д. Украины, и это произвело огромное впечатление»[127]. В пылу дискуссии Затонский допустил явное преувеличение, приравнивая публикацию листовки к образованию «с.-д. Украины».

Свой замысел авторы данного документа сформулировали предельно ясно: «Постановили мы создать эту новую партию украинских большевиков (…). Мы, украинские большевики, сплотились в партию и начинаем на Украине борьбу за то, чего хотят и чего более-менее уже достигли большевики русские в Московщине». Инициаторы создания «новой партии украинских большевиков» выражали надежду, что в ее состав «как русские, польские и другие секции» войдут «русские, польские и другие большевики, которые живут на Украине», а также приглашали в ее ряды «социалистическую часть существующих украинских партий». Заявляя о своем согласии с общей программной целью социал-демократии, высказываясь против Центральной рады, за власть Советов, за единство действий с трудящимися России, «украинские большевики» вместе с тем слишком акцентировали внимание на национальных особенностях Украины, не определяли конкретные пути борьбы за установление советской власти, не формулировали своего отношения к РСДРП(б).

Содержание листовки отражало позицию лишь отдельных членов Киевского комитета РСДРП(б), в связи с чем съезд осудил

действия комитета. Более того, как видно из материалов съезда, против взглядов авторов листовки решительно выступила и часть киевских большевиков[128].

Съезд высказался против федеративного принципа построения РСДРП(б), образования в Украине отдельной пролетарской партии, которая стала бы федеративной частью РСДРП(б). Такую точку зрения сформулировал докладчик по вопросу о краевом органе и работе в крае В. М. Шахрай и поддержали И. Ю. Кулик, Г. Ф. Лапчинский и В. П. Затонский[129].

В соответствии с позицией ЦК РСДРП(б), которая была высказана в письме Я. М. Свердлова, съезд принял решение организовать в Украине единую партийную организацию, составляющую неотъемлемую часть большевистской партии, назвав ее «РСДРП(б). Социал-демократия Украины»[130].

Естественно, что при таких обстоятельствах в Киеве, во всей Юго-Западной области идеи, изложенные в листовке Киевского комитета, своего воплощения в жизнь найти уже не могли.

Свою роль здесь, очевидно, сыграло и то, что в Киеве, Полтаве и Сарнах, возможно, и в близлежащих пунктах в декабре хорошо известной стала позиция ЦК в вопросе о путях создания краевого партийного объединения. Во всяком случае, оформленной группы «Украинских большевиков» здесь обнаружить не удалось, скорее всего, их и не было.

Однако изданная 30 ноября 1917 г. листовка тогда же была разослана во многие большевистские организации Украины. Решения же съезда, вероятно, были долгое время неизвестны. Именно с начала декабря политическая ситуация значительно усложнилась, а многие большевики, участвовавшие в Областном (Краевом) съезде РСДРП(б) в Киеве и одновременно являвшиеся делегатами съезда Советов, вернулись на места только после I Всеукраинского съезда Советов, который, как известно, удалось провести лишь 11–12 декабря 1917 г.

Именно тогда, когда еще работал Всеукраинский съезд Советов, листовку перепечатала в Херсоне газета «Солдат и рабочий» – орган Совета рабочих и солдатских депутатов, ставшая к тому времени на большевистские позиции, и со значительными сокращениями, скорее – в изложении – орган Донецко-Криворожского областного и Харьковского комитетов РСДРП(б) «Донецкий пролетарий»[131].

Думается, не случайно именно в регионах, где выходили и распространялись данные газеты, и возникли группы «Украинских большевиков»: в Одессе и Горловско-Щербиновском районе Донбасса. Здесь они попытались наладить свою деятельность (с приемом членов, уплатой взносов, а в Горловско-

Щербиновском районе даже провели районную конференцию). Однако подавляющее большинство организаций РСДРП(б) замысел создания «партии украинских большевиков», групп «украинских большевиков» не поддержало. Об этом свидетельствует, в частности, малочисленность таких групп, о которых вспоминают самые активные их участники, по сути организаторы – М. И. Матяш (Одесса) и М. И. Острогорский (Горловка). В Одесской области группы «украинских большевиков» насчитывали до 1 тыс. членов[132], по Донбассу данных нет, хотя отмечается, что организация была немногочисленной и маловлиятельной[133]. Если учесть, что в Украине в то время работало более 70 000 большевиков, то следует признать, что удельный вес «украинских большевиков» был действительно незначительным.

Эти группы просуществовали недолго, лишь до весны 1918 г., когда, убедившись в бесперспективности своей линии, «украинские большевики» решили самораспуститься[134].

Упоминавшийся выше Областной (Краевой) съезд РСДРП(б), состоявшийся 3–5 декабря 1917 г. в Киеве, стал важной вехой на пути к решению вопроса о создании в Украине большевистского партийного центра. В его работе приняли участие 47 делегатов с решающим голосом от 24 партийных организаций и 7 делегатов – с совещательным голосом от 6 организаций, которые в целом насчитывали 18 тыс. членов партии. Были представлены партийные организации 7 губерний Украины, а также Юго-Западного фронта. В то же время на съезде не были представлены организации РСДРП(б) Харькова, Донбасса, Николаева, Херсона, Одессы, руководство которых, очевидно, не спешило солидаризироваться с инициаторами создания всеукраинского партийного объединения.

Формально съезд не имел мандата от всех партийных организаций Украины, тем не менее его решения стали одним из факторов консолидации большевистских сил. В ходе обсуждения вопроса о создании краевого органа и партийной работе в крае были отклонены предложения о необходимости федеративного устройства РСДРП(б) и вхождения в нее большевиков Украины на правах самостоятельной партии[135].

Краевой съезд постановил создать в Украине единую партийную организацию как составную и неотъемлемую часть партии большевиков, она получила название «РСДРП(б) – Социал-демократия Украины». Во Всеукраинский партийный центр (краевой комитет), который назвали «Главный комитет Социал-демократии Украины», было избрано 9 членов и 4 кандидата: А. С. Александров, Е. Б. Бош, А. Б. Горвиц, А. В. Гриневич, В. П.

Затонский, И. Ю. Кулик, Я. Б. Гамарник, В. С. Люксембург, Л. Л. Пятаков и др. Однако этот орган фактически не смог стать всеукраинским партийным центром, что объяснялось как отсутствием поддержки его со стороны руководства ряда крупных организаций (прежде всего Донкривбасса), так и недостаточной его последовательностью в осуществлении собственных решений.

Но в целом краевой съезд способствовал выработке единой политической линии большевиков Украины и стал первым шагом на пути образования КП(б)У.

В то же время нельзя утверждать, что идея консолидации партийных сил во всеукраинском масштабе в то время стала всеобщей. Так, областной комитет РСДРП(б) Донецко-Криворожского бассейна не отозвался на инициативу проведения всеукраинского большевистского съезда. Более того, одновременно была созвана областная партконференция. Она рассмотрела наиболее острые и безотлагательные вопросы борьбы за установление советской власти, организации отпора любым проявлениям контрреволюции. Конференция высказалась за созыв в ближайшее время съезда большевистских организаций Донецко-Криворожского бассейна и Юго-Западного края. Однако главной его целью было не организационное объединение и создание единого партийного центра, а разработка общего плана агитации и борьбы против контрреволюции. Таврическая и Херсонская губернские конференции РСДРП(б), состоявшиеся в канун краевого съезда в Киеве, вопрос о создании всеукраинского партобъединения не обсуждали.

Как видно, в том, что касалось «самоопределения» большевиков Украины, выработки их позиции, поисков линии отношений – с одной стороны, с ЦК РСДРП(б), а с другой – с украинскими партиями, Центральной радой, – далеко не все складывалось просто. А решения принимались под воздействием многих факторов. Особую роль, в частности, играла позиция ЦК РСДРП(б), который проявлял понятную осторожность в деле объединения большевиков Украины в краевой, в сущности, автономной организации. Последнее могло стать нежелательным прецедентом, началом превращения единой, централизованной партии в федерацию краевых большевистских организаций, что неизбежно привело бы к ослаблению боеспособности взлелеянного В. И. Лениным и его соратниками довольно мобильного, дисциплинированного, жестко управляемого, политически мощного (конечно, относительно других политических сил России того времени) политического организма.

Острая политическая борьба, вылившаяся с начала 1918 г.

в открытое вооруженное противоборство, последующий ввод в Украину по приглашению Центральной рады австро-венгерской и германской армий несколько затормозили ход процесса консолидации большевистских рядов в регионе. Однако с повестки дня вопрос не снимался, а его актуальность даже росла в связи с новыми обстоятельствами.

* * *

Условия австро-немецкой оккупации Украины, потребность в консолидации сил для изгнания иностранных поработителей среди других вопросов снова выдвинули на первый план задачу создания Коммунистической партии Украины.

В отличие от декабря 1917 г., когда уже была сделана попытка оформления краевого партийного объединения, не завершившаяся сколько-нибудь существенным практическим результатом, весной 1918 г. начали действовать и другие факторы. Прежде всего, это условия Брестского мирного договора, вынужденный выход Советской Украины из состава Российской Федерации, обострение полемики внутри большевистских организаций, среди руководящих партийных работников о принципах и путях образования республиканской партийной организации, кардинальных вопросах ее строительства, перспективной стратегии и тактике.

Как посланник ЦК РСДРП(б) в Украине, как высший государственный деятель республики Н. А. Скрыпник, естественно, оказался в эпицентре разрешения этого достаточно непростого вопроса. По его поводу до сих пор не утихают споры, приходят в столкновение нередко прямо диаметральные подходы. Очень по-разному оценивается и персональная роль Николая Алексеевича в создании Компартии Украины.

Конструктивным ключом к оценке позиции Скрыпника, а также степени его влияния на процесс оформления КП(б)У, думается, является отказ от стереотипов, согласно которым любая линия, которой придерживался тот или иной партийный работник, должна была получить квалификацию проявления того или иного политического течения, в основном оппортунистического, если она хоть в мельчайших деталях отличалась от результата, достигнутого на I съезде КП(б)У, и представлявшегося единственно верным и возможным.

Анализ имеющейся (немалой по объему) литературы по данному вопросу с неизбежностью убеждает, что неэффективными оказались попытки изображать Н. А. Скрыпника

в рассматриваемом процессе в качестве орудия в чьих-то расчетах, послушного проводника чужих, а не своих взглядов.

Факты, несомненно, доказывают, что Николай Алексеевич в вопросе образования КП(б)У отстаивал не интересы какой-то группы или лица, а искал собственные подходы и был в этих поисках абсолютно искренним. Стремился найти такое решение, которое, по его мнению, было бы эффективным, при этом не нарушало основ марксистской идеологии, политики. Поэтому и позиция его была очень оригинальной, отличной от других, по крайней мере таковыми представляются ее аргументация, мотивы.

Здесь, думается, ярко проявилась одна из существенных черт характера Н. А. Скрыпника, наметившаяся и частично давшая уже себя знать в выработке позиции о суверенитете Украины, ее отношения к РСФСР, а в последующие годы – в еще большей степени раскрывшаяся при решении проблемы образования СССР, регламентации отношений различных государственных образований и наций в рамках союзного государства. Эта черта – стремление самостоятельно, невзирая ни на какие авторитеты, идти своим путем к поставленной цели и пытаться принципиально отстаивать свои взгляды, свою линию, чего бы это ни стоило.

Едва ли не в наибольшей мере противоречия в подходе к вопросу образования КП(б)У сказались у руководящих работников большевистских организаций Украины на Таганрогском партийном совещании, которое состоялось 19–20 апреля 1918 г. В его работе приняли участие эвакуированные из оккупированных районов Украины члены коммунистической фракции ЦИК Советов Украины, члены Народного секретариата, отдельные левые из УПСР и УСДРП, которые отошли от своих партий, всего 71 человек. Большевистские организации Украины, конечно, были представлены неполно и неравномерно. Участники совещания не всегда имели соответствующие полномочия. В связи с этим было условлено не предавать решениям совещания директивного характера. «Совещание имеет организационный характер, – отмечалось в резолюции. – Его решения не являются обязательными для организаций, но служат материалом при обсуждении партийными организациями организационных и тактических вопросов партийной работы на Украине»[136].

Часть партийных работников, принимавших участие в совещании, представляла тех большевиков, которые переоценивали внутренние возможности революционного движения, в частности стихийного движения украинского крестьянства, и недооценивали такой фактор победного

завершения революционной борьбы в Украине, как помощь Советской России. Они делали основную ставку на всеобщее вооруженное восстание против немецких оккупантов, несмотря на то что необходимые условия для этого еще не созрели и на практике это не могло привести к разгрому революционных сил.

Сторонниками таких «левых» взглядов в партийных организациях Украины были А. С. Бубнов, Я. Б. Гамарник, С. В. Косиор, Ю. М. Коцюбинский, И. М. Крейсберг и др. Особая опасность таких взглядов заключалась в том, что именно в среде их носителей искали и нередко находили поддержку «левые коммунисты», глашатаем которых в Украине был Г. Л. Пятаков.

Другие партийные работники республики, наоборот, недооценивали внутренние возможности местных революционных сил, повстанческо-партизанскую борьбу против немецких оккупантов, считали, что большевистские организации, работающие в подполье, должны ограничиться лишь агитационной и пропагандистской деятельностью, переоценивали значение легальной работы большевиков. Выразителями подобных правых взглядов были В. К. Аверин, Э. И. Квиринг, Я. А. Эпштейн (Яковлев) и др.

Такая ситуация привела к решительной борьбе между представителями диаметрально противоположных взглядов. Но они (по крайней мере их большинство) в конце концов пришли к компромиссу, которым оказался проект резолюции по вопросам тактики, которую предложил Н. А. Скрыпник. Резолюция отвергала и «меньшевистско-соглашательские» предложения сторонников правых взглядов, и «эсеровский чистый инсуррекционизм» выразителей «левых» взглядов.

Участники совещания в большинстве согласились с ним и сочли необходимым организовать партизанско-повстанческую борьбу трудящихся в тылу немецко-австрийских войск, определили курс на подготовку восстания против оккупантов и их пособников, подчеркнув «зависимость успеха этого восстания от сохранения и укрепления Советской власти в Российской Федерации и от дальнейшего развития мировой социалистической революции». Одной из неотложных и существенных партийных задач участники совещания признали «воссоздание классовой партийной организации пролетариата и ее руководство в деле организации и ведения восстания рабочего класса и крестьянства против диктатуры контрреволюционной буржуазии»[137].

Здесь снова особую роль сыграл Н. А. Скрыпник. Проекту резолюции правых (автор Э. И. Квиринг) «Образовать автономную партию со своим Центральным Комитетом и со своими съездами,

но подчиняющуюся общему Центральному Комитету и съездам Российской коммунистической партии» Николай Алексеевич противопоставил свой: «Образовать самостоятельную Коммунистическую партию, имеющую свой Центральный Комитет и свои партийные съезды и связанную с Российской Коммунистической партией через международную комиссию (III Интернационал)»[138].

Участники совещания большинством голосов (за – 35, против -21, 1 воздержался) вновь поддержали Скрыпника. Среди голосовавших за предложенную им резолюцию были и единомышленники Г. Л. Пятакова, Г. Ф. Лапчинского – сторонники образования отдельной Коммунистической партии в Украине. Их расчет был прост – организационно оторванная от РКП(б) КП(б)У станет орудием независимых ориентаций, в том числе в вопросе организации повстанческой борьбы.

Из чего же исходил Скрыпник, когда выдвигал свой проект резолюции? Ведь позиции «левых коммунистов» он не разделял, сам предостерегал против «левокоммунистической» опасности. Так, уже несколько позже, 8 июня 1918 г., на заседании Оргбюро по созыву съезда большевистских организаций Украины он вступил в дискуссию с Пятаковым. Последний обвинил Николая Алексеевича в том, что тот на совещании с представителями Донецко-Криворожского бассейна и большевистской фракции Румчерода (ЦИК Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области – существовал с лета 1917 г.) заявил о возможности на предстоящем съезде «высказаться против выделения из РКП коммунистов (большевиков) Украины в самостоятельную партию, в случае если на съезде “левые коммунисты” будут в большинстве».

Скрыпник пояснил, что такой шаг будет целесообразным, «если на съезде образуется “лево-коммунистическое” большинство, которое будет стремиться это выделение в отдельную партию сделать средством борьбы с Российской Коммунистической партией и ее политикой». Он настоятельно подчеркивал, что «лево-коммунистическое большинство может при выделении пойти по пути борьбы с РКП, от чего уже теперь нужно отмежеваться»[139].

Таким образом, между позициями Н. А. Скрыпника и Г. Л. Пятакова и Г. Ф. Лапчинского были существенные отличия.

И для исследователей позиции Николая Алексеевича всегда было нелегко разобраться в их мотивах. Ведь сам Скрыпник формулировал их не очень четко и убедительно. Внимание сосредоточивается, прежде всего, на том, что его идея отдельной КП(б)У исходила из заботы о сохранении Брестского мира и

представлялась актом чисто формальным.

Однако, очевидно, действительные основы такой позиции следует искать глубже. Прежде всего, создание самостоятельной коммунистической партии логично вытекало из представления об Украине как суверенном государственном образовании. Любое другое представление о соотношении принципов государственного и партийного строительства для Николая Алексеевича было бы непременно противоречивым.

Во-вторых, Н. А. Скрыпник, как и другие члены большевистской партии, надеялся на скорую победу мировой пролетарской революции, после которой отношения между всеми нациями, народами, государствами должны были базироваться на качественно новых принципах, привести к образованию всемирной братской социалистической федерации. Естественно, в таком случае соответствующими должны быть и взаимоотношения национальных компартий между собой. В наибольшей степени новой ситуации соответствовало бы образование Коммунистического Интернационала, который бы объединил все национальные компартии как одинаковые и равные.

Что касается того, что в рассматриваемое время большевикам Украины пришлось бы декларировать свою отдельность от РКП(б), Скрыпник рассматривал не как акт разрушения единой партии, а именно как формальную декларацию, поскольку верил в то, что коммунистам внутренне имманентен интернационализм, а уступка обстоятельствам может быть легко скорректирована в любой момент.

Конечно, в таких расчетах было много идеализма – от надежд на мировую революцию до забот об обязательном соответствии принципов партийного и государственного строительства.

Сомневаться же в чистоте замыслов Скрыпника нет никаких причин. Но и не учитывать их абстрактность, нереальность также никак нельзя.

Тем не менее со времени Таганрогского совещания дело образования Компартии Украины получило мощный импульс, было переведено в практическую плоскость. Для подготовки съезда большевистских организаций Украины Таганрогским совещанием было избрано Организационное бюро, в которое вошли Г. Л. Пятаков, А. С. Бубнов, Я. Б. Гамарник, В. П. Затонский, С. В. Косиор, И. М. Крейсберг. Возглавил Оргбюро (стал его секретарем) Н. А. Скрыпник. По его же предложению было решено назвать будущую республиканскую партийную организацию «Коммунистической партией (большевиков) Украины». Совещание отклонило предложение полтавской

группы большевиков и левых украинских социал-демократов наименовать новообразование «Украинской Коммунистической партией», поскольку это, с точки зрения большинства, противоречило бы ее интернациональному характеру, а также не согласилось с предложенным Э. И. Квирингом названием «РКП(б) – на Украине».

Возглавляемое Н. А. Скрыпником Оргбюро провело значительную работу по подготовке партийного форума, восстановлению большевистского подполья в Украине. Николай Алексеевич был одной из ключевых фигур в отношениях с В. И. Лениным, ЦК РКП(б), когда шел поиск окончательного варианта образования КП(б)У.

В Москве за развитием процесса консолидации партийных сил в Украине очень внимательно следили. В начале мая 1918 г. с участниками Таганрогского совещания А. С. Бубновым, В. П. Затонским, Н. А. Скрыпником и др. встретился В. И. Ленин. Вскоре, 3 мая 1918 г., состоялось заседание ЦК РКП(б), на котором рассматривали вопросы о решении Таганрогского совещания по созданию Коммунистической партии (большевиков) Украины и об отношении к этому ЦК РКП(б). В протоколе заседания записано, что была принята резолюция «Об отношении ЦК к выделению Украинской Коммунистической партии (две резолюции)»[140].

Эти резолюции (или два пункта одной резолюции) Центрального комитета не найдены, но есть материалы, которые дают возможность раскрыть их суть. Так, содержание одной резолюции было изложено в сообщении газеты «Правда» от 9 мая 1918 г. «Центральный Комитет РКП(б), обсудив вопрос о выделении отдельной Украинской Коммунистической партии из Российской Коммунистической партии, – говорилось в сообщении, – не находит никаких возражений против создания Украинской Коммунистической партии, поскольку Украина представляет собой самостоятельное государство».

О содержании второй резолюции ЦК РКП(б) свидетельствуют материалы закрытых заседаний I съезда КП(б)У, на которых решался вопрос о создании Компартии Украины. В своем докладе Н. А. Скрыпник отмечал, что вопрос о названии партии «дважды обсуждался в Центральном Комитете большевиков. Первый раз это было вскорости после Таганрогского совещания и второй раз – за неделю до нашего съезда, когда комитет, обсудив вопрос, вновь признал необходимым, чтобы название РКП было снято формально, но чтобы в действительности положение оставалось прежним»[141].

Э. И. Квиринг в своем выступлении изложил суть решения

Центрального комитета партии следующим образом: «Негласное постановление ЦК, согласно которому должен быть выделен официально Украинский ЦК, а неофициально он существует как областной центр»[142].

Линия Центрального комитета в вопросе о создании Коммунистической партии Украины, намеченная декабрьским решением 1917 г., таким образом, еще раз была подтверждена ЦК РКП(б) 3 мая 1918 г. Одобрив идею образования КП(б)У, ЦК советовал большевикам Украины создавать Компартию Украины как составляющую и неотъемлемую часть РКП(б) и только с тактико-дипломатических соображений объявить в прессе о ее независимости от РКП(б).

О принципиальной позиции Центрального комитета РКП(б) свидетельствует еще один документ. 10 июля 1918 г., то есть накануне рассмотрения I съездом КП(б)У организационного вопроса, в Секретариате Центрального комитета было зарегистрировано заявление от Донецко-Криворожского областного комитета партии. В заявлении сообщалось о заседании представителей «областных комитетов территории, ныне занятой немцами на юге России, в котором приняли участие члены Донецкого областного комитета, Одесского и Юго-Западного, в присутствии товарища Свердлова». На заседании «большинством присутствующих было принято решение об обязательном подчинении Центрального комитета Украинской КП решениям ЦК Всероссийского»[143]. Очевидно, что на этом заседании Я. М. Свердлов еще раз изложил позицию Центрального Комитета. Принятое решение свидетельствует о том, что большинство руководящих партийных работников Украины выступало против выхода из РКП(б) и организационного обособления.

Между тем возглавляемое Н. А. Скрыпником Организационное бюро по созыву съезда большевистских организаций вошло в тесный контакт с Временным всеукраинским комитетом рабочей коммунистической партии (Временным партийным всеукраинским центром, образованным на нелегальном партийном совещании в Киеве 26 мая 1918 г.) и провело большую работу по укреплению большевистского подполья и подготовке к I съезду Коммунистической партии (большевиков) Украины. Благодаря политической деятельности этих органов, а также партийных центров Донецко-Криворожской и Одесской областей, которые находились в Москве, нелегальные партийные организации в Украине значительно окрепли и расширились, углубились их связи с массами, усилился приток в их ряды представителей рабочего класса и крестьянства.

Достаточно сказать, что только за три месяца в республике было создано 15 городских, 24 районных и подрайонных, более 200 первичных организаций (более 120 в городах и рабочих поселках и около 80 в сельской местности). Как отмечал на I съезде КП(б)У Н. А. Скрыпник, «задача воссоздания организаций была выполнена»[144].

Таким образом, в сверхсложных условиях австро-немецкой оккупации происходил процесс сплочения и укрепления партийных организаций республики. Тяжелые испытания не оторвали их от РКП(б). В этот грозный час они еще раз подтвердили свою верность знамени пролетарского интернационализма.

Незадолго до открытия I съезда КП(б)У, 1 июля 1918 г. Ленин отмечал, что «большевизм на Украине стал своего рода национальным движением»[145]. Скрыпник входил в группу делегатов, которая накануне съезда провела двухчасовую встречу с Лениным, обсудила с ним широкий круг важных для большевиков Украины вопросов.

Николай Алексеевич был одной из ключевых фигур на партийном форуме коммунистов Украины. Он оказал определяющее влияние на содержание и характер работы частного совещания, предшествовавшего съезду, наметил план его работы, вошел в состав президиума форума, отчитывался о работе возглавляемого им Организационного бюро по созыву съезда (деятельность была одобрена), принимал живейшее участие в обсуждении других вопросов, принятии ответственных решений.

На съезде шла очень острая борьба практически по каждому решаемому вопросу. Иногда полемика между «левыми» и правыми достигала такого напряжения, приобретала такие острые формы, что мешала принимать взвешенные решения. Так произошло, в частности, во время обсуждения доклада А. С. Бубнова «О деятельности фракции коммунистов в Народном Секретариате».

Еще на Таганрогской сессии ЦИК Советов Украины 18 апреля 1918 г. было решено реорганизовать ЦИК и Народный секретариат во Всеукраинское бюро для руководства повстанческой борьбой против немецких оккупантов, которое называли «Повстанческим народным секретариатом» или «Повстанческой девяткой». В его состав входили большевики А. С. Бубнов, В. П. Затонский, Г. Л. Пятаков, Н. А. Скрыпник, левый украинский социал-демократ Н. Е. Врублевский, левые российские и украинские социал-демократы С. Мстиславский, А. С. Северо-Одоевский, В. Семушкин и Е. П. Терлецкий. Главой

«девятки» стал А. С. Бубнов.

Была проведена определенная работа под лозунгом подготовки трудящихся Украины к вооруженному восстанию: распространены инструктивные материалы, предприняты шаги по созданию сети военно-революционных комитетов, военных отделов и штабов, подбору агентов для налаживания подпольной деятельности в тылу оккупантов, распространению литературы, доставки оружия и тому подобное. То есть, по оценке А. С. Бубнова, было сделано немало не только для «агитационной, не только организационной, но и технической подготовки восстания», для внесения в этот процесс необходимой согласованности и планомерности[146].

Сторонники правых взглядов, недооценивая значение Народного секретариата как центрального органа Советской власти в Украине, считали его дальнейшее существование нецелесообразным.

Скрыпник при поддержке ряда других делегатов в содокладе и заключительном слове по вопросу о политическом положении и задачах партии пытался опровергнуть доводы сторонников расформирования Народного секретариата, считая такую позицию опрометчивой. Он ссылался на исторический опыт, когда победой трудящихся, не имевших в ходе борьбы готовых органов управления, воспользовались их соперники, успевшие раньше создать необходимые структуры. «Нам нужны органы управления, и нам нужно зачаточный орган образовать – не с задачей на будущее время существовать, а с задачей создать такие органы… Народный Секретариат есть орган, объединяющий деятельность военно-революционных комитетов на местах, и имеет значение до победы, а когда победим, тогда мы организуем такие органы, какие нам тогда будут необходимы»[147]. Однако большинство делегатов склонились к позиции правых. Было принято решение о прекращении функционирования Народного секретариата. Николай Алексеевич позже, в конце осени – зимой 1918 г. не раз с сожалением вспоминал о допущенной ошибке, которая очень усложнила борьбу за власть с Директорией.

Одним из важнейших на I съезде КП(б)У стал вопрос: «Политическое положение и задачи партии». С докладом выступил представитель «левых» – Г. Л. Пятаков, с содокладами – представитель правых Я. А. Эпштейн (Яковлев) и, с изложением особой позиции, Н. А. Скрыпник.

Последний подверг критике как склонность к авантюризму «левых», так и неоправданную нерешительность правых. Николай Алексеевич, в частности, говорил: «Мы должны одинаково отвергнуть и понимание тов. Пятакова, что подготовляемое нами

восстание на Украине будет зависеть именно степенью организации боевых сил рабочих и крестьян в самой Украине (и, скорее всего, предшествовать революции в Германии и Австрии). Мы должны также отвергнуть и предложение Эпштейна – вести свою подготовительную работу, исходя из того понимания, что мы должны будем выступать лишь в ответ на выступление австрийского и германского пролетариата, это положение является вредным. «Согласовать» наше выступление с выступлением в других странах, конечно, необходимо, но было бы бессмыслием связать себя заранее предположением о том или ином временном отношении этих выступлений. Здесь, товарищи, нашему ЦК придется быть не только политиком, но и стратегом»[148].

Линия поведения коммунистов, революционных сил Украины, как ее понимал Н. А. Скрыпник, сводилась к тому, что главная задача пролетариата – «подготовить восстание, не вступать пока в открытый бой, а все время тревожить врага, не давая ему утвердиться в своем классовом господстве. Нужно воздерживаться от вступления в открытый бой для того, чтобы не быть разбитым по частям, но ставить своей задачей подготовку восстания во всеукраинском масштабе и вместе с тем координировать свое выступление с ходом событий в Западной Европе и в России. Вопрос о том, как нам согласовать во времени массовую борьбу на Украине с пролетарским движением в Германии и других странах, необходимо будет предоставить будущим центральным учреждениям нашей партии»[149].

Н. А. Скрыпник предложил съезду и свой проект резолюции о текущем моменте. Но, по сравнению с проектами резолюций Г. Л. Пятакова и Э. И. Квиринга (вместе с Я. А. Эпштейном), его проект показался делегатам наименее приемлемым, собрал всего 8 голосов, при 51 – «против» и 5 воздержавшихся) и после первого тура голосования был снят (за основу взята резолюция Пятакова).

Правда, Николай Алексеевич настоятельно добивался своего и, например, в текст резолюции «О вооруженном восстании» по его предложению была внесена достаточно существенная поправка, согласно которой утверждение сторонников «левых» взглядов об «уже совершенно назревшем революционном кризисе» в Украине заменялось словами о проведении восстания, «когда кризис назреет»[150].

Он сделал немало, чтобы съезд КП(б)У выработал линию поведения в отношении войск интервентов. Доказывал, что одной из важнейших для партии является задача всяческого влияния на уставшие массы немецких и австрийских солдат, необходимости ведения пропаганды, установления организационной связи с

возникающими внутри оккупационных войск революционными ячейками. «Мы должны, – говорил Скрыпник, – установить связь с интернационалистскими группами: германскими, австрийскими, венгерскими и иными, с группами военнопленных, имеющихся в России»[151].

Большинство делегатов поддержали такую постановку вопроса, и среди основных задач партии съезд назвал «задачу установления теснейшей связи с оккупационными войсками, ведения среди них революционно-интернационалистской пропаганды и агитации, создание для этого специального аппарата вместе с интернационалистскими иностранными группами…»[152]

Практика революционной борьбы полностью подтвердила правильность этого решения съезда и его огромное значение для успешного развертывания работы по политическому разложению оккупационных войск в Украине не только в 1918 г., но и в течение всей гражданской войны.

Главной задачей I съезда было, естественно, объединение большевистских организаций Украины – образование Коммунистической партии Украины.

На съезде, как и на Таганрогском партийном совещании, было высказано две точки зрения по вопросу образования Компартии Украины. С основным докладом выступил Н. А. Скрыпник, с содокладом – Э. И. Квиринг. Они предложили делегатам съезда соответствующие проекты резолюций.

Позиция Скрыпника по сравнению с Таганрогом несколько изменилась. В предложенном им проекте резолюции отсутствовали слова о «самостоятельной Коммунистической партии Украины», а в констатирующей части указывалось, что связь с РКП(б) «остается и должна остаться в дальнейшем, независимо от той или иной формальной стороны партийного строительства»[153]. Вместе с тем в резолюции не говорилось о том, что КП(б)У создается как местная организация единой РКП(б), а, как и на Таганрогском совещании, фактически декларировалось образование отдельной организационно самостоятельной Компартии Украины.

В резолюции он сформулировал следующие основные положения и предложения: «Принимая, вместе с тем, во внимание:

1) коммунисты всех стран должны составлять и фактически составляют одну Коммунистическую партию с единой программой и единым фронтом борьбы за диктатуру пролетариата, фактически руководствующим центром которой является ЦК РКП, и что коммунистические партии отдельных

стран в III Интернационале составляют лишь отдельные отряды;

2) что коммунисты Украины всей своей деятельностью связаны с Российской Коммунистической партией (большевиков)..;

3) что коммунисты на Украине всей своей деятельностью на Украине должны поддерживать проводимую в России и основанную на передышке и накоплении сил политику Российской Коммунистической партии и должны следовать общим постановлениям ЦК и съездов РКП, принимая все это во внимание, I съезд партийных организаций коммунистов (большевиков) Украины постановляет: коммунистические организации Украины объединяются в особую Коммунистическую партию (большевиков) Украины со своим Центральным Комитетом и своим съездом, формально связанную с Российской Коммунистической партией через международную комиссию III Интернационала.

Съезд поручает Центральному Комитету по согласованию с ЦК РКП установить формы организационной связи и способ возможного участия организаций Коммунистической партии (большевиков) Украины в общих съездах Российской Коммунистической партии»[154].

При этом Николай Алексеевич, судя по его утверждениям, был далек от желания реализовать сепаратистские цели. «Не в наших интересах, – говорил он, – не только разделение государственных единиц, но и любое дробление сил наших является для нас, безусловно, ненужным и вредным. Мы – сторонники демократического централизма, стремящиеся объединить все силы для борьбы с общим врагом, стоящим перед нами. Соответственно этому мы должны избежать всяких делений и дроблений»[155].

Как же в таком случае совместить логику образования отдельной партии с необходимостью консолидации усилий коммунистов Украины и России? На этот вопрос, который объективно стоял перед Н. А. Скрыпником и который ему ставили на съезде оппоненты, он пытался ответить, исходя, прежде всего, из особенностей ситуации в республике. Речь, прежде всего, о государственном отделении Украины от России, провозглашенном IV Универсалом Центральной рады, с чем пришлось согласиться РСФСР при подписании Брестского мира. Далее – это существование в Украине гетманского правления. Это и нелегальное положение большевиков, их подпольная деятельность, главным содержанием которой была подготовка вооруженного восстания против оккупантов, существующего режима.

В позиции Николая Алексеевича не на последнем месте была забота о соблюдении Брестского мира. «…Нам необходимо, – подчеркивал он, – строиться по врагу, соответственно тем условиям, в которых мы существуем. И если хотя на определенный промежуток времени создается (в оригинале, очевидно, ошибочно, – «совпадается». *-В. С.)* эта эфемерная украинская держава гетманом возглавляемая, то нам приходится соответственно сему строить свои ряды для того, чтобы повести рабочих в атаку против врага, и повести, не взваливая ответственность за эту нашу борьбу на тех, кто рядом с нами стоит на своих постах и свое коммунистическое дело совершает»[156].

Причем, Н. А. Скрыпник считал данный аспект соответствия партийного строительства государственным обязательствам настолько важным, что к сформулированному здесь тезису возвращался неоднократно в течение обсуждения вопроса о принципах организации Компартии Украины. «Благодаря создавшемуся международному положению Российская Советская власть является в настоящее время несомненно органом и орудием нашей партии, – подчеркивал он. – Между тем Российская Советская власть, благодаря международным отношениям, находится в таком положении, при котором осложнения международные создавать не приходится, они возникают и помимо ее воли, создаются и другими партиями. Но нашей задачей является, чтобы мы поставили себе определенную задачу, которая при всем различии течений, борющихся здесь, в общем признается всеми нами, – чтобы мы политическую ответственность за всю нашу деятельность не переваливали на плечи Российской Коммунистической партии, на которой уже в настоящее время лежит ответственность за все дела Российской Советской Республики. Это не вопрос дипломатии, но вопрос о построении соотношений таким образом, чтобы деятельность, проводимая партией коммунистов в одной стране при различии условий существования работы этих партий в различных странах, не только не может быть используема врагами, но, наоборот, в том же самом русле содействовала бы общему стремлению Коммунистической партии, а не действовала бы вразрез с ней. Исходя из этих соображений, необходимо было бы признать, что организационное обособление, организационное выделение [строящейся] в настоящее время на Украине Коммунистической партии большевиков необходимо»[157].

Одновременно нельзя не отметить, что реалистические соображения Скрыпника странным образом переплетались с довольно идеалистическими, даже несколько эфемерными

представлениями. Так, подчеркивая обособление большевиков Украины на почве дипломатических факторов, он тут же предлагал довольно неопределенную конструкцию отношений с РКП(б).

«Российская Коммунистическая партия, – говорил он, – является тем источником, откуда мы черпаем опыт революции и откуда мы все, откуда рабочие и беднейшие крестьяне на Украине получают каждый пример, как идти, каким путем вести свою борьбу. Для партии нашей это еще в большей степени очевидно. Мы – молодая организация, только что пережившая контрреволюционный разгром и заново строящаяся. И, разумеется, все, что мы должны иметь для своей деятельности, мы, товарищи, прежде всего, возьмем из Российской Коммунистической партии. Посему фактическое положение остается прежним. Подчеркиваю: фактически перед нами будет Российская Коммунистическая партия с ее центральными учреждениями, и мы будем в ней строиться, по этому флангу мы будем строиться, идя в своем партийном строительстве все дальше и дальше. Лозунги, под которыми мы будем идти, будут исходить из Российской Коммунистической партии… Так оно будет и дальше, иначе и быть не может. Формально, конечно, получается такое положение, при котором наша партия выделяется. Но это формальная сторона, для нас, сторонников революционного Интернационала, значения не имеет»[158].

Почему же в воображении Н. А. Скрыпника выделение в отдельную партию трактовалось как чисто формальное?

Важной для него являлась ссылка на то, что такой акт был бы формальным именно для сторонников III, то есть уже Коммунистического Интернационала. Ссылка шаткая уже хотя бы потому, что такой международной организации коммунистов в то время еще не существовало, а только шла подготовительная работа по ее созданию. И даже предвидя основные ее характерные черты, вряд ли можно было судить о них наверняка. Тем более отталкиваться, как от фактора определяющего. Скрыпник специально пытался доказать, что различные партии, входившие во II Интернационал, отличались друг от друга тем, что имели не только различные организационное строение и тактику, но и программы. На международных конгрессах только осуществлялась координация их линии поведения. Для сторонников III Интернационала представление о программе деятельности коммунистов различных стран, по мнению Николая Алексеевича, должно было в корне измениться. «На данной стадии развития финансового капитала, – говорил он, – задача, которая стоит перед пролетариатом, – это борьба за

социалистическую революцию, борьба за диктатуру рабочего класса в ответ на те империалистические пути, которыми проводится разрешение существующих противоречий общественного развития, пути мировой войны, которые в настоящее время поставлены и которые в дальнейшем предвидятся. Соответственно сему для нас программа фактически является одна и та же во всех странах и для всех коммунистических партий. В этом отношении наше понимание партии в III Интернационале иное, чем во II Интернационале. Теперь все коммунисты всего мира являются фактически одной партией»[159].

Конечно, в данном случае Николай Алексеевич без должных оснований считал тождественными цели и программы деятельности коммунистов различных стран, явно переоценивал степень их убеждений как такой гарант единства, которому не могут помешать ни государственные границы, ни перегородки организационного характера. Поэтому и воспринимать высказанные соображения, как достаточно веские аргументы, никак нельзя.

В не меньшей степени это касается и попыток Н. А. Скрыпника объяснить свои предложения о создании отдельной КП(б)У логикой приведения организационных форм деятельности коммунистов в соответствие с факторами национально-государственного содержания.

Действительно. В некоторых случаях Скрыпник считал (по крайней мере, теоретически) Украину государственным образованием тождественным другим и, соответственно, пришел к выводу о необходимости отдельной Коммунистической партии. В других же – называл гетманскую Украинскую Державу под немецкой оккупацией эфемерной, – и не только потому, что она имела марионеточный характер по отношению к оккупантам, но и по природе, так сказать, генетического происхождения. Правда, последнее не мешало ему снова приходить к выводам о необходимости отдельной организации партии, но уже вследствие особых условий деятельности коммунистов Украины.

Одновременно, входя в противоречие с самим собой, на том же I съезде КП(б)У он пытался утверждать, что «национальный вопрос снят с повестки дня». В протоколах его выступление при обсуждении резолюции «Украина и Россия» передано в таком виде: «Тов. Скрыпник доказывает, что лозунг права нации на самоопределение, вплоть до отделения, имел свое оправдание до Октябрьской пролетарской революции. В процессе развертывания борьбы классов мы можем становиться на различные позиции в этом вопросе. И именно для Украины характерно диалектическое

изменение нашего отношения к этому лозунгу. До Октября наша линия была вполне правильна, но когда у власти стал пролетариат, положение коренным образом изменилось.

Уже во время Брестских переговоров Всеукраинский съезд Советов высказался против отделения, а теперь мы против отделения подавно, ибо теперь самостоятельность – ширма для контрреволюционной борьбы против Советской власти.

Но первоначальный наш лозунг в свое время имел значение и будет иметь его в первую стадию революции в Австро-Венгрии, хоронить его, во всяком случае, еще рано, ибо он не везде еще пройден и изживается в ходе борьбы»[160].

Подобную аргументацию необходимости образования отдельной от РКП(б) Компартии Украины, исходя из состояния отношений Украины и России, признать логичной, доказательной нельзя при всем желании. Скорее здесь можно говорить об отсутствии до конца продуманной, всесторонне теоретически разработанной, выстроенной, взвешенной системы.

Пожалуй, не стоит пытаться ставить под сомнение искренние попытки большевика первого призыва сохранить единство, боеспособность РКП(б). Но пути достижения этой цели Скрыпник выбирал и предлагал неверные, ошибочные. Для политического деятеля, даже если бы им была личность со значительно меньшим политическим опытом, оправдать подобную позицию нельзя никакими субъективными намерениями и мотивами.

Следует иметь в виду и то, что, очевидно, совсем не случайно Г. Л. Пятаков и его сторонники поддержали проект резолюции Н. А. Скрыпника. Конечно, их намерения, как уже отмечалось выше, серьезно отличались от расчетов Скрыпника. Они добивались выделения КП(б)У из РКП(б), исходя из собственного понимания революционных интересов украинского народа, считая, в частности, что именно так можно эффективнее способствовать борьбе с оккупационно-гетманским режимом, даже если это входило в противоречие с московским брестским курсом ЦК РКП(б). А Скрыпник выступал за единство партии, за сохранение руководящей роли ЦК РКП(б). Возможно, именно по причине последних соображений в ходе обострившегося обсуждения вопроса он и снял свой проект резолюции, не настаивал на его принятии.

С содокладом о создании КП(б)У на съезде выступил Э. И. Квиринг. Он подверг критике позицию Н. А. Скрыпника: «… Партия коммунистов Украины, несомненно, имеет право и должна организовать, объединять все коммунистические организации на Украине, но эти организации никоим образом не должны выделяться совсем из Российской Коммунистической

партии. Украинские организации объединяются на своих съездах и на этих съездах выносят свои решения. Но, товарищи, Россия и Украина слишком тесно связаны, и поэтому и партия наша должна быть связана, и партия украинская может быть только партией автономной в составе Российской Коммунистической партии, с общей программой и с подчинением в вопросах общеполитического характера Всероссийскому Центральному Комитету партии»[161]. Конечно, отмечал Э. И. Квиринг, опубликовать такое решение в прессе «по соображениям международной дипломатии» нельзя. «Но для себя, среди нас мы должны знать, что мы крепко связаны с Российской Коммунистической партией, что мы самостоятельны в вопросах местных, что для руководства местной работой мы можем иметь свой Центральный Комитет, но что в вопросах общепартийных, в вопросах программных мы только часть Российской Коммунистической партии…»[162]

I съезд КП(б)У отклонил идею образования отдельной партии, не входящей в РКП(б), подчеркнув, что создание такой организации было бы «актом дезорганизаторского разрушения» большевистской партии, нанесло бы ущерб делу пролетарской революции.

После всестороннего обсуждения большинством голосов была принята резолюция, предложенная Э. И. Квирингом: «Объединить партийные коммунистические организации Украины в автономную, в местных вопросах, Коммунистическую партию Украины со своим Центральным Комитетом и своими съездами, но входящую в единую Российскую Компартию с подчинением в вопросах программных общим съездам Российской Коммунистической партии и в вопросах общеполитических – ЦК РКП»[163].

Судя по всему, Скрыпник снятие собственной резолюции с голосования, одобрение иной резолюции не воспринял как личное поражение. Предпочтение, как и всегда, возымело представление о революционной целесообразности, об эффективной форме жизнедеятельности партийного организма.

Он и на заключительном этапе съезда производил на его работу большое влияние. В частности, именно по его предложению из нескольких возможных вариантов было принято назвать республиканскую партийную организацию Коммунистической партией (большевиков) Украины. Николай Алексеевич в заключительный день работы съезда сделал доклад «Практические и организационные задачи партии на Украине». По его инициативе съезд решил создать на Украине областные партийные организации.

Н. А. Скрыпник был избран в руководящий органа коммунистов Украины – кандидатом в члены ЦК КП(б)У.

Он с полным правом мог считать Компартию Украины в том виде, в котором она родилась, и своим детищем.

В дальнейшем его судьба оказалась самым тесным образом связанной с ее деятельностью. Делегат почти всех последующих съездов и конференций (до смерти), с конца 1918 г. – практически неизменный член ЦК, с 1923 по 1925 г. – кандидат, а в 1925–1933 гг. – член Политбюро ЦК, Николай Алексеевич всегда пользовался огромным авторитетом и вносил весомый вклад в решение проблем, которыми занималась республиканская партийная организация.

Правда, судьба сложилась так, что ему никогда не пришлось возглавлять КП(б)У, хотя, казалось, оснований для этого у него было не меньше, чем у других. Поговаривали, что это было связано с ошибочной позицией Н. А. Скрыпника (так, по крайней мере, считалось долгие десятилетия) в вопросе о создании партии на I съезде КП(б)У, которую якобы ему не могли простить ни В. И. Ленин, ни ЦК РКП(б), ни партийный актив Украины.

Думается, что безоговорочно согласиться с такими суждениями нельзя. Первыми секретарями ЦК КП(б)У избирались Г. Л. Пятаков, Э. И. Квиринг, С. В. Косиор, которые во многих принципиальных вопросах того нелегкого времени нередко придерживались, как официально считалось, оценивалось в соответствующих документах, неверных взглядов и допускали довольно много серьезных ошибок.

Очевидно, здесь большую роль играли другие мотивы.

Н. А. Скрып ник, как правило, не примыкал ни к одному из течений, сформировавшихся и проявлявших себя нередко с полярных позиций. Он никогда не стремился к фракционности, к объединению вокруг себя какой-то группы людей, а, наоборот, всегда хотел быть выше такого поведения, надеялся, что всегда принципиально отстаивает общепартийный интерес. И пока шла борьба между представителями левых и правых, Николай Скрыпник, естественно, не мог реально претендовать на первую роль в партии, за которую шло нередко отчаянное соперничество.

V. Наркомовские заботы

Среди мыслей, на которых в последние месяцы перед смертью фокусировалось внимание Николая Скрыпника, то и дело всплывали те, что были связаны со строительством нового, невиданного еще в мире общества. Они были, конечно, очень противоречивыми, не всегда логично согласовывались между собой и даже как-то неестественно утомляли. Их нередко хотелось отогнать, переключиться на что-либо другое. Конечно, итоговых, рафинированных ответов, даже хотя бы в первом, общем приближении, как правило, не получалось.

Скрыпник был не в силах самому себе объяснить, почему он не может совладать с собственными мыслями – ведь большую часть жизни думать, развивать, популяризировать мысли, отстаивать в спорах с соперниками, преподавать, наконец, он считал своей работой, главным назначением. Строгий и дисциплинированный, он всегда мог заставить себя сосредоточиться на том, что считал в тот или иной момент главным.

…Николай Алексеевич сам с определенными трудностями и все же не до конца мог объяснить, как случилось, что полностью увлеченный созданием Компартии Украины, отчаянно отстаивая свою позицию на ее учредительном съезде, считая КП(б)У и своим, собственным, выстраданным детищем, он практически без колебаний согласился сразу после Первого съезда КП(б)У перейти на работу в Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией (ЧК). Возможно, считал, что важнее дела, чем разгром контрреволюции, в то время быть не могло. Возможно, что дело это – временное и даже быстропроходящее. К тому же оказывать влияние на ситуацию в Украине в условиях ее оккупации было очень нелегко. И с изменением обстоятельств, позже, можно было бы снова сосредоточиться на работе в республике.

Очевидно, сыграл роль и некий налет неполного удовлетворения – ведь в вопросе о статусе КП(б)У пришлось в конце концов отступить со своей позиции, которую теоретически считал единственно верной, оправданной, даже безупречной.

Возможно, чувствовал, что у руководства РКП(б) в связи с его особой платформой образования КП(б)У созрели собственные расчеты как по исключению дальнейших недоразумений, трений, обеспечению максимальной дееспособности вновь созданной республиканской партийной организации, так и по эффективному использованию в интересах революции способностей и опыта Н.

А. Скрыпника.

А возможно, и каждое из перечисленных соображений в какой-то степени имело место и привело к вполне определенной суммарной комбинации решений. Так или иначе, но Николай Алексеевич довольно быстро принял предложение и был назначен на ответственную должность во Всероссийской ЧК – заведующего отделом по борьбе с контрреволюцией, члена коллегии. И хотя дальше его анкета мелькает частыми изменениями мест работы, точнее – наркомовских должностей, смысл и содержание деятельности во многом определялись важнейшей целью – укрепления советской государственности и борьбы с антисоветскими, антисоциалистическими силами, элементами: руководитель Высшей рабоче-крестьянской инспекции и нарком государственного контроля Украины, нарком внутренних дел УССР, нарком юстиции и Генеральный прокурор республики.

Видимо, правомерно возникает вопрос, почему в высших сферах юриспруденции, правопорядка, государственного устройства и безопасности страны, а затем республики столь длительное время находился человек, который не имел не только специального, но и вообще высшего гуманитарного образования, который, казалось, никогда не проявлял склонности к работе в этой совсем непростой и нелегкой сфере. Судя по творческому наследию, занятия проблемами законности, криминалистики нельзя было отнести к предпочтениям Николая Алексеевича.

Остается искать более или менее убедительные объяснения, прежде всего в идейно-психологической сфере. Насколько Н. А. Скрыпник был предан идее социалистической революции, готов был на любые самопожертвования ради ее торжества, столь же непримиримым он был и к ее врагам, настолько был готов к последовательной, бескомпромиссной борьбе с ними. И по тогдашним представлениям такое качество, такая нацеленность могли перевесить любые другие аргументы. Николай Алексеевич и сам никогда не скрывал своего жесткого отношения к противникам нового строя. Показателен уже тот факт, неоднократно фигурировавший в его воспоминаниях и явно диссонировавший с общегуманистической, даже можно сказать, всепрощенческой атмосферой, воцарившейся в первые дни Октября. Тогда, как известно, под честное слово и обязательство не браться за оружие против Советской власти отпускали с миром практически всех контрреволюционеров, генералов-заговорщиков, которых разбивала и пленила только зарождавшаяся Красная гвардия. Скрыпник придерживался других взглядов. Вот как он сам говорил об этом, касаясь деятельности Петроградского ВРК через пять лет после октябрьских событий: «Помню, привели с

арестованными Гоца. Быстрое совещание – что с ним делать? Я предлагаю расстрелять, кто поддерживает, а большинство присутствующих членов – против. Что с ним сделали дальше – не помню. Помню, тогда мне говорили, что Гоц дал слово чести не идти против Советской власти. Теперь, на последнем процессе эсеров, увидели, чего стоит эсеровское честное слово»[164].

Эти слова вообще многое значат. Они не только помогают понять умонастроения Скрыпника революционной поры, но как будто обозначают тот мостик, который он, и другие тогдашние деятели, перебрасывали из ситуации Гражданской войны, из эпохи «военного коммунизма» в мирное время, когда одним и едва ли не самым серьезным из аргументов начала политической межпартийной, а затем и внутрипартийной борьбы стали «исторические свидетельства», ссылки на позицию, поведение в прошлых событиях. Впоследствии гипертрофированное акцентирование на данном направлении приведет к тяжелейшим, ничем не оправданным преступлениям. Но факт остается фактом – именно такими были доминантные тенденции развития тогдашней юридической мысли. И практически тождественными с ними или же, в значительной мере соответствующими, достаточно длительное время оказывались личные соображения и позиция Н. А. Скрыпника.

Иногда даже трудно найти более или менее убедительное объяснение феномена: люди, стержень жизни которых определяло именно диалектическое мировоззрение – борьба за смену одного строя другим (как острой исторической необходимости, реакции на требования назревших изменений в обществе), на несколько более низком уровне, в рамках вновь создаваемой формации демонстрировали неспособность переступить через определенные догматические представления. Вот и Николай Алексеевич абсолютизировал определенные подходы из арсенала времен Гражданской войны, почти автоматически переносил их на мирный период. И на словах отдавая должное новым реалиям, он скорее считал, что они должны реализовываться в формах, методах работы правоохранительных, чрезвычайных органов, а не в их содержании. Так, в 1923 г. он уже как нарком юстиции размышлял по случаю пятилетия образования ЧК в Украине: «Вместо ЧК стало ГПУ, аппарат политического сыска и дознания, с его новыми уточненными и улучшенными методами. Была административная расправа ЧК, и происходила она без соблюдения формальности – теперь мы рассматриваем дела через суд, придерживаясь правил и формальностей процессуальных кодексов, которые издал Центральный Исполнительный Комитет. Формы нашей борьбы в защиту рабочекрестьянской власти теперь

не те, что были. Но те самые задачи остаются нам, тот самый враг стоит перед нами, те самые чувства к нему заполняют наши души – те самые методы борьбы имеем перед собой. Задачи борьбы против всех врагов рабоче-крестьянской диктатуры, немилосердная судебная расправа со всеми, кто восстает против власти пролетариата, это мы должны осуществлять еще и дальше»[165].

Нельзя сказать, что у Николая Алексеевича была какая-то собственная точка зрения на социалистическую законность. Скорее он тут был не оригинальным, повторял бытовавшие тогда идеи. «Революционная законность, – писал он, – является объединением принципов революции с принципами законности. В буржуазном обществе законность является одним из орудий для угнетения трудящихся масс. Дух законности, подчиненности буржуазным законам является наиболее вредным для революционного движения; дух легальности вытравливает революционный дух.

И в начале революции мы пытались заменить законность понятием революционной целесообразности; после окончания гражданской войны, после перехода к новым экономическим формам жизни мы заменяем законную революционность революционной законностью; революционная законность является подчиненностью существующим формам революционной жизни, введение жизни в определенные рамки законов, созданных революцией»[166].

Исследователи деятельности Н. А. Скрыпника обратили внимание и на то, что наркомюст в своей кадровой практике тяготел к тем лицам, которые проявили себя членами трибуналов и как чекисты еще во времена «военного коммунизма»[167].

Истечет немало лет, десятилетий, и такая линия получит строгое осуждение, вполне заслуженное бескомпромиссное развенчание. Однако бесполезными, безосновательными были бы попытки хотя бы в какой-то степени вывести за рамки справедливых негативных оценок кого бы то ни было из причастных к той практике, какие бы симпатии в целом не вызывала та или иная личность или ее, так сказать, итоговый положительный вклад в историю.

Не стоит, очевидно, становиться на подобный путь и в отношении Николая Алексеевича Скрыпника. Тем более что в его последнем осмысленном жизненном шаге можно уловить и какой-то элемент раскаяния за причастность к системе, в которую был вложен и его, Скрыпника, кирпич, и, возможно, элемент прозрения относительно бессилия перед теми порядками, нормами жизни, которые были насаждены, как на первых порах

казалось, самому свободному за всю историю и на всей планете обществу.

Возможно даже, что потребность раскаяния назрела для него лично значительно раньше, чем Николай Алексеевич принял свое последнее решение. Еще в 1925 г. он писал: «Я должен покаяться теперь, что у меня именно в ноябре и в декабре 1917 года был кое в чем определенный ультралевый уклон, а именно: я считал нужным, чтобы наша линия в отношении наших врагов была острее и непримиримее. Я, например, считал тогда, что членов комитета охраны революции – Гоца и других, организовавших в ноябре восстание в Питере, Военный Революционный Комитет должен не отпустить под слово чести, а расстрелять… Так же после нашей победы над Пармским и Красновым. Когда генерал Краснов, отпущенный под честное слово, бродил по длинным коридорам Смольного, я тоже говорил, что лучше было бы его расстрелять…»[168]

Для настоящего чекиста-профессионала важно владеть весьма значительной суммой качеств, способностей особого рода, таких как бдительность, внимательность, рассудительность, аналитичность, предусмотрительность, интуиция… Довольно быстро выяснилось, что, как разносторонне одаренная личность, Николай Алексеевич имел все их в своем арсенале.

В калейдоскопе тогдашних дел всплывает, как одно из самых примечательных и громких, дело Локкарта. К нему пришлось подключиться в первые дни службы на новом посту. Работая под непосредственным руководством Ф. Э. Дзержинского, бок о бок с Я. Х. Петерсом, В. Э. Кингисеппом, Н. А. Скрыпник сразу же проявил себя достаточно подготовленным к новой роли. И в том, что заговор послов лопнул, как мыльный пузырь, еще в своем зародыше, в том, что был сорван один из широкомасштабных планов иностранной интервенции, есть и его значительная личная заслуга.

…Вспоминается, как пришлось допрашивать эсерку Фаину Каплан после ее покушения на вождя революции – В. И. Ленина. Вела она себя довольно вызывающе, отказывалась отвечать практически на все вопросы. Упорно твердила, что ее преступный акт – это результат индивидуально принятого решения. Однако уже тогда настораживало, что она отвергала любые предположения о связях с правыми эсерами и хитро оставляла почти призрачную возможность для вывода о том, что определенные контакты были при подготовке к выстрелам в «сердце революции», как тогда говорили, с левыми эсерами. Что ж, тогда не так много удалось выяснить. Каплан оказалась и достаточно умной, и достаточно предусмотрительной, и

достаточно твердой. А еще детальные расчеты, как потом, спустя годы, выяснится, совершили правые эсеры; чтобы скрыть нити, ведущие к настоящему центру заговора, понять его план, они по-иезуитски пытались направить следствие по ложному пути – против своих вчерашних товарищей по партии – левых эсеров, стоявших ближе к платформе Советской власти. Надежды правых эсеров на то, что красный террор обернется прежде всего против левых эсеров, тогда Скрыпнику, его коллегам удалось разгадать, а коварный план – сорвать.

Николай Алексеевич, как и большинство руководства, личного состава ЧК, пытался действовать так, чтобы карательная рука чрезвычайного органа подымалась над головами тех, кто прибегал к «белому террору». И чего греха таить – случалось и так, что страдали (и немало) невинные. Досадные ошибки, просчеты, неоправданные масштабы нарастающего террора сначала больно терзали душу, роились в голове клубком тяжелых мыслей. Однако, в конце концов, человек ко многому привыкает, учится жить и согласно военным законам. Обострение же классовой борьбы, крайние формы которой с противоположной стороны превышали, казалось, возможности любого человеческого воображения, никак не соответствовали здравому смыслу, служили определенным оправданием.

Скрыпник все меньше сомневался относительно содержания деятельности ЧК, ее направленности, применяемых методов. А позже он целиком, безоговорочно оправдывал все, что связывалось с этим чрезвычайным органом. В то время как Красная армия успешно отразила на фронтах все атаки на Советскую власть, на социалистическое Отечество, «внутри страны, – писал Николай Алексеевич, – сторонники власти капитала организовывали заговоры и восстания, высаживали в воздух железные дороги и убивали рабочих советской организации. Мы победили на внешних фронтах, мы победили на фронте внутреннем. И эта война на внутреннем фронте была не менее серьезная и лютая, как на фронтах внешних, требовала не

меньшего напряжения, не меньших жертв и самопожертвований. Органы чрезвычайных комиссий с успехом провели эту борьбу»[169].

В доказательствах революционера и борца по этому поводу было немало пафоса, но нельзя отказать ему и в определенной логике. Касаясь самого наименования чекистской системы, существовавшей во всех республиках, он утверждал: «Какое имя больше всего возненавидели враги-контрреволюционеры, чем это короткое, легендарное выражение, которое теперь на всех языках земного шара произносится одинаково и везде одинаково

означает название органов чрезвычайной борьбы пролетарской революции с буржуазной контрреволюцией! Вся ненависть злобного буржуа, вся ярость озабоченного мещанина, весь яд клеветы буржуазной прессы – все это концентрировалось на этом имени – ЧЕКА. Нет таких ложных мудрствований, нет таких легенд, вымыслов, ужасов, кошмаров, которыми буржуазия всего мира не окутала бы деятельность ЧЕКА.

И что же! Чрезвычайные комиссии и их работники могут с гордостью встретить этот черный паводок клеветы и злобы. Он означает лишь то, что буржуазия правильно поняла вес Чрезвычайных Комиссий как самого нужного органа пролетарской диктатуры. Да оно так и есть»[170].

Однако было бы неверным соглашаться во всем с логикой руководства ЧК, когда термином «революционная законность» они стремились отбросить любую законность вообще, обосновывая любой свой шаг и поступок соображениями «революционной целесообразности». В таких рассуждениях, как правило, было немало упрощенности, предвзятости и, прямо можно сказать, непрофессионализма и даже проявления низкого общего уровня культуры.

Скрыпник, при всех его природных потенциях, одаренности, не стоял в стороне от тех догматических представлений, которые занимали все доминирующие позиции в умонастроениях руководителей его времени. Вот, например, как он трактовал исходный момент в системе доказательств правомерности любых поступков чрезвычайных органов, отвечающих интересам революции, – вопрос о диктатуре пролетариата. «Диктатура, – доказывал Николай Алексеевич, – это есть власть, с помощью которой господствующий класс побеждает сопротивление и борьбу других классов, несмотря на предыдущие законы. Пролетариат, завоевав власть в государстве, имеет всю силу, чтобы преодолеть буржуазию. Он должен сломать ее сопротивление,

не обращая внимания на все законы, правила, нормы, формы и формальности, которые были и являются общепризнанными в так называемом “цивилизованном” буржуазном обществе! Подняв восстание против всего буржуазного мира, рабочий класс, естественно, не может считать обязательной для себя ту законность, узами которой господствующая буржуазия укрепила свою власть над трудящимися. Мы, люди нового мира, и несем в мир новые начала, новую справедливость, новое право – справедливость солидарности, право труда, законность освобождения от капитала. Октябрьская революция имеет своей задачей не сберечь и осуществить буржуазный закон и

буржуазную справедливость, а сломать их, отменить, уничтожить, а вместо этого создать свое, новое»[171].

Пренебрежительное отношение к общечеловеческим ценностям, присущее уже в то время и буржуазной правозаконности, конечно, было проявлением революционного романтизма, одновременно революционного нигилизма, что еще трагически обернется для всего советского общества, в том числе и против горячих пропагандистов подобных взглядов. Среди них будет и Николай Алексеевич Скрыпник.

А пока он в революционном пылу идет еще дальше, когда рядом с вполне оправданными функциями ВЧК или ВУЧК доказывает абсолютную целесообразность любого произвола с их стороны. Здесь логики, доказательности, к сожалению, еще меньше. «Чрезвычайная комиссия, – утверждает Николай Алексеевич, – орган пролетарской диктатуры. Ее острие было направлено на враждебный нам класс. В кровавой беспощадной гражданской борьбе мы защищались от целого буржуазного мира и его немилосердной расправы над восставшими пролетариями. Пусть сколько хотят буржуа скулят и разводят ламентации, что вот, мол, ЧЕКА сожаления не имели. А разве буржуазия жалела пролетариев, восставших за освобождение? Десятки тысяч рабочих Парижской Коммуны убила французская буржуазия, десятки и сотни тысяч рабочих перебито в Германии, Северной Америке, Южной Америке, Мадьярщине, Италии, по всему земному шару – как же смеет буржуа протестовать против беспощадности рабочих, когда беспощадность пролетариата – это только оборона от беспощадности буржуазии!

И так же много болтовни и протестов было у буржуазии и ее социалистических наемников – меньшевиков и эсеров в связи с тем, что их расстреливают. Кровь и убийства – к лицу ли буржуазии протестовать против них после пяти лет империалистической резни, которая свела со свету миллионы трудящихся, резни, которую сама же буржуазия затеяла, а социал-шовинисты всех стран и названий поддерживали! Возмущаясь, мы отвергаем само право буржуазии на любой протест моральный против расстрелов, которые осуществлялись ЧЕКА»[172].

Видимо, законы революции все же труднопостижимы. Те, кто их создает и первыми применяет, улавливают, например, упорную склонность к якобинству, будто бы закрывая глаза на то, как в дальнейшем такая упрямая склонность обращается и против них самих. И весьма красноречивый опыт почему-то никогда не становится предостережением, он вроде бы существует для всего остального мира, кроме каждого отдельного революционера или той группы, к которой он принадлежит.

Вызывает просто недоумение, как, все чаще обращаясь к упомянутым уже примерам с П. Н. Красновым и А. Р. Гоцем, Н. А. Скрыпник будто бы сожалеет, что революция оказалась недостаточно жестокой к обоим: «Нет, мы были слишком великодушны, мы слишком миловали всякого врага, когда только он призывал к милосердию, отрекался от борьбы, заявлял, что подчиняется Советской власти. Но когда мы миловали врага, он наше милосердие обращал против нас. Отпущенный под честное слово генерал Краснов стал руководителем контрреволюционного восстания на Дону 1917–1918 гг. Отпущенный так же под честное слово социалист-революционер Гоц стал главным организатором контрреволюционных заговоров и был им в течение нескольких лет, пока, наконец, его не арестовал и не осудил Высочайший трибунал по делу эсеров и опять-таки только на условный расстрел. Все генералы, стоявшие потом во главе белогвардейского войска, все эсеры, организовывавшие затем восстания и убийства, все меньшевики, которые теперь лгут на Советскую власть, – ведь все они были в руках повстанцев-рабочих 1917 г., и эти же рабочие их помиловали. Так, эта борьба, которую мы вели против всего буржуазного мира, была беспощадной борьбой, и ЧЕКА ее проводила, но возмущаться против этого не имеют права представители буржуазии, без милосердия разлившие целые моря и океаны человеческой крови»[173].

Что ж, было бы совершенно излишним пытаться доказывать, что произвол, террор с одной стороны могут вполне оправдать аналогичные действия с противоположной стороны, более того – отвергать любое право рассчитывать на справедливость, стремиться к ней. Скрыпник, очевидно подчинившись господствующим

настроениям, не понимал и явно не хотел понимать этого. Не хотел даже задумываться: настолько его логика казалась ему неопровержимой, безупречной. С особой силой это бросается в глаза, когда он безоговорочно пытается оправдать расправы без суда и следствия, широко практиковавшиеся во время Гражданской войны.

«Но больше всего возмущались мещане из-за того, – отмечал Николай Алексеевич, – что ЧЕКА все свои приговоры осуществляла расправой, а не судом. Что же такое расправа в сравнении с судом? Расправа – это такое решение дела о преступлении, когда людей не связывают любые формальные гарантии законности. В этом отличие расправы от суда, где приговор зависит от определенных формальностей. Что означал протест представителей буржуазии против того, что ЧЕКА чинит

расправу, а не суд? Эти буржуазные протесты против расправ означали только одно: буржуазия хотела свою борьбу против рабоче-крестьянской власти ввести и в сам процесс разрешения вопроса о преступлениях, которые совершали белогвардейцы. Вспомните первые суды, организованные Советской властью после Октябрьской революции. Тогда буржуазия каждый процесс, где пролетариат судил своих врагов, стремилась использовать как новое средство борьбы с Советской властью. Гласность суда им была нужна, чтобы использовать суд для контрреволюционной агитации. Участие защиты в суде им нужно было, чтобы посылать на суд своих агитаторов в лице адвокатов. Они требовали соблюдать формальные гарантии, чтобы сохранить своих бойцов для дальнейшей контрреволюционной борьбы, и, наоборот, метод расправы был нужен пролетариату, ибо это означало – решать вопрос независимо от обычных для буржуазии формальных судебных гарантий, помогавших им властвовать. Когда же буржуазии надо было, она всегда ломала всякие гарантии законности – только лицемерно прятала это. Гражданская война есть неизбежность, факт, одинаковый и для буржуазии, и для пролетариата, но только пролетариат откровенно перед всем миром говорит об этом, напрочь отбрасывая свойственное буржуазии лицемерие»[174].

Беда Скрыпника, его поколения заключалась, очевидно, прежде всего в том, что они абсолютизировали законы классовой борьбы, противопоставляли их общечеловеческим законам и, не задумываясь, отвергали последние как ничего не стоящую формальность, если они мешали их революционной практике.

Не становились помехой, оставались без внимания и отчаянные протесты, которые звучали из лагеря великих гуманистов, совести народной – таких действительно народных мыслителей и художников, как Максим Горький, Владимир Короленко, Максимилиан Волошин…

Конечно, с течением времени прошлые события предстают в ином свете, получают другие оценки. Тогда же, в годы страшного разлома общества, казалось, что края разного рода мятежам, террористическим актам, кровавым эксцессам, диверсиям, провокациям не будет. Следовательно, решительная борьба за торжество революции представлялась вполне справедливой и всецело оправданной…

* * *

Работая в Москве, Н. А. Скрыпник вовсе не порывал с

Украиной. Он, конечно, не мог выполнять функции кандидата в члены ЦК КП(б)У, но посильную помощь товарищам оказывал. Принимал он участие и в работе II съезда Компартии республики. Как всегда, пытался стать выше споров между левыми и правыми в КП(б)У, объективно разобраться в обстановке, наметить эффективные пути улучшения партийной работы. В своем выступлении 20 октября 1918 г. он остановился на оценке приказа № 1 Всеукрревкома от 5 августа о начале вооруженного восстания на Черниговщине и Полтавщине, приведшему к преждевременному массовому выступлению и поражению.

Николай Алексеевич давал, в частности, такую общую оценку августовским событиям: «Мы имеем перед собой отдельные частичные вспышки на Украине, волной прокатившееся рабочее и крестьянское движение. Мы имеем перед собой к определенному времени, к сбору хлебов, наиболее сильное нарастание этого движения. Будьте правыми, будьте трижды левыми, но все равно вы должны признать, что наша прошлая борьба рабочих и крестьян Украины не заслуживает того, чтобы ее хаять. И пусть много было неудач, много было неправильностей, но данное движение разрослось в общую борьбу рабочих и крестьян; пусть некоторые иллюзии были разбиты, пусть во многих случаях наши организации потерпели, как терпят при борьбе, но эта борьба рабочих и крестьян была одним из этапов на пути к свержению буржуазии на Украине. Вы можете оценивать приказы как хотите и всячески, но все же августовское движение, которое разыгралось на Украине, является общим достоянием всей партии, а не того или иного течения»[175].

Стремясь объяснить субъективные стремления инициаторов издания приказа – Г. Л. Пятакова и А. С. Бубнова – вполне благородными, патриотическими намерениями, Н. А. Скрыпник вместе с тем показал политическую несостоятельность, необоснованность, необдуманность такого шага. «…Здесь же политический расчет обманул вас, товарищи, – констатировал Николай Алексеевич, – вы дали увлечь себя революционному нетерпению, которое все более и более нарастало в рабочей массе и у ее руководителей. Товарищи указывали как на доказательство своевременности приказа № 1 на то, что он имел также свои плодотворные последствия. Совершенно верно. Но он не мог их не иметь, потому что он был одним из проявлений революционного движения.

Много иллюзий разбито. Вот это и хорошо. Дадим себе ясный отчет, что иллюзии эти действительно разбиты. Сейчас все более нарастает революционное движение на Украине, осложняется политическая обстановка, и теперь для революционного

нетерпения больше места и основания, чем было раньше; это тоже нужно признать.

У прошлого нужно учиться. Да, товарищи, свои ошибки признать нужно, но, отменив эти ошибки, признавая их, не нужно перегибать палку в другую сторону, как делали некоторые из выступавших»[176].

Обращаясь к вопросу о перспективах работы ЦК КП(б)У, Николай Алексеевич Скрыпник приходил к общему выводу: «Необходимо расширять партийный фундамент нашей деятельности, необходимо, чтобы наша партия стала действительным вождем рабочих и крестьян и руководила ими не только в соответствии со стихийным движением, но и учитывая необходимые политические условия для успеха этого движения. Эту директиву на основании прошлого опыта мы должны дать нашему будущему ЦК»[177].

Ситуация же в Украине развивалась таким образом, что в начале 1919 г. партия вновь решила направить Скрыпника сюда на работу. Здесь шел процесс восстановления Советской власти, и очень кстати могли пригодиться как хорошая осведомленность Николая Алексеевича о республике, ее потребностях, так и познания, опыт в области советского строительства, приобретенный во время работы в столице.

В январе 1919 г. в советском руководстве УССР произошли серьезные изменения. Г. Л. Пятаков, который возглавлял Временное рабоче-крестьянское правительство республики с момента его создания 20 ноября 1918 г., не смог наладить эффективного сотрудничества членов высшего органа исполнительной власти.

Еще большую остроту приобрели разногласия и соперничество между «левыми» и правыми в ЦК Компартии Украины, трансформировавшиеся в правительственные осложнения. Случилось так, что в составе кабинета большинство оказалось у «левых», тогда как Центральный Комитет на II съезде КП(б)У сформировался преимущественно из правых. Естественно, большинство членов ЦК неоднократно высказывалось против пребывания на ключевом государственном посту Г. Л. Пятакова, который к тому же допускал жесткость, нетерпимость в межличностных отношениях, чрезмерное административное давление в отношении лиц, имевших другую точку зрения. Это и привело в итоге к склоке, к кризису в руководстве республики. В конфликт оказались втянутыми ЦК РКП(б), В. И. Ленин. В телеграмме в Москву 10 января 1919 г. члены ЦК КП(б)У Э. И. Квиринг, Ф. А. Сергеев (Артем) и Я. А. Яковлев (Эпштейн) просили не перемещать кандидатуры в существующем составе

правительства и ЦК, а «немедленно прислать Христиана Георгиевича», то есть Х. Г. Раковского, чтобы предотвратить перерастание кризиса главы правительства в правительственный кризис[178].

Не дождавшись ответа Ленина, нетерпеливые противники Пятакова 16 января 1919 г. созвали заседание правительства, на обсуждение которого поставили вопрос «О правительственном кризисе». По предложению секретаря ЦК КП(б)У Э. И. Квиринга заседание освободило Г. Л. Пятакова от должности председателя Временного рабоче-крестьянского правительства Украины (4 голоса – за, против – 1, при 2 воздержавшихся). На должность председателя избрали Ф. А. Сергеева, за которого подали 3 голоса, 1 оказался против, и 3 воздержались. Пятаков, правда, заявил, что его рекомендовал на должность главы правительства ЦК РКП(б) и он передаст полномочия Артему только после соответствующего решения ЦК РКП(б)[179].

17 и 18 января обе конфликтовавшие стороны сообщили о принятом 16 января решении СНК и снова апеллировали к Ленину, просили помощи в разрешении кризиса[180]. Последний, убедившись, что для нормализации деятельности советского правительства Украины нужна нейтральная по отношению к участникам конфликта личность, нашел, что отвечающей требованиям момента может действительно быть кандидатура Х. Г. Раковского, о чем, собственно, с обеих сторон местные партийно-советские работники и просили большевистского вождя. Следовательно, можно было надеяться, что его командирование в Украину не вызовет недовольства и не станет квалифицироваться неоправданным вмешательством центра в местные дела[181]. Очевидно, учитывалось и то, что на протяжении практически всего последнего года Раковский так или иначе был причастен к развитию событий в Украине, во всяком случае лучше других знал ситуацию и проблемы, выдвигаемые украинской жизнью, пользовался среди местных работников возрастающим авторитетом. Это убедительно показало участие Раковского в работе II съезда КП(б)У 17–22 октября 1918 г.

Патовая ситуация в правительстве (голоса соперников разбились практически пополам) заставила Ф. А. Сергеева буквально через два дня после назначения отказаться от должности руководителя исполнительной власти Советской Украины (17 и 18 января 1919 г. он еще председательствовал на заседаниях, подписывал их протоколы, другие документы как официальный глава правительства). Однако уже 19 января было решено напечатать в газетах сообщение о назначении Сергеева

заместителем председателя правительства, и соответственно новому статусу оформлялась вся документация[182]. (Кстати, в речи на заседании ВУЦИК 3 августа 1921 г. по поводу увековечения памяти погибшего Ф. А. Сергеева Н. А. Скрыпник вспоминал и о кратковременном председательстве своего коллеги в украинском советском правительстве[183].)

Между тем 22 января 1919 г. в Харькове появился Х. Г. Раковский. На следующий день он впервые присутствовал на заседании Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, а 24 января при участии обоих предшественников-соперников – Г. Л. Пятакова и Ф. А. Сергеева единогласно был избран его главой[184]. Хотя, по словам известного большевистского деятеля В. П. Затонского, «этот выглянцерованный европеец странным пятном выделялся на нашем диком фоне»[185], он очень быстро добился стабилизации правительства, активизации его деятельности. Уже 25 января появилась декларация Временного рабоче-крестьянского правительства Украины с программными задачами повсеместного восстановления власти Советов, укрепления интернационального единства советских республик, подъема из руин народного хозяйства, развития образования и культуры, обеспечения народовластия. В другом документе – «Обращении Временного рабоче-крестьянского правительства Украины к народам и правительствам всех стран о восстановлении Советской власти на Украине и составе правительства Украины» содержалась конкретная программа межгосударственных отношений, внешней политики УССР.

29 января 1919 г. по инициативе Раковского Временное рабоче-крестьянское правительство Украины было реорганизовано и названо Советом народных комиссаров УССР[186]. В состав реорганизованного правительства в должности председателя Верховной социалистической инспекции и народного комиссара контроля республики в тот же день был утвержден Николай Алексеевич Скрыпник[187]. Можно предположить, что здесь не обошлось без расчета: нейтральный по отношению к левым и правым политический деятель явно усиливал позиции председателя СНК Х. Г. Раковского и способствовал стабилизации верховного органа исполнительной власти.

На длительное «вхождение» в новую «роль» времени не было – обстоятельства требовали оперативности – и новый нарком сразу же с энтузиазмом «ушел» в дела. Он быстро разработал схему и план работы Верховной социалистической инспекции и подал их на утверждение СНК[188], безотлагательно занялся

выяснением «узких мест» в работе госорганов, искоренением недостатков, исправлением ошибок.

Скрыпник особенно заботился о создании центрального аппарата, а также местных органов контроля, стремясь превратить их в настоящую школу управления для широких масс трудящихся, которых все активнее привлекали к решению государственных дел.

Следует отметить, что широкую демократизацию как государственной, так и партийной жизни Николай Алексеевич считал одним из самых необходимых условий укрепления нового строя, повышения авторитета коммунистов. Эти его взгляды, способные показаться утопическими, идеалистическими, были, в частности, достаточно четко и конкретно сформулированы в выступлении на заседании организационной секции VIII съезда РКП(б) 20 марта 1919 г. «…Гласность нужна еще в другом, – подчеркивал Н. А. Скрыпник, – в том, чтобы вопросы, возникающие в партии, мнения, имеющиеся в партии, не были в тайниках партийной жизни, а выращивались при свете дня. Только при солнце, вне стен, могут вырасти мощные растения. А между тем в этом отношении у нас имеется громадный недостаток. Я не помню вопросов, кроме Бреста, которые были бы поставлены на партийное обсуждение. У нас целые громадные вопросы прошли, а партия обсуждала их только после того, как они были уже решены. Мы находимся в противоречивом положении. Нам необходима выработка партийного коллективного мнения, ибо партия только в том случае может быть партией, если она коллективно вырабатывает мнения для воплощения их в жизнь. А у нас происходит наоборот: часто приходится получать директивы, которые сейчас же нужно проводить в жизнь, а потом лишь взвешивать, соображать и высказываться.

Между тем во многих случаях вопрос мог бы быть поставлен на широкое предварительное обсуждение в партии»[189].

Очень наглядной и убедительной стала при этом ссылка на подход к решению продовольственного вопроса. «У нас по вопросу о продовольственной политике существовали различные мнения, – говорил Николай Алексеевич. – Здесь в Москве происходили партийные совещания, где по вопросу о нашей продовольственной политике велись горячие дебаты, где наметились две линии этой политики. Но укажите мне, пожалуйста, где перед лицом всей партии, всей массы членов партии, всей массы, примыкающей к нам, которую мы должны политически воспитывать, разбирался этот вопрос? Этого не было, и этот вопрос заглох. И только потом в результате

обсуждения внутри узкой группы местных работников явилось определенное решение Центрального Комитета. Нельзя бояться разногласий, которые имеются в нашей среде, нужно привлекать внимание всей массы членов партии к этим вопросам и обсуждать их. А этого у нас нет. Продовольственный вопрос, вопрос о кооперативах, вопрос относительно полутора пудов и т. д. – целый ряд вопросов можно было бы поставить на широкое обсуждение внутри партии»[190].

Стоит отметить, что у Скрыпника (как, впрочем, и у многих его коллег) на партийной и государственной работе всего послеоктябрьского периода вырабатывался какой-то особый стиль: он никогда не замыкался на выполнении функций, непосредственно вытекавших из задач того ведомства, которое он возглавлял.

Так, инспекционные задачи он также не воспринимал узко прагматически, только как контрольные, а представлял себе более широко и направлял деятельность аппарата и на подавление контрреволюционных вылазок, проведение национализации промышленности, осуществление земельной и национальной политики Советской власти, решений VIII съезда РКП(б) в области военного строительства.

Николай Алексеевич много ездил по республике, участвовал в решении конкретных дел, в работе различных съездов, конференций, собраний, обобщал впечатления, часто делился ими на страницах республиканских газет. В частности, после посещения Радомышльского уезда он дал интервью корреспонденту газеты «Коммунист», в котором на конкретных примерах показал процесс консолидации бедняцких элементов деревни против кулачества, привлечение на сторону Советской власти середняка[191].

Из тогдашних событий наркому более всего запало в память участие в ликвидации повстанческого отряда атамана Зеленого (Д. И. Терпило), терроризировавшего весь юг Киевщины и отличавшегося особой жестокостью. Огромное возмущение и гнев вызвала расправа над молодыми киевскими коммунистами и комсомольцами, которую тогда сразу наименовали Трипольской трагедией. Назначенный Советом Обороны Украины особоуполномоченным по борьбе с повстанцами Зеленого, Скрыпник включился в формирование дивизии трипольского направления, которая за несколько дней вдребезги разбила превосходящую группировку[192].

…Иногда Николай Алексеевич и сам удивлялся, откуда брались силы для такой изнурительной борьбы, которая выпала на долю его товарищей по партии. Один деникинский фронт чего

стоил! И это было только острие гигантского копья, вонзавшегося в плоть Советской Украины, Советской России их врагами. Скрыпник в этот едва ли не самый трудный для Советской власти период все время на оперативной работе в войсках, изведал с ними и горечь поражений, и тяготы отступлений, и радость побед. Еще до конца зимы 1920 г. деникинцы были разгромлены, Украина была освобождена. За заслуги в деле освобождения республики от белогвардейцев, за личную смелость, проявленную в рядах Красной армии, Всеукраинский центральный исполнительный комитет наградил Николая Алексеевича орденом Красного знамени.

Деникинское нашествие, несмотря на свою относительную непродолжительность, нанесло тяжелый удар по всем сферам жизни советской республики, прервало деятельность всех государственных структур, начиная с правительственных. Перестали функционировать, естественно, и Всеукраинская рабоче-крестьянская инспекция и Наркомат государственного контроля. После разгрома деникинщины органы советской государственной власти начали восстанавливаться, по сути заново организовываться. Однако контрольные функции сначала выполняли структуры, непосредственно подчиненные Наркомату госконтроля РСФСР, который возглавлялся И. В. Сталиным. Последний назначил в марте 1920 г. уполномоченным Наркомата госконтроля по Украине Якубова, а его заместителями Феденева и Штернберга. В то время в России было принято положение о преобразовании службы государственного контроля в Рабоче-крестьянскую инспекцию.

В специальном докладе «О положении Народного Комиссариата рабоче-крестьянской инспекции» прямо говорилось, что кадровые решения из Москвы и «неопределенность функций и организации рабоче-крестьянской инспекции вызывали длительное время внутренние трения в ней, которые очень затруднили правильную постановку дела»[193].

Все это привело к превращению (реорганизации) Всеукраинской рабоче-крестьянской инспекции в Народный комиссариат рабочекрестьянской инспекции УССР.

24 мая 1920 г. Н. А. Скрыпник издал приказ Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции, согласно которому в соответствии с постановлением ВУЦИК от 23 мая 1920 г., он (то есть Скрыпник. – *В. С.)* вновь назначался народным комиссаром рабоче-крестьянской инспекции УССР и с указанного дня принял дела учреждения, которое разворачивалось «в Народный Комиссариат Всеукраинской Рабоче-Крестьянской Инспекции»[194].

Заместителю заведующего ВУРСа Б. П. Штернбергу предписывалось передать дела Н. А. Скрыпнику.

В тот же день заместитель заведующего РКИ, которым являлся тот же Б. П. Штернберг, издал приказ, проливающий свет на усложненную процедуру происхождения новообразования и назначение его руководителя: «Мая 22 дня 1920 года постановлением 4-го Всеукраинского съезда Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов Рабоче-Крестьянская Инспекция не включена в число Народных комиссариатов УССР, федеративно объединяющихся, а постановлением Центрального Исполнительного Комитета от 23 мая с. г. Народным Комиссаром Рабоче-Крестьянской Инспекции УССР вновь назначен тов. Н. А. Скрыпник – Нарком Государственного Контроля УССР в 1919 году.

На основании этого Всеукраинская Рабоче-Крестьянская Инспекция разворачивается снова в Народный Комиссариат РабочеКрестьянской Инспекции УССР»[195].

Как тогда часто случалось, наркому приходилось начинать все «с нуля». И самой сложной оказалась проблема комплектации наркомата кадрами. Штат НК РКИ с 1 июня 1920 г. был определен в количестве 277 человек. Для сравнения можно вспомнить, что в 1919 г. в Наркомате госконтроля числилось 1034 человека, а в НК РКИ РСФСР работало более 2 тыс. служащих[196].

Но и небольшое количество вакансий было не так-то просто заполнить. Значительная часть старых специалистов отказывались идти на службу Советской власти, а молодые советские кадры еще только рождались. Им очень не хватало знаний, навыков. Задачи же возникали весьма и весьма ответственные: следовало, проявляя принципиальность, непримиримость ко всевозможным недостаткам, помогать партийным организациям, правительственным учреждениям возрождать народное хозяйство, прежде всего транспорт, налаживать нормальное функционирование трудовых коллективов.

И новый нарком хотел работать «не числом, а умением», отдавая предпочтение высоким профессиональным качествам сотрудников, которым доверялись ответственные функции.

Он считал работу в РКИ чрезвычайно важной, потому требования к сослуживцам должны быть особенно высокими. Буквально через 10 дней после того, как он возглавил наркомат, 5 июня 1920 г. Николай Алексеевич издал приказ: «Подтверждается распоряжение, изданное на словах всем заведующим отделами: в 2-дневный срок до понедельника – 7 июня проверить весь личный состав и штаты вверенных им отделов путем тщательного

и персонального опроса каждого сотрудника. Дать характеристику каждого сотрудника отдела. Дать отзыв об оставлении на работе Народного Комиссариата Рабоче-Крестьянской Инспекции или об отчислении его; все, кто вызывают сомнения, должны быть отчислены…»[197]

Конечно, в то время закладывались первичные, возможно, еще и не очень осязаемые основы бюрократической системы управления, которые впоследствии превратились во всесильные. А Наркомат рабоче-крестьянской инспекции был ее органической составляющей. И все же следует отдать должное Н. А. Скрыпнику – в формировании как центрального, так и местных (губернских, городских, уездных) аппаратов контроля он выступил инициатором введения эффективных демократических начал[198]. Кандидатуры коммунистов и беспартийных, рабочих и крестьян, которые выдвигали на контрольную работу, предварительно широко обсуждались на партийных собраниях, заседаниях Советов депутатов, собраниях профсоюзов и рабочих конференциях. Отбор был достаточно требовательным, но и авторитетом снизу избранники наделялись большим.

А в практической работе нарком настойчиво добивался, чтобы красные контроллеры умели не только проверять, инспектировать, но и инструктировать, учить, быть компетентными в делах партийной, государственной работы. Сам нарком, высокий, худощавый, аскетичный, с концентрированным проницательным взглядом, казалось, даже внешностью в наибольшей степени соответствовал своему назначению. Но значительно важнее было то, что совесть этого человека была такого качества, была такой светлой, что позволяла безоговорочно предъявлять как к подчиненным, так и к коллективам любых партийных и государственных учреждений, к инспекции которых он имел отношение, обоснованно строгие требования. Когда он беспощадно клеймил обнаруженные бюрократизм и волокиту, бесхозяйственность и расточительство, целенаправленно боролся с преступными проявлениями, негативными наклонностями, мало кто был способен возражать, тем более – противодействовать. Его выводы, нередко довольно резкие, бескомпромиссные, были всегда аргументированными, предложения конструктивными, а действия – эффективными, последовательными, обдуманными. Нарком РКИ проявлял строгость, даже жесткость в отношении тех работников РКИ, которые проявляли халатность, бесчувственность, допускали огульные неконкретные подходы, верхоглядство, цинизм. Таких он считал необходимым наказывать и о наказании подробно информировать государственный аппарат[199]. Были случаи, когда

Н. А. Скрыпник прибегал к крайним мерам – распоряжениям о пятидневном аресте виновных. Однако, судя по документам, такое наказание применялось лишь к руководящим работникам ведомства. Так он поступил, в частности, с руководителями Волынского и Екатеринославского отделений РКИ[200].

Скрыпник выдвигал в качестве основной задачи деятельности инспекторов, контролеров реальную помощь различным инстанциям в улучшении их работы, совершенствовании, оптимизации ее. В то же время он считал, что осуществлять это следует очень осторожно, деликатно. В специальном приказе от 17 июня 1920 г. он отмечал: «Из “Положения” о Рабоче-Крестьянской Инспекции и Декретов о Госконтроле ясно следует, что представители Р.К.И., какую бы должность они ни занимали, не имеют права самостоятельно вмешиваться в административные права учреждений.

Контроллеры могут запрещать те или иные действия в случаях явной незаконности их, с уведомлением об этом близких руководителей подотчетного и своего учреждения, под свою ответственность, однако самостоятельно распоряжаться они не могут. Далее, в случае дефектов в постановке дела представители РК Инспекции прибегают к мерам по улучшению путем советов, выработки инструкций, опережающих сдерживаний, проводя все эти свои мероприятия в согласовании с руководителем учреждения, или в случае его явного противодействия обращаясь в вышестоящие инстанции»[201].

Довольно быстро все убедились, что Скрыпник – настоящий враг проволочек, халатности, бессистемности, чванства, что нарком пытался каждый негативный факт сделать отправным для перелома ситуации, уроком для улучшения работы. Посетив 30 июня 1920 г. Бюро жалоб при органах ЧК Украины, Николай Алексеевич нашел его работу неудовлетворительной, вынес письменный выговор руководству. Однако главное заключалось в другом. Нарком издал специальный приказ, согласно которому увеличивался штат сотрудников соответствующей службы. При этом подчеркивалось, что «бюро жалоб и все его сотрудники должны в первую очередь и не позднее 24 часов обследовать заявления и жалобы, подающиеся рабочими и красноармейцами или их семьями». Предполагалось строгое регламентирование «прохождения» дел, в частности в «книге жалоб» должны быть две тетради: «разбора жалоб» и «срочных заседаний». В завершение руководитель ведомства особо отметил: «Смотреть на канцелярскую сторону дела только как на регистрацию работы, все же внимание сосредоточить на живых людях и фактических отношениях, подходя революционно к сути дела»[202]. Николай

Алексеевич не раз подчеркивал, что «служба в таком высоком учреждении, как Центр. органы РКИ требует со стороны сотрудников его достаточного такта и уважительного обращения с посетителями»[203].

Сам нарком каждый день 3–4 часа отводил для работы с бумагами – письмами, просьбами, жалобами и т. п. Однако канцелярской, бюрократической работой это было назвать трудно. По каждому обращению Н. А. Скрыпник взял за правило давать собственноручное письменное (часто довольно развернутое и детальное, всегда сущностное) поручение своим подчиненным по решению дела или личный ответ. Информацию отделов и местных государственных органов изучал тщательно, анализировал критически, издавал относительно их содержания приказы[204]. Скоро этот стиль стал нормой и для заместителей наркома, которые просто не отваживались на бюрократические отписки: о нраве Скрыпника знали – он небрежности, имитации деятельности не простит.

Кстати, когда речь заходит о канцелярщине, бюрократизме, в воображении первым делом возникают горы, по крайней мере кучи различных бумаг. Так вот, именно бумаги в прямом, физическом смысле как раз и не хватало. Поэтому документация наркомата, включая бумаги наркома, велась на обратной стороне бланков различных учреждений, уже не существовавших, – Донецкого горнопромышленного банка, Харьковского отделения Русско-Азиатского банка, Азово-Донского коммерческого банка, а то и на листах, взятых из амбарных книг или школьных тетрадей[205].

Ситуация с бумагой была настолько затруднительной, что 7 июля 1920 г. по Наркомату РКИ было даже издано распоряжение: «Приказывается всем сотрудникам под ответственность завотделами пользоваться только архивной бумагой (т. е. обратной стороной случайных бланков, машинописных страниц и т. д. – *В. С.)*.

В исключительных случаях, с разрешения завотделами разрешается пользоваться чистой бумагой»[206].

Однако жаловаться ни нарком, ни коллектив, который он возглавлял, никому не собирались. Ведь главное – живая работа. А ее было более чем достаточно. Да и инициативности ни Скрыпник, ни его коллеги не привыкли «занимать». Поступает сообщение о решении СНК провести месячник помощи детям-сиротам, нарком издает собственный приказ, предусматривающий дополнительные действия в этом деле силами рабоче-крестьянских инспекторов. Осуществляется обследование лечебно-санитарных учреждений с целью поиска

резервов для усиления борьбы против эпидемий, Николай Алексеевич и здесь находит возможности для расширения поля деятельности вверенного ему ведомства. Или проводится, например, «Неделя больного и раненого красноармейца» (июнь 1920 г.), и нарком РКИ снова подписывает специальный приказ, которым предлагает параллельно организовать «Неделю красноармейской жалобы». Предполагалось осуществить обход госпиталей и лазаретов, прием жалоб от красноармейцев и по возможности решать их на месте путем немедленной выдачи на руки копий решений, удостоверений или справок, оформления запросов в соответствующие инстанции для решения сложных вопросов, требовавших времени. С этой целью только в Харькове предусматривалось создание четырех комиссий, которые возглавили сам нарком РКИ Скрыпник, его заместитель Штернберг, заведующий полевой инспекцией РКИ Мартынович и заведующий Харьковской губинспекцией Фидровский[207].

В поле зрения наркома находился широкий спектр проблем республики. Исходя из потребностей восстановления народного хозяйства, улучшения экономического положения, особое внимание уделялось металлургической и угольной промышленности, в частности функционированию Центрального правления каменноугольной промышленности (ЦПКП), возглавляемого Г. Л. Пятаковым, работе Украинской трудовой армии[208] и т. п.

Впрочем, второстепенных проблем, второстепенных дел и объектов в строительстве государства для Н. А. Скрыпника не было. С одинаковым энтузиазмом и оперативностью он реагировал на любую потребность участия руководимого им наркомата в решении очередных задач. Так, 28 сентября 1920 г. он издал приказ по Наркомату РКИ. В нем говорилось о мерах по реализации постановления Совнаркома УССР от 21 сентября. Культурно-просветительской инспекции предписывалось обратить внимание и следить: «1) за выполнением порученной Наркомпросом задачи – разработке плана широкого развития воспитательных и образовательных учреждений всех степеней и разрядов с украинским языком преподавания; 2) за немедленным введением обязательного изучения украинского языка во всех заведениях с неукраинским языком преподавания»[209].

Далее предполагалось тщательное наблюдение за серьезным изучением украинского языка во всех заведениях, где готовились работники образования; за выпуском учебников и художественной литературы, газет на украинском языке.

Вообще же Николай Скрыпник стремился придать всей работе Наркомата РКИ максимальную четкость, оперативность,

обеспечить возможно более высокий профессиональный уровень подготовки сотрудников. Одним из важных мероприятий, проведенных им, была организация библиотеки, в которой концентрировались издания по экономическим и контрольным вопросам. Интересная деталь: закупку нужных книг нарком распорядился осуществлять «за счет непредвиденных расходов»[210].

Скрыпник воспитывал у подчиненных максимально ответственное отношение к каждому своему шагу, действию, настойчиво боролся за то, чтобы НК РКИ получал абсолютно точные, объективные данные от своих органов на местах. Он терпеливо разъяснял, что, в частности, губернские органы инспекции не могут быть просто передаточными звеньями от низовых учреждений, организаций, полученные по запросам данные они должны тщательно проверить, убедиться в их точности и только тогда передавать «наверх». Такая работа должна быть систематической, правилом[211].

Как и до того, Николай Скрыпник наряду с основными, наркомовскими функциями выполнял немало других ответственных поручений. В частности, потребностью поиска вариантов сотрудничества между государственными учреждениями УССР и РСФСР было обусловлено назначение его полномочным представителем Наркомата РКИ Российской Федерации в Украине. 31 июля 1920 г. была обнародована копия приказа по Народному комиссариату рабоче-крестьянской инспекции РСФСР. В документе говорилось:

«1. На основании Постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета о федеративном объединении органов РКИ УССР и РСФСР, принимая к руководству и исполнению постановления ВЦИК, напечатанного в “Известиях” № 109 от 22 мая 1920 года о экстерриториальности органов специальных Инспекций, но имея в виду отдаленность указанных органов на Украине от Центра и необходимость непосредственного надзора представителя НК РКИ на месте, – утверждается на Украине полномочное представительство НК РКИ в лице Народного Комиссара РКИ УССР тов. Н. А. Скрыпника для организации, руководства и направления всей деятельности органов отделов Средств Сообщения, Связи и Военно-Морского на Украине»[212].

Отделам средств сообщения и связи, а также военно-морскому поручалось руководить своими подчиненными, направлять корреспонденцию только через Н. А. Скрыпника. Если же возникала острая необходимость немедленной связи с

центром, то в таком случае копии документов должны немедленно сообщаться украинскому наркому. Зачисление на работу, перемещение и увольнение сотрудников, наложение взысканий должно было проводиться им в установленном порядке.

Наделяя Н. А. Скрыпника широкими полномочиями, приказ одновременно ограничивал компетенцию НК РКИ УССР, поскольку содержал и такие пункты: «6. Все приказы, распоряжения и руководящие указания НК РКИ РСФСР обязательны для всех органов РКИ УССР.

7. Тов. Скрыпник Н. А., принимая к немедленному исполнению все распоряжения НК РКИ, обязан направлять в НК РКИ РСФСР доклады и отчеты о ходе работ специальных Инспекций всех органов РКИ УССР не реже одного раза в месяц»[213].

Украинский нарком оперативно создал аппарат для решения вопросов, связанных с новой областью деятельности, наладил достаточно четкую, эффективную ее роботу[214].

Для его деятельной натуры нашлись и другие ответственные участки работы. 14 сентября 1920 г. Николая Алексеевича постановлением СНК УССР включили в состав комиссии по разработке положения о народном суде Украины[215], а 1 октября назначили членом комиссии по учету и распределению эвакуированных учреждений и лиц (Эвакком)[216] и членом Эваккомисии Совета рабоче-крестьянской обороны РСФСР[217].

Согласно решению ЦК КП(б)У от 13 февраля 1921 г. Николай Алексеевич возглавил только что созданную Всеукраинскую комиссию по истории Октябрьской революции и Коммунистической партии (Истпарт), которая сначала подчинялась ВУЦИК, а с января 1922 г. – ЦК КП(б)У, с мая того же года работала на правах отдела Центрального комитета[218].

22 марта 1921 г. правительство утвердило Н. А. Скрыпника членом комиссии по разработке федеральной конституции[219].

Естественно, как нарком, он систематически участвовал в заседаниях правительства, вел себя довольно активно, как правило, неоднократно выступал при обсуждении спорных вопросов, добивался учета его мнения, позиции[220]. А после избрания в состав Президиума ВУЦИК (с лета 1920 г.)[221] объем обязанностей, напряжение работы, соответственно, еще больше возросли.

Главной же оставалась работа в должности наркома РКИ УССР. Кстати, она привлекла к себе внимание, квалифицировалась как образец на совещании ответственных работников рабочекрестьянской инспекции, состоявшемся в

октябре 1920 г. в Москве. Особо отмеченной оказалась слаженность, мобильность, результативность действий украинского наркомата во время войны с Польшей, когда РКИ приняла живейшее участие в обороне республики, укреплении тыла, налаживании контроля за эвакуацией населения и материальных ценностей, за охраной военных, продовольственных и инженерных складов, путей и важных промышленных объектов.

В августе 1920 г., когда войска Ю. Пилсудского уже понесли ощутимые поражения, поляки предложили мирные переговоры. Правительства РСФСР и УССР направили в Минск, где было решено вести переговоры, свои полномочные делегации. От советского правительства Украины представителем на этих переговорах был Н. А. Скрыпник. Однако намерения польской стороны быстро выяснились: затягивая время, одновременно готовиться к контрнаступлению. А вскоре переговоры были и вовсе прерваны. Николай Алексеевич снова вернулся к исполнению своих обязанностей.

* * *

С завершением Гражданской войны перед Советской Украиной встали нелегкие задачи перехода к мирной, восстановительной работе. Истощенный почти семью годами непрерывных военных действий, народ все же находил в себе силы для творчества, вдохновляясь перспективами строительства нового общества.

Для достижения цели необходимо было решить множество разнообразных проблем. Опыта же позаимствовать было неоткуда, более или менее подготовленных, да и просто элементарно образованных кадров не хватало, внешнеполитическая обстановка была крайне неблагоприятной. Непростой была и внутренняя ситуация. В частности, то тут, то там давало себя знать повстанчество: по большей части крестьяне, объединенные в вооруженные отряды, еще в годы Гражданской войны и интервенций научились противодействовать любым властям. Не собирались они добровольно подчиняться и Советской власти. «Внутренний фронт», точнее его ликвидация, превращались в неотложную проблему, от решения которой зависел переход к подлинно мирной жизни, к осуществлению сугубо творческих планов. По понятным соображениям использование красноармейских подразделений в ликвидации крестьянских выступлений было

нежелательным: лейтмотив всех политических документов сводился к тому, что война, наконец, победно завершена и страна вступила в стадию спокойствия, мирного экономического строительства. И если без больших военных соединений (ими командовали М. В. Фрунзе, В. М. Примаков, Г. И. Котовский, А. Я. Пархоменко, И. Э. Якир) еще некоторое время обойтись не удавалось, на авансцену все же неизбежно должны были выйти милиция, наркомат внутренних дел – по устоявшимся традициям организации функционирования государственных механизмов в цивилизованных, демократических странах.

Однако ситуация в НКВД в 1920 г. выглядела небеспроблемной, скорее дела были в крайне расстроенном состоянии, без очевидной тенденции к улучшению. И причин тому было немало.

Сначала (с января 1919 г.) и до IV Всеукраинского съезда Советов (май 1920 г.) наркомом внутренних дел был председатель СНК Х. Г. Раковский, который уделял НКВД «минимальное внимание»[222].

Между IV и V Всеукраинскими съездами Советов проявившиеся позитивные тенденции в деятельности наркомата приостановились в результате начавшихся кадровых перестановок и отвлечения аппарата на выполнение важных, срочных текущих задач, которые, впрочем, не обуславливались природой ведомства, присущих ему функций. Влияния на работу на местах наркомат практически не имел.

Между тем по тогдашним представлениям и наделенным прерогативам Наркомат внутренних дел должен был осуществлять организацию работ, связанных с широким спектром проблем государственного строительства: созыв съездов Советов, выработка нормативных актов о выборах и деятельности городских и сельских Советов, функционирование комбедов, ЗАГСов, надзор за многими другими участками жизнедеятельности государства. Соответствующих же аппаратов – отделов в наркомате либо вовсе не было в наличии, либо они по разным причинам распадались сразу после создания и продолжали существовать больше на бумаге.

В тяжелом состоянии находились милиционеры. Их материальное, продовольственное обеспечение было неудовлетворительным. Даже с вооружением дело обстояло крайне плохо. За все время существования наркомата милицией было «получено около 2000 винтовок, значительное количество – около 25 000 – милицией были отобраны у бандитов во время борьбы с ними»[223]. То же с пулеметами – их получили всего 2. Большую часть из 75, находившихся на вооружении, также изъяли

у криминалитета[224]. Не хватало средств сообщения.

Но хуже всего было то, что вызывал серьезное беспокойство качественный состав милиции: в некоторых местах процент ненадежного элемента достигал 40[225]. Констатировалось, что среди милиционеров очень низкий уровень политической грамотности.

Милиционеров вообще не хватало. Из 118 000 по штатному расписанию в наличии было 66 000, а конных – 3 тыс. из 60 тыс., предусмотренных штатами[226]. Катастрофическим был дефицит командирского состава, досаждала масса других проблем.

Собственно, и наркомата, как целостной структуры, еще не сложилось. Даже распоряжения, приказы оформлялись через определенные отделы, подписывались их заведующими[227].

В течение 1920 г. и первой четверти 1921 г. (до VI Всеукраинского съезда Советов) НКВД приобрел характер почти исключительно «организационного аппарата», который способствовал оформлению органов Советской власти на местах. Разъезжавшие инструкторы НКВД организовывали ревкомы, исполкомы и их отделы[228]. Однако к моменту, когда «организационное строительство Советской власти на местах», как считалось, было в основном завершено – везде были созданы уездные исполкомы, сельсоветы, комнезамы, которые руководились соответствующими вышестоящими органами власти, организационная сторона деятельности НКВД, естественно, стала решительно сужаться. В этом начала просматриваться даже якобы объективная ненадобность НКВД, появились предложения по его расформированию в качестве самостоятельного наркомата и превращении в «постоянный Административно-организационный и инструкторский орган Президиума ВУЦИК, на правах его отдела»[229].

«Ликвидационные настроения» существовали до середины лета 1921 г. В специальном отчете говорится, что «тенденция к уничтожению НКВД встретила сильное сопротивление» в лице ряда государственных деятелей (среди них был и Н. А. Скрыпник. – *В. С.),* которые предполагали ту исключительно важную роль, которая неизбежно будет отведена НКВД самой жизнью в изменяющихся условиях. В результате ликвидация НКВД была задержана, а через короткое время сама мысль о ней была изжита. Процесс осуществления новой экономической политики выдвинул властные требования к правительству, в частности к созданию крепкого централизованного административного аппарата[230].

Правда, к тому моменту немало предыдущих функций НКВД было утрачено, некоторые сферы деятельности (например,

принудительные работы, железнодорожная милиция) переданы другим инстанциям, и нужно было создавать по сути новое ведомство с новым имиджем. «В такой сложной обстановке стала вырисовываться физиономия НКВД как органа, которому придется собрать вместе рассеянные в процессе революционной борьбы административные функции и стать во всеоружии административных прав против тех ненормальных, противоречащих интересам Советского государства, явлений и неизбежно должны стать результатом новой обстановки и новых отношений»[231].

Именно при таких обстоятельствах 13 июля 1921 г. на должность народного комиссара внутренних дел протокольным постановлением Президиума ВУЦИК был назначен Николай Алексеевич Скрыпник[232].

А уже на следующий день нарком провел расширенное заседание НКВД и первое, что сделал, – предложил резолюцию, которая исключила любую двусмысленность в положении важного государственного органа и убедила его сотрудников в наличии реальной перспективы. Резолюция так и называлась: «О Наркомвнудел» и содержала основной тезис: «Считать переорганизацию Наркомвнудела, что намечается, в понимании ликвидации его как самостоятельного комиссариата такой, что не соответствует общему плану строительства Советской власти и потому совершенно недопустимой»[233]. В тот же день на вечер было назначено специальное заседание коллегии, на которое выносились общие, ключевые вопросы функционирования наркомата[234].

Главное, с чего начал свою деятельность нарком Н. А. Скрыпник, это переход из «ударной» на «органическую плановую» работу[235].

Наибольшей его заботой стало улучшение ситуации среди личного состава милиции. Здесь нарком сам тщательно изучал положение дел, несколько раз в течение короткого времени ставил вопрос для основательного обсуждения на заседаниях коллегии НКВД. Так, в докладе о состоянии милиции на 1 октября 1921 г. отмечалось: «Штат милиции в это время равняется 72 000 человек, в действительности же он достигал 84 000 человек. Состав милиции в моральном отношении оставлял желать очень и очень много, поскольку без преувеличения можно сказать, что большая часть его по своим моральным и служебными качествами была не только бесполезна для милиции, но даже вредна. Здесь были и явные, и тайные бандиты, и шкурники-дезертиры, и спекулянты, и вообще элемент, который вступил в милицию исключительно для устройства различных

темных личных дел, и очень мало было действительно сознательных честных работников, которые искренне желали принести пользу Республике и добросовестно выполнять распоряжения Рабоче-Крестьянского Правительства»[236].

Огромное беспокойство вызвала профессиональная подготовка милиционеров и даже руководящего состава. «В служебном отношении, – отмечалось в упомянутом документе, – та же картина, отсутствие, за небольшими исключениями, деловых, знающих милицейских работников и вообще отсутствие хороших администраторов»[237].

Главная причина для Н. А. Скрыпника была очевидной – чрезвычайно низкое, даже по меркам 1920–1921 гг., материальное обеспечение милиционеров, членов их семей.

На заседании ВУЦИК 3 августа 1921 г. нарком в докладе «О предоставлении материальной поддержки НКВД» говорил, что «были случаи, когда после наложения административного взыскания -10-дневного ареста – тот, кто возвращался, заявлял, что с радостью пойдет еще в карцер, потому что там выдают хлеб, чего не получают в Наркомвнуделе»[238].

Как ни трудно было в голодном 1921 г., хотя, возможно, и не такие значительные, но все же перемены к лучшему Николай Алексеевич смог осуществить. Параллельно была проведена чистка рядов милиции, удалось освободиться от ее самых неподходящих элементов.

Сложнее решался вопрос с кадрами для разыскного дела – здесь административных мер оказалось недостаточно, нужна была кропотливая, длительная работа и ее при руководстве НКВД Николаем Скрыпником также начали сдвигать с места.

С целью подготовки кадров и повышения уровня квалификации милиционеров были открыты курсы командного состава при Главмилиции; окружные курсы в Харькове и Киеве для подготовки низшего командного состава; во всех губерниях открывались одноротные курсы по подготовке старших и младших милиционеров[239].

Проявились положительные тенденции и в искоренении нарушений в рядах самих милиционеров, в частности в борьбе со взяточничеством, грабежами, вымогательством, дезертирством.

Заботясь о повышении качественного, профессионального уровня милиционеров, НКВД одновременно нашел возможным и целесообразным пойти на сокращение штатного расписания милиции, уменьшив личный состав до 39 тыс.[240]

Было несколько улучшено вооружение милиции. Благодаря проведенной военизации армейское командование предоставило НКВД более десяти тысяч «трехлинеек», несколько десятков

пулеметов, что позволило достичь хотя бы определенной однородности вооружения, развернуть обучение кадров (до начала военизации только винтовок в милиции было 17 образцов, а как ими пользоваться, обучать молодежь – мало кто вообще знал)[241].

Несмотря на отчаянные усилия и лично Н. А. Скрыпника, и аппарата НКВД, все же очень мало удалось сделать в деле улучшения снабжения милиции продовольствием. В упомянутом докладе просто поразительные по своей сути строки – правдивые констатации: после короткого периода налаживания продовольственного вопроса «милиция вступила снова… в полосу голода. Отовсюду с мест неслись мрачные донесения, появились случаи смерти милиционеров от голода и истощения, лошади (речь о тех, что использовались в милиции с транспортно-хозяйственной целью. – *В. С.)* погибали целыми десятками. Все самые настоятельные требования, просьбы и ходатайства во все инстанции успеха не имели и положение милиции в продовольственном отношении было очень близким к катастрофическому»[242].

Не лучше обстояло дело с обмундированием и снаряжением – до начала зимы обувью, бельем и обмундированием милиция была обеспечена лишь на 25 %[243].

Еще хуже выглядела ситуация с выплатами мизерных зарплат, которые постоянно задерживались[244].

Несмотря на трудности, милиция к концу 1921 г. стала значительно организованнее, мобильнее, дисциплинированнее, дееспособнее, что наглядно подтвердили успехи в борьбе с повстанческим движением, которое практически было ликвидировано. И это при условии, что армия демобилизовывалась и основная нагрузка все больше ложилось на плечи НКВД. Конечно, здесь играли роль и другие факторы, прежде всего проведение Советской властью новой экономической политики, привлекавшей на свою сторону крестьянство, обескровливая, обессиливая субъекты сопротивления. Однако и приуменьшать очевидных положительных сдвигов непосредственно в работе милиции совсем не стоит, а отнести их следует, прежде всего, к заслугам наркома НКВД Н. А. Скрыпника.

Пожалуй, прямая причастность к тем сферам жизни, где нормой является использование оружия, где положительный результат зависит прежде всего от силы, где смерть противника (врага) означает победу над ним и к этому часто сознательно стремятся, не может пройти бесследно для кого бы то ни было. Нередко жестоким становится, казалось бы, наиболее доброе

сердце. Николай Скрыпник, очевидно, не может претендовать на счастливое исключение из плохого, и все же правила. Продукт своего непростого времени, он демонстрировал его проявления особенно наглядно и в максималистском варианте.

Так, когда на заседании Президиума ВУЦИК у ее членов возникли сомнения, стоит ли награждать чекистов в мирное время боевым орденом Красного знамени, Николай Алексеевич страстно доказывал, что фронт внутренний не менее грозен, чем внешний, враг его такой же злостный, опасный, как и иностранный завоеватель, и людей, проявляющих героизм на этом фронте, стоит отмечать, поощрять самыми высокими, боевыми наградами[245].

Скрыпник предложил также изготовить специальный знак для награды крестьян-бедняков, которые участвовали и отличились в борьбе на внутреннем фронте[246].

Решительно поддерживая тех, кто стоял на защите Советской власти, нарком внутренних дел одновременно с последовательной, стабильной беспощадностью относился к тем, кто оказывался «по другую сторону баррикад». Он, в частности, с большой осторожностью воспринимал амнистии, которые объявлял время от времени верховный орган власти республики, выступал с оговорками и поправками. Например, при обсуждении вопроса об амнистии по случаю четвертой годовщины Октября Николай Скрыпник заявил: «Я считаю, что рабочий класс и крестьянство постановлением об амнистии смягчают судьбу тех, кто ранее нарушал законы, однако они не могут изливать свои милости на тех, кто посягал на само существование Советской власти, совершил государственную измену, способствовал ей, совершил акты шпионажа или организовывал явно контрреволюционные мятежи против нее»[247].

Кроме функций по охране порядка, борьбы с преступностью, с враждебными выступлениями против Советской власти Наркомат внутренних дел имел значительное количество других функций: руководство коммунальным хозяйством, деятельностью ЗАГСов, заботой о судьбе национальных меньшинств, проведением государственной политики в отношении церкви и др.[248]

Представление о разносторонней деятельности Наркомата внутренних дел и его руководителя можно частично получить из начатых во времена Н. А. Скрыпника выпусков еженедельного «Бюллетеня информационного управления Народного комиссариата внутренних дел УССР».

В выполненных в машинописном варианте обзорах на 8-10 страницах (а иногда и больше) представлялась ценная информация о деятельности каждого отдела и структурного

подразделения наркомата. В Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины) собрано 11 таких бюллетеней за период с 1 января по 26 марта 1922 г. В бюллетенях обозначено, что они выходят еженедельно по субботам, однако в последнем, одиннадцатом, номере есть и пометка «10 апреля 1922» – очевидно, дата реального выхода последнего, «несубботнего», номера[249].

В деятельности НКВД возникали и проблемы, порожденные непростыми интеграционными процессами, достаточно бурно и нередко довольно противоречиво развивавшимися в то время. В трениях, что порой возникали во взаимоотношениях с руководством РСФСР, Н. А. Скрыпник всегда занимал принципиальную, твердую позицию. Да, он очень резко отреагировал на попытки подчинить Москве железнодорожную милицию Украины. По его предложению на заседании коллегии Наркомата внутренних дел 2 ноября 1921 г. было принято решение: «Признать, что постановление Президиума ВЦИК РСФСР о подчинении железнодорожной милиции УССР Главмилиции РСФСР противоречит интересам охраны порядка на Украине и является нарушением союзного договора и вмешательством в дела ВУЦИК.

Войти во ВЦИК РСФСР с представлением об отмене указанного постановления»[250].

А на заседании 10 ноября это постановление было дополнено (опять по настоянию Скрыпника) словами: «С указанием, что до окончательного решения вопроса железнодорожная милиция остается в распоряжении НКВД УССР»[251].

В то же время Николай Алексеевич был членом комиссии по выработке взаимоотношений между ведомствами РСФСР и УССР и вел себя достаточно активно, инициативно, последовательно отстаивая интересы Украины[252].

Какой бы масштабной, важной и разнообразной ни была деятельность наркома внутренних дел, Николай Скрыпник самой природой был наделен такими значительными способностями (а большой опыт руководящей работы многократно их умножал), что позволяло претендовать на еще более весомую общественную роль. Сам Николай Алексеевич это чувствовал, а окружение хорошо понимало. Так, пожалуй, ни у кого не могло, по большому счету, быть серьезных возражений или вопросов относительно решения Президиума Всеукраинского центрального исполнительного комитета Советов Украины от 11 января 1922 г. о назначении Н. А. Скрыпника временно исполняющим обязанности председателя Совнаркома УССР[253].

На самом деле решение для многих оказалось неожиданным

и вызвало некоторое удивление, недопонимание, в основном из-за способа, которым это было сделано. Как правило, соответствующий приказ или распоряжение на время своего отсутствия (командировки, отпуска) подписывал сам глава правительства, который в тот раз находился в Москве. И официально назначенные заместители у него были, которые и без специального распоряжения могли временно подменить премьера. Поэтому возникают вопросы: в какой мере был причастен к решению ВУЦИК Х. Г. Раковский, знал ли он вообще о нем до возвращения в Киев, насколько оно разделялось партийным руководством республики и коллегами Н. А. Скрыпника по СНК?

Сегодня ответить на эти вопросы, главным образом из-за отсутствия документальной информации, практически невозможно. О большинстве нюансов развития ситуации можно только догадываться.

Раковский тогда выехал в Москву на совещание по вопросам выработки общей экономической политики советских республик[254]. Он отсутствовал на заседаниях СНК УССР в течение недели начиная с 6 января 1922 г.[255] Однако для него, очевидно, было неожиданностью, что уже на заседании 10 января в протоколе заседания правительства Скрыпник значился заместителем председателя Совнаркома и наркомом внутренних дел[256], а на следующий день было принято и упомянутое решение, соответствующим образом оформлены протоколы и документы (Скрыпник подписал их как временно исполняющий обязанности главы правительства)[257].

Когда после приезда из Москвы Раковский появился 14 января на заседании правительства и, естественно, осуществлял функции председательствующего, Скрыпник отсутствовал[258]. Не было его и на заседании 17 января[259]. А на заседании 24 января Николай Алексеевич присутствовал вновь только как нарком внутренних дел. Никаких упоминаний о предыдущем статусе, о его отмене в документах тех дней нет. Лишь 15 февраля 1922 г. на заседании ВУЦИК был рассмотрен вопрос «О назначении временно исполняющего обязанности предсовнаркома» и решено: «На отмену всех предыдущих постановлений временно исполняющим должность Председателя Совета Народных Комиссаров назначить тов. Фрунзе»[260].

Очевидно, этим документом дезавуировалось решение ВУЦИК от 11 января. Интересно, что это решение подписали председатель ВУЦИК Г. И. Петровский и секретарь ВУЦИК А. В. Иванов, а под вновь одобренным документом стоят подписи: «за председателя ВУЦИК» – «А. Иванов», «за секретаря ВУЦИК» – «С.

Яворский»[261].

Между тем почти за месяц до появления упомянутого документа, на заседании СНК УССР 17 января 1922 г., по инициативе Х. Г. Раковского были рассмотрены вопросы о назначении заместителем председателя правительства Д. З. Мануильского (докладчик Раковский). Принято решение войти с соответствующим ходатайством в ВУЦИК, одновременно освободив Д. З. Мануильского от обязанностей народного комиссара земледелия[262]. Тогда же положительно был решен и вопрос о предоставлении Раковскому отпуска для зарубежной командировки[263].

21 января 1922 г. Малый президиум ВУЦИК утвердил оба решения[264].

С тех пор Д. З. Мануильский при отсутствии Х. Г. Раковского председательствовал на заседаниях правительства (это делали и другие заместители – М. В. Фрунзе или М. К. Владимиров), подписывал протоколы заседаний СНК и принятые документы. А 15 марта в связи с новым отъездом Раковского и Фрунзе временное исполнение обязанностей председателя СНК и наркома иностранных дел ВУЦИК возложил на Мануильського[265].

Последнего, как первого секретаря ЦК КП(б)У (избран в декабре 1921 г.), очевидно, тоже обошли, утверждая Скрыпника временно исполняющим обязанности главы правительства. Как некую реакцию на это, очевидно, можно рассматривать включение в повестку дня заседания организационного бюро ЦК КП(б)У 3 февраля 1922 г. вопроса «О т. Скрыпнике» и решение об освобождении его от руководства Центральным советом защиты детей и Украинской комиссией по учету и распределению эвакуированных учреждений и лиц (Эвакком)[266]. Это постановление с предложением РНК подыскать для замены Скрипника других лиц за подписью Мануильского было передано правительству.

На заседании СНК 7 февраля 1922 г., в отсутствие Раковского и под председательством того же Мануильского ставился и решался вопрос об освобождении Скрыпника от обязанностей председателя Центрального Совета помощи детям и Эваккома.

В протоколе есть интересная деталь. В напечатанном типографским способом документе значится, что докладчиком по этому вопросу был управляющий делами СНК П. К. Солодуб. Однако неизвестно чьей рукой его фамилия вычеркнута и вместо нее красными чернилами записано, что это был Н. А. Скрыпник[267] (последний тогда часто – почти всегда – пользовался чернилами именно такого цвета).

А следующим пунктом повестки дня по докладу уже самого Д. З. Мануильского председателем Центрального Совета защиты детей был утвержден В. А. Гуревич, нарком охраны здоровья[268]. Тогда же председателем Эваккома был утвержден Б. П. Штернберг, а его временным заместителем – Маликов (докладчиком был тот же Солодуб)[269].

Однако уже на следующем заседании правительства, 14 февраля 1922 г., по предложению Д. З. Мануильского Б. П. Штернберг был освобожден от председательствования в Эваккоме и вместо него утвержден Ю. В. Рудый (Маликов стал его заместителем)[270].

Интересно, что по настоянию Мануильского на том же заседании было принято решение об освобождении от должности наркома юстиции С. Ф. Буздалина (с которым Скрыпник, как нарком внутренних дел, тесно сотрудничал) и назначении его наркомом Рабочекрестьянской инспекции[271].

И, наконец, по предложению Мануильского на должность народного комиссара юстиции выдвигается Ветошкин. Все эти назначения должен был утвердить Президиум ВУЦИК, к которому правительство обратилось с соответствующими представлениями[272]. Естественно, это несколько позже и произошло, а параллельно были приняты еще и постановления ЦК КП(б)У[273].

В воспроизведенных событиях впервые так рельефно «проглядывает» весьма недружелюбное отношение первого секретаря ЦК КП(б)У Д. З. Мануильского, который тогда и впоследствии безоговорочно поддерживал И. В. Сталина, к Н. А. Скрыпнику, постоянно демонстрировавшему независимость мысли и действия в любом вопросе и тем заметно раздражавшему высших партийно-советских функционеров. К тому же последние откровенно опасались прихода Скрыпника на ведущие государственные позиции. Николай Алексеевич тем временем проявлял нескрываемое желание расширить свои властные полномочия, косвенно подтвердившиеся его решением, кроме прочего, занять еще и должность председателя Главархива при Наркомате образования, созданного именно в момент отсутствия Х. Г. Раковского и временного исполнения Скрыпником функций председателя правительства – 13 января 1922 г.[274]

Несомненно, что и следующие изменения в жизни, служебной карьере Николая Алексеевича Скрыпника – его перемещение на должность народного комиссара юстиции, согласно решению ВУЦИК от 12 апреля 1922 г.[275], происходили в русле развития все тех же не самых лучших отношений между Мануильским и Скрыпником, которые будут иметь еще не одно негативное

проявление. Удивляет и то, что Раковский, у которого уже сформировались линии противостояния со Сталиным и обозначились противоречия с Мануильским, по сути, действовал в фарватере, определенном первым секретарем ЦК КП(б)У, и, наконец, в его интересах. А возможно, как и во многих других случаях, дело было в самом Скрыпнике, который через нежелание примкнуть к любой из соперничающих фракций или быть кем-то причисленным к ней дистанцировался от всех, тем самым лишая себя возможной поддержки. А может быть, он осознанно пренебрегал недостойным политиканством, старался быть морально выше, благороднее.

При всей важности должности наркома юстиции, она все же значительно уступала реальной силе той власти, тем возможностям, которые были у наркома внутренних дел. И не потому едва ли не впервые в жизни (если не считать эпизода с возвращением в Украину в декабре 1917 г.) Николай Алексеевич не бросился сразу к выполнению порученного дела, а целых десять дней медлил – вступил в обязанности наркома только 22 апреля 1922 г.[276] Да еще и отмечал этот факт (очевидно, для него это было принципиально) даже в служебных анкетах[277].

* * *

Приход Н. А. Скрыпника в Наркомат юстиции происходил в то время, когда разработка законодательства, его претворение в жизнь, правовое образование населения приобретали особое значение. С присущей ему оперативностью новый нарком определился с кругом задач, их приоритетами, выдвинув на передний план такие:

– проработка, пересмотр кодексов УССР: трудового, уголовного, уголовно-процессуального, гражданского, гражданско-процессуального и т. д.;

– кодификация и систематизация законодательства УССР;

– работа в отраслях: судебной, прокурорской, следственной, адвокатской, национально-политической, пенитенциарной, издательской, юридического и судебно-медицинского образования, координационной[278].

Н. А. Скрыпник стремился к четкой организации работы Наркомата юстиции, наладил систематические заседания коллегии, по его инициативе в практику вошли заседания широкой (расширенной) коллегии. Последнее было сделано с целью учета соображений и предложений, направленных на совершенствование, эффективное функционирование ведомства,

которые исходили бы от более широкого круга работников различных подразделений комиссариата, для консолидации усилий в выполнении неотложных проблем, которые приходилось решать НКЮ.

Созданная как совещательный орган, широкая коллегия наркомата получала возможность по существу влиять на решение большого круга вопросов, поскольку, согласно введенному порядку, ее решения приобретали окончательную силу, то есть были обязательными после утверждения[279].

На заседаниях коллегии наркомата Николай Алексеевич, как правило, был докладчиком по наибольшему количеству вопросов. И это естественно, поскольку кроме принципиально-теоретических именно он ставил вопросы о назначении председателей и членов областных судов, губернских прокуроров, руководства Ревтрибунала Украинского военного округа, о решении других кадровых вопросов, об откомандировании сотрудников на работу в те или иные инстанции, подотчетные наркомату, формировал ходатайства и тому подобное. Нарком сам выезжал для официальных, по решениям коллегии НКЮ, ревизий губернских судов, органов, им подлежащих, а также параллельно – органов прокуратуры[280].

С первых же дней пребывания в должности наркомюста Н. А. Скрыпник демонстрировал, что он берет курс на строгое соблюдение законности и руководимое им ведомство не сойдет с этой принципиальной позиции. Уже на четвертый день работы в новом качестве – 25 апреля 1922 г. за подписью Скрыпника всем губернским отделениям юстиции был отправлен циркуляр. В нем выражалось недовольство фактами пребывания под арестом граждан без надлежащих юридических оснований и намечались меры по ликвидации такой негативной практики[281].

А в дальнейшем рассылка таких циркуляров стала правилом, нормой. В них разъяснялась сущность существующего законодательства об уголовном бандитизме, дезертирстве, административных взысканиях, об участии представителей органов юстиции в конфликтных комиссиях при отделах труда, о порядке рассмотрения жилищных дел, о порядке отзыва народных судей, об отмене приговоров по делам несовершеннолетних и др.[282]

Встречались при этом и толкования правовых вопросов в духе «революционной законности». Так, в циркуляре от 1 июня 1922 говорилось: «…НКЮ констатирует, что проведение местными судебными органами, под видом проведения в жизнь новой экономической политики, восстановление кулаков в правах, которые они потеряли в период революции, дискредитирует

советскую власть в глазах неимущих и вносит недопустимую с точки зрения новой экономической политики неустойчивость в имущественные права граждан, завоеванные в период революции.

Поэтому НКЮ предлагает всем Главгубсовнарсудам разъяснить всем нарсудьям губернии о необходимости в целях закрепления неимущим крестьянством приобретенных им в период революции прав, не выполнять решений, которые бы ликвидировали завоевания революции и возвращали кулацким элементам их имущество, отобранное у кулаков бедняками в период революции»[283].

Так случилось, что во время руководства Н. А. Скрыпником Наркоматом внутренних дел из-под контроля ведомства в январе 1922 г. были выведены места лишения свободы и переданы министерству юстиции[284]. В ноябре-декабре того же года произошел обратный процесс[285]. Так что Николаю Алексеевичу этой сферой деятельности пришлось заниматься недолго. Напротив, по инициативе наркома юстиции 7 июля 1922 г. было решено создать при Наркомате юстиции «Стол помилования». Соответствующие документы должны были готовиться в комиссариате и выноситься на заседание ВУЦИК; в рассмотрении дел должен был участвовать наркомюст как член Президиума ВУЦИК. Было предложено составить президиум (комиссию) в составе из трех человек: председатель и два члена (1 из них – обязательно нарком юстиции). В случае особого мнения одного из членов вопрос должен был переноситься на заседание Большого президиума ВУЦВК[286].

Кстати, Николай Скрыпник принадлежал к числу тех деятелей, которые всегда имели собственное мнение практически по каждому вопросу, решительно его отстаивали. Когда он оставался в меньшинстве на заседаниях ВУЦИК или СНК, постоянным членом которых был в течение многих лет, настаивал, чтобы в протокол обязательно записывалось его, Н. А. Скрыпника, «особое мнение»[287]. В этом, пожалуй, с Николаем Алексеевичем вообще никто не мог сравниться. Очевидно, это было одной из причин, почему коллеги считали Николая Алексеевича не только кристально честным, бескомпромиссным, предельно принципиальным, но и побаивались его, относя к тем личностям, общаться, а тем более дружить с которыми – очень-очень непросто, даже «неудобно».

Правда, на авторитете наркома, отношении к нему как к высокому профессионалу это почти не сказывалось. Подтверждением может служить введение его в состав «Центральной комиссии по Красной Армии», которую возглавлял председатель правительства Х. Г. Раковский, назначение

председателем комиссии по изъятию церковных ценностей[288].

В конце июля 1922 г. в СНК сложилась ситуация, при которой Н. А. Скрыпнику снова временно доверили исполнять обязанности заместителя председателя правительства и вести его заседания. 25 июля Николай Алексеевич участвовал в заседании СНК, председательствовал, подписал оригинал и копию протокола, принятые документы[289].

Ясность в ситуацию внес Президиум ВУЦИК, который на своем заседании 28 июля возбудил вопрос «О заместителе Председателя Совнаркома и УЭС (Украинское Экономическое Совещание. – *В. С.)* на время отъезда т. Раковского» и решил: «На время отъезда т. Раковского заместителем Председателя Совнаркома и УЭС утвердить т. Скрыпника». Документ подписали председатель Президиума ВУЦИК Г. И. Петровский и секретарь ВУЦИК В. Е. Ермощенко[290].

Некоторое время Николай Скрыпник исполнял определенные ему обязанности[291]. Однако уже 15 августа 1922 г. на заседании СНК рассматривается вопрос о предоставлении Скрыпнику полуторамесячного отпуска и принимается решение: «Из-за отъезда в отпуск тов. Скрыпника ходатайствовать перед Президиумом ВУЦИК о назначении тов. Ксандрова Зампредсовнаркома и ЗампредУЭС до возвращения тов. Раковского»[292].

В дальнейшем, вплоть до февраля 1933 г., ситуаций с назначением Н. А. Скрыпника на должности выше наркомовских не возникало.

Между тем в правозащитной области сфера его деятельности существенно расширилась. На основании протокольного постановления ВУЦИК от 31 января 1923 г. и приказа по прокуратуре УССР от 3 февраля того же года Николая Алексеевича утвердили Генеральным прокурором республики[293].

На этом посту Николай Скрыпник постоянно держал под контролем вопрос о совершенствовании прокурорского надзора за органами следствия и дознания в УССР. Как свидетельствуют архивные фонды комиссариата юстиции, это делалось очень предметно, последовательно, даже настойчиво. Наркомюст и Генеральный прокурор часто «снисходил» до рассмотрения очень конкретных, «земных» дел и документов, лично их корректировал и подписывал[294]. Среди различных циркуляров, распоряжений, которые направлялись на места, немало подписанных Н. А. Скрыпником – Генеральным прокурором республики. Направлены они были на улучшение работы, на исключение параллелизма в деятельности родственных служб, на уменьшение

бюрократических проволочек, увеличение оперативности[295].

Николай Алексеевич считал необходимым, чтобы контроль со стороны Наркомата юстиции по подведомственными учреждениями в губерниях был систематическим и конкретным, в частности чтобы местные суды и прокуратуры, по крайней мере на губернском уровне, обследовались ежегодно.

Как Генеральный прокурор республики, Скрыпник считал нужным действовать, руководствуясь, конечно, в первую очередь буквой закона, однако в то же время постоянно имея в виду защиту интересов трудовых слоев. Так, он внес протест против решения Харьковского губисполкома о повышении квартирной платы. Главное в аргументах Генерального прокурора состояло в дифференцированном подходе к различным категориям населения, заботе о том, чтобы от необоснованных экономических решений не пострадали малоимущие. Здесь же Генеральный прокурор допускал и даже вполне оправдывал, чтобы нетрудовые элементы, владельцы несли относительно большую экономическую нагрузку[296].

Позиция Наркомюста и Генерального прокурора, очевидно, была одной из причин того, что рабочих и крестьян за совершенные преступления наказывали в 2,5 раза легче, чем за аналогичные поступки интеллигенцию. Это официально признавалось даже в отчете НКЮ за 1923–1924 операционный год, когда авторы обращались к сравнению частоты применения одной и той же меры наказания (высшей степени) к различным категориям (а между тем преступлений рабочими и крестьянами осуществлено было в 3 раза больше, чем интеллигентами)[297].

Функции наркома юстиции и Генерального прокурора республики значительно расширились и обогатились в связи с образованием и конституированием Союза ССР. В качестве основных и первоочередных выдвинулись такие:

– участие в подготовке Конституции СССР и союзного законодательства;

– подготовка и проведение через законодательные органы УССР конституции республики, согласованной с Конституцией СССР, выработка Конституции Молдавской Автономной ССР;

– подготовка документов, актов в связи с административной реформой в СССР[298].

Огромная многолетняя работа, достаточно масштабно отразившаяся в архивных документах, как и всегда, не исчерпывалась только выполнением круга непосредственных наркомовских обязанностей. Как достаточно авторитетного специалиста и опытного деятеля, Н. А. Скрыпника делегировали в ряд важных комиссий, творческих групп, готовивших поистине

судьбоносные документы.

На заседании СНК 25 июля 1922 г. была создана комиссия под руководством Н. А. Скрыпника, которой поручалось в недельный срок выяснить все вопросы, касающиеся полномочного представительства УССР в РСФСР[299]. Николай Алексеевич интенсивно работал в конституционной комиссии Центрального исполнительного комитета Советов СССР, неоднократно на заседаниях ВУЦИК и СНК докладывал о работе комиссии, о содержании и характере подготовленных документов, вносил конструктивные предложения по перспективной разработке в Украине проектов важнейших законодательных актов союзного масштаба, в частности об образовании, землеустройстве, основах законодательства о труде, основах торгового законодательства, о союзном гражданстве и др.[300]

Он же был и докладчиком о советской конституции на VIII Всеукраинском съезде Советов 19 января 1924 г.[301]

Весной 1924 г. Президиум ВУЦИК назначил Наркомюст УССР представителем Украины в комиссии по разработке союзного законодательства[302].

5 октября 1923 г. республиканское правительство утвердило комиссию по подготовке Конституции УССР под председательством Г. И. Петровского. В числе шестерых ее членов был и Скрыпник[303]. 10 октября по его предложению на заседании Президиума ВУЦИК комиссия была переутверждена и ее признано «считать такой, которая пребывает при ВУЦИК»[304]. Усилиями Николая Алексеевича и его коллег уже к 1 апреля 1924 г. проект Конституции УССР был готов[305].

Объединительный процесс за создание федеративного государства, как известно, развивался непросто, противоречиво, временами вызывал острую реакцию со стороны сил, политических деятелей, несогласных преимущественно с субъективными усилиями руководства РКП(б), прежде всего И. В. Сталина, направить объективные потребности и тенденции по антидемократическому пути, деформировать народное волеизъявление, подменить его великодержавным унитаристским вариантом. На всех этапах обсуждения, «шлифовки» проектов документов, рассчитанных на регламентацию совместной жизни субъектов союзного образования, Н. А. Скрыпник занимал принципиальную позицию.

Так, еще 9 июня 1922 г. на заседании комиссии НКЮ он докладывал по вопросу «О порядке прохождения законодательства РСФСР через законодательные органы УССР». В принятом решении значилось:

«1. Признать, что:

1. Законодательство по необъединенным Наркоматам издается Рабоче-крестьянскими Правительствами УССР и РСФСР самостоятельно и законодательство одной республики не имеет обязательной силы для другой республики; для проведения в жизнь согласованного законодательства обеими республиками по отдельным вопросам, по необъединенным, согласно договору от 28-го декабря 1921 г., Наркоматам, правительства, как РСФСР, так и УССР, могут входить с дружественными представлениями в законодательные органы каждой Республики через своих полномочных представителей о рассмотрении, согласовании и введении в действие тех или иных законов;

2. С целью урегулирования законодательства по объединенным, согласно с тем же договором, Наркомюстам, все законопроекты, которые вносятся правительством РСФСР на утверждение совместных законодательных органов, предварительно подлежат взаимному обсуждению с правительством УССР, кроме случаев, когда срочное издание декретов вызывается военными или другими чрезвычайными обстоятельствами»[306].

Был предложен и соответствующий механизм реализации определенных подходов. Наркомюст Н. А. Скрыпник настойчиво пытался согласовать положения о деятельности объединенных наркоматов, таких документов, как «Устав о гербовом сборе» и др. Он доказывал, что «обязательность совместных директив вовсе не лишает украинское правительство права приспосабливать их к условиям украинской действительности и вносить согласно этому те или иные изменения в отдельные законодательные акты РСФСР по объединенным наркоматам.

Право это непосредственно вытекает из суверенитета Украинской Республики и общего смысла и духа союзного договора, направленного к максимальному удовлетворению интересов обеих договаривающихся республик, а не обезличиванию одной из них, до сих пор беспрепятственно осуществлялось УССР и не оспаривалось РСФСР»[307].

Н. А. Скрыпник решительно выступал против усиливающихся тенденций к навязыванию Украине правил и норм, по которым жила Российская Федерация, документов, в которых они были зафиксированы[308], не останавливался перед публичным опротестованием некоторых решений Наркомата юстиции РСФСР и его руководителя Д. И. Курского[309].

Руководствуясь демократическими представлениями, исходя из патриотических соображений, а, возможно, больше всего вдохновляясь инстинктивными чувствами, Николай Скрыпник твердо стоял на обороне суверенитета украинского народа,

стремился заботливо защищать его самобытность. Одним из верных мероприятий в этой сфере он считал украинизацию, получившую к тому времени статус официальной политики.

Уже 13 июля 1923 г. на заседании СНК по представлению заместителя наркома юстиции А. Каплана был принят декрет «О мерах обеспечения равноправия языков и о содействии развитию украинского языка»[310]. Трудно представить себе, чтобы подготовка документа осуществлялась в ведомстве, которым руководил Николай Алексеевич, без его ведома и участия. Многочисленные факты и документы доказывают органическую причастность Скрыпника к укра-инизаторским процессам. Так, на заседании узкого состава коллегии НКЮ от 14 мая 1924 г. под председательством Николая Алексеевича было принято решение «признать необходимым издать приказ, которым установить срок для перевода делопроизводства на украинский язык с 1 июня, а делопроизводства более сложного – с 15 июля»[311].

Тогда же было решено обратиться в комиссию содействия галицким эмигрантам, чтобы взять на учет всех галичан-юристов и в случае необходимости заменить ими тех работников НКЮ, которые не смогут или не захотят овладеть украинским языком.

Нарком лично следил за тем, как реализовывалось это решение. Однако результат не давался так быстро, как представлялось. В частности, еще весь июнь протоколы заседаний (соответственно и сами заседания) велись на русском языке. Однако уже с 1 июля 1924 года в наркомате начали появляться документы на украинском языке, и дальше эта тенденция неуклонно усиливалась[312].

На заседании комиссии по рассмотрению плана деятельности Народного комиссариата юстиции и его местных органов на 19241925 гг. (докладчиком был М. И. Яворский) среди других положений содержалось и такое: «доведение украинизации до 100 %». Однако здесь же отмечалось, что следует осуществить «пересмотр сети судебных учреждений согласно расселения национальностей» и «фактическое обеспечение прав на язык нацменьшинств в органах юстиции»[313].

В Наркомате юстиции была создана специальная комиссия по украинизации НКЮ. 9 августа 1924 г. заслушивался ее специальный доклад. Подтверждалась необходимость активизации работы в избранном направлении и намечались конкретные мероприятия[314].

10 сентября того же года на заседании коллегии Наркомата юстиции был заслушан доклад об украинизации ведомства. В принятом постановлении говорилось: «Предложить сотрудникам НКЮ, знающим украинский язык, разговаривать в комиссариате

на украинском языке в официальных общениях». Здесь же речь шла о том, чтобы в дальнейшем не принимать на работу лиц, которые не знают языка, а заведующим отделами перевести делопроизводство на украинский язык согласно постановлению от 19 мая[315].

Конечно, в сущностном отношении на первом плане была забота наркома юстиции Скрыпника о совершенствовании кодексов законов УССР – уголовного, исправительно-трудового, гражданского, процессуального, о народном образовании и многих других[316].

Николай Алексеевич серьезно занимался разработкой научных проблем правоведения и одновременно популяризацией юридических знаний. Ежегодно в Харькове выходило по книге наркома: 1924 – «Уголовная политика Советской власти», 1925 – «Народный суд, его задачи и его деятельность», 1926 – «За революционную законность», 1927 – «На территории советской Конституции».

Для Н. А. Скрыпника отправными, определяющими в процессе законотворчества всегда оставались вопросы защиты завоеваний революции, достижений власти Советов. Поэтому он всячески обосновывал правомерность использования с этой целью положений, духа нормативных актов, которые сложились еще в годы наибольшего обострения классовой борьбы – в годы Гражданской войны. В законотворчестве он явно абсолютизировал роль преемственности с ними, склонен был и в дальнейшем пользоваться теми же формами и методами работы, которые уже доказали свою эффективность, хотя новые реалии, естественно, требовали новых подходов.

«Мы победили в гражданской войне, – размышлял нарком юстиции. – Внешний и внутренний враг потерпел поражение, хотя это вовсе не означает, что он уничтожен. Во всяком случае, одного мы достигли, бесспорно: наша республика – это республика наша, Советская, рабоче-крестьянская. В ней наши пролетарские взгляды определяют ход жизни, наши законы получили себе признание и действуют, наша, а не буржуазная, законность оформляет жизнь – законность революционная, служащая пролетариату и крестьянству, а не контрреволюционная, идущая в услугу буржуазии. Как должна осуществляться в этих новых условиях диктатура пролетариата? Диктатура, как я уже отметил в начале своей заметки, представляет собой использование власти с тем, чтобы сбивать сопротивление враждебного класса, не обращая внимания на все предыдущие законы. Это значит, что пролетариат с помощью диктатуры пересиливает буржуазию, несмотря на буржуазные

законы и буржуазную законность. Но из этого, дело само собой разумеющееся, не значит, будто можно ломать законы, которые служат пролетариату и крестьянству, законность революционного строя рабоче-крестьянской власти. С тех пор, как мы победили внутри страны, законы буржуазного общества уже больше не могут претендовать на общую значимость в рабоче-крестьянской стране, с тех пор и методы борьбы с контрреволюцией должны были измениться. Если бы теперь кто-нибудь или любой орган проводил борьбу с буржуазией, несмотря ни на какие законы или вообще на любую законность, – это означало бы ломать уже не буржуазные законы, а те, что обеспечивают общественность рабоче-крестьянскую, то есть это означало бы действовать против интересов рабоче-крестьянской власти. Ломать законность в начале революции – это означало ломать законность буржуазии, работавшей на контрреволюцию, и эта ломка законности была делом революционным. Ломать законность теперь, в новом периоде советской республики, означает ломать законность революционную, служащую пролетариату, то есть такая ломка законности является делом контрреволюционным. Так диалектически меняется жизнь и меняются методы нашей борьбы»[317].

Успехи первого натиска на капитал, как известно, вскружили голову не одному Н. А. Скрыпнику. Поэтому так трудно шел процесс преодоления «военно-коммунистических» предпочтений и привычек. Поэтому так хорошо, как будто в подготовленную почву падали семена административно-бюрократической системы с ее принудительными методами управления, когда И. В. Сталин начнет сворачивать ход жизни советского общества с определенного курса, вводить свое видение социализма как рая, в который человека следует загонять палками.

В то же время было бы преувеличением считать, что Николай Алексеевич был закостенелым догматиком, который совсем неадекватно оценивал ситуацию, был неспособен на диалектический подход к тому или иному делу. В его натуре постоянно бурлило и творческое начало, наглядно проявлявшееся не только в постановке судебного дела, но и в политической работе, которую он никогда не прекращал вести и которая в 20-е годы все больше сочеталась, переплеталась с надзирательной, контрольной, карательной деятельностью органов юстиции. Примером здесь может служить выступление Н. А. Скрыпника на заседании комиссии Исполкома Коминтерна по вопросу о роспуске Украинской коммунистической партии 19 декабря 1924 г.

Нарком юстиции достаточно подробно остановился на

опровержении обвинений деятелей УКП в преследовании ее членов со стороны КП(б)У, государственных учреждений республики.

Николай Алексеевич показал, что партийное руководство УССР осуществляет в отношении бывших и нынешних членов УКП дифференцированный подход: «Я должен сказать, что, как уже заявлялось мною на заседании Президиума Исполкома, было время, когда мы встречались с УКП по разные стороны баррикады, когда они с оружием в руках боролись против советской Украины, против коммунистической партии. В дальнейшем отдельные работники – члены УКП – перерабатывались, отказывались от своих позиций, признавали ошибочность своих действий и с повинной приходили к пролетариату каяться в своих ошибках, чтобы получить возможность идти в рядах коммунистической партии на общую пролетарскую работу. Так было, например, с Юрием Мазуренко, бывшим членом УКП, который в 19 году боролся против нас с оружием в руках. Мы испытывали приходящих товарищей в работе и когда видели, что товарищи действительно зарекомендовали себя на деле, мы открывали им доступ в нашу партию. Тот самый Мазуренко, руководивший в 19 г. одним из повстанческих отрядов, теперь является членом нашей партии. Мы не зарекаемся от того, чтобы даже наши враги, боровшиеся с нами, после того, как они действительно раскаются в своих ошибках и зарекомендуют себя, совместно и товарищески с нами работали»[318].

Однако не все члены УКП вели себя одинаково. «„Мы видим, – отметил испытанный большевик, – что в рядах Украинской Коммунистической партии имеется достаточно лиц, которые и раньше боролись против нас с оружием в руках, и до сих пор не признают ошибочности своих позиций, а только перешли на другой путь борьбы против коммунистической партии большевиков. Естественно поэтому мы должны были зорко смотреть за тем, чтобы УКП, вокруг которой концентрируется естественное недовольство различных собственнических элементов, чтобы эта УКП не стала оружием против нас. Имелись попытки прямых петлюровцев вступать в Украинскую Коммунистическую партию. Поэтому и Коминтерн, и Комиссия должны признать необходимым и целесообразным, если один из государственных органов, ГПУ, которым руководят наши товарищи, наблюдая за теми щелями, куда лезет контрреволюция, наблюдают и за этой щелью: нет ли здесь таких элементов, которые только прикрываются коммунизмом, а в действительности ведут контрреволюционную, бандитскую

деятельность»[319].

В подтверждение своих слов нарком юстиции Украины привел конкретный пример: «В УКП имеются отдельные личности, например, член ЦК УКП Авдиенко – человек, который в 1919 г. был у Григорьева, бывшего командующего армией. Григорьев – изменник Советской власти, поднявший в 1919 г. восстание на Украине, имевшее серьезное значение для нашей власти и для международной революции. Авдиенко потом заявил о своем отказе от вооруженной борьбы против Советской власти. Когда мы разбили Григорьева, он вступил в УКП и стал ее членом. Но он начал вести, будучи в ЦК УКП, свою агитационно-пропагандистскую деятельность, направленную к разложению Красной армии. Что же: для того ли у нас революционная власть, чтобы это позволить, чтобы позволить разлагать основы Красной армии? Разумеется, нет. Мы должны были предпринять репрессивные меры: он был выслан из Украины. Когда мы легализировали так называемую Украинскую Коммунистическую Партию и допустили ее свободную деятельность, то мы не взяли на себя обязательство не защищать рабоче-крестьянскую власть от тех прямых нападок, которые делаются со стороны членов УКП. Поэтому заявления о том, что мы применяем меры насилия, ничего не значат: мы их и будем применять против всех тех, кто будет действовать подобным образом»[320].

Н. А. Скрыпник считал, что революционная законность должна применяться без каких-либо послаблений в отношении любых проявлений преступности, правонарушений, каких бы учреждений или важных персон они ни касались. Так, на XI окружной партийной конференции в Мариуполе 25 ноября 1925 г., где Скрыпник выступал с докладом об отчете ЦК КП(б)У, в его адрес прозвучал упрек, что суды республики нередко перегибают палку, слишком жестоко наказывая ответственных работников за, казалось бы, не такие уж и серьезные нарушения норм социалистического общежития. В частности, речь зашла о некоем Панове, который, используя служебное положение, склонял к сожительству подчиненную сотрудницу. «Я отвечаю тов. Лымареву, – отметил министр юстиции, – который здесь на партконференции выступил с осуждением суда и позволил себе сказать, что т. Панов неправильно осужден по 169 статье, которая говорит о том, как влиять рабочему классу на тех отдельных лиц, которые использовали свою власть для того, чтобы превратить свою сотрудницу в наложницу. Рабочий класс считает это одним из самых тяжелых преступлений, потому что это оскорбляет его, когда его дочери и женщины, идущие продавать свою рабочую силу, попадают на [чье-то] удовольствие. И закон установил, что

те, кто находится у нас на работе, обманывают доверие рабочего класса и используют свою власть, чтобы совершать такие действия, получают приговор к лишению свободы со строгой изоляцией не менее 3-х лет. Суд здесь взял самую низкую [границу] и установил 3 года, а Лымарев говорит, что осудили слишком строго. Я скажу, что могли и 10 лет дать, а меньше чем на 3 года не имели права. Вы хотите, чтобы его оправдали, чтобы для него переделать весь закон и чтобы рабочий класс, используя это, наказывал его менее строго, чтобы было повадно и другим администраторам использовать зависимость от него работницы. Я не думаю, что партконференция стала бы на точку зрения Лымарева»[321].

Тогда же нарком твердо пообещал, что не будет ни малейшего послабления в отношении административных лиц, которые дошли до избиения рабочих в Бердянске[322].

Николай Алексеевич беззаветно верил в преимущества революционной, социалистической законности по сравнению с буржуазной. И когда премьер-министр Франции Р. Пуанкаре обратился к Советскому правительству с просьбой смягчить приговор в отношении ряда деятелей науки, осужденных в 1924 г. по делу «Центра действия» (среди привлеченных к ответственности были и профессора), советский нарком с присущими ему прямотой и страстью ответил: «Глубоко возмущаясь, мы отвергаем любое право Пуанкаре, у которого руки в крови рабочих, выступать против высшей кары, применяемой по отношению к шпикам… С глубоким возмущением и презрением надо отнестись к лицемерному заявлению Пуанкаре в пользу польско-французских шпиков. Из 18 обвиняемых по делу Центра действия только 3 принадлежат к профессуре. Это десятистепенные величины из цеха ученых, это ремесленники профессорской кафедры, ничем себя не проявившие. Единственная наука, где отличились гг. Василенко и Тортаковские, – это наука шпионажа и обслуживания интересов буржуазии. Но даже и к этим “ученым” шпикам пролетарский суд отнесся с милосердием, не присудив их к высшей каре. Пролетарский суд может с презрением пройти мимо заявления Пуанкаре. Советская республика в себе самой имеет гарантии законности и милосердия»[323].

Безапелляционность выступления наркомюста, конечно, вряд ли оправдана для деятеля такого масштаба. Но вряд ли стоит сомневаться в искренности чувств, которые вызывали у него нарушения революционной законности и стремление к справедливому наказанию виновных, несмотря на любые обстоятельства.

Деятельность органов юстиции в годы, когда наркомат республики возглавлял Н. А. Скрыпник, была достаточно интенсивной. В докладе на сессии ВУЦИК 22 октября 1925 г. нарком сообщил, что в течение последнего года органами юстиции были рассмотрены 970 606 различных дел[324].

В достаточно напряженном ритме работала и Генеральная прокуратура УССР. Осуществляя, прежде всего, надзор за неуклонным соблюдением законности, она в 1923 г. подала 642 протеста на деятельность местных органов власти. В 1924 г. количество протестов по отдельным губерниям колебалась от 150 до 400. Всего же за этот год прокуратурой было рассмотрено 36 тыс. дел, из них около 10 тыс. сообщений рабкоров и селькоров[325]. Проверяя в 1925 г. органы юстиции, прокуратурой было рассмотрено 10 450 циркуляров различных учреждений, действие значительного числа которых было приостановлено, а то и вовсе отменено[326].

Принципиальность, деловитость, оперативность, последовательное отстаивание интересов трудящихся способствовали росту авторитета органов юстиции у народа Украины. Неуклонно росло уважение и к руководителю этого ведомства – Николаю Алексеевичу Скрыпнику.

VI. Раздумья, надежды, стремления

Время донесло до наших дней небольшое количество фотоматериалов, касающихся Н. А. Скрыпника. То ли он не любил позировать, и фоторепортеры, кинохроникеры, зная это, не решались часто приближать к известному политику объективы, то ли в годы борьбы с «врагами народа» значительное количество пленок бесследно исчезло. А возможно, были и другие причины. Но фактом остается то, что к услугам исследователей весьма ограниченная картотека кинофотоматериалов, чтобы всесторонне представить внешность Николая Алексеевича, почувствовать его предпочтения, вкусы и т. д. Одно же бросается в глаза с полной определенностью. Вы почти не найдете снимков, из которых на вас созерцало бы веселое, улыбающееся, беззаботное лицо. Всегда – какая-то особенная, скрыпниковская сосредоточенность, особое скрыпниковское напряжение. Порой кажется, что он мысленно погрузился в самого себя и размышляет над таким предметом, по сравнению с которым все, что происходит вокруг, – второстепенно, не стоит большого внимания, с неизбежностью должно отойти на второй план.

Естественно – очень интересно, что так занимало и так беспокоило Николая Алексеевича, не давало душевного покоя. Очевидно, об этом можно только гадать. Но если нельзя знать наверняка, то и без особого риска ошибиться есть веские основания предположить: в центре раздумий, несомненно, всегда оставались родная Украина, ее народ с непростой исторической судьбой, переживания за их будущее.

У каждого человека любовь к Родине формируется и проявляется по-своему. Здесь наслаиваются различные причины, обстоятельства, вторгаются непредвиденные факторы, события, происшествия и т. п.

Николай Скрыпник еще с юношеских лет задумывался над тяжелым положением украинского народа, все больше проникался патриотическими чувствами. Однако долгие годы жизни революционера-профессионала, постоянно меняющего место жительства в огромной многонациональной империи и за ее пределами, лишь спорадические, недолгие визиты в Украину способствовали укреплению в сознании больше интернационалистских, чем национальных настроений. Свою роль, конечно, сыграла и преданность марксистской идеологии, где приоритетным всегда считался классовый, а не национальный момент.

И все же юношеские впечатления бесследно не исчезли, они

стали той питательной почвой, на которой развились взгляды одного из самых интересных национально-политических деятелей переломного исторического периода.

Став первым официальным главой правительства Советской Украины в 1918 г., Николай Алексеевич Скрыпник отнесся к этому со всей возможной серьезностью. Для него наличие самостоятельной республики оказалась не каким-то временным, преходящим фактором, как для многих захваченных леворадикальными настроениями коммунистов, и не тактической уступкой обстоятельствам на пути к победе мировой революции, а огромным историческим завоеванием украинского народа. И неизвестно, от чего больше отталкивались рассуждения Скрыпника, начинался ход его мыслей и концептуальные логические построения – от марксистской, ленинской теории по национальному вопросу, одним из краеугольных камней выдвигавшей требование права наций на самоопределение вплоть до образования самостоятельного государства как основного гаранта равноправного и полнокровного развития всех наций, в том числе украинской, или от вековых стремлений украинского народа к собственной государственности. Последнему Николай Алексеевич стремился найти обоснование в национальной политике большевиков, предусматривавшей всесторонний расцвет и одновременно сближение, объединение наций. Как бы там ни было, но, постоянно заботясь об интернациональных задачах российского пролетариата, всех трудящихся, проявляя заботу о всемерном укреплении союза социалистических республик, Николай Скрыпник никогда не забывал о национальных устремлениях украинства, его интересах, пытался последовательно отстаивать их, конечно, в рамках общих представлений о путях разрешения национальной проблемы, о построении общества равноправных свободных народов. При этом он был твердо убежден, что национальный расцвет Украины, как и любой другой республики, другого народа нисколько не повредит делу социализма, строительству союзного государства, а, наоборот, будет эффективно способствовать этому процессу. Важно только не ошибиться, вести гибкую и одновременно принципиальную линию.

Часто его позиция выглядела (и воспринималась окружением) как заскорузло-догматическая и одновременно амбициозная. Однако вряд ли у кого возникали сомнения относительно внутренней абсолютной убежденности испытанного революционера в правоте отстаиваемых им принципов.

С не меньшим рвением Н. А. Скрыпник боролся и с теми, кто, по его мнению, преувеличивал роль национального фактора,

абсолютизировал национальный момент, проявлял националистические уклоны.

Примером здесь может быть его страстная речь на IV Всеукраинском съезде Советов (16–20 мая 1920 г.) в ответ на выступление одного из лидеров Украинской Коммунистической партии Ю. П. Мазуренко, доказывавшего, что республика не имеет своей государственной самостоятельности, такой, как во времена Украинской Народной Республики, ссылаясь при этом на отсутствие ряда жизненно важных наркоматов.

Николай Алексеевич опроверг тезис Мазуренко об Украинской Народной Республике как детище Февральской революции в России, напомнил известные факты взаимоотношений Центральной рады с Временным правительством, а провозглашение УНР после октябрьской победы в Петрограде квалифицировал как «акт предательской борьбы мелкобуржуазного класса Украины против пролетариата, боровшегося за победу пролетарской революции»[327]. Напомнил он и о том, что независимость УНР была провозглашена после I Всеукраинского съезда Советов, и заявил, что украинский народ связывает независимость своего государства совсем не с тем образованием, о котором так печется Мазуренко.

«Мы строили и построили Украинскую Советскую Республику, – заявил Н. А. Скрыпник. – Уже Первый Всеукраинский съезд Советов провозгласил Украинскую Социалистическую Советскую Республику как федеративную часть Российской Советской Социалистической Федерации. И когда в 1918 г. на II съезде Советов в Екатеринославе пришлось провозгласить независимость Украины, то надо было с сожалением в душе сказать, что благодаря Брестскому договору и наступлению немецкого империализма мы вынуждены бороться рядом с Россией, но другим способом: как отдельное социалистическое государство. Не надо забывать, что т. Затонский, наш представитель на IV Всероссийском съезде Советов (в тексте документа ошибочно – III Всероссийском съезде Советов. – *В. С.),* выступал как представитель рабочего класса и бедноты крестьянской на Украине и сказал: “Мы империалистами отрезаны от России, мы, украинские рабочие, должны сказать русским рабочим временно: «до свидания»”.

Но “до свидания” и только “до свидания” сказали мы, и провозглашенная II Всеукраинским съездом независимость была

независимостью от петлюровского мелкобуржуазного правительства, от власти немецкого и мирового империализма. А такую независимость, товарищи, мы проводим и теперь. В союзе с Российской Федеративной Советской Республикой мы боремся и

сейчас против всемирного империализма за независимость Украинской Советской Республики от влияния мирового капитализма. Независимость, на которой мы стоим, это независимость другая, чем та, которую отстаивает т. Мазуренко. Нам не надо общего слова “государство”, а нужно государство советское, государство социалистическое, государство пролетариата, где беднейшее крестьянство и пролетариат действительно имели бы власть в своих руках и руководили бы своей жизнью. И эту самую политику Советское правительство проводило и проводит сейчас»[328].

Выступая, таким образом, последовательным поборником советского, по мнению Н. А. Скрыпника, действительно народного государства вопреки попыткам представить таким УНР, он непоколебимо стоял на том, что такое государство не должно отделяться от братьев по классу, их национально-государственных образований, а, наоборот, стремиться к единству, крепить, закалять его в борьбе за новый строй.

«Мы теперь действительно должны, товарищи, общие интересы всего пролетариата российского и украинского проводить в совместном строительстве и совместной работе, – отмечал Николай Алексеевич. – И когда приходят и говорят: нам нужен отдельный военный аппарат, отдельный Совет народного хозяйства, когда нам говорит т. Мазуренко, что вопрос не в том, чтобы защитить интересы национального культурного развития, а чтобы было отдельное государство, то мы говорим: государство отдельное от буржуазии, от капитализма нам нужно и оно есть. А государства, отдельного от пролетариата российского, строящего свою коммунистическую жизнь так, как и мы, – такой отдельности нам не нужно…

Да здравствует Украинская Советская Социалистическая Республика как часть всемирной и существующей уже Российской Социалистической Федеративной Республики, в общей борьбе пролетариата всех стран без разницы языков, наций и рас! Да сгинет навеки всякий шовинизм! Да здравствует единение пролетариата и неизбежная победа всемирной пролетарской революции!»[329]

Западные исследователи жизни и творчества Н. А. Скрыпника, среди них и некоторые диаспорные авторы, считают его утопистом-догматиком, слепо верившим в мировую революцию, и исходя из этой веры пытавшегося достичь невозможного – найти путь справедливого разрешения национального вопроса для собственной нации, для других угнетенных в прошлом народов.

Очевидно, что надеждами на более или менее быструю

победу пролетариата – если не во всемирном, то по крайней мере в европейском масштабе – в первые послеоктябрьские годы «переболела» вся партия, ее члены – от руководящих и до рядовых, а также и коммунисты других стран. Лозунги мировой революции стали обязательными атрибутами публичных выступлений, листовок, статей.

Но фактом остается и то, что политика РКП(б) учитывала возможность такой, конечно, весьма желанной перспективы и все же исходила, прежде всего, из учета внутренних факторов и именно поэтому оказалась тогда жизнеспособной. Видимо, не случайно, что при наличии такого количества талантливых и плодовитых теоретиков, создававших массу работ, в которых нашли отражение самые разнообразные стороны общественной жизни, обосновывались задачи революционного процесса в самых разных отраслях, проблемы мировой пролетарской революции всерьез, кроме разве что Л. Д. Троцкого, никто не ставил. К сожалению, этого не учитывают и современные публицисты, отчасти историки. В многочисленных выступлениях они без сколько-нибудь серьезных попыток аргументировать свою позицию по большей части декларативно заявляют, что официальным курсом РКП(б) на международной арене, обусловившим также программные и много в чем тактические расчеты во внутренней политике, была попытка осуществить или по крайней мере «подтолкнуть» мировую революцию. Дальнейшая логика такова: поскольку мировая революция не состоялась, а капитализм нашел в себе силы для стабилизации, саморазвития и самосовершенствования, то непременно должен был претерпеть изменения и внутренний курс Коммунистической партии, что, как следствие, детерминировало сталинский тоталитаризм во всех его самых негативных проявлениях.

Зыбкая, необоснованная исходная позиция в данной логике с неизбежностью приводит к ошибочным выводам об имманентности самой природе социализма, как общественно-политического строя таких недостатков и неизлечимых болезней, которые в принципе отказывают ему в праве на историческое существование.

Для Николая Скрыпника, как пролетарского революционера, мировая социалистическая революция тоже была желанной, призывы к ее осуществлению он, как и многие, произносил систематически. Однако не стоит недооценивать его способности реалистично оценивать общественные процессы. Он мог с большим оптимизмом писать

и говорить о мировой революции в конце 1918 г. или летом-осенью 1920 г., но и тогда пытался в теоретических разработках, в

практических шагах исходить из всей суммы факторов, которые формировали конкретно-историческую ситуацию.

Именно так он подходил к вопросу о диалектике взаимосвязи интернационального единения трудящихся и национального суверенитета республик, отвергая колебания как в сторону национализма, так и «чрезмерного» интернационализма.

«Есть три лозунга, которые сейчас борются на протяжении революции между собой, – отмечал Н. А. Скрыпник. – Первый – самостоятельная республика украинская. Этот лозунг является лозунгом петлюровщины, шовинизма украинского, что идет против пролетариата. Второй лозунг – “единой неделимой России”, лозунг буржуазии и мещанства российского, – мы его знаем, с этим лозунгом приходил Деникин. Ни того, ни другого мы не принимаем. И те и другие – наши враги. Враг нам и Деникин, враг нам и мелкая буржуазия, и украинская, и русская. Только наш пролетарский лозунг проводим мы в жизнь, и только он соответствует нашей задаче объединить все силы пролетариата, а именно – прочный союз пролетариата, самое тесное объединение сил всех существующих республик, прежде всего российской и украинской, а далее, вообще, всемирная федерация советских республик»[330].

Как пролетарский революционер, революционер по призванию души, он, наверное, как и все революционеры, выдвигал невыполнимые для своего поколения задачи, однако, борясь за них, оказывал наибольшее влияние на общественный прогресс, Николай Скрыпник мечтал и о всемирной федерации советских республик. Одну из своих статей «Национальная политика [относительно] малых народов» (в чем-то она напоминает своеобразный программный документ) Николай Скрыпник завершил словами: «В свете пролетарской революции безвозвратно исчезло предыдущее разделение на большие и малые народы, на государственные и негосударственные, на тех, которые достойны жить по своей воле и подлежащих опеке буржуазных государств. Трудовые классы, на каком бы низком культурном уровне они ни стояли, смогут свои интересы осуществить своими силами, как сами понимают, и тем определить, самоопределить свою судьбу. Развить сознание масс, вовлечь их в то, чтобы они своими силами участвовали в строительстве своей судьбы и судьбы целого человечества, – вот задача нашей Коммунистической партии, и они одинаковы для всех народов – и для тех, кому история была матерью, то есть чья буржуазия грабила и свои трудящиеся массы, и колониальные народы, и для тех, кому история была мачехой, то есть для трудящихся масс мелких народов, которых грабил и

великодержавный, и свой собственный мелкий буржуа.

Организовать и развить сознание трудящихся, объединить все их силы в целом мире, растрощить до предела человеконенавистнический национализм и шовинизм, создать из человечества единую семью трудящихся – вот задача Коммунистической партии»[331].

Лозунг всемирной федерации советских республик, естественно, был таким же, как и лозунг мировой социалистической революции – желательным, рассчитанным на перспективу, но до определенного момента абстрактным, лозунгом-призывом, а не лозунгом конкретной, реализуемой в данный момент политики. Поэтому Н. А. Скрыпник, подобно другим руководящим деятелям Коммунистической партии, специалистам в области национальных отношений, пытался теоретически обосновать начальные, возможные уже в то время шаги к будущей федерации, меры по объединению существующих национально-государственных советских образований.

Николай Алексеевич считал, что для такого объединения были достаточно веские причины и основания, среди которых важнейшими выделял две: национальную политику Коммунистической партии, обеспечивавшую, по его глубокому убеждению, полное право на политическое самоопределение любой, большой или малой, «государственной» или «негосударственной» нации, и бесценный опыт революции и Гражданской войны, в ходе которых трудящиеся всех республик хорошо осознали классовое родство всех эксплуататоров – и своих собственных, и иностранных – почувствовали потребность в объединении усилий для борьбы с силами старого мира, которые, теряя власть, группируются совсем не по национальному, а по классовому признаку. К таким выводам его приводил анализ развития событий во всех регионах бывшей «тюрьмы народов», опыта борьбы за национально-государственную независимость Украины. В упомянутой выше статье «Национальная политика [относительно] малых народов», которая была написана во время польско-советской войны, Николай Алексеевич писал: «„Тактика Коммунистической партии на Украине есть тактика пролетарской борьбы за объединение всех сил пролетариата против всякого угнетения, в том числе и национального, за развитие всех средств духовного подъема трудящихся масс, в том числе и за развитие украинской культуры. Идя этим путем, Коммунистическая партия завоевала симпатии, сочувствие и расположение широких масс украинского народа, и никакие силы обмана и ненависти… не могут свернуть теперь украинский народ с этого пути»[332].

Последовательная пролетарская политика в национальном

вопросе, по убеждениям Николая Алексеевича, органично учитывала интересы Украины, гарантировала создание условий для ее эффективного развития. Он имел свое, оригинальное, хотя, видимо, и не безупречное представление о республике, ее тогдашнем состоянии, пути национального возрождения. Ключ к пониманию скрыпниковской концепции расцвета Украины можно найти в его статье «Донбасс и Украина (Из истории революционной борьбы на Украине 1917–1918 гг.)», написанной еще в 1921 г.

Обращает на себя внимание уже название статьи, точнее ее схематичный прием, где один из регионов поставлен в отношение к целостному государственному образованию с помощью союза «и». Сделано это совсем не случайно. Николай Алексеевич считал Донбасс настолько специфичным в социальном и национальном отношениях, что решил пойти на нарушение формально-логической связи. Это, в свою очередь, давало возможность скомбинировать социальный и региональный факторы.

Отметив, что перспективы советского строительства в Украине находятся в прямой зависимости от привлечения крестьянства на сторону пролетариата, автор обращает внимание на больший, чем в целом по бывшей империи, удельный вес зажиточного элемента – по общеупотребимой тогдашней терминологии – кулачества, его крепкие экономические и организационные позиции, особенно на Правобережье, где оно располагало немалыми запасами оружия. Далее приводится довольно широкое наблюдение-констатация: «Вместе с тем обычные в капиталистическом обществе противоречия между городом и деревней окрашивались на Украине национальными цветами. Село на Украине по своему национальному составу почти исключительно украинское. Город состоит из элементов, по национальному составу русских и полурусифицированных – еврейских и частично, на Правобережье, польских. Индустрия мало централизованная, предприятия – преимущественно мелкие или средние. Городской пролетариат сравнительно мало отошел от мелкобуржуазного окружения и живет еще многими и многими мелкобуржуазными предрассудками». Один из таких предрассудков, продолжает Н. А. Скрыпник, которые веками питали царизм, «это предрассудок национальный, то есть взгляд на украинский язык и украинскую культуру как на язык и культуру третьестепенную, которую можно допустить лишь для “простого” домашнего обихода. Дело в том, что в городах Украины разговорным языком является частично русский, а частично, на западе – польский язык. Крестьяне свои культурные потребности удовлетворяют кое-как, употребляя украинский

язык. Естественно, что мало организованный и не освобожденный окончательно из-под влияния буржуазии рабочий класс должен был усвоить себе от буржуазии и помещичьего класса высокомерное, пренебрежительное в крайнем случае отношение к украинскому языку и к украинской культуре»[333].

Значительно опережая официальное введение партией политики «украинизации», марксист Н. А. Скрыпник апеллирует к рабочему классу, полагаясь на его революционное сознание, готовность решать самые сложные, самые тяжелые задачи для достижения высоких, ответственных целей. Николай Алексеевич ищет пути, чтобы с помощью рабочего класса, российского по национальному происхождению или русифицированного, пренебрежительно относящегося порой даже к малейшему намеку на украинский язык и украинскую культуру, с его же помощью и его же силами завоевать себе крестьянство и сельский пролетариат – по этническому составу украинские, которые в связи со сложными историческими условиями предубежденно и недоверчиво относятся ко всему русскому, «московскому».

«Посему первейшей задачей каждого сознательного рабочего является хорошее осознание, – отмечает политик, – что для того, чтобы осуществлять свои классовые, пролетарские, коммунистические задачи, рабочему классу на Украине нужно, обязательно нужно, не отождествлять себя с русским языком и с русской культурой, не противопоставлять свою русскую культуру украинской культуре крестьянства, наоборот, надо всемерно пойти в этом деле навстречу крестьянству. Не как русский и украинец, не как носитель одной языковой культуры к представителю другой, “низшей”, языковой культуры, а как пролетарий к малоимущему крестьянину, как передовой борец коммунистической революции к труженикам, которые еще не осознали своих классовых интересов…»[334]

Выполнение поставленной задачи, по мнению Н. А. Скрыпника, было возможно при условии надлежащего отношения рабочих, интеллигенции к языку крестьянства. Именно на этой почве можно было развивать, с одной стороны, украинскую культуру, а с другой – привлекать крестьянство к осуществлению социальных преобразований, укреплению отношений с другими народами, добивающимися общей цели.

«Украинского крестьянина мы сможем завоевать, – отмечает Николай Алексеевич, – только подходя к нему с понятным ему языком, а если надо, то и изучая даже этот самый язык. Вот почему Коммунистическая партия в своей резолюции ЦК КП(б)У прямо поставила своей задачей развитие украинской культуры, “культивирование” украинского языка, обучение ее

государственных чиновников – советских служащих. Равнять город относительно языка по украинскому селу, чтобы привести украинского крестьянина к равнению на пролетарский город. К этому теперь мы пришли, но только после долгой борьбы с мещанскими предрассудками, заражавшими основную нашу силу, городских рабочих»[335].

Согласно оценке автора, впервые к национальной жизни широкие массы крестьянства пробудились после Февральской революции и тогда же объединились вокруг партий украинских эсеров и украинских социал-демократов.

Конечно, Н. А. Скрыпнику можно выдвинуть немало упреков по поводу неточностей, определенных передержек, несоответствий сформулированных утверждений статистическим данным. Речь может идти и об экономических аспектах – масштабности предприятий, степени концентрации производства и его централизации, прежде всего в Донбассе, и об интернациональном составе пролетариата Украины; значительную, во многих районах даже большую часть которого составлял не пришлый элемент, а все же местный, украинский, и тому подобное. И было бы несерьезным думать, что Скрыпник этого не знал. Ведь речь идет о сюжетах, которые весь период революции и Гражданской войны были на острие идеологической борьбы. И именно коммунисты в устной и печатной пропаганде неизменно доказывали, что в Украине сформировался мощный отряд рабочего класса, межнационального по составу, сильного своими революционными традициями и духом. Коммунисты доказывали, что только они, авангард пролетариата, наиболее полно воплощают в своей политике стремления и интересы украинского народа, в том числе и украинского крестьянства. Не раз отстаивал такие же положения и Николай Алексеевич.

Однако надо было быть именно Н. А. Скрыпником, владеть именно его характером, чтобы решиться привлечь внимание общественности к процессам, которые, учитывая сложившиеся пропагандистские штампы, начали тщательно замалчивать. Более того, поскольку к этим проблемам обращались представители партий и организаций, квалифицировавшиеся в то время как буржуазные, мелкобуржуазные, соглашательские, националистические, существовал немалый риск быть причисленными к сторонникам буржуазного национализма (подобная практика тогда активно распространялась, приобретая все большие масштабы).

Думается, что в данном конкретном случае Н. А. Скрыпник сознательно отступал от правил, которые пытался неукоснительно соблюдать, и шел на определенное огрубление

достаточно сложных, многогранных процессов, чтобы достичь упрощенной и в своей упрощенности – убедительной схемы: в Украине существует украинское село и российский (польский и еврейский, очевидно, в данном случае брался как бы для «уравновешивания», хотя «забывался» – опускался потом) город. Если исходить из высших интересов социалистической революции и принципов национальной программы большевизма, то необходимо было во что бы то ни стало достичь прочного единения рабочих и крестьян и, обеспечив свободное развитие каждой нации, обусловить, обеспечить ее вхождение, вовлечение в единую семью народов, стремящихся к социалистическому обществу. Учитывая эти ключевые принципы, Скрыпник и находит достаточно непростой теоретический вариант разрешения задачи сочетания социальных и национальных моментов, их слияние в единое русло.

Для доказательства предложенной логической и достаточно гибкой диалектической линии уже достаточно опытный государственный деятель прибегал к историческому экскурсу в 1917–1918 гг., целью которого было убедить в том, что, когда русский (русифицированный) пролетариат Донбасса на пути к Октябрю нигилистически относился к национальному вопросу, оставляя крестьянству остальной Украины самому решать назревшие задачи, оно вместе со слабыми отрядами рабочих Правобережья попадало под влияние идеологии украинских национальных партий. Иллюзорными оказались надежды «на срыв» Центральной Рады изнутри, на поляризацию сил в ней.

Когда же пролетариат Донбасса объединялся с населением остальной Украины, как во время проведения I Всеукраинского съезда Советов, дело социальной революции выигрывало: Центральная рада была выбита из Киева в считаные дни.

В равной степени пролетарско-революционные потенции Украины мгновенно упали, когда IV съезд Советов Донецко-Криворожского бассейна в конце января 1918 г. принял решение создать Донецко-Криворожскую Советскую Республику. Сепаратизм донецких рабочих (точнее можно было бы сказать – большевистских работников. – *В. С.),* по мнению Н. А. Скрыпника, привел к тяжелым поражениям Советской Украины в борьбе с полумиллионной австро-германской армией и военными формированиями Центральной рады. Запоздалое объединение всех сил Украины, согласно решениям II Всеукраинского съезда Советов в марте 1918 г. в Екатеринославе, не смогло решающим образом повлиять на организацию вооруженного сопротивления австро-германским войскам. Пришлось изживать и разнобой в тактике борьбы за Советскую власть в Украине, проявлявшейся во

взглядах партийных работников Левобережья и Правобережья. Конец недоразумениям, по мнению Скрыпника, был положен принятием резолюции VIII съезда РКП(б) «О Советской власти на Украине», которая объединяла и партийных работников, и революционные силы разных регионов в стремлении к единой цели.

Заканчивает свою статью Н. А. Скрыпник словами: «Этой резолюцией мы правильно во всю широту поставили и решили национальный вопрос и теперь вплотную подошли к вопросам классовой борьбы. Украина и Россия объединяются в единую боевую федерацию против мирового империализма. Содействие развитию украинской культуры ставится задачей пролетарского государства УССР. Украина, наконец, формируется в государственную целостность, объединяющую пролетарские силы и Приднепровья, и Донбасса. И путь привлечения всех трудящихся масс к коммунистическому строительству только один: поход пролетариата Донбасса, чтобы завоевать украинское крестьянство для совместного строительства пролетарской Украины как части Советской федерации»[336].

И если аргументация Николая Алексеевича в данном случае не во всех отношениях «дотягивает» до выводов статьи, в дальнейшем для него она становится аксиоматичной. Он неизменно отталкивается от нее, не часто прибегая в детализации. Вообще же для Николая Скрыпника Украина была не только объектом неугасимой любви, а во многих случаях – точкой отсчета в системе координат создаваемых им схем и концепций.

* * *

Видимо, Н. А. Скрыпник не заслужил бы такого внимания и уважения потомков, если бы он ограничивал себя сугубо служебными функциями, регламентированными профессиональными уставами. Его деятельная творческая натура, характер, темперамент ломали привычные рамки, выводили его на значительно более масштабные просторы. А бесспорным основанием здесь было чрезвычайно внимательное отношение к общенациональным, общегосударственным задачам и проблемам, стремление принять самое активное участие в их полномасштабном решении.

При этом утверждать, что в данном случае оказывалась какая-то особая, «врожденная» любовь к национальным аспектам жизни или специфический (если – не мистический) порыв – очевидно, не

стоит. Скорее можно предположить, что длительное время не занимаясь национальными делами, в силу обстоятельств Николай Алексеевич постепенно втянулся в сложнейшую общественную сферу и впоследствии начал считать ее не просто детерминантной, личным долгом, а убедил, прежде всего, самого себя в том, что кроме него, Н. А. Скрыпника, с подобной задачей вряд ли кто другой справится.

Однако и такое предположение может оказаться ошибочным или же не во всем близким к истине. Единственное, что с уверенностью можно утверждать, так это то, что независимо от должностей, которые занимал Скрыпник, он всегда считал своим долгом внимательно следить за тем, как осуществляются принципы национальной политики, как отражаются те или иные шаги в этой области на суверенитете республики, как идет процесс строительства многонационального государства.

Систематичность обращений к национальной проблеме, категоричность суждений, невзирая на обстоятельства, политическую конъюнктуру, создавали вокруг имени украинского советского наркома ореол едва ли не самого яростного защитника национальных интересов, позволяли определенным кругам в зарубежной историографии считать его символом национал-коммунизма в нашей стране.

Трудно сказать, какую роль мысленно сам себе отводил Николай Алексеевич в данном отношении. Однако неоспоримым остается то, что он неизменно и самым живейшим образом проявлял себя на ниве национального строительства и, очевидно, нередко считал свою позицию верной, самой оптимальной в спорах и теоретического, и политического срезов. Субъективно для подобных суждений у него имелись, как казалось, все необходимые основания. Ведь Скрыпник пытался всегда, в любой ситуации последовательно, неукоснительно руководствоваться марксистскими принципами национальной политики, никогда им не изменять. Больше всего он ценил два глобальных подхода: 1) делать все для интернационального сплочения, единения всех народов как одной из самых гуманных целей, отстаиваемых пролетарской идеологией;2) стремиться к наиболее полному обеспечению национальных интересов любого народа. При этом Николай Алексеевич искренне верил в то, что в условиях строительства социализма оба подхода органично дополняют друг друга и творческое осуществление марксистской политики обеспечит расцвет и сближение всех наций, всех народов.

Так же искренне Николай Скрыпник был убежден в неспособности любого, кроме пролетарского, государства справедливо решить национальную проблему. «Национальное

дело всегда было тем оружием, – утверждал он, – каким буржуазия более и шире всего обкручивала и обманывала трудящиеся массы. Национальный гнет порабощенных народов колониальных стран (то есть тех, которых эксплуатировал более сильный) был для буржуазии дополнительным средством распространять свою торговую территорию (земли) и получать с угнетенных дополнительные прибыли. На самой территории капиталистических стран национальное неравенство было средством разъединять трудящиеся массы и натравливать рабочих и крестьян друг против друга»[337].

Вполне правомерной с такой точки зрения для опытного революционера выглядела перспектива межнационального объединения пролетариата против всесилия международной буржуазии, запечатленная в лозунге «Коммунистического манифеста»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» При этом Николай Алексеевич хорошо понимал, что только этим пламенным лозунгом отнюдь не исчерпывается политика коммунистов в национальном вопросе. Как ясно осознавал он и то, сколько сознательной и бессознательной путаницы именно в национальном вопросе допустили социал-демократические теоретики. Выше всех Скрыпник ставил здесь лидера большевистской партии. В статье «Ленин и национальное дело», ряде других работ, публичных выступлений он особенно выделял разработку В. И. Лениным теории и программы большевистской партии накануне и в годы Первой мировой войны. С его точки зрения, именно тогда были сформулированы фундаментальные, основополагающие принципы национальной политики, им и надо было следовать, естественно, развивая, конкретизируя с изменением обстановки. Воспринимая и разделяя ленинскую концепцию разрешения национального вопроса, Скрыпник считал, что «в последовательной пролетарской борьбе национальное дело должно быть поставлено совершенно ясно, что каждая национальность имеет право на самоопределение, вплоть до государственного отделения, конечно не забывая одновременно о единстве и общности интересов пролетариата всех народов и о тесной связи их в борьбе против власти буржуазии»[338].

Все вышеизложенное позволяет сделать обобщающий вывод: видного государственного деятеля всегда заботило, чтобы национальному моменту, осуществляемой партией политике всегда отводилось соответствующее, с его точки зрения – одно из ключевых мест, и чтобы здесь не допускалось извращений или отступлений от принципиальных научных оснований. Н. А. Скрыпник даже не удержался, чтобы не выступить на XI съезде

РКП(б) с определенным упреком В. И. Ленину, которого он очень уважал и высоко ценил, к размышлениям, выводам которого очень внимательно, можно сказать – трепетно прислушивался. Но когда в докладе ЦК вождь партии выдвинул тезис о том, что тактика РКП(б) должна основываться на двух китах – вопросах взаимоотношений партии и класса, а также пролетариата и крестьянства, Николай Алексеевич тактично, но достаточно твердо заявил: «…Я позволю себе говорить о третьем ките, на котором должна держаться тактика нашей партии в теперешний период пролетарской революции; я говорю об отношении более развитых капиталистических стран к отсталым странам.

К сожалению, т. Ленин в данном докладе по этому вопросу ничего не сказал. А сказать необходимо, так же как и необходимо подчеркнуть, что теперь, как и в предшествующий период, партия держится той же линии, т. е. что партия остается представителем освобождения всех трудящихся масс на всем земном шаре, что она является искрой, бросаемой в пороховой погреб порабощенного Востока, всех колониальных стран. Но, проводя эту линию вне советской территории, мы эту свою работу можем выполнить только в том случае, если мы будем полностью проводить эту политику и внутри советской территории. Только тем, что мы здесь, внутри страны, разрешаем эти вопросы, мы показываем пример всем народам, трудящимся, угнетенным массам, что только Советская власть, власть пролетариата и крестьянства, может решать эти вопросы»[339].

Абстрактно верную, логичную точку зрения украинский делегат подкрепил ссылкой на глубокую обеспокоенность «сменовеховскими» тенденциями в области национальной политики, которые, с его точки зрения, все больше давали себя знать после окончания Гражданской войны. Их суть Николай Алексеевич видел в постепенном свертывании прав суверенных республик, возникших в результате революционных сдвигов, и стремлении значительного количества не только государственных, но и партийных органов к культивированию центристских начал в межнациональных отношениях. «Происходящее в настоящее время движение сменовеховцев и интеллигенции по данному вопросу своих вех не сменяет, – утверждал Скрыпник. – Единая и неделимая Россия – бывший лозунг деникинцев и врангелевцев – является в настоящее время лозунгом всех этих сменовеховцев… Нам нужно признать, что они не только думают и говорят об этом, но стремятся проводить это и на практике… Мы замечаем весьма много фактов и явлений, когда на практике линия советских аппаратов совсем иная, нежели та линия, которую дает наша партия»[340].

В доказательство украинский посланец привел пример, когда начало безосновательно меняться отношение к резолюции VIII Всероссийской конференции РКП(б) «О Советской власти на Украине», когда в советских аппаратах стали действовать фактически по лозунгу, близкому к лозунгу единой и неделимой России. «Мы ничего общего не можем иметь с этим лозунгом. Только ненависть и презрение может вызвать прежняя старая царская Россия. Новая свободная рабоче-крестьянская Россия, иное объединение трудящихся – является нашим путем»[341].

Причем Н. А. Скрыпник настаивал на том, что имеет место проявление довольно-таки устойчивой тенденции и относительно Украины и относительно других республик. «Имеется тенденция, – говорил он, – к ликвидации той государственности рабочих и крестьян, которая добыта силою рабочих и крестьян этой страны. Вопрос о ликвидации рабоче-крестьянской государственности Украины также ставится здесь отдельными сторонниками сменовеховцев»[342].

Характерно, как в данном случае многоопытный политик апеллировал к авторитету Ленина. Хотя стенограмма, очевидно, и несовершенна, а выступал Николай Алексеевич явно не по заготовленному тексту, интуитивно можно допустить, что в данном случае акценты расставлены именно в духе скрыпниковских настроений. Николай Алексеевич сказал: «Вот почему для меня имеет некоторое показательное значение мимоходом брошенное заявление т. Ленина, что Украина, между прочим и к счастью, есть самостоятельное государство. Товарищи, это мимоходом брошенное замечание разрешает жизненный вопрос… И необходимо поэтому принять заявление т. Ленина как имеющее политическое значение в смысле отмежевания нашей партии от этих сменовеховских настроений»[343].

Как видно, Н. А. Скрыпник использовал ленинские слова в качестве весомого аргумента в полемике с А. А. Лозовским и Г. Л. Пятаковым, но использовал так, что не заметить критического упрека и в адрес Ленина тоже никак нельзя.

В том же выступлении, отвечая на реплику А. А. Лозовского, а также на выступление Г. Л. Пятакова, он вспомнил и о решении майского (1918 г.) Пленума ЦК РКП(б) о создании КП(б)У. Опять приходится говорить и о качестве стенограммы, и о явном возбужденном состоянии выступавшего, что сделало его речь весьма сумбурной.

Во-первых, Н. А. Скрыпник из двух постановлений ЦК вспомнил только одно – о создании отдельной КП(б)У и ее самостоятельном вхождении в III Интернационал (второе постановление, как известно, не для печати – предусматривало

образование КП(б)У как составляющей части РКП(б), как ее областной организации).

Во-вторых, данное постановление не было выполнено – и съезд КП(б)У (и это также известно) предпочел принципы, зафиксированные во втором постановлении, с чем в ходе дебатов согласился и сам Скрыпник.

В-третьих, выбрав, пожалуй, экспромтом, «на ходу» данный пример, Николай Алексеевич пытался с его помощью доказать, что раз и навсегда принятых решений не бывает, а на вопрос Пятакова: «А вы поверили или не поверили резолюции ЦК?» – ответил: «…Резолюция ЦК в то время имела значение, и ей надо было верить, но она перестала иметь значение через полчаса»[344]. И логикой этого примера он вроде противоречил сам себе, когда несколько раз в течение выступления настаивал: «Речь идет о том, чтобы не дать возможности линию, намеченную партией, изменять на практике иноклассовым элементам, работающим в советском аппарате. Есть ли это, или нет? Я бы хотел выслушать заявление товарищей, которые говорят, что этого нет. Это есть, к сожалению, и нам необходимо в данном случае сказать, чтобы резолюция, принимаемая ЦК нашей партии, не уподоблялась тем декретам, о которых говорил т. Ленин и которые мы принимали зачастую для того, чтобы показать, чего мы желали бы. Мы принимали для этой цели резолюции. Это были декларации. Но резолюции нашей партии, партийных съездов и конференций мы принимаем не в качестве деклараций, а в качестве директивы, которая обязывает и каждую партийную организацию, и каждого члена партии, и ЦК строго следовать этой директиве всерьез и надолго… Мы должны требовать от ЦК, от каждого члена нашей партии и члена ЦК, чтобы директивы исполнялись»[345].

Но, думается, главными для украинского делегата в данном случае были два момента. Во-первых, он еще раз нашел повод напомнить, что в 1918 г. принципиальное решение ЦК о самостоятельности КП(б)У принималось с учетом существования независимого украинского государства. И, во-вторых, опять же, в политической полемике он брал себе в союзники В. И. Ленина, хотя и давал понять, что позиция вождя партии, при условии колебания определенной ее части, могла бы быть и более определенной («т. Ленин сопроводил данное заявление, а т. Лозовский комментировал иным образом. Тов. Ленин говорит: “Наша партия одна”, а Лозовский комментирует: “Единая неделимая РКП”»)[346].

Ссылкой на ленинские декреты первых месяцев Советской власти как прежде всего пропагандистских документов, от

которых должны существенно отличаться решения партии, особенно ее высших форумов, Николай Алексеевич недвусмысленно усиливал критическую окраску выступления в адрес руководства РКП(б).

Таким образом, всегда искренне заявляя о том, что единственно верной национальной политикой является ленинская политика, доказывая, что именно она должна воплощаться в жизнь в полном объеме, без каких-либо исключений, Скрыпник не мог простить даже Ленину, когда последний, по его мнению, не проявлял необходимой четкости и настойчивости в осуществлении важнейших партийных решений.

Что уж и говорить о других деятелях РКП(б) и КП(б)У! Здесь Николай Алексеевич вел себя еще жестче. Так, он не скупился на язвительные эпитеты, разоблачая несостоятельность позиции «люксембургианцев» (Г. Л. Пятакова, Е. Б. Бош, Н. И. Бухарина и др.), которые нигилистически относились к национальному вопросу, считали, что национальное движение с победой социалистической революции теряет прогрессивное значение, выгодно лишь буржуазии. Вообще Николай Скрыпник редко с кем солидаризировался в данном вопросе, больше спорил.

Нечего греха таить: его позицию не все разделяли, даже не всегда понимали, иногда дело доходило до конфликтов, но Николай Алексеевич, несмотря ни на что, упрямо стоял на своем. Он с возмущением воспринимал любое пренебрежительное отношение к УССР, пусть временно оккупированного австро-немецкими интервентами, но непокоренного, суверенного государства, когда возглавлял в апреле 1918 г. полномочное правительственное посольство в РСФСР.

Он твердо отстаивал на Таганрогском совещании позицию, согласно которой Украина, как самостоятельное государство, имеет право и должна создать самостоятельную Коммунистическую партию. Н. А. Скрыпник считал принципиально важным майское (1918 г.) решение ЦК РКП(б) об отдельной КП(б)У и не раз в последующем ссылался на него, подчеркивая, что это решение было верным именно с точки зрения национального момента. Создается впечатление, что он даже жалел, что на I съезде КП(б)У была принята другая резолюция, которая исходила из негласного решения ЦК РКП(б) об организационном единстве КП(б)У и РКП(б). Правда, он всегда оговаривал, что ситуация, которая сложилась позже в партии, когда республиканские отряды коммунистов входили в одну РКП(б) на правах областных организаций, оптимальная и нет причин для ее пересмотра.

Образцом отношения к национальным проблемам

украинского народа один из ключевых партийно-советских деятелей республики считал ленинскую линию, ленинское наследие. Он написал предисловие к сборнику ленинских статей и отрывков из произведений об Украине, вышедшему в Харькове в 1924 г. Он коснулся оценки различных аспектов ленинского теоретического наследия. И довольно примечательно, какие моменты выделил при этом как главные: «Общий вопрос об Украине в разных статьях т. Ленина взятый в разных плоскостях: вопрос о праве украинцев на самостоятельное существование как народа и самостоятельное существование украинской культуры, вопрос об отношении русских рабочих к украинскому движению, вопрос об объединении русских и украинских рабочих на территории Украины, вопрос о праве Украины на государственное самоопределение, вопрос о формах и путях этого самоопределения и вопрос о взаимоотношениях России и Украины»[347].

Приведя интересные ленинские высказывания относительно Украины, ее государственности, Николай Алексеевич отметил, что в вопросе о самоопределении Украины лидер большевизма вполне стоит на почве пролетарской революционной стратегии: «Рабочему классу нужно не разъединение, а единство». В то же время Н. А. Скрыпник вроде предостерегает от одностороннего решения проблемы: «…Подчеркивая, что независимость Украины признана и ВЦИКом РСФСР и Российской коммунистической партией (большевиков), Ленин подчеркивает, что среди большевиков есть сторонники полной независимости Украины, есть сторонники полного слияния Украины с Россией (см.: «Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным») и заявляет: “Нас нисколько не может удивить – и не должна пугать – даже такая перспектива, что украинские рабочие и крестьяне перепробуют различные системы и в течение, скажем, нескольких лет испытают на практике и слияние с РСФСР, и отделение от нее в отдельную самостийную УССР, и разные формы их тесного союза, и т. д., и т. п…Важны другие вопросы, важны основные интересы пролетарской диктатуры, важны интересы единства и дисциплины борющейся с Деникиным Красной Армии, важна руководящая роль пролетариата по отношению к крестьянству; гораздо менее важен вопрос, будет ли Украина отдельным государством или нет”. («Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата»)»[348].

Ссылаясь на то, что путь образования Союза ССР был намечен Лениным, Скрыпник специально подчеркнул, что в это государственное образование «Украина входит как самостоятельный и полноправный член».

В то же время Николай Алексеевич призывал следить за тем, чтобы ленинское понимание национальной проблемы, ленинское завещание воплощались в жизнь без их немотивированной корректировки, а тем более искажения, подмены другим курсом. Как пророческие предостережения звучали его слова: «…Надо отмежеваться от всех попыток подсунуть под ленинское разрешение национального дела какое-либо противопоставление одной национальности другой, и любой замены и подмены классовой борьбы борьбой национальной.

После смерти т. Ленина нам, его ученикам и наследникам, надо особенно заботиться о чистоте науки Ленина. Национальное дело является лишь частью целой системы (плана) мыслей Ленина о борьбе за диктатуру пролетариата. Отделить национальное равноправие ото всех других дел Коммунистического Интернационала – это значит сойти с коммунистической почвы на почву националистическую.

С другой стороны, воплощать всегда программу Коммунистического Интернационала по указаниям Ленина – это значит осуществлять одновременно революционное пролетарское разрешение национального дела по примеру и науке Ленина»[349].

* * *

Вполне естественно, как убежденный интернационалист, Н. А. Скрыпник приветствовал каждый новый шаг к единению советских республик и горячо одобрял идею образования Союза Советских Социалистических Республик. От имени коммунистической фракции в выступлении на VII Всеукраинском съезде Советов (10–14 декабря 1922 г., Харьков) он поддержал предложение рабочекрестьянского правительства республики о создании СССР, которое «оправдывается и интересами рабочего класса, и всем предыдущим ходом борьбы рабочего класса и крестьянства за свое освобождение… На этой территории, где власть капитала сброшена, где рабочие и крестьяне в своих руках держат свою судьбу, там они творят единым фронтом единый путь для защиты дальнейших своих интересов. Товарищи, против мира гнета и насилия, против общественного угнетения и злобы, против классовой ненависти, против национального угнетения – рабочий класс противопоставляет и теперь проводит на деле свою линию свободы, линию освобождения от национального угнетения и развития всех культурных возможностей, линию свободы и солидарности»[350].

Однако реализация идеи образования союзного государства,

как известно, в довольно непростой обстановке привела к острым коллизиям, столкновению различных подходов. Николай Скрыпник имел здесь свою четкую позицию и последовательно боролся за ее торжество. Если характеризовать ее предельно кратко, то она была очень близка, практически тождественна ленинской. Но заподозрить его в преклонении перед высоким авторитетом было бы неправомерно. Анализ произведений украинского деятеля послеоктябрьской поры убедительно свидетельствует, что эта позиция вырабатывалась и оформлялась им самостоятельно, вырастала, постепенно выкристаллизовывалась не из пропаганды чужих авторских взглядов, а из собственных убеждений, из опыта, знаний, которые он не уставал систематически пополнять. И как было показано выше, национальный вопрос, отдельные его аспекты – это была та сфера, где Скрыпник делал попытки поступать даже вопреки Ленину (принципы образования КП(б)У, первый съезд партии), а то и упрекать вождя партии за недостаточное внимание к национальным проблемам, отсутствие должной настойчивости в проведении партийных решений (XX съезд РКП(б)). И если в деле образования СССР скрыпниковская точка зрения совпадала с ленинской, то это просто был один и тот же результат, к которому приходили две незаурядные личности в процессе упорной теоретической работы. Стоит, пожалуй, обратить внимание на то, что перу Н. А. Скрыпника в период подготовки образования СССР принадлежит гораздо больше специальных работ и выступлений (некоторые довольно основательные, научно-аналитические) по межнациональным проблемам, чем перу В. И. Ленина. Учитывая всю относительность, условность количественных показателей и состояние здоровья вождя большевизма в это время, такое сравнение может показаться и некорректным, и малоубедительным. Но оправдывается оно не желанием любой ценой показать чье-то превосходство, а стремлением доказать, что именно собственное напряжение мысли, обдумывание одной из самых сложных человеческих проблем, публичная апробация теоретических достижений в этой сфере выкристаллизовывали точку зрения, с которой, как принято говорить, можно было идти и на плаху.

В концентрированном виде позиция Скрыпника была изложена в его речи на IV совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей по вопросам союзного строительства. Хотя к тому времени состоялся и I съезд Советов Союза ССР, и был подписан союзный договор, но становление государственного организма только начиналось, и дискуссии, предшествовавшие образованию

СССР, продолжались, приобретали особую остроту по поводу ряда новых государственных процессов, таких как создание союзной конституции.

В своей речи Николай Алексеевич опроверг, прежде всего, те точки зрения на проблемы союзного строительства, которые были и весьма распространенными и, по его мнению, неверными, даже вредными. «Мы имеем перед собой два искажения, два уклона по вопросу о формах государственного строительства. Одна точка зрения – это великодержавный централизм, имеющий своей формой единую неделимую Россию, точка зрения, осужденная и пригвожденная к позорному столбу нашим XII партийным съездом, но все же, к сожалению, до сих пор имеющая своих сторонников в нашей партии. Нам придется выкорчевывать эту точку зрения, уничтожить ее, ибо до съезда она существовала, многие остались при этой точке зрения до сих пор. Надо не переставая отграничиваться от нее, ибо лозунг “единая неделимая республика” есть лишь сменовеховская модификация Деникинского лозунга “единой и неделимой России”. Эта точка зрения – не наша, а точка зрения крупной буржуазии. Мы с ней должны бороться, но мы равным образом должны бороться и с другой точкой зрения, которая представляет себе наш объединенный Союз Республик как какой-то конгломерат, где имеются национальные государственные единицы, в своей совокупности не имеющие единой государственной воли. И эта точка зрения конфедерации имеет еще многих и многих сторонников. Мы должны отграничиться от обоих уклонов»[351].

Возражая авторам обоих упомянутых позиций, среди них и Д. З. Мануильскому, усиленно ратовавшему за сталинский план «автономизации», подчеркнув, что предлагаемые ими варианты основываются на отживших научных представлениях, авторитетный партиец твердо заявил: «Мы не исходим из точки зрения ни единого государства, поглощающего объединяющиеся единицы, ни конфедерации, где союз не имеет своей воли. Наш Союз Социалистических] Республик имеет свою суверенную волю, наш союз не является простой согласительной камерой, где столковываются республики. Это есть единое суверенное государство, выступающее как единое целое. Это вовсе не означает, что в таком союзе уничтожается воля объединяющихся в них республик, что уничтожается суверенность объединяющихся в союз республик. Это не так. Мы строим свое государство таким образом, что свободные объединяющиеся республики остаются внутренне независимыми, вместе с тем передавая определенную долю своей суверенности своему Союзу Социалистических] Республик для экономической и политической борьбы вовне. Эта

точка зрения находит, наконец, диалектическую линию, отмежевывающуюся и от конфедерации, и от единого неделимчества. Мы строим весьма сложное объединение, к которому нельзя подходить лишь со старыми формулами старого буржуазного государственного права»[352].

Как видно из приведенных выдержек, ум Николая Алексеевича бился над тем, чтобы сложнейший вопрос строительства союзного пролетарского государства решать на должном, соответствующем уровне сложности. Он понимал, что простого решения проблемы здесь быть не может. В то же время два основополагающих момента, которыми он не мог пренебречь – интернационализм и суверенная воля каждого народа, моменты, которые он стремился органично совместить, – заставляли его выступать против уклонов к абсолютизации одного из них, приводили к выбору такого варианта механизма функционирования союзного государства, который был, бесспорно, сложнее, деликатнее, тоньше, и в конечном счете, думается, представлялся ему как безусловно перспективный, эффективный и одновременно национально-справедливый.

Нередко данное выступление украинского партийно-советского деятеля квалифицируют как акт борьбы за национальные права союзных республик, как протест против нарастающего великорусского шовинизма и сталинского авторитаризма, который начинал уже давать о себе знать. Думается, определенное рациональное зерно здесь, возможно, и есть, хотя в целом это, пожалуй, преувеличение, односторонний подход. Лейтмотив скрыпниковского выступления (и не только этого) – найти взвешенную равнодействующую двух тенденций – интернационально-общей и национально-особенной, отдельной. Вот слова самого Н. А. Скрыпника в доказательство такого вывода: «…Я считаю, что мы должны установить гарантии того, чтобы была единая воля в нашем Союзе; комиссия ЦК дала указания в этом направлении.

И столь же необходимо, чтобы в жизни, в действительности работа каждой входящей в Союз национальной республики была бы обеспечена, была бы гарантирована. И здесь нужно тоже поработать. Этой задаче служит учреждение Совета Национальностей; здесь гарантия имеется, но нужно внести большее оформление. Надо, напр[имер], внести поправку, что по вопросам, где верховные органы Союза выступают в качестве контролирующих, изменяющих, отменяющих и направляющих решение ЦВКов и СНКов отдельных республик, чтобы решения эти проходили обязательно через вторую палату. Таким именно образом мы гарантируем верность решения»[353].

То есть Скрыпник стремился реализовать действительно диалектический, гибкий подход. В его непогрешимость он сам свято верил и непримиримо относился к проявлениям других предлагавшихся вариантов. Против них он не прекращал борьбы, кому бы они ни принадлежали, как бы ни обставлялись официальной пропагандой. На XII съезде РКП(б) он развенчал как формальную и опасную попытку И. В. Сталина использовать распространенный в то время методологический принцип о борьбе на два фронта – против великорусского шовинизма и местного национализма – для, казалось бы, стройной конструкции: великодержавному шовинизму обязательно противостоит местный национализм. И хотя определенная логика, подтверждавшаяся фактами, здесь была, подходить с такой схемой, которая шла не от анализа, осознания конкретных процессов и ситуаций, а имела обратное направление – к жизни, было неоправданно, неверно, а иногда и просто опасно. Поэтому-то Николай Алексеевич без обиняков заявил: «Так почему же мы практически в национальном вопросе топчемся на месте и при правильном принципиальном его разрешении остаемся на деле бессильными? Дело в том, что мы все время балансируем в области национального вопроса. Некоторые все время пытаются найти среднюю линию. Каждое указание на великодержавный шовинизм всегда считают необходимым компенсировать указанием противоположным на шовинизм народностей недержавных, и всегда получается двойная бухгалтерия»[354].

В таком балансировании ловкачей Скрыпник сразу уловил возможные негативные проявления, во весь голос заявил о своей озабоченности: «Конечно, теоретически правильно проводимое в тезисах т. Сталина сопоставление двух национализмов: национализма великодержавного, господствующего и национализма бывших угнетенных национальностей (я не говорю о великодержавных тенденциях бывших угнетенных народов).

Но не слишком ли это выпячено у т. Сталина? Не явится ли это противопоставление двух национализмов поводом для того, чтобы многие и многие на практике свою бездеятельность в области национального вопроса оправдывали таким противопоставлением? Я очень и очень боюсь этого»[355].

В общем, интуиция Скрыпнику не изменяла.

И все же предсказать, к чему способна была привести и приведет на практике такая «двойная бухгалтерия», точнее, какие масштабные процессы ею будут оправдываться, Николай Алексеевич вряд ли мог. Тогда он еще надеялся, что серьезные теоретические аргументы, здравый смысл обязательно возьмут верх, и упорно за это боролся. И, как всегда, превыше всего

ставил чистоту принципов национальной политики, в которые верил просто беззаветно.

Так он мало-помалу убеждался, к какой линии склоняется И. В. Сталин, однако не стал искать союзников среди тех, кто вел против олицетворяемого генеральным секретарем официального курса РКП(б) борьбу, по его, Скрыпника, мнению, с ложных позиций. В частности, он очень резко обличал линию Украинской коммунистической партии в национальном вопросе, добивался ее организационной ликвидации, сводя все аргументы в две группы: 1) позиция относительно роли Украины в СССР, границы суверенитета республики и 2) принципы взаимоотношений КП(б)У, УКП и РКП(б).

Выступая на заседании комиссии Исполкома Коминтерна по вопросу о роспуске УКП, Николай Алексеевич настаивал: «Первый вопрос: чем прежде отличается УКП от КП(б)У и от Коминтерна? В чем заключается их понимание национального вопроса? Вспомните резолюцию II конгресса Коминтерна, которая говорила о задачах создания возможно более тесного, централизованного советского объединения. Это централизованное объединение не означает того или другого ущемления прав того или другого народа, освободившегося из-под власти капитала, но это есть централизованное объединение именно потому, что нам противостоит централизованное объединение мирового капитала»[356].

Но укаписты, отмечает Николай Алексеевич, заявляя в программе о своей приверженности федеративному объединению, предъявляют следующие дополнительные требования, как, например, строительство Высшего Совета народного хозяйства по представительному принципу, чтобы вместо единой Красной армии были созданы вооруженные силы всех республик, которые бы объединялись в союзном масштабе только общим командованием.

«Что это означает? – спрашивает Н. А. Скрыпник и отвечает: – После борьбы на военном фронте мы имеем борьбу с буржуазией на фронте экономическом. Здесь наша монополия внешней торговли является дополнительным средством для объединения нашей объединенной работы. Чем крепче мы хозяйственно, тем мы сильнее в отношении мировой буржуазии. Поэтому в нашем СССР мы имеем ВСНХ, который не только планирует промышленность, но который управляет наиболее важными отраслями промышленности, например угольной, металлической, нефтяной и т. д., от имени Союза. Приходят укаписты и говорят: “Нет, каждая республика должна управлять самостоятельно своей промышленностью – металлической, угольной и т. д.” Что это

означает? Это означает, что вместо того, чтобы Союз республик имел в своих руках основную базу хозяйственной жизни – крупную промышленность, вместо этого предлагается разделить ее по частям и предоставить каждой отдельной республике руководить самостоятельно, получая лишь основные указания от Союза. Мы на это не пойдем. Нам нужно такое управление, чтобы в руках нашего Союза против мировой буржуазии была единственная Красная армия и объединенный единый уголь, металл и т. д. – крупная индустрия, находящаяся в руках Советского Социалистического Союза»[357].

Разобрав детально аргументацию главных требований УКП, их, по оценкам старого большевика, политическую вредность, Николай Алексеевич делает вывод: «Что же представляет собой такое понимание Украинской Коммунистической Партией нашего Союза ССР? Это – типичная конфедерация, некоторое объединение в каждый данный момент противостоящих друг другу республик, государственных единиц. В понимании УКП Союз должен быть не единым монолитным целым, а некоторой совокупностью республик, спорящих между собой, исполненных взаимного недоверия. Федеративный союз, который они выдвигают как принцип, на практике сводится к тому, что они хотят уменьшить единство и мощь нашего Союза – экономическую мощь и военное объединение. По этим двум линиям бьет УКП. Можно ли признать, что это коммунистический взгляд? Нет, нельзя. Основная ошибка их в национальном вопросе заключается в том, что они не усвоили себе взгляда, который был принят коммунистической партией еще на II конгрессе Коминтерна: это – необходимость централизованного объединения»[358].

С такой же категоричностью Н. А. Скрыпник выступил и против попыток укапистов под любым предлогом ослабить прочность связей КП(б)У и РКП(б). Он отмечал, что в свое время, в 1918 г., ЦК РКП(б) принимал решение о самостоятельности КП(б)У, потому что Украина представляла отдельную государственную единицу. «Но мы, – продолжал он, – теперь создали определенное самостоятельное объединение, новое, лучшее объединение, называемое Союзом ССР, и соответственно этому государственному объединению мы объединяем и свои партийные силы и должны их объединить. Поэтому, наряду с КП(б)У и компартиями других советских республик, мы имеем объединение, называемое РКП. Если они недовольны тем, что наше партийное объединение называется РКП, в таком случае надо сказать, что РКП – это такое имя, которого не стоит стыдиться. Оно достаточно зарекомендовало себя перед

международным коммунистическим движением»[359].

Здесь, очевидно, стоит заметить, что, ставя принцип построения РКП(б) в логическую зависимость от принципов национально-государственного строительства, Н. А. Скрыпник отходил от исторической правды. Влияние скорее было обратным. И Скрыпник считал единство РКП(б) настолько важным и в определенном смысле даже священным, что вольно или невольно допускал и очевидные передержки в аргументации.

Не смущали Скрыпника и упреки вроде того, что действия коммунистов Украины, как и коммунистов других стран, входивших в Интернационал, противоречили демократизму, направлялись из Москвы, лишая отдельные партии самостоятельности. Он искренне был убежден, что революционные заслуги РКП(б) и Коминтерна перед мировым освободительным движением вполне оправдывают такое положение. Николай Скрыпник считал обоснованными и меры, которые практиковали советские власти против УКП, например запрет печатать программу, популяризировать ее, поскольку это выдавалось за контрреволюционную, «петлюровскую» агитацию.

Пожалуй, нельзя заподозрить Скрыпника в конъюнктурном подстрекательстве представителей Исполкома Коминтерна против укапистов, в разжигании страстей, а тем более – в стремлении воспользоваться личностными наклонностями И. В. Сталина, особенностями его характера, отражавшимися на отношениях с Коминтерном, входящими в него партиями, и все же нельзя избавиться от определенной горечи привкуса от сформулированных одним из лидеров КП(б)У выводов-предложений.

«Я думаю, – говорил Николай Алексеевич, – что каждая партия, принадлежащая к Коминтерну, может чего-нибудь требовать от Коминтерна, как партия, имеющая равные товарищеские права. Мы требуем обеспечения безопасности нашей работы от того, чтобы она постоянно дискредитировалась организациями, называющими себя “коммунистическими” и считающими себя принадлежащими к Коминтерну. Я думаю, что Коминтерн, рассмотрев их принципиальные положения и их деятельность, признает необходимым, чтобы эта вторая, наряду с КП(б)У, организация, называющая себя “Коммунистической”, была ликвидирована. Это – во-первых. Во-вторых, я думаю, что Коминтерн выскажется за то, чтобы из всех этих положений принципиального характера, которые мы выставили: в вопросе национальном – федерация, а не централизованное объединение; то же относительно экономического и военного объединения, противопоставление РКП(б), подрыв авторитета нашего

руководящего кадра в Политбюро ЦК РКП(б) и т. д., – чтобы по всем этим вопросам Коминтерн признал, что позиция УКП не является коммунистической. В-третьих, Коминтерн предложит, чтобы УКП созвала свой съезд и признала бы себя ликвидированной, чтобы каждый отдельный член УКП вступал персонально, ибо среди укапистов много лиц, которых нельзя будет принять. Те, кто становится на позицию Коминтерна, найдут себе место в наших рядах. И Коминтерн доверит Коммунистической Партии (большевиков) Украины, которая существует не первый год в рядах Коминтерна, провести работу по выяснению того, кто из укапистов является коммунистом и может вступить в наши ряды. Мы считаем, что дальнейшее положение, при котором легально или нелегально под именем коммунистическим ведется некоммунистическая работа, есть нетерпимым, и Коминтерн нам поможет устранить его»[360].

Методы авторитаризма, «отлучение инакомыслящих», вместо кропотливой работы на переубеждение, завоевания в честном поединке идейного превосходства, все более пробивали себе дорогу, и Н. А. Скрыпник не стал здесь исключением, хотя в дальнейшем, возможно, и сожалел, что в свое время сделал свой вклад в формирование, закрепление методов работы, которые приведут к тяжелейшим последствиям для целых партий, их руководителей, рядовых членов.

Конечно, откровенные, критические, с элементами острой полемики, часто бескомпромиссные выступления видного, авторитетного партийного работника бросаются в глаза, иногда способны создать впечатление: он только тем и занимался, что обличал различные недостатки, был фактически непримиримым, неудобным, даже неприятным в отношениях с товарищами. Это подкрепляется и некоторыми воспоминаниями о том, что его опасались, выступлений ждали обычно с настороженностью. На самом деле это далеко не так, или не совсем так. Николай Алексеевич писал немало острых статей, часто произносил публичные доклады и речи, в которых излагал сущность политики, осуществляемой партией, излагал перспективы и методы решения назревших проблем. Другое дело, что он владел умением в любой форме принципиально отстаивать свои убеждения.

Блестящим образцом здесь может быть небольшая, трехстраничная заметка «Союз Советских Социалистических Республик», опубликованная в газете «Известия» 5 июля 1925 г. по случаю приближения второй годовщины Конституции СССР. Николай Скрыпник дает краткую информацию об историческом пути от Октября до образования Советского федеративного

государства, а в его Основном законе фокусирует внимание именно на тех положениях, которые считал важнейшими, но такими, от сути которых уже начали отходить И. В. Сталин и его ближайшее окружение. Автор искусно прибегает к таким акцентам, конкретизациям, что каждый читатель как бы невольно еще раз мысленно начинает сравнивать основоположения главного государственного документа с фактами, как они выглядели в жизни на самом деле. Конституция СССР, пишет Н. А. Скрыпник, является «достижением долгой кровавой борьбы с контрреволюционным империализмом, в которой совместно боролись в одних рядах, составляли единую военную силу, совместными усилиями поднимали наше хозяйство рабочие и крестьяне – украинские, русские, тюркские, белорусские, то есть трудящиеся всех народов, освобожденных Октябрьской революцией. Мы стоим против капиталистического мира как единая коммунистическая сила рабоче-крестьянского союза, и потому Конституция устанавливает, что Союз ССР является единственным государством, где вся военная и экономическая мощь закаляется общими силами всех вольных народов под руководством единого правительства нашего союза. Это правительство Союза не русское или украинское, белорусское или грузинское, оно общее, единое общее, оно так же украинское, как российское, белорусское, армянское и тюркское, – оно образовано общим постановлением представителей всех трудящихся миллионов, всех освобожденных из-под бремени капитала народов, единственное правительство нашего Союза»[361].

И как своеобразное напоминание, предостережение звучит изложение сюжета о строении Верховного Совета СССР, призванного своей деятельностью обеспечить осуществление главных целей государственной политики. «Верховная власть Союза, Центральный Исполнительный Комитет СССР, – отмечает объективный аналитик, – состоит из двух частей, из двух палат: Союзного Совета, куда члены избираются общим голосованием съезда Советов Союза и Совета Национальностей, куда члены выставляются каждой республикой отдельно, и только потом общий список их утверждается всем съездом Советов СССР. Уже такой установленный Конституцией состав Верховной власти нашего Союза показывает, как наша Конституция на деле обеспечивает и единство нашей воли к подъему нашего хозяйства, и к военной обороне нашего развития, с одной стороны, и с другой стороны – свободное развитие и самоуправление каждого народа, входящего в Союз, как равноправного члена. Конституция Союза ставит в качестве одной из основ существования Союза, утверждение, что задачей Союза является обеспечение общей

силой союза суверенности каждой союзной республики»[362].

Когда Н. А. Скрыпник пишет о том, что именно к такому государственному объединению и к такой Конституции стремился украинский народ, призывает к всемерному укреплению Союза ССР, снова между строк вычитывается историческое предостережение: другие принципы деятельности не соответствуют интересам народов, а великое дело их освобождения не достигнет цели.

Как было показано выше, прочной связи, а тем более зависимости между курсом на мировую революцию и планами разрешения национального вопроса, национального строительства в СССР в теоретических расчетах Николая Алексеевича и партии в целом не было. А вот неблагоприятный внешнеполитический фактор, враждебное окружение единственного государства, строящего социализм, учитывались безусловно, были одними из достаточно убедительных аргументов в пользу укрепления Союза ССР.

Сегодня практика «завинчивания гаек» относительно «националов», централистские тенденции сталинского окружения в осуществлении партийного курса некоторые авторы спешат выводить не из действительных, а якобы мнимых угроз со стороны мирового империализма, выдумок сталинской официальной пропаганды. Здесь в очередной раз приходится встречаться с незнанием исторических фактов и попытками поспекулировать на этом.

Скрыпник никогда не был жертвой официальной пропаганды и не подстраивался под чьи-то взгляды. Его можно обвинять в субъективизме, идеализме, амбициозности, стремлении во что бы то ни стало навязывать окружающим свои взгляды, но не в приспособленчестве. Поэтому, если даже допустить, что в его представлении внешняя угроза гипертрофировалась, то и это заблуждение было искренним, бессознательным. Да и было ли оно таким уж самообманом?

В речи на V съезде Советов Союза ССР 22 мая 1929 г. Николай Скрыпник говорил: «Назревающие силы капиталистического мира,

пытающиеся подготовить наступление на наш братский союз вольных народов, хотят найти хотя бы небольшие, хотя бы какие-то трещины во взаимоотношениях народов нашего Союза для того, чтобы расширить их своим вмешательством и на разделе, на противопоставлении наших народов и трудящихся масс, подорвать силы нашего Союза. Мы можем констатировать целый ряд заявлений представителей империалистических сил, пытающихся противопоставить братскому союзу народов Союза

СССР отдельные народы, и прежде всего и больше всего в этом силятся сыграть на Украине. Мы встречаем целый ряд заявлений в немецкой, польской, английской, французской и другой прессе со стороны буржуазных политических деятелей и даже со стороны некоторых государственных деятелей, пытающихся противопоставить Украину Советскому Союзу, пытающихся наметить линию противопоставления украинского народа Союзу Советских Социалистических Республик»[363].

Особое возмущение Николая Алексеевича всегда вызывали попытки польских политиков вмешиваться во внутренние дела Украины, подстрекать ее народ на выступления против единства советских республик.

«Некоторые из представителей, особенно польской прессы, и польские политические деятели решались даже выступать с заявлением, что они считают необходимым поддерживать линию на «независимость украинского народа» против РСФСР и Союза ССР, – отмечал Николай Алексеевич. – Мы, украинцы, знаем цену этой «независимости», которую нам несли на штыках поляки в 1920 г., украинские помещики и капиталисты. Отпор, который тогда был дан рабочими и крестьянами Украины при поддержке трудящихся всех братских советских республик, показал, что украинский народ дает правильную оценку этим попыткам навязать нам такую якобы независимость, которая на самом деле стала бы зависимостью трудящихся украинского народа от власти помещиков и капиталистов»[364].

Вообще, к сюжетам взаимоотношений с Польшей, польско-советской войны 1920 г., о положении западноукраинских земель, покоряемых Польшей, украинский политик обращался очень часто. Думается, это вполне оправдано, учитывая расположение и переплетение исторических судеб соседних народов. К тому же Николай Алексеевич считал, что Польша – это лишь форпост и орудие недружественного мира в его отношениях с СССР.

Отстаивая марксистские подходы к национальному вопросу, поиски моделей его разрешения в Украине, в СССР, Н. А. Скрыпник не был склонен к квалификации национальной политики РКП(б) как безупречной, беспроблемной во всех отношениях. Не потому ли, учитывая очевидные отступления от исходных коммунистических принципов, немалые просчеты или умышленное пренебрежение национальным фактором, Николай Алексеевич постоянно стремился поднять значение национального вопроса в общественном сознании на должный уровень, пытался доказать необходимость его серьезнейшей теоретической разработки. И он добился, что 29 июня 1926 г. при Украинском институте марксизма была открыта кафедра по

национальному вопросу, которую он сам и возглавил. В речи при открытии кафедры он определил как главную ее задачу – исходя из Ленинских оснований «ставить этот вопрос, чтобы научно его разрабатывать и изучать» «сразу в трех направлениях, а именно – теории национального вопроса, политики национального вопроса и национальной статистики»[365].

По настоянию Скрыпника такие кафедры были созданы и в вузах, а дисциплина была введена в их учебные планы.

Кафедра же, возглавляемая Николаем Алексеевичем, его ходатайствами была признана Всесоюзной коммунистической академией центром для изучения национального вопроса всех национальных республик (учитывался как исторический опыт Украины – крупнейшей национальной республики, угнетенной в прошлом, и самым тесным образом причастной ко всем процессам национально-государственного строительства после Октября, республики с пестрым национальным составом и, как тогда оценивалось, накопленным значительным опытом налаживания форм их общежития).

Теоретическая и практическая деятельность Н. А. Скрыпника в области национального строительства была столь плодотворной, весомой, авторитетной, что в тот момент, когда надо было перенять эстафету «украинизации» от Александра Яковлевича Шумского, другой кандидатуры, казалось, было не найти.

VII. Жизненный апогей. Украинизация

С течением времени, когда человек мужает, накапливает опыт, непрерывно находится в работе, особенно творческой, поглощающей, первопроходческий, он все более убеждается, что все достигнутое им – это еще далеко не главное, ради чего он появился в этом мире. Это еще только ступени к заветным делам и свершениям, которые, конечно, впереди. Как правило, соглашаются считать прошлые годы важнейшими в жизни глубокие пенсионеры (хотя и для многих из них приход к такому выводу осуществляется не без внутренней психологической борьбы). Смирившись с тем, что остаток земного пути следует провести размеренно-спокойно, часть из них берется за подготовку мемуаров.

Однако было поколение, которое в большинстве своем не знало пенсий, не имело хотя бы короткого времени для неспешной работы над воспоминаниями, даже просто для того, чтобы вдоволь подумать над содеянным, пережитым. Это было поколение Н. А. Скрыпника. Каждый следующий день представлялся важнее вчерашнего, а очередное поручение, новое дело – ответственнее предыдущих.

Они смотрели не столько назад, сколько вперед, прилагали как можно больших усилий, чтобы приблизить день завтрашний, представлявшийся в мечтах, воображении, несомненно (!) – счастливым, радостным. И чаще всего, так и уходили из жизни, перепоручая потомкам самим решать, какие дела стали величайшей заслугой романтических ратников революционных баталий, первопроходцев нового общества, какие эпизоды и годы их биографий оказались самыми плодотворными, решающими, наиболее интересными.

Для Николая Алексеевича Скрыпника такое время – это, вне всяких сомнений, вторая половина 20 – начало 30-х годов. Ему не пришлось тогда занимать первых политических, государственных должностей в республике, как это было раньше, скажем, в 1918 г. Однако влияние его на процессы общественно-политической жизни УССР не только оставалось особенно значительным, оно неизмеримо выросло, и Николай Алексеевич был едва ли не самым популярным тогдашним политическим деятелем.

5 марта 1927 г. заседание Президиума Всеукраинского центрального исполнительного комитета Советов по докладу секретаря Президиума А. И. Буценко постановило: «Назначить

Народным Комиссаром Образования УССР тов. Скрыпника Н. А., освободив его от обязанностей Народного Комиссара Юстиции и Генерального Прокурора УССР, согласно его просьбе»[366]. Через два дня соответствующее решение приняло правительство республики. Скупые строки протоколов не дают ответа на вопрос, о чем просил Николай Алексеевич – об освобождении от предыдущих должностей, назначении на новый ответственный пост или обо всем вместе. И вообще, мог ли он просить о таком решении в отношении себя? Ведь хорошо известно, что подобные дела тогда не решались по чьему-либо субъективному желанию.

Однако, как бы там ни было, новое назначение было бесспорным служебным повышением. Это в последние десятилетия, когда образование, наука, культура финансируются по так называемому остаточному принципу, когда в системе приоритетов им отводится второстепенная роль, кажется, почти все привыкли, что руководители соответствующих отраслей не являются лицами наибольшего веса в правительственной иерархии. Но в 20-30-е годы XX в. ситуация была совсем иной.

Во-первых, коренные изменения, которые происходили в базисных сферах общества, в экономике, требовали соответствующих существенных сдвигов в духовной жизни, широкомасштабного образования населения, подготовки огромного количества специалистов, то есть того, что было принято называть культурной революцией – одной из важнейших составляющих социалистического строительства. А Наркомат просвещения того времени руководил не только общим начальным и средним образованием, средними и высшими педагогическими заведениями, средними и высшими профессиональными школами, но и занимался развитием науки, литературы, театра, кино, музыки, изобразительного искусства. При Наркомате образования УССР существовали следующие отделы: Главнауки, который руководил всеми научно-исследовательскими учреждениями, включая Всеукраинскую академию наук; Главполитпросвета, направлявшего деятельность городских клубов, сельстроя, изб-читален в деревне, библиотек, а также соответствующих учебных заведений; Главлита, который контролировал издательский процесс в республике. К тому же Наркомату образования было подчинено Государственное издательство Украины (ГИУ) с Книжной палатой, которая регистрировала все издания, осуществляла обмен литературой с зарубежными издательствами и научными учреждениями. Стоит вспомнить и то, что Н. А. Скрыпник параллельно с должностью наркома занимал пост директора Всеукраинской ассоциации Марксо-Ленинских институтов (ВУАМЛИН), руководил

Ассоциацией историков, был секретарем фракции ВУАН, главным редактором Украинской советской энциклопедии, редактором издания произведений В. И. Ленина на украинском языке.

Во-вторых, Николай Скрыпник был членом Политбюро ЦК Компартии Украины, фактически первым лицом, от позиции которого зависели чрезвычайной важности партийные решения в идеологической области, во всех сферах духовной жизни. Судя по всему, историк И. М. Кошеливец отчасти прав, отмечая: «Конечно, и тогда ЦК КП(б)У руководил всем, но о подчинении ему можно было бы говорить лишь в том смысле, что сам же Скрыпник, как член Политбюро, и определял там линию, которую практически в НКО (наркомат образования. – *В. С.)* осуществлял, потому что в ЦК КП(б)У даже не было такого отдела, которому НКО мог подчиняться, а Агитпроп ЦК, который мог иметь какое-то отношение к вопросам образования и культуры, возглавлялся тогда второстепенными фигурами, которые никогда к Политбюро не принадлежали, и скорее Скрыпник командовал ими, нежели они могли давать ему какие-либо указания.

Так в руках Скрыпника с начала 1927 года оказались все рычаги от народного образования и культуры, и благодаря неусыпной его энергии он владел тогда чуть ли не половиной всего советского строительства на Украине»[367].

Наверное, Кошеливец все же превышает реальную роль наркома образования в тогдашних процессах. Однако влияние Николая Алексеевича на духовную жизнь республики, на процесс украинского национального возрождения, который позже одни назовут историческим, а другие – расстрелянным, объективно был весьма существенным.

Следует, очевидно, оговориться относительно формального, хотя и не лишенного содержательной нагрузки, вопроса. В документах 20-30-х годов должность Н. А. Скрыпника воспроизводится в двух вариантах – «народный комиссар образования» (сокращенно – наркомобр – на украинском языке: нарком освіти – наркомос) и народный комиссар просвещения (наркомпрос – на украинском языке: нарком просвіти – наркомпрос). Поскольку аналогичная структура в Совете народных комиссаров СССР именовалась народным комиссариатом просвещения, думается, в издании на русском языке с целью устранения разночтений далее целесообразно использовать термины наркомат просвещения и нарком просвещения (наркомпрос), оставляя словосочетание «нарком образования» лишь в случаях цитирования источников.

В-третьих, объективные моменты в данном случае органично дополнялись субъективным фактором. Николай Алексеевич

Скрыпник был, безусловно, одним из самых талантливых тогдашних руководителей республиканского, да и, пожалуй, союзного ранга. Сама его натура была глубоко творческой, «жадной» к интеллектуальному труду, даже неуемной в этом отношении. Немаловажным было и то, что нарком просвещения вовсе не считал себя только уполномоченным от партии или правительства на культурном фронте, как значительное число работников того времени, в основном не очень образованных, не подготовленных к такой сложной, тонкой, деликатной роли (большинство из них – к их чести – это понимали, признавали и считали свою миссию вынужденной обстоятельствами, временной). Николай Алексеевич имел свое собственное мнение в каждом из сложных вопросов культурно-духовного процесса, имел свой компетентный голос, с которым считались. Он завоевал право говорить на равных с деятелями науки, культуры, художниками своей значительной профессиональной подготовкой, своим весомым творчеством.

Высокий авторитет в кругах интеллигенции Н. А. Скрыпник получил еще задолго до того, как возглавил Наркомат образования, поскольку вопросы духовной жизни всегда вызывали у него живой, повышенный интерес, неизменно привлекали. Для своего времени он по праву считался одним из самых образованных и одаренных партийных и государственных деятелей. Хотя на расширение кругозора, на углубление знаний, казалось бы, было не так много времени и всего приходилось добиваться самому, уровень его эрудиции в различных сферах, в том числе научной, – просто ошеломляющий. Библиография опубликованных работ превышает 800 единиц. Не было сколько-нибудь важного события, общественно значимой проблемы, на которую бы он не откликнулся. Фамилия Скрыпника-автора годами не сходила со страниц периодики. Достойно всяческого удивления разнообразие тем, к которым он обращался. Впрочем, темы диктовались жизнью, а она была разнообразной, бурной, даже взрывной в те переломные, непростые времена.

К этому важно добавить еще и то, что развитие науки, культуры, искусства происходило в 20-е годы в значительной степени на почве национального возрождения, в условиях активизации национального фактора. Николай Алексеевич и тут чувствовал себя достаточно уверенно, поскольку все годы работы в Украине продолжал углубляться в национальный вопрос, считался одним из его признанных теоретиков.

Поэтому приход Скрыпника на должность наркома просвещения сам по себе воспринимался как в целом оправданный, закономерный. Хотя нельзя сказать, что смена

наркомов не вызывала и вопросов. До Николая Алексеевича этот пост занимал Александр Яковлевич Шумский – интеллектуал и опытный политический работник с непростой судьбой. Выходец из партии боротьбистов, он душой воспринял Советскую власть, преданно работал в интересах ее укрепления и одновременно очень болел за суверенитет своего народа, родной Украины. С его именем и деятельностью на посту наркома просвещения связан первый, достаточно плодотворный этап в осуществлении политики украинизации. Но воспринималась украинизация непросто, часто с предосторожностями и вызвала, в конце концов, негативное отношение к ее активному поборнику со стороны И. В. Сталина и Л. М. Кагановича. Последний возглавлял в то время ЦК КП(б)У. В конфликте с ним Шумский оказался, к сожалению, практически в изоляции. Большинство руководящих работников республики поддержали сторону выдвиженца Сталина – Кагановича. Не оставался в стороне от упомянутых событий и Николай Скрыпник. Он неоднократно весьма критически выступал против Шумского, прибегал к бескомпромиссным оценкам его взглядов и деятельности. Именно Скрыпнику принадлежит и термин «шумскизм». Он родился в ходе зажигательной полемики и, несмотря на, казалось бы, очевидную алогичность (Николая Алексеевича позже немало критиковали за то, что явление, идейно-политическое течение он отождествил с деятельностью только одного человека, хотя сам он так никогда не утверждал, хорошо понимая такие вещи, и говорил о шумскизме как феномене, получившем определенное распространение), достаточно прочно вошел в тогдашний политический лексикон. И сегодня без него также не обходятся, хотя и с оговорками.

А в 1927 г., незадолго до того, как Николай Скрыпник занял пост, на котором до того пребывал Александр Шумский, в теоретическом органе ЦК КП(б)У – «Большевике Украины» появилась довольно обширная статья «Хвылевизм или шумскизм?». Собственно, это был ответ на доклад Шумского «Идеологическая борьба в украинском культурном процессе», произнесенный на собрании коммунистической ячейки Наркомпроса 25 ноября 1926 г. и опубликованный в том же номере (№ 2) журнала. Можно сказать, что это было несколько больше ответа – придирчивый критический разбор взглядов тогдашнего наркома просвещения.

Не вдаваясь здесь в сущность предмета споров, важно обратить внимание на характер реализации задачи, которую поставил перед собой Н. А. Скрыпник. Анализируя выражения А. Я. Шумского, заимствованные из его выступлений в течение

почти всего 1926 г., автор статьи в «Большевике Украины» целенаправленно стремился доказать неискренность поведения своего коллеги по правительству, критиковал за его отход от духа партийных решений и всячески укорял за то, что у него не хватило мужества признать ошибочность своей предыдущей и новейшей позиции, коварно рассчитанной на выгораживание националистического уклона, националистических порывов и рецидивов. Все это в конечном счете – недопустимый «грех» против пролетарского дела, интернационализма, который простить наркому образования никак нельзя[368].

В таком же духе была выдержана и значительная часть доклада Николая Алексеевича на пленуме ЦК КП(б)У 7 июня 1927 г. «Националистический уклон в КПЗУ», где уже вдогонку виценаркому летели все те же обвинения в нежелании покаяться за все «грехи» вместе взятые и никогда не существовавшие (а в КПЗУ этого не понимали и протестовали против высылки А. Я. Шумского с Украины)[369].

Возможно, перед своей смертью, и даже несколько раньше – уже с начала 1933 г. Н. А. Скрыпник не раз с болью и сожалением вспоминал о своих выступлениях против А. Я. Шумского. Ведь от него – Скрыпника – требовали точно того же, что и он в свое время требовал от Александра Яковлевича. Казалось, что сценарий (даже во многих деталях) или заимствован из его же – скрыпниковского – арсенала, или же вообще он оказался «универсальным» и иезуитски был изобретен в другом месте, другими авторами и как-то незаметно-ловко «подброшен» человеку, принципиально считавшему недостойным говорить (или писать) «с чужого голоса».

И все же думается, что тогда, в середине – второй половине 20-х годов во время жарких споров Николай Алексеевич ни на минуту не задумывался над судьбой Александра Шумского. Это было просто не в его натуре. Осторожничать он вообще не привык (может быть, и не умел). И, пожалуй, даже в последний период своей жизни, когда уже он сам стал основной мишенью для обвинительных стрел за осуществление той же политики украинизации, он не слишком сожалел по поводу некоторых своих опрометчивых, чересчур прямолинейных высказываний, шагов относительно своего предшественника. Скорее всего, Николай Алексеевич не считал, что критика им Шумского носила разносный и перестраховочно-угодливый характер. Если же в ней наряду со вполне верными, взвешенными аргументами случались и «перегибы», субъективизм, вытекали они из особого понимания Скрыпником (таким он уж был всю жизнь) сложных теоретических и политических проблем.

Конечно, от этого А. Я. Шумскому было, как говорится, не легче. Однако для самоубеждения и определенного самооправдания без таких соображений Николаю Алексеевичу было явно не обойтись. Поэтому и от мыслей об аналогии судеб основных действующих лиц политики украинизации он решительно отмахивался.

Справедливости ради следует возразить против достаточно распространенного мнения (его придерживается и упомянутый исследователь И. М. Кошеливец), согласно которому создателем, «отцом украинизации» был Н. А. Скрыпник. Именно ему автор, например, ставит в прямую заслугу все достижения этой политики.

Думается, что закреплению этой точки зрения в значительной степени способствовало то, что в общественном сознании реабилитация Н. А. Скрыпника, пусть и неполная, с определенными оговорками, все же состоялась в конце 50-х годов, тогда как до А. Я. Шумского очередь и в юридическом, и в научном планах дошла лишь в конце 80-х годов XX в. Поэтому, вовсе не собираясь уменьшить вклад Н. А. Скрыпника в осуществление национальной политики в республике, отчасти и за ее пределами, в 20-30-е годы, стоит все же искать объективные, адекватные оценки, которые не игнорировали бы, не принижали роли других политических деятелей, о которых пока известно несколько меньше, в том числе – и в плане рассматриваемых вопросов.

Вообще же что касается самого феномена украинизации, на протяжении долгих десятилетий опубликовано множество исследований и научно-популярных работ, проведено столько дискуссий, что, казалось бы, никаких вопросов ни на теоретическом, ни на фактологи-чески-личностном уровнях возникать не должно. Однако это совсем не так. И даже совсем наоборот. Здесь накопилось немало путаницы, время от времени публикуются самые неожиданные – до откровенно абсурдных – концепции и выводы. Вряд ли стоит в данной работе на них останавливаться. Однако нельзя и не отреагировать хотя бы на один из подходов, который в последнее время особенно настойчиво пропагандируется.

Зародился он еще в утробе советской историографии. А сущность, согласно доминирующим тогда общесоциологическим схемам, детерминировалась тем, что Коммунистическая партия – самая передовая теоретическая сила общества – упреждающе, предусмотрительно разработала концепцию коренизации как составляющую своей национальной политики. За счет коренизации – подготовки в национальных регионах кадров из

коренной национальности, их привлечения к социалистическому строительству, выдвижения на руководящие должности и т. д. – планировалось приблизить интересы основной массы населения национальных регионов к задачам укрепления Советской власти, в результате слить их, эти интересы и задачи. Соответственно, в Украине коренизация приобретала характер и формы «украинизации». А истоки ее отыскивали в решениях X и XII съездов РКП(б), состоявшихся в марте 1921 и апреле 1923 г.

В последнее же время, отталкиваясь от вышеприведенного и всем хорошо известного, начали активно доказывать, что главное в политике украинизации вовсе не ее национальная направленность, расчеты (на самом деле, дескать – здесь только голый обман, удобная ширма для легковерных и малосообразительных). Сущность надо искать в термине «коренизация» – а его уже можно толковать не как стремление сделать Советскую власть родной для коренной национальности, а любой ценой внедрить, укоренить (само слово «корень» слишком удобное для поливариантных подходов) Советскую власть, значит власть Коммунистической партии в любом регионе, в том числе и в Украине. В Украине же – прежде всего, поскольку это преимущественно крестьянская украинская нация, которая якобы априори отдает предпочтение только национальной власти, а ко всякой другой, в частности советской, всегда была враждебной.

Однако термин «украинизация» громко звучал уже тогда, когда ни о какой коренизации как общенациональной политике и речи не могло быть (само понятие «коренные народы» вообще появилось позже). Еще в 1917 г., с началом Украинской революции, устами ее лидеров – М. С. Грушевского, В. К. Винниченко, С. А. Ефремова, И. М. Стешенко, Н. В. Порша, С. В. Петлюры и др. – термин «украинизация» был произнесен как одна из насущных задач, целей освободительного движения, как величественная цель духовного взлета, национального возрождения. И это было не только слово. Украинизация стала реальной политикой. Сотни украинских журналов, книг и брошюр, распространялись среди нации, которая стремилась как можно быстрее самоосознать себя неким особым и

полноценным организмом – и поэтому с жаждой поглощала все, что касалось ее истории, духовности, культуры – едва ли не самое яркое свидетельство качественных сдвигов в национальной жизни.

А украинизация войска, усилия по формированию национальных вооруженных сил?! Оставляя в стороне вопрос о ее результативности, стоит вспомнить, что именно политика

украинизации армии привела к острейшим конфликтам Центральной рады с Временным правительством и Совнаркомом Советской России.

А создание украинских школ, гимназий, университетов, академий, библиотек, театров, приобретшее массовые масштабы, стало еще одной важной приметой нации, которая сбрасывала с себя вековые узы и входила в мировое пространство с собственным именем и с такими бесконечно светлыми надеждами…

Что потребность украинизации – это настоятельное, неотложное требование времени, тогда же, в 1917 г., ощутили и большевики – глашатаи интернационализма. Определенные подтверждения тому – это спорадические порывы поддержки отдельных требований, шагов Центральной рады, даже кратковременные вхождения в ее состав в критические, кризисные политические моменты. А еще больше – это стремление большевиков-украинцев приблизиться к собственной нации через попытку создания партии украинских большевиков[370].

Бесспорно, в этом же ряду и появление первого манифеста украинских национал-коммунистов – В. Шахрая и С. Мазлаха «К моменту. Что происходит на Украине и с Украиной?» («До хвилі. Що дієтьсяна Україні і з Україною?») (1919 г.), и попытки выработать особые варианты партийного строительства в Украине группой «федералистов» во главе с Г. Ф. Лапчинским, Я. Ландером, П. П. Поповым.

Своеобразным проявлением движения на «встречном курсе» может рассматриваться сложный процесс эволюции значительной части национальных партий – Украинской партии социалистов-революционеров и Украинской социал-демократической рабочей партии к позициям большевизма и Советской власти. Речь о боротьбистах, которые в результате в августе 1919 г. оформились в украинскую коммунистическую партию (боротьбистов) и «незалежников», что вместе с определенной частью «боротьбистов» конституировались в январе 1920 г. в Украинскую коммунистическую партию. Не случайно из их среды выйдет немало личностей, которые сделают весомый вклад именно в украинизацию, – В. М. Эллан (Блакитный), А. Я. Шумский, Г. Ф. Гринько, А. А. Речицкий, О. Ю. Гермайзе и др.

Специфическим поиском путей закрепления, упрочения, развития национально-своеобразного в сочетании с революционно-творческим, социально-перспективным были и винниченковские концепции Трудовых Советов и Республики трудового народа, а также его отчаянные попытки в 1920 г.

«выбороть» у советского руководства гарантии «украинскости» для национально-государственного образования под названием Украинская Социалистическая Советская Республика.

Пожалуй, нелишне вспомнить и о том, что комиссия по украинизации в УССР была создана постановлением ВУЦИК и СНК еще весной 1920 г.[371]

Особую важность проблемы украинизации довольно рано осознал и Николай Алексеевич Скрыпник. Как было выше показано, еще в работе «Донбасс и Украина (Из истории революционной борьбы на Украине 1917–1918 гг.)», вышедшей в 1921 г., вдумчивый аналитик и политический прогнозист весьма убедительно доказал: будущее Советской Украины в огромной степени будет зависеть от внимания, которое неизбежно должны будут придать Коммунистическая партия, пролетариат эффективному приближению к национальной сущности жизни подавляющего большинства населения региона, в частности овладению украинским языком, украинской культурой, преодолению пренебрежительного отношения к ним.

Видимо, не случайно позже, когда приходилось идейно противостоять теории борьбы двух культур (одна из статей так и называлась – «К теории борьбы двух культур»), Н. А. Скрыпник обращался к своему труду 1921 г. и, повторяя его основы, доказывал глубинную детерминированность политики украинизации, а не ее искусственность, надуманность[372].

Николай Алексеевич твердо отстаивал необходимость украинизации как насущной стратегической необходимости социалистического строительства вообще. В выступлении на апрельском (1925 г.) пленуме ЦК КП(б)У «Ликвидировать люксембургианство» он снова и снова подчеркивал: «Вопрос смычки рабочего класса с крестьянством осложняется здесь, на Украине, тем, что рабочий у нас в основном русский язык, а крестьяне – преимущественно украинцы.

Чтобы наш пролетарий мог научить украинского крестьянина говорить, думать и делать по-коммунистически, надо, чтобы наш рабочий научился говорить с украинским крестьянином на украинском

языке. Для культурного, духовного и для коммунистического влияния нашего пролетариата на наше крестьянство необходимо, чтобы наш пролетарий завоевал для себя оружие культурной смычки, культурного влияния на крестьянина – украинский язык. Рабочий так должен подойти к крестьянину, чтобы он мог изучить, понять его культуру. Без этого культурное развитие крестьянства пойдет не под руководством пролетариата и его партии, а под руководством мелкобуржуазной,

националистической интеллигенции»[373].

Такая, действительно многократно продуманная, в буквальном смысле слова выношенная позиция стала одним из основных элементов поведения Николая Скрыпника во время многочисленных дискуссий, которые велись в общественной, интеллектуальной жизни Украины все 20-е годы, была одной из самых примечательных ее признаков. А дискуссий он не избегал, не боялся. Наоборот – постоянно стремился к тому, чтобы чего-то важного не пропустить, чтобы обязательно сделать собственное мнение достоянием общественности, более того – добиться, чтобы оно стало доминирующим, победным.

А потом в дело осуществления политики украинизации нарком Н. А. Скрыпник мог включиться сразу, «без раскачки», окунуться как в нечто совершенно обычное, точнее – даже продолжить то, что делалось и раньше, однако теперь с большими полномочиями, большими возможностями.

Его тогда, конечно, особенно привлекала перспектива тех действительно захватывающих, грандиозных сдвигов, которую обещало осуществление избранного партией курса. Видимо, совсем не случайно уже десятилетия назад один из самых основательных и самых авторитетных знатоков национальной проблемы, человек, чей личный жизненный пример придает чрезвычайную нравственную убедительность теоретическим обобщениям и выводам, – И. М. Дзюба, очень высоко оценит украинизацию. Он напишет, что это «была попытка истинно интернационалистской политики, намеченной прямыми указаниями Ленина и постановлениями съездов и КП(б)У, поддержанная и одобренная Коминтерном», что это была «широкая политическая концепция»[374], которая предусматривала:

1) воспитание трудящихся Украины в революционно-классовом духе и в духе понимания своей национальной принадлежности, своей ответственности за национальное социалистическое строительство Украины, понимание социалистической национальной государственности, воспитание национального сознания и достоинства и интернационалистского отношения к другим народам;

2) воспитание российского населения в Украине в духе уважения и внимательного, дружеского отношения к украинской национальной жизни и строительству, к культуре, языку, традициям и т. д., поощрения к познанию и изучению украинской культуры, истории, языка, к соучастию в создании новых национально-культурных ценностей при одновременном обеспечении национально-культурных потребностей россиян как

национального меньшинства в Украине;

3) украинизация партийной, советской, всей общественной жизни;

4) украинизация хозяйственной и научно-технической жизни;

5) украинизация крупных городов и промышленных центров;

6) овладение пролетариатом украинским языком и культурой, воспитание пролетариата на этом языке и культуре и превращение пролетариата в их активного творца;

7) украинизация школьного дела, технического, профессионального высшего образования;

8) украинизация культурно-образовательного дела;

9) содействие самому высокому развитию всех отраслей украинской культуры;

10) обеспечение Украине необходимого минимума экономически-хозяйственной инициативы;

11) то же в сфере политической и дипломатической;

12) обеспечение национально-культурных интересов нескольких миллионов украинцев, проживающих в других республиках, более всего в Российской Федерации; в перспективе объединения с Украиной смежных земель с украинским большинством населения (на Дону, Курщине и др.) и т. д.[375]

Думается, есть смысл в том, чтобы привести и следующие, глубоко объективные, справедливые и искренние слова И. М. Дзюбы, естественно с учетом момента их написания – конца 60-х годов прошлого века. Характеризуя сущность, масштабность, перспективные возможности политики украинизации, он отмечает: «…Вопрос ставился основательно и серьезно. Именно так и должны были его ставить коммунисты Украинской Советской Республики, народ которой 450 лет был под колониальным гнетом (свыше 150 – польским и около 300 лет – российским) и, получив наконец свободу, должен был наверстывать свои элементарные права.

Если бы этот курс был осуществлен, то Украина, несомненно, сверх своих нынешних успехов в экономике, науке и частично искусстве имела бы несравненно больше и радовала бы все нации Союза, все народы социалистического содружества самобытностью своего социалистического лица, яркостью и динамичностью своей национальной культуры, всесторонним расцветом национальной жизни, – была бы настоящим (а не пропагандистским) наглядным и гипнотизирующим образцом плодовитости ленинской постановки национального дела для всех молодых национальных государств Азии и Африки, для всех национально-освободительных движений»[376].

Так как же во время, когда открывались такие

величественные перспективы, Николаю Скрыпнику было не вдохновляться оптимизмом, не переполняться чувством высокого удовлетворения от прямой причастности к такому историческому делу?!

* * *

Не так просто определить, как соотносились приоритеты среди многочисленных функций, которые пришлось одновременно, параллельно выполнять народному комиссару просвещения Николаю Скрыпнику. Сама жизнь подсказывала: любые из задач культурнодуховной сферы, буквально «вопивших» о себе, можно было смело относить к главным, самым главным, первостепенным, первоочередным, насущным, неотложным…

К тому же и Николай Алексеевич, так сказать, «со старта» так повысил престиж культурно-образовательных процессов, что никому уже не удалось бы снизить взятую «планку» в целом, или хотя бы какую-либо из ее составляющих.

Уже в день своего официального назначения правительством на наркомовскую должность – 7 марта 1927 г. – Н. А. Скрыпник выступил с достаточно основательной речью на Всеукраинском совещании профсоюзных библиотечных работников. Назвав свое выступление «Линия образовательной работы в строительстве социализма»[377] (уже этим как бы подчеркивался особый, в духе программного, характер речи), новый нарком не особенно останавливался на объяснениях недостаточной готовности для ответов на самые сложные вопросы. Разве что отметил: будет учиться делу «в борьбе» и следить, чтобы ошибок было как можно меньше. А залогом этому должны были стать «два кита»: «действительное уважение к настоящей науке» и «целостная и прочная постоянная связь с рабочими массами»[378].

Интересно, что уже тогда новоназначенный народный комиссар продемонстрировал всю широту видения стратегических задач, которые вставали перед отраслью, и не побоялся в собственном ключе интерпретировать постановление ЦК КП(б)У, что, очевидно, могло быть и одной из решающих предпосылок, причинных звеньев прихода его на новое поле деятельности. «Резолюцию ЦК КП(б)У от 4 марта 1927 года в деле народного образования, – подчеркнул Николай Алексеевич, – нужно рассматривать не только с точки зрения достижений и недостатков в предыдущей работе Наркомпроса. Это был бы узкий подход. Дело не в том, что были те или иные достижения или недостатки в работе, либо что не выполнено то или иное,

дело в том, о чем именно резолюция говорит, а именно что в работе Наркомпроса мы переходим к новым этапам и к новым задачам, которые перед нами стоят. Эти задачи заключаются, прежде всего, в том, чтобы дело образования проводить соответственно и рядом с задачами индустриализации нашей страны, подъема нашего хозяйства. Огромные задачи, стоящие перед нами в области экономики, можно осуществить тогда, когда будет не только нужно общее сознание, но и организовано сознание, что является целью работы всех культурно-образовательных органов и, прежде всего, Наркомпроса»[379].

Проходит всего лишь неделя, кажется, за столь малое время Н. А. Скрыпник и вверенное «хозяйство» не мог как следует принять, а он 15 марта выступает с новой речью – теперь уже на пленуме ЦК Ленинского коммунистического союза молодежи Украины. И хотя формулировка названия речи, на первый взгляд, несравненно локальнее предыдущей – «Задачи комсомола в культурно-образовательной работе Наркомпроса»[380], автор пошел значительно дальше в определении той роли, которую отводил культурной революции в жизни советского общества. Лейтмотив выступления – «наше образование является неразрывной частью и предпосылкой целой задачи построения социализма в нашей стране»[381].

Логика Скрыпника была довольно простой и эффективной. Он поднимал значение отрасли, которой руководил, очевидно, не по привычным стандартам, через усилия по убеждению общества в том, что она (отрасль) имеет свою специфику, особую самоценность и тем выделяется, требует к себе исключительного отношения, а совсем наоборот – органическим ее подчинением стратегической, программной цели всего общества, превращением в неотъемлемую часть достижения самой цели, по сути, слиянием с этой целью.

Общепринятым считалось, что существует три главных «фронта», на которых концентрировались усилия советского общества: забота о военной обороне Союза ССР, хозяйственное строительство и культурная революция. Нарком образования считал, что новый этап общественного развития детерминирует прочную увязку двух последних сфер, понимание того, «что культурно-образовательные задачи являются не отдельными, а входят неразрывной, неделимой частью в общую задачу перестройки нашей экономики, в общие задачи строительства социализма в нашей стране»[382].

Можно удивляться по поводу того, как молниеносно-быстро новый нарком мог осознать всю глубину задач той сферы, в которую только погрузился. А можно подойти к оценке его

деятельности и несколько иначе – его представления, позиция не были спонтанными, они были выношены в процессе длительных размышлений над сущностью тогдашнего момента в целом, над сложностью, масштабностью проблем, которые решало все общество. И Николай Скрыпник еще и еще раз демонстрировал, что он не желает (наверное, просто не может) сознательно ограничивать свою деятельность каким-то узким плацдармом, не может быть только добросовестным функционером, старательно, дисциплинированно выполняющим определенные предписаниями и инструкциями функции, и совершенно безразлично относится к тому, что его, кажется, непосредственно не касается.

Без особого риска ошибиться можно смело утверждать, что личностей с подобного рода мышлением, кругозором не только в украинском политическом истеблишменте, но и на союзном уровне было слишком мало. Здесь Николай Алексеевич достигал уровня такого общепризнанного интеллектуала, эрудита, импровизатора, талантливого творца социалистической культуры, как Анатолий Васильевич Луначарский. По крайней мере во многих ситуациях – выступлениях на различных форумах и в прессе, во время деловых встреч и т. д. – Скрыпник не только не пасовал, как другие, перед российским наркомом с блестящим европейским образованием – выходцем с Украины (Луначарский родился в Полтаве, учился в Киевской гимназии), вел себя достойно и убедительно, но и в необходимых случаях позволял себе публично не соглашаться с авторитетным союзным наркомом, принципиально отстаивать свои позиции, настаивать на своей правоте. И никогда, и ни у кого, включая того же Луначарского, это не вызвало ни удивления, ни протеста. Скрыпник всегда был абсолютно ясен, некорыстен в своих стремлениях и последователен в поступках.

Приобретая опыт на просветительной ниве, в руководстве образовательными процессами, в своих более поздних крупномасштабных акциях (доклады на заседании месткома Наркомата просвещения 13 февраля 1929 г. «Задача народного образования в культурной революции», на VII Всесоюзном съезде работников образования СССР 5 марта 1929 г. «Основные задачи культурно-просветительной работы в эпоху реконструкции социалистического хозяйства», систематически публиковавшихся статьях)[383] Николай Алексеевич без устали «бил в одну цель» – убеждал слушателей, читателей, всех соотечественников в том, что образовательно-культурное дело не самоцель, а ключевое звено осуществления текущих, еще больше – перспективных планов. «Культурная работа, – энергично настаивал нарком, – выдвигается не как вопрос “лучшего” и “хорошего” вообще, а как

вопрос обязательного и безусловно нужного, необходимого для хозяйственной продукции… *На неграмотном рабочем, который только что пришел от сохи, на необученном рабочем новой, реконструированной промышленности не построишь. Реконструировать промышленность – это значит реконструировать рабочий класс, реконструировать культурное состояние рабочей силы…* Неграмотный крестьянин не может организовать коллективы и кооперативы, продвигать сельское хозяйство на более высокую техническую ступень»[384].

Поэтому так искренне болеющего за порученное дело наркома волновали проблемы в образовательной сфере, отставание в осуществлении планов ликвидации неграмотности, введения элементов общего обучения. «Не ликвидировав неграмотность, – горячо убеждал нарком, – и не переведя всеобщего начального обучения, мы тем самым не выполняем определенной части социалистического строительства и подорвем социалистическую перестройку страны в целом»[385].

Не удовлетворяясь существующим положением дел, Скрыпник беспощадно критиковал себя самого, ведомство, которым руководил, Наркомат просвещения РСФСР за то, что в течение двух лет не удалось убедить в своей правоте армию партийных и советских функционеров, «фактически уже на два года опоздали» с адекватной постановкой задач в духовно-культурной сфере «перед целым образовательным объединением нашим и всеми работниками в целом»[386]. Такие подходы были определяющими для него как идеолога, теоретика культурной революции. И они же были определяющими для всей его конкретной деятельности, поведения, избрания форм, методов, ритма работы.

Наркомом просвещения ежедневно решалась масса конкретных дел, которые даже перечислить трудно. Это, в частности, вопросы дополнительного зачисления студентов в вузы, восстановления в учебных заведениях отчисленных студентов, установления стипендий, предоставления жилья в общежитиях, распределения выпускников вузов, материального обеспечения преподавателей, учителей, назначения пенсий, пособий, зарубежных командировок, издания и распространения учебников, присвоения почетных званий и еще много и много других.

В фондах народного комиссариата просвещения УССР, хранящихся в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины, отложилось большое количество документов, которые помогают в общих чертах «реконструировать» повседневную деятельность Николая

Алексеевича, «почувствовать» атмосферу, темп жизни.

Прежде всего, бросается в глаза высокий уровень организованности, оперативности в работе руководителя ведомства. Речь не только о количестве вопросов, которые приходилось рассматривать, числе посетителей, которых приходилось принимать. Не менее впечатляет, что по поводу буквально каждого запроса, просьбы, предложения, жалобы нарком тут же собственноручно писал резолюцию-решение. Нередко это принимало формы развернутого документа на несколько пунктов, иногда – на несколько страниц. Решался не только конкретный вопрос, но и делались выводы, давались поручения, высказывались соображения по совершенствованию деятельности ведомства касательно возбуждаемых проблем[387].

Вообще подход к делам у наркома был очень ответственный. При подготовке докладов, выступлений Николай Алексеевич внимательно изучал представленные материалы, тщательно их анализировал, отбирал, создавал варианты. Иногда заранее готовились и размножались тезисы будущего доклада, собирались и анализировались мнения и предложения работников ведомства. Так, брошюра с текстом тезисов наркома образования УССР на Всесоюзном съезде работников образования (1929 г.) заранее была издана на украинском и русском языках тиражом в 600 экземпляров и широко обсуждалась[388].

Отстаивая, прежде всего, интересы дела, стремясь быть всегда принципиальным, объективным, Н. А. Скрыпник иногда оказывался в плену тогдашних новых представлений о нравственности, справедливости, целесообразности. Так, например, получив жалобу актеров Харьковской оперы на директора, который на последний спектакль назначил актеров – не премьеров, как того требовала театральная традиция, нарком 30 марта 1928 г. ответил: «Указать актерам, подавшим такое заявление, что наша опера новая и потому старых традиций мы не признаем, поскольку они мешают работе»[389].

Не обошли Скрыпника и настроения бюрократических перестраховок, порожденные нагнетанием атмосферы подозрительности, массовой нетерпимости, которые все более проявляли себя как упрочивающиеся тенденции. Так, когда известный в международных научных кругах ученый, профессор С. Л. Рудницкий попросил у наркома просвещения разрешения на командировку в Берлин, где на юбилее Географического общества в мае 1928 г. должны были отметить выдающиеся достижения украинского исследователя, Николай Алексеевич наложил предварительную осторожную резолюцию: «Предложить Укрнауке дать выводы по этому делу»[390].

Однако удельный вес подобных резолюций, подобных случаев все же чрезвычайно мал. В целом украинский нарком не боялся брать на себя ответственность при решении любых сложных проблем, поскольку всегда был абсолютно убежден в том, что поступает по высшим законам чести, справедливости, правды. Он беззаветно верил, что каждое его решение, каждый шаг максимально подчинены общественно-значимым потребностям и интересам.

* * *

Сложилось так, что одним из первых масштабных дел, которые пришлось решать Н. А. Скрыпнику – наркому просвещения, стало упорядочение украинского правописания. Этот аспект его деятельности получал в свое время широкий резонанс и развернутую оценку в политической литературе, затем широко дискутировался в исторической и языковедческой литературе, а эхо дискуссий дошло и до наших дней, время от времени вспыхивая новыми реминисценциями в процессе обостряющихся сегодня языковых проблем.

Фактологическая сторона дела исследована досконально – и вряд ли стоит прибегать к повторению хорошо известного. А вот оценка содеянного тогда, определение персональной роли Н. А. Скрыпника различаются, иногда – предельно.

Отправными моментами для выработки научных, объективных, действительно исторических подходов, как представляется, могут быть следующие.

Ко второй половине 20-х годов XX в. нормированного украинского языка просто не было. Таким наглядным оказалось наследие длительной безгосударственности нации, которая вроде бы и имела (по крайней мере – никогда не теряла) собственный язык, развила его до блестящих литературных образцов (Тарас Шевченко, Марко Вовчок, Иван Нечуй-Левицкий, Леся Украинка, Михаил Коцюбинский), неподражаемой песенной мелодичности в устном народном творчестве, однако поражала своим несовершенством, разнобоем в научной литературе, периодике, официально-деловых документах.

В последнем легко убеждают печатные тексты, устные выступления (конечно, в стенографических передачах или газетных вариантах), эпистолярии Михаила Грушевского, Владимира Винниченко, Сергея Ефремова, Ивана Стешенко, Симона Петлюры, Софии Русовой, Елены Пчилки, Никиты Шаповала, Сергея Шелухина, Вячеслава Липинского, Дмитрия

Дорошенко, Евгения Чикаленко, Михаила Туган-Барановского, Николая Порша, Никифора Григориева и других деятелей времен Украинской революции. Но приведенный перечень фамилий (конечно, неполный) – это подлинный цвет украинской нации, личностей с устойчивой репутацией мыслителей, ученых, литераторов, публицистов, наконец – политиков, масштабность которых выходила за национальные границы.

Что уж здесь говорить о революционерах-большевиках, и среди них Николае Скрыпнике, Григории Петровском, Власе Чубаре, Григории Гринько, Александре Шумском? Фамилии Георгия Пятакова, Эммануила Квиринга, Станислава Косиора, Христиана Раковского, Евгении Бош, Серафимы Гопнер по понятным причинам вообще неуместно вспоминать. Бесспорно, среди них было немало людей от природы способных, одаренных, даже талантливых, но таких, которые не имели систематического, основательного образования. Оно приобреталось в основном на одном-двух курсах университетов (как правило – до исключения из вузов за революционную деятельность), во время скитаний по тюрьмам и в сибирских ссылках, на нелегальной работе в необозримой и многоязычной России, в эмиграции.

Не удивительно, что эти люди нередко владели не одним иностранным языком (да тот же Н. А. Скрыпник довольно прилично знал французский и немецкий, другие по сегодняшним меркам вообще были полиглотами), однако общались в основном на русском и почти не развивали, не обогащали знаний родного, украинского, языка. Более того, они оказывались, не осознавая того, носителями угрожающей тенденции – привнесения в украинский язык огромного количества русизмов, «калькирования» многих русских терминов. Особой «зоной риска» оказывалась языковая сфера, связанная с общественной жизнью. Революционная терминология, веяния новой жизни получали большевистские, а затем российские воплощения, наименования.

И, казалось, нет никакой необходимости в том, чтобы особенно переиначивать рождаемые новации – просто в случае необходимости, по возможности приближать их к традиционно украинскому звучанию, добавляя им только собственные характерные суффиксы и окончания. Конечно, эта в целом неотвратимая и отчасти естественная тенденция шла не от естества, корней, традиций собственного, а иного, пусть даже и близкого языка, несла в себе очевидный негативный заряд, с неизбежностью должна была сказаться на всем культурно-творческом процессе, на удалении практики речевого общения от народных, литературных основ.

Насколько глубоко понимал Н. А. Скрыпник всю сущность и

сложность сложившейся ситуации, судить непросто: сам он не обнаружил склонности к теоретизированию в языковой сфере. Но, возможно, это в конце концов не так уж важно. Если даже он действовал более интуитивно, а не на безупречном теоретическом фундаменте, его решения и шаги в сфере языковой реформы не могут быть никак приуменьшены.

Он, очевидно, чувствовал, что затягивание дискуссий – это порождение все новых и новых проблем, конца которым никогда не будет, и применил, как и в других случаях, тактику революционного натиска, ускоренного темпа. Он знал, что предшественники «критическую массу» материала уже наработали и едва возглавил комиссию по упорядочению правописания (а она работала в соответствии с приказом СНК УССР еще с 23 июля 1925 г.), как тут же назначил на 26 мая 1927 г. конференцию по правописанию.

Возможно, такая оперативность в немалой степени объяснялась и осознанием того, что, призывая партийно-советский аппарат, неукраинский рабочий класс к овладению украинским языком, стоило прежде всего позаботиться о качестве последнего, о его чистоте, научном совершенстве, о том, чтобы с детства учить каждого не какому-то примитивному суррогату, а действительно чудодейственному творению нации, конечно, придав ему соответствующую «огранку» и силу общего правила. Во всяком случае, такой подход был вполне в духе наркома.

По ходу подготовки конференции пришлось оперативно решать очень сложные организационно-научные задачи.

Главный инициатор акции, как опытный, искусный политик, хотел видеть конференцию непременно всеукраинской. Для этого в ее работе должны были принять обязательное участие представители различных регионов Украины, в том числе и западных земель. Это позволяло посадить за один стол тех, кто в заочной дискуссии о языковых проблемах придерживался весьма отличных взглядов. И выигрыш от того обещал быть двойным. Во-первых, Научное товарищество имени Т. Шевченко во Львове было явно недовольно созданными на скорую руку Украинской академией наук в 1919–1920 гг. «главными правилами украинского правописания», утвержденными Советской властью в 1921 г. Члены НТШ подготовили свой проект правописания, и со всех точек зрения (и научной, и политической, и национально-соборной) важно было основательно ознакомиться с позицией галичан, взять от них все рациональное (а в том, что оно есть, сомневаться не приходилось).

Во-вторых, галичане создали бы вовсе не формальный противовес упомянутым тенденциям русификации украинского

языка и, несмотря на различные осложнения, возможные обвинения, помогли бы отстаиванию его принципов, его природной самобытности и своеобразия, приближенных к народным истокам и лучшим литературным достижениям.

Трудно было бы переоценить и духовно-культурное значение выработки единого правописания для разорванного на части украинского народа, для его недалекого (в это верил Н. А. Скрыпник) объединения в целое.

Итак, Николай Скрыпник оставался верен себе: берясь за дело, следует прежде всего основательно постичь его суть, «взглянуть в корень» и затем действовать, ставя превыше всего интересы самого дела, и только дела, отбрасывая угодничество по чьему бы то ни было адресу.

Не устраивала его и роль «свадебного генерала», который бы только освящал своим высоким присутствием деяние. Это он доказал и в речи на конференции, и в ходе фундаментальных дискуссий (научное собрание напряженно работало с 26 мая по 6 июня 1927 г.), за которыми внимательно, придирчиво следил, направлял и, наконец, в опубликованных позже статьях оценивал. Он заинтересованно доходил до тонкостей, демонстрировал незаурядные специальные знания и заражал всех настроением причастности к делу чрезвычайной национально-государственной важности. Последнее понимали далеко не все, воспринимая споры как нечто сугубо академическое или даже схоластичное.

Результаты работы конференции оказались плодотворными. Ее материалы Государственная правописная комиссия тщательно обрабатывала под руководством Николая Алексеевича еще больше года, учитывая все ценное и полезное (на этой стадии председатель считал спешку совсем неоправданной). 4 сентября 1928 г. Совет народных комиссаров Украинской ССР по докладу Скрыпника принял постановление, в котором говорилось: «Поручить Народному Комиссару Образования УССР тов. Скрыпнику окончательно утвердить проект украинского правописания.

…Признать, что утвержденное украинское государственное правописание должно приобрести общий обязательный характер»[391]. Во исполнение правительственного постановления 5 сентября 1928 г. Н. А. Скрыпник подписал постановление: «Поручить управлениям НКО и Государственному издательству Украины разработать порядок претворения в жизнь украинского государственного правописания, предусмотрев в том числе те случаи, когда можно в печатных изданиях предполагать отступления от государственного правописания, как, например, при издании исторических документов, чисто лингвистических

надписей и т. п.»[392].

Новое украинское правописание тут же и надолго окрестили «скрыпниковским». Следует сразу сказать, что оно оказалось далеко небезупречным. Не все в нем органично соединилось, как того хотел Николай Алексеевич. Галичане отказались принять правописание в полном объеме, хотя за исключением требования устранения апострофа, все остальные их предложения были учтены. Надднепрянцы изрядно нервничали, озадаченно ломая язык над словами с необычной буквой «ґ» и смягченной «л», постоянно терялись при определении родового признака иностранных заимствований терминов вроде «кляса», «метода», «заля», «гастроля» и т. д.

Небезосновательны были обвинения и в широких, немотивированных заимствованиях в украинский язык полонизмов – слов польского происхождения. Иронию, насмешку (а иногда и возмущение) вызвали и искусственные подходы к словообразованиям типа:

«застувач» – аналог на русском языке «экран»
«копалка» – «экскаватор»
«дотик» – «контакт»
«притичка» – «штепсель»
«жильникарня» – «кабельный завод»
«автомобілярня» – «автозавод»
«цяцькарня» – «фабрика игрушек»
«взуттярня» – «обувная фабрика»
«електровня» – «электростанция»
«неділко» – «атом»
«дрибень» – «петит»
«письмівка» – «курсив»
«витинок» – «сектор»
«утинок» – «сегмент».

Все это так. И на уровне поиска недостатков в «скрыпниковском правописании» на конкретных примерах разговор можно продолжать и дальше. Однако главное, чего достиг Н. А. Скрыпник проведенной реформой, заключалось в другом.

Прежде всего, впервые за много веков украинскому языку официально был предоставлен национально-государственный статус. Во-вторых, созданы, пусть не самые совершенные (сам по себе этот процесс действительно длительный, сложный, кропотливый – и вообще трудно утверждать, что имеет свое завершение) научные основы национального языкотворчества, выработаны соответствующие нормативы, изобретены определенные препятствия для чужеродных влияний и намечены

пути приближения научной, деловой речи к естественным народным источникам языка, оплодотворения его литературно изысканными достижениями.

В-третьих, несмотря на то что «скрыпниковское правописание» было официально (документально) отменено сразу после его смерти, «жизнестойкость» правописания оказалась весьма мощной. Оно в значительной степени, может быть даже в своей определяющей основе, присутствует и в ныне действующих правилах и практике. Оно продолжало почти в полном объеме использоваться на западноукраинских землях до начала там советских преобразований осенью 1939 г. Оно господствует и по сей день в западной украинской диаспоре. Оно давало неуничтожимые ростки во время всех последующих попыток под видом объективного действия интернационалистских тенденций деформировать природные основы украинского языка. Не случайно оно (правописание или его элементы) имеет большую притягательную силу, когда идет слишком нелегкий и длительный процесс поиска вариантов языковой реформы сегодня. Единственное, что в данном случае вызывает естественное недовольство и возражения, – это желание не столько следовать общим скрыпниковским подходам к делу, сколько реанимировать отдельные (часто безосновательные, потому отклоненные жизнью) их внешние проявления.

* * *

Не меньший общественный резонанс и значение для всего процесса украинизации в 20-е годы имели дискуссии среди художественной интеллигенции, в том числе и в первую очередь той, для которой слово, язык, национальная окраска – основное средство самовыражения и одновременно влияния на широкую общественность.

История мировой культуры переполнена примерами очень сложных, нередко конфликтно-враждебных отношений между литераторами, художниками, представителями иных сфер искусства и культуры. И, в общем-то, удивительного в этом ничего нет. Ведь если не считать досадных нарушений элементарных основ воспитанности, приличия, такта, в основном речь идет о самоутверждении дарований, талантов, соревновании творческих амбиций, искренних стремлений доказать, что так совершенно, неповторимо и даже гениально постичь, объяснить жизнь, ее существенные аспекты, научить нравственному поведению не сможет никто другой. И тогда такая личность берется за перо или за кисть, садится за рояль, выходит под свет рампы… А между тем мало кому дано понять (хотя такое случается, однако в основном далеко не сразу), что она (эта личность) в художественном восприятии, осмыслении, воспроизведении действительности уступает другим. Причины непризнания или недостатков популярности (первая и самая простая, хотя и не самая безупречная «лакмусовая бумажка» торжества таланта) быстрее и легче всего отыскиваются не в самих себе, не в своем творчестве, а больше в сфере взаимоотношений, коварстве конкурентов и неумении их почитателей отличить настоящие произведения искусства (конечно, свои) от подделок (конечно, чужих), подлинные шедевры от серого ремесленничества.

Особый взрыв страстей в такой деликатной сфере, как литература и искусство, всегда приходился на революционные времена. Действительно, масштабные сдвиги, качественные прорывы в одних случаях непосредственно предшествовали социальным потрясениям, в значительной степени готовили их взрыв или сопровождали в апогеях борьбы, рождались, как говорится, в горниле революции, или же, в других, были их прямым продолжением, ярким, самым показательным свидетельством их глубинности, кардинальности, всеобъемлемости.

Как бы ни оценивалась эпоха 1917–1920 гг. в России, в Украине в том числе, порожденные ею процессы (спектр высказываний здесь, как известно, широчайший – от «главного события XX века» до «величайшей трагедии»), неоспоримым остается то, что она подняла к активному историческому действию миллионные массы, побудила каждого индивидуума глубже задуматься над проблемой выбора жизненной позиции, проблемой личной ответственности перед обществом, его будущим. Естественно, оперативнее и могущественнее реагировали на общественные настроения личности с чувствительными душами, с обостренным ощущением пульса жизни, особенно всевозможных его проблем.

Наглядным подтверждением массового стремления к творчеству, своеобразным проявлением культурной революции (правда, немало авторов, публицистов берут словосочетание в кавычки), приобретшим просто взрывной характер, стали 20-е годы прошлого века. Редко кто-либо из тех, кто имел хоть какие-то художественно-творческие наклонности, не искушался пробой собственных сил на поприще служения музам. Конечно, в условиях коренной ломки устоев жизни, решительных отходов от традиций, нередко откровенного пренебрежения к интеллектуальным и духовным достижениям предыдущих поколений, рождались фигуры, группы, направления, школы, смело, без стеснения претендующие на обладание «истиной в последней инстанции», не сомневающиеся в достижении «абсолютной органичности содержания и формы» предлагаемых творений, своими разноустремлениями, воинственным, нерастраченным пылом и просто-таки поразительной самоуверенностью и активностью создавали настоящий хаос в культурно-духовной среде.

Однако имманентный коммунистам максимализм предполагал овладение всеми сферами жизни («нет таких крепостей, каких не брали бы большевики!») и обязательное руководство ими. Поэтому Николаю Алексеевичу Скрыпнику на должности наркома просвещения, хочешь не хочешь, пришлось окунуться в ситуацию, от которой осмотрительные политики предпочли бы оказаться подальше. На культурном фронте (еще один тогдашний термин, иронически встречается многими сегодняшними критиками) не просто кипели страсти, нередко выплескиваясь через край. Подбирая самую образную терминологию, можно было бы сказать, что разворачивались битвы стратегического значения, в действие бросались ударные силы, в состояние наиболее полной готовности приводились последние резервы. А о проблеме вечного конфликта художника и

власти нечего распространяться. Разве стоит напомнить, что невиданные общественные изломы и здесь обусловили большую, по сравнению с привычной, остроту и напряжение.

Николай Скрыпник совсем не стушевался (по крайней мере внешних признаков растерянности никто никогда в его поведении не замечал) и в данном случае. И, видимо, совсем не потому, что обладал особым «комиссарским» характером: готов был проявить себя с одинаковым успехом где угодно – например, в создании аэропланов, или на выращивании капусты, или на становлении киноискусства. «Комиссарить» – значит управлять, а в таком деле главное революционные убеждения, целеустремленность и воля.

Среди тогдашних политических деятелей высшего ранга в Украине Н. А. Скрыпник, пожалуй, был единственной личностью, приход которой в руководство, среди прочего, и культурно-художественной сферы считался в целом естественным, оправданным, понятным. Во всяком случае, если мысленно поставить на это место кого-либо другого из известных его коллег по партийно-советской работе, думается, всплеск недовольства и даже сопротивления среди художественной интеллигенции был бы практически неотвратимым.

Николай Алексеевич завоевал непререкаемый авторитет во всех слоях украинского общества своей подвижнической жизнью, неутомимым трудом в интеллектуально-научной, идеологически-публи-цистической сферах. Нечего было и надеяться, что его взгляды были по душе всем участникам литературных, художественно-творческих процессов. Однако его принимали как своего, такого, кто поставлен не «покомиссарить» в очередном деле, а такого, кто по себе точно знает, что означают настоящие муки творчества, кто способен постичь сущность многочисленных проблем, которые накапливались годами, кто не будет «рубить с плеча», а обнаружит здравомыслящую осмотрительность и искренность, не показной интерес и принципиальность. Приоритеты здесь, конечно, у каждого свои. И в комплексе они удивительно органично соединились в качествах, достоинствах украинского наркома просвещения, что и обусловило ему, по современной терминологии, роль «неформального лидера» национального культурно-художественного развития. И эту свою функцию он стремился каждый раз, ежедневно подтверждать совсем «не формальной» деятельностью.

Чтобы эффективно управлять художественно-творческой отраслью, Николай Алексеевич глубоко погружался в каждую проблему (а таковыми были почти все), которые приходилось тогда решать. Попутно стоит коснуться выяснения И. М. Кошеливцем отправных, пояснительных моментов работы Н. А.

Скрыпника в области культуры. «В эпоху 1920-х – начале 30-х годов толкователем партийной догматики в области культуры суждено было стать Скрыпнику. И если мы утверждаем, что время его пребывания у власти точно совпадает по времени с украинским ренессансом, то должны выяснить две вещи. Во-первых, что этот ренессанс благодаря названным обстоятельствам не был таким полнокровным и мощным, как быть бы ему при условиях, если бы он разрастался стихийно, без ограничений и отсечения от природных источников прошлого, без установки на "служение" пролетариату, который этого и не требовал. Требовала служения партия, и если тогда это не было всем так ясно, то выяснилось позже, – что не пролетариату, а себе. Совершенно ясно, что такие благоприятные условия без ограничений могли бы создаться, если бы победителем на Украине оказались не большевики, а Украинская Народная Республика.

С другой стороны, надо выяснить, почему, несмотря ни на что, тот ренессанс, даже ограниченный, полтора десятка лет продолжался, и как ему прислужился Скрыпник.

Утверждаем, что он был догматик. Но должны видеть его в конкретных исторических обстоятельствах…

Здесь Скрыпник весь в противоречиях: с одной стороны, настаивает на безусловной самостоятельности Украины. И под этим подписался бы не один националист (имеем в виду в буквальном смысле националистов-оунистов (то есть – членов Организации украинских националистов. – *В. С.),* от которых не раз приходится слышать: не важно, будь Украина и коммунистическая, лишь бы самостоятельная; но с другой – в Союзе с Россией. А это уже сегодня безоговорочно отвергнет каждый украинский патриот (вне зависимости от того: в эмиграции он или в УССР), поскольку именно на опыте Скрыпника и последующих десятилетий подтвердилось, что для Украины союз с Россией в любой форме исключен»[393].

Как ни странно, но почтенный эссеист не удержался, чтобы не преподносить историческую аргументацию относительно субъективного видения проблемы в сослагательном наклонении, чего наука просто не принимает: на этом уровне возможны лишь бесплодные схоластические споры. Не желая втягиваться в них, возможно, стоит заметить разве следующее. Украинская Народная Республика не только не вышла победительницей в 1917–1920 гг., но и не имела к тому сколько-нибудь надежных шансов.

Первыми это осознали сами лидеры УНР – М. С. Грушевский, В. К. Винниченко, Д. И. Дорошенко, Н. Е. Шаповал, И. П. Мазепа,

П. А. Христюк, а за ними и такие серьезные исследователи, как, например, И. Лысяк-Рудницкий, Я. Б. Пеленский и др.

Это, конечно, больше касается «конкретно-исторических обстоятельств», если выстраивать не предвзятые умозрительные концепции, а такие, которые закладывают в свой фундамент реальные, а не мнимые факты.

Что касается скрыпниковского догматизма, о котором автор призывает судить «в конкретно-исторических обстоятельствах», то и здесь дело обстоит проблематично. Ведь формула «на опыте Скрыпника и последующих десятилетий подтвердилось, что для Украины союз с Россией в любой форме исключен» – не что иное, как попытка перефразировать известный абсурд: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда». Подчеркнем, речь в данном случае вовсе не о степени достоверности, аргументированности приведенного утверждения Кошеливца (для удобства можно даже согласиться, что с точки зрения опыта Скрыпника автор и прав, хотя спешить это делать не стоит). Дело в том, что сам подход диаспорного историка к проблеме трудно квалифицировать как научно-взвешенный. Какой ответственный исследователь согласится подписаться под категорическим выводом общетеоретического плана, если он базируется на одном примере, пусть даже их будет и несколько, но тех, что были характерны для данных конкретно-исторических обстоятельств, и вовсе не являются (не могут быть) основанием для выводов, претендующих на всеобщность, закономерность? И кто первый всей своей жизнью, опытом, конкретными концепциями-соображениями это способен доказать, так это именно Николай Алексеевич Скрыпник.

Кто-кто, а он все-таки умел преодолевать, «обходить» догмы, раз за разом прибегая к живой диалектике и отталкиваясь от фактов, идя за фактами, то есть исповедуя настоящий конкретно-исторический подход, которого так не хватает многим специалистам, отваживающимся критиковать и эти позиции Н. А. Скрыпника.

Для наглядности можно обратиться к наследию наркома просвещения (и письменному, и воплощенному на практике).

Для уяснения украинского литературного процесса, его целостности, преемственности, сущности традиций одним из самых принципиальных был вопрос об истоках украинской литературы. Имперская русская версия, которая насаждалась долгое время, сводилась к тому, что начиная с Киевской Руси все произведения литературы – это наследие России, а не Украины. В советское время в этом вопросе изменений тоже не наблюдалось. Тогда инициативу решительно взял на себя Н. А. Скрыпник.

Не будучи специалистом-литературоведом, не исследуя древней истории, он, как один из редакторов «Литературной энциклопедии», столкнулся с необходимостью выяснения концепции украинского литературного процесса в ее соотношении с концепцией российского (русского) литературного процесса.

На пути правильного понимания проблемы, считал Николай Алексеевич, «стояли остатки старых взглядов старой русской историографии, взгляд о непрерывном историческом процессе от старой Киевщины через Москву, Суздаль и к старому Петербургу. Пришлось на основании общих исторических соображений отрицать эту историческую литературную концепцию и добиваться практического признания принципа, согласно которому все памятники до второй половины 18 стол. отнесены к российской или украинской литературе в соответствии с территорией, на которой этот памятник создавался. Так “Слово о полку Игореве” зачислено к украинской литературе, а “Моление Даниила Заточника” – к русской»[394].

Эту позицию, которую называют еще территориальной концепцией, нарком-интеллектуал подробно обосновал в речи «За украинское литературоведение» на открытии Института им. Т. Шевченко в Харькове 15 апреля 1929 г. и последовательно добивался «углубления» исследования истории украинской литературы в старокиевские времена, неукоснительного соблюдения принципа, согласно которому «все памятники до второй половины XVIII столетия будут относиться в “Л. Э.” (“Литературной энциклопедии”. – *В. С.)* к российской, белорусской или украинской по территориальному признаку»[395].

Причем нарком не удовлетворялся «общими указаниями», а тщательно анализировал каждую статью, решительно протестовал, например, против попыток в статье Тимофеева «Стихотворения» относить, согласно «карамзинско-соловьевско-иловайской терминологии», к «русскому стиху» украинские произведения XIV–XVII веков; реанимации отжившей «со времен революции» терминологии «северо-русская» и «южно-русская письменность»[396].

Начиная с творчества Ивана Котляревского, согласно Скрыпнику, началась новая эпоха украинской литературы, которая с тех пор развивалась под лозунгами полноценности и самостоятельности. В этом процессе он выделил три этапа (периода).

В первом периоде (от Ивана Котляревского к Тарасу Шевченко и Марко Вовчок) украинская литература прошла

сложный путь становления. В начале она была провинциальной, вроде регионального приложения к русской культуре. А в середине XIX в. можно уже было говорить о возникновении оснований для преобразования украинского литературного процесса в мощный национально-культурный фактор. Однако произошло это уже во втором, «франковском», «львовском» периоде, когда «украинская литература, можно сказать, смогла встать на свои собственные ноги». Здесь автор особый упор делает на Галиции, с культурным центром во Львове, игравшей роль «украинского Пьемонта». Правда, социальная база украинской культуры без преимущественно инонационального города была узкой – крестьянство и интеллигенция.

И только в третьем периоде, начинающемся с 1905 г., особенно от октября 1917 г., наступила «эпоха строительства самостоятельной украинской культуры, но поддержанной силой пролетариата»[397].

Не ставя перед собой какой-либо партийно-идеологической цели, не оглядываясь на доминирующие взгляды, Н. А. Скрыпник ориентируется на неопровержимые научные данные, «железную» логику, здравый смысл. И это позволяет ему прийти к взвешенным, убедительным заключениям. Не отрицая влияния русской культуры на развитие украинского литературного процесса в различные периоды, особенно, скажем, в 60-80-е годы XIX в., он подчеркивает: «Мы не можем фактически признать значения первенского (т. е., имевшего первенство. – *В. С.)* влияния русской литературы на украинскую литературу»[398].

Для украинского интеллектуала это не мимоходное замечание или гипотетическая догадка. Аргумент за аргументом он выстраивает незыблемую конструкцию: «Надо отметить, что новая украинская литература свои литературное корни имеет в своей собственной предыдущей истории, хотя и русская литература имела в один из периодов и очень большое влияние рядом с другими влияниями на украинскую литературу… Украинская литература, как проявление культуры украинских трудящихся масс, выступает на арену международного пролетарского творчества не как ученик, который должен только искать проводника или помощника, но как настоящий фактор совместного сотрудничества… Взгляд, что в этой общей культурной работе культура какого-то одного народа может быть гегемоном, – чужд нам»[399].

И в довершение – предельно категорично, безоговорочно: путь развития украинской литературы, украинской культуры – *«путь самостоятельного развития украинского народа»*[400].

Думается, в таких рассуждениях, в таком поведении трудно

(если, конечно, искренне стремиться объективности) усмотреть проявления догматизма. Кажется, все совсем наоборот. Перед нами поразительные примеры его смелого преодоления, ломки стереотипов, господствовавших веками и активно продуцировавшихся во времена Н. А. Скрыпника.

И все же на фоне изложенного не такими же убедительными, даже скорее не вполне адекватными выглядят конкретные оценки развития и взаимодействия национальных культур, национальных литератур, которые предложил Николай Алексеевич в статье «Итоги литературной дискуссии», напечатанной «Большевиком Украины» в июле 1926 г. Можно лишь выразить догадку, что к тому времени он просто еще не настолько овладел предметом, чтобы иметь относительно него действительно глубокие и основательные соображения.

Он, очевидно, подменял благородную идею, теорию практикой, когда оценивал тенденции развития советской культуры в целом в СССР и ее национальных составляющих. «Достижения русской культуры, достижения украинской культуры и т. д. идут на арену нашего сотрудничества, чтобы создать международную пролетарскую культуру на территории целого СССР, и никто не претендует на гегемонию, на фактическое или формальное руководство, и это не является каким-то опекунством или гегемонией одной культуры над другой, не является какой-либо претензией на неравноправные отношения между народами, а наоборот – это братское сотрудничество в общем деле»[401].

Ведь лейтмотив той же статьи Н. А. Скрыпника – попытка развенчания так называемой теории борьбы двух культур. Он считал, что на самом деле существует борьба между буржуазными культурами двух наций, а пролетариату разных наций, коммунистам это особо не угрожает. Самое большое, идеология «граждан Зеровых» (Н. А. Зеров – поэт, представитель направления «неоклассиков») может найти некоторый отклик у отдельных членов КП(б)У, к примеру у Н. Г. Хвылевого[402].

К выступлениям Хвылевого (и публицистических, и в процессе литературной дискуссии) нарком возвращался не раз, тщательно их анализировал и, как всегда, проявлял достаточно широкий, разносторонний, комплексный подход. Он с пониманием относился к чисто литературным исканиям талантливого писателя, считал невозможным для себя высказывать мнение относительно художественных качеств его произведений. «Борясь с плужанством и гартованцами (речь о членах литературных объединений «Гарт» и «Плуг». – *В. С.)* на Украине, – замечал Николай Алексеевич в статье “К теории

борьбы двух культур", – с идеологическими художественными течениями в русской литературе и их влияниями на литературу украинскую, тов. Хвылевой имеет свой отдельный взгляд в искусстве, а именно он сторонник так называемого формализма и неоклассицизма. Ну, стоит – и пусть себе стоит, бог с ним, – это ихнее литературное дело. Мы, политики, как и рабоче-крестьянская общность, нечто затем из их литературных достижений себе приобретем. Вмешиваться в их литературную борьбу – это не наша задача. И когда тов. Хвылевой хочет пробить себе отдельную дорожку мимо существующих различных российских литературных течений, бог с ним – туда ему и дорога»[403].

Вместе с тем, не отрицая права любого художника на собственный стиль, на борьбу против других литературных течений, в частности российских, Скрыпник задается вопросом: «Он (Н. Г. Хвылевой. – *В. С.*) против ли российских литературных течений по их литературной форме и стилю и т[ому] под[обное] потому, что это плохой стиль, плохие формы, или потому, что они русские?»[404] Анализ книг «Мысли против течения», «Камо грядеши» и других публикаций убеждает наркома в том, что «тов. Хвылевой не против отмежевания от скверных литературных течений, а он против русских течений вообще, потому что они *русские»,* он «…стоит за разрыв всяких связей с русской литературой», думая, «что в этом противопоставлении – единственно возможный путь к развитию украинской литературы»[405].

Вот здесь Н. А. Скрыпник и видит проявление борьбы двух культур и решительно выступает против этого. «Это путь националистической борьбы, – отмечает он, – а не путь, открытый Октябрьской революцией, путь братских взаимоотношений, путь взаимопомощи в построении на каждом языке единой пролетарской культуры, созидания украинской литературы как культуры отдельной, с высшими достижениями, но не противопоставленной культурам других советских народов, а вместе с ними общего строительства новой культуры, новой литературы, нового мира труда и братства»[406].

С не меньшей принципиальностью Николай Скрыпник развенчивал и позицию тех авторов, участников литературных дискуссий, которые исходили, так сказать, из обратной позиции, отрицая возможность, перспективу собственного, самобытного развития украинской культуры, литературы. Значительную часть статьи «Итоги литературной дискуссии» Николай Алексеевич посвятил тщательному разбору выступления литературоведа В. Романовского. Последний в публикации «Украина, Москва, Запад

(к вопросу о путях украинской культуры» (газета «Харьковский пролетарий», 5 июля 1926 г.) неправомерно отождествил «хвылевистский» лозунг «От Москвы – на Запад» (его Николай Алексеевич считал «неправдивым, ложным, не ленинским, непролетарским») с лозунгом «Даешь свой собственный разум», который для Николая Алексеевича символизировал естественный особый путь развития украинской культуры[407]. Он чистосердечно возмущается: «Приравнивать лозунги самостоятельного развития украинской культуры и ее ориентации на внутренние силы трудящихся масс Украины к лозунгу “Прочь от Москвы”, ставить между ними знак тождества “т. е.” – это значит не отграничиваться, а обеими ногами стоять на точке зрения теории борьбы двух культур. Это значит стоять на точке зрения дополнительности, второстепенности украинской культуры. Это значит исходить с точки зрения недоверия к внутренним творческим силам украинского трудящегося населения, а прежде всего это значит ничего не понять в вопросе о путях украинской культуры»[408].

Что касается самой теории борьбы двух культур, здесь украинский государственный деятель всегда занимал непримиримую позицию. Он, вероятно, долго и основательно обдумывал ее суть, лапидарно и одновременно точно передавал ее содержание: «На Украине происходит борьба двух культур – русской и украинской. Украинская культура – культура крестьянская, а не пролетарская. Русская культура – культура пролетариата, культура объединяющая, культура, которая строит социализм. Компартия не может мешать элементарным культурным потребностям народа, она, наоборот, обеспечивает их. Но партия должна учитывать, что победит русская культура, как культура пролетарская, городская, в той происходящей борьбе русской и украинской культуры. Русский язык – язык Ленина, язык революции. И партия должна помочь ей овладеть массами»[409].

Возможно, к цитате можно было бы в этот раз и не прибегать, однако поражает то, для кого Н. А. Скрыпник «разжевывает» смысл, содержание, направленность «теории» борьбы двух культур, «представляющий собой лишь недостаточное и довольно грубое выражение люксембургианства на украинском почве»[410]. Оказывается, для самого автора теории – Д. З. Лебедя. И, несмотря на то что со времени ее появления «утекло немало воды», бывший секретарь ЦК КП(б)У был подвергнут самой уничтожающей критике и отказался от своих развенчанных взглядов, Николай Скрыпник и в дальнейшем настаивал: «Мой вывод из всего сказанного и несказанного: Вам, Дмитрий

Захарович, предстоит исполнить еще не выполненный долг: открыто и полно, по-большевистски, выступить с марксистским, ленинским разоблачением вашей же “теории” борьбы двух культур на Украине и этим сделать Ваше личное отречение от этой бессчастной теории средством воспитать пролетарские массы»[411].

Тот факт, что сам автор от «теории» «отказался (хотя и не разоблачил)», советский нарком считал недостаточным. Поэтому пошел на такой, видимо, не во всем оправданный и корректный шаг. После публикации в журнале «Большевик» (1928, № 7) статьи Д. З. Лебедя «Внимание идеологическому фронту» Николай Алексеевич поместил в журнале «Большевик Украины» «Письмо к тов. Лебедю». Это письмо было подробной рецензией на рукопись статьи Лебедя, которую автор направлял Скрыпнику в процессе подготовки материала к печати. Лебедь выступал против известной статьи М. С. Волобуева об экономике Украины, и нарком образования сделал полтора десятка пространных замечаний. Автор практически все их учел, кроме одного: в публикации Николай Алексеевич не нашел саморазоблачения автора и поэтому добавил к собственно частному документу, который решил обнародовать, еще и послесловие. В нем позиция наркома становится жестче, Д. З. Лебедю инкриминируются новые провинности: «…Тов. Лебедь, приняв во внимание почти все мои предложения и замечания, обошел только одно, а именно то, что, по моему мнению, должно было бы прежде всего быть принято во внимание: о крайней потребности именно для тов. Лебедя дать мотивированную критику той его старой теории борьбы двух культур, об отказе от которой он теперь заявляет в своей статье. В этом была одна из главных причин моего письма к нему. Он этого совета не принял, надо сожалеть об этом, тем более что такое уклонение тов. Лебедем от мотивировки своего отказа от своей предыдущей ложной “теории” и отказ от подачи критики ее – теперь уже нельзя признать случайным, а он является уже умышленно и полностью сознательным, потому что только тот вопрос моего письма тов. Лебедь оставил без всякого внимания»[412].

Однако и этого наркому показалось мало. Он обращается к своим замечаниям, называя положения рукописи статьи Лебедя «ошибками» и в своем докладе на кафедре национального вопроса Украинского Института марксизма-ленинизма 14 декабря 1929 г.[413]И снова Николая Алексеевича не смущает, что он делает достоянием широкой гласности элементы «рабочего» характера, собственно – подготовительные материалы, бегло признав, что те ошибки «в основном исправлены».

Защищать Николая Скрыпника от незаслуженных критических нападок – вовсе не означает его идеализировать, тем более – любить. Как и любая деятельная, многогранная личность, в сложных обстоятельствах жизни (а она к тому же катилась вовсе не по пробитой колее) он нередко и немало ошибался. В своих ошибках иногда проявлял удивительную неуступчивость, настойчивость, граничащую с бестактностью, безжалостностью, грубостью, даже жестокостью. А не во всем обоснованные обвинения, кажется, в чем-то могли быть порождены и политической конъюнктурой.

Возможно, это шло от характера, внутреннего убеждения, что так, как он, уяснять сущность общественных процессов, понимать их логику, видеть перспективу вообще редко кто способен. Поэтому, например, положительно в целом оценивая упомянутое публичное выступление Лебедя против Волобуева, Скрыпник видел в нем и немало недостатков, которые очень хотел дополнительно подчеркнуть, и поэтому ссылался на свою речь «По поводу экономической платформы национализма» во время дискуссии в Институте марксизма вокруг известной публикации Волобуева в «Большевике Украины»[414]. Между тем, собственно предметный разбор концепции ученого, аргументированная ее критика сопровождались и заявлениями, которые сегодня бы назвали безапелляционным приговором. Именно так воспринимается абсолютно категоричный тон таких, скажем, выводов: «Кто стоит на положении противоположных интересов Украины и СССР, тот сторонник или русского, или украинского национализма. Не забудьте, что там, на Западе, в капиталистических странах всемирное угнетение и эксплуатация, а здесь братское объединение и помощь, уничтожение колониального состояния и развитие всех народов.

Мы говорим: каждый, кто говорит о том, что пути украинского народа пошли как-то по обочине дорог свободного объединения всех народов Союза против капитализма всего мира, тот будет украинским националистом, он тогда не поймет пролетарского единства, проявленного в Союзе. Напротив, кто придерживается той мысли, что интересы Союза – как бы уменьшить свободное развитие украинского народа, тот сознательно или бессознательно стоит на позиции не коммунистической, не ленинской в национальном вопросе, стоит на позиции русского шовинизма. Неправильно то, что существует и для коммуниста могут существовать два противоположных взгляда: один – интересов СССР и второй – интересов УССР. Так не может быть у нас. У нас не может быть разных взглядов в этом вопросе, они могут быть не едиными только для тех, кто идет

против Лениновой теории…

Как же нам относиться к волобуевщине? А так, как отнеслись к шумскизму, к хвылевизму. Они ведут к фашизму…»[415]

Упоминание о дискуссии вокруг коренных проблем экономического развития Украины в не только не выбивается из предмета разговора данного сюжета, а, кажется, лишний раз оттеняет, подтверждает редкую цельность характера, натуры Николая Скрыпника: его практически невозможно поколебать, заставить хотя бы в чем-то отойти от принципов, которые были самим же им определены для себя как императивные. А об измене своему «credo» не только он думать не мог, этого не допускали и все те, кто хоть немного его знал. ко не всегда разделяет), скажем, против национал-коммунистов, чтобы… потом самоотверженно воплощать в практику замыслы, планы последних. Он принимает участие в развенчании Н. И. Хвылевого, А. Я. Шумского, М. С. Волобуева, однако берет под защиту сущность их взглядов, собственно, делает их линией своего поведения. «…Скрыпник принадлежал к тем динамичным натурам, которые не теряются в противоречиях, а, наоборот, с тем большей настойчивостью стремятся к цели. В живой действительности противоречия снимались преимуществом украинства над марксистской ортодоксией, и Скрыпник, боровшийся с национал-большевизмом, сам принимал их программу и в тенденции дальнейшей эволюции не удалялся от нее, а медленно становился тоже национал-коммунистом, что делает его фигуру привлекательной сегодня, а в двадцатых-тридцатых годах, если не вполне, то хотя бы отчасти превращало его в сообщника деятелей украинского возрождения»[416], – пишет тот же И. М. Кошеливец.

Опять фигура Николая Алексеевича Скрыпника, величие его натуры явно недооценивается. Во-первых, снова и снова хочется подчеркнуть: не было силы, которая бы заставила его говорить и делать то, что противоречило его внутренним убеждениям.

Во-вторых, очень упрощенно трактуется преодоление партийногосударственным деятелем сверхсложных противоречий – как сущностный отказ от революционных, коммунистических начал в его мировоззрении в пользу национально-украинского фактора.

Николай Скрыпник искал решение на явно более высоком уровне сложности, до конца пытался использовать свое знание диалектики, владение ею для органического сочетания обоих восходящих позиций – коммунистически-интернациональной и национально-патриотической. И если для многих «ясно», что это было невыполнимо, оказалось пустой тратой сил и времени, для

него поиск приемлемого варианта до последних дней жизни представлялся всегда непростым, однако и не таким, который не имел перспективы.

И уже, кажется, очень мало надо понимать и уважать такого искушенного политика, несгибаемого революционера, чтобы, хотя и в форме гипотетических вопросов, искать ответы на загадки его судьбы, его непростого поведения. «…Как логично объяснить, – в который раз спрашивает себя и читателей И. М. Кошеливец, – чтобы человек вел беспощадную борьбу против Хвылевого и Шумского, когда их программа была его собственной?» И продолжает: «Мог ли быть Скрыпник убежденным, что их путь ошибочен и он чувствует в себе

столько силы, чтобы, идя легитимным путем, заставить партию на основе резолюций и тезисов ЦК осуществить то же самое, чего добивались и они против воли партии? Или позиция его была продиктована политическим результатом: карта тех, кто пошел откровенно против партии, бита и надо принести их в жертву, чтобы делать их дело по формулам партийных постановлений? Можно было бы здесь добавить еще мотив увлечения властью, который безусловно имел значение для такого властолюбивого человека, как Скрыпник…»[417]

Перед нами очередная попытка оценивать историческую фигуру, очень неординарную личность банальными мерками, применимыми к рядовым политикам, да еще и с далеко небезупречными качествами. Николай Скрыпник совсем таким не был. Он даже отдаленно не напоминал их. Потому что он был именно Скрыпником, неповторимым, единственным в своем роде. Для него было бы неприемлемым идти чужим для его внутренних убеждений путем. Тем более не способен он был на какое-то сомнительное политиканство, да еще и мотивом которого являлось примитивное властолюбие. В данном случае Николаю Алексеевичу «приписывают» качества, которые были просто несовместимы с его натурой. Кто-то может удивляться подобной непрактичности, отсутствию элементарного прагматизма, может сомневаться в искренности устремлений революционного романтика – но это скорее свидетельствует об уровне и моральности его «судей», а не уровне «подсудимого».

…Очевидно, Н. А. Скрыпнику нелегко было заниматься ежедневной наркомовской работой, которая в одной из своих функций сводилась к координации деятельности различных литературных групп, объединений, которые росли, подобно грибам после дождя, спешили занять свое «место под солнцем» и требовали к себе внимания и поддержки.

Коммунистический нарком украинской республики превыше

всего ставил заботу о новой, пролетарской, литературе (он это постоянно подчеркивал, и нет оснований сомневаться в его искренности), проявлял по-настоящему «родительскую» заботу о художественных талантах, чутко относился к молодым росткам нового, необычного, всего, в чем чувствовался хотя бы отдаленный намек на дарования. Он не хотел проглядеть чего-либо животворного, рационального, упустить возможность направить хоть один ручеек, пробивающийся из чистого источника, в широкое русло национальной литературы. По опыту пережитого он проявлял исключительную терпимость,

снисходительность к юношеским «шалостям» только рождающихся литературных личностей, потому что верил: если и не все в конце концов принесет желаемые плоды (жестокая жизнь многое сама отсеет), то следует делать все от него, Скрыпника, зависящее, чтобы создать условия для развития, расцвета родной литературы в различных ее проявлениях.

«Каждая литературная школа, каждая литературная группа, – говорил руководитель культурного строительства, – начиная борьбу за новые формы и новые стили, всегда, разумеется, преувеличивает свои силы и считает свой стиль, свои литературные корни за первейший и самый главный центр вселенной. Это понятно. Не стоит ни гроша тот писатель, сам не оценивающий вес и значение для общества того, что он сам считает самым ценным. Что наши литературные силы и группы допускают такие преувеличения, это вещь совершенно понятная»[418].

И поскольку от его позиции, его подписи, его «благословения» во многом тогда зависело быть или не быть той или иной группе, открыть ей путь к дальнейшему дерзанию или создать препятствия (а была возможность сделать их и непреодолимыми), Николай Скрыпник пользовался предоставленными ему правами очень и очень осмотрительно, деликатно. Характерно в этом смысле отношение наркома к литературной группе «Авангард» во главе с Валерианом Полищуком. Громко задекларировав себя группой «конструктивного динамизма» или «спирализма» (от слова спираль – бесконечно вьющейся линии совершенствования искусства), но не имея сколько-нибудь ясной программы, «Авангард» был без бюрократических проволочек утвержден постановлением Наркомата просвещения 5 марта 1928 г. с обещанием помощи, в том числе в издании произведений[419].

По поводу готовящегося тогда решения Николай Алексеевич нашел нужным дать специальное объяснение в ходе литературного диспута в доме имени В. Блакитного 18–21

февраля 1928 г.: «Есть одна небольшая группа, добывающая себе права на существование, – группа Авангард. Многие и многие отказывают даже самому существованию этой группы, заявляют, что такой группы не существует. Но, уважаемые товарищи, так было и с украинским народом: ему отказывали в существовании, а он все-таки существует (смех). Опять же я относительно художественного направления не весьма большой сторонник конструктивистского динамизма, по признаку которого

объединяется художественная группа Авангард; но эта группа объединяется по художественному признаку под флагом, на котором написаны художественные лозунги художественного охвата жизни, художественного понимания жизненного процесса. Поэтому, я думаю, на территории советской земли, под нашим пролетарским солнцем найдется место, где эта группа самоопределится художественно и своим существованием заставит определиться также и других. Меньше насмешек над художественным признаком и больше эстетической художественной критики ее. Этот лозунг должен быть, по моему мнению, повседневным лозунгом нашей художественной жизни»[420].

В одном этом абзаце сконцентрировано сразу несколько самых принципиальных моментов, в сумме отчетливо определяющих позицию ответственного партийно-советского деятеля.

Во-первых, бесперспективный, напрасный труд бороться против того животворного, что, вопреки любым запретам, все равно пробьет себе дорогу, неизбежно восторжествует. В другой транскрипции можно было бы сказать и сильнее – о необходимости решительной, всемерной поддержки этого же живого, животворного. Однако это уже, наверное, больше из области политической стилистики. А по сути – сравнение украинского литературного процесса во всем его разнообразии с непобедимостью украинского народа – это акцент на приоритете, на который в 1928 году решился бы далеко не каждый политик скрыпниковского ранга (и, собственно, никто больше так и не решился).

Во-вторых, мудрый политик заявил себя как сторонник честных, открытых соревнований творческих направлений, коллективов, школ. В ходе публичной полемики, поисков выкристаллизовывалась истина, обеспечивался художественно-творческий прогресс.

И, в-третьих, нарком от имени пролетарского государства недвусмысленно формулирует лозунг повседневной художественной жизни – невмешательство в эстетически-

художественный процесс, дистанцирование политики от творчества. Это, по сути, призыв к свободе поиска, творчества. В то же время опытный руководитель предпочел бы, чтобы соревнования направлений не выливались в жестокую борьбу на дискредитацию, на вытеснение, уничтожение соперников. Он даже считал, что его наркомат должен за этим пристально следить.

Например, в постановлении «О состоянии Киевского художественного института и о федерации художественных организаций» от

15 августа 1927 г. был сформулирован специальный пункт: «…Крайне необходимо, чтобы НКО был не только наблюдателем тех процессов, которые происходят в изобразительном искусстве, НКО должен принять меры для выявления тех процессов и для управления ими, направляя их на распространение и развитие украинской культуры, давая им возможность проявляться в художественных учебных заведениях НКО, но не допускать, чтобы различные течения и организации художественных учебных заведений НКО использовались для борьбы между собой»[421].

В редакционном отношении документ выполнен не лучшим образом. Но генеральная мысль ясна: творческие соревнования в пользу развития украинской культуры будут всемерно поддерживаться, что же касается борьбы ради борьбы как проявления ненужных ссор – ее надо исключить, а наркомат просвещения должен это обеспечить. Можно упрекнуть сформулированную позицию и в утопизме – найти механизм ее реализации непросто, если вообще возможно. Однако стоит, думается, согласиться, что своим исходным моментом она имеет не партийную догму (хотя ее элемент присутствует – стремление управлять художественными процессами, однако и здесь прочитывается только общеорганизационная сторона дела, и отнюдь не эстетически-художественная, то есть собственно художественная), а совсем противоположный принцип – диалектический, обусловленный заботой об оптимальном конечном результате, который к тому же был бы достигнут не любой ценой, а по возможности безболезненно-демократическим путем.

В докладе «Наша литературная действительность» сформулированные выше мысли и положения нашли дальнейшую конкретизацию и приобрели еще большую категоричность. Н. А. Скрыпник особо выделил тот пункт постановления ЦК ВКП(б), в котором говорилось о «свободных соревнованиях различных художественных творческих течений, чтобы они полностью проявили себя и дали примеры художественных достижений

различными путями для пролетарского государства, для пролетарского общества». А дальше выразил очень серьезное предостережение: «Кто считает, что задача литературных писателей есть задача политической борьбы, тот, *кто ограничивает себя только этим* (выделено автором. – *В. С.),* не ставя специальных задач литературных организаций, тот лишает содержания литературную деятельность, тот ограничивает размах нашей деятельности, сужает круг творческих проявлений пролетарских соучастников литературного процесса, тот теряет перспективы нашего литературно-культурного развития»[422].

Нетрудно заметить, что здесь Николай Алексеевич раздваивается, вернее, раздваивается его позиция. С одной стороны, он стремится к тому, чтобы литература как можно меньше была объектом и орудием политической борьбы. С другой стороны, с первым элементом в очевидное противоречие входит императив служения литературы только «пролетарскому делу», «пролетарскому государству», «пролетарскому обществу».

Отмеченное противоречие не отнесешь к тем, которые легко осознаются и «снимаются». Бесспорно, в нем сплелись как дань официальной доктрине, так и ее трансформация в воображении конкретного политического деятеля, одного из руководителей идеологической сферы Украины.

Николай Алексеевич Скрыпник был пролетарским революционером. Другим он себя не мыслил (не «самоидентифицировал»). И свое назначение на наркомовском посту он видел в том, чтобы всемерно беречь пролетарскую культуру. Однако ему чужд был дух примитивного «пролеткультовства», нигилистического отвержения духовных достижений предыдущих поколений лишь на том основании, что они были достигнуты не пролетариатом, а в основном представителями эксплуататорских классов (отсюда термины – буржуазная, мещанская «псевдокультура» и т. п.).

Вместе с тем, как и каждый настоящий революционер, советский нарком всем своим существом, умственным настроем, духом был романтиком. Он свято верил в то, что общество с руководящей ролью в нем пролетариата – прогрессивнее, справедливее, гуманнее всех предыдущих классовых обществ. Поэтому надо положить все силы, чтобы воцарилась передовая, пролетарская мораль, чтобы восторжествовала пролетарская культура. Последняя должна органично вобрать в себя все лучшие достижения (и мировые, и национальные), творчески слить, «сплавить» их с потребностями строительства нового общества, породить невиданные до того интеллектуальные, художественно-творческие произведения. И это неизбежно, ведь к достижениям

культуры будут привлечены все без исключения граждане государства, они получат надлежащее, современное образование, создадут такую базу для проявления талантов, их всесторонней реализации, которой до того в истории еще не было.

С точки зрения сегодняшнего дня просто по-детски наивными выглядят рассуждения неисправимого идеалиста о столице будущей Украины. «Киев – это вторая столица Украины, как там часто говорят – культурный Донбасс Украины, – отмечал Николай Алексеевич. – А что это была столица Украины, то, по мнению многих, он еще и будет столицей Украины, хотя я, правда, сторонник той мысли, что столицей Украины будет Большое Запорожье у Днепрогэса»[423].

Справедливости ради следует сказать, что так, как Скрыпник, тогда думали не многие. А он не только думал, надеялся, но и верил в то, что будущее Украины – это большая индустрия, это новейшие технологии, поставленные на службу, на благо обществу, человеку. Так где же быть столице, как не рядом с символом новой, грядущей, будущей Украины – в Запорожье?! И уже в полемическом пылу явно «перегибал палку», отвечая оппонентам: «Киев был и есть центр украинской буржуазной интеллигенции, враждебной нам. Там был центр Союза Освобождения Украины (СОУ), которым руководил академик Ефремов»[424].

Вообще, отношение наркома образования к «старой культуре», «старой интеллигенции» не было внешне отрицательным (приведенные слова о С. А. Ефремове – скорее исключение, обусловленное идеологической остротой тогдашней ситуации, чем правило).

С точки зрения изложенного хотелось бы выразить возражения относительно распространенного мнения, будто нарком в целом негативно относился к Украинской академии наук, вынашивал замыслы медленно отодвинуть ее на задний план, а вместо этого создать «пролетарскую» академию в Харькове. Как первый шаг к реализации тайного замысла рассматривается проведенная в 1932 г. по инициативе наркома-академика реорганизация Украинского института марксизма-ленинизма во Всеукраинскую ассоциацию марксо-ленинских институтов (ВУАМЛИН). Президентом ассоциации, которая объединяла девять научно-исследовательских учреждений (не только гуманитарных, но и таких, как Институт техники и технической политики), стал сам Н. А. Скрыпник[425].

Прямых подтверждений относительно подобных выводов нет. Наоборот, можно привести множество примеров уважительного отношения наркома к Украинской академии наук как самого

авторитетного учреждения, к ее руководству и отдельным членам. А те авторы, которые пишут об этом, нередко допускают противоречия в пределах даже одной публикации. В одних местах доказывают, что с целью успешного проведения украинизации нарком выдвигал на ключевые должности ученых с сомнительным прошлым и политическими взглядами – академиков – М. С. Грушевского, С. Л. Рудницкого, В. А. Юринца, А. Е. Крымского, рискуя своим положением, брал в случае необходимости их под защиту; а на других страницах пытаются доказать, что нарком имел подозрения к центру инакомыслия, планировал его оттеснение с передовых позиций в науке.

Последнее сомнительно и потому, что Н. А. Скрыпник сам стремился стать действительным членом УАН. И в мае 1929 г. он был выдвинут кандидатом для избрания академиком. Искушение добиться высших научных регалий захватывало не одного честолюбивого государственного и партийного чиновника. И за XX в. общественное сознание настолько свыклась с частым присвоением им почетных званий, особенно в гуманитарной сфере, что, кажется, иначе и быть не может: легкий и верный путь в академики – через административно-государственную службу. Научные же достижения – это нередко необходимое, но все же атрибутивное приложение. При формальном подходе можно распространить общее «правило» и на Скрыпника. Чего-чего, а высоких административных должностей у него было больше чем достаточно. Однако и научный багаж у него был таким, каким мог похвастаться далеко не каждый «чистый» исследователь-ученый.

Объективным основанием для положительного решения вопроса об избрании в УАН были, прежде всего, многочисленные труды Николая Алексеевича по национальному вопросу. Лишь во второй том его «Статей и речей», имеющий подзаголовок «Национальный вопрос» и состоящий из двух книг, объемом около 800 страниц, было отобрано около 70 важнейших произведений. Десятки и десятки работ, в которых затрагивались различные аспекты национальной проблемы, содержались довольно основательные сюжеты, были включены и в четвертый том «Вопросы социалистического образования» и пятый том «Литература и искусство».

Однако главное, конечно, заключалось не в количественной стороне дела, а в оценке сущностного вклада автора в науку, в теоретическое осмысление одной из самых сложных, противоречивых общественных сфер. В представлении на избрание академиком Н. А. Скрыпника, содержится характеристика-рецензия лишь основных работ соискателя, которые стали основой и для соответствующих практически-

политических достижений. Автором документа был академик А. А. Речицкий. (Кстати говоря, А. А. Речицкий (Песоцкий) в свое время был одним из лидеров Украинской Коммунистической партии.) Последний считал, что кандидат в академики «первым во всей мировой литературе поставил и дал первое обоснование национального вопроса как науки, как отдельной национальной дисциплины, и он же организовал научно-исследовательское учреждение для опытов над этой областью науки – кафедру национального вопроса в Украинском институте марксизма-ленинизма, во главе которой сам стоит. После Скрыпника о национальном вопросе можно говорить как о науке, которой он принес признание и обоснование, что по аналогии с социологией, которой также еще недавно приходилось бороться за признание себя среди наук, можно было бы эту отрасль науки назвать нациологией»[426].

Детализируя, конкретизируяоценкувкладаНиколаяАлексеевича в науку, авторитетный ученый отметил: «Самостоятельное развитие украинской культуры. Борьба с провинциализмом и национальной ограниченностью. Сотрудничество с культурами других народов СССР. Украинизация государственной и общественной жизни. Укрепление украинской пролетарской государственности одновременно с укреплением СССР. Решение проблемы “двух” культур – “высшей” городской и “низшей” деревенской в плане Ленинского союза пролетариата и крестьянства, решение ее, как проблемы содержания и формы одной социалистической культуры или, по Скрыпнику: “Равнять город по отношению к языку по украинскому селу лишь бы привести к равнению украинского крестьянина по пролетарскому городу”. – Такова теория и практика марксизма-ленинизма в национальном вопросе», отстаиваемая Н. Скрыпником[427].

Лейтмотив научной экспертизы А. А. Речицкого – Николай Алексеевич серьезно, весомо теоретически обосновал целое, особенно важное направление в теории, в исследованиях, сам сделал чрезвычайно ценный вклад на вечном пути познания сущности общества. «Оригинальность Н. А. Скрыпника как теоретика состоит в том, – подчеркнул академик, – что он поднял национальный вопрос с уровня политики до уровня науки, доказав, что национальная проблема представляет собой и по сути и по методологии задачу отдельной научной дисциплины»[428].

Между прочим, высоко оценивая мнение Скрыпника, Речицкий обращался к нему с просьбами высказаться относительно важных работ, готовившихся к публикации. Так, в

марте 1928 г. он направил наркому образования на отзыв свое предисловие к «антиволобуевской брошюре», в которой были собраны материалы двух широких дискуссий, проведенных по поводу экономической концепции М. С. Волобуева, ждал от Николая Алексеевича компетентных замечаний и пожеланий[429].

Итак, Николай Алексеевич был широко известен и пользовался высоким авторитетом в научных кругах не потому, что именно ему, согласно служебным функциям, подчинялась Украинская академия наук, а благодаря своим действительно фундаментальным научным трудам, своему весомому вкладу в фундаментальную науку. Конечно, далеко не все были согласны со скрыпниковскими научными подходами, взглядами, концепциями. Однако это только лишний раз подчеркивало оригинальность, принципиальность позиции политика, государственного деятеля и ученого. Поэтому и его избрание академиком в том же году практически всеми было встречено как закономерное, естественное, понятное. А сам он гордился (как всегда, сдержанно) высоким научным званием, участвовал в научных сессиях, выступал с докладами и не только по долгу наркома, заинтересованно руководил этой непростой отраслью.

И еще одно. Все подведомственные учреждения, коллективы Н. А. Скрыпник с присущей ему энергией (кое-кто считал, что даже с упорством, достойным удивления) стремился организационно, материально и в кадровом отношении укрепить. Совсем не в его характере было подрывать, уничтожать дело, которым он руководил, тем более готовить это исподтишка – такое было просто ниже его достоинства. До последних месяцев жизни, когда произошел душевный надлом, он шел на любой бой и с кем угодно открыто, а вера в правоту своей позиции просто исключала заговоры, закулисные коварные приемы и тому подобное.

И литературная сфера здесь достаточно наглядный пример. А больше всего заслуживает внимания, думается, то, что не только говорил Николай Алексеевич в ходе многочисленных тогдашних литературных дискуссий (как подтверждение исповедуемых им общих принципов и подходов), но и то (и второе, возможно, еще важнее), как он себя вел относительно творческих групп, взгляды которых не разделял, решительно критиковал, осуждал и отвергал.

Приведенный выше пример с полищуковским «Авангардом» отнюдь не единичный. Очень похожей оказалась история с признанием «Технически-художественной группы А» во главе с Юрием Смоличем и Майком Йогансеном. Весьма показательным было отношение и к неоклассикам, их лидеру Николаю Зерову.

Очевидно, персонально последнего нарком оценивал не слишком высоко, что само по себе, конечно, не является грехом. Ведь, как говорится, «о вкусах не спорят». Николай Алексеевич даже иронично, а возможно, и пренебрежительно (что вообще не очень для него характерно) назвал неоклассиков «гражданами Зеровыми». Однако, имея свою позицию, нарком совсем не отказывал в таком же праве (и особенно в столь сверхсложной сфере, как литература, искусство, когда нередко настоящее понимание художника, творца, осознание его гениальных предположений, предостережений приходят не сразу) и другим. Поэтому ни Н. Зеров, ни М. Рыльский, ни П. Филипович, ни М. Драй-Хмара, ни М. Могилевский, ни А. Бургарт не имели никаких ограничений (конечно, выходивших из ведомства Скрыпника) в своей деятельности, в возможностях издания своих произведений. Как, кстати, не имел их до времени и Сергей Ефремов, иронично-циничное отношение которого к пролетарской литературе, социалистическому государству, Советской власти в кругах интеллектуальной и политической элиты ни для кого не было секретом.

Вполне в духе позиций Николая Скрыпника была реплика в адрес Ивана Микитенко во время диспута в Харькове 18–21 февраля 1928 г. Заметив, что писатель не реалист, а натуралист, руководитель национально-культурного строительства успокаивающе добавил: «Ничего плохого нет в этом. Но надо быть хорошим натуралистом – вот в чем дело». Последнее предостережение свидетельствует, что в литературе, искусстве он превыше всего ставил их художественные качества, характерный для духа эпохи поиск новых эстетических форм. Поэтому поддерживал и «неудобного» Евгения Плужника из объединения «Ланка» («Звено»), и драматурга Николая Кулиша, пьесы которого совсем «не дышали революционным пафосом» и очень противоречиво воспринимались публикой.

За все это, в конце концов, П. П. Постышев выдвинет обвинение, будто «за широкой спиной Скрыпника» прятались, объединялись идейные, классовые враги, враги пролетарской культуры. А И. М. Кошеливец, вопреки этому, приведет прямо противоположную оценку: «Можно многое ему (Скрыпнику. – *В. С.)* предъявлять (что автор, кстати, и делает. – *В. С.),* но следует признать, что он поддержал и продолжил литературное возрождение до последних дней своей жизни. Собственно, продлил на полдесятка лет после того, как национал-коммунисты уже никакой возможности влиять на события не имели»[430].

Из упреков, содержащихся по адресу Николая Скрыпника в пространном труде И. М. Кошеливца, отметим лишь главные:

«вмонтированный» в догматическую по природе тоталитарную систему, нарком просвещения Украины мог поддерживать развитие украинской литературы и искусства только до определенного предела («идти дальше которого означало бы потерять все»), и сам был «до верху» заражен догматизмом, «впрыснутым ему идеей пролетарской революции, откуда доминантная догма его мышления: построение действительно суверенной, но… пролетарской Украины»[431]. Из последнего Кошеливец выводит «пренебрежение и недоверие» Скрыпника «ко всему старому», что, как было выше показано, далеко не так, во всяком случае – совсем не так упрощенно-однозначно.

Отсюда же выводится абсолютизация Николаем Алексеевичем идеала пролетарской литературы и ее метода – социалистического реализма, также в значительной мере противоречащая как приведенным выше фактам, так и несравненно большему их количеству, оставшемуся за пределами данного произведения, однако легко устанавливающемуся хотя бы при ознакомлении с пятитомником его произведений. Однако Кошеливец также не довольствуется общими соображениями на абстрактном уровне и в их подтверждение приводит аргументы, согласно которым нарком выводил за пределы украинской литературы произведения тех авторов, «которые не признают пролетарского государства… вне зависимости от того, хотя бы и талантливыми писателями они были»[432].

При этом цитируется сам Н. А. Скрыпник: «…Бывают хорошие литературные произведения. Есть значительные художественные произведения, например Маланюка, написанные по-фашистски, но разве мы их берем в круг нашего внимания, как достижения нашего искусства? Разумеется, нет… Следовательно, и Маланюка – писателя с “Литературно-научного вестника” («Літературно-наукового вісника». – *В. С.)* – мы можем полностью оставить за пределами своего эстетического внимания, своего художественного подхода ко всему процессу украинской литературы. Это те люди, которые стоят за пределами украинской литературы – этой единой неделимой части целого творческого процесса украинских трудящихся масс»[433].

Сказанное о Е. Ф. Маланюке И. М. Кошеливец переносит, «пусть и не так категорично», на «всех остальных в эмиграции», а также и на «значительную часть интеллигенции – граждан УССР»[434]. Формула о «всех остальных в эмиграции» слишком искусственна. Значительно правильнее было бы говорить лишь о тех, кто писал так, как Евгений Маланюк. Но были в эмиграции и такие, которые писали так, как, скажем, Владимир Винниченко. А здесь отношение, как известно, было совсем другим.

Что касается «значительной части интеллигенции – граждан УССР», то Кошеливец вспоминает со многими оговорками Сергея Ефремова и, тоже с оговорками, Николая Зерова, всех «граждан Зеровых», то есть «всех остальных неоклассиков», Евгения Плужника «и многих других»[435]. И в заключение автор утверждает: «Да и сама пролетарская литература едва ли такой вполне была. Все, что в ней было лучшее, с пролетарскостью не имело ничего общего»[436]. В качестве аргументов для последнего вывода приводятся произведения Бориса Антоненко-Давыдовича – повесть «Смерть» (1928 г.) и путевые очерки «Землей украинской», драматургия Николая Кулиша и роман Юрия Яновского «Четыре сабли» (1931 г.).

Безоговорочное изъятие упомянутых произведений Николая Кулиша и Юрия Яновского из наследия пролетарской, советской литературы, думается, способно удивить многих. Здесь почтенный биограф, похоже, увлекся и несколько переоценил определенные тенденции, выдал желаемое за действительное. И если даже вынести эти моменты вместе с упомянутыми выше сюжетами о Ефремове, Зерове за скобки на том основании, что они как минимум спорные, то в активе Кошеливца (то есть в аргументации) остается не так уж и много: Маланюк и Антоненко-Давыдович.

Допустим, что Н. А. Скрыпник заслуживает критической оценки за то, что через идеологическую ангажированность и без достаточного мотивирования художественно-эстетического характера выводил за рамки украинского литературного процесса труды Е. Маланюка (хотя в приведенной цитате он относил их к «хорошим литературным произведениям»), а также в дополнение – Б. Антоненко-Давыдовича.

Как же тогда можно относиться к позиции Кошеливца, когда он из национального литературного процесса исключает практически весь ее массив? И, между прочим, основания те же, что и у Скрыпника, – идеологические, только с другим знаком – не заслуживают имени национально-литературных явлений труды пролетарских писателей. А речь ведь о таких именах, как Максим Рыльский и Павел Тычина, Николай Бажан и Андрей Головко, Александр Довженко и Владимир Сосюра, Александр Корнийчук и Остап Вишня…

А еще и «расстрелянного возрождения» – целая плеяда литераторов, которые росли при управлении Скрыпника идеологическим сегментом общественной жизни и подверглись репрессиям после его смерти. Как же можно отказывать им в праве быть национальными культурными деятелями?

В заключение – о догматическом мировоззрении Николая

Скрыпника, которое якобы мешало ему оценить литературу действительно национальную в отличие от «литературы пролетарской». При ином подходе нарком тогда бы, дескать, действовал в интересах Украины, а не «мифического пролетарского государства», «коммунистической утопии», если бы за национальный идеал взял произведения Е. Маланюка и Б. Антоненка-Давыдовича, еще нескольких им подобных авторов (кто они – гадать трудно, когда в публикации они не называются) и решительно отверг всю остальную литературу, если она не была откровенно антикоммунистической, антироссийской.

Осуждение политического деятеля, особенно через много лет после того, как он ушел из жизни, не может вступиться за свои взгляды, дело не такое уж и сложное. Но не целесообразнее ли и продуктивнее, если мы действительно хотим узнать настоящего Н. А. Скрыпника, ход его мыслей, нелегкий, часто болезненный поиск истины, попытаться понять неординарную личность и (без желания кого бы то ни было обидеть) подняться до уровня человека, чье поведение, поступки влияли на историю, на судьбу нации, народа, страны. А для этого, прежде чем выносить осуждающий вердикт (не только в случае с Николаем Алексеевичем), следует хоть на минутку приостановиться, понять, почему исследователи спустя десятилетия и века вынуждены, обречены изучать деятельность таких исторических личностей, как Николай Скрыпник, и спросить себя – а «ученые-судьи», если бы каким-то чудом оказались на месте «Скрыпников», были бы способны осуществить хоть долю того, что сделано объектами, даже – героями! (и это точно) – их (историков, представителей других отраслей знания) внимания.

Возможно, на этом стоило бы поставить точку в и без того затянувшейся дискуссии, но нельзя не затронуть вопрос и по поводу предположения, будто испытанный революционер и крупный государственный деятель сегодня не может эффективно защищаться от оппонентов. Может! И еще как!!

Кто еще, кроме «коммунистического догматика Скрыпника», мог в 1929 г. (не забываем – «год великого перелома», год сталинского юбилея, определяющий год в становлении – может, точнее, в окончательной победе – тоталитарной системы) ломал все упрочившиеся стереотипы и бесстрашно выступал со статьями в принципиальную оборону национальной самостоятельности украинской литературы? Гадать не стоит – никто!

А нарком образования по поводу недели украинской литературы в Москве выразил открытое недовольство наименованием события, от которого, как он счел, повеяло духом великодержавничества. «Так называют российские газеты, – писал

Николай Алексеевич в статье “Украинская неделя в Москве”, – встречу русских и украинских писателей, происходящую в Москве. Название неверно. Дело не в том, что там, в Москве, идет украинская неделя показа (тут и далее подчеркнуто мною. – *В. С.)* украинской литературы русскому писателю или читателю. Дело в том, что там происходит встреча двух новых советских литератур. Представители новой советской литературы, имеющей за собой давнюю историческую базу русской культуры, до революции – господствующей, идут на братскую встречу с представителями новой советской литературы украинской, имеющей за собой столетия угнетавшейся, гонимой и заброшенной украинской культуры. Какова суть встречи, какой ее исторический и политический смысл? Сущность и смысл таковы: окончательно ликвидировать старое недоразумение и недоверие и закрепить пути сотрудничества для единой цели на различных национальных территориях»[437].

Лейтмотив статьи заключается в том, что украинская литература может и должна развиваться в сотрудничестве с русской, белорусской, иными литературами, но без претензий, посягательств на руководство с чьей бы то ни было стороны. Равенство национальных литератур – вот идеал, за который Н. А. Скрыпник боролся и готов был идти, как еретики, на костер. И, между прочим, тот костер уже разгорался, все сильнее полыхал и попасть на него было гораздо легче, чем В. К. Винниченко или Е. Ф. Маланюку, не пропускавшим возможности из-за дальних границ «уколоть» собратьев по перу из Советской Украины, которые, дескать, в очередной раз «поехали бить челом Москве». Отвечая обоим, украинский деятель отмечал: «Им совершенно непонятно, как это могло случиться, что в нашем Советском Союзе теперь разве что какие-то историко-литературные ихтиозавры могут отрицать самостоятельность украинской литературы и культуры в ее историческом прошлом, в ее настоящем и в ее грядущем развитии. Для нас, работников Советского Союза, такими же дикими и недопустимыми являются заявления некоторых представителей литературной критики о том, что Шевченко является одним из представителей русской литературы, а русские классики – Толстой, Тургенев, Некрасов и т. д. – в такой же мере являются для современных украинских писателей предками и учителями, как и для современных писателей русских»[438].

Итак, обособленность, самостоятельность украинской литературы Николай Скрыпник защищал просто-таки отчаянно. И здесь для него не было ни императивных директив, ни общепризнанных авторитетов, перед которыми он пасовал.

Весьма показательно отношение к Максиму Горькому, творчество которого Николай Алексеевич высоко ценил, но вместе с тем некоторые антиукраинские высказывания не мог ему простить. В той же статье «Встреча» автор напомнил, как украинские литераторы обратились к автору романа «Мать» за разрешением на перевод произведения на украинский язык. Ответ из Соренто, где тогда находился М. Горький, просто ошеломил: «…Перевод этой повести на украинское наречие… не нужен…» Правофланговый советской культуры, оказывается, был удивлен поведением людей, которые «стремятся сделать наречие “языком”… и угнетают тех великороссов, которые очутились меньшинством в области этого наречия»[439]. То есть украинский нарком без тени пиетета и с высоким достоинством заявил: «Украинский читатель ценит М. Горького как писателя, украинский писатель радушно встречал в Харькове приезд Горького, хотя и надеялся, что М. Горький не только в частной беседе, но и в печати отречется от своих прежних заявлений (в начале 1926 г.), от которых несет навозным запахом русотяпства»[440].

Статья «Встреча» была опубликована в один день – 7 февраля 1929 г. в харьковском «Коммунисте» и московских «Известиях». Однако «Известия» процитированные выше строки опустили, что вызвало мгновенный решительный протест Н. А. Скрыпника, помещенный через день, 9 февраля, в приложении к «Известиям» – издании «Литература и искусство».

Нарком просвещения Украины не только упорно защищал украинскую литературу, искусство, культуру именно как национальные феномены, но и энергично «продвигал» их в мир, в Европу. Здесь примеров, возможно, не так много, но они весьма показательны.

Во время путешествия во Францию осенью 1927 г. Николай Алексеевич жадно впитывал в себя новейшие достижения зарубежной, в первую очередь, разумеется, французской культуры, искренне жалел, как мало о них было известно в Украине, пытался завязать прочные отношения между Францией и Украиной. С удовольствием констатируя наличие в учебных заведениях украинских публикаций, он заявил: «Я… сделаю, как нарком просвещения, все от меня зависящее, чтобы в парижских библиотеках, в первую очередь в библиотеке Института славяноведения, образовались украинские отделы»[441]. В разговорах с парижскими учеными советский нарком доказывал, что французам просто необходимо изучать украинский язык, без чего «ни один француз не сможет ничего делать в Украине».

После визита завязались отношения с французской стороной.

Их результатом, по мнению Ильи Борщака, в частности, стало то, что «благодаря Скрыпнику и М. Яворскому Украинский отдел Института славяноведения при Парижском университете является сегодня (написано в 1950 г. – *В. С.),* несомненно, лучшим во всей Западной Европе»[442].

После изложенного предпочтительнее всего дать возможность читателю самому делать выводы о зависимости Николая Скрыпника от партийных догматов и о его личной «пропитке» тем же догматизмом. Однако, чтобы автора этих строк не обвинили в стремлении уклониться от определенного ответа на им же поставленные вопросы, следует формулировать твердое, категорическое отрицание.

Догматиком, закоренелым доктринером Николай Алексеевич не был. И, собственно, именно потому, или в первую очередь потому, ему пришлось самому сводить счеты с жизнью – так как по догмам он никогда не жил, а когда его попытались силой заставить это сделать – другой формы протеста, выхода он не нашел!

* * *

XX век принес украинскому народу немало таких изменений, о которых долгие и долгие времена только мечталось. И мало кто из украинской элиты всерьез надеялся, что уже при его жизни можно будет приступить к практической реализации таких заветных идей, как соборность (единство) украинства, его земель. Однако растерзанный народ не терял веры в то, что рано или поздно эта мечта все равно воплотится в жизнь. А двое талантливых его сыновей, страстных патриотов из Приднепровья и Галиции – Н. И. Михновский и Ю. А. Бачинский еще на рубеже XIX и XX вв. конкретизировали видение нацией своего будущего в лапидарном лозунге «Украина от гор Кавказских по горы Карпатские». Этот лозунг в полной мере соответствовал научным данным о расселении этнических украинцев.

Возникновение в водовороте революции государственных образований на обломках Российской и Австро-Венгерской империй – Украинской Народной Республики и Западно-Украинской Народной Республики, их взаимное влечение к единению в 1919 г. не привели к вожделенному результату[443]. Более того – западные украинские земли волей победившей Антанты на Парижской мирной конференции были распылены между Польшей, Чехословакией и Румынией. С этим не могли согласиться ни украинцы в УССР, ни их этнические братья,

которых судьба заставила жить в чужих странах. Поднимаясь на борьбу за свое социальное и национальное освобождение, украинцы Восточной Галиции, Закарпатья и Северной Буковины одним из главных стремлений постоянно считали соборность всех украинских земель.

Проблема объединения украинства никогда не выпадала из поля зрения Н. А. Скрыпника. Он систематически освещал ее в советской прессе, по разным поводам обращался к порабощенным отрядам нации, принимал непосредственное участие в деятельности коммунистических организаций западных регионов, определении ими стратегии и тактики борьбы за национальное и социальное освобождение.

Нарком УССР неоднократно направлял различные послания к закарпатским украинцам, пытался разобраться в развитии национального движения в регионе. Среди самых заметных его документов и акций «Письмо к закарпатским рабочим и крестьянам с Великой Украины», «Национальное возрождение в современных капиталистических государствах на примере Закарпатской Украины», «Победа Коммунистической партии Закарпатской Украины», «ЦК КПУ и национальный вопрос на Закарпатской Украине»[444].

Еще пристальнее следил Николай Алексеевич за развитием событий за Збручем, беспощадно клеймил политику полонизации, окатоличивания, пацификации, осадничества, осуществлявшейся Польшей относительно украинцев, с крайней вспыльчивостью, непримиримой воинственностью вторгался в дискуссии, которые велись внутри Компартии Западной Украины, страстно доказывал свою правоту и энергично обличал действия тех, кого считал оппортунистами, отступниками от пролетарской, коммунистической, интернационалистской линии. Член Политбюро ЦК КП(б)У так часто обращался к вопросам внутренней эволюции в коммунистических организациях Западной Украины, раскола («разлома»), который там произошел (достаточно вспомнить хотя бы такие его работы, как «Итоги борьбы с национальной изменой», «Очередные задачи социалистического строительства и национальная политика на Советской Украине», выступления и доклады на III съезде КПЗУ, «За ленинизм в национальном вопросе», «Националистический уклон в КПЗУ», «От уклона к измене», доклад на пленуме ЦК и ЦКК КПУ 13 марта 1928 г., «За пролетарскую победу», ответ на приветствие делегатам Западной Украины и Закарпатской Украины на X съезде КП(б)У и многие другие)[445], что, казалось, эти вопросы стали для него первостепенными и главными. Конечно, это было не так. Одно же из возможных объяснений

заключается в том, что Николай Скрыпник постоянно настаивал на своеобразной логической связи между зарождением уклонов от коммунистической линии в национальном вопросе и их перерастанием в устойчивую тенденцию: Хвылевой – пробный камень; Шумский – оформленные взгляды; лидеры КПЗУ – националистический уклон, оппортунистическое, предательское течение[446]. Очевидно, с этой точки зрения оперирование термином «шумскизм» имело определенный смысл. Ведь речь шла уже не о позиции одной личности, а о линии целой группы руководящих деятелей КПЗУ, которые стали на почву соображений А. Я. Шумского, пытались выработать соответствующий партийный курс и сплотить вокруг себя широкую партийную общественность.

Отправным моментом в подходе к проблеме отношений с украинцами за пределами УССР, поисках путей их грядущего объединения с основным этническим массивом нации для Н. А. Скрыпника было твердое убеждение: средоточием всех украинцев должна стать Советская Украина, а оптимальными принципами их сплочения в единую семью должна являться национальная и социальная политика КП(б)У. В докладе на XI Всеукраинском съезде Советов «Состояние и перспективы культурного строительства на Украине», часть которого Николай Алексеевич поместил в собрание своих сочинений под красноречивым названием «УССР – Пьемонт украинских трудящихся масс»[447], говорилось: «Мы знаем из западно-украинской прессы факты и данные, говорящие об огромном уменьшении украинских школ на территории, когда по целым воеводствам из того количества школ, которые существовали после Рижского договора (18 марта 1921 г. – *В. С.),* осталось только 3, мы знаем, когда украинские культурно-национальные институты уничтожали фашисты, поддержанные вооруженной силой различных представителей местной власти, мы знаем факты, когда громили украинские культурные институции, мы знаем случаи, когда сейчас по новому курсу национальной политики польского правительства преимущественное большинство школ стало утраквистическим (в данном случае – двуязычным. – *В. С.),* где вроде бы преподают на двух языках – польском и украинском, а в действительности украинский язык преподается как язык и только.

А когда мы вспомним, что в Бессарабии ведется огромная, настойчивая, злая, бешеная политика румынизации украинцев, когда мы видим, что на Закарпатской Украине, в Чехо-Словацкой республике ведется также бешеная политика чехизации украинцев, где даже запрещено употреблять слово украинец, то можем с уверенностью сказать, даже не входя в область общей

дипломатической политики, что в действительности наша Украинская Советская Социалистическая Республика, единственно возможная украинская республика, созданная в боях пролетариатом, действительно культурный Пьемонт целого украинского народа»[448].

Неутомимо защищая интересы национальных собратьев за пределами советской страны, Николай Скрыпник, очевидно, хорошо понимал, что здесь есть свои непреодолимые препятствия, а объединение с этими отрядами нации – не такая уж и непосредственная перспектива. Другие возможности он видел касательно украинцев, проживавших в различных советских республиках Союза ССР. Рассуждения украинского наркома в концентрированном виде были собраны в труде «О границах УССР»[449].

Партийно-советский деятель внимательно изучал статистические данные, согласно которым на 1 января 1927 г. за пределами УССР проживало 7 млн 976 тыс. украинцев. Из них 3 млн 226 тыс. были рассеяны и в различных регионах составляли национальные меньшинства. Остальные составляли компактные массивы. 3 млн 100 тыс. были жителями Северо-Кавказского края; 1 млн 650 тыс. – Центрального Черноземного края; в Воронежской губернии проживало 1 078 552 украинцев по национальности, а из них на украинском языке говорили 972 295, другие говорили на смешанном языке или на русском. В Курской губернии украинцев было 554 654 по национальности и 500 967 по языку. В Донецком округе украинцев проживало 206 520 по национальности и 193 174 по языку. В Донском округе – украинцев 498 287 по национальности и 255 399 – по языку. В Таганрогском округе 191 771 по национальности и 68 019 – по языку. Еще нагляднее данные, если их брать не по губерниям, а по уездам и округам. Когда по всей Курской губернии на тысячу жителей украинцев по национальности было 190,9 и 172,4 – по языку, а в Воронежской 326,1 по национальности и 293,9 – по языку, то по отдельным округам вырисовывалась совсем другая картина. В Грайворонском уезде украинцы составляли 550 000, в Белгородском – 267 000, в Ставропольском -255 000 и в Рыльском – 319 000. Между тем в Воронежской губернии, Россошинском уезде этот показатель достигал 896, в Богучарском -799, в Валуйском – 532, в Острогорском – 510, в Новохоперском -385, в Бобровском – 315 на 1 тыс. жителей. В регионе Северного Кавказа – в Донецком округе соответственно – 463, в Донском – 440 и в Таганрогском – 701. Но и уездные данные еще не давали полной картины, которую можно получить, только принимая во внимание волостные данные. Так, из общего количества 33 волостей южных

уездов Курской губернии с преобладающим (свыше 50 %) украинским населением имелось 8 волостей, притом в некоторых волостях этот процент поднимался значительно выше. Например, в ВеликоТроицкой волости украинцами были 83,8 %, в Грайворонской -86,2 %, в Красно-Ярусской – 88,3 %. По Воронежской губернии из 38 волостей юго-западной части губернии существовала 31 волость с преимущественным процентом (более 50 %) украинского населения, притом в половине их процент украинцев поднимался до 75 % и более. По Северо-Кавказскому Краю, в северо-западных округах (Донецкому, Донскому, Таганрогскому) в 9 районах из общего количества 21 украинцев было более 75 %, а в значительной части остальных районов – более половины общего населения[450].

Н. А. Скрыпника очень беспокоило состояние дел с обслуживанием культурных потребностей украинского населения в РСФСР, которое он определял, как «безусловно неудовлетворительное»[451]. Его вывод подтверждался данными Центрального статистического управления (ЦСУ) СССР, полученными в результате переписи населения 17 декабря 1926 г. «Даже относительно простой грамотности дело обстоит неблагополучно», – констатировал нарком УССР, поскольку по этому показателю украинцы РСФСР занимали лишь

18 место и находились ниже уровня средней грамотности в европейской части РСФСР в целом[452].

И это было неудивительно. Ведь на август 1926 г. в Курской губернии из 844 пунктов ликвидации неграмотности, 82 изб-читален,

19 библиотек не было ни одной украинской. К концу года украинизированных изб-читален было всего 4, а ликпунктов – всего 2.

В Грайворонском уезде, где украинцев по языку насчитывалось 95,5 %, только в 4 школах первой ступени была украинизирована первая группа. Там также функционировала лишь одна украинская изба-читальня, при том она снята с бюджетного финансирования, и только в одном педтехникуме украинский язык преподавался как предмет, а все остальные предметы изучались на русском языке.

В библиотеках не было украинских книг, в школах почти совсем отсутствовали украинские учебники. В Белгородском уезде украинизированные школы не могли в 1927 г. работать, потому что не было средств на приобретение украинских учебников. В Воронежской губернии картина была такой же, хотя там украинских школ насчитывалось в несколько раз больше, чем на Курщине[453].

Систематические ссылки на то, что не хватало учебников и учителей, готовых преподавать на украинском языке, наркома УССР не убеждали. Он не раз на фактах доказывал, что в вузах и педагогических техникумах России, в первую очередь в регионах с преимущественно украинским населением, подготовка кадров для работы в последующем на украинском языке вообще прекращалась. «Как правило, – подчеркивал Николай Алексеевич, – по всем смежным территориям с украинским большинством населения отсутствуют украинские газеты, украинский театр, украинская книга, украинский клуб. Приведу данные, например, об удовлетворении школами на родном языке украинского населения Северо-Кавказского Края[454]:

Округ Украинцы Украинцы Украинские
по народности по языку школы

Поскольку в течение последнего года ситуация и в этой сфере еще более ухудшилась, украинский нарком вынужден был прийти к безрадостному выводу:

«Такое положение несомненно приводит к тому, что обслуживание культурных потребностей населения уменьшается и определяет на деле усиленную и невольную русификацию украинского населения РСФСР, когда местные рабочие, одни не осознавая того, вторые – умышленно в течение многих лет не выполняют в этом деле многочисленных указаний, которые делали Всероссийский ЦИК, Наркомпрос РСФСР и другие центральные советские партийные органы РСФСР.

Общая характеристика, которую можно дать о состоянии украинского населения на территории РСФСР, смежной с УССР, – продолжает Н. А. Скрыпник, – может быть такой: школой украинское население или совсем не обеспечено, или обеспечено в очень незначительной степени. Все указания центральной власти в этом отношении на местах не выполняются. Местные органы власти на деле проводят другую линию по обслуживанию украинского населения, нежели намечает ее центральная власть и партия в целом. Что это не случайно, об этом свидетельствует факт закрытия украинских школ в Таганрогском округе, когда он был выделен из состава УССР и присоединен к Северо-Кавказскому Краю.

Административные органы, сельсоветы, волостные и уездные исполкомы, милиция, народной суд и все органы власти работают не на украинском языке, не на языке самого населения. В состав местных органов власти местные крестьяне и рабочие вовлечены недостаточно. Осуществляется фактический отбор по языковому и национальному принципу во время выборов всех этих органов власти и во время назначения на административные работы.

Здесь никакой преднамеренности, никакого плана нет, но на деле получается недостаточное вовлечение местного украинского населения в работу советов, образуется отставание, а поэтому и недостаточная советизация украинского населения. На этой почве растет недовольство, на этой почве усиливается враждебная нам агитация, значительные признаки которой отмечены и на Кубани, и в Воронежчине»[455].

Совсем другие тенденции, по мнению Николая Алексеевича, проявлялись в УССР, где благодаря осуществлению политики украинизации, несмотря на все недочеты, просчеты, а то и ошибки, перед каждым жителем открывались очень широкие возможности для национальной жизни, обеспечения всех его потребностей. С этой точки зрения принципиально правильным и чрезвычайно полезным было бы присоединение к Советской Украине смежных с ней территорий Советской России, где этническое украинское население было преобладающим.

По убеждению Н. А. Скрыпника, такой шаг вполне обуславливался ленинской национальной политикой и традициями (в подтверждение приводилась определенно негативная реакция В. И. Ленина на попытки выделения Донецко-Криворожского бассейна из состава Украины).

Велик был бы и вдохновляющий пример решения Советской властью национального вопроса как для украинцев, которые продолжали находиться в составе Чехословакии, Польши и Румынии, так и в целом для европейского сообщества.

Учитывал Николай Алексеевич и то обстоятельство, что еще в 1924 г. Украинская Коммунистическая партия инициировала постановку этого вопроса перед Исполкомом Коммунистического Интернационала, и тот в 1925 г. специальной резолюцией высказался именно за подобное решение проблемы.

К решительным действиям подталкивала и административная реорганизация Центрального Черноземного района, начатая в 1929 г. и создававшая благоприятные возможности для осуществления органического и справедливого решения. «Поскольку именно сейчас, – отмечал украинский политический деятель, – когда в Центральном Черноземном Крае ломаются старые административные губернские, уездные и другие границы, сохранившиеся вообще от дореволюционного времени, и идет перестройка их на новых основаниях, определяющих общие основы советского строя, именно теперь стоит принять меры, чтобы при этой перестройке не закрепить старого, сохранившегося от дореволюционного времени отделения украинских территорий в этом Крае от объединенной государственной формы общей территории украинского народа. В

ряде других принципиальных основ, на которых базируется административная реорганизация Центрального Черноземного Края, надо обдумать и национальный вопрос. Далее этот вопрос нельзя откладывать, отсрочка решения этого вопроса с 1925 года до настоящего момента дала свои значительные вредные последствия»[456].

Тогда, на рубеже 20-30-х годов, в условиях укрепления тоталитаризма с его непременным спутником – централизаторскими тенденциями и сознательным культивированием великодержавничества, попытки Н. А. Скрыпника приковать внимание общественности к насущным вопросам развития украинской нации были блокированы. А о практическом решении территориальных вопросов, изменении границ нечего было и мечтать. Тем большего уважения заслуживает мужественная, принципиальная, последовательная позиция украинского наркома, настоящего патриота своего Отечества.

Что касается тех групп украинства, которые проживали в отдаленных регионах РСФСР, то Николай Алексеевич настоятельно добивался создания для них таких же условий для национально-культурной, образовательной жизни, которые он пытался ввести через государственные учреждения в Украине для национальных меньшинств. Поэтому мимо его внимания не проходил ни один факт положительного решения хотя бы не столь уж значительных вопросов в интересах этнических земляков, заброшенных судьбой в далекие от Родины места. Так, он с восторгом приветствовал выход в свет в Саратове однодневной газеты «Лицом к колхозу» (материалы к перевыборам Рад (Советов) в украинских селах Нижневолжского края). Газета тиражом в 15 тыс. экземпляров была издана на украинском языке. Нарком образования тут же отозвался довольно пространной статьей «Возрожденный народ» в «Известиях ВУЦИК»[457], где тщательно проанализировал все материалы номера, положительно их оценил и призвал к распространению подобной практики[458].

В оценке осуществления национальной политики в Украине в конце 20 – начале 30-х годов, в проведении украинизации можно вполне согласиться с мыслью наркома УССР, согласно которой, «пожалуй, ни в одной из республик нашего большого Союза народов национальные процессы не проходили с такой глубиной и с таким размахом, как на Украине»[459]. Однако, если автор объяснял такой вывод преимущественно объективными факторами, справедливым будет отметить и роль субъективного фактора – а именно действительно подвижническую деятельность

самого Николая Алексеевича Скрыпника, которую можно мерить общенациональными и одновременно интернациональными историческими мерками.

В то же время есть все основания согласиться и с другой мыслью ответственного исторического деятеля и объективного аналитика, высказанной в статье «Девять лет национальной политики на Украине»: «Национальный вопрос и национальная политика – это отрасль, где имеем, может быть, одни из наибольших достижений, но также эта отрасль таит в себе, может, едва ли не одни из самых больших ошибок нашей прошлой деятельности»[460]. И здесь тоже не обойтись без уточнений. Те ошибки, которые были допущены в осуществлении национальной политики в прошлом, будут значительно преумножены в последующем. И одной из первых и самых трагических их жертв станет именно Н. А. Скрыпник.

* * *

Иногда на общественную жизнь пытаются перенести законы развития природы и утверждают: все в конце концов уравновешивается. Успехи и неудачи, победы и поражения, добро и зло, слава и бесчестие, любовь и ненависть… Очевидно, такой механистический прием можно критиковать, можно и опровергать. А можно подметить и удивительно убедительные примеры подобной изуверской «балансировки». И одним из таких наглядных свидетельств является судьба Николая Скрыпника.

Казалось бы, за полтора десятилетия после Октября он приобрел такой почет и был вынесен на такие высоты, что рядом с ним в Украине можно было поставить совсем немного тогдашних политических, общественных, научных деятелей. Однако в последние месяцы жизни его с невероятной яростью толкали в пропасть пренебрежения, циничного глумления, безграничных моральных издевательств. А когда он не удержался на узком карнизе и сорвался в вечную тьму, то вслед ему еще и бросали камни, кощунственно плевались, с брезгливым презрением вытирали руки. Будто бы ему мстили не только за его поступки, действия, на которые многие из вчерашних союзников, тех, кто называли себя товарищами и друзьями, были просто потенциально не способны, а еще больше за то, что он интеллектуально превосходил их и окружение часто просто вынуждено было принимать его предложения, логику, линию.

Вскоре после смерти Николая Алексеевича А. П. Любченко, тогдашний председатель Совета народных комиссаров Украины,

сокрушался по поводу своих и других партийно-советских руководителей упущений и ошибок в отношении деятельности вчерашнего коллеги. «Наша вина заключается и в том, – морализировал выходец из боротьбистской партии, – что мы Скрыпника, который имел звание, сделали директором ВУАМЛИН (Всеукраинской ассоциации Марксо-Ленинских институтов, образованной в 1932 г. в Украинском Институте марксизма-ленинизма. – *В. С.),* сделали его руководителем Ассоциации историков, секретарем фракции Академии наук, главным редактором УСЭ (Украинской Советской энциклопедии. – *В. С.*). Словом, расставлять людей он мог, не меньшие возможности имел пропагандировать устно и печатно свои националистические взгляды. Для этого нужны были только желание и настойчивость, а Скрыпнику нельзя отказать в настойчивости»[461].

Особое же недовольство «задним числом» вызвало то, что вокруг наркома образования собирались галичане-националисты, так сказать, по природе. В значительной мере его хлопотами звание академика и должность директора Географического института получил галичанин – талантливый и плодовитый исследователь, известный в мире ученый, основоположник украинской школы исторической географии, этнограф, народовед Степан Львович Рудницкий. Да к тому же профессор перед приездом в Советскую Украину десяток лет провел в заокеанских научных центрах, что, по мнению воспитанных в атмосфере подозрения ко всему иностранному советских руководителей, не могло пройти для ученого бесследно.

Институт истории в ВУАМЛИН возглавлял тоже галичанин, академик Матвей Иванович Яворский, историческая концепция которого на протяжении нескольких лет была объектом неистовых нападок агрессивной «молодой поросли». Там же работал и Михаил Сергеевич Грушевский, исторические взгляды которого советская историография связывала прежде всего с «галицкими влияниями», которые профессор получил за долгие годы пребывания во главе кафедры всемирной истории Львовского университета.

В институте философии руководителями были выдвинуты галичане Владимир Юринец и Петр Демчик, на разносную критику которых нарком, похоже, не очень обращал внимания.

А в редакции УСЭ нашел пристанище галичанин Юлиан Александрович Бачинский, чья «Ukraina irredenta» с 1895 г. была одним из программных документов национально-освободительного движения, воплощением самых радикальных лозунгов соборного самостоятельного украинского государства.

На одну из руководящих должностей в «Книгоспилке» был выдвинут галичанин Иван Николаевич Лизанивский.

Всем известно было привлечение в комиссию по украинскому правописанию, которую возглавил Н. А. Скрыпник, и приглашение на всеукраинскую «правописную конференцию» (т. е. конференцию по вопросам правописания. – *В. С.)* галичан Василия Ивановича Симовича, Иллариона Семеновича Свенцицкого и др.

Раздражала самолюбие партийно-советского руководства и постоянная симпатия, даже проявлявшаяся со стороны наркома опека театра «Березиль» во главе с подлинным талантом-самородком, художником-новатором Лесем Курбасом (Скрыпник «дошел до того», что предлагал принять этого «подозрительного» галичанина в ряды КП(б)У). И состав труппы, молниеносно завоевавшей огромную популярность, был также преимущественно галицким: Амвросий Бучма, Иосиф Гирняк, Мариан Крушельницкий, Фауст Лопатинский…

Этот перечень галичан, которые выдвигались, поддерживались наркомом УССР и в государственном аппарате, и во всех подчиненных ему ведомствах и учреждениях, можно было бы продолжать. Замыслы же наркома простирались и значительно дальше. Он, в частности, планировал в условиях кадрового голода пригласить из Западной Украины в Надднепрянщину 1,5 тыс. учителей.

И все это в свое время считалось нормальным, не вызывало удивления. До поры до времени никто, кажется, не обращал внимания, что ближайшим советником человека, с которым ежедневно общался, которому давал самые деликатные и интимные (конечно, в кадровом отношении) поручения Николай Алексеевич, был тоже выходец из Западной Украины, и вдобавок еще и бывший помощник – одно время личный секретарь В. К. Винниченко – Александр Иванович Бадан. Такой ученый секретарь Наркомата просвещения и ближайший сотрудник члена Политбюро ЦК КП(б)У, советского наркома – с изменением обстоятельств станет уже «бедой всей Украины» и просто «бесценным подарком» ее врагам.

Ведь тот же А. И. Бадан готовил к печати книги скрыпниковского пятитомника как секретарь комиссии Украинского института марксизма-ленинизма в деле издания произведений Николая Скрыпника (в комиссию входили С. П. Викул (председатель), А. И. Бадан (секретарь), А. А. Речицкий, М. И. Яворский, В. А. Юринец, Ю. П. Мазуренко, Г. Рохкин). То есть опять руками в значительной мере тех же галичан изготавливался почти самый мощный «идейный взрывной заряд» против

интернационализма, Советского строя, Коммунистической партии.

Что касается галичан в целом, то действовал еще один, независимый от Н. А. Скрыпника, чрезвычайно важный фактор. В оккупированной Польшей Западной Украине жестко осуществлялась политика полонизации, безжалостного уничтожения всего украинского: науки, культуры, образования. В душной атмосфере шовинистического чванства и террора украинским интеллектуалам, специалистам было просто невыносимо. И часть из них неудержимо стремились на Большую Украину, руководствуясь генетическими позывами и мечтами о недалекой грядущей соборной Украине, приблизить которую могла сознательная напряженная работа над ее всесторонним, в том числе культурным, интеллектуальным развитием.

Не воспользоваться такой ситуацией (ее никак не назовешь простой) для одного из руководителей УССР было бы недопустимой ошибкой. В интересах обеих ветвей народа, в интересах сохранения и приумножения украинского начала, в интересах украинизации рационально-патриотично было открыть дверь патриотам-украинцам («западникам», галичанам) с целью дальнейшего совершенствования нации, всемерного приумножения ее потенциала и достижений, во имя ее соборного будущего.

Очевидно, сам Николай Алексеевич был просто бессилен отрицать обвинения в его особых симпатиях к галичанам. Он любил всю Украину и одинаково любил всех украинцев – и приднепровских, и галицких, и буковинских, и закарпатских, и придунайских, и курских, и воронежских, и донских, и кубанских, и брестских… И вовсе не от его субъективной позиции зависело состояние кадрового обеспечения многих участков – национально-государственного, научного, культурного, художественного, духовной жизни в УССР.

С таким же успехом его можно было обвинять, что ключевыми фигурами в Академии наук были С. А. Ефремов, М. С. Грушевский, А. Е. Крымский, Д. И. Багалей, Д. И. Яворницкий… Как можно было убедить тех, кто не хотел слышать никаких возражений о том, что он – Н. А. Скрыпник – никогда не прибегал к мелкому политиканству, что по человеческой природе был революционером-максималистом? Получая партийное поручение, он всегда относился к нему со всей ответственностью, как к важнейшему делу. И хотел двигать это дело как можно масштабнее и оптимальнее, прежде всего – синхронно тем процессам строительства новой жизни, весомые результаты которых надеялся видеть уже на своем веку.

Скрыпник свято верил в необходимость культурной революции и украинизации, считал их определяющими звеньями всего дальнейшего общественного развития. Однако ни для кого не было секретом: для реализации грандиозных замыслов элементарно не хватало интеллектуальных сил, которые взращиваются, лелеются десятилетиями и даже веками. А первопроходцы и созидатели нового строя, кроме социального оптимизма, в основном мало чем были вооружены, в своей массе были просто малообразованными. И это та сфера, где красногвардейской атакой можно больше навредить, чем достичь.

Вот и приходилось считать привлечение каждой национальнокультурной личности к процессам создания нового строя в Украине реальной победой. И при всей «ежистости» своего характера нарком образования – еще недавний политический оппонент и противник УНР – искренне радовался, когда на службу народа УССР становились вчерашние вдохновители и организаторы, руководители Украинской революции, такие как М. С. Грушевский, С. А. Ефремов, П. А. Христюк, М. И. Шраг, бывшие боротьбисты, укаписты, представители других партий, не вышедшие победителями в событиях 1917–1920 гг.

Попутно стоит заметить, что трудно согласиться с довольно распространенным мнением, будто лидеры украинского движения в революционную эпоху возвращались в УССР в середине 20-х годов с целью изменить строй в республике, мало – не для ведения подпольной подрывной работы. Думается, названные личности, как и многие другие, участвовавшие в социалистическом строительстве, не заслуживают такого, в своей глубинной сути – унизительного, отношения. Они были исторически более масштабными, благородными, нравственно чистыми.

Не следует забывать, что они, как правило, были выходцами из социалистических партий, и разорвать с идейной пуповиной для них было равнозначно измене и убеждениям, и собственному народу. Им хватило мужества признать свое политическое поражение, и это признание было не мнимым, а искренним. Непреодолимая же любовь к Родине, родному народу, родному краю звала на украинскую землю, предопределяла приложение усилий к делам, которыми жили народ, нация. Ведь именно здесь строилась, созидалась Украина – да, советская и не такая, возможно, и совсем не так, как им хотелось бы, но они горели желанием служить ей, как могли, а не бороться против нее.

Конечно, при этом нельзя было ожидать от них безоговорочного и абсолютного признания большевистского курса, платформы Советской власти. Однако и считать такие

учреждения, как Украинская академия наук, островками скрытого, но непримиримого сопротивления КП(б)У, Москве – сущностно противоречить объективности. И кто стремится доказать это, очевидно, делает еще одну ошибку в выстраивании системы координат, в которой в конце концов оценивается ход украинизации, ее результаты.

Именно органичное сочетание заботы о национальном аспекте развития Украины с социальными преобразованиями, представлявшимися в целом прогрессивными, определяло «украинизаторскую функцию» политиков, ученых, литераторов, художников, актеров, какими бы ни были их прежние предпочтения и региональное происхождение. И еще об одном. Когда П. П. Постышев, А. П. Любченко, Н. Н. Попов, А. А. Хвыля и еще многие другие «со всей пролетарской прямотой» развенчивали Н. А. Скрыпника за то, что за «широкой наркомовою спиной» «загнездились» «стаи» «классовых и национальных врагов», в душе они хорошо понимали, какую неправду они возводят на принципиально честного человека. Врагам бы он руки ни за что не подал, ни за что не стал бы общаться с ними, а тем более – защищать.

Дело в том, что он, очевидно, был фигурой, равновеликой в духовном отношении, в человеческом достоинстве М. С. Грушевскому, С. А. Ефремову, В. К. Винниченко…

Н. А. Скрыпник умел прощать. И прощал столь же искренне, насколько искренними были раскаяния тех, с кем когда-то приходилось вступать в смертельный поединок. Для него они больше не были врагами, а союзниками в деле служения самой высокой ипостаси – народу, высокой цели – Родине, Украине.

Поэтому-то он, сколько мог, защищал выдающегося украинского историка, бывшего председателя Центральной рады М. С. Грушевского.

Скорее всего, не без душевного смущения Николай Алексеевич как-то нерешительно присоединил свой голос к тем, кто клеймил бывшего лидера Украинской партии социалистов-федералистов, заместителя председателя Центральной рады С. А. Ефремова. При его уровне информированности и интуиции он вообще вряд ли поверил в истинность «Дела “Союза освобождения Украины”». Кстати, в следственных документах зафиксирован интересный эпизод допроса прокурором председателя Союза украинской молодежи Павлушкова:

«**Прокурор**. Уговаривал ли Вас Ефремов к террору?

Павлушков. Меня лично на террористический акт не уговаривал, но говорил это организации.

Прокурор. Я напомню Вам из Ваших признаний (зачитывает

признание Павлушкова): «Ефремов делал в мой адрес вполне прозрачные намеки в таком духе, что Скрыпника надо ликвидировать в один из приездов его в Киев…».

Не говорил Вам этого Ефремов?

Павлушков. Не мне, а организации»[462].

Можно допустить, что Николаю Скрыпнику стал известен этот факт – ведь с помощью тогдашних радиопередач его стремились сделать достоянием широкого круга. Однако никакой публичной реакции со стороны Николая Алексеевича не было – очевидно, он все же немало сомневался в правдивости происходившего.

Буквально до последних своих дней советский нарком не прекращал переписываться с бывшим лидером украинских социал-демократов, заместителем председателя Центральной рады, первым главой украинского правительства – Генерального секретариата и председателем Директории УНР В. К. Винниченко. Письма последнего с неизменной подписью «С правдивым уважением, Н. Скрыпник» вообще вызывают особые чувства. За ними образец уважения неординарной личности, мыслителя, таланта, художника.

Ведь именно при скрыпниковском руководстве идеологической сферой в Украине было предпринято два самых полных за все времена (и до сегодняшнего дня) издания произведений выдающегося украинского прозаика, драматурга, публициста – в 23 и 28 томах.

Винниченко посылал очередные свои литературные произведения советскому наркому как разумному, рассудительному политику с тонким, требовательным вкусом, и они вскоре выходили в Украине массовыми тиражами (конечно, не все, но те, которые можно было распространять, учитывая множество различных факторов). А Николай Алексеевич внимательно следил, чтобы писателю вовремя и в надлежащем объеме отправлялись во Францию, где жил Винниченко, гонорары.

Наконец, творчество В. К. Винниченко никогда не изучалось в таком объеме в школах и вузах, как это было во времена Н. А. Скрыпника. Так, что слова «правдивое уважение» – это не просто обязательная для вежливого человека атрибутика, а высокая правда жизни, которой эта жизнь, в конце концов, и есть во всей своей противоречивости и труднопостижимости.

* * *

Разнонаправленные, казалось бы, по существу и характеру усилия Н. А. Скрыпника в должности народного комиссара просвещения в комплексе были подчинены единой логике, в итоге были рассчитаны на эффект, который интегрально и представлял собой феномены украинизации, национального возрождения. И Николай Алексеевич за этим строго следил, что подтверждается массой фактов, сюжетами его произведений и т. п.

Примечательно, что кроме административного ресурса, который в полной мере использовал высокий партийно-советский функционер для осуществления украинизаторских замыслов, в его распоряжении был и важный специальный рычаг – фонд украинизации. Конечно, средства здесь были совсем не такие гигантские, которые тогда концентрировались для нужд развития экономики, и все же ежегодные 100 000 рублей, которые были в руках наркома образования, при разумном подходе могли действенно помочь тем направлениям украинизации, развития национальной жизни, которые нуждались в первоочередной, особой, срочной материальной поддержке. И Николай Алексеевич достаточно эффективно пользовался предоставленным ему правом.

Деньги направлялись для помощи редакциям периодических органов, переводивших выпуск своих изданий на украинский язык, для создания украинских библиотек, украинизации театров, для финансирования поездок в другие республики с целью общения с местными жителями – украинцами, для организации различных художественно-творческих, литературных конкурсов, для поощрения лучших представителей украинизаторских акций и процессов[463].

А если учесть, что Николай Алексеевич всегда был еще и удивительно инициативной, неугомонной личностью, готовой энергично поддерживать все новаторские предложения, то можно представить и масштабы, интенсивность, характер его деятельности в такой сверхважной сфере, которую принято именовать духовной жизнью.

Николай Скрыпник не раз ставил вопрос об открытии памятников Тарасу Шевченко, Михаилу Коцюбинскому, другим выдающимся сыновьям украинского народа и добивался серьезных сдвигов в подготовке соответствующих проектов[464].

Приняв 21 мая 1928 г. редактора «Рабочей газеты Пролетарий», Николай Алексеевич по результатам разговора, в котором затрагивались проблема усиления контактов работников культуры с промышленными рабочими, тут же издал распоряжение:

«1) Признать целесообразным созвать совещание в деле

организации экскурсий украинских писателей, музык[антов] и так далее в рабочие районы.

2) констатировать, что до последнего времени осуществлялось мало мер к тому, чтобы больше знакомить наше украинство с украинским красным писательством, путем непосредственного ознакомления его с произведениями украинских писателей, так и с самими писателями»[465].

В тот же день специальным постановлением нарком образования поддержал новаторство украинского театра «Веселый пролетарий», молодежная труппа которого осуществляла турне по республике, в частности по Донбассу, со спектаклями украинских драматургов и вызвала оживленную, заинтересованную реакцию местного населения. Были намечены меры по помощи театру в различных областях его насущных потребностей[466].

В то же время было признано крайне необходимым учредить в Харькове Украинский театр[467]. И это в дополнение к предыдущему намерению в кратчайшие сроки создать такой же театр в Донбассе, а всего оперативно открыть в республике не менее 5 украинских театров (ставился вопрос и о 9)[468].

Особую заботу Николай Скрыпник проявлял об украинской книге, считая ее самым мощным орудием духовного подъема нации, воплощения в жизнь украинизаторских планов. Он прилагал огромные усилия, чтобы преодолеть трудности, которых здесь оказалось особенно много, сломать негативные традиции и тенденции, имевшие очень устойчивую инерцию.

Рассматривая 20 января 1928 г. выводы Главлита о перспективных планах издательства «Пролетарий», Н. А. Скрыпник отметил:

«Хотя украинская книга сейчас уже достигла 40 % всех изданий, по названиям 46 %, по листажу 44 %, по тиражам 41 %, а по перепечаткам 49 %, однако же надо отметить:

1) Второстепенность тематики книг, издаваемых только на украинском языке по сравнению с темами книг, издаваемых только на русском языке.

2) При издании книг и на русском и на украинском языке украинское издание, выходя позже, является приложением, заранее рассчитанным на то, чтобы обслуживать только село и специально украинского читателя. Поэтому даже украинское издание “Пролетария” не рассчитано на то, чтобы быть орудием партии для украинизации, чтобы привлекать нового читателя.

3) В частности, надо отметить неравномерность процента украинской книги по различным отраслям издания, наибольший процент приходится на художественные, наименьший – на

социально-экономические издания, а научные издания на украинском языке почти полностью отсутствуют»[469].

Большие претензии выдвигались и к тематике изданий, не приближавших рабочих к традициям, обычаям украинской жизни, а крестьянина «не подтягивали» к культурному уровню украинского города. В тот же день нарком образования УССР с подобных позиций резко критиковал и план издательства «Украинский рабочий», обратив внимание даже на то, что украинская книга издается «менее солидно» (в том числе и по объемам) по сравнению с российской[470].

В то же время Николай Алексеевич настоятельно добивался распространения украинской книги и на селе, доказывал на самых высоких форумах острую необходимость удешевления печатного слова, рассчитанного на сельских жителей, не менее чем на 50 %[471], ставил вопрос об укреплении материально-технической базы полиграфической и бумажной промышленности[472].

Партийный и государственный функционер искренне радовался каждому существенному шагу на пути украинизации, каждому серьезному успеху, гордился ими и стремился использовать в агитации за приумножение усилий для торжества дела, в которое верил так же свято, как и в другие дела, за которые, в полном смысле слова, клал жизнь.

И как можно было не радоваться, например, тому, что только в течение 1925–1927 гг. «украинская литература получила больше изданных книг, чем в течение всего предыдущего 130-летия украинской литературы»[473]. Или как можно было не гордиться тем, что удалось преодолеть довольно значительные трудности, но все-таки перевести на украинский язык издание «Вестника Советской юстиции», уверенно доказав, что такой шаг не только не помешает развитию юридической науки, но и будет эффективно способствовать ее прогрессу[474].

Нарком испытывал не только удовлетворение, убеждаясь в том, какую поддержку политика украинизации получает в народных массах. Когда приступали к украинизации центрального органа КП(б)У газеты «Коммунист», возникало немало сомнений, в частности, по поводу ее тиража: не упадет ли он, не начнут ли читатели искать издания привычные, на русском языке, не проиграет ли от этого авторитет ЦК и его влияние на трудящихся. И поначалу казалось, что неутешительные пророчества небезосновательны. Однако общественная практика решительно опровергла опасения и доказала жизнеспособность осуществляемого курса. Н. А. Скрыпник с гордостью констатировал: за три года издания на украинском языке

«Коммунист» «перегоняет прежнее количество своих подписчиков. Из низовых коммунистов, из широкого рабочего актива выросла великая сила рабкоров и селькоров, связывающих теперь газету живыми нитями сочувствия и понимания с широкой массой пролетарского актива, окреп и вырос кадр сотрудников газеты, очень выросло идейное влияние органа и его руководящая роль в жизни нашей партийной организации»[475].

Особое вдохновение вызвал у наркома просвещения неуклонный рост в пролетарской среде авторитета украинской «Рабочей газеты Пролетарий». И как настоящий, весомый успех расценил Николай Алексеевич украинизацию в августе 1929 г. газеты «Одесские известия» и переименование ее в «Черноморскую коммуну» («Чорноморська комуна»). Учитывая полиэтнический состав населения города, это действительно была серьезная победа[476].

Николай Скрыпник хотел, чтобы об успехах украинской культуры, как результате эффективной национальной политики, знали все. Поэтому, присоединяясь к высоким оценкам советского искусства за 10 лет после Октября, он настаивал на том, чтобы в юбилейном сборнике «Власть Советов за 10 лет 1917–1927» (Ленинград, 1927) обязательно было выделено больше места для ознакомления читателей с достижениями национальных культур, в частности украинской. «Хорошо, – писал нарком УССР, – что сборник отметил декорацию худ. М. В. Добуженка к пьесе Луначарского “Оливер Кромвель”, но, может быть, большее культурно-историческое и художественное значение имело художественное оформление Петрицкого в

постановке Манзия “Князя Игоря” в одесской украинской государственной опере. Не мешало бы, пожалуй, рядом с трактатом о постановке театра им. Мейерхольда сказать и о постановке украинского театра “Березиль”, которым руководит режиссер Курбас…»[477]

Украинский нарком стремился, чтобы за пределами республики о ней знали как можно больше и имели возможность для адекватной оценки ее успехов в культурной, национально-культурной жизни. Так, приняв в Харькове группу белорусских писателей, Н. А. Скрыпник постановил направить в Минск делегацию литераторов Украины. В необычно сформулированном названии постановления «О командировке писателей за границу – в Белоруссию» нарком нашел нужным отметить: «Признать, что намеченная для поездки в Белоруссию группа украинских писателей в составе товарищей Вишня О., Кулик И., Панов А., Панч П., Пилипенко С., Полищук В., Семенко М., Сосюра В., Тычина П. представляет полностью украинскую советскую

литературу»[478].

Естественно, сразу был решен и вопрос о финансировании поездки.

Конечно, вышеотмеченное – это хотя и важные, выразительные, яркие, но все же отдельные детали, примеры. А благодаря должности, функциям, которые приходилось выполнять, перед глазами Николая Скрыпника постоянно вырисовывалась полная и истинная картина украинизации. К нему стекались все сколько-нибудь значимые сообщения, все достойные внимания документы. В них речь шла о трудностях, препятствиях, которые возникали, о просчетах, которые допускали партийные и советские работники. Однако общая тенденция была безусловно положительной.

Интересно, что нарком просвещения никогда не сомневался в целесообразности, правильности осуществляемого курса. А в его успехах видел детерминированность, объективность, глубинность процессов национального возрождения, которым Коммунистическая партия всячески способствовала, по словам Николая Алексеевича, «помогала»[479].

Собственно, в успешности реализации политики украинизации наглядно убеждали сводные статистические данные о качественных сдвигах буквально во всех сферах духовной жизни. Н. Скрыпник достаточно умело оперировал соответствующими цифрами. «На 1 декабря 1928 года, – отмечал он, – на Украине было 20 032 школы, в них училось 2 529 936 учащихся, в том числе было 2545 школ-семилеток, а в них учеников 946 672. На 1 января 1930 года мы имели 20 764 школы и в них учащихся 2 733 649, в том числе 2819 семилеток с 1 063 046 учениками. В первом концерне они распределяются по языку так: на украинском языке имеем 14 430 школ и в них 1 325 957 учащихся; на русском языке – 1504 школы с 112 735 учащихся; еврейском языке – 291 школа с числом учеников – 22 436; на польском языке – 302 школы и число учеников – 16 249. Остальные школы и ученики приходятся на другие национальные меньшинства.

Итак, охват детей 4-леткой во всеукраинском масштабе соответствует и настоящему национальному распределению и тем процессам, которые происходят в самой глубине трудящегося населения. В трудшколе второй степени имеем такое распределение учеников по национальному признаку: 1732 украинских семилетки с 128 824 учащимися, 267 русских с 78 906 учащимися, 178 еврейские с 44 820 учащимися, 23 польских с 4998 учениками. Из учеников 4-летки и 7-летки через обучение на их родном языке вырастает новое поколение, которое

обеспечит нам подготовку к неизбежному процессу, продиктованному переходом к реконструктивной эпохе»[480].

Общие тенденции сдвигов в образовательной сфере, подготовке кадров в полной мере касались и высших учебных заведений. Если в 1927/1928 учебном году процент украинцев в высших школах составлял 48,7, то в 1928/1929 году – уже 53,5. Этот результат был достигнут за счет того, что в последнем приеме процент украинцев достиг 62,8[481].

Параллельно развивался и процесс перевода преподавания на украинский язык. Здесь достижения были также весомыми. Н. А. Скрыпник, в частности, приводит следующие данные: «По педагогической вертикали – самый маленький процент преподавания на украинском языке был в Одессе и в Харькове, где преподавание украинизировано на 75 %. Далее следует Чернигов, Николаев, где преподавание украинизировано на 86–87 %. В Киеве преподавание украинизировано на 92 %, в Полтаве на 96 %, в Каменце-Подольском – 100 %. В соц. – экономической вертикали по всей Украине преподавание украинизировано на 60,8 %, по сельско-хозяйственной вертикали – на 65 %, в медицинской – на 63 %, в художественной – на 56,7 %, в индустриальной – на 20,7 %. Вообще, учитывая все вузы Украины, преподавание было украинизировано в 28–29 гг. на 37 %, а 1929-30 гг. – на 40 %.

Присмотримся к украинизации отдельных звеньев преподавателей. Украинизированный состав профессуры составляет 39,5 %, аспирантуры – 18,6 %, преподавателей – 40 %, научных сотрудников – 48,5 %»[482].

Наркомат образования проявлял в деле украинизации вузов четкую последовательность, настойчивость. В 1929 г. НКО решил принимать в аспирантуру исключительно тех, кто владел украинским языком. И хотя со стороны части пролетарского студенчества и отдельных партийцев было сопротивление этой директиве, но комиссариат твердо осуществлял избранную линию, и в аспиранты зачислял только тех, кто знал украинский язык. «Новая аспирантура сейчас украинизирована на 99 %, один процент – это те, кто сопротивляется украинизации. Новых учебников на украинском языке издается 76,8 %, а 23,2 % – на русском языке и языке нацменьшинств»[483].

Устойчивость приобрела не только тенденция украинизации учебников, но и книг, печатной продукции вообще. Если в 1927–1928 гг. на украинском языке вышло 54 % книг, то в 1930 г. – 70 %. Удельный вес украинских книг в общих тиражах вырос с 65,3 % в 1928 г. до 77 % в 1929 г.[484]

Придавая большое значение украинизации всех

образовательнокультурных процессов, Николай Скрыпник не меньше заботился о социальных аспектах проводимой политики.

С нескрываемой гордостью он сравнивал результаты работы с «вчерашним» – дореволюционным – днем. На 1929 г. в разных профшколах (индустриальных, сельскохозяйственных, социально-экономических, медицинских, художественных) обучалось 97 500 учащихся, то есть в 2 раза больше, чем в предреволюционные времена. А 54 000 юношей и девушек были студентами 143 вузов, количество которых возросло соответственно в 6 раз[485].

Скрыпник искренне радовался тем изменениям в социальном составе молодежи, которая была охвачена различными формами обучения.

В институтах, техникумах, профшколах наибольший процент стабильно занимали выходцы из крестьян, немного меньше – из рабочих (вместе – более 60 %), а уже дальше шли выходцы из служащих, интеллигенции, кустарей[486]. Николай Алексеевич видел в таких тенденциях выравнивание возможностей для проявления способностей подрастающего поколения, из какой бы среды оно ни происходило.

Значительными достижениями ознаменовались усилия в области украинизации прессы. Сами за себя говорили такие данные: в 1928 г. на Украине было 45 общеполитических газет, а в 1929 г. – 84. В 1928 г. годовой тираж составил 2 635 246 экземпляров, а через год увеличился до 4 220 363 экземпляров. На украинском языке издавалось в 1928 г. – 45, в 1929 г. – 58 газет. Удельный вес газет на украинском языке увеличился до 68,8; «Коммунист» в 1928 г. имел тираж 28 000 экземпляров, а в январе 1930 г. он вырос до 122 000 экземпляров. «Известия» с 46 000 экземпляров в 1928 г. выросли до 90 000 экземпляров в 1929 г. «Пролетарий», соответственно, увеличил тираж с 11 000 до 79 000 экземпляров; «Советская деревня» («Радянське село») с 172 000 до 600 000 экземпляров. Одна только «Советская деревня» имела в 1930 г. тираж больший, чем все газеты за два года до того вместе с «Советской деревней». Рост количества украинских газет одновременно был показателем роста количества читателей на украинском языке. За 1928–1929 гг. произошла украинизация целого ряда рабочих газет, таких как «Красный горняк» в Кривом Роге, «Пролетарий Зиновьевщины» (Зиновьевск – ранее Елисаветград, сейчас – Кропивницкий. – *В. С.),* «Заря» в Днепропетровске, «Рабочий Кременчужчины», «Молодой рабочий», «Харьковский пролетарий» и др.[487]

Н. А. Скрыпник обращал особое внимание на процесс украинизации заводской периодики. В конце 1928 г. печатных заводских газет было 110, а в январе 1930 г. уже 224. Из них в

1928 г. было украинизировано 43,6 %, а на начало 1930 г. – 63,4 %. Журналы, которые издавались на украинском языке, составляли 71,2 % в 1928 г., а в 1930 – 84,8 %. Что касается тиражей украинских журналов, то они увеличились с 70 % в 1928 г. до 94 % в 1929 г.[488]

В проведении политики украинизации, одним из самых объективных показателей которой было повсеместное введение украинского языка, пришлось преодолевать немалые трудности. Время от времени следовало опровергать обвинения со стороны тех, кто квалифицировал мероприятия партии в языковой сфере как ограничение прав русского национального меньшинства. Николай Скрыпник каждый раз терпеливо разъяснял, «что русский язык никоим образом не является подавленным у нас, на Украине. До революции был только русский язык господствующим языком на Украине. Украинский язык делает первые шаги, чтобы получить себе должное место в обслуживании украинского населения. У нас русский язык является обязательным во всех школах, в большинстве высоких школ (вузов. – *В. С.)* преподавание осуществляется на русском языке, процент школ низших и средних, где преподавание ведется на русском языке, у нас значительно выше процента русского населения»[489].

Когда же претензии исходили со стороны партийных функционеров, нарком заострял публичную полемику, проявлял твердость, даже агрессивность, как, например, в случаях с публикациями Н. И. Бухарина, Ю. Ларина (М. З. Луры), Г. Е. Зиновьева, в частности на страницах органа ЦК ВКП(б) «Большевик» и др.[490]

С принципиальной линии его не мог столкнуть никто. И никакие ссылки на обстоятельства, новые условия, в том числе и задачи подготовки кадров для общесоюзных нужд не могли поколебать его позиции. В тезисах доклада «Основные задачи культурного строительства в связи с социалистической реконструкцией страны», подготовленных к Всесоюзному съезду работников образования (1929 г.), Николай Скрыпник твердо отмечал: «…Относительно преподавания языка и всей культурно-образовательной деятельности, то, конечно, единство этой системы народного образования в целом Союзе ни в малейшей степени не означает никакого отречения от национального языка данной союзной республики и не означает, что надо завести для целого Союза ССР один какой-нибудь язык. Только представители чуждой пролетариату буржуазной и великодержавной психологии и идеологии могли бы требовать, чтобы, например, с переходом Сталинского (Сталино – бывшая Юзовка, ныне – г. Донецк. – *В. С.*)

Горного Института на Украине с согласия Наркомоса УССР и к сведению ВСНХ СССР – украинский язык преподавания там надо заменить на русский»[491].

Республиканский нарком решительно выступал против того, чтобы в процессе организации различных союзных исследовательских и других учреждений союзного масштаба из них устранялись национальные языки. «Все эти тенденции, – настаивал он, – ведут к ограничению национального развития освобожденных пролетарской революцией народов элементарными культурными потребностями, отбирая у ранее угнетенных народов СССР из национальной культуры все высшие орудия культурного развития»[492].

Решительно защищая естественные интересы нации в собственном государстве, пытаясь убедить, что права украинцев должны последовательно и полно отстаиваться и за пределами УССР, в союзном объединении, Н. А. Скрыпник с равной степенью ответственности относился к учету интересов всех без исключения национальных меньшинств, проживавших в Украине. Для него, как подлинного интернационалиста, такая позиция была принципиальной и непоколебимой. «На Советской Украине, – искренне заявлял нарком, – каждый работающий член любого народа, живущего на Украине, имеет равное право составлять свои заявления, вести свои дела на своем родном языке перед судом и перед каждой государственным учреждением, но этого еще мало. Каждое национальное меньшинство на Советской Украине, занимающее сплошную или ту или иную территорию, имеет свое самоуправление. Когда определенное национальное меньшинство занимает территорию только одного села, то оно имеет самоуправление на территории этого села, избирает свой сельсовет, где все дела управления, школа и т. д. осуществляются на языке национального населения. Когда то или иное национальное меньшинство занимает большую территорию и охватывает всплошную большее количество сел, то оно осуществляет свое самоуправление на этой территории, организуя свои национальные сельсоветы, а также районные исполнительные комитеты рабочих и крестьянских депутатов, управляющие всей жизнью своего района и осуществляют все дела его на своем родном языке. Так, на Украине есть 117 немецких сельсоветов, 89 российских, 63 польских, 28 болгарских, 27 греческих, 20 еврейских, 9 молдавских, 1 белорусский. Между прочим, на Украине организованы и чешские сельсоветы, количество которых доходило в марте 1926 года до 13-ти»[493].

Естественно, будучи руководителем Наркомата просвещения,

Николай Скрыпник держал под особым контролем дело создания образовательных учреждений для национальных меньшинств, подготовку для них кадров преподавателей, обеспечение учебниками, издание периодики, книжной продукции и т. д.[494]

Привилегий здесь никому не предоставлялось. Отношение ко всем национальным меньшинствам – болгарскому, греческому, польскому, русскому, другим – было одинаковым, равным, уважительным. При этом последовательная принципиальность выдерживалась безусловно; мелочей, второстепенных моментов не признавалось. В таком деликатном деле Николай Алексеевич считал важным все, старался не допускать отступлений, не делать никаких исключений. Так, он оперативно поправил руководство республиканского управления кинофикации (ВУФКУ), когда экономической целесообразностью (точнее – очевидной невыгодностью) объяснялся отказ от общего правила – максимально способствовать населению районов с компактными национальными группами получать информацию, иметь возможность знакомиться с художественными произведениями на родном языке. Собственно, подготовленный Скрыпником 4 апреля 1928 г. документ (постановление) говорит сам за себя:

«Признать неправильными предложения ВУФКУ по обслуживанию кинофильмами Глуховского и Путивльского уездов.

Когда дело заходит об обслуживании нацменьшинства, то говорить о том, что давать надпись на родном языке нацменьшинства будет “бесхозяйственным расходованием средств” – целиком неверно и неправильно.

ВУФКУ надо поставить вопрос вообще об обслуживании нацрайонов УССР как русских, так и других национальностей.

Признать, что Глуховское окр. Политпросвещение подает неправильную справку будто бы кроме Путивльского иные районы быв. Курской губ. русские.

Согласно данным УССР по переписи 26 года установлено, что только Путивльский и Глуховский районы, и два района на Луганщине – Сорочинский и Станично-Луганский имеют большинство не украинского, а русского населения.

Признать, что эти русские и другие национальные районы надо было бы обслуживать вместе с украинским языком и на языке данного нацменьшинства»[495].

Как особое и одновременно вполне понятное, закономерное проявление неуклонного соблюдения справедливости в отношении компактных групп национальных меньшинств, как пример действенного интернационализма Н. А. Скрыпник неоднократно приводил факт создания Автономной Молдавской

Социалистической Республики. Он с особой силой подчеркивал: «Для основания этой Молдаванской Республики не надо было какой-либо вражды и борьбы, национальных споров и т. д., достаточно было постановления Всемолдаванского съезда рабочих и крестьянских депутатов. Всеукраинский съезд рабочих и крестьянских депутатов с радостью поздравил постановление молдаванского народа и поручил украинскому правительству всячески помогать молдаванскому народу в его государственном самоуправлении, в его культурном и экономическом развитии. Молдаванский народ основал свою республику. Но это не автономия зависимости от Украины, автономия подчинения и подавления или какого-либо угнетения молдаванского народа. Молдаванский народ в Советской Украине имеет свою республику, избирает свое правительство, управляет своей жизнью…»[496]

В своей повседневной работе украинской нарком с большим вниманием относился к нуждам Автономной Молдавской ССР, давал советы и обещал помощь в решении очень сложных вопросов – о строительстве радиостанции для вещания на молдавском языке, о создании молдавской кафедры при ВУАН, о комплектовании молдавских библиотек, о налаживании школьной работы и т. п.[497]

И такую позицию, позицию широкого, а не усеченного демократизма, взаимоуважения, взаимопонимания в отношениях между всеми равными нациями, строившими социализм, Николай Скрыпник считал абсолютно естественной, с сожалением констатировал отступления, от, казалось бы, понятных, человеческих норм нового общежития. Еще 21 октября 1921 г. во время обсуждения на заседании ВУЦИК вопроса о создании Генического уезда он заявил, что «советские республики не могут спорить между собой о границах с теми чувствами и настроениями, как это было при республиках буржуазных. Для нас границы имеют другое значение, это способствует лучшему соседству»[498].

Однако он считал, что односторонне, как это сделало руководство РСФСР постановлением об Автономной Крымской Советской Социалистической Республике («Известия», 1921, 19 октября), решения приниматься не должны.

Предпочтительным было бы совместное, согласованное решение правительств РСФСР, УССР и Крыма, а не только создание комиссий для согласования линии северной границы АКССР[499].

…Конечно, далеко не все удавалось осуществить в соответствии с замыслами, с идейными убеждениями, с, казалось

бы, идеальными теоретическими предсказаниями и обоснованиями, со все убеждающими, глубоко справедливыми стремлениями. Наоборот, трудности в реализации гуманистической по глубинной сути и направленности политики как-то вроде бы незаметно, но все же нарастали. Все нагляднее проявлялся и искусственный характер их происхождения.

Однако, сталкиваясь с проблемами, нарком просвещения УССР рук не опускал. А возможно, не придавал тому соответствующего значения или же просто не хотел замечать упрочения негативных тенденций в общественной жизни, делал вид, что если и не все, то в основном, определяющем, в исторической поступи совершается по воле и планам коммунистов. Наконец, не исключено, что сказывалась и имманентная Николаю Скрыпнику склонность к романтизму, утопизму. И с этим уже он поделать ничего не мог. А возможно, другим умонастроение, мировоззрение революционера, борца за кардинальное улучшение народной жизни и быть не могло. Как-то Николай Алексеевич прочитал пламенные слова одного из подвижников русского народничества Петра Лаврова: «Именно в процессе борьбы за самую широкую и самую высокую, даже и недостижимую жизненную цель могут быть осуществлены те реальные цели, которые делают историю человечества процессом прогрессивным. Реальный прогресс истории состоит не из чего иного, как из частных завоеваний, сделанных при стремлении к далеко более широкой и далекой правде в мысли и жизни, завоеваний, которые были бы невозможны, если бы перед глазами личностей, осуществлявших эти завоевания, не рисовались идеалы далеко более широкие, правда, далеко более радикальная»[500].

И те слова глубоко заронились в широкую, добрую, светлую душу славного сына Украины. Потому он и дальше работал с такой же настойчивостью и самоотверженностью, как и раньше. Мрачные же мысли, врывавшиеся порой в сознание, пытался тут же решительно гнать прочь. Время же в калейдоскопическом потоке дел, которым не было видно конца, летело прямо-таки с невероятной, космической скоростью и уже несло в себе признаки того, что, казалось, не может присниться и в страшном кошмаре.

VIII. Вспышки трагедии

Трудно, порой просто невозможно находить адекватную квалификацию тому, что происходило в последний период, последние месяцы жизни вокруг Николая Алексеевича Скрыпника. Почти невозможно понять его тогдашние мысли, хотя психологическое состояние, эмоции в целом понятны. Поэтому постепенно определяется желание просто рассказать самое главное в пережитом им за последнее полугодие.

…Нелегко сказать, когда нарком образования УССР, один из самых влиятельных политиков в республике, впервые задумался над тем, что его звезда начинает катиться вниз. Говорят, что более или менее опытные, разумные функционеры начинают готовиться к спуску с «Олимпа» с момента достижения вершины. Возможно, это только разговоры «для внешнего потребления», если учесть, к чему прибегают чиновники, чтобы не уступить своей позиции никому.

Сменяя в свое время А. Я. Шумского, Н. А. Скрыпник вряд ли думал, что, возможно, и ему придется когда-то оставлять должность (это все равно когда-нибудь случится – вечного ничего нет) не под звон литавр, а без элементарного уважения. Первое десятилетие Советской власти для него было почти привычным переходом с одного «Олимпа» на другой, более высокий (ответственный, влиятельный).

Борьбу с соперниками в ходе многочисленных дискуссий, которые не только не пропускал, а с удовольствием посещал, организовывал, направлял, играл «первую скрипку» (не потому, что изящному мелодичному музыкальному инструменту созвучной была его фамилия, а потому что и при любом другом имени также хотел бы быть в первой роли, не довольствуясь никакой другой), рассматривал как отличительный признак и сущностную сердцевину новой жизни. Побежденных (а победителем привык быть именно он) врагами не считал, как не думал, что и они могут признать в нем врага. Он им не мог быть, как говорится, «по определению». Он борец за истину, за справедливость, за счастье народа, за социальный прогресс, за развитие родной нации, за новый строй (а его враги, значит и враги Скрыпника, давно разбиты, бессильны что-то изменить). Поэтому и сам был великодушным и ждал того же от других. Не потому, что был этаким наивным чудаком – не видел, не анализировал происходящего вокруг (внутрипартийная борьба, нарастание авторитарных начал, укрепление тоталитаризма, нетерпимость к инакомыслию), либо не давал себе отчета, что

следствием и его – Скрыпника – персональных шагов и решений, слов и резолюций были и разбитые человеческие надежды, и утраченные таланты, и сломанные судьбы. Он, хотя иногда и не без труда, мог это себе объяснить, в основном оправдать. Но не предполагал, чтобы судьба отвернулась от него – ведь он того не заслуживал, и это знают все.

Однако реальная жизнь всегда сложнее, чем представления о ней, особенно когда есть место идеализму, романтизму, которые были имманентны скрыпниковской натуре. Идеологические выпады против себя, целенаправленную, «с расчетом» (политическим подтекстом) критику тех, кто считался сторонниками, единомышленниками, долго воспринимал как естественные. Ведь шел нелегкий поиск путей в неизведанный мир и здесь все может случаться. Однако он ошибался. Процессы, которыми заполнялась политическая жизнь в партии, советской стране, приобретали все более драматический характер.

Иосиф Виссарионович Сталин, еще в мае 1922 г., при жизни В. И. Ленина, ставший генеральным секретарем ЦК РКП(б), с каждым годом прибирал к рукам все больше власти. В отличие от многих современников, считавших генсека второстепенной, случайной, «переходной» фигурой, Н. А. Скрыпник оценивал потенциал Сталина значительно выше. Он встретился с не очень разговорчивым, но явно волевым грузином сразу после Февральской революции, на мартовском совещании партийных работников и до последних дней 1917 г. работал рядом, бывал на одних форумах, входил в одни выборные органы, писал статьи в одну и ту же «Правду», делал часто одно общее дело. Следовательно, Николай Алексеевич очень хорошо знал, что, несмотря на яркий, эффектный, блистательный талант Льва Давыдовича Троцкого (Бронштейна), Льва Борисовича Каменева (Розенфельда), Георгия Евсеевича Зиновьева (Апфельбаума), Николая Ивановича Бухарина, Георгия Леонидовича Пятакова, именно Иосиф Виссарионович Сталин стал фактически «правой рукой» вождя большевиков – Владимира Ильича Ленина. Он вошел во все существовавшие высшие выборные органы партии, представлял РКП(б) во всех межпартийных органах общероссийского масштаба (конечно, тех, где большевики завоевали хоть какие-то позиции), входил в президиумы всех сколько-нибудь представительных форумов. Именно ему было поручено сделать все принципиально важные доклады ЦК и предложить резолюции по ним на VI съезде РСДРП(б), взявшем курс на вооруженное восстание. А когда произошел октябрьский переворот (Сталин был на ключевых постах и в определяющих пунктах) и II Всероссийский съезд Советов объявил Россию

Республикой Советов, «националу» – грузину была доверена должность в составе правительства – Совете народных комиссаров. Он стал последним, тринадцатым, согласно перечню, наркомом – по делам национальностей.

Многие восприняли эту должность как второстепенную – не внутренние дела, не международные отношения, не военное ведомство, и не промышленность, транспорт, сельское хозяйство, а только лишь (!) межнациональные отношения. Однако такое представление оказалось обманчивым. Ведь Россия – это страна более ста национальностей, населявших огромные территории: Украину – преимущественно украинцы, Белоруссию – белорусы, Латвию – латыши, Грузию – грузины, Армению – армяне, Туркестан – узбеки, таджики, казахи, киргизы, Башкирию – башкиры, Татарию – татары, Мордовию – мордва, Якутию – якуты и т. д. (конечно, названия регионов здесь выборочно взяты для обозначения места проживания соответствующих народов – таких административных или государственных единиц тогда не существовало). Началось установление власти Советов на местах.

И, естественно, комиссар по делам национальностей быстро взял себе право направлять этот процесс на местах, то есть практически по всей огромной стране, состоявшей преимущественно из национальных регионов. Он стал своеобразным комиссаром по установлению пролетарской власти во всех регионах. А поскольку борьба за власть – центральная задача революции, которая решалась подавлением сопротивления враждебных и оппозиционных национальных сил, центральной фигурой, концентрировавшей в своих руках рычаги влияния на ход событий в огромной стране, оказался именно И. В. Сталин. Одна из задач, которые тогда решались и имели определяющее значение в будущем, – расстановка кадров в регионах, стала прерогативой властолюбивого наркома, которому В. И. Ленин безоговорочно доверял. Характерно, что Сталин не отрекался от своего наркомовского поста всю Гражданскую войну, хотя нередко надолго оставлял столицу для выполнения оперативных, жизненно важных поручений Ленина, ЦК партии в горячих точках военного противоборства.

А когда, после смерти Якова Михайловича Свердлова в марте 1919 г., Сталин взял на себя руководство Оргбюро ЦК РКП(б), в его руках оказались все нити связей с партийными и советскими кадрами на местах (везде, уже несмотря на регионы – там, где только была Советская власть), он приобрел очень большое влияние и с этой точки зрения закономерно, по ленинской рекомендации, был избран генсеком ЦК РКП(б).

Именно данное обстоятельство стало решающим, когда после

смерти Ленина развернулась борьба за личную власть в стране. Опираясь на расставленные им, Сталиным, кадры, он и победил всех своих конкурентов и оппонентов (речь, конечно об определяющем факторе, которым не исчерпывалась вся многоаспектность и сложность борьбы). А как действует механизм, созданный генсеком, Н. А. Скрыпник хорошо знал, учитывал, кроме союзного масштаба, например, опыт Христиана Георгиевича Раковского при попытках противодействия генсеку в момент создания СССР, или Эммануила Ионовича Квиринга, отважившегося очень деликатно прикоснуться к кадровой проблеме в партии в 1925 г., а также Александра Яковлевича Шумского, инициировавшего важные жизненные шаги, которые, однако, по мнению генсека, нарушали границу компетенции республиканского наркома. Коротко говоря, итог для них, как и многих других республиканских деятелей, оказывался плачевным – «отлучение» от серьезных политических постов.

Борьба за власть, как известно, идет и завершается не только на ее высших этажах, а с неизбежностью распространяется и на тех, кто, казалось бы, о своем участии в политических сражениях («разборках», их часто называют грязными) и не мыслит. Тем более что Сталин, его ближайшее окружение создавали систему, при которой верховная власть должна была охватывать своим влиянием, контролем все общество сверху вниз (по вертикали) и в такой же степени во всех без исключения регионах (по горизонтали). На перевоспитание инакомыслящих времени у руководства просто «не хватало». Следовало как можно быстрее сконцентрировать волю, усилия всего общества на таких сверхпроектах, как индустриализация страны, подчиненная в значительной степени этой же цели, хотя и до определенного предела самодостаточная – коллективизация и тому подобное. Что же касается таких средств внешне вполне демократического влияния, как различные дискуссии (было время, когда им не было счета – литературная, философская, историческая, экономическая и др.) вроде и приносили ожидаемый эффект (М. Г. Хвылевого, В. А. Юринца, М. И. Яворского, В. Сухин-Хоменко, А. А. Ричицкого, М. С. Волобуева идейно «обезоруживали», морально осуждали, заставляли каяться), то они, однако долго тянулись, привлекали массовое внимание, возбуждали общественные настроения, да и не во всем достигали желаемой для власти цели, оставляли по существу нетронутыми носителей чуждых социализму идей. Им на смену пришли административные меры – лишение должностей, особенно руководящих, а за ними и привлечение к уголовной ответственности. Поиск обвинений – дело силовых органов, на то они и специалисты, а вот идеологическую

подоплеку предложил сам Сталин. Это был лозунг об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму.

Украинский нарком Николай Скрыпник не привык ограничиваться региональными рамками, а всегда имел, открыто обнародовал и принципиально отстаивал собственные мысли, взгляды и на общесоюзные, и на глобальные проблемы. Отреагировал он и на сформулированный генсеком новый тезис.

Сомнений не вызывало, что в международном масштабе старый мир еще очень могуч, и не будет спокойно наблюдать, как постепенно у него кто-то будет отбирать власть. Бесспорно, он использует свой явно превосходящий потенциал не только для сохранения, укрепления господства, но и для того, чтобы отвоевать уже утраченные позиции, перманентно инициировать напряжение, чтобы в нужный момент нанести и решающий удар. Здесь интуиция и логика Сталина не подводили.

А вот относительно использования лозунга обострения классовой борьбы в соответствии с приумножением социалистических завоеваний относительно внутриполитических тенденций как минимум возникали вопросы.

И первый из них – не развяжет ли это чрезмерно руки охранительным органам, чтобы в случае необходимости оправдать любые репрессивные действия?

Вот здесь Николай Скрыпник разглядел возможную угрозу, таившуюся в сталинском тезисе и его гипертрофировании, обнаруживал алогизм, противоречие хода сталинской мысли, «дополнявших» ее многочисленных аргументов. В докладе на XIII Одесской окружной партконференции об итогах ноябрьских (1928 г.) пленумов ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У 11 декабря 1928 г. он сказал: «Перед нами на пленуме ЦК встал такой “маленький” вопрос, как классовая борьба на селе – она уменьшается, или обостряется?» – и дальше открыто солидаризировался с Алексеем Ивановичем Рыковым, назвавшим при обсуждении этого вопроса на пленуме сталинский тезис троцкистским. «Действительно, – говорил нарком, – думать, что сила и сопротивление буржуазии все время будет все большей и большей вплоть до нашей окончательной победы, – это значит повторять старую поговорку – «таскать вам не перетаскать». Мы бьем и бьем буржуазию, а она все сильнее и сильнее выступает против нас, и тогда, в конце концов, окончательная победа становится невозможной. Такой взгляд, разумеется, полностью троцкистский…»[501]

Кристально честный революционер, Николай Алексеевич не допускал мысли, что в рядах его родной партии может сформироваться и критически угрожающая масса отступников от коммунистических идеалов, корыстных перерожденцев, просто

подлых предателей, которые будут равнодушными к народным интересам, к перспективам высоко гуманистического движения. Потому всегда будет существовать и непременно укрепляться сила, бесконечно преданная социальному прогрессу и такой же безграничной, вдохновляющей и всепобеждающей будет ее поддержка трудящимся народом. Следовательно, и общая перспектива не просто обнадеживающая, она – неоспоримо оптимистична.

И снова, уже в который раз приходится вспоминать о склонности Н. А. Скрыпника к определенной, иногда значительной переоценке достигнутого, вдохновенной пропаганде утопических идей и проектов, неумении отличить желаемое от действительного. В частности, относительно национальной политики, подвижек в пользу социализма в Украине Николай Алексеевич считал ситуацию абсолютно необратимой, а тенденции стабильно положительными, однозначно прогрессивно ориентированными. Исходя из этого, не усматривал и сколько-нибудь серьезных оснований для повышения готовности к усилению репрессивной политики в республике. Не видел даже причин для беспокойства, по крайней мере в ближайшей перспективе.

Понятно, что автору сформулированной «теории» обострения классовой борьбы подходы и достаточно острые, бескомпромиссные высказывания украинского наркома не могли быть по душе. Кроме того, последовательно следуя принципу «двойной бухгалтерии», генсек, как бы в точном соответствии с соображениями-предположениями Скрыпника, стал все активнее переносить акцент на необходимость борьбы с «националистической контрреволюцией» и «националистическими уклонами». И это было не случайным, ведь это стало в руках Сталина одним из самых мощных рычагов в создании режима личной власти, в выхолащивании реального содержания советской федерации, в обосновании антигуманных действий по отношению к отдельным союзным республикам. Место взвешенного и тщательного анализа национальных процессов начали занимать громкие политические кампании «борьбы с национализмом», под которые нетрудно было подвести не только любые попытки поиска оптимальных форм взаимоотношений между центром и республиками, а вообще преданность национальным традициям. «Кроме всего, – замечает в книге “Интернационализм или русификация?” И. М. Дзюба, – эта сталинская политика была направлена на то, чтобы выбить из украинского народа всякие остатки национального чувства и национального сознания»[502].

Все яснее становилось, что «под прицел» постепенно попадает политика украинизации, национального возрождения, основные направления национально-государственного и национально-культурного строительства. Когда за громко-показательным увольнением с должности директора Института истории УАН академика М. И. Яворского по делу «Союза освобождения Украины» был привлечен к суду академик С. А. Ефремов, еще целый ряд ученых, работников образовательных, культурных учреждений, сомнений уже не оставалось. Это слышались уже пока глухие, однако грозные раскаты грома, предвещая зловещую смертоносную грозу.

Конечно же, нарком просвещения УССР не мог не видеть, не ощущать изменений, происходивших в общественной жизни; при всей своей принципиальности, неукротимости характера все же не мог совсем не учитывать этого в своем поведении. Он реагировал на неприемлемые для него тенденции в жизни партии и государства несколько сдержаннее, осторожнее. Хотя иногда его высказывания от этого не становились менее эмоциональными, острыми. Обращаясь к ленинскому наследию, Николай Алексеевич многозначительно замечал по поводу «науки пролетарского руководства»: «Здесь мы не имеем никакой разработки»[503]. Вряд ли такие реплики проходили мимо внимания тех, кто считал себя не только верным учеником В. И. Ленина, но и ответственным его последователем в теории и практике руководства общественными процессами.

Вообще за весь период тридцатипятилетнего пребывания в партии Н. А. Скрыпник превыше всего ставил интересы дела. Вопросы личных симпатий или антипатий всегда отходили на второй план. Приведенные выше факты свидетельствуют, что он не останавливался перед критикой кого бы то ни было, в том числе и генерального секретаря ЦК ВКП(б), когда был убежден в ошибочности взглядов последнего. Однако многие документы говорят и о поддержке Скрыпником Сталина.

Показательным в этом плане является выступление наркома образования Украины на II Всеукраинской конференции КП(б)У (апрель 1929 г.).

«Почему здесь перед нами оказалось так, что некоторые руководящие работники нашей партии начали теперь выявлять отклонения, колеблются и идут шаг за шагом к полному и выразительному правому уклону и почему здесь объединяется снова острие борьбы именно против тов. Сталина, – спрашивал Николай Алексеевич. – Вспомним тов. Сталина. Это не только старый большевик, это один из тех старых большевиков, который всегда был с Лениным и никогда с Лениным не расходился…

Товарищи, я хочу отметить персонально о тов. Сталине, и те, кто начинают отрицать линию партии, начинают жестокую борьбу против Сталина. Опять, как говорил Троцкий, как говорили сапроновцы, как говорила “новая оппозиция”, Каменев и Зиновьев, и теперь снова напоминают слова одного товарища – рабочего, говорившего мне тогда так: “Мы имеем Сталина таким, как он есть, твердого, четкого, крепкого, а оппозиция хочет, чтобы Сталин был не Сталин, а «ватин». Нам нужно, чтобы Сталин был стальным, булатным, а не ватным человеком. Я думаю, что заявления правых уклонистов о Сталине свидетельствуют о том, что действительно в них нет четкой линии в вопросе организационного руководства партией”.

Но вопрос у нас стоит не только персонально, а вопрос принципиальный, и нельзя согласиться, будто ЦК и его Политбюро ведет линию, которая не консолидирует партию, не концентрирует ее и не несет партии действительного укрепления, отрывая пролетариат от крестьянства»[504].

Эти строки многое объясняют – и, прежде всего, активное участие Н. А. Скрыпника в борьбе с перечисленными выше оппозиционными проявлениями, и его позицию в борьбе с «шумскизмом, хвылевизмом, волобуевщиной», «разломовцами» в КПЗУ… Николай Алексеевич, как и многие другие старые большевики, отождествлял критику отрицательных черт Сталина – личности и политического деятеля – с выступлениями против генеральной линии партии. В пылу борьбы за единство партийных рядов отметалась любая аргументация оппозиционеров (хотя она подчас и содержала справедливую тревогу за тенденции развития государства и партии).

Трудно судить однозначно, что именно в эволюции тогдашних позиций украинского наркома играло доминирующую роль (подчинение партийной дисциплине, все закрепляющиеся стереотипы поведения, инстинкт самосохранения). Однако он, как и подавляющее большинство советских функционеров его ранга, постепенно поддержали тезис И. В. Сталина об обострении классовой борьбы по мере продвижения общества к социализму. Уже в июне 1929 г., то есть через полгода после упомянутого выступления против сталинского тезиса, Николай Алексеевич буквально вторил генеральному секретарю: «Развертывание и обострение классовой борьбы является неизбежным проявлением современной эпохи классовых отношений»[505]. Казалось бы, что приведенная здесь же фраза «общепринятая партией линия борьбы с важнейшей угрозой правой опасности в нашей партии обязует нас к тому»[506] хоть что-то объясняет в мыслях и действиях Скрыпника. Раз линия «общепринята партией», значит,

ее следует проводить. Однако можно найти и немало возражений относительно такого объяснения. Так, партийно-советский деятель, похоже, не упускал повода, чтобы еще и еще раз публично выразить своего негодования, и уже в который раз не стремился развенчивать ошибки А. Я. Шумского, М. С. Волобуева, Н. Г. Хвылевого, Д. З. Лебедя[507] (без различия, когда они имели место). Создавалось впечатление, что он особенно пристально следил и решительно выступал против проявлений любых негативов в национальном вопросе, беспощадно боролся с малейшими отклонениями от линии партии.

Возможно, такой «воинственной» позицией Н. А. Скрыпника объясняется и «долготерпение» И. В. Сталина, который до поры до времени его не трогал, хотя и максимально использовал «бойцовские» качества авторитетного украинского наркома в борьбе со своими оппонентами.

Между тем по стенограммам выступлений Николая Алексеевича с конца 20 – начала 30-х годов можно уловить, как начало исчезать его вдохновение, снизилась зажигательная энергетика, эмоциональность, замедлился полет мысли, приглушилась ее пульсация, исчезла образность, уступив место невнятности, скучному «разжевыванию» официальных общих мест, многочисленным повторам и элементарной путанице.

Иногда ссылаются на юбилей Н. А. Скрыпника, торжественно отмечавшийся в январе 1932 г. Украинская пресса была заполнена поздравлениями, тематическими статьями (специалисты

насчитывали их в те дни более 400). Во Всенародной библиотеке Украины при ВУАН в Киеве была устроена выставка «60 лет жизни и этапы революционной борьбы Н. А. Скрыпника». Харьковский городской Совет принял специальное решение о праздновании его 60-летия[508]. Профсоюз работников искусств принял решение создать фонд строительства эскадрильи имени Н. Скрыпника[509].

Имя юбиляра было присвоено театру, ряду учебных заведений (Изюмскому сельскохозяйственному техникуму это имя было присвоено годом ранее)[510]. В вузах были установлены стипендии имени Николая Скрыпника. Его именем назвали улицу в Харькове и одно село.

За несколько дней до юбилея, 20 января 1932 г., открывая заседание Президиума Всеукраинского центрального исполнительного комитета, его председатель Г. И. Петровский произнес специальную поздравительную речь в честь 60-летия юбиляра. Говорил о нем как об «одном из величайших борцов за рабочее дело, твердокаменном большевике, который всегда

придерживался выдержанной классово-пролетарской линии, упорно отстаивал позиции большевизма как в своей борьбе против царско-помещичьего режима, так и в борьбе против буржуазии и против всевозможных меньшевиков и оппортунистов.

Тов. Скрыпник всегда был и есть верным большевиком, всегда следует ленинским путем и в своей борьбе против врагов, и в своей ответственной руководящей работе на высоких постах, порученных ему партией и рабоче-крестьянской властью»[511].

Харьковский оперный театр (тот самый, где меньше года назад проходил показательный процесс над «Союзом освобождения Украины») не смог вместить всех желающих присутствовать на юбилейном вечере 26 января 1932 г., казалось, собрав всю партийную, государственную, интеллектуальную, художественную элиту, представителей рабочих, крестьянских коллективов. Вступительное слово о юбиляре произнес член Политбюро ЦК КП(б)У К. В. Сухомлин. Приветствие ЦК ВКП(б) было сдержанным. «Испытанному старому большевику тов. Скрыпнику в день его шестидесятилетия – ЦК ВКП(б) шлет большевистский привет»[512] – вот и все слова юбилейного послания. Если же добавить еще и то, что, несмотря на направленную в Совет народных комиссаров СССР просьбу трудовых коллективов «наградить Н. А. Скрыпника орденом Ленина за его большие заслуги перед пролетарской революцией» (а юбиляр об этом знал, поскольку просьбу поддержали Президиум ВУЦИК и СНК УССР), эту несомненно почетную, дорогую ему и, следовательно, желанную награду один из старейших большевиков так и не получил, станет ясно, что чествование получилось не без привкуса горечи.

В дни юбилеев, как правило, в приветствиях звучат слова, которые несколько (а иногда и значительно) преувеличивают, украшают настоящие деяния того, кто попадает в эпицентр внимания. Вряд ли это можно сказать о дне рождения Н. А. Скрыпника. Так, в поздравлении ближайших друзей, коллег – от ЦК КП(б)У – легко прочитывалась некая особо подчеркнутая взвешенность, улавливался недостаток искренности и желания вложить в официальные слова, казалось бы, неизбежную в таком случае теплоту.

«Дорогой Николай Алексеевич!

ЦК КП(б)У приветствует вас, старого, несокрушимого большевика-ленинца, который 35 лет своей общественно-политической партийной деятельности стойко, в первых рядах старой большевистской гвардии по-ленински боролся за большевизм, за победу пролетарской революции.

Партия видела вас всегда в своих первых рядах, как твердокаменного большевика в борьбе за советскую власть на Украине, за создание великого Союза Советских Социалистических Республик, в борьбе за победу пролетарской революции, за победное строительство социализма в нашей стране.

ЦК желает вам долгих лет работы и борьбы за построение социализма, за мировую пролетарскую революцию.

ЦК КП(б)У»[513].

Бросалась в глаза чья-то «режиссерская рука», делавшая поздравления высших партийных и государственных инстанций слишком похожими между собой, как будто это были редакционные варианты одного документа. В самом деле. Вот поздравления от Президиума Центрального исполнительного комитета СССР:

«Президиум ЦИК Союза ССР горячо приветствует дорогого юбиляра, который во времена подполья, и дней Октябрьской революции, и лет гражданской войны, и развернутого социалистического строительства неизменно стоял на боевых участках большевистского фронта своей государственной деятельности и общественной работой, своей энергией, своими знаниями и опытом внес ценный вклад в дело ленинского национального строительства.

Президиум ЦИК Союза ССР уверен, что Николай Алексеевич Скрыпник еще много лет будет стоять в первых рядах строителей социализма в нашей стране.

Председатель ЦИК Союза ССР М. Калинин

Секретарь ЦИК Союза ССР Енукидзе»[514].

Мало в чем отличалось от него послание Президиума Союзного Совета ЦИК СССР: «Президиум Союзного Совета ЦИК Союза ССР сердечно поздравляет Николая Алексеевича Скрыпника, одного из первых строителей советской страны, особенно Советской Украины. Президиум Союзного Совета отмечает исключительные заслуги тов. Скрыпника в советском строительстве, особенно в национальном строительстве. Своей большевистской энергией и непримиримостью в борьбе за осуществление заветов Ленина и генеральной линии партии тов. Скрыпник является достойным примером для нашего молодого поколения, наших пролетарских кадров. Заслуги тов. Скрыпника в строительстве Советов, в области революционной законности, культурной революции и проведении ленинской национальной политики известны не только на Украине, но и в целом Союзе ССР.

Президиум Союзного Совета желает старому большевику-

подпольщику – одному из организаторов Октября, выдающемуся руководителю Советской Украины еще много лет своей государственной и общественной работы, служить делу социалистического строительства.

Секретарь Союзного Совета Медведев»[515].

Модификацией предыдущих документов было и поздравление от Совета национальностей ЦИК СССР:

«Дорогой товарищ, Николай Алексеевич.

Президиум Совета Национальностей ЦИК СССР горячо поздравляет вас с вашим 60-летним юбилеем, из которых 35 лет жизни вы отдали на героическое служение пролетарской революции, всегда находясь в передовых рядах большевизма-ленинизма, который борется и воюет.

Вы являетесь одним из участников выковывания и выработки теории ленинизма и ленинской национальной политики, одним из самых активных борцов за правильное проведение генеральной линии партии и ленинской национальной политики.

Президиум Совета Национальностей высоко ценит ваше неутомимое, длительное, руководящее участие в ее работе.

Президиум Совета Национальностей желает вам, дорогой Николай Алексеевич, еще много лет плодотворной работы за окончательное установление социализма в СССР и за победу пролетарской революции во всем мире.

Секретарь Совета Национальностей Таджиев»[516].

Несмотря на юбилейную суету, Николай Алексеевич успел пробежать глазами все эти документы еще утром – они появились в прессе[517]. И невольно возникшие чувства определенного душевного дискомфорта не могли уже снять, приглушить действительно горячие, искренние поздравления, которые продолжались в юбилейном зале на протяжении почти четырех часов[518]. Наоборот, они звучали как бы определенным диссонансом по отношению к партийно-государственному официозу.

В заключение выступил и Николай Алексеевич. «Я, – сказал, в частности, Н. А. Скрыпник, – участвовал в трех революциях. Я имел счастье работать под непосредственным руководством Ленина. Я принимал и принимаю участие в нашем социалистическом строительстве, и я уверен, что буду иметь счастье видеть построенный социализм в нашей стране. Для такого счастья стоит жить, стоит работать.

Для нашей окончательной победы я отдам все свои силы до последнего дня жизни. Да здравствует коммунизм!»[519]

Нельзя сказать, что юбиляр был «на седьмом небе от счастья». Наоборот, чувствуется, что его что-то беспокоило, удручало.

Возможно, предчувствие недоброго (и действительно – до последнего дня жизни оставалось не так уж много), а возможно, состояние дел в стране, в родной республике в частности.

Нет слов, глаз радовали леса, в которые оделась почти вся Украина, почти еженедельные сообщения о вводе в действие новостроек, начале выпуска современной продукции. А как не гордиться тем, что именно на его родной земле возводились такие гиганты индустрии, как Днепрогэс, Харьковский тракторный завод, Запорожский и Мариупольский металлургические комбинаты, какие масштабы приобрело развитие угольных шахт в Донбассе и рудных бассейнов в Кривбассе.

Однако цена, которой это достигалось, казалась просто немыслимой. Он, Николай Скрыпник, считая себя человеком прогрессивных взглядов и настроений, даже пламенным борцом за ускорение индустриализации Украины, не мог смириться с тем, что при этом должна разрушаться, гибнуть его родная, крестьянская страна. Признаков же последнего было все больше. Форсированная коллективизация, которая проводилась с 1929 г. с нарастающей жесткостью, «нажимными методами», «уничтожением кулачества как класса», привела к весьма серьезной дезорганизации сельскохозяйственного производства. Вообще-то каждый, кто хоть немного знаком с историей мировой экономики, знает, что любые реформы, не говоря уже о революции (а на селе коммунисты проводили преобразования, по масштабности и сути именно такими и считавшиеся), неотвратимо на время приводили к падению уровня общественного производства. Однако параллельно всегда пробивались тенденции, наглядно убеждающие в преимуществах новых принципов, форм хозяйствования.

Что касается колхозов, то один из основных показателей – товарность продукции, прежде всего хлеба, упала до несравненно низкого уровня. Однако государство имело возможность выгребать из коллективных кладовых столько, сколько считало нужным. И все решительнее и, видимо, бездумнее это делало. Объяснение же простое и, казалось, неоспоримо-наглядное: этого требуют нужды индустриализации, которая, в свою очередь, только и способна гарантировать необходимый уровень обороноспособности СССР – форпоста социализма в мире (И. В. Сталин доказывал: если за несколько лет не преодолеем расстояния, на которое передовые страны Запада потратили десятилетия и века, «нас сомнут»). Вот оно, такое страшное в своей примитивной простоте, воплощение формулы «цель оправдывает средства».

Николай Скрыпник, как и многие другие его современники, хорошо все это видел и понимал. А, может, и не понимал, отказывался понимать, хотя и был несравненно лучше других осведомлен о нарастании черной беды. Весной 1932 г. незасеянными осталось от 30 до 50 % хлебных полей. Затем огромный недород. Хотя все, до последнего зернышка, сдай государству – а план хлебозаготовок ни за что не выполнишь. И абстрактная (хотя на самом деле вовсе не абстрактная) сила (государство) того «не понимала» и через своих конкретных служителей (от комиссии Вячеслава Молотова и «специалиста» в украинских делах Лазаря Кагановича до районных «уполномоченных» и рядовых милиционеров) методично «выбивала» план. А в битвах, как водится, всегда есть жертвы. Ею и стало крестьянство – основа нации, ее кормилец. На селе начался голод, который с каждой неделей набирал ужасающие размеры, хотя И. В. Сталин, его окружение пытались скрыть правду за кощунственными эвфемизмами вроде «прорыва в сельском хозяйстве» или «продовольственных трудностей».

Не в состоянии были и специальные заслоны на дорогах и железнодорожных станциях перекрыть пути всем, кто стремился спастись от голодной смерти: беженцы преодолевали препятствия и рассказывали, что происходит в деревне.

Надо давать всему этому какие-то объяснения. И они были изобретены по проверенным уже рецептам: в марте 1933 г. ОГПУ СССР объявило о разоблачении «контрреволюционной вредительской организации в некоторых органах наркомзема и наркомсовхозов, главным образом в сельскохозяйственных районах Украины, Северного Кавказа, Белоруссии». В апреле 1933 г. ГПУ УССР раскрыло так называемый «украинский филиал» этого мнимого «вредительства»[520].

Однако у тех, кто стоял за кулисами событий, у зловещих режиссеров трагедии фантазия все время рождала новые сценарии. Один из них заключался в том, чего никак не могло постичь скрыпниковское воображение, – в поиске основных виновников беды среди национальных патриотов и направлении первого удара в его, Скрыпника, сторону.

* * *

Наступление на украинизацию, на украинское национальное возрождение совсем не случайно совпало с апогеем голода в республике.

Весьма выразительно суть изобретенного иезуитского

подхода (сталинское авторство угадывалось без особого усилия, хотя конкретный вариант в угоду «вождю народов» мог предложить и кто-то из ретивого окружения) выразил в докладе на собрании партийного актива в Харькове в июле 1933 г. тогдашний секретарь ЦК КП(б)У по вопросам идеологии Н. Н. Попов: «…Когда мы теперь говорим о ликвидации отставания Украины в области сельского хозяйства, о разгроме остатков классового врага, пролезшего в наши организации, – эти задачи нельзя решить без решительного исправления ошибок, допущенных в национальном вопросе»[521].

Такой подход к тому времени был уже «испытанным методом». Впервые к нему широко прибегли в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области» от 14 декабря 1932 г. Оно было снабжено грифами «Совершенно секретно. Не для печати» и 18 декабря направлено М. М. Хатаевичем (тогда вторым секретарем ЦК КП(б)У) для ознакомления членам и кандидатам в члены Политбюро ЦК КП(б)У. Есть, конечно, среди адресатов и имя Николая Скрыпника[522].

Документ настолько красноречив, что не требует комментариев – достаточно обратиться непосредственно к тексту.

После докладов по указанному вопросу секретарей Западной области, Северо-Кавказского крайкома, Днепропетровского обкома партии (В. А. Строганова) и секретаря ЦК КП(б)У С. В. Косиора было решено: «Обязать ЦК КП(б)У и СНК УССР под личную ответственность тт. Косиора и Чубаря закончить план заготовок зерновых и подсолнечника до конца января 1933 года»[523].

Еще более жесткие календарные сроки устанавливались для двух других регионов. А дальше шло «разъяснение» того, почему произошел срыв планов, и предлагались методы влияния на изменение ситуации. «Ввиду того, что в результате крайне слабой работы и отсутствия революционной бдительности ряда местных парторганизаций Украины и Северного Кавказа, в значительной части их районов контрреволюционные элементы – кулаки, бывшие офицеры, петлюровцы, сторонники Кубанской Рады и др. сумели проникнуть в колхозы в качестве председателей или влиятельных членов правления, счетоводов, кладовщиков, бригадиров у молотилки и т. д., сумели проникнуть в сельсоветы, земорганы, кооперацию и пытаются направить работу этих организаций против интересов пролетарского государства и политики партии, пытаются организовать контрреволюционное движение, саботаж хлебозаготовок, саботаж сева, – ЦК ВКП(б) и СНК СССР обязывают ЦК КП(б)У, Севкавкрайком, СНК Украины и

крайисполком Севкавкрая решительно искоренить эти контрреволюционные элементы путем арестов, заключения в концлагерь на длительный срок, не останавливаясь перед применением высшей меры наказания к наиболее злостным из них.

…ЦК и СНК указывают партийным и советским организациям Советского Союза, что злейшими врагами партии, рабочего класса и колхозного крестьянства являются саботажники хлебозаготовок с партбилетом в кармане, организующие обман государства, организующие двурушничество и провал заданий партии и правительства в угоду кулакам и прочим антисоветским элементам. По отношению к этим перерожденцам и врагам Советской власти и колхозов, все еще имеющим в кармане партбилет, ЦК и СНК обязывают применять суровые репрессии, осуждение на 5-10 лет заключения в концлагерь, а при известных условиях – расстрел»[524].

Особую же смысловую нагрузку несли пункты постановления, которые, на первый взгляд, должны быть «инородным телом» на фоне разговоров о чисто хозяйственных вопросах – о национальной политике и украинизации. ЦК ВКП(б) и СНК отмечали, что «вместо правильного большевистского проведения национальной политики в ряде районов Украины украинизация проводилась механически, без учета конкретных особенностей каждого района, без тщательного подбора большевистских украинских кадров, что облегчило буржуазно-националистическим элементам, петлюровцам и пр. создание своих легальных прикрытий, своих контрреволюционных ячеек и организаций»[525]. Постановление содержало указание на то, что ЦК КП(б)У и Совнарком Украины должны «обратить серьезное внимание на правильное проведение украинизации». Здесь же указывалось на необходимость «изгнать петлюровские и другие буржуазно-националистические элементы из партийных и советских организаций, тщательно подбирать и воспитывать украинские большевистские кадры, обеспечить систематическое партийное руководство и контроль за проведением украинизации»[526].

Злонамеренность увязки вопроса об украинизации с вопросами срыва хлебозаготовок и масштабами сопротивления классового врага сразу давала понять, что под серьезный удар попадает вся политика коренизации.

И уже никаких сомнений не оставляли оценки, положения документа относительно украинизации на Северном Кавказе, то есть, прежде всего, на Кубани, этнический состав населения которой на 70 % был украинским. Еще раз заметим, что в любом

регионе Союза ССР выходцам из Украины, сохранению их национальной самобытности и развитию культуры особое значение придавал Николай Скрыпник. Однако то, что говорилось в постановлении, в буквальном смысле слова било «обухом по голове» своей безапелляционностью и подчеркнуто нажимным тоном: «В особенности ЦК и СНК отмечают Северо-Кавказскому крайкому и крайисполкому, что легкомысленная, не вытекающая из культурных интересов населения, не большевистская “украинизация” почти половины районов Севкавказа при полном отсутствии контроля за украинизацией школы и печати со стороны краевых органов, дала легальную форму врагам Советской власти для организации сопротивления мероприятиям и заданиям Советской власти со стороны кулаков, офицерства, реэмигрантов-казаков, участников Кубанской Рады и т. д.»[527].

Таким же категоричным было и первоочередное требование: «Выселить в кратчайший срок в северные области СССР из станицы Полтавской (Северный Кавказ), как наиболее контрреволюционной, всех жителей, за исключением действительно преданных Соввласти и не замешанных в саботаже хлебозаготовок колхозников и единоличников, и заселить эту станицу добросовестными колхозниками-красноармейцами, работающими в условиях малоземелья и на неудобных землях в других краях, передав им все земли и озимые посевы, строения, инвентарь и скот выселяемых.

…Немедленно перевести на Северном Кавказе делопроизводство советских и кооперативных органов “украинизированных” районов, а также все издающиеся газеты и журналы с украинского языка на русский язык, как более понятный для кубанцев, а также подготовить и к осени перевести преподавание в школах на русский язык. ЦК и СНК обязывают крайком и крайисполком срочно проверить и улучшить состав работников школ в “украинизированных” районах»[528].

Обращает на себя внимание двоякий смысл использования кавычек для слова «украинизация». Причем, акцент явно смещается в плоскость восприятия явления как противоестественного, негативного. А еще чувствуется незамаскированный вызов общественному мнению: ведь всем было хорошо известно, кто населяет Кубань и какой язык жителям региона ближе, понятнее. Ее генетический код не смогли уничтожить русификаторские усилия и в течение долгих последующих десятилетий, что бросается в глаза каждому, кто и сегодня слушает особенности речи, произношения представителей Северного Кавказа: украинская основа не просто

прорывается, чувствуется, а нередко и доминирует.

Вероятно, последнее было сделано и с провокационной целью – настолько оно было алогичным. А, возможно, просто партийно-советское руководство считало себя свободным от всяких ограничивающих, сдерживающих факторов, еще точнее – своевольным, самоуправным, способным безнаказанно действовать даже вопреки здравому смыслу. Ведь содержались в том же документе требования без следствия и суда выселять «коммунистов» в северные губернии наравне с кулаками и указания осуждать саботажников, «предателей партии на Украине» – руководителей районов и хозяйств к конкретным срокам – от 5 до 10 лет заключения в концентрационные лагеря[529].

На этом фоне предоставление С. В. Косиору и В. Я. Чубарю права приостанавливать поставки товаров в особо отсталые районы до окончания хлебозаготовок выглядит как сравнительно «мягкое» мероприятие, а разрешение завоза товаров для украинского села – почти как благотворительность[530].

Нетрудно представить, какие мысленные ассоциации породило у Николая Скрыпника ознакомление с Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 декабря 1932 г. Многое, что может произойти в дальнейшем, легко прогнозировалось – усиление репрессий вообще и особенно против тех, кто был так или иначе связан с осуществлением национальной политики, украинизации, делом национального возрождения.

Впрочем, гадать здесь «верхи» тоже долгого времени не дали. Уже 24 января 1933 г. (то есть за неделю до установленного предыдущим документом срока полного «завершения хлебозаготовок») появилось новое постановление. В нем говорилось: «ЦК считает установленным, что парторганизации Украины не справились с возложенным на них партийным заданием по организации хлебозаготовок и выполнению плана хлебосдачи, несмотря на трехкратное сокращение и без того сокращенного плана.

ЦК считает, что основными областями, которые решают судьбу сельского хозяйства Украины и которые надо прежде всего укрепить, есть Одесская, Днепропетровская и Харьковская области. ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Наметить вторым секретарем ЦК КП(б)У и первым секретарем Харьковского обкома – секретаря ЦК тов. Постышева.

2. Наметить первым секретарем Днепропетровского обкома тов. Хатаевича, оставив его одним из секретарей ЦК КП(б)У.

3. Наметить первым секретарем Одесского обкома т. Вегера.

4. Освободить тт. Майорова, Строганова и Терехова от тех

должностей, которые они занимают сейчас, и направить их в распоряжение ЦК.

5. Тт. Постышеву, Хатаевичу и Вегеру начать выполнять свои обязанности на новой работе не позднее 30 января с. г.»[531].

Поскольку оба постановления содержали негативные оценки деятельности ЦК КП(б)У и республиканской парторганизации, было понятно, что Павел Петрович Постышев едет для «наведения порядка». К тому же вскоре выяснилось, что ему было предоставлено право в случае необходимости советоваться непосредственно с И. В. Сталиным, согласовывать с ним свои действия. В этих обстоятельствах С. В. Косиор и другие руководители КП(б)У оказались в условиях, при которых можно ожидать постоянной опасности, что, разумеется, не могло не отражаться на стиле их работы. Февральский (1933 г.) Пленум ЦК КП(б)У одобрил постановление ЦК ВКП(б) от 24 января 1933 г., а Косиор в докладе на пленуме признавал ошибки и подчеркивал, что провал плана хлебозаготовок «никакими объективными причинами оправдать нельзя». Настаивал он и на том, что, дескать, сельское хозяйство республики стало объектом вредительства классово-враждебных сил, а парторганизации якобы не заметили «новой тактики классового врага, действующего тихой сапой»[532].

Конечно, было бы антиисторично утверждать, что силы последнего рода были совсем бездеятельными в тот непростой период, но ограничиваться ссылкой только на них при объяснении провала плана хлебозаготовок 1932 г. и причин голода – значит цинично лицемерить, обманывать общественное сознание, что приобретало еще и привкус кощунства.

Однако авторов упомянутых и им подобных документов тогда, в 1933 г., это мало беспокоило. Так, журнал «Большевик Украины» настаивал: «Тов. Постышев в своем блестящем анализе обстоятельств посевкампании и хлебозаготовок на Украине в прошлом году указал как на основную причину упущений и ошибок украинской парторганизации на отсутствие достаточной большевистской бдительности, что классовый враг использовал в своих контрреволюционных интересах»[533].

Как свидетельствуют факты, П. П. Постышев пошел еще дальше, он связал «прорыв» в сельском хозяйстве республики с наличием «скрытого» националистического уклона в рядах КП(б)У[534]. Лидером этого уклона вскоре и был объявлен Н. А. Скрыпник.

Николай Алексеевич тем временем, чистосердечно переживая вал ужасающих сообщений о свирепствующем голоде, о тысячах смертей, искал ответы на вопрос, почему происходит

непоправимая трагедия, какие правдивые выводы из нее следует сделать. Конечно, он был достаточно опытным политиком, чтобы в непростой общественной атмосфере не озвучивать всех своих настоящих, потаенных мыслей, чтобы не маскировать их ссылками на конъюнктурные или атрибутивные элементы. С этой точки зрения характерна его речь на февральском пленуме ЦК КП(б)У при обсуждении доклада С. В. Косиора «Итоги хлебозаготовок и задачи КП(б)У в борьбе за подъем сельского хозяйства Украины» 7 февраля 1933 г.

Оратор, прежде всего, признал, что с планом хлебозаготовок справиться не удалось. Однако поиск «виновных» он не ограничивал конкретными личностями или даже организациями. Николай Скрыпник считал, что в состоянии хлебозаготовок отражается уровень функционирования всего общества, самых влиятельных его организмов – партии, Советов, комсомола, профсоюзов и т. д. «Я скажу более того, – развивал свою мысль нарком просвещения, – состояние хлебозаготовок вполне отражает все области деятельности.

Когда я был в январе месяце в Киеве, я предложил Киевскому отделу Наробраза составить диаграмму, в которой подать две кривые по районам Киевской области: одна по выполнению хлебозаготовок за год, а вторая кривая должна показывать успешность занятий в школе. Кажется, два вопроса, которые очень далеко стоят: хлебозаготовки по районам области и кривая успеваемости в школе районов.

Однако посмотрите, как почти полностью совпадают эти две кривые. Там, где высоко обстоит дело с хлебозаготовками, в тех районах одновременно поднимается и кривая успеваемости в школе и, наоборот, качество обучения в наших школах является низким в тех районах, где с хлебозаготовками плохо.

Некоторые спрашивают, почему эти две кривые связаны между собой. Дело в том, что когда в данном районе дело с хлебозаготовками обстоит плохо и плохо обстоит дело борьбы за выполнение задач партии относительно успеваемости в школе, – все это есть следствием одного и того же.

Как мы умеем в данном месте, в данном районе укрепить нашу организацию, преодолеть враждебное, кулацкое, мелкобуржуазное влияние – это отражается и является препятствием выполнения всех задач партии, даже таких, якобы далеких, как дело хлебозаготовки, с одной стороны, и дело выполнения задач партии по борьбе за качество обучения»[535].

Конечно, подобный подход может оцениваться по-разному. И как стремление любым способом отвести угрозу от тех, над кем она нависала все ощутимее, – «архитекторов» и «прорабов»

украинизации. И как попытка разобраться в истинных причинах негативных тенденций в деятельности всего общества, детерминировавших, в частности, срыв хлебозаготовок и массовый голод. «Это не только недоработка по одной частной области нашей работы, – настаивал на своем Николай Алексеевич, – это показывает, сигнализирует нам задачи присмотреться глубже и шире к состоянию наших районов, наших областей, всей нашей республики, для того, чтобы суметь, выйдя из этого провала, вооружить всю нашу украинскую организацию на выполнение всех задач политических и хозяйственных, которые поставит перед нами партия»[536].

Особенно неудовлетворительной считал Скрыпник работу советских органов, всей их системы, особенно тех подразделений, которые обеспечивали ключевые участки сельскохозяйственного производства (земельные органы, МТС и т. д.). И потому достаточно скептически относился к практике чрезвычайных мер, направлению на места «уполномоченных». Он считал малоэффективной эту «новую импровизацию», высказывал твердое убеждение: «Уполномоченные должны быть только дополнительной силой для проверки, для подталкивания и помощи, а когда у нас в некоторых районах бывает так, что на каждое село, на каждый колхоз, иногда на каждый угол назначается специальный уполномоченный, я пришел к тому убеждению, что легче нам будет, когда этих уполномоченных мы оставим для постоянной работы в деревне. (Аплодисменты.) Оговариваюсь, я такое мнение выражаю отнюдь не из ведомственной точки зрения, но когда бы. таких членов коллегий, которые по 9 месяцев сидят на кампаниях, взять для постоянной работы в деревне. (Шум в зале, смех.)

Подменять наши постоянные советские и партийные организации уполномоченными, направление уполномоченных применять как систему – абсолютно недопустимо. Это отнюдь не значит, что мы

должны отказаться от использования уполномоченных для проверки, для контроля, для помощи низовым организациям, – однако у нас во многих местах такая замена входит в систему»[537].

В то же время небззккоризненносьь сформлиированной Н. А. Скрыпником позиции осоЄєнно бросается в глаза в заключительных словах его речи: «Итак, товарищи, после того как ЦК ВКП(б) указал нам на наш прорыв, что мы свои обязанности не выполнили и не справились с поставленноО перед нами задачей по хлебозаготовкам, когда ЦК помог нам в укреплении руководства: секретаря ЦК ВКП(б) тов. Постышева прислал нам

сюда как второго секретаря ЦК КП(б)У и первого секретаря Харьковской области, я думаю, товарищи, что, анализируя существующее состояние, мы должны понять важность значения нашего провала, понять, что перед нами стоит не только провал на одном участке, а такой провал, который сигнализирует, что в соотношениях классовой борьбы в деревне мы не смогли и не сумели выявить врага и имеющиеся и возможные в настоящее время силы организовать для победы. Значит, отсюда вывод: изобрести и найти резервы. Они есть – резервы парторганизации городов, резервы в укреплении советского и партийного аппарата, резервы комсомола, резервы колхозного актива. Условия, значит, для того, чтобы победить, у нас есть. И поэтому мы, никак не удовлетворяя себя словами о том, что, мол, в каждой борьбе могут быть поражения, должны помнить, что поражения есть там, где есть ослабление борьбы против классового врага, где нет запаса сил. У нас силы и резервы есть. Мы должны эти резервы использовать для того, чтобы в эту весеннюю кампанию, во всей кампании за хлеб в течение 1933 г. победить. Задачи нашей украинской парторганизации в целом объеме, задачи сельскохозяйственные на 1933 год мы должны выполнить. Украинская организация до сих пор была не на последних местах в борьбе за социализм, и я уверен в том, что мы, напрягая силы, укрепляя руководство, выявляя все резервы, сумеем повести пролетариат и колхозное крестьянство Украины к победе»[538].

Любая мыслящая личность понимала, куда склонялось мнение Н. А. Скрыпника в его последнем выступлении в качестве наркома просвещения на пленуме ЦК КП(б)У. Однако, похоже, что не только понимать, но и слушать мудрого, опытного партийца не хотели. Наоборот, правдивые слова только разжигали нездоровый азарт у тех, кто спешил неправедно расправиться с ним.

В конце зимы 1933 г. Николаю Алексеевичу предложили формальное повышение – должность председателя Госплана и заместителя председателя правительства республики. Неизвестно, как воспринимал это сам Скрыпник, действительно ли просил освободить его от должности наркома образования. Стенограммы заседаний Политбюро ЦК КП(б)У не велось, а в протоколе от 23 февраля 1933 г. есть пункт «Заявление тов. Скрыпника», в котором записано:

«а) удовлетворить просьбу тов. Скрыпника об освобождении его от обязанностей Наркома Образования УССР.

б) Назначить т. Скрыпника Председателем Госплана УССР и зам. Председателя СНК УССР. Тов. Дудника назначить первым заместителем Председателя Госплана УССР.

в) Народным Комиссаром Образования УССР назначить тов. Затонского.

Внести Пленуму ЦК КП(б)У предложение о введении тов. Затонского в состав членов ПБ ЦК КП(б)У»[539].

Как видно из документа, значительно укреплялись позиции Владимира Петровича Затонского в тогдашнем партийном руководстве Украины. Впрочем, это касалось и другого заметного представителя «команды» П. П. Постышева – Н. Н. Попова, на которого, как вскоре выяснится, была возложена задача идеологического обеспечения ликвидации «национального уклона» Н. А. Скрыпника. В упомянутом решении говорилось: «Внести Пленуму ЦК КП(б)У предложение о кооптации тов. Попова Н. Н. в состав членов ЦК КП(б)У, избрание его секретарем ЦК КП(б)У и о введении в состав членов ОБ и кандидатов в члены ПБ…

Утвердить тов. Попова Н. Н. главным редактором газеты “Коммунист”, освободив тов. Любченко от обязанностей ответственного редактора и члена редколлегии газеты “Коммунист”»[540].

Несколько позже Политбюро ЦК КП(б)У приняло решение о введении Попова в состав комиссии, занимавшейся подготовкой выборов академиков Всеукраинской академии наук (Попов эту комиссию и возглавил), а также в состав редколлегии журнала «Большевик Украины»[541]. Итак, Н. Н. Попов, который, несмотря на свое меньшевистское прошлое, уже не раз доказывавший преданность большевистскому руководству страны и публично демонстрировавший про-сталинские симпатии, получил реальную возможность и масштабные рычаги для формирования общественного мнения о деятельности Н. А. Скрыпника. И следует отметить, что возникшими обстоятельствами талантливый публицист и партийный историк довольно успешно воспользовался.

Наконец, стоит обратить внимание еще на один пункт кадровых решений Политбюро ЦК КП(б)У от 23 февраля 1933 г. «О первом заместителе Наркомоса УССР»: «Утвердить А. А. Хвылю первым заместителем Наркомоса УССР, освободив тов. Карпенко от работы в Наркомосе»[542].

Это был тот самый Андрей Ананьевич Хвыля (Олинтер), который проявил себя такой рьяной борьбой с «национал-уклонистами», национал-коммунистами, литераторами и художниками, что даже Николай Скрыпник вынужден был просить унять пыл партийного функционера не такого уж и высокого ранга. Но именно подобной безапелляционной классовой непримиримостью можно было привлечь к себе

внимание высшего начальства, завоевать его расположение, то есть «выдвинуться», как тогда без тени иронии говорили.

Вот Хвыля и выдвигался – и сам, и партийным руководством на острие очередной политической кампании.

Между тем партийные решения «проводились» через государственные инстанции. Собственно, они скорее дублировались, «протоколировались». 28 февраля 1933 г. на заседании Президиума ВУЦИК было решено: «Назначить тов. Скрыпника Николая Алексеевича Председателем Государственной плановой комиссии УССР и заместителем Председателя Совета Народных комиссаров УССР»[543].

Постановление подписали председатель ВУЦИК Г. И. Петровский и секретарь ВУЦИК Ю. А. Войцеховский.

И в тот же день, как тогда было принято, без всякой «раскачки» Николай Алексеевич приступил к исполнению новых обязанностей. Начинался новый и, как вскоре окажется, последний период его жизни…

IX. Его «Голгофа»

Еще сравнительно недавно (естественно, по историческим меркам) подобное наименование раздела-сюжета о финале жизни пролетарского революционера было невероятным, немыслимым. Сегодня же совсем наоборот – термин «голгофа» стал не просто широко употребляемым. Приходится с сожалением констатировать, что он становится «расхожим», назойливо «модным», трафаретным и нередко используется в более чем сомнительных случаях, для эмоционального усиления оценок поведения, поступков и тех индивидуумов, которые даже отдаленно того не заслуживают.

Естественное нежелание одеть героя этой книги едва ли не в стандартные оценочные идеологические одежды вызвало первоначально внутреннее сопротивление.

Однако есть в мире, сознании, совести такие абсолютные ценности, принципиальной ориентации на которые совсем не могут помешать даже их (этих ценностей) бездумно-спекулятивные, грязноконъюнктурные использования. Безусловно, глубоко трогательный символ Голгофы, такой близкий, понятный христианской душе, требует к себе очень осторожного, очень взвешенного, рассудительного отношения.

Учитывая вышесказанное, стремясь к максимально ответственной и объективной оценке трагической сущности последних дней скрыпниковой жизни, его вовсе не ординарной смерти, думается, лучше, органичнее соответствия-символа, более емкого синонима найти невозможно. Поэтому таким святым словом хочется безоговорочно заявить и, естественно, утверждать, доказать, что Николай Скрыпник, как и далекий библейский прообраз, не просто ушел из жизни, а именно мученически погиб, отстаивая до последнего вздоха идеи, убеждения, ради которых его судьба стала непрестанной борьбой. Погиб, не обреченно ожидая пулю, выпущенную из чужих рук, а продолжая борьбу и собственноручно ставя последнюю точку, лишая такой возможности своих врагов. Погиб, возможно, и не осознавая того, что вокруг его имени, его судьбы борьба будет продолжаться еще долгие десятилетия, однако с большой надеждой (где-то глубинно – даже с твердым убеждением), что к идеям, над которыми он бился, еще вернутся и борьба непременно будет продолжена. Погиб, чтобы трагической развязкой своей жизни лишний раз с особой силой подчеркнуть: его судьба удалась, потому что это была судьба революционера, с момента выбора жизненного пути уже готового к такому финалу,

если он хотя бы на мгновение приблизит человечество к справедливой, гуманной, счастливой жизни.

Перемены, наступившие в жизни Н. А. Скрыпника, на поверхностный взгляд, не должны были давать серьезных оснований для беспокойства. Заместитель председателя Совета народных комиссаров УССР и председатель Государственной плановой комиссии, которая работала над подготовкой важнейшего партийного и государственного документа – второго пятилетнего плана развития народного хозяйства, – что могло быть ответственнее, важнее и почетнее?

Однако те, кто научился оценивать события не только по их показной стороне, сразу уловили: звезда Николая Алексеевича стремительно покатилась вниз. Да и сам он это хорошо понимал, знал. Не потому ли, пожалуй, впервые в жизни новое назначение не вызвало привычного энтузиазма, стремление поставить дело так, как это удавалось немногим, а ему – Скрыпнику – удавалось.

Хотя представить работу Николая Алексеевича в последние полгода непросто – документы о деятельности правительства и конкретно вице-премьера, за то время в архивных фондах отсутствуют, а о функционировании Госплана, его председателя – очень ограничены. Как-то само собой чувствуется затухание интенсивности работы, движение продолжается больше по инерции, как движение по необходимости, без внутреннего желания и настроения. Собственно, перу Скрыпника принадлежит всего несколько распоряжений технического характера – по кадровым вопросам, внутриаппаратным отношениям и т. п.[544]

Основной же массив документов – это сухие циркулярные письма, в основном адресованные областным плановым комиссиям, ведомствам с просьбами и задачами о предоставлении необходимой для пятилетнего плана информации[545], а также такие же невыразительные, без фиксации предложений, мыслей руководителя протоколы заседаний Президиума Госплана[546]. Ранее, помнится, подобные протоколы отражали весьма интенсивную, иногда просто отчаянную его борьбу за тот вариант, который представлялся оптимальным, и документы «пестрели» «особым мнением» наркома.

Отражением тогдашней атмосферы и того, чем, в частности, приходилось заниматься председателю Госплана УССР, является подписанный 26 июня 1933 г. Н. А. Скрыпником документ с характерным названием «О постановлении ЦК КП(б)У и Харьковского обкома КП(б)У “О состоянии прополки в Харьковской области и предложение Дзержинского райкома о мобилизации для прополки свеклы не менее 50 % служащих

Совучреждений”». В нем говорилось:

«1. Постановление ЦК КП(б)У и Харьковского обкома КП(б)У указывает на прорыв в сельском хозяйстве, произошедший в области по прополке свеклы, это требует сверхсрочных, экстраординарных мер для ликвидации прорыва. Мобилизация сотрудников советских учреждений является непременным мероприятием для этого, политически и хозяйственно-политически целесообразным, это принять к обязательному и неукоснительному исполнению.

2. Оставить в Госплане только тех рабочих, которые безусловно и непременно нужны для выполнения тех задач правительства и ЦК, которые нельзя отложить. Все остальные задачи или отложить, или выполнить по мере возможности, проводя эту работу оставленным штатом методами ударничества, напряженными темпами»[547].

При этом сам Николай Алексеевич принимал на себя обязательство согласовать в ЦК КП(б)У те вопросы, которые можно было отложить на небольшой срок[548].

Конечно, подобные дела отвлекали от главных задач, мешали исполнению более важных функций. Но с этим можно было бы еще смириться.

Основное же внимание главы комитета занимало совсем иное. Маховик антискрыпниковской кампании раскручивался на полную мощность, не давая ни Николаю Алексеевичу, ни общественному мнению ни малейшей возможности для передышки.

Уже 4 марта 1933 г. Политбюро ЦК КП(б)У одобрило документ под названием «О проекте резолюции об итогах украинизации». В нем отмечалось: «а) Проект резолюции, предложенный Комиссией ПБ, – в основном принять. Поручить тт. Косиору, Постышеву и Попову окончательно отредактировать.

б) Поручить тов. Попову разработать практические предложения по вопросам, связанным с обсуждением и проведением в жизнь резолюции.

в) Считать политически нецелесообразным выпускать брошюру тов. Скрыпника “Нариси підсумків” («Очерки итогов». – *В. С.)* (стенограмма выступления на заседании Коллегии НК Образования 14.II.33 г.)»[549].

Как видно из документа, его авторов, не устраивали итоги украинизации, как они виделись компетентному в этом деле человеку, и вместо них одобрялась резолюция, которую еще следовало доработать. Что же вызвало негативную реакцию членов Политбюро?

Странное дело, но при столь категорическом постановлении

упомянутая брошюра была выпущена государственным издательством Украины «Радянська школа» десятитысячным тиражом и дошла даже до наших дней[550].

Очевидно, события здесь просто опередили решения. Подписали брошюру в печать 23 февраля 1933 г., и вполне возможно, что весь тираж был изготовлен еще до 4 марта. Успела она распространиться или тираж был уничтожен – неизвестно. Однако с текстом одного из последних скрыпниковских произведений есть возможность ознакомиться.

При этом возникают разноречивые мнения и чувства. Доминирующими же остаются два соображения-впечатления, возможно, и в соответствии с авторским замыслом. Во-первых, попыткой перехватить инициативу у тех, кто начал открытый поход против украинизации, и с позиций правдивого критического аналитика не декларативно, а документами, фактами, статистическими данными защитить возвышающиеся истинные ценности, оперативно повлиять на формирование общественного мнения по поставленным в повестку дня сложным общественным проблемам, по возможности, доказать неконструктивность односторонних подходов.

Во-вторых, Николай Скрыпник, как опытный политик, проницательный человек, не мог не понимать, не уловить очевидной угрозы, нависшей над ним лично. И сам факт произнесенной речи, ее содержание, выпуск массовым тиражом брошюры – это и попытка защиты, и одновременно акт борьбы.

Дополнительными аргументами в пользу таких выводов могут быть и стремление как можно оперативнее издать доклад, сделать его активным фактором развития ситуации, и построение, форма, элементы доклада-брошюры. В несвойственном для себя амплуа Скрыпник старательно «расшаркивается» перед всесильными обстоятельствами: неоднократно ссылается на генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина, на бывшего секретаря ЦК КП(б)У, секретаря ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановича, на секретаря ЦК КП(б)У С. В. Косиора, на материалы последних пленумов ЦК ВКП(б) и КП(б)У, на известные постановления партии по хлебозаготовкам, пытается показать, что осуществление украинизации по основным параметрам логично совпадало с новейшими оценками общественных процессов. А замечания, претензии, сформулированные в соответствующих документах, уже восприняты, в значительной степени оценены, «проверены», осознаны, и оперативно начата работа по устранению недостатков, преодолению упущений. Да и сама постановка на заседании Коллегии Наркомата просвещения УССР вопроса об

украинизации – уже убедительное свидетельство готовности идти «в ногу» со всей партией, благодарно воспринимая установки и требования руководящих органов.

Николай Скрыпник в начале публикации несколько многословно, со смысловыми повторами, однако не очень убедительно (очевидно, сам это чувствовал – отсюда и повторы) пытается обосновать необходимость срочного рассмотрения вопроса в избранном ракурсе. А именно: подвести итоги проверки осуществления украинизации и обслуживания системой Наркомпроса культурных потребностей национальных меньшинств, в частности русского – не отдельно, а в тесной взаимосвязи, посмотрев на аспект обслуживания нацменьшинств, русского, в первую очередь, как часть процесса осуществления политики украинизации[551].

Здесь же в действие была введена и «тяжелая артиллерия» – ссылка на связь рассматриваемого вопроса с постановлениями высших партийных органов о «провале» хлебозаготовок[552]. Напоминались известные положения документов ЦК ВКП(б) о том, что «рычаг украинизации» попал «в некоторых местах» «в руки врагов», что привело, в частности, на Кубани к подмене большевистского курса «петлюризацией»[553].

Далее Николай Алексеевич довольно уверенно заявлял: «Я рад, что могу здесь снова повторить, что проведенная нами сейчас беглая проверка того, как мы обеспечиваем культурно-образовательные потребности национальных меньшинств, показывает, что у нас работа и ее последствия, беря в общем, положительные. Несомненно, есть отдельные недоделки, их надо проверить, выявить, поправить. Но относительно обеспечения национальных меньшинств мы стоим на хороших путях»[554].

Сославшись на подобную оценку ситуации в этой сфере С. В. Косиором трехлетней давности, нарком просвещения настаивал: «За прошедшие три года, подытоживая или, лучше сказать, продлевая предыдущий очерк итогов нашей работы в деле культурного обслуживания нацменьшинств, я рад констатировать, что мы в этом отношении провели углубленную работу и культурное обеспечение и работа наша в деле украинизации, работа в деле создания новой украинской национальной по форме и социалистической по содержанию культуры идет рядом с углубленным обеспечением интересов нацменьшинств, с обеспечением культурно-национальных потребностей нацменьшинств в УССР»[555].

Но Николай Алексеевич хорошо понимал, что оборона на уровне противопоставления оценок (какими бы убедительными, аргументированными достоверными данными его – Скрыпника –

оценки ни выглядели), обязательно вызовет только раздражение недоброжелателей, и поэтому дальше применил тактику признания имеющихся отдельных недостатков и необходимости усиления работы в духовнокультурной, образовательной сфере.

Обращает на себя внимание способ, к которому прибегает в данном случае Н. А. Скрыпник. Как известно, ранее он никогда не боялся олицетворенной критики, наоборот, казалось, даже злоупотреблял этим приемом, каждый раз демонстрируя свою принципиальность, конкретность, неголословность. Однако в брошюре «Очерки итогов» автор абстрактно вспоминает «враждебные силы кулацкие, подкулацкие», которые сплачиваются вокруг лозунгов «против Москвы» и в такой же степени абстрактно критикует эти силы, одновременно демонстрируя свою преданность столице большевизма как символу мирового социального прогресса: «.Тот, кто теперь, когда мы имеем 15 лет пролетарской диктатуры, снова начинает говорить о “Москве” как о чем-то чуждом, исходит из соображений о Москве как чем-то отдельном, тот отравлен национализмом, у того в душе шевелится червь националистических предрассудков, националистической ненависти, националистических противопоставлений… Мы должны открыто говорить – Москва столица Советского Союза, Москва – сердце пролетарской диктатуры. Москва является разумом всемирной пролетарской революции. Мы горды тем, что мы, коммунары, работники Советской Украины, основали Советский Союз совместно с российскими рабочими»[556].

В таком же духе Николай Скрыпник становился в оборону и русского языка: «…И когда теперь, на 15 году пролетарской революции, мы встречаемся с пренебрежительным, с презрительным отношением к русскому языку, мы должны сказать в ответ – русский язык – язык Ленина, язык широчайших трудящихся масс России, боровшихся за Октябрь, и презрительное отношение в нашей пролетарской стране к русскому языку, к языку, на котором писал Ленин, с помощью которого полтораста миллионов трудящихся ведут великое дело строительства социализма – вещь абсолютно недопустимая»[557].

Давая идеологический отпор тем, кто пытался противопоставить украинский язык русскому, даже в условиях, по сути, великодержавных окриков, Николай Скрыпник не подстраивался под общий политический хор, с достоинством защищал родной язык. «…Старые воспоминания о “малороссийском наречии русского языка” на советскую почву тянуть нечего, – категорически заявлял нарком. – У нас нет сомнений в самостоятельности украинского языка… Для нас

вопрос украинского языка не стоит как вопрос зависимости или независимости. Этот вопрос решен пролетарской революцией. Когда дело идет о противопоставлении, то это линия вражды (очевидно, по контексту нужно – враждебная. – *В. С.),* петлюровская, националистическая»[558].

Всем своим глубинным содержанием, всем пафосом такие сюжеты, по мнению автора, должны были убеждать: результаты украинизации в целом очень благотворны, а отдельные случаи негативного отношения к Москве, русскому языку – это результат совсем других процессов, позиция настоящих врагов, круг которых в Украине чрезвычайно узок. Местным коммунистам есть что противопоставить в идейном плане подобным элементам и, в принципе, нет оснований сомневаться в конечном торжестве интернационалистских начал.

Собственно, практически никаких проблем, за редким исключением, не возникало в отношениях, в обслуживании различных национальных потребностей греческой, немецкой, польской, чешской, молдавской, татарской и других национальностей, проживавших в Украине. Что касается обеспечения культурно-национальных потребностей русского населения УССР, то, по Скрыпнику, тут и враждебные элементы действовали интенсивнее, целенаправленнее, и те, от кого зависели направления, объемы, темпы украинизации, также допустили определенные просчеты, очевидные ошибки. К самой существенной из них автор отнес решение вопроса об обучении русских детей на родном языке.

Здесь в общем-то наблюдались немалые положительные подвижки. Если в 1927 г. на родном языке в школах УССР обучалось 75,9 % этнических русских, то в 1932 г. – уже 91 %. И Николай Скрыпник так оценил тенденции: «То, что 91 % русских детей на Украине обучается на русском языке, показывает, что преодолен позорный прорыв, который был в 1927 г., когда было 75 %. Но то, что 9 % русских детей обучаются теперь, в 1932-33 гг., не на родном языке, показывает, что у нас есть принудительная украинизация, даже если брать Украину в целом. Этот факт должны констатировать, отметить для того, чтобы исправить этот огромный недостаток, напрягая все усилия»[559].

Между строками явно прочитывается мысль: Наркомат просвещения республики во главе с руководителем готовы были признать, что общие претензии и критика ЦК ВКП(б), ЦК КП(б)У относительно украинизации небезосновательны, оправданны, что для исправления ситуации в звене, где возник угрожающий прорыв, они готовы напрячь все силы. Чтобы показать «созвучность» своих настроений и деятельности общепартийным

подходам, Н. А. Скрыпник не останавливался перед употреблением довольно-таки «крутых» эпитетов, когда речь доходила до формулирования критических упреков в адрес наркомата и самокритичных признаний-требований. «…В нашей системе, – утверждал Николай Алексеевич, – есть отдельные гнилые явления, вырастают попытки национализма, и это тогда, когда вопрос борьбы с национализмом на очереди повестки дня поставлен жестокой кулацкой борьбой, которая довела до срыва план хлебозаготовок. В этих условиях такие явления приобретают иное значение, значение политическое… Когда мы констатируем, что у нас в нашей системе в отдельных местах и именно по боевой линии кулак протаскивает ненависть националистическую, случается позорный прорыв и проявляется принудительная украинизация националистическая, петлюровская, в таком случае должны поставить себе задачу проверки, приходится констатировать, что наше руководство в районах, в городах здесь обанкротилось, а мы не способны оказались проверить их. Перед областными отделами наробразования надо поставить во всю высоту этот вопрос. Надо ставить этот вопрос перед сектором соцвоспа (соцвоспитания. – *В. С.),* за это должен отвечать Наркомос в целом и в том числе и я. Мало того, что я давал указания, мало того, что организовал и проводил контроль через своих заместителей, необходимо было проверить – проверить и выявить»[560].

Кажется, здесь докладчик сознательно «перегибает палку», «подыгрывает» конъюнктуре, играет «в поддавки» – инициаторы очередной идеологической кампании могут радоваться своему изобретению. Однако все понимают: возглавляемое Николаем Алексеевичем ведомство задолго до внешнего вмешательства начало эффективное преодоление диспропорций, разрешение возникавших проблем. Приводя многочисленные выдержки из своих работ предыдущих лет, нарком просвещения лишний раз доказывал – понимание проблемы и работа над ней – объект давней и усиленной заботы руководителей украинизации[561]. Итак, по большому счету, беспокойств и в этом вопросе возникать ни у кого не должно. Как бы оттеняя, подчеркивая эту мысль, Николай Алексеевич заметил: «Если бы было у нас 48,0 % обучения русских детей на русском языке, а остальные более половины русских детей учились бы на украинском языке, то нас надо было бы расстрелять, кого политически, а кого и физически»[562]. Однако те, на кого был рассчитан психологический эффект, с эмоциями не особенно считались. Как, впрочем, и с логикой…

Вообще же, и доклад, и брошюра Н. А. Скрыпника

свидетельствовали о том, что в его настроениях, поведении что-то случилось, состоялся душевный надлом. При всей своей внешней жесткости, уверенности легко улавливается общий оправдательный тон, оправдательная направленность выступления. Появились даже элементы, в возможность использования которых Николаем Алексеевичем еще совсем недавно нельзя было поверить, а сам он определенно осудил бы подобное поведение кого бы то ни было. Так, самокритично признавая свои ошибки, нарком жаловался на то, что большую часть времени находился в разъездах (в командировках), а его директивы не всегда выполнялись заместителями, аппаратом наркомата. При этом приводились конкретные случаи и имена[563], что, возможно, на аппаратном совещании и уместно, однако выглядит как маломотивированная публичная попытка перекладывания вины на подчиненных, стремление защититься за счет измены ближнему. Вряд ли кто мог отнестись к таким шагам с одобрением, пониманием.

А инициаторам антискрыпниковской кампании «не нравилась» брошюра в целом – все ее содержание, сам факт ее появления, перспективы знакомства с ней читателей. Поэтому и стремились успеть не допустить выпуска, распространения нежелательного документа.

Вообще, становилось очевидным, что творческому человеку, плодотворному автору Николаю Скрыпнику элементарно «перекрывали кислород». И он все более чувствовал, что задыхается. Так, еще в течение 1929 г. под его именем вышло 72 публикации, в том числе первая часть второго тома его «Статей и речей», посвященных национальному вопросу.

В 1930 г. количество публикаций равнялось 68. Тогда вышли первый том «Статей и речей» – «Пролетарская революция на Украине», первая часть четвертого тома – «Вопросы социалистического образования» и том пятый – «Литература и искусство».

1931 г. ознаменовался выпуском 47 опубликованных работ. Вышла, в частности, вторая часть второго тома «Статей и речей» – «Национальный вопрос».

За 1932 г. насчитывается всего 18 позиций скрыпниковских публикаций. А в 1933 – и вовсе только 2.

Третий том «Статей и речей» так никогда и не появился.

Чиновники же неуклонно продолжали свою линию на изоляцию, дискредитацию видного партийно-советского деятеля.

31 марта 1933 г. новым специальным решением Политбюро ЦК КП(б)У была осуждена еще одна брошюра – на этот раз о Н. А. Скрыпнике: «О брошюре Г. Овчарова “Николай Скрыпник и

советская литература”».

Документ короткий: «1. Признать, что брошюра т. Овчарова имеет совсем недопустимый характер, что выпуск ее направлен против указаний ЦК ВКП(б) об ошибках, допущенных по линии национальной политики, что эта брошюра затрудняет разъяснение допущенных ошибок.

2. Тов. Овчарова с работы в Госплане снять и просить ЦКК привлечь его к партответственности»[564].

Г. Ф. Овчаров работал помощником Н. А. Скрыпника, участвовал в подготовке к печати работ наркома. В частности, он был литературным редактором упомянутой последней брошюры Николая Алексеевича. А за два дня до того, как она была подписана в печать, ту же стадию прошла и брошюра самого Овчарова «Николай Скрыпник и советская литература». Она представляла собой почти стостраничный труд, дополненный небольшой рецензией на книгу Скрыпника «Переиначивания (изменения, на украинском языке – «перезнаки». – *В. С.)* творческих поприщ “Реконструктивные линии в литературе, музыке, изобразительном искусстве”» (Харьков, 1930)[565]. Очевидно, брошюра Овчарова появилась примерно в одно время с трудом Скрыпника «Очерки итогов» и тоже вызвала крайне негативную реакцию руководства.

На первый взгляд, непросто понять, почему не очень важная работа привлекла такое внимание Политбюро ЦК КП(б)У, получила квалификацию «недопустимой», по сути, антипартийной, такой, что затрудняет разъяснения допущенных в сфере национальной политики ошибок. И действительно, анализируя отобранные в пятый том скрыпниковского собрания «Литература и искусство» публикации, автор сделал попытку показать, какие взгляды сформировались у наркома образования на тогдашний литературный процесс, какими были его позиции в литературных дискуссиях. При этом автор старательно обходит сугубо национальные аспекты проблемы. Прямо вопрос затрагивается лишь один раз. Автор указывает, что, согласно Скрыпнику, проблемы строительства украинской пролетарской культуры и литературы можно успешно решить только интернациональными методами. И добавляет: «Тов. Скрыпник особое внимание обращает на то, чтобы украинская пролетарская литература укрепляла связи и с братскими литературными отрядами Советского Союза, и с революционными отрядами, которые работают и борются на литературном поприще в условиях капиталистических стран.

Тов. Скрыпник всегда и всюду предостерегал развитие советской литературы на Украине от национальной

ограниченности, от национальной замкнутости, которая препятствовала бы самому делу пролетариата, делу строительства украинской по форме и пролетарской по содержанию культуры и ее неотъемлемой части – литературы»[566].

О глубоко интернационалистских убеждениях и ориентациях влиятельного руководителя идеологической сферы, по мнению Г. Ф. Овчарова, свидетельствовало инициированное им создание Всесоюзного объединения ассоциаций пролетарских писателей (ВОАПП), а также руководство работой Первой международной конференции пролетарской литературы[567].

Пожалуй, при всем желании и способности к самым изощренным изобретениям в вышеприведенном трудно найти что-либо не соответствующее официальному курсу национальной политики ВКП(б), ее фундаментальным принципам.

Точно так же не просто предъявить претензии к тому, как Н. А. Скрыпник стремился (а Г. Ф. Овчаров воспроизвел это в своем произведении) к тому, чтобы молодая советская литература больше послужила делу создания нового строя, принципиально оценивал литературно-художественные направления, школы, творческие соревнования между ними.

Однако в брошюре обнаружились и моменты, за которые можно было при желании «зацепиться». Популяризируя взгляды своего героя, восхищаясь ими, помощник наркома не удержался от соблазна применить изысканные, восхищенные оценки творчества Скрыпника, даже определенную идеализацию его теоретических достижений, масштабности влияния на литературно-художественные и культурно-образовательные проблемы. В публикации даже появились формулы «партия и тов. Скрыпник», «указания тов. Скрыпника» как «образец» партийного подхода к делу т. п.[568]

Вот именно такие утверждения и не устраивали тех, кто стоял за кулисами антискрыпниковской кампании, направлял ее. Конечно, им нужно было совсем иное – разъединить в представлениях, восприятии широкой общественности партию и Н. А. Скрыпника, доказать, что позиция бывшего наркома просвещения противоречила партийной линии в национальном вопросе, а следовательно – и в литературно-художественной сфере, не пропагандировать, возвышать его достижения, а разоблачать как фактор культивирования националистических, враждебных тенденций в общественной жизни Украины.

Особое же раздражение инициаторов похода против Скрыпника вызывало частое обращение в произведениях авторитетного партийного и государственного деятеля к

официальным документам начального этапа украинизации, в частности к постановлению ЦК ВКП(б) 1925 г. о художественной литературе. А Овчаров, вслед за героем своего труда, тоже доказывал, что упомянутое постановление – это принципиально верная, научная, диалектическая платформа, отступления от которой способны породить существенные искажения марксистского курса[569]. Но на дворе был не 1925, а 1933 год, не начало украинизации, а ее форсированное сворачивание.

Руководящие звенья ВКП(б) в то время усиленно доказывали верность тезиса об обострении классовой борьбы, о необходимости повышения бдительности и непримиримости к врагам, а Н. А. Скрыпник и дальше печатал массовыми тиражами свои произведения, в которых говорилось о внимательном, терпеливом отношении к попутчикам, о поиске путей к сотрудничеству с ними и наращивании усилий по их перевоспитанию. А Г. Ф. Овчаров всячески популяризировал такую не просто примиренческую, а даже преступно-либеральную точку зрения. «Определяя линии нашего отношения к попутчикам, – говорилось в анализируемой брошюре, – тов. Скрыпник подчеркивает, что, усиливая борьбу с уклонами среди попутчиков, с их колебаниями и враждебными влияниями на них, надо всегда помнить о необходимости привлечь попутчика на нашу сторону. Здесь тов. Скрыпник особо подчеркивает установки, определенные в резолюции ЦК ВКП(б) 1925 года о том, что нам надо завоевывать попутчика, переводить его на рельсы пролетарской идеологии, революционного творчества»[570].

И уж совсем недопустимыми для тех, кто тогда «правил бал», были пассажи в публикации Овчарова, в которых можно было найти латентное сопротивление официальной политике, критическое отношение к ней. «Борьбу за попутчиков, – настаивал на своем автор “неудобной” брошюры, – борьбу за то, чтобы творчество попутчика действительно шло в направлении, помогающем пролетариату в его созидательной работе, тов. Скрыпник неразрывно сочетает с борьбой против левозакрученических установок, против тех, кто считает, что в эпоху реконструкции недопустимо вообще признавать существование попутчика. Такие взгляды тов. Скрыпник беспощадно критикует, разоблачая теоретическую их путаницу и политический вред»[571].

Это уже звучало как дерзкий вызов. Соответствующей должна была быть и обратная реакция. И ждать, как видно, долго не пришлось.

В тот же день, когда было принято решение о брошюре Г. Ф.

Овчарова, т. е. 31 марта 1933 г., Н. А. Скрыпника вывели из состава «комиссии по фонду им. Ленина» и заменили его В. П. Затонским. Не задержался с активизацией своих действий и заместитель последнего, А. А. Хвыля. 24 апреля 1933 г. он направил в Политбюро ЦК КП(б)У докладную записку по вопросам языкознания. В этом документе едва ли не впервые Н. А. Скрыпника без каких-либо оговорок обвинили в том, что он «не только не вел борьбы против… буржуазно-националистической линии в вопросах создания украинской научной терминологии, но и способствовал этому искажению партийной линии на фронте языкознания»[572]. Вся предыдущая деятельность органов Наркомпроса огульно квалифицировалась как «вредительство».

Вскоре, в апреле 1933 г., в ЦК КП(б)У было проведено совещание по вопросам национальной политики, которая стала своеобразной прелюдией к финальной атаке на Н. А. Скрыпника.

Вступительной речью совещание открыл Н. Н. Попов. «Известно, – отмечал он, – что в области национально-культурного строительства мы имеем огромные достижения.

Но, безусловно, здесь были и ошибки, которые надо как можно быстрее исправить. Эти ошибки в основном заключались в ослаблении внимания к вопросам национальной политики, в ослаблении внимания к подготовке большевистских кадров, в механическом подходе к отдельным районам, что объясняется незнанием состояния [дел] в этих районах.

Тов. Сталин еще в 1926 году в своем письме о тогдашних ошибках тов. Шумского очень остро ставил вопрос о кадрах перед всей нашей украинской парторганизацией. Теперь этот вопрос стоит не менее остро, чем тогда. В осуществлении политики партии, в связи с обострением классовой борьбы, некоторая часть наших кадров оказалась не на высоте. Это касается и национальных кадров Украины. Враждебные, чужие, петлюровские элементы проникли даже на руководящие должности в отдельных районах и на ответственные участки национально-культурного строительства.

Это потому, что в последние годы наша парторганизация не уделяла должного внимания практическому проведению нацполитики, подготовке большевистских украинских кадров, необходимых для осуществления этой политики»[573].

Н. Н. Попов отдельно остановился на критике теории «о существовании своеобразного течения “национал-большевизма”, который, мол, хоть и отличается от настоящего большевизма, но вроде бы имеет с ним что-то общее»[574].

С докладом о национальной политике партии в школе выступил В. П. Затонский, который, в частности, подчеркнул, что

«падение числа школ русского нацменьшинства является следствием искажения линии партии»[575].

Говоря о «засоренности» корпуса работников образования «националистическими, классово-враждебными элементами», новый нарком фактически прямо назвал ответственных: «…Эти националистические элементы могли так широко осуществлять свою деятельность потому, что им помогали некоторые указания самого Наркомоса»[576].

В духе своей докладной записки построил речь о проблемах в языковой области А. А. Хвыля.

Интересно, что в газете «Известия ВУЦИК», где была помещена информация о совещании и изложение докладов Н. Н. Попова, В. П. Затонского, А. А. Хвыли, ни разу не упомянуто имя Н. А. Скрыпника.

Однако только совершенно политически слепой человек мог не уразуметь, против кого направлено острие критики.

Конечно, Скрыпник это не только хорошо чувствовал, но и просто много знал. Для него не могло быть тайной, что тот же Хвыля подал в теоретический орган ЦК КП(б)У – «Большевик Украины» (Николай Алексеевич до конца жизни оставался членом редколлегии журнала) статью «Искоренить, уничтожить националистические корни на языковом фронте». Правда, она вышла в свет вскоре после смерти Николая Алексеевича (в № 7–8, который был сдан в набор 25 июня, а подписан к печати 22 июля 1933 г., успел попасть и некролог Н. А. Скрыпника). Построена статья была на основе упомянутой выше докладной записки и выступлений Хвыли на апрельском совещании ЦК КП(б)У. Следовательно, вполне логично вспомнить о ней, как элементе атаки на еще живого Скрыпника. Об откровенно погромном характере материала свидетельствуют уже его подзаголовки: «Националистическая работа по линии терминологии», «Направление развития украинского языка на националистические пути», «Что сделали с украинским правописанием?». Лейтмотив подходов и оценок – доказать стремление националистических элементов, прежде всего бывшего руководства Наркомпроса, любыми способами оградить украинский язык от русского.

Не вдаваясь в разбор статьи, которая, несмотря на политический контекст и направления, все же имеет специальный характер, стоит воспроизвести выводы, на которые выходит автор:

«1. На языковом фронте мы имеем проведенную националистическими украинскими элементами вредительскую работу.

2. Эта работа шла по линии отграничения украинского языка

от русского языка, отгораживания украинского языка от интернациональной научной терминологии, направления украинского языка и терминологии на буржуазно-националистические пути.

3. В украинском правописании, особенно в 3-ем разделе, это ограждение украинского языка, терминологии от русского языка продлено уже в правописной форме и при заимствовании иностранных слов.

4. Против этой работы Наркомос Украины не вел никакой борьбы, а, наоборот, способствовал этому.

5. Так что нужно:

а) прекратить немедленно издание всех словарей,

б) пересмотреть словари и всю терминологию,

в) провести унификацию технической терминологии с терминологией, имеющейся в Советском Союзе и употребляемой и на Украине,

г) пересмотреть кадры на языковом фронте и выгнать с этого фронта буржуазно-националистические элементы,

д) пересмотреть украинское правописание,

е) изменить установку относительно языкового оформления УРЕ (УСЭ. – *В. С.*),

ж) издать специальный документ, который бы все эти вопросы всесторонне охватил и обеспечил полное дальнейшее развитие украинской советской культуры на языковом фронте действительно большевистскими путями, так, как этому учил нас Ленин, как этому учит нас тов. Сталин»[577].

В отличие от газетной публикации, в «Большевике Украины» имя Н. А. Скрыпника, как главного виновника за «провалы» и «вредительство» на языковом фронте, упоминается несколько раз. В частности, говоря о тенденциях в поиске украинской терминологии, А. А. Хвыля отметил: «Тов. Скрыпник по сути выступил против интернациональных терминов, против их введения в украинском языке. Его мотивы достаточно интересны. Он считает, что такие термины нельзя вводить до тех пор, пока не будет создан интернациональный язык.

То есть надо подождать, пока во всем мире будет построено коммунистическое общество.

Вот что говорил тов. Скрыпник в своем выступлении на кафедре нацвопроса в УИМЛ 3/5 1931 г.:

“…Введение интернациональных терминов, вместо национальных, это не интернационализация языка, ибо эти термины это не интернационализмы, а европеизмы; и нам никак не подобает болеть европейской ограниченностью. Существуют же сотни миллионов трудящихся Китайского, Индийского и

других народов, которые имеют другие термины, другие звуки” (подчеркнуто мной. – *А. Х.*).

Таким образом, спрятавшись за спину Индии и Китая, тов. Скрыпник выступал *завуалированно против того, чтобы в украинскую терминологию вносить интернациональные – технические и научные термины»*[578].

Точно таким же образом Хвыля истолковывает и изменения, осуществленные в украинском правописании при воспроизведении слов иноязычного происхождения, в которых встречаются мягкие и немягкие звуки «я», мягкие и твердые «г».

«Появляется вопрос, как и откуда внесен такой пакт, такое течение в украинское правописание? – спрашивает А. А. Хвыля, и отвечает:

Это внес т. Н. Скрыпник.

Еще в 1926 г. вышло изданием Государственного изд[ательст]ва Украины “Две тактики” Ленина под общей редакцией Н. Скрыпника. Там же мы читаем во вступительной статье от редакции перевода с подписью Скрыпника следующее:

“В конце несколько объяснений относительно правописания. Как известно, правописание украинского языка также еще не вполне усовершенствовано и выработано. Правописание, выработанное Комиссией Академии Наук под председательством академика А. Крымского и утвержденное в 1921 г. Наркомосом т. Гринько, прежде всего не имеет и не имело обязательной силы. Даже сам Наркомос не полностью проводил его в своих изданиях, в частности учебниках. Академия Наук в новых изданиях правил правописания чрезмерно изменила утвержденные Наркомосом правила. Хотя так называемое академическое правописание сделало большое дело для унификации украинского правописания, однако ж и сейчас еще эта задача унификации правописания окончательно не решена. По моему предложению комиссия по украинизации при Совнаркоме УССР постановила поручить Наркомосу созвать конференцию для выработки правил украинского правописания, которые должны быть окончательно утверждены в законодательном порядке, чтобы придать им обязывающую силу для всех официальных изданий. Здесь приходится избегать уклонов в двух направлениях, имеющих место при издании украинского правописания: стремление путем правописания отличать украинский язык от польского или от русского языка, в зависимости от той или иной ориентации, которая имеется у тех или иных представителей нашей научно-общественной мысли.

В этом издании за основание мною, как главным редактором, принято академическое правописание с некоторыми

изменениями, а именно:

1) Во всех иностранных словах букву «g» передано через «ґ».

2) После буквы «л» во всех иностранных словах пишется мягкая гласная.

3) Из двух слов «программа» и «программ» взято слово программ, как более употребляемое".

…Очевидно, т. Н. Скрыпник стоял и на той "ориентации", чтобы отличать украинский язык с помощью украинского правописания от русского языка. Потому тов. Скрыпник, как видим, еще в 1926 г., редактируя перевод Ленина, ввел в украинское правописание "ґакание" и "лякание", а затем, став Наркомосом, ввел эти "ґакания" и "лякания" в иностранных словах, вошедших в украинский язык, 3-м разделом в украинское правописание»[579].

Конечно, не оставил без внимания А. А. Хвыля и учебники для школ разных уровней, дорога в жизнь которым открывалась по инициативе или с разрешения Наркомоса и лично Николая Алексеевича.

Итак, все говорило о том, что развязка по «делу Н. А. Скрыпника» приближается. Естественно, лучше других это понимал Николай Алексеевич.

В июне 1933 г. появился очередной, сдвоенный номер (5–6) журнала «Большевик Украины». Хотя на титульном листе номер обозначен март-апрель, на самом деле в печать он был подписан 5 июня. И, судя по всему, причины задержки имели не технический характер. По поручению Политбюро ЦК КП(б)У в журнал подготовил довольно большую статью вице-президент Всеукраинской академии наук, известный ученый-экономист А. Г. Шлихтер. Воинственная уже по названию – «За большевистскую непримиримость в теории» – она была рецензией на I и II томы избранных произведений Н. А. Скрыпника.

Автор постарался вписать анализ творчества одного из старейших членов партии в как можно более широкий идеологический, политический, даже геополитический контекст. Речь шла и о значении теории в борьбе против капитализма, за социализм, и о важности идейного разгрома оппортунизма, всех антиленинских течений, и об обострении теоретических сражений, как одного из плацдармов обострения классовой борьбы в процессе социалистического строительства, и о новых, замаскированных, контрабандных, кулацких попытках достичь своего «тихой сапой», и об одурманивании массового сознания «фашизированной буржуазией» и «социал-фашистами». Обращаясь при этом неоднократно к различным высказываниям генерального секретаря ЦК ВКП(б), А. Г. Шлихтер завершает

выстраивание системы координат, в которой рассматриваются взгляды Н. А. Скрыпника, ссылкой на самый «ударный», «неотразимый» в той ситуации элемент – письмо И. В. Сталина в редколлегию журнала «Пролетарская революция», послужившее поворотным пунктом в наступлении тоталитаризма на историческую науку, в догматизации сталинских подходов к прошлому опыту. «…Непримиримая борьба за чистоту марксо-ленинской теории, беспощадная критика малейших искажений этой теории и уклонов от нее, от кого бы они ни исходили, является непосредственным долгом каждого большевика, – заключает А. Г. Шлихтер. – Это еще раз со всей силой и решительностью подчеркнул тов. Сталин. Письмо тов. Сталина в редакцию журнала “Пролетарская революция” – “О некоторых вопросах истории большевизма”, раскрывшего либерализм некоторых литераторов в отношении фальсификации и искажения ленинизма, особенно в вопросах истории партии, – явился новым толчком к усилению большевистской бдительности на теоретическом фронте. Письмо тов. Сталина подняло на новую высоту борьбу на два фронта, борьбу с примиренчеством к различным уклонам и с гнилым либерализмом. Он разоблачил новые формы контрреволюционной борьбы троцкизма против партии через использование теоретического фронта, он дал углубленный, развернутый анализ контрреволюционных, замаскированных вылазок троцкизма и всех отличий оппортунизма – правого, “левого” и примиренчества к ним; он разоблачил их попытки в новых условиях контрабандно вновь ревизовать основы марксизма-ленинизма, протащить контрабандой старые антиленинские теории и “теорийки”»[580].

В таком именно ключе и выстраивается критика творчества Н. А. Скрыпника. Не ставя здесь целью давать общую и детальную оценку статьи-рецензии, нельзя, однако, не обратить внимания на ряд примечательных ее особенностей.

Во-первых, Шлихтер ни словом не обмолвился по поводу положительных качеств теоретического наследия своего коллеги: вроде бы сотни работ Скрыпника, обнародованных в течение десятилетий – это только пропаганда массовыми тиражами антиленинских взглядов. Во всяком случае, материал завершается словами: «Мы хорошо знаем, как Ленин работал над изучением Маркса и Энгельса. Мы хорошо знаем, как т. Сталин работал и работает над изучением Маркса, Энгельса и Ленина, развивая дальше их учение. Конечно, не каждому дано так работать. Но этот стиль работы должен быть и является образцом для нас, в этом стиле мы должны воспитывать наши кадры.

В трудах же т. Скрыпника мы видим явно беззаботное и

свободное отношение к теоретическому наследию классиков марксизма-ленинизма и к применению его к существенным вопросам нашей революционной практики. На этом тем более надо заострить [внимание], что мы должны оберегать молодое поколение от малейшего воздействия таких привычек и приемов в работе; мы должны его воспитывать в духе большевистской непримиримости ко всяким уклонам от марксо-ленинской теории, в духе последовательного проведения в жизнь учения Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина.

Нельзя ни на минуту забывать, что книги пишутся для широких масс, на них учатся и воспитываются сотни тысяч, миллионы. Это обязывает каждого большевика»[581].

Во-вторых, «метод» критики взглядов Н. А. Скрыпника до примитивности прост (хотя в то время уже и воспринят большинством советских обществоведов как эффективный): из общего контекста вырываются отдельные высказывания и через их сопоставление с подобранными цитатами из трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина (это «мерило» обязательно использовалось как «тяжелая артиллерия», как истина последней инстанции) обнаруживаются расхождения, несовпадения, специфические отличия. Чем больше разница в сопоставленных словах – тем хуже для автора рецензируемой работы. Тем более серьезные обвинения ему выдвигались. Не стоит говорить: любая личность с ярким, неординарным мышлением, индивидуальным поведением не могла не попасть в изобретенную ловушку. Никто даже не ставил вопрос: а возможно, неверны или хотя бы не во всем верны те «лакмусовые бумажки», которые применялись для вынесения окончательных вердиктов. Между тем в процессе развития советской историографии в конце концов было убедительно доказано, что сталинская позиция выглядела далеко не всегда безупречной. Она была оценена как объективно ошибочная, в частности противоречившая ленинской, в первые недели после победы Февральской революции.

Шлихтер же и в этом, и в отношении других случаев апеллировал к сталинским положениям, как несомненно верным.

В-третьих, автор рецензии в «Большевике Украины» отобрал для критики значительное количество высказываний Скрыпника, относящихся к моментам поиска советской историографией итоговых оценок и выводов, в частности полученных в ходе так называемой «литературной дискуссии» в ВКП(б) 1924 г. против троцкистских взглядов, изложенных в «Уроках Октября». Естественно, тогда верх взяла не «чистая наука», а добавились (причем часто как доминирующие элементы) политические факторы. Ясно, что после идейного разгрома троцкизма

тождественные или в чем-то близкие к оппозиционным взгляды не могли квалифицироваться иначе как враждебные, априорно вредные делу партии, социализма. То есть научная корректность явно не выдерживалась.

В-четвертых, обращает на себя внимание несколько алогичное построение статьи-рецензии. А. Г. Шлихтер почему-то сначала говорит о ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, особенно о крестьянстве, как союзнике пролетариата, и только потом и в конце статьи обращается к, казалось бы, исходному для избранной конструкции моменту – идее гегемонии рабочего класса в освободительном процессе[582]. Теоретическому выяснению роли Коммунистической партии в революции почему-то предшествует рассмотрение конкретного вопроса: произошло или не произошло перевооружение большевизма в ходе своего развития, в 1917 г.

В довершение А. Г. Шлихтер между вопросами, которые, безусловно, органично связаны между собой, вклинивает моменты, относящиеся к национальной сфере. Возможно, расчет состоял в том, чтобы доказать читателям будто ошибки Н. А. Скрыпника носят не локальный, частичный характер. Они вытекают из того, что, начиная с самого главного в марксизме-ленинизме – учения о классовой борьбе – и заканчивая анализом опыта реализации социалистической теории на практике (правда, порядок рассмотрения, как указывалось выше, был обратным), Николай Алексеевич предлагал особые, авторские, взгляды, которые квалифицировались как предательство научного коммунизма и пособничество в распространении враждебной идеологии.

И все же именно критика позиции Скрыпника в национальном вопросе выглядела как основной «криминал».

Прежде всего Шлихтер не может простить Скрыпнику – одному из организаторов борьбы против Центральной рады – признание за последней демократических ориентаций, ее поддержки значительными массами украинства, совпадения на определенном этапе векторов движения большевистских организаций и сил национально-освободительной революции[583].

«Просто удивительно, – возмущается А. Г. Шлихтер, – как мог тов. Скрыпник написать это, как мог тов. Скрыпник подбросить пролетарской диктатуре в качестве сообщника Украинскую Центральную раду и организованную ею украинскую буржуазию. Удивительно, как мог тов. Скрыпник в 1923 году, когда уже был пройден этап кровавой борьбы с Центральной радой, писать – а в 1930 году без исправлений переиздать, – что Центральная рада

вместе с советским правительством могла совместно работать над национальным возрождением украинского народа. Понимает ли тов. Скрыпник, что тем самым он не только приукрашивает, не только идеализирует контрреволюционную Центральную раду, но и снимает вопрос вооруженной борьбы пролетариата с Центральной радой, хочет того или не хочет, но проведенную борьбу пролетариата за свержение органа украинской буржуазии – Центральной рады, кровавую борьбу за установление пролетарской диктатуры выставляет как некое историческое недоразумение. Потому что как же иначе можно понять утверждение тов. Скрыпника о том, что Центральная рада, "идя теми же путями, что и большевики" (?!!), могла совместно работать с советским правительством?»[584]

По мнению воинствующего рецензента, основной причиной ложных представлений и утверждений Н. А. Скрыпника стала переоценка им роли национального вопроса в общественной жизни, в революционном процессе в Украине. Вице-президент Академии наук, в частности, писал: «…Тов. Скрыпник переоценил значение национального вопроса, сделал его основным в революции, в оценке движущих сил революции пришел к неверной, вредной, апологетической оценке Центральной рады и украинских националистических партий, взял ограниченное буржуазно-освободительное движение, возглавляемое Центральной радой, за основное и решающее на пути от Февраля до Октября. Тов. Скрыпник, очевидно, забыл основной принцип ленинизма, что "национальный вопрос это не абсолют, а только частичка общедемократического движения" (Ленин), что "национальный вопрос это часть вопроса о пролетарской революции и пролетарской диктатуре" (Сталин)»[585].

Считая, что один из признанных знатоков, да, пожалуй, и теоретиков в национальной сфере на самом деле совершенно неверно понимает и истолковывает сущность национальной политики КП(б)У, А. Г. Шлихтер стремится доказать, что причиной здесь было недостаточное проникновение Н. А. Скрыпника в теоретическую сокровищницу марксизма-ленинизма, искаженная оценка имевшихся достижений. «…Мы должны отметить, – подчеркивается в публикации, – что тов. Скрыпник и роль Ленина в разработке национального вопроса по крайней мере приуменьшает. Действительно, тов. Скрыпник пишет, что Ленин дал нам в национальном вопросе "только первые основы", что "перед нами новое, невспаханное поле, по нему прошел только впервые плуг Ленинских мыслей и нам придется долго и трудно работать для того, чтобы собрать и засеять его".

Утверждение просто непонятное.

Итак, согласно тов. Скрыпнику, Маркс и Энгельс к разработке национального вопроса совсем не причастны, и тогда как тов. Сталин учит нас, что уже “Маркс и Энгельс… дали основные исходные идеи в национально-колониальном вопросе”. Согласно тов. Скрыпнику, Ленин оставил нам “новое, невспаханное поле”, тогда как тов. Сталин учит нас, что Ленин гениально продолжил и разработал дальше революционное учение Маркса и Энгельса, поднял это учение на новую высоту, в том числе и национальный вопрос. Тов. Сталин пишет: “Новое у Ленина в этой области состоит в том, что а) он собрал воедино эти идеи (Маркса и Энгельса. – *А. Ш.)* в стройную систему взглядов о национально-колониальной революции в период империализма; б) связал национально-колониальный вопрос с вопросом о свержении империализма; в) провозгласил национально-колониальный вопрос составной частью общего вопроса о международной пролетарской революции”.

Обошел т. Скрыпник и тов. Сталина, а между тем вся партия знает, что т. Сталину принадлежит огромная роль в дальнейшей разработке и конкретизации марксо-ленинского учения по национальному вопросу»[586].

После этого Шлихтер концентрирует внимание на двух моментах, которые должны еще больше убедить читателей в «ошибках» бывшего наркома просвещения.

Первый – это утверждение Скрыпника о том, что Лениным были заложены краеугольные камни в теорию национального вопроса, а задача его наследников продолжить дело вождя. Позволив себе разделить большевизм на «старый» и «новый», квалифицируя позиции различных националистических групп как национал-большевист-ские, украинский нарком, согласно утверждениям рецензента, пытался вложить в рамки ленинизма и другие искажения и уклоны от ленинской национальной политики. «Недооценка национального вопроса», пишет т. Скрыпник, «это не доведенный до конца ленинский анализ в национальном вопросе» или «недооценка национального вопроса – это не вполне проведенная ленинская линия в национальном вопросе».

Ленинизм как монолитная революционная теория исчезает, и вместо большевистской непримиримости к всевозможным уклонам и оппортунистическим извращениям выступает ленинизм-большевизм с «поправкой» – один раз как не до конца доведенный ленинизм, а второй раз как большевизм – национальный. За это разные оппортунисты, которых ленинская партия беспощадно била и гнала прочь из партии, могут быть

только благодарны т. Скрыпнику. Однако, позволительно спросить, с каких это пор, наряду с монолитным революционным ленинизмом как учением международного пролетариата, существует еще какой-то «не доведенный до конца» ленинизм? Позволительно спросить, для кого, если не для оппортунистов в национальном вопросе, остается вылазка в форме такого утверждения? На руку он только врагам ленинизма, которые готовы спрятаться под плащиком хотя бы и не «стопроцентного», «не вполне доказанного» ленинизма, готовы прикрыться хотя бы плащиком «национал-большевизма»?

Неужто неясно, что такие «теории» «не вполне доведенного до конца» ленинизма, так же как и «национал-большевизма», не мобилизуют молодые кадры партии и рабочего класса на борьбу с великодержавным и местным шовинизмом, что они на руку только врагам ленинизма, в частности контрреволюционному троцкизму, который упражнялся непрестанно на попытках рассечения большевизма-ленинизма[587].

Сильнее же всего поразило Шлихтера то, что Скрыпник, вопреки известному положению о вероятности как переоценки, так и недооценки национального вопроса, решился отрицать возможность последнего.

«Одного только уклона не признает т. Скрыпник, – крайне печально и одновременно растерянно пишет Шлихтер, – это переоценки национального вопроса, то есть уклона в сторону местного национализма. Тов. Скрыпник прямо заявляет: “Никакой, даже самой малой переоценки национального вопроса в жизни и в действительности не существует и не может существовать”. И в другом месте: “Можно говорить только о фактах проявления недооценки национального вопроса, а переоценки в национальном вопросе вовсе не существует в природе”. Однако тов. Сталин еще на XII партсъезде указывал партии на то, что есть товарищи, которые переоценивают национальный вопрос. Тов. Сталин в заключительном слове на XII съезде партии говорил: “Первый вопрос – это вопрос о том, что одна группа товарищей во главе с Бухариным и Раковским, слишком раздули значение национального вопроса, преувеличили его и за национальным вопросом проглядели вопрос социальный – вопрос о власти рабочего класса”. В речи на собрании студентов КУТВ 17 мая 1925 года тов. Сталин (имеется в виду речь И. В. Сталина «О политических задачах университета народов Востока» на собрании студентов Коммунистического университета трудящихся Востока 18 мая 1925 г. – *В. С.),* признавая уклоны в национальном вопросе, уклон в сторону местного национализма определил так: “Второй уклон (в сторону

местного национализма. – *А. Ш.)* – состоит, наоборот, в преувеличении местных особенностей, в забвении того общего и главного, что связывает советские республики Востока с промышленными районами Советского Союза, в замалчивании социалистических задач, приспособлении к задачам узкого и ограниченного национализма… Результатом этого уклона являются отрыв от социализма и перерождение в обычных буржуазных националистов”»[588].

Опять в ход пускаются фразы о том, что подобная позиция – это вода на мельницу украинских националистов и национал-уклонистов.

От этих слов к обвинению и самого Николая Скрыпника в национал-уклонизме было уже совсем недалеко – всего один шаг.

Между тем, пытаясь, очевидно, самортизировать все усиливающееся идейное давление, Скрыпник на июньском пленуме ЦК КП(б)У заявил о своей поддержке статьи Шлихтера во время ее обсуждения на заседании редколлегии «Большевика Украины»…

На решающей стадии антискрыпниковской кампании в нее включился Дмитрий Захарович Мануильский. Несовпадение взглядов двух видных деятелей Компартии Украины и Украинской Социалистической Советской Республики было давно известно. Особенно остро они проявлялись в национальной сфере. Еще в процессе поиска путей образования Союза ССР Мануильский, который тогда был первым секретарем ЦК КП(б)У, решительно поддерживал Сталина, его план автономизации, боролся против Х. Г. Раковского и Н. А. Скрыпника, когда те пытались внести в сталинский проект Конституции союзного государства положения, которые гарантировали бы суверенитет национальных советских республик («украинский проект конституции»). Конечно, Скрыпник и Раковский не раз критически высказывались по адресу Мануильского.

Позже противоречия и трения возникали и во время общения в Исполкоме Коминтерна, в частности по вопросам отношения к различным национальным секциям, в ходе разрешения конфликтных ситуаций, которые возникали в тех случаях, когда сразу несколько различных национальных коммунистических организаций пытались завоевать право представительства в Коминтерне, тогда как согласно принятой норме такое право предоставлялось только одному образованию от страны.

Последнее имело место и в отношении Украины, где в свое время укаписты энергично ставили вопрос об их приеме в III Интернационал, где в результате раздела украинских земель и народа перманентно зарождались планы полноценного

представительства их частей, объединенных на коммунистических началах, в авторитетной международной организации.

6 июня 1933 г. на заседании Политбюро ЦК КП(б)У Мануильский выдвинул предложение о рассмотрении на одном из ближайших заседаний вопроса «о линии тов. Скрыпника относительно краевой организации Закарпатской Украины в свете тех ошибок, которые им были допущены в свое время относительно КПЗУ»[589]. Николай Алексеевич не возражал – то ли вины за собой не чувствовал, то ли уже просто не было сил защищаться против еще одного добровольца нанести и своего пинка человеку, которого свалили на землю и топчут ногами.

Мануильский не мог присутствовать на следующих заседаниях Политбюро, однако шанса как можно больше досадить вчерашнему коллеге решил не упускать. При этом можно предположить, что если Шлихтера «попросили» написать статью против Скрыпника, то свой шаг Мануильский осуществлял, скорее всего, инициативно. Он написал заявление в Политбюро ЦК КП(б)У, где на четырех с половиной машинописных страницах пытался доказать, что принципиальная поддержка Скрыпником линии руководства КПЗУ во главе с Васильковым направлена против шовинистических намерений верхушки Коммунистической партии Польши – это проявление «сепаратистской политики», поддержка «мелкобуржуазного национализма». Как «неслыханную в практике Коминтерна» квалифицировал Мануильский поддержку Скрыпником предложения о самостоятельном представительстве КПЗУ в ИККИ в знак протеста против великодержавных позиций руководства КПП (Коммунистическая партия Польши. – *В. С.)*. Положительные оценки Николаем Скрыпником деятельности руководства КПЗУ именовались «политической близорукостью», тогда как, по мнению Мануильского, линия верхушки КПЗУ – это был «националистический уклон», «вредная оппортунистическая болезнь», «опасный оппортунистический курс».

Согласно утверждениям Мануильского, Скрыпник повторял старые, осужденные уже ошибки и относительно закарпатских коммунистов: «…Нельзя без тревоги смотреть на то влияние, которое т. Скрыпник пытается оказывать на товарищей из Краевой организации Закарпатской Украины. Так же, как в свое время в отношении КПП, против товарищей, всегда боровшихся в рядах КПЧ (Коммунистической партии Чехословакии. – *В. С.)* с оппортунизмом, выдвигаются т. Скрыпником безответственные обвинения в “национализме”, в то же время поддерживается националистический уклон в Закарпатской Украине. Так же, как

и раньше КПЗУ, Краевую организацию Закарпатской Украины т. Скрыпник инспирирует во всех ее выступлениях против КПЧ»[590].

В довершение всего Д. З. Мануильский «конкретизировал» обвинительные оценки в адрес Н. А. Скрыпника следующим образом. «Тов. Мундок (один из руководителей Краевой организации Закарпатской Украины. – *В. С.*), – писал он, – в поданном им ИККИ меморандуме, который на заседании 6 июня защищал т. Скрыпник, высказывает мысли, крайне сомнительно звучащие в устах коммуниста. Так, например, обосновывая необходимость связи Краевого комитета Закарпатской Украины с ЦК КП(б)У, т. Мундок пишет, что только там на Украине "вырабатывается генеральная линия коммунистической политики в украинских делах". Что это за генеральная линия коммунистической политики в украинских делах? – возмущается Мануильский. – Что это за новый украинский Интернационал? До сих пор Коминтерн думал, что задачи коммунистов Закарпатской Украины, только еще борющихся за диктатуру пролетариата, больше всего совпадают с "генеральной" линией чешского пролетариата. Вопреки тт. Мундоку и Скрыпнику, Коминтерн думал до сих пор, что генеральная линия борьбы против республики Массарика вырабатывается чешской коммунистической партией, в состав которой входит и краевая организация Закарпатской Украины. Вопреки т. Мундоку, который утверждал на заседании Комиссии ИККИ, что национальная политика Чешской Компартии мало отличается от фашистской политики, Коминтерн считал и считает, что одно такого рода заявление свидетельствует о националистическом мелкобуржуазном уклоне т. Мундока. А между тем такого рода заявления, которые Мундок никогда не делал в Чехии, делаются им после переговоров в Харькове со Скрыпником и в его присутствии без единого слова протеста с его стороны»[591].

Приводя эти факты «к сведению Политбюро ЦК КП(б)У», Мануильский просил руководящий партийный орган выделить для сношений с КПЗУ и Краевой организацией Закарпатской Украины «достаточно авторитетную группу товарищей, которая исключила бы индивидуальное вмешательство т. Скрыпника в дела тех секций Коминтерна, в составе которых имеются украинские организации»[592].

Немало мыслей возникает, когда читаешь письма старого партийца, опытного, уважаемого политика. Невозможно, прежде всего, избавиться от крайне неприятного ощущения, что прикасаешься к классическому образцу политического доноса. А логика отказа от национального начала, национального интереса под прикрытием интернационалистских убеждений – не менее

поразительный образец бессовестной, приспособленческой психологии и поведения. В конце концов, понятно, как легко впасть в отчаяние, когда надо протестовать против таких недостойных приемов, – кажется, и коварствам человека должен быть какой-то предел.

Однако расчет «мануильских» был безошибочным. Патриотизм Н. А. Скрыпника их усилиями трансформировался в «национализм», а инкриминирование последнего уже воспринималось как

тягчайший «грех» для украинца. И по этой схеме, которая укоренялась, безотказно будут действовать последующие десятилетия…

* * *

Параллельно с «делом Скрыпника» (официально такого не заводили, а на самом деле для руководства ВКП(б) и КП(б)У оно существовало, и ему придавалось исключительно важное значение) Государственное политическое управление республики «раскручивало» «дело “Украинской войсковой (военной) организации”». По утверждению главы ГПУ В. А. Балицкого, УВО «возглавляла повстанческую, шпионскую и диверсионную работу, а также организацию саботажа в сельском хозяйстве». Круг ее «участников», среди которых оказались прежде всего работники системы образования, а впоследствии и представители творческой и научной интеллигенции, увеличивался в течение нескольких лет. Были обвинены и близкие к Н. А. Скрыпнику лица, такие как помощник бывшего наркома образования, заведующий кафедрой философии Харьковского института профобразования профессор А. И. Бадан-Яворенко и помощник ученого секретаря Наркомпроса УССР Н. В. Эрстенюк[593].

Вот эти материалы ГПУ и стали в руках П. П. Постышева последними убедительными «аргументами», с которыми он начал на Пленуме ЦК КП(б)У 8-11 июня 1933 г. решающую фазу борьбы против Н. А. Скрыпника.

Последний должен был оправдываться. Делал это неуверенно, неловко, несобранно. В подобной ситуации, собственно, оказался впервые за довольно долгую политическую жизнь: так уж сложилась судьба, что идейные атаки, как правило, осуществлял он сам, он же находился среди авангардных сил политических кампаний, привык выходить из них победителем (или принадлежать к лагерю всегда правых, «непогрешимых»). Поэтому такой беспомощной и несоответствующей

скрыпниковскому стилю и характеру выглядит его речь на июньском пленуме ЦК КП(б)У при обсуждении доклада И. С. Степанского «Об организации сдачи хлеба государству в 1933 г.».

С первых же слов заслуженный партийный деятель бросился «курить фемиам» «вождю народов»: «На январском пленуме ЦК ВКП(б) тов. Сталин дал развернутый анализ положения в нашей стране, выяснил основную линию, по которой шла классовая борьба, линию, по которой мы ошибались. Это новые стратегические замыслы и расстановка сил классово-враждебных пролетарской диктатуре, новые методы классовой борьбы, которые они применяли при переходе нашей страны и нашей партии к сплошной коллективизации и ликвидации на этой основе кулака как класса. Анализ тов. Сталина осветил положение на нашем хозяйственном фронте. Только исходя из этого всеобъемлющего и глубокозначительного анализа мы можем дальше разворачивать все необходимые меры, чтобы преодолеть врага и выполнить задачи, стоящие перед нами на фронте сева, уборки, хлебозаготовок, на фронте укрепления колхозов»[594].

Однако по тогдашним меркам этого было еще недостаточно, и Скрыпник продолжил: «Но, товарищи, анализ тов. Сталина был значительно обширней, более значительным, чем только в вопросе сельского хозяйства, чем только в вопросе о положении в колхозах, о маневрах классовых сил в колхозах и совхозах. Этот анализ нашего вождя имел общие указания, он оценивал и выяснял общую расстановку сил в нашей стране и делал указания, по какой линии и какими методами идут эти стратегические замыслы, какие стратегические замыслы поставила себе буржуазия различных типов и цветов против пролетарской диктатуры в теперешний момент – после перехода на сплошную коллективизацию и при ликвидации кулака как класса на этой базе, на пороге второй пятилетки. И необходимо указать, что эта стратегия кулацких сил действительно была достаточно широка, охватывала все и всякие отрасли нашей общественной, хозяйственной и государственной жизни»[595].

Подкрепив такие сентенции ссылками на дела, которые вели в то время против различных враждебных сил охранные органы, Николай Алексеевич прибег к такому, казалось бы, несколько неожиданному повороту: «…Товарищи, было бы ошибочно думать, что эта стратегическая линия кулацких, враждебных нам сил, националистических, иноклассовых сил проявлялась только по хозяйственной линии. Эта работа проводилась по всем направлениям. И необходимо указать, что имеем поразительное сходство в тактике кулацких, контрреволюционных,

националистических сил в колхозах, МТС и органах Наркомзема и, например, на культурном фронте, вплоть до Всеукр[аинской] академии наук. Одинаковый метод, одинаковая линия была у врагов как там, так и тут – во всех областях, начиная от вопросов об уходе за конем и кончая вопросами идеологии, истории или вопросами терминологии и другими вопросами

филологического фронта. И необходимо указать, что точно так же, как и в области сельского хозяйства, этот маневр, эта стратегическая линия кулака нами не была выявлена, как она не была выявлена и на культурном фронте»[596].

Совсем недавно, за четыре месяца до того, лейтмотив выступления Н. А. Скрыпника на февральском пленуме ЦК КП(б)У был совсем иным. Тогда он, вопреки позиции С. В. Косиора и П. П. Постышева, пытался доказать, что срывы хлебозаготовок и недостатки на образовательной ниве имеют глубинные причины и коренятся в самом политическом строе, воцарившемся в стране. Теперь же акценты резко сместились в плоскость схемы, изобретенной ближайшим сталинским окружением. Сейчас видный партийно-государственный деятель среди первопричин хозяйственных проблем сам назвал деятельность учреждений, руководство которыми до недавнего времени относилось к его прямой компетенции. Более того, Скрыпник пытается ухватиться за «спасительную соломинку», прибегнув к унизительной «самокритике»: «И я лично здесь на пленуме ЦК, пользуясь возможностью говорить с этой партийной трибуны, должен указать и на свою личную ответственность за то, что я этот классовый маневр наших врагов, идущий по одной линии, которую раскрыл тов. Сталин, не усмотрел, просмотрел, не вооружил партию, не исполнил своей обязанности перед партией и не дал ей в этом отношении оружия. Больше того, я должен сказать, что во многих случаях я лично сам ошибался. Я не говорю уже о том, что у меня в прежние годы, на протяжении десятка лет, было много ошибок в отдельных моих статьях, выступлениях. Я много раз выступал, написал много сотен статей и, ударяя врага, выступая против Троцкого, шумскистов и т. д., попутно высказывал много неверных и ошибочных мнений. Это тогда, в то время, не играло значения, но я без просмотра, без выявления того, какое значение в дальнейшем могут иметь эти неправильные и ошибочные вещи, переиздал их отдельным сборником. А это уже ошибка другая.

Если сказанное в 1923 г. повторяется в 1929 г., то тут уже ошибка совсем другая, и она приобретает другое значение»[597].

Очевидно, сказанное, как и ссылки на то, что такое поведение приглушало бдительность самого Н. А. Скрыпника, особенно же

читателей его произведений, выглядело не очень убедительно, имело слишком общий характер. Поэтому выступающий решил растолковать его смысл конкретным примером. В 1927 г., говорил Николай Алексеевич, на XX съезде КП(б)У в докладе о задачах культурного строительства он исходил из положения о том, что Советская Украина служит Пьемонтом для всего украинского народа. Этот тезис, который был вполне верным для своего времени (когда ощущалось существенное советское влияние на западное население), перестал быть таковым с течением событий, в частности – с приходом к власти в Германии нацистов и укреплением позиций ориентированных на них сил в Польше, что привело к заметным трансформациям настроений западных украинцев, которые начали рассматривать лозунг соборности как «лозунг фашистского объединения с советской властью».

«Исходя из того, что мы создаем на нашей земле советскую – национальную по форме, социалистическую по содержанию – украинскую культуру, – развивал далеко небезупречную логику участник пленума, – в 1927 году я лично предложил, потом это было проведено, определенное мероприятие в отрасли, например, правописания – в отрасли правописания ни более ни менее иностранных слов, – где писать “г”, где писать “ґ”, которые многим казались тогда второстепенными, пустыми. Вопрос, который решался путем правописания как здесь, так и на Зап[адной] Украине, давал возможность культурного влияния Советской Украины на Зап[адную] Украину и, наоборот, некультурного влияния Зап[адной] Украины на Советскую Украину, давал возможность пришедшим сюда изменникам и провокаторам вести свое гнусное и черное дело.

Пересматривая все это в свете тех указаний, которые мы имеем со стороны тов. Сталина, и тех фактов, которые мы имеем на фронте борьбы с кулаком, необходимо пересмотреть и это, мною высказанное в 1927 году. О том, что Советская Украина является культурным Пьемонтом для всего украинского народа, расположенного на территории этнографической Украины.

Теперь необходимо иначе иметь в виду. Необходимо, если сказано это, немедленно добавить, что это может быть проводимо только при одновременной напряженной борьбе со всякими врагами, которые идут из зап[адно-украинской] территории к нам другими путями»[598].

Логика рассуждений, доказательств Николая Скрыпника не только небезупречна. Она странная, противоестественная, антинаучная. Только затравленный, морально униженный человек мог согласиться на то, чтобы при подготовке к изданию

своих избранных произведений изменить то, что говорилось, писалось в соответствующей конкретно-исторической обстановке. Это элементарное нарушение принципа историзма. Единственное, о чем еще можно было говорить, – это о том, чтобы в примечаниях (хотя здесь возникают свои вопросы) каким-то образом отреагировать и на новые изломы политической конъюнктуры и в их контексте уберечься от квалификации ранее сформулированных выводов как «истины последней инстанции», истины на все времена и ситуации. Однако, кажется, это само собой понятно кому угодно.

Однако Н. А. Скрыпник продолжил упорно «искупать» в целом сомнительные «грехи»: «Один маленький вопрос, – резюмирует он, – вопрос как будто маловажный и второстепенный, но я считаю необходимым здесь сказать о нем после того, как т. Балицкий сообщил нам показания одного из этих провокаторов, контрреволюционеров, – это направление их на соборную Украину. Они имели возможность использовать тогда и мое указание, мое высказывание. Я не хочу затушевывать ни в малейшей степени сделанную мною ошибку. Это было не моей линией, я всегда действовал твердо, ударял противника до самого конца и лично думаю, что иной линии не может быть и по отношению к моим ошибкам, и посему я, будучи одним из членов редакции “Большевика Украины”, голосовал и участвовал в обсуждении за помещение той статьи т. Шлихтера по этому вопросу, которая напечатана и только лишь во вчерашнем “Б. У.” помещена, как я и сам приготовил для “Большевика Украины” свою статью с развернутой самокритикой имевшихся у меня ошибок»[599].

О статье А. Г. Шлихтера выше уже шла речь, а вот что касается рукописи статьи Николая Скрыпника, то она не была опубликована и с ней не смогут ознакомиться исследователи. Очевидно, она или попала в ведомство того же «т. Балицкого» и там «затерялась», или же была изъята из редакционного портфеля «Большевика Украины», или в каких-то инстанциях, возможно, в отделах ЦК КП(б)У, бесследно «исчезла».

Однако не может не поражать и не угнетать сознания нечто другое. Николай Алексеевич уже был доведен до состояния, когда не просто признавал вымышленные (или весьма сомнительные) ошибки, но и проявлял полную готовность к их развенчанию, к опровержению – ни больше, ни меньше – самого себя.

Кроме теоретических ошибок Скрыпник безжалостно корил себя за то, что не проявлял должной бдительности в отношении враждебных элементов, которые якобы попали непосредственно в его окружение: «Во многих случаях я разоблачал и бил врага, но

было много случаев, когда я этого не делал и упорствовал в отношении отдельных лиц, не признавая, что они враги.

Было одно-два таких лица, в отношении которых я не признавал, что они являются врагами, а потом выявилось, что они на самом деле носили маску, прикрывались и были враждебными силами»[600].

К чести Николая Алексеевича, он еще как-то пытался ограничить масштабность уже неотвратимого удара по своим сторонникам – вел речь только об «одном-двух» лицах. Однако в ГПУ «бухгалтерия» на этот счет была собственная. Поэтому и расчет на обеспечение безопасности сторонников, коллег был призрачным. В который раз «вызывая огонь на себя», безусловно уставший и упавший духом революционер завершил свою речь еще одним панегириком в адрес генсека и довольно скромными, точнее – маловыразительными заверениями в своей полезности делу партии, ее линии. «Я считаю, – подчеркнул Николай Алексеевич, – что из тех указаний, которые сделал т. Сталин на январском пленуме, из того многозначащего широкого и всеохватывающего анализа, который он дал о расстановке сил на пороге двух пятилеток, нам надо сделать для себя все выводы для того, чтобы подковать всю парторганизацию, для того, чтобы проверить все кадры и переставить их соответственно необходимости.

Я свое слово говорю не по личному поводу и не в качестве только личных объяснений, и это имелось, и посему я не буду добавлять то, что я – бывши в прежние годы не на последних местах в борьбе за линию партии и за стоящие перед партией задачи, – и теперь, на теперешнем трудном и сложном этапе, когда мы имеем столь осложненные задачи, постараюсь быть и, думаю, сумею быть не в последних рядах»[601].

Он еще на что-то надеялся. Собственно, усмирив гордыню, униженно просил предоставить ему шанс. Однако выступление П. П. Постышева, который взял слово сразу же после Н. А. Скрыпника, перечеркнуло последнюю надежду. В распоряжении автора был вариант стенограммы на русском языке, который в некоторых деталях, редакционно, а не по сути отличается от документа, которым пользовались в упомянутой выше публикации киевские исследователи Р. Я. Пирог и Ю. И. Шаповал (очевидно, это был вариант перевода в газете «Известия ВУЦИК» от 23 июня 1933 г.).

Начал второй секретарь ЦК КП(б)У с очень симптоматического тезиса «Притупление большевистской бдительности по отношению к классовому врагу – вот наиболее тяжелая по своим последствиям вина партийных организаций

Украины. В этом основная, коренная их ошибка.

Отсутствие большевистской бдительности привело к тому, что вредительские, контрреволюционные элементы получили широкое поле деятельности именно на Украине»[602].

Остановившись коротко, буквально в нескольких словах, на фактах вредительства в земельных органах, П. П. Постышев тут же перебросился на ситуацию в духовной сфере. «Не подумайте, – заявил он, – что враг орудовал только в системе наших земельных органов. Вредительские контрреволюционные элементы смогли расставить свои силы и на других участках социалистического строительства и притом нередко на руководящих постах.

Возьмите культурный фронт. Культурное строительство на Украине, этот важнейший фактор осуществления ленинской национальной политики, имеет самое прямое и непосредственное отношение ко всей нашей повседневной борьбе. А ведь на этом серьезном участке засело немало петлюровцев, махновцев, агентов иностранных контрразведок, пустивших глубокие корни, игравших руководящую роль на отдельных участках культурного строительства»[603]. Вслед за этим весь остаток (а это две трети выступления) было посвящено перечислению тех врагов, которые засели в Наркомпросе, и их действий, для чего там, дескать, были созданы благоприятные условия.

Заметив мимоходом, что выступление Скрыпника никак и никого удовлетворить не может, второй секретарь ЦК КП(б)У сказал, что «тот участок, которым до недавнего времени руководил тов. Скрыпник, я имею в виду Наркомпрос и всю систему органов просвещения Украины, – оказался наиболее засоренным вредительскими, контрреволюционными, националистическими элементами…

…Вредители в Наркомпросе расставили своих людей по всей системе органов просвещения… Об этом надо было вам, тов. Скрыпник, здесь рассказать. О том, как дело украинизации в ряде случаев оказалось в руках разной петлюровской сволочи, о том, как эти враги, и с партбилетом, и без такового, прятались за вашу широкую спину члена Политбюро ЦК КП(б)У, о том, как вы нередко защищали эти чужие, враждебные нам элементы. Об этом надо было говорить, это главное»[604]. Кроме отмеченного выше, речь шла о защите Скрыпником целого ряда работников Наркомпроса, необоснованно обвинявшихся в национализме.

И далее: «Конечно, своим выступлением здесь тов. Скрыпник своих ошибок не исчерпал. Ошибки имеются большие, ошибки серьезные и в литературных работах тов. Скрыпника по национальному вопросу и культурному строительству, и в его руководстве Наркомпросом»[605].

Окончил же П. П. Постышев, без тени сомнения, следующим: «Я несколько отклонился в сторону, но все это вопросы, которые имеют прямое и непосредственное отношение к причинам провала хлебозаготовок на Украине в прошлом году. Ведь такие факты могли иметь место только благодаря тому, что не было у партийных организаций Украины большевистской бдительности в отношении классового врага»[606].

На этом пленуме только трое выступавших после доклада П. П. Постышева поддержали его оценки деятельности Н. А. Скрыпника – Н. Н. Попов, В. П. Затонский, К. В. Сухомлин. Первый из них несколько расшифровал обвинения: «…Не в том ошибка т. Скрыпника, что он честно и много говорил об освобождении трудящихся масс Западной Украины от ига фашизма и капитализма, а в том, что он безгранично доверял Яворским, Баданам, Эрстенюкам и на определенном этапе даже Василькову, Турянскому, Максимовичу, то есть агентам того же фашизма. Не в том ошибка т. Скрыпника, что он хотел установить единое правописание для Советской Украины и для Западной Украины, потому что в этом ничего страшного нет, а в том, что в вопросе правописания он пошел на поводу буржуазных националистических элементов Западной Украины, для которых правописание – грамматика, терминология – есть орудие националистической политики, разрыва между трудящимися массами Украины и других советских республик, орудием политики отделения Украины от Советского Союза и подчинения ее межнациональному империализму»[607].

После этого пленума Николаю Алексеевичу Скрыпнику было поставлено ультимативное требование – составить покаянный документ с признанием своих ошибок. На четырех (!) заседаниях Политбюро ЦК КП(б)У рассматривались написанные им объяснения – и каждый раз признавались неудовлетворительными.

Однако, думается, что и не в них заключалась дело. Ни один текст, никакие доводы не удовлетворили бы новоявленных Понтиев Пилатов – тех, кто откровенно, цинично издевался над интеллигентным, разумным, воспитанным человеком, еще недавно так подчеркнуто уважаемым ими же. Вот хроника этого безумия скупым языком документов (может, и лучше, что стенограммы заседаний Политбюро ЦК КП(б)У не велись, хотя и от протокольных записей становится жутко):

17 июня 1933 г. (протокол № 117). «О статье т. Скрыпника.

Считать документ, написанный т. Скрыпником с признанием своих ошибок, совершенно неудовлетворительным.

Предложить т. Скрыпнику основательно переработать этот

документ, с тем чтобы через 7 дней обсудить на ПБ»[608].

26 июня 1933 г. (протокол № 118). «О статье т. Скрыпника.

Считать нужным, чтобы т. Скрыпник написал небольшое письмо – страниц на 10–12, в котором он должен осветить свои основные ошибки.

Предложить т. Скрыпнику подать это письмо на ПБ в 3-дневный срок»[609].

5 июля 1933 г. (протокол № 120) «О документе тов. Скрыпника.

1. Оставить срок созыва актива Харьковской организации – 7.VII.

2. Последний раз предложить т. Скрыпнику к вечеру завтрашнего дня подать ПБ короткое письмо с признанием своих ошибок и решительной полной их критикой, для опубликования в прессе, положив в основу его – положение, выдвинутое тов. Постышевым. Письмо обсудить на ПБ 7.VII. – (утром).

3. Признать выпад т. Скрыпника на заседании ПБ против т. Хвыли – совершенно недопустимым»[610].

7 июля 1933 г. (протокол № 21). «О документе тов. Скрыпника.

Ввиду того:

1. Что тов. Скрыпник не выполнил взятого на себя обязательства, представить в ЦК короткое письмо с признанием своих ошибок и решительной полной их критикой для опубликования в прессе.

2. Что представленный им документ не отвечает требованиям и игнорирует ряд данных т. Скрыпнику ЦК указаний – признать необходимым вывести тов. Скрыпника из Политбюро ЦК КП(б)У. Поставить это постановление на утверждение пленума ЦК КП(б)У и ЦК ВКП(б)»[611].

В чем «каялся» ответственный, авторитетный, многоопытный партиец и почему его «раскаяние» не устраивало тогдашних членов Политбюро ЦК КП(б)У? Чтобы разобраться в этом, можно обратиться к отрывку одного из вариантов его письма: «Мои ошибки, имевшие троцкистский и националистический характер, переросли в примиренчество к националистическим уклонам и к национализму, исходили из отступления от ленинской методологии и были извращением, искривлением ленинской теории, вооружали читателей и прежде всего нашу молодежь не в ленинском духе, перешли на практике в снижение большевистской бдительности и примиренчество к враждебным националистическим элементам, составляли для них благоприятную, примиренческую атмосферу, которую использовали враги советской власти, контрреволюционеры,

двурушники, предатели. За эти ошибки и за их теоретические, практические и политические последствия я несу полную ответственность перед партией. Критика моих ошибок есть необходимое условие для осуществления всех задач партии, стоящих перед нами и прежде всего в области идеологической и культурной. Мои ошибки дали различным врагам, как зарубежным, так и в стране, основания ссылаться на мои мысли и заявления, чтобы использовать их как оружие против партии, ее генеральной линии. С негодованием и презрением отсекая все эти тянущиеся ко мне и к моим выступлениям враждебные националистические замыслы, которые хотят противопоставить меня целой большевистской партии, членом которой я горд быть и задачи которой являются моими, я заявляю, что непримиримая большевистская критика моих ошибок, которую дает сейчас наша партийная организация столицы Украины и целая партия, является не только необходимым условием для исправления и преодоления вредных последствий моих ошибок, но есть большевистским классовым влиянием, чтобы помочь мне эти ошибки исправить и идти дальше большевицким путем»[612].

Трудно представить, что еще, каких самоунижений требовали от старого большевика, который, без преувеличения, всю жизнь отдал партии? Обратим внимание и на то, что, по словам Г. И. Петровского, «до того, как товарищ Постышев разоблачил Скрыпника в своей речи, ЦК ставил на закрытых заседаниях ПБ вопрос об ошибках Скрыпника и предлагал ему исправить все его теоретические исторические произведения. В первое время товарищ Шлихтер вел с ним споры, затем товарищ Любченко, потом целый ряд других товарищей… Товарищ Косиор затем выступил на ПБ с большим докладом против Скрыпника… А все-таки к корню мы не добрались. Щадили Скрыпника…»[613]

Ужас обнимает, когда читаешь эти строки. Каким же немыслимым извращениям, сногсшибательным трансформациям следовало подвергнуть деловые и человеческие отношения, чтобы собственные антигуманные, морально сомнительные действия предлагать как «щадящие» по отношению к своему неправедно затравленному товарищу по партии, государственной работе.

От природы гордый, с независимым, непокорным нравом, Николай Скрыпник тяжело переживал резкое изменение отношения к себе партийного окружения. Новая общественная атмосфера обнаружила истинную цену многих из вчерашних коллег, вызвала гнетущее чувство огорчения, разочарования.

Однако совсем невыносимым было то, что борьба против Николая Алексеевича была выведена за внутрипартийные рамки, ей сознательно придавались общенациональные масштабы и

звучание. Особенно наглядно это видно из публикаций в газете «Известия ВУЦИК».

Правда, советский официоз обнародовал информацию с некоторыми, иногда – существенными, интервалами после ее появления или устного сообщения.

21 июня 1933 г. «Известия» опубликовали цитату (не очень яркую и довольно путаную) из речи председателя Президиума ВУЦИК Г. И. Петровского, произнесенную 19 мая на заседании Секретариата ВУЦИК. В ней говорилось, что Наркомпрос «наделал очень много грубых ошибок». 22 июня газета напечатала цитировавшуюся выше речь П. П. Постышева на пленуме ЦК КП(б)У 10 июня. 30 июня «Известия» напечатали обширную информацию о собрании, посвященном ситуации на «языковом фронте». Достаточно многолюдное собрание творческой интеллигенции Харькова проходило 27 июня в доме работников образования. На нем выступил А. А. Хвыля с довольно резкими нападками на Н. А. Скрыпника за «вредительство на языковом фронте», за стремление Наркомпроса и Института научного языка при ВУАН «отдалить украинскую культуру от братской русской», создать «искусственную отчужденность между ними».

Сознательно подтасовывая факты, докладчик пытался доказать, что в теоретических трудах и выступлениях Н. А. Скрыпника была буржуазно-националистическая основа, на которой проросли «загрязнение» украинского языка, тенденции «строить правописание на базе того языка, который творят буржуазные националисты в Галичине».

После Хвыли выступил заведующий отделом культурной пропаганды ЦК КП(б)У Н. Н. Киллерог. Согласно его утверждению, в трудах бывшего наркома одна ошибка нанизывалась на другую и все его творчество это – своеобразное нагромождение таких ошибок. Выступавший договорился до того, что объявил «ошибкой» «и лозунг о национальном сознании», «который прозвучал в некоторых речах т. Скрыпника, лозунг не ленинский, лозунг, под которым охотно подпишутся украинские шовинисты».

Никакого сомнения по поводу явно надуманных обвинений никто не обнаружил. Более того, общегородское собрание педагогов, писателей, работников культуры, прессы, профсоюзов, студентов приняло резолюцию с осуждением Н. А. Скрыпника и направило П. П. Постышеву «горячее пролетарское поздравление» с заверениями в готовности бороться «за осуществление Ваших указаний»[614].

3 июля 1933 г. газета опубликовала выступление Постышева на объединенном пленуме Харьковского обкома и облисполкома.

Повторив тезисы выступления на последнем пленуме ЦК КП(б)У, второй секретарь Центрального Комитета добавил и некоторые новые нотки, которые выглядят еще более угрожающе. «… Бдительность украинской парторганизации в последнее время, к сожалению, ослабла, – сетовал докладчик. – Вы посмотрите, например, на массовую литературу, которую тиражами в сотни тысяч присылали в 1931 и 1932 гг. в колхозную деревню. Ведь среди этих брошюр и книг вы сможете найти немало таких, в которых волчьи глаза врага так и смотрят на вас со строк. Огромное наше орудие – орудие нашей агитации и пропаганды враги нередко ухитрялись, сидя в наших же аппаратах и пользуясь нашими материальными ресурсами, использовать против партии, против советской власти, против колхозного строя.

…Враг пытается спрятаться за спину т. Скрыпника. Это лишний раз говорит нам о серьезных ошибках т. Скрыпника и в его литературных трудах по национальному вопросу и культурному строительству, и в его практической работе – в управлении системой образования на Украине.

Но тщетно пытается и теперь еще враг спрятаться за спину т. Скрыпника. Теперь сам т. Скрыпник трет свою спину жесткой мочалкой, но не слишком крепко нажимает. Придется помочь ему немного *(смех, аплодисменты)*.

Надо разоблачить все ошибки, которые допустил т. Скрыпник в его работах. Надо вместе с тем выявить и разоблачить те антимарксистские, антиленинские утверждения, которые протягивались по различным участкам идеологического фронта “школьного” т. Скрыпника»[615].

Постышев выступал с прямой угрозой в адрес тех, кто «не понимал» или «не хотел понимать» важности такой обличительной работы, кто «помалкивал» о своих настроениях по поводу мер, которые употреблял ЦК КП(б)У, «пряча внутри себя несогласие с этими мерами», обещал «беспощадное искоренение» всего, что мешает партии осуществлять избранный курс.

В тот же день «Известия» сообщили и о докладе на собрании партколлектива ВУАМЛИН вице-президента Украинской академии наук А. Г. Шлихтера. Характерно название трехчасового выступления, которое «заслушали с большим вниманием»: «Очередные задачи культурного фронта в связи с постановлениями июньского пленума ЦК КП(б)У». Текста доклада редакция не поместила, однако суть передала тремя лаконичными фразами: «Т. Шлихтер дал глубокий и всесторонний анализ искажений вредительской работы классового врага на культурном фронте. Подверг беспощадной

критике ряд антипартийных и националистических ошибок, которые допустил т. Скрыпник в своих произведениях и которые непосредственно сказались в работе школы и на языковом фронте, в литературе, истории, философии. Т. Шлихтер наметил практические задачи перед организацией ВУАМЛИН, чтобы исправить эти ошибки и предотвратить их в дальнейшем развитии украинской пролетарской культуры»[616].

5 июля 1933 г. на собрании партячейки ВУАМЛИН выступил председатель Президиума ВУЦИК Г. И. Петровский. Он начал с «небольшой исторической справки», «как в ЦК встал вопрос о работах т. Скрыпника и об исправлении ошибок, которые он допустил». Это, по мнению докладчика, надо было обязательно сделать, поскольку Николай Алексеевич утверждал, что его до последнего времени никто не критиковал. Петровский признавал: «Правда, до приезда т. П. П. Постышева по-настоящему большевистской, развернутой критики ошибок националистического порядка тов. Скрыпника никто не давал, и нужной борьбы против них не было»[617].

Однако председатель ВУЦИК тут же вспомнил, что «еще полтора года назад (то есть где-то в начале 1932 г. – *В. С.)* т. Любченко внес в Политбюро вопрос о грубой ошибке т. Скрыпника в его трактовке так называемого “национал-большевизма”. Тов. Скрыпник целиком не правдиво расчленял большевизм и определил укапистов национал-большевиками, программу которых якобы осуществляет теперь наша партия. Тогда же таки т. Шлихтер в связи со статьей тов. Сталина по истории партии (речь о письме И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» в редакцию журнала «Пролетарская революция». 1931 г. № 6. – *В. С.),* отмечал некоторые грубые теоретические ошибки тов. Скрыпника в его произведениях по истории Октябрьской революции на Украине. На заседаниях ЦК было решено, чтобы т. Скрыпник в ближайшее время пересмотрел все свои произведения и исправил бы ошибки. Тов. Скрыпник обещал в ближайшее время этим заняться. К сожалению, на этом ЦК ограничился. Он недооценил всей важности и глубины допущенных тов. Скрыпником ошибок и необходимости решительного исправления их»[618].

Обещания Н. А. Скрыпник не выполнил, и тогда Политбюро возвратилось еще раз к вопросу, определило срок подачи предложений Скрыпника об исправлении ошибок. Однако и на этот раз дело с места не сдвинулось. Только с приездом П. П. Постышева началась решительная критика ошибок наркома просвещения. «В одной из своих речей на заседании ЦК, – вспоминал Г. И. Петровский, – я сказал, что т. Скрыпник обманул

доверие ЦК. После нажима со стороны политбюро т. Скрыпник написал свои объяснения на 92 страницах и озаглавил их «Национальный вопрос на грани двух пятилеток». Эта работа т. Скрыпника признана неправильной, потому что в ней говорилось не столько об ошибках, сколько о разных моментах национального вопроса в Украине, даже с подведением оправдания своего творчества, согласно которым выходило, что в свое время его писания по национальному вопросу были правильными, а теперь прошло некоторое время и они выглядят иначе. Политбюро признало это слишком неправильным со стороны т. Скрыпника и предложило ему изложить ясно и точно свои ошибки»[619].

Когда июньский пленум ЦК КП(б)У устами Постышева отверг попытки Скрыпника объяснить свою позицию, последний подал в Политбюро ЦК КП(б)У переработанный и дополненный вариант статьи «Национальный вопрос на грани двух пятилеток». Однако, по словам Петровского, Политбюро даже не стало рассматривать внесенных изменений, а предложило Николаю Скрыпнику дать изложение только своих ошибок на 10–12 стр.

Далее Всеукраинский староста долго рассказывал об увязке ошибок Н. А. Скрыпника с просчетами, недостатками и вредительством в работе Наркомата просвещения, где вокруг наркома сплотились шпионские и другие антисоветские элементы, развернувшие националистическую деятельность, направленную на отрыв Украины от России, сближение с буржуазным Западом.

По утверждению Г. И. Петровского, «ЦК отнесся к т. Скрыпнику очень бережно, старался не дискредитировать старого большевика и подталкивал его на путь самокритики ошибок и их исправления. Однако т. Скрыпник не оправдал доверия ЦК и даже навел на ЦК некоторую тень – будто бы ЦК потакал его ошибкам»[620].

Председатель ВУЦИК каялся в том, что КП(б)У очень поздно начала критику Скрыпника, не реагировала оперативно на призывы Сталина, ЦК ВКП(б) разоблачать националистические извращения. Признав вину ЦК КП(б)У, Г. И. Петровский тут же буквально обрушивался на ученых-обществоведов. «…Я теперь ставлю Вам, ВУАМЛИНовцы, вопрос:

– Вы партийцы, научные труженики марксо-ленинской науки, разве вы не замечали этой ереси в практике национальной и культурной работы? Где были ваши глаза, когда всякая сволочь под прикрытием “широкой спины”, но и без прикрытия, протягивала враждебные пролетариату, просто контрреволюционные искажения партлинии и советской

политики? Как это вы не заметили в исторических произведениях т. Скрыпника антипартийных, антиленинских установок, теорий и наконец националистической практики в работе Наркомоса? Почему, в самом деле, вы не ставили этих вопросов у себя? Почему мимо вас это прошло, почему вы не сигнализировали, почему не ставили перед ЦК этих вопросов?»[621]

Это уже было очень похоже на шантаж элитного научного коллектива, запугивание всей украинской науки.

Неизвестно, присутствовал ли на том собрании Н. А. Скрыпник (должен был быть по должности). И если был, то, конечно, горько переживал уже не столько за свои незаслуженные обиды, а за людей, ученых, вся вина которых заключалась лишь в том, что они могли иметь мнение, в чем-то отличное от официальных подходов. Назвать же последние взвешенными, обоснованными, просто элементарно логичными и человечными при всем желании было просто невозможно.

Однако один из старейших членов партии не остановился и на провозглашенных претензиях, которые уже, казалось, выходили за разумные пределы. «У т. Скрыпника такая сила разных ошибок, – настаивал один из высших государственных деятелей, – над исправлением которых основательно и много нужно поработать не только ему самому, но и всем нам – слишком много он их наделал, – и, хотя партия знает его не один, а много лет как старого большевика, тем большую ответственность он должен нести»[622].

Ну как было это слышать от человека, для которого вся твоя жизнь была как на ладони, который знал тебя чуть ли не с первых революционных шагов и с которым практически полтора десятка лет приходилось работать бок о бок на высших государственных должностях, совместно решать массу различных вопросов, точно знать, чем этот человек «дышит»?..

А тут еще в довершение, как будто специально, стараясь нанести чувствительный моральный удар, председатель ВУЦИК вспомнил, как «на XI съезде РКП(б) т. Мануильский от всей украинской делегации заявил, что т. Скрыпник не отражает позиций КП(б)У в национальном вопросе». По оценке Г. И. Петровского поступок Д. З. Мануильского «до сих пор является огромным моральным капиталом нашей партии, потому что КП(б)У никогда не разделяла и не разделяет националистических ошибок т. Скрыпника»[623].

6 июля 1933 г. «Вести ВУЦИК» под заголовком «О некоторых ошибках на теоретическом фронте» напечатали большую речь Афанасия Петровича Любченко на пленуме ЦК Ленинского Коммунистического союза молодежи Украины. Популярный

партийный и государственный деятель, бывший украинский эсер, боротьбист отправными моментами своего доклада выбрал тезис: Николаем Скрыпником была создана отдельная «школа» и «ошибок на теоретическом фронте наделано очень и очень много. Против этих ошибок со всем юношеским рвением должен выступить комсомол. Я думаю, что мне не надо доказывать, что, когда возьмемся с Вами как следует за это дело, мы ошибки исправим и к нашей молодежи все входы националистам закроем».

Слова А. П. Любченко были встречены громкими аплодисментами присутствующих. Однако обвинять малоопытную и теоретически недостаточно закаленную молодежь в недальновидности, примитивном понимании сложнейших обществоведческих проблем спешить не стоит.

Для того чтобы подчинить себе настроения подрастающего поколения, на карту ставилось все: и авторитет высших государственных деятелей, и их прошлые заслуги, и сознательная подтасовка улик.

Любченко обвинил Скрыпника в пяти основных грехах (группах грехов).

Прежде всего, Николаю Алексеевичу, его единомышленникам, ученикам инкриминировалась переоценка в исторических трудах роли национального вопроса и недооценка социальных аспектов жизни. В ход были пущены упоминания обо всех муссировавшихся теоретических расхождениях Н. А. Скрыпника с В. И. Лениным и И. В. Сталиным, а также широкое цитирование произведений «последователей» – М. А. Рубача, А. А. Ричицкого, Е. Гирчака, Каретниковой, В. Е. Свидзинского. «Переоценив национальный вопрос, сделав его основным, доминантным, т. Скрыпник и коллегия Наркомоса, несмотря на указания ЦК, упорно устанавливали в вузах Украины 110 часов для национального вопроса и 60 часов для ленинизма. Итак, – отмечал Любченко, – первый вывод, если мы хотим покончить, и при этом как можно скорее, с ошибками, которые были допущены на теоретическом фронте, надо покончить с первой ошибкой – переоценкой национального вопроса. Необходимо, чтобы те молодые кадры, которые по большой вине т. Скрыпника попали на неправильные позиции, как можно быстрее исправили свои ошибки, а тех, кто неспособны этого сделать – надо отстранить с теоретического фронта».

Лексика, конечно, далекая от принятой в науке, однако тратить время и усилия на убеждения инакомыслящих государственные функционеры считали излишним. Ведь выбора молодым людям они не оставляли – или «исправиться», думать

так, как тебе навяжут, или же быть «отстраненным» – вот и все «альтернативы».

Второй грех, по Любченко, заключался в позиции Н. А. Скрыпника, согласно которой теоретически переоценить национальный вопрос вообще невозможно, что это, по сути, неверный тезис, просто чушь. Очевидно, чувствуя себя здесь недостаточно твердо, «критик» аргументировать своего несогласия не стал, не смог. Единственное что смог, это сфальсифицировать высказывания Скрыпника, придав им такое выражение: «…мол, переоценки национального вопроса, то есть уклона к местному национализму не может быть».

Третий грех – это поддержка и даже пропаганда в трудах ученого-марксиста «националистической теории о безбуржуазности украинской нации», авторство которой А. П. Любченко приписал В. К. Винниченко, а среди популяризаторов назвал М. С. Грушевского, В. Сухино-Хоменко, В. Е. Свидзинского и А. И. Бадана.

Следующим, четвертым, теоретическим грехом Скрыпника Любченко определил «идеализацию, приукрашивание Центральной Рады». Скрыпниковские ошибки подхватили и распространяли тогдашние историки, среди них – Сухино-Хоменко, Свидзинский, Каретникова.

Наконец, автор выступления перед молодежью обвинил Николая Скрыпника в отстаивании точки зрения («теории») о существовании такого течения, как «национал-большевизм» («шумскисты», «укаписты», «разломовская ренегатская группа Василькова-Турянского» в КПЗУ и т. д.).

Как и другие авторы публичных выступлений против Н. А. Скрыпника, А. П. Любченко поддержал П. П. Постышева в утверждениях, будто бы испытанный большевик неправильно реагирует на справедливые требования самостоятельно разоблачить основные свои ошибки.

Знакомясь со всеми этими публикациями (а кроме «Вестей ВУЦИК» подобные материалы появлялись и в других органах печати, в частности местной), Николай Алексеевич чувствовал, как каждый раз в душе закипает обида. Неужели читатели, рабочие, крестьяне, интеллигенция поверят в то, что он вместе с их врагами борется против ленинизма, большевизма, социализма?! Против новой жизни, народа, Украины?..

А ведь поверят, находясь под постоянным идейно-психологическим прессингом! И еще, если сам он, Николай Скрыпник, «признается в грехах», «беспощадно разоблачит» их, как того добивались партийные функционеры! Пожалуй, с него и «выжимают» «объяснение», чтобы, напечатав в газетах,

окончательно растоптать в глазах общественности, по сути, уничтожить. Как же можно с этим мириться? Как можно этому сознательно способствовать?..

Рождались и другие мысли. Николай Алексеевич все больше понимал, что никакие раскаяния не изменят ситуации – планы погромной пропагандистской кампании против него были далеко идущими, рассчитанными на длительный период. Надеяться, что в ближайшее время он удовлетворит требования своих истязателей и его страдания закончатся, не приходилось. А в дальнейшем быть «пешкой» в чужой игре значило обречь себя на бесконечные нравственные пытки.

Выход один – мгновенным решительным движением покончить счеты с жизнью, и хотя бы немного, пусть страшной ценой, ценой крови – реабилитировать себя за то, что под невероятным давлением объективных и субъективных обстоятельств начал медленно сдвигаться по наклонной плоскости. Уйти из жизни несокрушимым, несломленным, нерастоптанным, честным, порядочным человеком. Не изменить своим идеалам, убеждениям – не предать себя…

Роковое решение вызревало медленно, все укрепляясь, оставляя все меньше места для сомнений, надежд на чудодейственную смену ужасающих тенденций.

Последний раз убедившись в абсолютной бесперспективности, алогичности и безнравственности дальнейшего диалога с теми, кто требовал от него невозможного, Николай Алексеевич 7 июля 1933 г. покинул заседание Политбюро ЦК КП(б)У, которое начало рассматривать его письмо, и о последнем решении уже не знал. Пересекая площадь им. Ф. Э. Дзержинского, он поднялся в свой кабинет в Госплане, который находился в доме Госпрома. Возможно, в последний раз взялся за перо.

…Много лет спустя журнал «Современность» («Сучасність») предоставил свои страницы для воспроизведения неизвестных до того заметок В. К. Винниченко. К логическим утверждениям писателя-эмигранта о том, что обязательно должно было быть предсмертное письмо Н. А. Скрыпника, редакция сделала такое примечание: «Эти логичные предположения В. Винниченко в эмиграции соответствуют полностью правде. Н. А. Скрыпник оставил после самоубийства большое письмо, адресованное Политбюро ЦК КП(б)У. В письме осудил новый курс национальной политики и мотивировал причину своей смерти. Это письмо никогда не было опубликовано. Упоминание о нем и цитата (в несколько строк) из этого письма появилась в прессе сразу после смерти Н. Скрыпника. Также в литературном и

политическом мире тогдашнего Харькова ходили об этом письме слухи и предания»[624].

Думается, здесь все ясно. Для написания «большого письма», в котором бы осуждался «новый курс национальной политики» и была бы изложена причина самоубийства, у Николая Скрыпника просто не было времени. Если бы такое письмо было, оно бы непременно было именно большим, основательным (краткой запиской он никогда бы не удовлетворился – это было совсем не в его характере).

Если такое письмо все же было, можно предположить, что в основном оно было написано заранее – речь, конечно, о критике изменения курса в национальной политике.

Возможно, что в пересказах распространялись фрагменты так и не найденной записки в адрес Политбюро, которую от Н. А. Скрыпника слишком настойчиво требовали чуть ли не до последнего вздоха.

В обоих случаях заключительные слова – о сведении счетов с жизнью – должны быть написаны в последние минуты, в кабинете Госплана…

После этого – звонок жене, короткие, сухие слова прощания и – роковой выстрел.

Николай Скрыпник был еще в сознании, когда на шум сбежались потрясенные работники из соседних кабинетов. Будто смущенно оправдываясь, он успел произнести: «Это последняя ошибка Скрыпника». И медленно закрыл глаза…

Что он имел в виду, каждый мог в тот момент и, может, сейчас понимать по-своему…

X. После смерти

Смерть для Николая Алексеевича Скрыпника стала той чертой, за которой наступило бессмертие.

Здесь все слилось воедино, дополняя друг друга. И то, как он до конца боролся, и то, какой реальный след оставил после себя на земле, и то, какими были идеи, путевой звездой звавшей его к победе и способной вдохновлять последователей, а также то, как ушел из жизни. Когда погиб Александр Пушкин, один из его друзей точно и тонко подметил: если бы не было той зловещей дуэли, мы бы, наверное, знали несколько иного Пушкина. Трагическая смерть «невольника чести» стала общественным потрясением, возвысила в воображении нации, человечества образ не только поэта-гения, но и исполина духа. Иными словами, без дуэли не было бы Пушкина, потому что Пушкин был невозможен без дуэли. Этот феномен своеобразно повторился, продолжил существование и в судьбе Николая Скрыпника.

По поводу выстрела в Госпроме по «свежим следам» и позднее появлялись самые различные мнения, оценки. Его воспринимали как акт неповиновения, как проявление несокрушимости и продолжение борьбы, как последний довод жизненной правоты, как грозный приговор сталинскому тоталитаризму, как окончательное прозрение, разочарование в деле, которому служил и без остатка отдал жизнь, как символическую победу мудрой, предусмотрительной личности над всей античеловеческой политической системой, чем немало возмутил палачей. Возможно, в каждом из этих соображений есть свой смысл, возможно, они совокупно вырисовывают все, что сконцентрировалось в момент, когда взводился револьверный спуск. А возможно, что здесь присутствует, а то и превалирует нечто надуманное, нафантазированное, тогда как действительное, истинное все еще прячется от тех, кто стремится разгадать и объяснить смысл последнего шага выдающегося революционера, партийного и государственного деятеля.

И. Кошеливец полагает, что самоубийство Н. А. Скрыпника вызвало большое замешательство в руководящих кругах КП(б)У, поскольку каждый из партийных функционеров увидел в нем и собственную

обреченность. Он считает, что крахом задуманного сценария был смущен даже сам И. В. Сталин.

Возможно, эссеист и прав. Хотя остается только безгранично удивляться, как ловко, по-деловому, с холодным расчетом действовали в день смерти Николая Алексеевича и в

последующий период те, кто еще накануне пожимал ему руку, сидел рядом в президиумах, делал одно дело… Одно ли?..

Секретариат ЦК КП(б)У, узнав о трагической новости, не растерялся. Он тут же принял дополнение к утреннему решению Политбюро: «К протоколу № 121.

К данному протоколу ПБ (Политбюро. – *В. С.)* (от 7.VII – 1933 года № 121) Секретариат ЦК КП(б)У добавляет следующую справку:

Решение по первому вопросу принималось в отсутствие т. Скрыпника, который в самом начале обсуждения этого вопроса ушел с заседания. Секретариат ЦК КП(б)У»[625].

Этим, так сказать, была приведена в порядок документация.

А вечером в тот же день члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК КП(б)У вместе с Президиумом ЦК КП(б)У вынуждены были собраться еще раз. Быстро решили вопрос об организации похорон и оперативно, чтобы успеть уже к выходу утренних газет, подготовили, обсудили и утвердили официальное сообщение о смерти. Документ выглядел следующим образом:

«О похоронах т. Скрыпника.

а/ Похороны – 8.VII в 2 ч. дня. Вынос тела из клуба Общества старых большевиков.

б/ Опубликовать 8.VII в прессе такое сообщение от ЦК КП(б)У:

«От ЦК КП(б)У.

7 июля 1933 года покончил жизнь самоубийством член ЦК и Политбюро ЦК КП(б)У тов. Николай Алексеевич Скрыпник.

Будучи старым революционером и большевиком, имевшим большие заслуги перед революцией и рабочим классом, т. Скрыпник совершил акт малодушия, недостойный всякого коммуниста и тем более члена ЦК. Причиной этого недопустимого акта является то, что за последние годы т. Скрыпник, запутавшись в своих связях с украинскими буржуазно-националистическими элементами, имевшими партбилет в кармане, и не имея больше сил выбраться из этой паутины, стал жертвой этих контрреволюционных элементов и пошел на самоубийство.

в/ Хоронить т. Скрыпника без уважения, обычного для членов ЦК.

г/ Для организации похорон т. Скрыпника образовать комиссию в составе тт. Войцеховского, Кисилева, Тарасова, Карлсона, Коваля»[626].

Партийное решение было выполнено четко. Весть о смерти видного исторического деятеля разнеслась быстро по столице, ее окрестностям, однако, когда состоятся похороны, мало кто знал

наверняка. Не могли отдать дань товарищу те, кто хотел бы проводить его в последний путь, но никак не успевали это сделать. Поэтому траурная процессия оказалась немноголюдной (скорее, пожалуй, «заорганизованной» – были только те, кто «нужно»), какой-то очень строгой и боязливой. Пытались не смотреть друг другу в глаза и с нетерпением, переминаясь с ноги на ногу, ждали, когда все кончится. На кладбище одной из харьковских окраин (это место потом было забыто, так что точное расположение могилы сегодня неизвестно) состоялся короткий митинг. Говорили Всеукраинский староста Г. И. Петровский, нарком просвещения В. П. Затонский и председатель Всеукраинского Совета профсоюзов К. В. Сухомлин. Слова звучали глухо, не трогательно, неубедительно. Казалось, выступающие не столько сожалели по поводу человеческой потери, сколько стремились осудить покойника – и за прошлую жизнь, в которой на первый план выходили «ошибки», и за то, что самоубийство может принести новые проблемы партии, и за то, что решился остаться самим собой и остается-таки им – непоколебимый, бессловесный, даже в гробу он и дальше оппонирует им своим последним поступком.

Г. И. Петровский говорил в духе официального некролога, правда, добросовестно подчеркивал заслуги Николая Скрыпника, сожалел, что он стал жертвой «уродов петлюровщины», призывал отомстить за его смерть и к объединению «вокруг вождя нашей партии т. Сталина»[627].

В. П. Затонский акцентировал внимание участников панихиды на разоблачении последнего жизненного поступка коллеги. Он выражал глубокое сожаление по поводу того, что роковой «выстрел был направлен не только себе в грудь, но и в спину Коммунистической партии, которая, преодолевая неслыханные трудности, победно строит социализм. Думал об этом Николай Алексеевич, – спрашивал В. Затонский и сам отвечал. – Этого никто уже не узнает, но объективно его выстрел – антипартийный поступок»[628].

Определяющей причиной трагедии Затонский считал действия классовых врагов. «Наши враги окружили старого большевика, заморочили ему голову ролью национальной фигуры, вождя национального возрождения Украины. А он был ослеплен и, потеряв классовое чутье, от того фимиама, который ему курили, верил этой контрреволюционной стае больше, чем партийной организации, как, к примеру, Харьковская, которая его предупреждала.

…Выстрел т. Скрыпника вреден для партии, потому что его попытаются использовать враги всех сортов, прежде всего

националисты, как украинские, так и великодержавно-русские. И выстрел Скрыпника одновременно прозвучит предостережением каждому члену партии, каждому честному беспартийному пролетарию и колхознику, чтобы пристальнее присматриваться к маневрам классового врага»[629].

Под звуки траурного марша гроб в пурпурно-черном убранстве опустили в могилу, засыпали землей.

Однако точка на этом не была поставлена. Из смерти Николая Скрыпника захотели сделать публичный поучительный урок, стремились довести до конца разоблачение его взглядов, поведения, наконец вынуждены были «объяснять» в многочисленных публикациях, что линия партии верна, непоколебима, всепобеждающа, – одним словом, открывалась целая масштабная кампания. Неправедная и неравная.

Против мертвого Скрыпника воевали публикацией многочисленных некрологов. Тот, что был одобрен Политбюро ЦК КП(б)У, разошелся 8 июля 1933 г. во многих газетах Украины. В тот же день он был напечатан и в московской «Правде», где был помещен и некролог ЦК ВКП(б):

«ЦК ВКП(б) извещает о смерти члена ЦК ВКП(б) Николая Алексеевича СКРЫПНИКА, последовавшей в результате акта самоубийства.

Рассматривая акт самоубийства как акт малодушия, особенно недостойный члена ЦК ВКП(б), ЦК считает необходимым известить членов партии, что т. Скрыпник пал жертвой тех буржуазно-националистических элементов, которые, прикрываясь своей формальной принадлежностью к партии, вошли к нему в доверие и использовали его имя для своих антисоветских, националистических целей. Запутавшись в своих связях с ними, т. Скрыпник допустил ряд политических ошибок, и, осознав эти ошибки, он не нашел в себе мужества по-большевистски преодолеть их на деле и пошел на акт самоубийства.

ЦК ВКП(б)»[630].

Ни слова о заслугах Н. А. Скрыпника, ни намека на то, что обусловило его избрание в состав высших партийных и государственных органов, о том, что его широко знали, уважали в стране, в партии, почему, собственно, нельзя было и не реагировать на его гибель. Даже в более широком документе – сообщении о смерти партийно-государственного деятеля – редколлегия «Правды» смогла проронить скупые положительные эпитеты в его адрес только с целью более сильного подчеркивания поступка, который оценивался сплошь негативно и решительно осуждался.

«Как могло случиться, что т. Скрыпник – старый

революционер и большевик, член ЦК нашей партии, перенесший невзгоды подполья при царизме, энергично боровшийся в трудных условиях за организацию советской власти на Украине, – как могло случиться, что этот человек пошел на такой, особенно недостойный члена ЦК ВКП(б), акт малодушия, как самоубийство?» – ставился вопрос в редакционном материале.

«Ответ на этот вопрос дает нам обзор деятельности тов. Скрыпника за последние годы. Он изменил одному из основных правил большевика – ослабил свою партийную бдительность, проявил гнилой либерализм в отношении людей, которые, прикрываясь своей формальной принадлежностью к партии, вели антисоветскую контрреволюционную работу для подрыва мощи пролетарской диктатуры. Он доверился и положился на этих людей, не разбираясь, не проверяя их дела и намерения»[631].

Далее, в духе П. П. Постышева, перечислялись Баданы, Яворские, Эрстенюки – как олицетворение лютых врагов, продажных шпионов, которые втерлись в доверие руководителя Наркомпроса, расставили везде свои кадры и вели предательскую работу. А дальше содержалось утверждение, которое, кажется, может превзойти любые представления о границах человеческого цинизма: «Под флагом борьбы за украинскую культуру буржуазно-националистические, петлюровские элементы на деньги иностранных охранок работали над тем, чтобы оторвать Украину от Советского Союза, загнать украинском рабочих и трудящихся крестьян назад, в рабство, в кабалу к помещикам и капиталистам, чтобы в угоду Детердингам, немецким фашистам, польским панам уморить голодом, уничтожить сотни тысяч и миллионы трудящихся Украины»[632].

Это писалось в июле того страшного 1933 г.!

Подобрать слова, которые могли бы охарактеризовать позицию ЦК ВКП(б), его органа «Правды», просто невозможно.

Кроме потери политической бдительности, Н. А. Скрыпнику инкриминировались многочисленные ошибки в трудах по национальному вопросу и культурному строительству, политические просчеты в руководстве Наркомпросом. Появился и новый элемент – наличие «вражеской организации»: «Партия и советская власть разгромили вражескую организацию, которая пыталась укрыться за спиной тов. Скрыпника. Это раскрыло глаза тов. Скрыпнику и на его политические ошибки.

Он осознал их, эти свои ошибки, и не нашел в себе мужества до конца, по-большевистски их преодолеть на деле, и пошел на самоубийство. Он пал жертвой национал-шовинистических элементов, окончательно запутавшись в своих связях с ними»[633].

В документе ни слова сожаления по поводу смерти человека,

ни слова сочувствия его близким и родным. Кажется, без этого обойтись никак нельзя. Оказывается – можно. Вместо этого – формулировка уроков и политических лозунгов: «Как ни печален урок последних лет жизни тов. Скрыпника, но это все же урок, урок предостерегающий. Он должен запомниться с особой силой. Нет для коммуниста большей опасности, чем потеря большевистской бдительности, пролетарского классового чутья».

И далее: «Большевики Советской Украины, под твердым руководством ленинского ЦК ВКП(б), объединяя и сплачивая под своими знаменами многомиллионные массы рабочих и колхозников, еще больше усилят борьбу против контрреволюционных петлюровских, националистических элементов, добивая остатки разгромленного классового врага.

Большевики Советской Украины еще выше подымут знамя пролетарского интернационализма, еще больше усилят борьбу за чистоту учения Ленина и Сталина»[634].

Завершалось сообщение позицией, удивляющей расстановкой акцентов: «Большевики Советской Украины всегда вели и впредь будут вести непримиримую борьбу на два фронта, как против великодержавного шовинизма, продолжающего оставаться главной опасностью в национальном вопросе, так и против национал-шовинизма, выжигая каленым железом всякие шовинистические петлюровские элементы, под каким бы фальшиво-национальным флагом они ни выступали»[635].

То ли по недосмотру, то ли по каким-то тактическим соображениям баланс «национализмов» здесь нарушен, определив главной угрозой великодержавный шовинизм (хотя местный, украинский национализм наделен такими эпитетами и такими решительными призывами борьбы против него, что вместе с логикой всего документа возникают существенные сомнения в искренности квалификации великодержавного шовинизма).

Однако гадать тут, пожалуй, излишне. Скоро «главный бухгалтер» и его подручные расставят все по своим местам…

Параллельно с «Правдой» некрологи, траурные (скорее всего – информативно-ситуативные) материалы опубликовали и другие печатные органы.

В тот же день, 8 июля, в траурном обрамлении газета «Пролетарий» (Харьков) напечатала биографию Николая Алексеевича Скрыпника. В ней события до 1920 г. изложены согласно автобиографии, написанной во время партийной чистки 1921 г. А с апреля 1920 г. до смерти – только перечислены должности, которые занимал Николай Алексеевич.

Затем указано, что «деятельность тов. Скрыпника, особенно за последние годы, не была лишена значительных политических

ошибок, которые в дальнейшем углублялись».

Далее – повторение уже известных мотивов о полной потере бдительности по отношению к двурушникам, агентам различных контрразведок (здесь только эпитеты свои собственные, отличные, иногда более «сочные» и, наконец, предложения, составленные из тех же слов (несколько изменен только их порядок), что и в «Правде», о причинах самоубийства.

Заканчивался материал обещанием большевиков Украины выполнять определенную партией «программу действий». «Осудив этот недопустимый для коммуниста поступок, большевики и миллионные массы рабочих, колхозников, советской интеллигенции, объединяясь вокруг ленинского ЦК, будут продолжать непримиримую борьбу против агентов петлюровщины и белогвардейщины с партбилетами в кармане, беспощадно будут уничтожать остатки классового врага, упорно и непоколебимо строить социализм»[636].

Как видно, в КП(б)У никто больше не собирался бороться против «главной опасности в национальном вопросе» – великодержавного шовинизма, а все силы обещал отдавать на борьбу с национализмом собственным, украинским. Потому что уже все смекнули, понимали все с полуслова. А таких неуступчивых, как Николай Скрыпник, больше не было. В тот день его гроб засыпали толстым слоем земли…

Однако, оказывается, последнее обстоятельство совершенно не могло служить «серьезной» причиной для отмены «плана мероприятий» по «развенчанию» Николая Алексеевича, «разоблачению» его ошибок. И как ни страшно написать такие слова, однако все более настойчиво сознание бередит мысль: незаурядная личность и выдающийся политический деятель совершил единственно верный поступок. Ведь его ждали несравненно большие страдания, чем те, которые он перенес в последние дни жизни (уже и те испытания мало кому были под силу). Хорошая осведомленность и безошибочная интуиция обусловили роковой шаг, который хочется не просто оправдать, а, болея за своего героя, зная, что его ждало впереди, даже вздохнуть с определенным облегчением.

И действительно, волей «политических режиссеров» кампания выводилась на новую, более высокую «орбиту».

9 июля 1933 г., на второй день после похорон видного государственного деятеля, состоялось собрание актива Харьковской областной партийной организации, на котором с докладом «О националистическом уклоне в рядах украинской партийной организации и о задачах борьбы с ним» выступил секретарь ЦК КП(б)У по идеологической работе Н. Н. Попов.

Известно, сначала сборы планировались на тот день, когда оборвалась жизнь Н. Скрыпника. И ему, живому, предназначалось бы выслушать заготовленные обвинения.

Идя проторенным путем, докладчик, прежде всего, связал проблемы в хозяйственной сфере, провалы в сельском хозяйстве с ошибками на идеологическом фронте.

Историк по специальности, Попов обратился к широким экскурсам в прошлое, и начиная с 1917 г. проследил эволюцию взглядов, поступков лидеров украинского национально-освободительного движения, квалифицировал их поведение как «маневрирование украинской буржуазно-националистической контрреволюции, которой нельзя ни в чем большевикам верить». Однако недостаточная бдительность позволила контрреволюционерам (среди них и А. Я. Шумский) захватить прочные позиции; «за последние два с половиной года дело украинизации выпало из партийных рук и попало в руки враждебных элементов».

В отличие от других «критиков», Н. Н. Попов «собирает буклет» из ошибок Н. А. Скрыпника в хронологической последовательности: выступление на XII съезде РКП(б) в 1923 г. «против двойной бухгалтерии в национальном вопросе»; нарушение диалектики взаимосвязи социального и национального аспектов в пользу последнего в полемике против А. Я. Шумского в 1926 г.; в последние годы Скрыпник «выдвинул в Институте марксизма по кафедре национального вопроса “теорию” о принудительной украинизации детей, которые говорят на смешанном наречии, о новой фазе ленинизма и потребности реализовать учение Ленина и Сталина в национальном вопросе»[637].

При этом новый секретарь ЦК КП(б)У обратился к цитированию покаянных слов Николая Алексеевича, будто бы написанных им на имя Политбюро ЦК КП(б)У накануне самоубийства. Выходило, что, признав отход от марксистской методологии, допустив извращение и искажение ленинского наследия, Николай Алексеевич сам настаивал на критике своих ошибок как залоге осуществления партийного курса, в частности в идеологической, культурной областях, возврате самого себя на большевистский путь[638].

Этим, считает Н. Н. Попов, Скрыпник «признал свои грубые ошибки националистического характера, но преодолеть их оказался не способен и пошел на преступный акт самоубийства»[639].

То, что докладчик цитировал последний документ Н. А. Скрыпника, здесь же, на собрании, мимоходом подтвердил в

выступлении генеральный секретарь ЦК КП(б)У С. В. Косиор. Однако очень трудно было не заметить поразительного противоречия между приведенными словами и лейтмотивом всего выступления партийного лидера республики. А лейтмотив заключался именно в том, что Николай Алексеевич никак не хотел склониться под грузом нападок, оставался несгибаемым даже в тот момент, когда в бой был брошен последний «стратегический резерв» – высшие партийные и государственные функционеры УССР и, наконец, выложены «козырные аргументы» – исключение непокорного товарища из состава Политбюро ЦК КП(б)У. «Правильную борьбу против т. Скрыпника и некоторых его ошибок, против людей, которые его окружали, провела в свое время Харьковская партийная организация, – говорил Косиор. – Как ответ на это т. Скрыпник обвинил Харьковскую организацию, во главе которой стоял т. Постышев, в русотяпстве, он об этом написал статью, где в достаточно прозрачном виде об этом сказал…

Мы три месяца с ним проводили бесконечные разговоры, чтобы он написал документ с развернутой критикой своих ошибок, большинство которых он и сам признавал, старались помочь ему в этом», – доказывало хотя и не всесильное, но все же первое в партийной иерархии лицо в Украине. И буквально в отчаянии завершал: «Даже после того, как т. Скрыпник написал свой последний документ, который здесь цитировал Н. Н. Попов, даже после того, как он дал общую оценку своим ошибкам, когда дело доходило до оценки его основных ошибок в национальном вопросе, т. Скрыпник все эти ошибки пытался замазать, свести на нет разными уловками. И даже когда мы поставили вопрос о его пребывании в ПБ, он этого до конца сделать не захотел…»[640]

Итак, получается, что до последнего вздоха Н. А. Скрыпник так и не сломался. Слова «пытался замазать» ошибки, «свести на нет разными уловками» лишний раз подчеркивают, что того решительного покаяния, как это утверждал Попов, все же не было. А слова о том, что он «сделать не захотел» того, чего от него требовали под, казалось, самой большой для коммуниста угрозой, и подавно разоблачают ложь предыдущих утверждений. И вроде бы для окончательного убеждения тех, кто уже усомнился в оглашенной официальной версии, согласно которой Николай Алексеевич признал-таки свои ошибки, Косиор смущенно констатирует, что он так и «не понял» «заботы» о нем, снисходительного, чересчур терпеливого отношения к старому партийцу (и в этом добровольные «помощники» даже «перешли границы позволенного для большевиков»)[641].

Наконец, только крайним раздражением можно объяснить

весьма некорректный и интеллигентный выпад С. В. Косиора, когда он заявил, что Н. А. Скрыпник «не мог понять» проявленной к нему товарищеской партийной заботы «из-за того, что нутро его оказалось далеко не большевистским. Гниль, националистическая червоточина оказались такими глубокими, что ему не в силах было по-большевицки выйти из положения»[642]. В последних словах можно уловить разочарование не только в самом акте самоубийства, но и в том, что за ним возвышается непокоренная натура, твердое нежелание революционера, настоящего большевика поддаться на уговоры, уступить давлению и т. д.

Речь Косиора на упомянутом собрании имела «железобетонное» название: «За решительное проведение ленинской национальной политики в большевистской борьбе против националистических уклонов». Среди прочего он упомянул и о том, как в высших эшелонах республиканской власти целенаправленно и широкомасштабно проводилась работа по изоляции своего коллеги: «…Учитывая ошибки Скрыпника, мы всячески ограничивали его работу на теоретическом фронте – сняли его из Института марксизма, сняли с кафедры национального вопроса, обрезали целый ряд его начинаний, оградили от всякого участия в коминтерновских делах, но этого было недостаточно»[643].

После докладов Н. Н. Попова и С. В. Косиора собрание актива Харьковской областной партийной организации приняло специальную резолюцию. 17 июля 1933 г. эта резолюция была напечатана в «Известиях», а в большой редакционной статье, помещенной за ней, подчеркивалось, что такая резолюция стала образцом большевистского анализа корней и причин допущенных ошибок, образцом большевистской развернутой критики.

Сразу после собрания партактива Харьковщины, буквально на следующий день – 10 июля 1933 г. Политбюро ЦК КП(б)У решило провести аналогичные мероприятия и в других местах, утвердив повестку дня: «О националистических уклонах в рядах украинской парторганизации и о задачах борьбы с ними». Докладчиками были определены: в Одессе и Тирасполе – А. П. Любченко, в Киеве и Чернигове – Н. Н. Попов, в Днепропетровске – В. Я. Чубарь, в Сталино (Донецке) – В. П. Затонский, в Виннице – Н. Н. Киллерог[644].

Намеченное беспрекословно воплощалось в жизнь. Так, например, уже 12 июля в Киеве доклад, аналогичный харьковскому, в течение трех часов произносил перед тремя тысячами участников собрания Н. Н. Попов. Повторив, по сути, харьковскую резолюцию, киевские коммунисты добавили к ней пункты об особом значении борьбы именно в Киеве против

националистических уклонов (большое количество научных и учебных заведений, более высокий, нежели в других местах, удельный вес остатков различных националистических, контрреволюционных партий, организаций и т. п.).

Актив решительно осудил выступление Мыколенко (областной отдел Наркомпроса), «который свидетельствует, что т. Мыколенко не хочет разоружиться»[645]. 13 июля на собрании партактива Донбасса в г. Сталино доклад делал В. П. Затонский. Там же и в тот же день начался и съезд учителей-ударников начальных школ, на котором выступили А. А. Хвыля и В. П. Затонский.

Президиум съезда от имени участников прислал поздравление Совнаркому УССР (В. Я. Чубарю), ВУЦИК (Г. И. Петровскому), Наркомпросу РСФСР (А. С. Бубнову) и ГПУ (В. А. Балицкому). В обращении к последнему говорилось: «Беспощадному мечу пролетарской революции, разоблачающему и уничтожающему врагов трудящегося народа – шпионов, интервентов, петлюровцев, фашистов разных цветов, – органам ГПУ в Вашем лице посылает Всеукраинский съезд учителей-ударников свой пламенный большевистский привет»[646].

Вскоре появились и другие материалы о жизни и смерти выдающегося политического и государственного деятеля Николая Скрыпника. Специальную статью напечатал главный теоретический орган ЦК КП(б)У журнал «Большевик Украины». В ней приведены лапидарные биографические материалы о Скрыпнике до конца 1918 г. Вспомнив о том, что «последнее время тов. Скрыпник был членом ЦК ВКП(б), Политбюро ЦК КП(б)У и Исполкома Коминтерна» (даже не названо ни одной из его должностей с 1918 до 1933 г., кроме, конечно, наркома просвещения Украины), далее идет дословное воспроизведение документа, опубликованного 8 июля в «Правде». Правда, последний абзац из «Правды» был заменен на финальные слова из «Пролетария». И это тоже очень примечательно. Ведь в «Правде» речь шла именно об угрозе великодержавного шовинизма как главной опасности в национальном вопросе. Внесенное изменение «компенсировалось» упоминанием в другом абзаце «мягкой формулой» о необходимости борьбы большевиков Украины против «великодержавных российских элементов»[647].

Впрочем, было и небольшое, «оригинальное», «от себя» – то есть большевиков Украины, точнее редколлегии журнала «Большевик Украины», приложение. Вот оно.

«В своей теоретической работе Н. А. Скрыпник допустил грубые антиленинские, националистические ошибки.

Тов. Скрыпник чрезмерно раздувал значение национального

вопроса, предоставляя ему самодовлеющее значение, с чем связано требование “дополнительной схемы” к ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую на Украине, и националистические утверждения о “безбуржуазности украинской нации”.

Он смазывал роль Ленина и Сталина в разработке и развитии теории национального вопроса, “дополнял” ленинизм, что по сути представляло ревизию ленинизма в национальном вопросе.

Тов. Скрыпник борьбу на два фронта в осуществлении национальной политики партии заменил борьбой только против великодержавного русского шовинизма и уклона к нему, что играло на руку украинскому национализму.

Тов. Скрыпник затушевывал контрреволюционную роль Центральной Рады и приукрашивал украинские националистические партии. Он выдвинул и пропагандировал так называемую теорию “национал-большевизма”.

Тов. Скрыпник неправильно оценивал роль рабочего класса и партии в борьбе за правильное решение национального вопроса на Украине. Он трактовал задачу культурного строительства “как ничем не ограниченное национальное строительство”, обосновал принудительную украинизацию в школе – “теория” так называемого “смешанного наречия”; проводил националистическую установку в области терминологии и правописания, которая была ориентирована в направлении отрыва украинской советской культуры от культуры российских трудящихся масс и отстаивала ориентацию украинской культуры на буржуазную культуру капиталистических стран.

Эти националистические теоретические и политические ошибки тов. Скрыпника, которые льют воду на мельницу украинского национализма, неразрывно связаны с другими его грубейшими ошибками в вопросах стратегии и тактики партии, которые (ошибки) помогали троцкистам, правым оппортунистам в борьбе против ленинизма.

Грубые теоретические и политические ошибки тов. Скрыпника, которые по сути переросли в последнее время в определенный националистический уклон от ленинизма, сопровождались полной потерей большевистской бдительности и серьезными практическими ошибками тов. Скрыпника, как руководителя наркомпроса»[648].

Н. А. Скрыпнику инкриминировались не просто политические ошибки, а «грубые антиленинские националистические ошибки», чрезмерное раздувание национального вопроса (коммунисты ведь считают его важным, но не главным – производным от вопросов о классовой борьбе, власти рабочего класса, и эту тонкую грань

преодолевать нельзя, не рискуя впасть в национализм).

Упомянуто было о «смазывании роли Ленина и Сталина в разработке и развитии теории национального вопроса». Особенно стоило напомнить о Сталине, ведь в редакционной статье «Пролетария» как-то случилось, что о нем «забыли». Однако времена были уже «не те», подобная «забывчивость» могла дорого стоить, и поэтому спешили застраховаться.

Собственно, в документе что ни слово, то самый страшный криминал, которого вполне хватило бы на самые радикальные «оргвыводы». Отметить стоит разве что два момента (больше потому, что они просто не встречались в предыдущих документах). Николай Скрыпник, кроме всего, обвинялся еще и в том, что «выдвинул и пропагандировал так называемую теорию национал-большевизма», а его «грубейшие теоретические и политические ошибки» «по сути переросли, в последнее время, в определенный националистический уклон от ленинизма».

Николая Алексеевича не было в живых, а его дело обрастало такими новыми элементами, с каждым днем так «утяжелялось», что уже имело за собой собственную теорию и «тянуло» на целый уклон.

Понятно, те «сгустки» мыслей-оценок из «Большевика Украины» бросились «разжевывать», растолковывать, популяризировать в отдельных тематических выступлениях, публикациях. Вместе с упомянутой уже статьей А. А. Хвыли «На борьбу с национализмом на языковом фронте» в том же, седьмом, номере журнала «За марксо-ленинскую критику» появилась статья С. Щупака «Против национализма в литературе», а в десятом номере – материал Л. М. Кагановича «Языковая “теория” украинского национализма». Такого же направления многочисленные статьи и материалы печатались в философских, исторических, всех общественно-политических журналах. Так, в статье Трублаевича «За большевистскую бдительность на фронте советского строительства» в дополнение к другим грехам Н. А. Скрыпника автор усмотрел и такой: «Отстаивания т. Скрыпником обязательного присоединения к УССР территорий РСФСР со смешанным населением обосновывали по сути линию на принудительную украинизацию в этих местностях. Проводимая на практике линия превратилась в оружие в руках кулацких националистических элементов Центрально-Черноземной области, на Северном Кавказе для борьбы против партии и Соввласти.

…Рядом с этим грубым искажением теории советского строительства т. Скрыпник и его школка протаскивали в своих выступлениях антиленинское понимание права»[649]. Автор

доказывал, что Скрыпник не только отошел от ленинских установок, но и скатился на позиции буржуазных теоретиков.

В огромной статье Шермана «Против националистических извращений в освещении истории и задач строительства вооруженных сил на Украине» читателей пытались убедить в том, что Скрыпник сфальсифицировал историю создания Красной гвардии, Червонного казачества в националистическом ключе, «пришел к отрицанию интернационального характера Красной Армии, о чем говорил т. Сталин», призывал к «украинизации армии»[650].

Обнародовались и публикации более общего, «синтетического» и политического, характера вроде статьи Б. Коваленко «Ошибка националистического уклона Скрыпника» («Жизнь и революция», 1933, № 10) или статьи И. Жигалева «Скрыпник против СССР» («Советская Украина», 1934, № 1). Впрочем, подобного содержания выступления стали чуть ли не «правилом хорошего тона» всех партийных и государственных деятелей Украины. Нет никакой необходимости ни их перечислять, ни анализировать – в них не рассматривали, изучали, исследовали мысли, дела авторитетного партийно-государственного и научного деятеля, академика. В них его лишь разоблачали, позорили, осуждали. А он от этого не становился ни более уязвимым, ни менее угрожающим для тоталитарной системы. И далее оставаясь фактором общественного сознания, общественной жизни, более того, приобретая через нарастающее внимание к себе еще большую популярность, Н. А. Скрыпник вроде бы не просто зажил новой жизнью, а продолжал борьбу и, похоже, не собирался ее проигрывать. Это вызывало новые приступы раздражения, и вал критики только продолжал нарастать.

Апофеозом позорной кампании безосновательных обвинений Николая Алексеевича Скрыпника, искажений всего его жизненного пути стал ноябрьский (1933 г.) объединенный пленум ЦК и ЦКК КП(б)У. Вторым пунктом повестки дня пленума был вопрос «Итоги и ближайшие задачи проведения национальной политики на Украине» (докладчик – С. В. Косиор), но уже при рассмотрении первого вопроса («Об итогах 1933 сельскохозяйственного года») П. П. Постышев задал тон последующему обсуждению. Остановившись на мероприятиях ЦК КП(б)У по преодолению «отставания» сельского хозяйства Украины и мобилизации республиканской партийной организации, второй секретарь Центрального комитета выделил три направления: «разоблачили допущенные ошибки», «организовали чистку рядов КП(б)У от классово враждебных,

петлюровских, махновских, белогвардейских элементов…» и «нанесли ряд сокрушительных ударов по националистическим, петлюровским элементам, засевшим на разных участках социалистического строительства и особенно строительства украинской социалистической культуры». Остановившись подробнее на последнем направлении, Постышев отметил: «Здесь

исключительной важности имело разоблачение и разгром националистического уклона Скрыпника, уклона, смыкавшегося с империалистическими интервентами фашистской Германии и панской Польши, которые пытаются оторвать Украину от Советского Союза»[651].

Такие же оценки, но подробнее «аргументированные», содержались и в докладе С. В. Косиора, в обсуждении которого приняли участие 17 человек. С болью и ужасом читаются страницы стенограммы, в частности выступления А. А. Хвыли и А. Г. Шлихтера, Н. Н. Попова и В. П. Затонского, П. П. Постышева и В. Я. Чубаря, А. П. Любченко и Н. Н. Киллерога, многих других известных деятелей КП(б)У. Правда, не все выступления были похожи друг на друга, как две капли воды. Крайним экстремизмом отмечались речи Хвыли и Шлихтера, позиция которых по отношению к Н. А. Скрипнику вызвала даже определенное неприятие и отрицание. В частности – М. М. Хатаевич эмоционально заявил: «Нельзя же все и вся вплоть до своих собственных ошибок – взваливать на покойного Скрыпника…»[652] Не произвело впечатления даже то, что почти в начале обсуждения Попов ознакомил присутствующих с важной информацией: «…В политическом редактировании тех тезисов, которые розданы вам, приняли участие тт. Сталин, Каганович и другие члены Политбюро ЦК ВКП(б)»[653]. Однако, несмотря даже на такое откровенное давление, четверо из выступающих – К. С. Тараненко, В. И. Порайко, Я. М. Дудник и Л. С. Дегтярев – уклонились от участия в общем погроме, потому что даже не упоминали в выступлениях имени наркома просвещения. В тех обстоятельствах это было актом незаурядного мужества.

Ноябрьский (1933 г.) пленум ЦК и ЦКК КП(б)У принял специальную резолюцию о национальном уклоне Н. А. Скрыпника. Ошибки Николая Алексеевича выводились еще со времени образования СССР. «Коммунистическая партия (большевиков) Украины и ее ЦК, – отмечалось в документе, – несколько лет назад победоносно разгромили шумскизм, за последнее время благодаря ослаблению большевистской борьбы с украинским национализмом проглядели оформление нового националистического уклона в рядах партии, возглавляемого Н. А. Скрыпником.

Еще в 1923 году при обсуждении вопроса об объединении советских республик в союзное государство Скрыпник под давлением националистических элементов допустил грубейшую ошибку, высказавшись против создания единого союзного государства с единой внешней политикой и т. п. Тогда же Скрыпник пытался подменить борьбу на два фронта против великодержавного (русского) и местного шовинизма борьбой только против великодержавного шовинизма, что означало прямую поддержку украинскому националистическому уклону. Уже тогда украинские националисты начали окружать Скрыпника и пытаться противопоставлять его линию линии партии»[654].

Далее повторяются положения других тогдашних документов, якобы последние годы в обстановке бешеного сопротивления остатков капиталистических элементов победному социалистическому наступлению, под прямым воздействием этих элементов, ошибки Скрыпника «выросли в целую систему национал-оппортунисти-ческих взглядов», из которых вытекало примиренчество к украинскому национализму, «превратившееся в прямое смыкание с ним»[655]. Позиция Скрыпника стала отражением недовольства отживающих классов Украины диктатурой пролетариата. Эта позиция объективно означала призыв дистанцироваться от СССР, строящегося социализма, и повернуться лицом к Галиции, где украинский народ угнетают и эксплуатируют помещики и капиталисты.

Затем в документе утверждается, что к ушедшему из жизни партийно-советскому деятелю и возглавляемой им группе национал-уклонистов целиком и полностью относятся сказанные на XVI партийном съезде слова И. В. Сталина о сущности уклона к местному, в данном случае – украинскому национализму: «Суть уклона к местному национализму состоит в стремлении обособиться и замкнуться в рамках своей национальной скорлупы, в стремлении затушевать классовые противоречия внутри своей нации, в стремлении защититься от великорусского шовинизма путем отхода от общего потока социалистического строительства, в стремлении не видеть того, что сближает и соединяет трудящиеся массы национальностей СССР, и видеть лишь то, что может их отдалить друг от друга.

Уклон к местному национализму отражает собой недовольство отживающих классов ранее угнетенных наций режимом диктатуры пролетариата, их стремление обособиться в свое национальное государство и установить там свое классовое господство.

Опасность этого уклона состоит в том, что он культивирует буржуазный национализм, ослабляет единство трудящихся

народов СССР и играет на руку интервенционистам»[656].

В резолюции пленума также утверждалось: если для партии национальная политика всегда была орудием интернационализма, конечной целью которой является установление коммунизма и слияние всех национальностей, то Н. А. Скрыпник, отходя в национальном вопросе от ленинизма, за последние годы стал скатываться на позицию украинских националистов, пытавшихся использовать ленинскую национальную политику в интересах украинского национализма, для подчинения Украины иностранным капиталистам и помещикам.

А отсюда якобы вытекала линия Скрыпника и возглавляемого им националистичного уклона на ослабление хозяйственных, государственных и культурных связей с другими советскими республиками, на ослабление Советского Союза, на максимальный отрыв украинского языка от русского, на замену похожих с русскими слов в украинском языке польскими, чешскими, немецкими, на укрепление тенденции к проведению принудительной украинизации в школе.

Документ завершался словами: «Националистический уклон Скрыпника и возглавляемого им течения облегчал работу украинских националистов, направленную на отрыв Украины от Советского Союза и превращение ее в колонию польского фашизма или немецкого империализма, облегчал работу русских белогвардейцев и иностранных интервентов, которые также, стремясь к отрыву Украины от Советского Союза, хотят нанести удар экономической и политической мощи Союза – международного центра пролетарской революции»[657].

В оперативном порядке, еще до конца 1933 г. Партиздат Украины выпустил на украинском языке брошюру с материалами для докладчиков и пропагандистов «Об итогах объединенного пленума ЦК и ЦКК КП(б)У 18–22 ноября 1933 г.» (64 с.). В издании был специально выделен раздел «О националистическом уклоне Скрыпника и возглавляемом им течении». Кроме материалов пленума использовались отдельные тенденциозно подобранные факты, цитаты из высказываний бывшего наркома просвещения, из творческого наследия В. И. Ленина, из зарубежных изданий, отреагировавших на смерть Н. А. Скрыпника[658].

Вопроса об «уклоне» Скрыпника так или иначе касались почти все выступавшие на VI сессии ВУЦИК XII созыва (20–25 декабря 1933 г.) и многие на IV сессии ЦИК СССР VI созыва (2 декабря 1933 – 2 января 1934 г.).

Чтобы поставить «последнюю точку» над вопросом об уклоне

Скрыпника, его вынесли на XII съезд КП(б)У (18–25 января 1934 г.) и дважды возвращались к нему в резолюциях.

Во-первых, была найдена новая формула (действительно – «совершенству нет границ»): на Украине главная опасность – украинский национализм, а в масштабах всего СССР и ВКП(б) – русский великодержавный шовинизм: «Под руководством ЦК и товарища Сталина КП(б)У разгромила националистические контрреволюционные организации, которые пытались оторвать Украину от Советского Союза, разоблачила и разгромила новый националистический уклон, который возглавлялся Скрыпником, уклон, который облегчал и помогал деятельности контрреволюционных националистов, который прямо с ними смыкался. КП(б)У провела огромную работу по очистке партийных и советских организаций от двурушников, провокаторов, агентов интервентов, обеспечила решительное усиление большевистского партийного руководства процессом строительства украинской социалистической культуры, мобилизовала всю партийную организацию на борьбу с украинским национализмом – главной опасностью на Украине, не прекращая и не ослабляя борьбы против русского великодержавного национализма – главной опасности в масштабе всего Советского Союза и всей ВКП(б)»[659].

Во втором случае самокритично признавалось несвоевременное реагирование на проявления враждебных течений, на формирование уклона Н. А. Скрыпника и содержалось предостережение, что, несмотря на очевидные достижения в разгроме национализма, возможны новые всплески борьбы: «Решения XVI съезда и указания товарища Сталина сигнализировали партии о росте националистических уклонов в результате обострения классовой борьбы в связи с наступлением социализма по всему фронту и призвали партию к усилению борьбы с этими уклонами. Однако КП(б)У и ЦК КП(б)У не сделали для себя своевременно все выводы из указаний товарища Сталина в национальном вопросе на XVI съезде, не повысили большевистской бдительности в своих рядах, не проверили кадры на всех участках социалистического строительства, хотя КП(б)У имела несколько достаточно серьезных сигналов со стороны активизирующейся националистической контрреволюции (процесс СВУ, дело «Украинского национального центра»). ЦК КП(б)У проглядел возникновение и оформление нового националистического уклона Скрыпника, игравшего на руку империалистическим интервентам.

Решение ЦК ВКП(б) от 14 декабря и 24 января мобилизовали КП(б)У на борьбу за исправление ошибок в осуществлении

национальной политики партии на Украине. Своевременное и правильное выступление товарища Постышева на июньском пленуме ЦК КП(б) У явилось толчком к развернутому разоблачению националистического уклона Скрыпника.

1933 год стал годом разгрома националистической контрреволюции, разоблачения и разгрома националистического уклона во главе со Скрыпником. Съезд отмечает огромную работу органов ГПУ Украины в разгроме националистических контрреволюционных элементов»[660].

Наконец, делу Н. А. Скрыпника решили придать и союзный масштаб, звучание. В январе 1934 г. в отчетном докладе XVII съезду ВКП(б) об Украине и о «грехопадении» Скрыпника, как проявлении закономерности, упомянул И. В. Сталин. «Спорят, – говорил он, – о том, какой уклон представляет главную опасность, уклон к великорусскому национализму или уклон к местному национализму?.. Главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дали таким образом разрастись до государственной опасности *(продолжительные аплодисменты)*.

На Украине еще совсем недавно уклон к украинскому национализму не представлял главной опасности, но когда перестали с ним бороться и дали ему разрастись до того, что он сомкнулся с интервенционистами, этот уклон стал главной опасностью»[661].

Своеобразным отражением отношения коммунистического аппарата, партийно-советского актива к Н. А. Скрыпнику, своеобразным «сводом» оценок тогдашних форумов стала огромная по объему статья К. Сизонова в номерах «Известий ВУЦИК» от 9 и 16 января и 15 февраля 1934 г. Автор назвал свой материал-обвинение «Националистические извращения Скрыпника в вопросах пролетарской диктатуры».

Если верить Сизонову, то Николай Алексеевич почти всю жизнь, по крайней мере в послеоктябрьское время, только и делал, что искажал марксистское учение о классовой борьбе, фальсифицировал ленинизм, высказывания Сталина, оправдывал украинский буржуазный национализм, действовал в интересах и по указанию последнего, стремился всячески подорвать коммунистическую, интернационалистскую идеологию, пытался нанести удар по пролетарскому единству, пробовал ослабить могущество СССР и т. д. и т. п.

Неясно только, как такого «врага» терпели до 1933 г. на самых высоких партийных и государственных постах в УССР.

Интересно, что главные антискрыпниковские газетные выступления были собраны в итоговый материал «Вина (Провини)

Скрыпника» (на основе публикаций газеты «Известия» («Вісті») за 1933–1934 гг.). Возможно, планировалось опубликовать отдельную статью. Но кто был автором проведенной работы и увидела ли она свет – неизвестно. Рукопись же объемом около трех печатных листов попала в «Коллекцию документальных материалов украинских эмигрантских националистических учреждений, организаций и лиц» и хранится в фондах Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины[662].

* * *

Против Николая Алексеевича Скрыпника боролись не только «словом». Пытались создать физические трудности для его семьи, стремясь сделать их непреодолимыми. Так, 14 июля 1938 г. СНК УССР принял решение отменить правительственное постановление, принятое еще 10 июля 1933 г., о назначении пенсии семье опального большевика[663].

А еще больше стремились искоренить «следы» деятельности Николая Алексеевича, уничтожить его наследие. И что самое первоочередное и самое важное – закрыть все кафедры по национальному вопросу. Что бы там ни говорилось, но это настоящее достояние не только лично Скрыпника, но и Украины. Подобного феноменального опыта, такого масштабного и разностороннего опыта по созданию и функционированию научных центров по изучению национального вопроса и усилий по воплощению в практику теоретических наработок (лаборатория же оказалась огромная – многонациональная Украина) мировая история не знала до того, не знала и в последующем. Сам по себе замысел был, бесспорно, многообещающим, перспективным, универсальным. В какой-то степени возвращением к скрыпниковским идеям стало создание во времена горбачевской перестройки (едва ли не самым примечательным, возможно, просто первым масштабным признаком которой стало обострение национального вопроса) отделов и секторов теории и истории национальных отношений в системе Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – и в главном институте, и во всех его филиалах – институтах истории партии при ЦК Компартий союзных республик. Начался процесс создания соответствующих кафедр в вузах. В момент обретения независимости эволюция их развития в Украине привела к трансформациям в центры украиноведения, народоведения.

В условиях антиукраинской кампании обреченным на отмену

сразу оказалось скрыпниковское правописание. Ему на смену в том же 1933 г. начали вводить языковые правила, выработанные под руководством А. А. Хвыли. В упомянутой выше статье «Искоренить, уничтожить националистическое корни на языковом фронте» (еще раз напомним, что она появилась в одном номере с некрологом Н. Скрыпника) автор уже отчитывался об «успехах» в борьбе против «вредительства» в этой области: «На протяжении мая и июня Наркомпрос Украины развернул работу по делу ликвидации националистического засорения языкового фронта Украины.

В вопросах терминологии, грамматики, украинского правописания проведена работа в направлении ликвидации всего вредительства на языковом фронте.

В вопросах терминологии – начат просмотр всех словарей с тем, чтобы выбросить из словарного материала все буржуазно-националистические засоренности и провести определенную унификацию научно-технической терминологии на ту, которая существует в нашем Советском Союзе, понятна для широких украинских трудящихся масс.

Уже проведена такая унификация по химической, физической, математической, географической терминологии.

Из словарей выброшен вредный националистический материал. Ликвидированы вымышленные националистическими элементами искусственные термины.

В грамматике ликвидированы все искусственные, националистические формы, которые оттягивали создание украинского языка назад на целые столетия. Делая это, националистические элементы хотели отвлечь развитие украинского языка от задач социалистического строительства.

В украинском правописании в III разделе “правописания чужих слов” ликвидировано правило об употреблении смягченного “л”, если это не происходит из природы самого языка.

Для определения двух звуков “г”, имеющихся в украинском языке, – признано нужным оставить одну букву “г”.

Ликвидированы архаичные формы и провинциализм.

Ликвидированы параллельные формы. В “Украинское правописание” внесены исправления, замены по линии устранения всех искусственных правил, которые были направлены на то, чтобы повернуть развитие украинского языка в сторону польской буржуазной культуры.

Кроме того, нужно полностью изменить подавляющее большинство литературных иллюстраций, так как в правописании, одобренном т. Скрыпником, есть ряд

литературных иллюстраций националистически-кулацкого сорта»[664].

Что же, то, что в «Скрыпниковом правописании» оказалось искусственным, нежизненным (а это действительно имело место), отошло в небытие. Однако то искусственное и насильно навязываемое, что следовало из бюрократических инструкций А. А. Хвыли и его последователей (такая практика продолжалась вплоть до второй половины 80-х годов) воспринималось с внутренним сопротивлением. Народные истоки, литературное богатство украинского языка не под силу было исказить, уничтожить. И когда сегодня в условиях осуществившейся затяжной языковой реформы, дискуссий вокруг нее идет борьба за очищение языка от неестественных наслоений, приходится констатировать, что получаемый результат часто близок к «скрыпниковскому». И это не удивительно. Под руководством тогдашнего наркома просвещения была выработана научная методология языкотворчества, правил правописания, оказавшихся действенными, эффективными не только на каком-то определенном этапе, а несет в себе заряд исторической традиции и надежной исторической перспективы.

Начало кампании против Н. А. Скрыпника, естественно, стало началом кампании и против всех кадров, которые росли под его руководством, которые он лелеял, в случае необходимости подвергал авторитетной защите. Пожалуй, справедливым будет предположить, что если бы не было Николая Скрыпника, то украинизация, национальное возрождение все равно были обречены и все равно была бы найдена жертва – символ, с которым связали бы последующие репрессии (в этом убеждает и опыт других республик – об оригинальности, разнообразии сценариев не слишком беспокоились). Однако Николай Алексеевич оказался очень уж удобным – вокруг него была сконцентрирована вся духовная, культурная, научная, образовательная жизнь в республике. И потому связь с ним можно было инкриминировать вообще практически кому угодно. Дело осталось за малым – за выбором.

В течение только 1933 г. из аппарата Наркомата просвещения было «вычищено» 200 «националистических, враждебных элементов», а в областных управлениях народного просвещения по политическим мотивам заменено 100 % руководства, в районных – 90 %. Все они были подвергнуты различным формам репрессий. 4000 учителей были освобождены из школ Украины, как «классово враждебные элементы». Значительно расширялась сеть русских школ и классов[665].

Принятие нового «украинского правописания» (вместо

утвержденного в 1928 г.) сопровождалось поисками националистов в Институте украинского языка при ВУАН. Серьезно пострадала и сама академия, поскольку Н. А. Скрыпник был секретарем ее фракции, и Всеукраинская ассоциация марксистско-ленинских институтов (ВУАМЛИН). 14 января 1934 г. на собрании партийной организации ВУАМЛИН выступил все тот же П. П. Постышев, который призвал к «очищению» всех научных «фронтов» (философского, экономического и др.) от представителей «украинского национал-фашизма». И такое «очищение» активно осуществлялось[666].

Поскольку Наркомат просвещения занимался также развитием культуры, искусства, литературы, не трудно было догадаться, что репрессии коснутся и этого «фронта». Уже начало 1933 г. ознаменовалось первыми арестами среди писателей, художников. Эти аресты значительно участились после самоубийства Н. А. Скрыпника[667].

Печальный процент олицетворявших «расстрелянное возрождение» в Украине оказался особенно высоким (хотя в обращении к «сравнительному методу» в такой сфере нельзя избавиться от слишком неприятного «привкуса» кощунства). Однако, насколько бы массовыми ни оказались репрессии в отношении украинской интеллигенции (ученых, художников, литераторов), они не могли истребить тех корней, которые проросли из животворного зерна, из национальных традиций, национальной свободы, национального достоинства, национального оптимизма.

Клеймо «врагов народа», всевозможные запреты, попытки вытравить из памяти нации имена своих преданных сыновей оказались бессильными перед естественным развитием национального организма, получавшего питание для своего существования именно из упомянутых корней, накапливавшего силы, чтобы, наконец, взорваться весенним буйством национального творчества, огромным духовным взлетом.

Оставалась еще одна сфера, где Н. А. Скрыпник был страшен для врагов – потому непобедим. Это его наследие, его произведения.

И здесь искали способы его изоляции. Ничего оригинального со времен борьбы с еретиками не нашли (возможно, не особенно над тем и бились) и использовали старый, однако опробованный рецепт – запретить их использование.

Уже через две недели после смерти Николая Алексеевича Политбюро ЦК КП(б)У создало специальную комиссию, которая разобрала, описала архив человека, у которого, как нетрудно предположить, был просто огромный массив различных

документов, рукописей, писем[668]. После соответствующего доклада ЦК архив бесследно исчез.

Оставались многочисленные печатные труды. И здесь нашли выход. В протоколе заседания Политбюро ЦК КП(б)У от 27 марта 1934 г. (№ 5) указано: «45. Об изъятии произведений Н. А. Скрыпника.

1. Изъять произведения Н. А. Скрыпника из массовых библиотек, оставив их только в фондах библиотек для нужд научной работы.

2. Изъять произведения Н. А. Скрыпника из всех книжных магазинов и запретить в дальнейшем продажу этих произведений.

3. Выполнение этого возлагается на нач. Главлита тов. Ткача. Срок исполнения – 15 июня 1934 года»[669].

Однако произведения Николая Скрыпника, неоспоримого авторитета в политике, талантливого популяризатора линии Коммунистической партии и Советского государства, глубокого ученого и яркого публициста, личности, ставшей своеобразным символом эпохи, хранились не только в государственных учреждениях и книгохранилищах. Они были достаточно распространены среди населения, входили в индивидуальные библиотеки. И далеко не все спешили с ними побыстрее расстаться. Кто-то продолжил верить своему кумиру и, вопреки всему, считал его публикации особой ценностью. Кто-то, не очень или не во всем доверяя официальной пропаганде, переставил их на полках за другие (незапрещенные) издания (пусть, мол, до времени постоят – уничтожить всегда можно). А кто-то проявлял интерес к произведениям опального автора именно потому, что их запретили (а запретный плод, как известно, всегда сладок). Одним словом, часть наследия Николая Алексеевича все равно жила, и у тех, кто до нее дотрагивался, будила мысли, заставляла задумываться над сложными жизненными проблемами, в том числе и над судьбой самого Скрыпника.

Часть работ Н. А. Скрыпника нельзя было изъять из комплектов периодических изданий, из архивных фондов (хотя доступ, естественно, был существенно ограничен). Небольшое число произведений выдающегося политического деятеля было перемещено в специальные фонды библиотек с особым режимом хранения и пользования.

Отчасти стремление к преодолению запретов на доступ к наследию Николая Алексеевича побуждала сама Коммунистическая партия. Скажем, потребность в подготовке сборников документов и материалов, исследований по истории Компартии Украины (тематических и обобщающих) заставляла специалистов изучать стенограммы съездов, конференций,

пленумов ЦК. И здесь каждый раз аналитики наталкивались на доклады, речи, выступления Н. А. Скрыпника (его неугомонный темперамент, достойная удивления активность обусловили огромный объем такого рода информации). Попадая часто в непростую ситуацию, когда осветить предмет рассмотрения было просто невозможно без воссоздания позиций авторитетного исторического деятеля (например, на Таганрогском совещании, на I съезде КП(б)У), историки вынуждены были даже проводить дискуссии по поводу того, какими были взгляды Николая Алексеевича по целому ряду принципиальных моментов (кроме упомянутых, также и о создании СССР, о границах суверенитета союзных республик, сущности национал-коммунизма, политики «украинизации» и т. п.).

То есть вопреки всему произведения Н. А. Скрыпника все же жили и действенно влияли на общественное мнение, сознание, общественную мораль.

линских убеждений и находится в связи с национальным движением, которое стремится к отрыву Украины от влияния Москвы. Постышев заявил, что Скрыпник сознательно или бессознательно работал на пользу чужих разведчиков и саботажников и потому заслуживает, чтобы партия “дала ему хорошую чистку” (наверное, имеется ввиду критику или взбучку. – *В. С.)*. Скрыпник заступался за крестьянство, обращая внимание на то, чтобы с ним обходились с большим милосердием, но центральная власть встала на сторону Постышева и потребовала, чтобы Скрыпник публично признался в своей ереси и просил прощения покаянным письмом, так как это сделали Зиновьев и Каменев. Скрыпник, видимо, отказался это сделать»[670].

В таком же примерно ключе преподнесла весть о смерти Н. А. Скрыпника в статье под заголовком «Самоубийство большевистского лидера» и газета «Дейли Телеграф»[671].

Но особенной болью смерть Николая Алексеевича отозвалась в сердце сознательных украинцев, которых безжалостная судьба обильно разбросала по миру.

…Сведения о харьковском выстреле дошли и до Приморских Альп во Франции, где проживал Владимир Винниченко. Отношения двух выдающихся государственных деятелей однозначно охарактеризовать невозможно, ведь их спектр оказался довольно широк: от взаимоуважения к интеллекту, творческим способностям и достижениям до идеологического, политического, даже военного противостояния и борьбы, когда судьбой было суждено, чтобы они в одно и то же время возглавляли различные правительства одной и той же Украины.

Уже 10 июля 1933 г. В. К. Винниченко записал в своем «Дневнике»: «…Известие о самоубийстве Скрыпника. Объяснение “Посл. Новостей” (по советской прессе, очевидно) Скрыпник отнял у себя жизнь из-за того, что не имел силы и мужества стать на товарищеский суд за те ошибки в национальной работе, которые он допустил. Газета от себя, очевидно, добавляет, что против Скрыпника проводилась “травля” все последнее время. – В чем именно причина такого акта? – В любом случае эта смерть вызывает и должна вызывать немало мыслей и выводов, которые должны войти в состав акта обвинения тех, кто так легко убивает таких ценных людей. Я не говорю уже о чувстве большой печали и угнетения, которые тоже добавляют своего» (факсимильное воспроизведение страницы приводится в книге И. Кошеливца).

Очевидно, смерть Николая Скрыпника так повлияла на писателя, что он именно в те дни решил назвать отдельные от дневника, особенно интимные заметки, относящиеся к трагическому для Украины 1933 г., «Мыслями о себе на том свете»[672]. «Мои рассуждения, – отмечает украинский эмигрант, – не предназначаются для агитации или для создания какого-то у кого-то мнения»[673].

Винниченко пытается выяснить для себя, почему, как и после смерти Н. Г. Хвылевого, случившейся совсем недавно – 13 мая 1933 г., вчерашние товарищи провожают в последний путь усопшего упреками и ругательствами: «Почему так? Почему упреки в малодушии, почему ругательства, а не выражения сожаления, скорби по умершим товарищам, по утерянным для жизни ценностям, за выбывшими работниками для “строительства социализма”? Почему так? Ну, пусть люди обнаружили слабость духа, не выдержали какого-то давления жизни и отобрали у себя жизнь. Неужели за это надо ругать своих товарищей? Не пожалеть, не вдуматься, из-за чего именно это произошло?

Тут эти недобрые товарищи и выдают сами себя. Этими упреками и ругательствами они разоблачают, где именно лежит причина самоубийства тех “малодушных”. Когда они сердятся и ругаются, значит, вина в них самих за эти смерти, вина в тех условиях и обстановке жизни, в которых довелось быть умершим. Дело, очевидно, не в малодушии, а в невозможности поступить иначе в тех условиях»[674].

Не имея доступа к достоверной информации, Винниченко прибегает к чисто логическим соображениям. Он выражает абсолютное убеждение, что Н. А. Скрыпник не мог уйти из жизни, не объяснив в предсмертном письме своего последнего поступка. Однако никаких официальных сообщений о том нет. «Что же

такое могло быть в письме, что надо прятать от товарищей покойного, от общества, от истории? – задается вопросом писатель и тут же дает ответ-предположение. – Очевидно то, на чем разошлись в последнее время Скрыпник и эти его товарищи. Из официальных высказываний самих этих товарищей известно, что различия у них были на почве национальной политики. За эту нацполитику Скрыпника товарищи его свергли с должности наркома просвещения, то есть главного реализатора, двигателя этой политики в массах, его за нее публично ругали, высмеивали, насмехались. Мы читали эти публичные насмешки Постышева, посланца Москвы, читали его угрозы “погладить спину тов. Скрыпнику” за которой, мол, прятались классовые враги пролетариата («петлюровцы»). Все это известно всем, и здесь ни догадываться, ни рассуждать нечего. Различие целиком очевидно. В сообщении и объяснении смерти Скрыпника товарищи его, центральные комитеты ВКП и КП(б)У, говорят, что причиной самоубийства было малодушие Скрыпника. Традиционное трафаретное избитое малодушие. А к этому чрезвычайно тупое и глупое сообщение: в чем то малодушие? Чего не выдержал Скрыпник? С чем не боролся? От чего сбежал “малодушно”? Никакого ответа нет на такие и подобные им вопросы. И из этого логика дальше делает вывод: Скрыпник лишил себя жизни на почве расхождения в национальной политике»[675].

Мысленно опровергая различные слухи (о «будущем суде» – разве Н. Скрыпника еще не судили на пленумах ЦК, заседаниях Политбюро? – о том, что Н. Скрыпник не захотел предстать перед партией, прежде всего перед ее «непогрешимым вождем» и публично покаяться в том, в чем не виноват, – если не желал унижения, мог надеяться на самое вероятное тогда наказание – ссылку и т. п.), писатель-эмигрант заключал: «Скрыпник лишил себя жизни, во-первых: 1) для того, чтобы обратить внимание властителей-товарищей на опасность для коммунизма от того направления нацполитики, которое они принимают. 2) Чтобы своей смертью закричать против грубости, дурноляпства, наглости, лицемерия, непоследовательности и руководства “в новом курсе нацполитики”. 3) Чтобы своей смертью дать лозунг другим товарищам, которые хотят быть честными, искренними, последовательными коммунистами, чтобы доказать им, что его политика не была ошибочна, не была в интересах его амбиции, или выгод, или иных личных или национальных целей. Ибо какой аргумент может быть убедительнее смерти? Ссылка, или высылка или тюрьма, или даже расстрел – все это не то, все это попахивает какой-то виной, ошибкой, неправильностью Скрыпника и наказанием за это (хотя бы он ни сном, ни духом, ни на йоту не

был виноват). Он должен был бы ждать удобного случая (может, десятки лет), чтобы доказать, что той вины за ним не было, что наказание ему было наброшено за ошибку других. Разумеется, он этого не мог допустить, когда он, действительно, горячо, стойко, всем существом верил в правильность своего действия, особенно в нужность, полезность, спасительность его действий для коммунистического дела, когда он видел угрожающий вред той политики, которую проводили власть предержащие. Он иначе и не мог сделать, когда так верил. Он должен был выбрать такой способ убеждения, такое средство доказательства и пропаганды, который бы обратил на себя внимание, который отобрал бы у противников возможность дискредитации его какими-то личными интересами Скрыпника, какими-то другими, кроме интересов коммунизма, интересами. И такой способ был единственным в его обстоятельствах: самоубийство, самоубийство как крик, как предостережение, как демонстрация, как лозунг, как завещание»[676].

Пожалуй, тонкий аналитик, не раз в своих художественных творениях переживавший самые различные душевные состояния героев, не только понял логику поступка Скрыпника, но и принимал, оправдывал ее, высказывал убеждение: «…Эта смерть, как демонстрация, как лозунг, как завещание, как целая программа, не останется не прочувствованной украинцами (даже из ВКП(б) или КП(б)У), и здесь не может быть двух мнений. Украинцы не объяснят эту смерть малодушием, за это можно поручиться. Конечно, каждое общественное течение будет на свое колесо тянуть всю энергию этого подвига, но, надо полагать, Скрыпник не оставил эту смерть без придания надлежащего и желаемого ему направления этой энергии. Не для того он избрал такой тяжкий и трагический способ доказательства своей правоты, чтобы его социальные противники могли ее исказить на пользу себе. Но об этом, пожалуй, я все же когда-нибудь узнаю. А пока что… могу сказать Скрыпнику: “Честь и слава тебе, друг, за честность с собой, за твердость, за последовательность?”»[677].

Особого внимания здесь заслуживают употребленные талантливейшим писателем слова «честность с собой», которые были жизненным императивом самого В. К. Винниченко. Распространив его применимость, да еще в форме восторга, на Николая Алексеевича, один выдающийся украинец отдал должное другому выдающемуся украинцу.

В то же время самоубийство Н. А. Скрыпника стало для В. К. Винниченко, так сказать, «знаковым событием», переломным рубежом, после которого начинают реализоваться качественно новые тенденции в общественной жизни Украины.

Глубокий мыслитель, политик и художник много и больно анализировал все процессы, происходившие в Украине после смерти Н. А. Скрыпника. 15 сентября 1933 г. он направил в Политбюро ЦК КП(б)У («копия – Политбюро ЦК ВКП(б) – т. Сталину») достаточно пространное письмо. Его лейтмотив – в Украине осуществляется антиукраинская политика. Основная аргументация сводится к тому, что на его, Винниченко, многочисленные просьбы разрешить вернуться в Украину и в любом качестве, на любом посту участвовать в социалистическом строительстве, в приближении общества к коммунистической цели – он неизменно получал отказы, в том числе через сфабрикованные в эмиграции фальшивые документы, или наталкивался на молчаливое пренебрежение к его обращениям. Единственной причиной такого отношения писатель-патриот считал, что он – украинец по происхождению, по самосознанию, по мировоззрению, и это, очевидно, входило в существенное противоречие с курсом той национальной политики, которую проводили коммунисты (Москвы и Харькова) в Украине. Считая и себя коммунистом по убеждениям и смыслу жизни, В. К. Винниченко полагал, что русские большевики по многим причинам не могут преодолеть в себе великодержавных инстинктов и предпочтений, что и является единственным моментом, который вызвал его расхождения с Советской властью, вынуждая занять оппозиционную платформу. Думая, что в последнее время произошел отход от такой неверной политики, и связывая это с деятельностью И. В. Сталина, в «туманные обещания» которого он верил с 1920 г., Винниченко подчеркивал, что последний пункт расхождений с позициями ВКП(б) и КП(б)У изжит, а потому его зачисление советской официальной пропагандой в разряд врагов вместе с контрреволюционерами и интервенционистами квалифицировал глубоко ошибочным.

Наконец, писал В. К. Винниченко, ему запрещается приносить пользу делу коммунизма публикацией его литературных произведений, особенно последней книги «Счастье», в которой с философских позиций раскрывается коммунистическая идеология и политика. Писатель напоминал, что выслал рукопись на имя тогдашнего наркома просвещения УССР Н. А. Скрыпника с готовностью внести в нее правки после компетентной апробации. Однако Скрыпник «в ответ на мои многочисленные письма через много месяцев высылки ему книги и молчания ответил мне, что он лично считает эту книгу очень интересной, полезной и что он надеется известить меня о ее печатании, однако с тех пор прошло уже два года и я больше никакого ответа ни от Скрыпника, ни от кого другого на целый ряд своих писем не получил. Очевидно, это

та же самая пренебрежительная форма отказа – молчание, как и на просьбу о возвращении»[678].

Винниченко считал ситуацию не только алогичной, а просто абсурдной, парадоксальной, поскольку его зарубежные друзья – французские коммунисты были убеждены, что подобная «книга новой жизни и нового человека» «настолько революционна», что, кроме СССР, в Европе для нее нигде не найдется издателя. Трудно было объяснить, что к изданию ее не допустит новое «революционное правительство, строящее новую жизнь и воспитывающее нового человека»[679].

Отталкиваясь от личного, конкретного, казалось бы, частного вопроса, В. К. Винниченко в конце письма выходит на рассуждения и обобщения, которые очень интересны по поводу выяснения того, что происходило в начале 30-х годов в Украине, и как в эти процессы, катаклизмы вписываются деятельность и самоубийство Н. А. Скрыпника.

«…Не законно ли задать вопрос, – спрашивает украинский литератор, – отвечает ли этот факт (то, как его как украинца приносят в жертву русскому национализму. – *В. С.)* тому утверждению, что на Украине наступило это время – курс националистической, почти шовинистической украинской (тут и далее подчеркивание В. К. Винниченко. – *В. С.)* политики?»[680] Естественно, давая отрицательный ответ на практически риторический вопрос, выдающийся политик-эмигрант, опытный аналитик дополняет предыдущий вопрос следующим: «Если меня приносят в жертву русскому национализму, если мои силы отталкиваются от работы для социализма только потому, что они – украинские, если для того, чтобы оттолкнуть меня, сознательно идут на причинение вреда социализму, то нет ли этой же самой политики по отношению и к другим украинским силам и то только потому, что они украинские? Нет ли и в других отношениях жертв русскому национализму в ущерб социализму?»[681]

Ответ В. К. Винниченко, тонкой, эмоциональной натуры, глубокого психолога, кажется, попадает в самый центр мишени и не оставляет места ни для каких возражений: «Я не знаю всех условий и причин смерти таких выдающихся ценных людей на Украине, как Хвылевой и Скрыпник, но мне, как всем, понятно, что произошла она на почве конфликтов в национальных отношениях. И если даже допустить, что только они сами виноваты во всем (как это некоторые пытаются представить), то и тогда возникает вопрос: как же это так странно разрешен национальный вопрос, что такие люди лишают себя жизни из-за него? И какой же силы и безысходности должны быть эти

конфликты, если такой, во всех других отношениях испробованный, верный, честный партийный товарищ, как Скрыпник, не мог найти у своих старых партийных друзей ни мирного решения вопросов, ни утешения, ни поддержки, ни снисхождения, ничего иного, видно, как враждебности, которая столкнула его в смерть»[682].

Заочно полемизируя с теми, кто вину за самоубийство Николая Алексеевича возлагал на него же, Винниченко справедливо возражает: «Однако, как бы психологически ни объяснять самоубийство Скрыпника, но ясно, товарищи, что оно объективно сигнализирует о несовершенном практическом разрешении национального вопроса на Украине. И не являются ли и Хвылевой и Скрыпник тоже жертвами этого несовершенного, застарелого, темного подсознательного разрешения национального вопроса? И нет ли, если так, еще и еще много других жертв малыми и большими ценностями все во имя того же подсознательного чувства господствующей национальности?»[683]

Так и хочется воскликнуть: как, лишенный информации, через «железный занавес» украинский патриот точно и глубоко видел то, что происходило тогда в Украине. Пожалуй, кроме ума чувствовал душой, всегда болел за родную землю, за родной народ. И именно из патриотических соображений и мотивов он считал национальную политику советской власти сомнительной, недальновидной, такой, что не укрепляет тылы СССР, Советской Украины. Опытный политик, он предусматривал, что в грядущей войне, к которой катились Европа, все человечество, украинскому вопросу будет отведена очень большая роль. И война эта будет намного ожесточеннее и страшнее той, которую пришлось пережить в 1918–1920 гг. К такому смертельному столкновению следует заблаговременно готовиться и скрупулезно собирать силы, укреплять симпатии к власти у населения как Советской, так и Западной Украины, чего не делала Советская власть. «Судя по примеру со мной, а также по трагической гибели Хвылевого и Скрыпника, такой экономии сил, такого, как надо, собирания их нет у вас, товарищи, – отмечал В. К. Винниченко, обращаясь к членам Политбюро ЦК ВКП(б) и членам Политбюро ЦК КП(б)У. – Я сказал бы, наоборот: есть почти что сознательная вредительская растрата и уничтожение их. Иногда охватывает недоумение и страх: да как же можно вести такую политику?..»[684]

По мнению Винниченко, подобная политика могла вызвать закономерные сомнения у всех членов партии. «Если, мол, такая национальная политика, если так поступают коммунисты, то каков же их коммунизм? Это, мол, путь не к коммунизму, – это – строительство не социализма, а восстановление старой

национальной единой неделимой России, восстановление старой тюрьмы народов. А раз так, с какой же стати, мол, я, украинец, буду работать на восстановление собственной тюрьмы и погребение социализма? И так думающих и чувствующих, товарищи, немало на Украине. У них очень плохой тыл и очень ненадежная оборона. И не следует в этом винить только их, товарищи, не следует объяснять такую идеологию только их слабостью, только их мелкобуржуазностью, хищничеством и т. п. Надо глубже, объективнее исследовать причины такой слабости этих людей, не подчиняясь власти подсознательных инстинктов»[685].

Судя по всему, Владимир Винниченко если и надеялся на положительную реакцию на свое письмо, то очень в незначительной степени. Поэтому основная его цель (а может, так сложилось, так виделось) – предостеречь партийно-советское руководство от непоправимых последствий осуществляемого курса…

Напрасные беспокойства. Подобные письма воспринимались как коварные провокации врага. Кроме того, без таких, как он, и, конечно, без их советов уже привыкли обходиться…

Института истории партии при ЦК Компартии Украины, Комитет государственной безопасности (КГБ) при Совете министров УССР 21 октября 1969 г. сообщил, что решением Военной коллегии Верховного суда СССР еще от 11 сентября 1958 г. отменены обвинения ряда лиц, привлеченных в свое время к ответственности по «делу УВО» («Украинской войсковой организации»).

«В констатирующей части определения указано, – “дипломатично” извещалось в письме КГБ, – что дело о существовании на территории УССР разветвленной контрреволюционной организации “УВО” органами следствия было сфабриковано… Бывшие сотрудники ГПУ Украины… за фальсификацию дел и незаконные аресты приговорены к расстрелу»[686].

Поскольку единственное и конкретное, что в свое время инкриминировалось Н. А. Скрыпнику, – это лишь опосредованные связи с некоторыми из лиц, входивших в «Украинскую войсковую организацию» («свили за его спиной гнездо»), а к деятельности «УВО» он вообще не причастен, то можно было предположить, что в «деле Н. Скрыпника» вполне логично поставить точку. Отражением изменяющейся ситуации стало то, что имя Николая Алексеевича начало время от времени появляться в прессе. Его просто нельзя было замалчивать. Однако, не пуская ситуацию «на самотек», ЦК КПСС с приближением 90-летия со дня рождения Н.

А. Скрыпника принял специальное постановление. В соответствии с ним, Президиум ЦК Компартии Украины 22 января 1962 г. принял свое постановление «О 90-летии со дня рождения Н. А. Скрыпника». Документом определялось:

«1. В газетах “Советская Украина” и “Правда Украины” опубликовать статьи, посвященные 90-летию дня рождения Н. А. Скрыпника.

2. Разрешить Институту истории партии ЦК КП Украины – филиалу Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС вместе с отделением общественных наук Академии наук УССР провести объединенное заседание ученых советов, посвященное 90-летию со дня рождения Н. А. Скрыпника.

3. Совету Министров УССР решить вопрос об установке на могиле Н. А. Скрыпника в Харькове его бронзового бюста.

4. Поручить:

а/ Институту истории партии ЦК КП Украины – филиалу Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС издать избранные произведения Н. А. Скрыпника;

б/ Харьковскому обкому КП Украины решить вопрос о присвоении имени Н. А. Скрыпника одной из улиц Харькова, а также средней школе в г. Барвенково, где учился Н. А. Скрыпник»[687].

При всей осторожности («разрешить», а не поручить провести заседание ученых советов обществоведов, значит не организацию хоть сколько-нибудь массовых, резонансных публичных мероприятий, установить на могиле бронзовый бюст, тогда как другим деятелям масштаба Н. А. Скрыпника уже планировалось установление памятников в престижных, людных местах крупных населенных пунктов и т. п.), это постановление все же следует признать серьезным шагом в деле восстановления справедливости, исторической правды.

Ведь с Н. А. Скрыпника все еще не было снято тяжелое (тяжелое и для тех, кто решался вспоминать выдающегося деятеля) клеймо национал-уклониста. А из Москвы достаточно остро следили, чтобы в Украине – не дай бог! – не слишком проявляли инициативность.

В результате опубликованные в «Правде», «Известиях», «Правде Украины» и «Советской Украине» юбилейные статьи оказались очень короткими, содержали очевидные недомолвки, сознательно отвлекали читателя от острых проблем.

Возникает закономерный вопрос: почему в отношении Н. А. Скрыпника процесс реабилитации тормозился, каждый шаг на этом пути давался с невероятным трудом? Пожалуй, можно говорить одновременно о нескольких причинах.

Во-первых, КПСС не спешила отменять собственные решения, даже если их ошибочность была совершенно очевидной.

Во-вторых, обвинения в национализме традиционно стали относить к самым тяжелым в отношении украинцев и просто опасались брать на себя ответственность за рассмотрение идеологически опасного вопроса. В результате Н. А. Скрыпника относили к выдающимся деятелям Коммунистической партии и Советского государства, неизменно называли наряду с другими («в обоймах») в исторических трудах, упоминали в ходе юбилейных торжеств, однако старательно обходили его имя, когда речь заходила о национальном вопросе, украинизации, национальном возрождении, национал-коммунизме, голоде 1933 г. Иногда глухо отмечались ошибки бывшего наркома просвещения (самостийницкая позиция на Таганрогском совещании и I съезде КП(б)У, «перегибы» в украинизации, отмена правописания, националистические извращения в исторической науке…). А что такое феномен Николая Скрыпника без объективного, правдивого воссоздания его позиций именно в перечисленных вопросах, которые на соответствующих этапах его жизни были определяющими, стержневыми?! Вот и получалось, что писать о нем было практически невозможно.

В-третьих, в эмигрантской и диаспорной литературе, с которой «воевала» советская историография, имя Н. А. Скрыпника и в дальнейшем использовалось как символ борьбы с тоталитаризмом (значит – социализмом). Так, в 1971 г. в мюнхенском журнале «Сучасність» («Современность») была помещена упомянутая выше публикация «Владимир Винниченко о самоубийстве Н. Хвылевого и Н. Скрыпника. Из неопубликованных записок В. Винниченко “Мысли о себе на том свете”». Есть в предисловии редакции и такие строки: «Николая Скрыпника формально реабилитировали. Но его произведения, его идеи остаются и далее спрятанными от украинского народа под неофициальным запретом. Здесь нельзя не вспомнить такого поразительного факта: палачу украинского народа, верному посланнику Сталина 1933 года, руководителю массового террора против украинской интеллигенции, наконец – прямому убийце Н. Скрыпника – П. Постышеву недавно в Харькове поставлен памятник. Н. Скрыпнику, чья вся послереволюционная деятельность органически связана с Украиной, и в частности с Харьковом, – о памятнике никто не смеет думать»[688].

Конечно, такие слова воспринимались как «идеологические диверсии» врага, проявления «классовой борьбы».

А в 1972 г. там же, в Мюнхене, в издательстве «Современность», к 100-летию со дня рождения выдающегося

украинца появилась довольно обширная политическая биография «Николай Скрыпник». Ее автор – Иван Максимович Кошеливец по доступным источникам (естественно, в то время весьма ограниченным для диаспорного исследователя) сделал попытку через трагизм судьбы Н. А. Скрыпника показать утопизм коммунистического учения, невозможность сочетания социализма как системы с национальными интересами народов, в частности – украинского, абсолютное тождество интернационалистской политики КПСС с великодержавничеством, «единонеделимством».

Следует добавить, что и отдельные группы в Украине («диссиденты», «националисты») в своих произведениях все чаще специфически использовали историческое наследие, противопоставляя ленинскую, демократическую линию в национальном вопросе сталинской, искаженной, которую следовало после осуждения культа личности исправить, в частности вернуть Украине те права, которые она имела до вступления в Союз ССР, и тому подобное. Примером может быть труд И. М. Дзюбы «Интернационализм или русификация?».

Литературовед взял одним из трех эпиграфов к своей книге слова Николая Скрыпника, в аргументации своей позиции использовал его выступления на партийных съездах[689]. Писал Дзюба и о том, что в Советском Союзе, в Советской Украине «прячется литературно-политическая публицистика двадцатых годов, работы Н. Скрыпника и др. по национальному вопросу, в которых популяризируются постановления Коминтерна, РКП(б) и КП(б)У ленинских и первых послеленинских времен по украинскому вопросу, в частности их идеи о национально-культурном строительстве в Украине»[690].

Все это настораживало «защитников социализма» (логика проста до примитивного – раз Н. А. Скрыпника вновь возносят на пьедестал «враги», здесь что-то не так, не чисто – «дыма без огня не бывает»).

Весьма примечательно это сформулировал П. Н. Воронько во время выступления на заседании президиума правления Союза писателей Украины 2 марта 1972 г., на котором Дзюбу единодушно осудили и исключили из членов союза. «К нам на Украину приезжают много разных людей из-за границы, – говорил известный поэт. – И все они в один голос подтверждают ту мысль, что такой книги (речь о произведении «Интернационализм или русификация?». – *В. С.),* которая была бы такой нужной всем националистам всех мастей, еще не попадалось. Это для них находка. Правда, я сам эту книгу не читал, но я не могу не верить им хотя бы потому, что она пользуется популярностью за рубежом. У нас уже есть опыт: все, что выходит у нас и имеет

“там” большой спрос, – с червоточиной. Это несомненно»[691].

Вокруг имени Н. А. Скрыпника, дела его жизни формировалась атмосфера предвзятости в высших эшелонах партийно-советского руководства. Первый секретарь ЦК Компартии Украины П. Е. Шелест воспроизвел в своих мемуарах разговор на одном из заседаний Политбюро ЦК КПСС, на котором речь шла о новых угрозах украинского национализма.

«Секретарь ЦК КПСС Суслов: “А вообще, я должен сказать вам, что на Украине далеко не все в порядке – вся Украина говорит на украинском языке!”

Я даже опешил: “А что, она должна разговаривать на турецком или как?” Здесь подключился Демичев, секретарь ЦК КПСС: “А вообще, там у Шелеста украинизацией занимаются!”

Опять не выдерживаю: “Где у Шелеста? Какой украинизацией? Никакой украинизацией не занимаются. Есть и русские школы, есть и украинские школы, к большому сожалению, украинских школ меньше”.

Демичев: “А Шевченко у них – кумир”. И на Суслова смотрит. Здесь меня прорвало: “Да, Шевченко у нас кумир. Его и в нашей стране, и за рубежом считают большим демократом, гениальным поэтом”.

Демичев начал возражать: “Да, но он у вас кумир молодежи. У Шевченко там цветы всегда, ежегодно венки приносят”.

Я чувствую, что окончательно теряю самоконтроль: “Ну, это хорошо. А как ты умрешь, кто тебя вспомнит, кто цветы принесет?”

Суслов вмешивается: “И потом у вас все вывески на украинском языке. Что такое?”

“Ну, а на каком языке они должны быть? Каком? Есть на украинском, есть и на русском”.

Суслов тогда использовал свой главный козырь: “Вообще, у вас в Украине много проявлений национализма”.

Я опешил, сдерживался, но голос повысил, наверное, горячо: “В чем, Михаил Андреевич, проявления национализма? Это же обычные сталинские ярлыки”.

А Демичев так невозмутимо: “А в том, что многие говорят на украинском языке, и в том, что Шевченко чрезмерно уважают”.

И Суслов его поддержал <…>

А тут еще подключился Рашидов: “У нас русский язык в бальшом почьоте, ми русский язык уважаем, любим, изучаем. Ми его на первое место ставим, ми знаем, не так, как на Украины… ”

Я не выдержал: “Да хоть ты замолчи, ты его не знаешь: когда выступаешь, ничего понять нельзя…”

Леонид Ильич решил изменить немного тему, пошутить: “Вот

у нас при Скрыпнике украинизацию проводили. Так это скрыпников-щина. При Скрыпнике, вы знаете, я работал на заводе, когда украинизацию проводили – что это было, это был абсурд, смех. Да и вообще украинский язык – это же <…> суржик русского языка… ”

Я аж зубы стиснул и молчу, только думаю: “И это руководитель государства! Это человек, который родился, вырос и больше половины жизни прожил на Украине…”»[692].

Учитывая, прежде всего, упомянутые моменты и проявляя чрезмерную осторожность в весьма деликатной сфере, в научных и публицистических трудах советских авторов о Николае Скрыпнике если и упоминали, то только как участнике трех революций, однако практически замалчивали деятельность в советское время. Наглядным воплощением этой позиции стали небольшие объемом первые книги – биографии Н. Скрыпника.

В честь 100-летия со дня рождения Николая Алексеевича Скрыпника в январе 1972 г. в газетах «Радянська Україна», «Рабочая газета», «Молодь Україні», других изданиях появились юбилейные статьи. В Киеве состоялось собрание ученых и сотрудников Института истории партии при ЦК Компартии Украины, филиала Центрального музея В. И. Ленина, Секции общественных наук Академии наук УССР, ветеранов Коммунистической партии и Советского государства, участников Октябрьской революции и Гражданской войны, представителей общественности. С докладом «Н. А. Скрыпник – видный деятель Коммунистической партии и Советского государства» выступил директор Института истории АН УССР академик А. Д. Скаба.

Торжественное собрание было устроено и на родине Н. А. Скрыпника – в Ясиноватой[693].

На отношении к Скрыпнику сказывались и идеологические колебания, характерные для 60-80-х годов.

Так, к 100-летию со дня рождения выдающегося партийного и советского деятеля сотрудники Института истории партии при ЦК Компартии Украины, согласно постановлению ЦК, готовили издание избранных произведений Н. А. Скрыпника, однако в обстановке наступления на позиции П. Е. Шелеста и постепенного укрепления, условно говоря, «маланчуковских» тенденций (т. е. усиленной, упреждающей «борьбы с угрозой украинского буржуазного национализма», которую развернул секретарь ЦК Компартии Украины по идеологии В. Е. Маланчук), работа на последней стадии была прекращена.

Характерным для того времени проявлением отношения к Скрыпнику является юбилейная редакционная статья в «Известиях» – «Вся жизнь революция». «Н. А. Скрыпник, –

отмечала газета, – много сделал для проведения в жизнь ленинской национальной политики. Но в этой сложной работе им были допущены и отдельные ошибки, которые партия подвергла справедливой критике. Вместе с тем в начале тридцатых годов против Н. А. Скрыпника были

выдвинуты необоснованные обвинения, что привело к трагическому исходу: в 1933 году его не стало»[694].

А 10 апреля 1973 г. В. Е. Маланчук подал в Секретариат ЦК Компартии Украины записку с предложениями усиления борьбы против национал-коммунизма. В ней, в частности, говорилось: «За рубежом, особенно украинской националистической эмиграцией, активно исследуются идейно-политические платформы и опыт практической антисоветской деятельности укапистов и боротьбистов, издано много статей и брошюр на эту тему, в частности “Документы украинского коммунизма”, “Страницы из истории Коммунистической партии Украины”, “Николай Скрыпник” и др.»[695]. То есть были названы труды, против которых априорно следовало направлять острие коммунистической критики. Не удивительно, что среди них была и книга о Н. А. Скрыпнике.

…Казалось, все условия для полного торжества справедливости были созданы во второй половине 80-х годов. И безоговорочная, несколько даже поспешно-кампанейская реабилитация всех, кто пострадал в 30-50-е годы от сталинского тоталитаризма, и повышенное внимание к опыту национально-государственного строительства в СССР, и усиление национальных факторов в жизни союзных республик, Украины в частности.

Однако дело снова затягивалось. Тогда инициативу взяли на себя сотрудники Института истории партии при ЦК Компартии Украины – филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (так сложилось, что ученые этого учреждения сильнее других ощущали историческую несправедливость по отношению к заслуженному сыну Украины и всегда проявляли в этом вопросе большую склонность, симпатию к личности Николая Алексеевича, памяти о нем, чем другие).

ЦК Компартии Украины было направлено специальное подробное письмо под названием «О политических обвинениях Н. А. Скрыпника в так называемом “национал-уклонизме”». В личном архиве автора этой книги хранятся копии двух вариантов документа – первый, более обширный и «капитальный», и второй – появился уже как плод сотрудничества с членами Комиссии партийного контроля при ЦК Компартии Украины.

В первом варианте после тщательного анализа документов, в

которых против Н. А. Скрыпника выдвигались обвинения в «национал-

уклонизме», делались выводы, что в основу «дела Н. Скрыпника» были положены:

«а) сфабрикованные органами ГПУ дела о националистическом подполье, по которым были арестованы и осуждены лица, за связь с которыми и обвинялся Н. А. Скрыпник;

б) предвзятое, с целью выявления “националистического перерождения” Н. А. Скрыпника, отношение к его теоретической и практической деятельности. Наряду с указанием на отдельные действительные ошибки использовался метод выдергивания цитат из статей и выступлений разных лет и на основании их произвольного комбинирования и толкования выводился “национализм” Н. А. Скрыпника с 1918 г.;

в) прямая фальсификация взглядов Н. А. Скрыпника по вопросам образования СССР, национально-культурного строительства, историко-партийной проблематики».

Общие выводы были сформулированы так:

«1. Оценки, содержащиеся в документах Оргбюро, Политбюро пленумов ЦК КП(б)У и XII съезда КП(б)У в отношении “национализма” Н. А. Скрыпника и “возглавляемого им националистического уклона”, неправомерны и несправедливы.

2. Считали бы целесообразным решение о реабилитации Н. А. Скрыпника в партийном отношении».

В итоговом варианте документа, который 28 марта 1990 г. подписал тогдашний председатель Комиссии партийного контроля при ЦК Компартии Украины В. М. Гаевой (материал воспроизвел со ссылкой на ЦГАОО Украины «Коммунист Украины»[696]) сформулированные выше положения трансформировались в несколько более «округлые»: «…Анализ партийных документов, содержащихся в них историко-политических оценок, позволяет сделать вывод о том, что обвинения в так называемом “национал-уклонизме”, которые были выдвинуты против Н. А. Скрыпника, основаны на сфабрикованных органами ГПУ материалах о националистическом подполье, фальсификации его взглядов по вопросам образования СССР, национально-культурного строительства, а также на тенденциозной характеристике теоретической и практической деятельности Н. А. Скрыпника, которая имела целью доказать его “националистическое перерождение”.

На основе вышеизложенного и в связи с поручением комитета партийного контроля при ЦК КПСС о рассмотрении вопросов партийности лиц, необоснованно обвинявшихся в так называемом

“национал-уклонизме”, считаем необходимым предыдущие негативные оценки деятельности Н. А. Скрыпника официально признать безосновательными»[697].

29 марта 1990 г. ЦК Компартии Украины принял решение «считать Н. А. Скрыпника реабилитированным в партийном отношении (посмертно)»[698].

Достижения тогдашней историко-партийной науки о революционном жизненном пути и анализе творческого наследия Николая Алексеевича Скрыпника были отражены в статье И. Ф. Кураса «Штрихи к портрету в интерьере эпохи (вместо предисловия)», которой открывался долгожданный сборник «Н. А. Скрыпник. Избранные произведения»[699], подготовленный Институтом политических исследований ЦК Компартии Украины (так стал именоваться Институт истории партии при ЦК Компартии Украины) в 1991 г.

Как известно, то был непростой, переломный во многих отношениях год. В частности, началось достаточно динамичное перемещение политических акцентов в сферу национального фактора и осуждения прежних социальных приоритетов. Автоматически распространились критические негативные подходы и на Н. А. Скрыпника – как коммуниста, революционера-интернационалиста, причастного к социалистическим экспериментам и развитию СССР, в котором попирались национальные права, проводилась политика насильственной русификации и т. д.

В этих обстоятельствах выпуск сборника работ Скрыпника оказался связан с огромными трудностями. Скорее всего, если бы этого не произошло до известных августовских событий, то и на этот раз книги бы не было. Во всяком случае, 120-летие Николая Алексеевича в январе 1992 г. прошло абсолютно незамеченным.

Прекратились даже публикации статей о Скрыпнике, начавшие было появляться на рубеже 80-90-х годов. А о более серьезных вещах, скажем монографических исследованиях, работа над которыми велась в 80-е годы и выпуск планировался к тому же 120-летию украинского политика и патриота, и речи уже быть не могло…

К сожалению, и сегодня остаются актуальными слова из публикации в «Бюллетене польско-украинском», который вышел вскоре после смерти Н. А. Скрыпника. Вот эти строки, дошедшие до нас через выступление П. П. Постышева на Ноябрьском (1933 г.) пленуме ЦК КП(б)У и тиражирование его в пропагандистских материалах:

«Пройдут годы, все успокоится, все войдет в колею, и украинский историк в Киеве получит возможность

беспристрастно, объективно присмотреться к этой фигуре. Он возьмет в руки весы и на одну чашу положит все преступления Скрыпника. Чаша опустится низко, до земли. На вторую чашу он бросит маленькую стальную револьверную пулю, которая звонко упадет на пустую чашу и перевесит чашу, наполненную преступлениями.

И тогда, кажется нам, в доме – не ВУАН, а Украинской Академии Наук, в доме, очищенном от всего, что засоряло его в течение стольких лет, будет повешен на стене портрет члена Академии Николая Скрыпника»[700].

Сегодня такой портрет (портреты) повесили хотя бы в некоторых учреждениях, в частности в фойе здания Кабинета министров Украины, зале заседаний Научного совета Дипломатической академии при Министерстве иностранных дел Украины, в главной редакции Большой украинской энциклопедии. Но этого мало. И это очевидно. Для полноценного, полновесного возвращения к нам Николая Скрыпника следует хорошо изучить его жизненный путь и теоретическое, литературное наследие, чему в какой-то мере посвящена эта книга.

Несколько несистемных соображений вместо заключения

Заканчивая «перелистывать» страницы весьма и весьма неординарной биографии героя этой книги, знакомясь с тем, какие страсти кипели вокруг его имени после трагической кончины, представляя и понимая в общих чертах, сколько неясностей в подходе к оценке его вклада в общественный прогресс вырисовывается в перспективе, по крайней мере – недолгосрочной, совсем не просто подвести итог осуществленному исследованию, даже надежно сконцентрироваться на обобщающих впечатлениях, доминирующих рефлексиях.

Не покидает, в частности, ощущение, что финальную точку ставить рано, что судьбу Николая Алексеевича Скрыпника, как еще многих представителей его поколения, постичь в полной мере, «до конца» пока не удается, чего-то, а может быть – и многого, все же «не хватает».

Один из мотивов проступает более или менее осязаемо. Вехи биографии, приметы эпохи, обусловленность поступков вроде бы в целом схватываются, старательно, аккуратно (можно сказать – и бережно) передаются, лаконично, критично оцениваются. Однако при этом остается вопрос о степени адекватности отражения полноты, глубинной сущности воссоздаваемой картины, ее подлинного внутреннего драматизма, уяснения настоящей масштабности, секрета характера, психологического склада личности Николая Алексеевича Скрыпника. Тут бы лучше всего, конечно, «сработало» гениальное шекспировское перо.

Остается надеяться (и не без некоторых оснований), что сами «голые» документальные факты, хронологически запечатленные и выстроенные в поступках, позиции, линии поведения, подлинно высоком стремлении к цели всесторонне одаренной личности способны и сегодня потрясать воображение, привлекать общественное внимание, побуждать к вовлечению в мыслительно-оценочные процессы, обогащать память крупицами непреходящих ценностей, влиять на мироощущение и умонастроение, выбор ориентаций, воспитание лучших моральных качеств.

Пример Н. А. Скрыпника, его подвижничества, устремленности в будущее, как нельзя лучше в очередной раз высвечивает новыми гранями известную в общем-то истину: диалектика жизни – это неистовое столкновение добра и зла, верности и измены (предательства), благородства и подлости,

любви и ненависти. И выбор остается за человеком. Он есть всегда…

Становится ясным, что с первого приближения, сразу, «с наскока» взять такую высоту, как проникновение в феномен воплощения, аккумулирования, отражения в одной судьбе целой противоречивой эпохи, эффективное разрешение «вечных вопросов» бытия, пусть, естественно, в личностном преломлении, на микроуровне – задача невероятно сложная, да и в принципе вряд ли выполнимая.

В плане затронутого аспекта труднообъяснимой представляется логика некоторых современных историографических тенденций, в частности – очевидная асимметрия проблематики научных и публицистических изданий. Книжные полки магазинов и библиотек переполняются печатной продукцией, «героями» которой выступают Ягоды, Ежовы, Вышинские, Берии, Балицкие (символы зла), тогда как спорадическое появление публикаций о Н. А. Скрыпнике, Г. Л. Пятакове, Е. Б. Бош, Х. Г. Раковском, А. Я. Шумском, В. М. Шахрае, Г. Ф. Лапчинском, не говоря уже об их соратниках «меньшего калибра», с деятельностью которых тем не менее отождествляется представление о положительной исторической поступи, приходится ждать долгие годы. Неужели и в этой сфере нашей повседневности продолжает «править бал» всепроникающая, всесильная конъюнктура? Неужели нынешнее философское осмысление жизни также всецело (пусть даже – преимущественно) попадает в зависимость от спекулятивных «запросов момента», сиюминутной идеологически-политической (на самом деле кому-то нужной) сомнительной «целесообразности»?..

Тем временем с сожалением приходится констатировать, что, в частности, достаточно долго не наблюдается сколько-нибудь существенных подвижек в теоретическом обосновании проблемы взаимосвязи, взаимозависимости социальных и национальных аспектов общественного прогресса, оставляя (может быть, и сознательно создавая) возможности для довольно изощренных манипуляций. А опыт поколения Николая Скрыпника, осуществленные тогда теоретические наработки, практические образцы напрочь отрицаются, игнорируются.

Почему-то так получается, что из поля зрения представителей гуманитарных наук выпадают острейшие вопросы взаимоотношений великодержавного шовинизма и регионального (местного)

национализма, государственнического центризма и сепаратизма, дефицит познаний в которых сказывался в событиях

недавнего прошлого, продолжает серьезно ощущаться и сегодня.

Кажется очевидным, что, только создав научно обоснованную систему координат, в которой убедительно, четко, «прозрачно» определялось бы «что такое хорошо, и что такое плохо» в историческом пространстве (в далекой и непосредственной ретроспективе применительно к процессам, явлениям, событиям, равно – к стратам, индивидуумам), можно надежно (конечно – в рамках реально возможного) оценивать как совокупный опыт, эффективно использовать получаемые результаты для прогнозирования дальнейшего развития общества.

Важнейшая роль тут, безусловно, принадлежит исторической науке. Ее высокая миссия в определяющей мере заключается в том, чтобы в исследованиях и публикациях стремиться к воссозданию максимально приближенного к реальному – значит, к истинному – опыта пережитого, помогать тем самым извлекать из него поучительные уроки.

Все это, представляется, позволяет заключить: чтобы в арсенал наших бесценных знаний полновесно легли объективные представления о тенденциях, сущности, атмосфере, нравах и других характеристиках последнего столетия, в значительной степени олицетворяемого такими славными, светлыми именами, как Николай Алексеевич Скрыпник, несгибаемый революционер, неустанно стремившийся к благороднейшей цели – созиданию нового мира – мира справедливости и счастья, очевидно, придется немало потрудиться.

А еще – можно не сомневаться в том, что новые исследования, книги о Н. А. Скрыпнике обязательно еще появятся. Они просто не могут не появиться, так как человечество рано или поздно все равно осознает, что реальный позитивный вектор истории задают те, кто беззаветно борется, чтобы воплотилось «дум высокое стремленье». И в конце концов воздадут им должное. И память о них будет жить.

Приложение [701]
Библиография трудов Н. А. Скрыпника

1902

Корреспонденция из Нижнего Новгорода // Искра. 1902. № 29. 1 дек.

Корреспонденция из Саратова // Искра. 1902. № 29. 1 дек.

1903

Корреспонденция с Урала // Искра. 1903. № 38. 15 апр.

Новое проявление царского «правосудия» // Искра. 1903. № 39. 1 мая.

1904

Современные партийные течения и задачи революционной соц. – демократии (Письмо ко всем организациям РСДРП). В конце документа дата: 1-го июня 1904 г. // Шахов Н. Борьба за съезд: Собрание документов. Женева, 1904. С. 63–69.

1908

Кооперативный съезд и рабочие кооперативы // Пролетарий. 1908. № 33. 23 июля.

Немецкие меньшевики // Пролетарий. 1908. № 35. 11 сент.

1909

Рабочая группа на съезде фабрично-заводских врачей. (Письмо участника съезда) // Пролетарий. 1909. № 46. 11(24) июля.

Резолюция Московского комитета РСДРП по вопросу об участии в съезде фабрично-заводских врачей // Пролетарий.

1909. № 44.

1913

Рабочее страховое представительство и ликвидаторы // Путь правды. 1913. № 35. 13 марта.

Теория и практика руководителей Московского Союза потребительных обществ // Просвещение. 1913. № 9. С. 99–102.

1914

В чем задача? // Путь правды. 1914. № 6. 28 янв.

Вина предпринимателя и больничные кассы // Путь правды. 1914. № 42. 21 марта.

Вниманию всех товарищей – правленцев Спб. больничных касс // Путь правды. 1914. № 44. 23 марта.

Вниманию городских рабочих и служащих // Путь правды. 1914. № 11. 2 февр.

Два наказа // Путь правды. 1914. № 59. 12 апр.

Еще раз // Трудовая правда. 1914. № 25. 26 июня.

К московским выборам // Трудовая правда. 1914. № 9. 7 июня.

Как выбирать // Путь правды. 1914. № 50. 30 марта.

Локаут и страхование // Путь правды. 1914. № 46. 26 марта.

Металлисты и страхование // Пролет. правда. 1914. № 15. 19 янв.

Новое разъяснение // Путь правды. 1914. № 65. 19 апр.

О выборах в страховой совет // Путь правды. 1914. № 19. 22 февр.

О лозунге общегородской кассы // Трудовая правда. 1914. № 21. 21 июня.

Об «осуществимости» страхового законопроекта // Путь правды. 1914. № 83. 11 мая.

Общегородская касса и ликвидаторы // Путь правды. 1914. № 3. 24 янв.

Организационные задачи рабочего страхового представительства // Путь правды. 1914. № 30. 7 марта.

Основные задачи страхового движения горнорабочих // Путь правды. 1914. № 38. 16 марта.

Очередные шаги // Пролет. правда. 1914. № 13. 17 янв.

После выборов // Путь правды. 1914. № 55. 5 апр.

Праздники и больничные кассы // Путь правды. 1914. № 56.

6 апр.

Страховой Совет и рабочие // Путь правды. 1914. № 1. 22 янв.

Усиливающиеся преследования // Трудовая правда. 1914. № 1. 23 мая.

1918

Заключительное слово по докладу о текущем моменте на II Всеукраинском съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов // Вестн. УНР. 1918. № 47. 22(9) марта.

Новий стан в революції на Україні // Вістн. УНР. 1918. № 61. 11 квіт.

О введении военного положения в Полтавской, Черниговской и Херсонской губерниях и о необходимости мобилизации граждан для нужд обороны: Выступление на заседании ЦИК Советов Украины, 15 марта // Вестн. УНР. 1918. № 44. 19(6) марта.

О политическом и военном положении Украины: Докл. на заседании ЦИК Советов Украины. 12 марта 1918 г. // Вестн. УНР. 1918. № 41. 14(1) марта.

Приветствие и речь на II Всеукраинском съезде Советов Р. С. и С. Д. о политическом моменте // Вестн. УНР. 1918. № 44. 19(6) марта.

Сучасне становище // Вістн. УНР. 1918. № 6. 6 січ.

1919

Всеукраїнський зХзд представників волосних виконкомів. Відповідь-резолюція на слова т. Рафеса з приводу єврейських погромів // Більшовик. К., 1919. № 41. 1 черв.

Взаимоотношения между Украиной и Великороссией // Коммунист. К., 1919. № 16. 21 марта.

Доповідь на з'їзді волосних виконкомів 5 червня про завдання Державного контролю // Вісті (Х). 1919. № 59. 6 черв.

Доклад на общегородской конференции Киевской организации КП(б)У о III Коммунистическом Интернационале и VIII съезде РКП // Коммунист. К., 1919. № 29. 5 апр.

Задачи Государственного Контроля // Гос. контроль. 1919. № 1. С. 2–6.

Заявление на съезде волостных исполкомов Украины на приветствие инвалидов в необходимости обеспечения всех инвалидов империалистической и гражданской войны: Излож. // Коммунист. 1919. № 73. 4 июня.

Заявление на съезде волостных исполкомов Украины // Коммунист. К., 1919. № 75. 6 июня.

Комуністична партія України та ІІІ Інтернаціонал // Київський комуніст. 1919. №. 37/45. 11 берез.

Настроение в деревне: Беседа с нар. комиссаром т. Скрыпником, возвратившимся из поездки по Киевской губернии // Коммунист. К., 1919. № 60. 17 мая.

О работе в деревне: Выступление на Киевской губернской конф. КП(б)У в прениях по докладу Пятакова // Коммунист. К., 1919. № 52. 8 мая.

Опять «правоучение»: О необходимости бесплатного обучения // Коммунист. Х., 1919. № 63. 21 мая.

Основные задачи госконтроля и главные принципы реорганизации контрольных учреждений // Гос. контроль. 1919. № 1. С. 35–45.

Мобилизация и настроение трудящихся на Волыни: Беседа с нар. комиссаром т. Скрыпником, вернувшимся с поездки // Коммунист. К., 1919. № 100.

Приветственное слово на съезде трудящихся сахарной промышленности Украины и России // Коммунист. Х., 1919. № 66. 25 мая.

Привітання губернському з'їздові Рад Київської губернії, 25 лют. 1919 р. // Вісті (Известия) Виконавчого комітету Київ. Р. Р.Д. 1919. № 11.

Речь на похоронах товарищей, павших за власть Советов // Киевский коммунист. 1919. № 21. 18 февр.

Слово на доповідь т. Подвойского (Всеукр. съезд волостных исполкомов // Більшовик. К., 1919. № 42. 30 трав.

Слово про державний контроль // Більшовик. К., 1919. № 45. 6 черв.

Сообщение на ІІІ Всеукраинском съезде Коммунистической партии Украины о международной конференции Коммунистического Интернационала в Москве // Коммунист. К., 1919. № 33. 17 апр.

Чорна справа // Вісті ВЦВК. 1919. № 30. 30 квіт.

1920

Доклад от имени Наркоминспекции на первом Всеукраинском совещании профессиональных работников // Коммунист. Х., 1920. № 211. 21 сент.

Донбасс и Украина (Из истории революционной борьбы на Украине 1917–1918 гг.) // Коммунист. 1920. № 4. С. 52–54.

Женщина и рабоче-крестьянская инспекция // Комунарка України. 1920. № 1–2. С. 20–22.

Национальная политика малых народностей // Коммунист. 1920. № 3. С. 12–15.

О народном просвещении на Украине: Выступление на III сессии Всеукраинского ЦИКа по докладу т. Гринька // Коммунист. Х., 1920. № 265. 25 нояб.

О рабоче-крестьянской инспекции: Докл. на первом Всеукр. съезде работниц и крестьянок // Коммунист. Х., 1920. № 252. 10 нояб.

Переговоры в Минске (Сообщение т. Раковскому о ходе мирных переговоров с поляками делегата УССР т. Скрыпника от 21 августа и телеграмма тов. Раковского Скрыпнику) // Коммунист. Х., 1920. № 191. 26 авг.

Февральская революция и большевики // Коммунист. Х., 1920. № 58. 12 марта.

1921

Артем (Сергеев) (Некролог) // Коммунист. Х., 1921. № 164.

В крови и огне: От февраля 17-го года до гетмана // Коммунист. Х., 1921. № 291. 7 нояб.

Второй конгресс Коминтерна о классовой организации пролетариата // Коммунист. 1921. № 5. С. 13–15.

Конкордия Николаевна Самойлова (из воспоминаний) // Комунарка України. 1921. № 7–8. С. 7–8.

Перебороти і доконати повзучі збочення: Промова на першій Всеукр. нараді викладачів нацпитання // За комуністичне виховання дошкільника. 1921. № 6. С. 13.

VI съезд большевиков и юношеское движение // Юный коммунар. 1921. № 5–6. С. 5–6.

VI съезд партии // Шесть съездов нашей партии, 1898–1917. Х., 1921. С. 86–100.

1922

В органах юстиции (из беседы) // Пролет. правда. К., 1922. № 300. 29 дек.

Военно-революционный комитет Октябрьской революции // Коммунист. Х., 1922. № 256. 7 нояб.

Годовщина освобождения // Коммунист. Х., 1922. № 287. 14 дек.

Двуликий Янус // Коммунист. Х., 1922. № 127, 128. 7–8 июня.

До історії Червоної Армії на Україні // Комуніст. 1922. № 44. 22 лют.

О классовом характере советского суда: Выступление на Всеукр. съезде работников юстиции // Пролет. правда. К., 1922. № 235. 16 окт.

Октябрь и Коминтерн, 25 окт. 1917 г. – 7 нояб. 1922 г. // Пролет. правда. К., 1922. № 256. 7 нояб.

Основные задачи советской юстиции // Пролет. правда. К., 1922. № 235. 16 окт.

Приветствие от имени ЦК КП(б)У на VI губпартконференции // Пролет. правда. К., 1922. № 61. 18 марта.

Трипольская трагедия // Юный коммунар. 1922. № 3–4. С. 5–9.

1923

В Одессе и Николаеве: Беседа Н. Скрыпника с сотр. «Коммуниста» // Коммунист. Х., 1923. № 64. 23 марта.

Виступ з приводу вироку швейцарського суду над Конраді – убивцею Воровського // Вісті. 1923. № 261. 16 листоп.

Виступ на 2-й сесії Всеукраїнського ЦВК по доповіді т. Чубаря про стан промисловості // Вісті. 1923. № 78. 13 квіт.

Выступления на VII Всеукраинской партийной конференции в прениях по докладам ЦК КСМУ // Коммунист. Х., 1923. 7-11 апр.

Всесоюзное совещание наркомов юстиции, Харьков // Коммунист. Х., № 293. 23 дек.; Вісті. Х., 1923. № 290. 23 груд.

Выковывание партии (К 25-летнему юбилею I съезда РСДРП) // Коммунист. Х., 1923. № 55.

Голос правдиста (из беседы с тов. Скрыпником) // Пролетарий. Х., 1923. № 100. 5 мая.

Жовтень чи червень?: До 6-ї річниці Жовтневої революції // Вісті. 1923. № 251. 7 листоп.

За красными границами // Коммунист. Х., 1923. № 254. 7 нояб.

Завдання Всесоюзної наради Наркомюстів // Вісті. Х., 1923. № 290. 23 груд.

Історія пролетарської революції на Україні: Корот. начерк. Х., 1923. С. 85.

К задачам Центральной контрольной комиссии // Коммунист. Х., 1923. № 73. 3 апр.

Класс и партия. Х., 1923; Армия и революция. 1923. № 3–4. С. 5–13; № 5–6. С. 9–22.

Коллективизация села и незаможники // Коммунист. Х., 1923. № 43. 25 февр.

«Красный призрак бродит по Европе» // Пролет. правда. К., 1923. № 255. 7 нояб.

Начерк історії пролетарської революції на Вкраїні // Червоний Шлях. 1923. № 1. С. 89–112; № 2. С. 71–90; № 3. С. 76–115.

О дислокации комячеек // Коммунист. Х., 1923. № 41. 25 февр.

О центральных учреждениях СССР: Докл. на IV-й сессии ВУЦИК // Пролет. правда. К., 1923. № 252. 3 нояб.

Организация Красной гвардии и Красной Армии на Украине в 19171918 гг. // Армия и революция. 1923. № 3–4. С. 38–51.

Ответная речь на приветствия рабочих Донецкой железной дороги на VII Всеукраинской партийной конференции ЦК КП(б)У // Коммунист. 1923. № 17. 7 апр.

Отчет о деятельности ЦК КП(б)У (на VI-й Одесской губ. партконференции) // Коммунист. Х., 1923. № 66. 25 марта.

Підсумки XII з'їзду РКП // Більшовик. К., 1923. № 98. 5 трав.

Празднование пятилетней годовщины ЧК-ГПУ: Речь на торжеств. заседании коллегии ГПУ, 11 февр. 1923 г. // Коммунист. Х., 1923. № 33. 13 февр.

Пятилетие первого корпуса Червоного казачества // Коммунист. Х., 1923. № 6. 10 янв.

Рабочий класс и рабочая партия: Докл., читанный к 25-летию РКП(б). Х., 1923.

Революционное движение студенчества до Февральской революции // Студент революции. 1923. № 9-10. С. 10–14.

Речь Н. Скрыпника на XII съезде РКП(б) // Национальные моменты в партийном и советском строительстве. Путь просвещения. Х., 1923. С. 38–45.

Рука об руку с рабочей печатью // Пролетарий. К., 1923. № 100. 7 мая.

Союз Социалистических Советских Республик // Коммунарка Украины. 1923. № 2–3. С. 1–3.

Тов. Дьяков // Летопись революции. 1923. № 5. С. 239–240.

Чудо Октябрьской революции (5-летие создания Красной Армии) // Коммунист. Х., 1923. № 42. 23 февр.

1924

Англо-французский конфликт и СССР // Коммунист. Х., 1924. № 67. 22 марта.

Безработица и женщина-работница // Коммунист. Х., 1924. № 80. 8 апр.

2-й агрономический съезд // Коммунист. Х., 1924. № 49. 28 февр.

Відповідь на запитання позапартійного робітництва на VIII Всеукраїнській партконференції // Вісті. Х., 1924. № 106. 13 трав.; Коммунист. Х., 1924. № 108. 13 мая; Пролет. правда. К., 1924. № 108. 14 мая.

Выступление т. Скрыпника в прениях по докладу т. Чичерина // Пролет. правда. К., 1924. № 241. 21 окт.

Готовьтесь к партсъезду // Коммунист. Х., 1924. № 84. 12 апр.

Двинуть сельскохозяйственные машины на село // Коммунист. Х., 1924. № 56. 7 марта.

Доклад и заключительное слово на VIII губернском съезде Советов Чернигова // Красное знамя. Чернигов, 1924. № 6. 8 янв.

Доповідь на 2 Всеукраїнському з'їзді робітників юстиції про підсумки роботи органів юстиції // Вісті. Х., 1924. № 48. 28 лют.

Доповідь на VIII Всеукр. з'їзді Рад в справі про затвердження союзної конституції // Більшовик. К., 1924. № 18. 22 січ.

Доповідь у Раді національностей з приводу проекту положення про бюджетні права СРСР // Вісті. Х., 1924. № 242. 23 жовт.

Задачи политпросветительной работы // Коммунист. Х., 1924. № 70. 27 марта.

Задачи посевной кампании // Коммунист. Х., 1924. № 69. 25 марта.

Задачи судебных учреждений: Речь на съезде работников юстиции // Пролет. правда. К., 1924. № 63. 4 марта.

Звітна доповідь на Всеукраїнському з'їзді робітників юстиції // Більшовик. К., 1924. № 50. 29 лют.

К сессии ВУЦИКа // Коммунист. Х., 1924. № 82. 10 апр.

Карна політика УСРР: Доп. на Всеукр. з'їзді робітників юстиції // Вісті. Х., 1924. № 51. 2 берез.; Більшовик. К., 1924. № 52. 3 берез.

Кінцеве слово (після дискусій на доповідь М. Скрипника на Всеукраїнському з'їзді робітників юстиції про підсумки роботи органів юстиції // Вісті. Х., 1924. № 49. 29 лют.

Ленін та національна справа // Знання. 1924. № 15–16. С. 3–4.

Национальный вопрос в Красной Армии // Красная рота. 1924. № 41.

О деле «КОЦД»: Беседа с представителем РАТАУ // Пролет. правда. К., 1924. № 97. 30 апр.

О литературных выступлениях тов. Троцкого: Докл. на

собрании актива Киевской организации КП(б)У // Пролет. правда. К., 1924. № 274. 30 нояб.

Об угнетении украинского населения в Западной Украине и Бессарабии: Речь на 2-й сессии ВУЦИКа. 14 апр. // Пролет. правда. К., 1924. № 86. 16 апр.

Октябрьская революция и революция права // Вестн. сов. юстиции. 1924. № 22. С. 733–734.

Ответ после обсуждения на второй сессии ВУЦИКа запроса правительству о положении украинцев в Польше и Румынии // Пролет. правда. К., 1924. № 86. 16 апр.

Очередные задачи партстроительства // Красное знамя. Чернигов, 1924. № 9.

Памяти Д. П. Благоева: Заявление 8-я Всеукр. парт. конф. // Коммунист. Х., 1924. № 113. 18 мая.

Победа Коммунистической партии в Прикарпатской Украине // Коммунист. Х., 1924. № 68. 23 марта.

Потрійний ювілей радянської влади на Україні // Вісті. Х., 1924. № 283. 12 груд.

Предисловие // Ленин Н. О государстве: Сб. ст. и речей. Х., 1924. С. 1–8.

Предисловие // Ленин Н. Об Украине / под ред. и с предисл. Н. Скрыпника. Х., 1924.

Про вибух (на пл. Рози Люксембург) // Вісті. Х., 1924. № 28. 5 лют.

Промова – спогади про те, що відбулося за 7 років революції // Вісті. Х., 1924. № 256. 11 листоп.

Революционная законность // Известия Одесского губкома. 1924. № 1325. 7 мая.

Родина й шлюб в радянській державі: Доп. на 2 Всеукр. з'їзді робітниць та селянок // Вісті. Х., 1924. № 258. 13 листоп.

Сім'я та шлюб в радянських республіках (3 доповіді) // Селянка України. 1924. № 4. С. 5.

Твердой рукой (о денежной реформе) // Коммунист. Х., 1924. № 53. 4 марта.

Уголовная политика Советской власти. Х., 1924. С. 72.

Ударный пункт (По поводу обращения ЦК РКП о денежной реформе) // Коммунист. Х., 1924. № 58.

Хозяйственное строительство. Международное положение. Внутреннее укрепление партии // Известия. Одесса, 1924. № 1324. 6 мая.

Черниговщина выросла (Беседа с т. Скрыпником) // Красное знамя. Чернигов, 1924. № 7. 9 янв.

Чистка судебного аппарата // Коммунист. Х., 1924. № 289. 17 дек.

Блакитний (Некролог) // Вісті. Х., 1925. № 279. 6 груд.

Е. Б. Бош (Некролог) // Коммунист. Х., 1925. № 5. 8 янв.

Відповідь делегатам першого Всеукраїнського з'їзду вчителів на демонстрації біля ЦК КП(б)У // Нар. учитель. Х., 1925. № 2; Вісті. Х., 1925. № 7. 10 січ.

Відповідь на привітання представників Західної України й Польщі на IX Всеукр. з'їзді КП(б)У // Вісті. Х., 1925. № 282. 10 груд.

Внутріселищний землеустрій та колективізація сільського господарства // Сіл. госп-во, 1925. № 9-10. С. 9–11.

Выдержка из речи на пятом Всероссийском съезде Советов 6 июля 1918 г. // Летопись революции. 1925. № 2. С. 51–52.

Діяльність радянської прокуратури // Більшовик. К., 1925. № 40. 19 лют.

До перевиборів нарзасідателів; До процесу київської міліції // Вісті. Х., 1925. № 284. 12 груд.

За единый рабочий фронт: Речь на торжеств. заседании в театре им. Шевченко в Харькове (с участием германской рабочей делегации) // Коммунист. Х., 1925. № 170. 28 июля.

Заявление Одесскому комитету РСДРП. 31 марта 1905 г. (подпись Щур) // Пролетарская революция. 1925. № 7. С. 46–49.

К 8-летию Октябрьской революции // Вестн. сов. юстиции. 1925. № 22. С. 1–2.

К делу шайки «Бим-Бом» // Коммунист. Х., 1925. № 247. 28 окт.

Ленинская теория вооруженного восстания: Докл. на собрании Харьк. гарнизона ВНО // Красная рота. 1925. № 5. С. 61–70.

Народный суд, его задачи и его деятельность. Х., 1925. С. 34.

Нове районування і органи юстиції: Доп. на Всеукр. нараді робітників юстиції // Вісті. Х., 1925. № 101. 7 трав.

О выселении из сел бывших помещиков // Пролет. правда. К., 1925. № 87. 17 апр.

О задачах IX Всеукраинского съезда Советов // Пролет. правда. К., 1925. № 95. 29 апр.

Октябрь и искусство революции // Коммунист. Х., 1925. № 255. 7 нояб.

Организатор побед (Некролог М. В. Фрунзе) // Коммунист. Х., 1925. № 251. 1 нояб.

Основні питання Українського Жовтня: Спогади до 8-х роковин I Всеукраїнського з'їзду Рад. // Вісті. Х., 1925. № 291. 20 груд.

Первая ласточка весны народов (Узбекистан) // Коммунист. Х., 1925. № 151. 5 июля.

Привітання від імені ЦК на Всеукраїнському вчительському з'їзді // Більшовик. К., 1925. № 8.

Привітання від ЦК КП(б)У делегації німецьких робітників у Харкові // Вісті. Х., 1925. № 170. 28 лип.

Про діяльність прокуратури: Доп. на 4-й сесії ВУЦВК // Більшовик. К., 1925. № 31. 8 січ.

Промова (на диспуті «Злочинний світ») про потребу притягти увагу студентства та пролетарських мас до боротьби з злочинством // Вісті. Х., 1925. № 135.

Промова на з'їзді начальників органів ДПУ (про революційну законність та ДПУ) // Вісті Х., 1925. 4 черв.

Промова (при відкритті курсів окружних партійних робітників при ЦК КП(б)У) // Вісті. Х., 1925. № 246. 27 жовт.

Революційна законність: Докл. і кінцеве слово на Всеукр. нараді в справі рад. будівництва 13 лют. // Вісті. Х., 1925. № 36. 1 лют.

Революційна законність УСРР: Доп. на II сесії ВУЦВК, 22 жовт. // Вісті. Х., 1925. № 243. 23 жовт.

Союз соціалістичних радянських республік // Рад. селянин. 1925. № 13–14. С. 1–3.

Уголовная политика Советской власти. Х.: Юрид. изд-во НКЮ УССР. 1925. С. 75.

Хуліганство – велике соціальне зло: Розмова з Наркомюстом та Генеральним Прокурором УСРР // Вісті. Х., 1925. № 247. 28 жовт.

1926

Выступление Н. Скрыпника на XIV съезде ВКП(б) // XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 18–31 декабря 1925 г.: Стенографический отчет. М.; Л., 1926. С. 1030.

Дев'ять років національної політики на Україні // Агітатор. 1926. № 21; С. 42–46.

Демонстрація братерства // Вісті. Х., 1926. № 131. 10 черв.; Комуніст. 1926. № 131. 10 черв.

Дніпрельстан // Комуніст. 1926. № 239. 17 жовт.

До теорії боротьби двох культур. Х., 1926. С. 31.

Доклад Народного комиссара юстиции и генерального прокурора республики на IV сессии Всеукраинского Центрального исполнительного комитета 8-го созыва. Х., 1926. С. 28.

Доповідь на IX окружному з'їзді Рад Київщини: Звіт укр.

уряду // Пролет. правда. К., 1926. №. 104. 9 мая.

Доповідь на III Всеукраїнському з'їзді робітників юстиції // Вісті. 1926. № 296. 28 груд.

Доповідь НКЮ на IV сесії ВУЦВК // Вісті. 1926. № 130. 9 черв.

За революционную законность: Докл. на Всеукр. совещ. председателей губерн. и окружных исполкомов по вопр. сов. стр-ва, 18–20 июля 1925 г. Х., 1926. С. 38.

Конституція СРСР // Вісті. 1926. 4 лип.; Червоне право. 1926. № 1011. С. 405–406.

Лист до закарпатських робітників і селян з Великої України // Карпатська правда. 1926. № 45. 14 листоп.

Національне питання на Радянській Україні // Робітничо-селянський календар «Карпатської правди» на 1927 р. Ужгород, 1926. С. 71–76.

О теории борьбы двух культур: Осн. линии нац. политики на Украине. Х., 1926. С. 32.

Отчет о работе «Боевого комитета при СПБ. К.», сент. – окт. 1905 г. (подпись в подлиннике Г. Щенский) // Ленинский сборник. Т. 5. С. 401463.

Підсумки «літературної дискусії» // Більшовик України. 1926. № 1. С. 18–36.

Повідомлення про смерть Леоніда Борисовича Красіна (Пленум Виконкому Комінтерну) // Комуніст. Х., 1926. № 272. 25 листоп.

Політика і методи роботи органів юстиції в сучасний момент: Доп. на III Всеукр. з'їзді робітників юстиції // Вісті. Х., 1926. № 130. 9 черв.

Про діяльність місцевих юридичних гуртків (лист Скрипнику) // Червоне право. 1926. № 16. С. 42–44.

Про значення процесу київської губміліції // Пролет. правда. К., 1926. № 97. 29 квіт.

Про події в Англії // Пролет. правда. К., 1926. № 103. 8 трав.

Промова (на святі IX роковин Жовтня) // Вісті. Х., 1926. № 258. 9 листоп.

Промова на III сесії ВУЦВК 9 скликання з приводу шанування пам'яті Ів. Франка // Вісті. 1926. № 122. 30 трав.

Революционная законность и работа прокуратуры // Вестн. сов. юстиции. 1926. № 8–9. С. 315–323.

Революційна законність і робсількорівський рух: Доп. т. Скрипника на загальних міських зборах робсількорів при газеті «Харьковский пролетарий» // Червона преса. 1926. № 8. С. 7–14; Червоне право. 1926. № 5. С. 213–220.

Семилетие рабоче-крестьянской милиции // Коммунист. Х., 1926. № 28. 5 февр.

1905 год (Воспоминания) // Коммунист. Х., 1926. № 28. 5 февр.

Червоний юрист // Червоний юрист. 1926. № 1. С. 1–2.

Шлюб та родина: Доп. на 3-й сесії Всеукр. центр. виконкому // Вісті. 1926. № 119. 27 трав.

1927

Від народного секретаріату до Ради Народних Комісарів (До 10 роковин Жовтневої революції) // Пролет. правда. 1927. № 293. 23 жовт.

Відповідь від імені XIII окружної партійної конференції Київщини на вітання представників безпартійного робітництва, селянства та інтелігенції Київщини // Пролет. правда. К., 1927. № 257. 11 листоп.

Відповідь на привітання з нагоди 5-х роковин перебування його на посаді генерального прокурора Республіки і Наркомюсту // Вісті. Х., 1927. № 54. 8 берез.

Вирок у справі Шварцбарда – Суворий присуд над українською контрреволюцією: Розмова з тов. Скрипником // Комуніст. Х., 1927. № 248. 29 груд.; Пролет. правда. 1927. 248. 29 груд.

Виставка Овернських плетених виробів у Віші (Франція) // Пролет. правда. № 219. 25 жовт.

Виступ (в день преси в Харкові на вечорі у будинку ім. Блакитного) // Комуніст. Х., 1927. № 103. 8 трав.

Виступ на з'їзді бібліотечних робітників професійних спілок (Про найближчі завдання в галузі освіти) // Комуніст. Х., 1927. № 104. 9 берез.; Пролет. правда. К., 1927. № 55. 8 берез.

Виступ на нараді організаційного комітету інституту інженерів шляхів у Києві // Пролет. правда. К., 1927. № 74. 2 квіт.

Виступи про правопис // Комуніст. 1927. №. 119, 137; Вісті. 1927. № 137. 19 трав.; Пролет. правда. 1927. № 118, 121, 124, 126, 128, 31 трав.; 4, 7 черв.

Выступление 17 октября 1927 в прениях по докладу Луначарского об итогах культурного строительства за 10 лет на 2 сессии ЦИК 4 созыва // 2 сессия ЦИК СССР 4 созыва: Стеногр. отчет. Л., 1927. Бюл. № 4. С. 1526; Вісті. Х., 1927. № 238. 18 жовт; Комуніст. Х., 1927. № 239. 19 жовт.

Геть з партії тих, що не зносять умов диктатури пролетаріату – ширше двері новим пролетарям: Відповідь від імені X з'їзду КП(б)У на привітання робітників // Червоний стяг. 1927. 23 листоп.

Гніт трудящих Західної України, Бессарабії та Буковини: Промова на X окружному з'їзді Рад Київщини // Пролет. Правда. К., 1927. № 70. 29 берез.

Десяті роковини УСРР: Промова на урочистому засіданні ВУЦВК і РНК, 26 груд. 1927 р. // Рад. Україна. 1927. № 12. С. 3–9.

Десять заповідей культбудівництва // Рад. освіта. 1927. № 12. С. 1–2; Вісті. 1927. № 250. 11 листоп.

10 років героїчної боротьби: Промова на урочистому засіданні Уряду УСРР // Вісті. 1927. № 297. 28 груд.

Десять років ЧК-ДПУ // Комуніст. 1927. № 296. 28 груд.

До підсумків III сесії ЦВК Союзу РСР // Вісті. 1927. № 48. 27 лют.

Доповідь і кінцеве слово на X окружному з'їзді Рад Київщини: Обговорення звіту Уряду УСРР, 30 берез. 1927 р. // Пролет. правда. К., 1927. № 70, 71. 29, 30 берез.

Доповідь на Всеукраїнському з'їзді сількорів «Радянські села» // Комуніст. Х., 1927. № 61. 16 берез.

Доповідь на пленумі Всеукраїнського комітету спілки Робітос; перспективний п'ятирічний план народної освіти // Пролет. правда. К., 1927. № 149. 4 лип.; Комуніст. Х., 1927. № 150. 5 лип.

Доповідь (на XIII окр. парт. конференції Київщини) про діяльність Центрального Комітету КП(б)У // Пролет. правда. К., 1927. № 258, 260. 15, 17 листоп.

Доповідь про чергові завдання культосвітньої роботи на міжспілчанській культконференції, Київ, 30 берез. 1927 р. // Пролет. правда. К., 1927. № 71. 30 берез.

За наближення УАН до широких робітничо-селянських мас: Промова на засіданні УАН, 1 квіт. 1927 р. // Пролет. правда. К., 1927. № 74. 2 квіт.

Завдання комсомолу в культурно-освітній роботі Наркомосу: Промова на пленумі ЦК ЛКСМУ, 15 берез. 1927 р. // Молодняк. 1927. № 6–7. С. 123–128.

Завдання культурного будівництва на Україні: Доп. на X з'їзді КП(б)У // Шлях освіти. 1927. № 11. С. 1–32.

Завдання культурного будівництва: Розмова з тов. Скрипником // Пролет. правда. 1927. 11 листоп.

Завдання Наркомосвіти: Доп. на IV пленумі ЦК комсомолу України // Вісті. Х., 1927. № 62. 17 берез.

Колесо нової історії повинно закрутитися // Горєлов В. Будуємо Дніпрельстан. Х., 1927. С. 15–16.

Лінії освітньої роботи в справі будування соціалізму. Х., 1927. С. 35.

На допомогу жертвам катастрофи на Підкарпатті // Комуніст. 1927. № 237. 16 жовтн.; Вісті. 1927. № 237. 16 жовт.; Пролет.

правда. 1927. 18 жовт.

Найближчі завдання освіти на Україні: Доп. на II пленумі Всеукр. ради профсоюзів // Вісті. Х., 1927. № 76. 5 квіт.

Народна освіта за десять років (Що зроблено і що стоїть на черзі) // Рад. освіта. 1927. № 12. С. 2–6.

Національне відродження в сучасних капіталістичних державах на прикладі Закарпатської України // Прапор марксизму. 1928. № 1. С. 208–231.

Наша театральна мистецька політика: Доп. на Всеукр. з'їзді спілки робітників мистецтва // Комуніст. Х., 1927. № 76. 5 квіт.

Октябрьская революция и революция права // Вестн. сов. юстиции. 1927. № 21–22. С. 712.

Пам'яті тов. Андрія Іванова // Комуніст Х., 1927. № 131. 11 черв.; Пролет. правда. 1927. № 131. 11 черв.

Передмова // Ленін В. І. Національне питання, 1910–1920 рр. Х., 1927.

Перспективи розвитку народної освіти: Доп. і прикінцеве слово на 4 пленумі ВУКу Робос // Народний учитель. Х., 1927. № 28.

Під знаком пролетарської єдності (10 років Радянської влади на Україні) // Вісті. 1927. № 296. 25 груд.

Підсумки літературної дискусії // Останні партійні документи з національної політики КП(б)У. Х., 1927. С. 70–101.

Підсумки ювілейної сесії ЦВК СРСР: Про маніфест ЦВК Союзу РСР // Вісті. Х., 1927. № 241. 21 жовт.

Питання освіти й профсоюзу: Доп. на III пленумі Всеукр. ради профсоюзів // Вісті. Х., 1927. № 182. 12 серп.

Перспективний план народної освіти: Доп. на III пленумі ВУРПС // Нар. учитель. К., 1927. № 33.

Політика Наркомосвіти в галузі мистецтва. Х., С. 72.

Предисловие // Дело Киевского областного центра действия. Х., 1927. С. 7- 12.

Предисловие // Эрде Д. Революция на Украине от Керенского до немецкой оккупации. Х., 1927.

Привітання «Комуністові» в день і роковини його українізації // Комуніст Х., 1927. № 134. 16 черв.

Про лист від груп українського населення міста Троїтського на Уралі від 29 груд. 1927 р. та від 18 листоп. 1927 р. в справі допомоги літературою // Бюл. НКО. 1928. № 12. С. 3.

Про освітню справу // Пролет. правда. 1927. № 69. 27 берез.

Промова на конференції в справі впорядження українського правопису // Пролет. правда. К., 1927. № 118.

Про культурне будівництво на Україні: Доп. на X з'їзді КП(б)У // Вісті. 1927. № 277. 4 груд.; Комуніст. 1927. № 277. 4 груд.

Про події в історичнім музеї ім. Шевченка в Києві // Пролет. правда. 1927. № 189. 21 серп.

Про стан вузів: Всеукр. пленум пролет. студентства // Комуніст. 1927. № 107. 13 трав.

Про завдання шкіл селянської молоді: Привітальна промова з нагоди першого випуску короткотермінових курсів робітників шкіл селянської молоді, 27 лип. 1927 р. // Рад. освіта. 1927. № 8–9. С. 1–7.

Промова на III Всеукраїнському з'їзді робітниць і селянок про новий закон про сім'ю і шлюб // Вісті. Х., 1927. № 17. 21 січ.

П'ятирічний перспективний план наркомосу: Доп. на пленумі Українського Центр. Бюро секції наукових робітників 8 лип. 1927 р. // Шлях освіти. 1927. № 8–9. С. 5–23.

Резолюція пленуму ЦК КП(б)У про лінію національної політики компартії Західної України (КПЗУ) // Останні партійні документи з національної політики КП(б)У. К., 1927. С. 24–30.

Справжнє вогнище української культури: Про українську Академію наук // Пролет. правда. К., 1927. № 74. 2 берез.

Старый правдист – «Правді» // Комуніст. Х., 1927. № 100. 5 трав.

Тезисы (Таганрогское совещание) // КП(б)У в резолюциях ее съездов и конференций / сост. М. Иванов. Х., 1927. С. 9–11.

Тези ЦК КП(б)У про підсумки українізації // Останні партійні документи з національної політики КП(б)У. К., 1927. С. 1–16.

Три роки без Леніна: Виступ на зборах Журавлівського району у Харкові // Комуніст. Х., 1927. № 18. 22 січ.

Хвильовізм чи шумськізм? // Більшовик України. 1927. № 2. С. 26–39.

Чергові завдання вузів // Із доповіді наркома освіти М. О. Скрипника на II пленумі ЦБ Пролетстуду // Студент революції. 1927. № 5. С. I-II.

Чергові завдання народної освіти // Шлях освіти. 1927. № 10. С. I-II.

Чергові завдання нашого культурного будівництва // Промова на I-му Всеукр. з'їзді т-ва «Геть неписьменність». 15.III.1927 р. // Політосвіта. 1927. № 4. С. 3–11; Вісті. Х., 1927. № 61. 16 берез.

1928

Автобіографія // Радянська освіта. 1928. № 5. С. 1–10.

Великий почин (Про ліквідацію неписьменності) // Радянська освіта. 1928. № 11. С. 3–5.

Всеукраїнська Академія наук (до перевиборів керуючих органів) // Культура і побут. Х., 1928. № 24.

Джерела та причини розламу в КПЗУ. Х., Бібліотека «Більшовик України». 1928. № 6. С. 15.

До теорії боротьби двох культур. Х., 1928. С. 69.

Доповідь на IV Всеукр. нараді працівників освіти // Комуніст. 1928. № 146. 26 черв.

Доповідь на першій конференції маркс. – ленінських наук. – дослідних установ (24 берез.) // Народний учитель. К., 1928. № 13. 28 берез.

З приводу економічної платформи націоналізму // Більшовик України. 1928. № 6. С. 44–50.

Завдання і перспективи роботи Управління мистецтва Нарком-освіти // Вісті. 1928. № 281. 2 груд.

Завдання культурного будівництва на Україні: Доповідь на X з'їзді КП(б)У. Х., 1928. 70 с.; Радянська освіта. 1928. № 1. С. 1–11; № 2. С. 14–32.

Ленін як учений: Доповідь в Інституті марксизму-ленінізму на зібранні комосередку, 4 лют. 1928 р. // Прапор марксизму. 1928. № 3. С. 7–23.

Лист до т. Лебедя // Більшовик України. 1928. № 9-10. С. 9–18.

Національне відродження в сучасних капіталістичних державах на прикладі Закарпатської України // Прапор марксизму. 1928. № 1. С. 208–231.

Наша літературна дійсність. Х., 1928. С. 55; Критика. 1928. № 2. С. 3–20; Шлях освіти. 1928. № 2–3. С. 5, 20.

Привітання Наркомосу Ользі Кобилянській // Рад. освіта. Х., 1928. № 1. С. 77.

Про роботу Українського Інституту марксизму: Доповідь (Із стенограми І Всесоюз. конф. наук. – дослід. установ у Москві) // Прапор марксизму. 1928. № 3. С. 216–224.

Про причини й джерела розколу в КПЗУ // Більшовик України. 1928. № 8. С. 11–25.

Про системи народної освіти. Доп. на партзборах осередку НКО 27 груд. 1928 р. // Рад. освіта. 1929. № 3. С. 3–17.

Промова на Всеукраїнському з'їзді робітників преси // Комуніст. 1928. № 41. 17 лют.

Промови на березневому (1928 р.) та червневому (1928 р.) пленумах ЦК КП(б)У // Будівництво радянської України. Х., 1928. Вип. 1. С. 210211.

Промова на урочистому святі на могилі Т. Шевченка // Комуніст. 1928. № 102. 4 трав.

Промова НКО тов. Скрипника з приводу смерті професора П.

І. Кравцова // Бюл. НКО. 1928. № 47. С. 14–15.

Промова на червневому пленумі ЦК ВКП(б) 1926 р. Х., 1928.

Состояние и перспективы проведения всеобщего начального обучения в УССР / пер. с укр. Х., 1928. С. 36.

Стан і перспективи музично-культурного процесу на Україні: Привітальне слово ІІ з'їздові Всеукраїнського музичного т-ва ім. Леонтовича 26 лют. 1928 р. // Музика масам. 1928. № 3–4. С. 3–7.

Стан і перспективи переведення загального початкового навчання в УСРР. Х., 1928. С. 32.

Стан і перспективи української кінематографії: Промова на кінонараді при ЦК КП(б)У 31 січ.-3 лют. 1928 р. // Шлях освіти. № 4. С. 1–14.

Стан народної освіти на Україні. Доп. на ІІІ Всеукр. з'їзді робітників освіти // Вісті. Х., 1928. № 134. 10 черв.

Увічнення пам'яті М. Коцюбинського (До всіх громадян і до державних, громадських та культурно-освітніх організацій УСРР) // Пролет. правда. К., 1928. № 87. 12 квіт.

Фотосправа на Україні // Фото для всіх. 1928. № 4. С. 6–15; № 5. С. 7–18.

VI конгрес Комінтерну // Більшовик України. 1928. № 18. С. 7–20.

Який наш шлях (З промови на засіданні Ради Народних Комісарів УСРР, 19 лип. 1928 р.) // Робітнича освіта. 1928. № 6–7. С. 3–4.

1929

Статті й промови. Національне питання. Х., 1929. Т. ІІ. Ч. 1. С. 36.

Зміст: Національне питання, як окрема наукова дисципліна. Національна політика малих народів: Донбас і Україна; Мусить настати зворот; Проти бухгалтерії в національному питанні; Національне питання і Червона Армія; Ленін та національна справа; Про укапізм; Зліквідувати люксембургіанство; До спільної боротьби за неминучу перемогу; Дев'ять років національної політики на Україні; До теорії боротьби двох культур; Підсумки літературної дискусії; Хвильовізм чи шумськізм; Перемога комуністичної партії Закарпатської України; Лист до закарпатських робітників і селян з Великої України; ЦК КПЧ і національне питання на Закарпатській Україні; Національне відродження в сучасних капіталістичних державах на прикладі Закарпатської України; Націоналістичний ухил в КПЗУ; Крива десятиріччя радянського Жовтня; Від ухилу до зради; За

пролетарську перемогу; З приводу економічної платформи націоналізму; Лист до тов. Лебедя; Про кордони УСРР; До річниці смерті А. Іванова; Права та стан національних меншостей на Україні; Кілька слів замість привітання з приводу українізації «ВСЮ»; Шляхи співпраці національних культур; Зустріч; Український тижденьу Москві; Проти «лінії з застереженнями».

Актуальні завдання українського літературознавства // Критика. 1929. № 4. С. 3–8.

Боюсь скигління: Про утворення на Україні музичної комедії // Вечірнє радіо. 1929. № 194. 5 серп.

В порядкові ентузіазму: З приводу статті Жигалко про технічні кадри в Діпромезі // Вісті. 1929. № 34. 10 лют.

Выступление в прениях по докладу тт. Мануильского и Куусинена о международном положении и задачах Коминтерна на X пленуме исполкома Коминтерна // Международное положение и задачи Ком. Интернационала. М., 1929. Вып. 1. С. 79–84.

Дамо з лав пролетаріату нові десятки тисяч фахівців – інженерів, техніків, агрономів, що потрібні для успішного виконання велетенських планів соціалістичного будівництва: Розмова з Наркомосвіти УСРР т. Скрипником // Пролет. правда. К., 1929. № 275. 29 листоп.

Два сапога – пара // Комуніст. 1929. № 136. 16 черв.; Партробітник Дніпропетровщини. 1929. № 12. С. 1–5.

Декілька слів замість привітання з приводу українізації «Вісника Радянської Юстиції» // Вісн. рад. юстиції. Х., 1929. № 1. С. 1–2.

Десятиріччя декрету про лікнеп // Вісті. 1929. № 300. 26 груд.; Комуніст. 1929. № 303. 26 груд.

До підсумків річної роботи: Промова на Агітпропнараді ЦК КП(б)У в справі марксистської критики та роботи журналу «Критика» 27 груд. 1928 р. Критика. 1929. № 1. С. 3–11.

До українізації «Одесских известий» // Комуніст. 1929. № 173. 31 лип.; Чорноморська Комуна. 1929. 31 лип.

Доповідь і відповідь на привітання на XI окружному з'їзді Рад Київщини (Звіт уряду: Доповідь т. М. Скрипника) // Пролет. правда. К., 1929. № 75. 2 квіт.

З дореволюційним стажем // Вісті. 1929. № 13. 16 січ.

З минулого про майбутнє // Вісті. Х., 1929. № 101. 4 трав.

З післяреволюційним стажем (спростування помилкових думок статті «З дореволюційним стажем» (в г. Вісті) про кадри в Укрдіпромезі // Вісті. 1929. № 20. 25 січ.

За своєчасне виконання постанов листопадового пленуму ЦК ВКП(б) // Комуніст. Х., 1929. № 4. 5 січ.

За українське літературознавство: Промова на святі відкриття Інституту Шевченка 15 квітня 1929 р. // Шлях освіти. 1929. № 4. С. 5–10.

За якість художньої продукції, за соцзмагання письменників і їх організацій: Промова на 2-му Всеукр. з'їзді пролет. письменників // Комсомолець України. 1929. 21 черв.

Завдання комсомолу в соціалістичній перебудові країни. Х., 1929. С. 66.

Завдання народної освіти в культурній революції // Сільськогосподарська освіта. 1929. № 4–5. С. 3–21.

Зменшити собівартість, підвищити якість // Студент революції. 1929. № 4. С. 3–5.

Зустріч: Про зустріч представників рос. і укр. письменників у Москві // Комуніст. 1929. № 31. 7 лют.; Известия. 1929. № 31. 7 февр.

Кінцеве слово // Пролет. правда. К., 1929. № 76. 3 квіт.

Кінцеве слово (на театр. диспуті в Харкові) // Пролет. правда. К., 1929. № 139. 20 черв.

Культурне будівництво за соціалістичної реконструкції: Скорочена доп. на VII Всесоюз. З'їзді робітників освіти СРСР // Більшовик України. 1929. № 7–8. С. 31–48.

Ленінова твердокаменність // Комуніст. 1929. № 17. 20 січ.

Мистецтво – активний співучасник соціалістичної перебудови країни: Промова на окр. з'їзді Робмису в Києві, 30 березня 1929 р. // Література й мистецтво (дод. до «Вістей ВУЦВК»). 1929. 1 трав.

На нові шляхи: Промова на Всеукр. нараді держнаукметодкому 20 квітня 1929 р. // Рад. освіта. 1929. № 9. С. 1–7.

На порядку дня перевірка складу інспектури Наросвіти // Вісті. 1929. № 53. 5 берез.

Навколо оперової будівлі (до питання будування нового театру в Харкові) // Комуніст. 1929. № 83. 11 серп.

Народное образование в СССР в связи с реконструкцией народного хозяйства // Доклады на VII съезде союза работников просвещения. М., 1929. С. 168. (Перед загл. авт.: А. В. Луначарский и Н. Скрыпник).

Національне питання в програмі Комінтерну. Х., 1929. С. 68.

Национальный вопрос в программе Коминтерна. Х., 1929. С. 68.

Національне питання в УСРР // Рад. освіта. 1929. № 1. С. 1–4.

Наші завдання в царині образотворчого мистецтва: Промова на колегії НКО, 19 листоп. 1928 р. //Література й мистецтво (дод. до «Вістей ВУЦВК»). 1929. 19 січ.

Непримиренним шляхом: Доп. на окрпартконференції. Одеса.

12 груд. 1928 р. Х., 1929. С. 86; «БільшовикУкраїни». № 11.

Нові лінії в національно-культурному будівництві: Доп. на пленумі ЦБ Пролетстуду. Х., 1929. С. 64.

Основні завдання культурного будівництва в зв'язку з соціалістичною реконструкцією країни: Тези доповіді на Всесоюзному з'їзді робітників освіти // Робітнича освіта. 1929. № 1–2. С. 3–13.

Основні завдання культурно-освітньої роботи за доби реконструкції соціалістичного господарства: Доп. на VII Всссоюз. З'їзді Робос СРСР, 5 берез. 1929 р. Х.: ДВУ, 1929. С. 72 (Б-ка «Більшовик України», № 18. С. 170–214).

Пам'яті тов. Андрія Іванова: Стенограма промови на засіданні, присвяч. т. А. Іванову // Літопис революції. 1929. № 1. С. 175–178.

Передмова до 2 укр. вид. // Ленін В. І. Твори. Х.: ДВУ, 1929. Т. 1. С. 5–8.

Передмова // Бадан О. Закарпатська Україна: соц. – екон. нарис. 1929. С. 168.

Передмова // Фалькевич І. Д. Радянський державний устрій. Х., 1929.

Питання соціального виховання: Промова на шостій нараді КДР при ЦК ЛКСМУ, 29 жовт. 1929 // Дитячий рух. 1929. № 1. С. 24–29; Матеріали VI Всеукр. наради в справах комдитруху. Х.: ДВУ, 1929. С. 48–54.

Під класовою ознакою: Промова до делегації харківських робітників в НКО, 20 берез. 1929 р. // Рад. освіта. 1929. № 5. С. 3–11.

Під огонь самокритики мас: Промова на спільному засіданні сталінської міськради сталінського окрвиконкому та колегії Народного Комісаріату освіти УСРР, 2 листоп. 1929 р. // Рад. освіта. 1929. № 12. С. 1–8.

Підсумки X пленуму ВККІ. Х.: Укр. робітник, 1929. С. 46; Агітатор. 1929. № 16. С. 1–24.

Підсумки й прогнози: Про 3-річний ювілей робітничої газ. «Пролетар» // Комуніст. 1929. № 269. 22 верес; Робітнича газ. Пролетар. 1929. № 269. 22 верес.

Підсумки XI пленуму виконкому Комінтерну: Доп. на Харківському міськпартактиві, 12 квіт. 1931 р. Х.: Пролетар, 1931.

Підсумки пленуму ВККІ: Доп. на загальноміських зборах активу харківської організації КП(б)У 3 серп. 1929 р. Х., 1929. С. 45.

Похід робітничої маси на завоювання української культури // Вісті. 1929. № 17. 20 січ.

Права та стан національних меншостей на Україні // Рад.

освіта. 1929. № 1. С. 4–12.

Про готування нових пролетарських кадрів: Виступ на міжвишівських зборах Київського студентства // Пролет. правда. К., 1929. № 277. 1 груд.

Про музкомедію «Орфей у пеклі»: Виступ на художній раді музкомедії, 30 жовт. 1929 р. // Рад. театр. 1929. № 4–5. С. 53–55.

Про системи народної освіти // Рад. освіта. 1929. № 3. С. 3–17.

Про фотосправу на Україні // Культробітник. 1929. № 1. С. 24–25.

Промова з нагоди першого випуску радянських інженерів сільського господарства // Пролет. правда. 1929. № 75. 2 квіт.

Промова на 2 з'їзді ВУЦСПРу про чергові завдання пролетарської літератури // Пролет. правда. 1929. № 123. 1 черв.

Промова (на сесії Ради ВУАН: Планування наукової роботи ВУАН) // Пролет. правда. № 267. 30 листоп.

Проти забобонів: Промова на II з'їзді ВУСПП 1929 р. // Критика. 1929. № 6. С. 16–25; Молодняк. 1929. № 7. С. 102–108.

Проти культурницької замкненості. Х., 1929. С. 63.

Против культурнической замкнутости. Х., 1929. С. 60.

Система народної освіти // Шлях освіти. 1929. № 1–2. С. 5–19.

Стан та перспективи культурного будівництва на Україні: Доп. на XI Всеукр. з'їзді Рад. Х., 1929. С. 64.

Стан української науково-культурної роботи у Львові // Пролет. правда. 1929. № 217. 20 верес.

Сучасні проблеми українського культурного процесу // Шлях освіти. 1929. № 5–6. С. 1–7.

Театральний трикутник: Промова на театральному диспуті в клубі ім. Блакитного, 18 червня 1929 р. // Рад. театр. 1929. №. 1. С. 3–15; № 2–3. С. 3–12.

Українська радянська культура // Рад. культура. 1929. № 6. С. 1–6.

Український тиждень у Москві // Література й мистецтво. 1929. № 6. 9 лют. (Дод. до «Вістей ВУЦВК»).

Червоне козацтво // Вісті ВУЦВК. 1929. № 275. 25 листоп.

Чергові питання соцвиху: Промова на Всеукр. нараді робітників комдитруху в грудні 1928 року // Рад. освіта. 1929. № 2. С. 1–10.

Шляхи розвитку українського театру // Известия. Одесса, 1929. 26 черв.

Ще раз про ДНМК // Шлях освіти. 1929. № 11. С. 6–12.

1930

Статті й промови. Пролетарська революція на Україні. Х., 1930. Т. 1. С. 458; Зміст: Моя автобіографія; Класи й партія; За соціалістичну революцію на Україні; Про партійне будівництво на Україні; Про справжній партійний провід; Стан і завдання КП(б)У; За радянську владу; До історії Червоної Армії на Україні; Дволикий Янус; Воєнно-революційний комітет Жовтневої революції; Україна і виклик Пуанкаре; Роковини звільнення; Історія пролетарської революції на Україні; П'ятиріччя 1-го корпусу Червоного козацтва; П'ятиріччя ЧК на Україні; Чудо Жовтневої революції; Організація Червоної гвардії і Червоної Армії на Україні в 1917–1918 рр.: Жовтень чи червень?; Жовтень і мистецтво революції; Блакитний; Потрійний ювілей радянської влади на Україні; Основні питання українського Жовтня; 1905 рік; Семиріччя роб. – сел. міліції; Організатор перемог; Лютнева революція і більшовики: Десяті роковини УСРР; Український Жовтень; Боротьба за радянську владу на Україні; Сучасне становище; Новий стан в революції на Україні; За об'єднання революційних сил; Консолідація робітничої України; Десять років ЧК-ДПУ; З 1919 року. Червоне козацтво; Помилки та виправки академіка Яворського; «Спілка визволення України»; До справи українізації «Літопису революції», Дві революції; Іменний покажчик; Поправка.

Статті й промови. Питання соціалістичної освіти. Х., 1930. Т. IV. Ч. І. С. 510.

Зміст: І. *Загальноосвітні:* Лінія освітньої роботи в будуванні соціалізму; Проти культурницької замкненості; П'ятирічний перспективний план Наркомосу; Завдання культурного будівництва на Україні; Народна освіта за десять років; Великий почин; Завдання комсомолу в культурно-освітній роботі Наркомосу; Комсомол і культурне будівництво; Про системи народної освіти; Основні завдання культурно-освітньої роботи за доби реконструкції соціалістичного господарства; Завдання народної освіти в культурній революції; Під класовою ознакою. ІІ. *Соціальне виховання:* Стан і перспективи переведення загального початкового навчання в УСРР; Про національну політику в трудшколах: Про завдання соцвиху; Про завдання шкіл селянської молоді; За перевірку інспектури народної освіти; Про перевірку вчительських кадрів; Наші недоліки; Питання соціального виховання; До п'ятиріччя газети «Геть неписьменність»; Проти лікнепівських забобонів; Про дитячу літературу. ІІІ. *Професійна освіта:* Дещо про практику прийому до вишів. За «7 + 17» в роботі вишів; Про завдання суспільствознавства; Який наш шлях; Реконструкція вишів; Стан та перспективи культурного будівництва на Україні; До одного знаменника. На нові шляхи. IV.

Додатки: Постанова Політбюро ЦК КП(б)У про стан народної освіти на Україні; Основні завдання культурного будівництва в зв'язку з соціалістичною реконструкцію країни; Про заяви, що надходять до НКО УСРР з-поза меж УСРР. Про завдання антирелігійної роботи; Про підручники. Діаграми.

Статті й промови. Література й мистецтво. Х., 1930. Т. 5. С. 289.

Зміст: І. *Література:* Наша літературна дійсність; До підсумків річної роботи; За українське літературознавство; Проти забобонів; Книга і преса України за 10 років Жовтня; Десятиріччя ДВУ; Прорив на культурному фронті; Новий етап, нові завдання. ІІ. *Мистецтво:* Політика НКО в царині мистецтва; Стан театральної справи; Завдання самодіяльного театру; Мистецтво – активний співучасник соціалістичної перебудови країни; Театральний трикутник; Наші завдання в образотворчому мистецтві; Наші завдання в царині образотворчого мистецтва; Стан і перспективи музично-культурного процесу на Україні; З музичного терену; Про українські народні інструменти; Завдання товариства «Друзі радіо»; Стан і перспективи української кінематографії; Фотосправа на Україні; Боюсь скигління; Про музкомедію «Орфей у пеклі». ІІІ. *Додатки:* Про політику партії в галузі художньої літератури. (Резолюція ЦК ВКП(б) від 18 червня 1925 р.); Політика партії в галузі української художньої літератури: Постанова ПБ ЦК КП(б)У; Про стан Київського художнього інституту та про федерацію художніх організацій; Про музичну пропаганду та музичну діяльність серед трудящої людності Одеси; Про український драм, театр в Ленінграді; Лист до редакції «Літературної енциклопедії».

В ногу з виробництвом: Промова на нараді ДНМК в справі перегляду соціально-економічних дисциплін // Шлях освіти. 1930. № 4. С. 1–7.

Відповідь від імені XI з'їзду КП(б)У на привітання інженерно-тех. персоналу (Стеногр. запис) // Вісті. 1930. № 131. 8 черв.

Всесоюзна нарада в справі народньої освіти: Доп. на зборах харківського вчительства в будинку робітників освіти, 12 трав. 1930 р. // Рад. освіта. 1930. № 7. С. 1–13; Комуніст. 1930. № 119. 13 квіт.

Выступления Н. Скрыпника на XVI съезде ВКП(б) // XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С. 782.

Головні напрямки єдиної системи народної освіти. Х., 1930. С. 101.

Дві промови: І: На вищий щабель (На пленумі ВУСПСу, 13 трав. 1930 р.) ІІ: За реконструкцію (На з'їзді літорганізації «Плуг»)

// Критика. Х., 1930. № 6. С. 247–252.

Дві революції: Промова на вечорі трьох поколінь 2 січ. 1930 р. // Літопис революції. 1930. № 6. С. 7–16.

До наради в справі комуністичного дитруху // Комуніст. 1930. № 105. 16 квіт.; Нар. учитель. Х., 1930. № 33.

До однієї мети: Доп. на зборах, присвяч. підписанню умови на соц. змагання між колективами НКО УСРР і НКО БСРР // Вісті. 1930. № 78. 5 квіт.

До проблеми готування кадрів (до першої Всесоюзної наради в справах культ. П'ятирічки) // Комуніст. 1930. № 11. 11 січ.

До реконструкційних проблем: Індустріалізація, колективізація, національне питання: Доп. на VII пленумі Київс. ОПК КП(б)У, 27 листоп. 1929 р. // Х., 1930. С. 38.

До справи українізації «Літопису революції» // Літопис революції. 1930. № 1. С. 8–12.

До теорії боротьби двох культур. Х., 1930. С. 100.

З країни непівської в країну соціалістичну // Червоний шлях. 1930. № 9. С. 70–79.

З приводу соціально-економічних програм // Комуніст. 1930. № 319. 20 листоп.; Шлях освіти. 1930. № 10. С. 5–17.

За єдину систему народної освіти: Доп. на Всеукр. партнараді в справах нар. освіти: 20 трав. 1930 р. // Рад. освіта. 1930. № 5–6. С. 1–13.

За кадри соціалістичної п'ятирічки: Промова на нараді ЦБ Пролітстуду, в справі виконання постанови листопадового пленуму ЦК ВКП(б) щодо кадрів 19 листоп. 1930 р. // Шлях освіти. 1930. № 11–12. С. 70–78.

За своєчасне виконання постанови листопадового пленуму ЦК ВКП(б) // Комуніст. 1930. № 4. 4 січ.

Завдання робітництва у загальному навчанні. Х., 1930. С. 47.

Завдання сходознавства: Промова на відкритті Всеукр. з'їзду сходознавців, 1 листоп. 1929 р. // Східний світ. 1930. № 10–11. С. 3–7.

Загальне навчання та політехнізація шкіл: Звітна доп. на XII Всеукр. з'їзді Рад // Комуністична освіта. 1930. № 2–3.

Загальне обов'язкове навчання та ліквідація неписьменності (із доповіді на V поширеному пленумі ВУКу Робос) //За культурну революцію. Х., 1930. № 2.

Із країни непівської в країну соціалістичну // Червоний шлях. 1930. № 9. С. 70–79.

Інтелігенція в реконструктивну добу // Шлях освіти. 1930. № 7–8. С. 8–17.

Класова лінія в охопленні дитинством (У дошкільний похід) // Нар. учитель. Х., 1930. № 29.

Контрреволюційне шкідництво на культурному фронті // Червоний шлях. 1930. № 4. С. 138–150.

Культурна революція в СРСР: Із доп. на 2 світовій конф. рев. літератури // Нар. учитель. 1930. № 109.

Матеріальне питання дошкільного походу: Усі в дошкільний похід // Нар. учитель. 1930. № 30.

На переломі: Парткерівництво в галузі культосвітньої роботи // Вісті. 1930. № 9. 11 січ.

Національні перетинки: Теор. і політ. боротьба на терені нац. питання УСРР у сучасний момент реконструктивної доби. Х., 1930. С. 136.

Наші літературні справи: До місячника укр. культури: Промова на пленумі ВУСПП, 23 трав. 1930 р. // Рад. освіта. 1930. № 8–9. С. 17–18.

Не об'єкт, а суб'єкт: Відповідь на запитання на прийомі закордонних журналістів від 2 жовт. 1930 р. // Шлях освіти. 1930. № 11–12.

Ні на момент не звужувати уваги: До 10-річчя газети «Українські щоденні вісті», Української робітничо-комсомольської газети // Комуніст. 1930. № 30. 31 січ.

Новий етап і нові завдання: Промова на І з'їзді письменників «Західна Україна», 6 січня 1930 р. // Західна Україна. 1930. № 1. С. 25–30; Критика. 1930. № 1. С. 3–9; Рад освіта. 1930. № 2. С. 4–9.

Оглядайся на задні колеса: Доп. на культактиві м. Сталіно, 30 травня 1930 р. // Рад. освіта. 1930. № 7. С. 13–18.

Основні засади єдиної системи народної освіти СРСР: Доп. на Всесоюз. партнараді 27 квіт. 1930 р. // Шлях освіти. 1930. № 5–6.

Основні проблеми соціального виховання реконструктивної доби: Доп. на VII Всеукр. нараді комдитруху і трудшкіл // Шлях освіти. 1930. № 5–6. С. 18–42; Рад. освіта. 1930. № 5–6. С. 13–35.

Перебіг переведення загального навчання: Промова на засіданні колегії НКО, 27 жовт. 1930 р. // Рад. освіта. 1930. № 11–12. С. 1–4.

Передмова // Ленін Н. Національне питання, 1910–1920 рр. 2-е вид. Х., 1930.

Передмова // Піонтковський О. О. Питання кримінального права в творах В. І. Леніна. Х., 1930. С. 3–8.

Перезнаки творчого терену: Реконструктивні лінії в літературі, музиці, образотворчому мистецтві. Х., 1930. С. 112; Критика. Х., 1930. № 11. С. 124–125.

Підсумки партнарад в справах народної освіти: Доп. на Всеукр. нараді окрінспекторів наросвіти // Шлях освіти. 1930. № 5–6. С. 5–17.

Помилки та виправлення академіка М. Яворського //

Більшовик України. 1930. № 2. С. 12–26.

Предисловие // Гирчак Е. Ф. На два фронта в борьбе с национализмом. М.; Л., 1930.

Предисловие // Фалькевич И. Д. Государственное устройство. Конституция СССР и Советских республик. Х., 1930.

Про самовизначення нації аж до відокремлення: Коротка хрестоматія з нац. питання для парт. активу / упоряд. А. Аржанов. Х., 1930. С. 34–36.

Про стан культосвітньої роботи та підвищення її: Промова на Всеукр. з'їзді сіл. політосвіт. робітників // Вісті. 1930. № 5. 7 січ.

Проблема готування вчительських кадрів: До 1 Всесоюз. наради в справі культурної п'ятирічки // Комуніст. 1930. № 11. 11 січ.

Пролетаріат в українському культурному процесі: Коротка хрестоматія з нац. питання для парт. активу. Х., 1930. С. 82–85.

Пролетарським шляхом: Промова на засіданні колегії НКО, 10 жовт. 1930 р. // Вісті. 1930. № 262, 263, 264. 12, 13, 14 листоп.

Промова на засіданні Президії ради Національностей ЦВК СРСР, 11 лют. 1930 р. // Вісті. 1930. № 38. 15 лют.

Промова на XI з їзді КП(б)У на доповідь тов. Рудзутака про роботу ЦК ВКП(б) // Комуніст. 1930. № 158. 10 черв.

Промова на партконференції Ленінського району м. Киева // Пролет. правда. 1930. № 113. 18 трав.

Революційна постановка культурної революції // Шлях освіти. 1930. № 9. С. 5–10; Рад. освіта. 1930. № 10. С. 6–9.

Реконструкція українського національного культурного процесу // Рад. освіта. 1930. № 2.

Смерть Леніна (Спогади про день смерті В. І. Леніна) // Вісті. 1930. № 92. 22 квіт.

«Союз освобождения Украины» // Коммунистический Интернационал. 1930 № 11.С. 19–31.

«Спілка визволення України» // Більшовик України. 1930. № 8. С. 11–24.

Стан культурного будівництва в СРСР. Х., 1930. С. 44.

Трудова школа і боротьба з куркульнею: Промова на поширеному пленумі ВУКу РОБОС, 2 лют. 1930 р. Х., 1930. С. 32.

У дні Жовтня – кадрам завтрашнього дня // Студент революції. 1930. № 24. С. 4–5.

Усі в дошкільний похід // Вісті. 1930. № 74, 75, 76, 77. 1, 2, 3, 4 квіт.

Шляхи розвитку української культури: Коротка хрестоматія з нац. питання для парт. активу. 2-е вид. доп. / упор. А. Аржанов. Х., 1930. С. 86–89.

Статті і промови. Національне питання. Х., 1931. Т. ІІ. Ч. 2. С. 417.

Зміст: Від постанов до діла у національній політиці; За здійснення теорії на практиці; Про справу Султан-Галієва; Ленін про Україну; Національне питання у міжнародній політиці СРСР; Рештки люксембургіанства; Національна політика на Україні; Демонстрація братерства; Національне питання на Радянській Україні; Національне питання у Карелії; До національної проблеми на Закавказзі; Вперед ленінським шляхом; За ленінізм у національному питанні; Підсумки боротьби з націоналістичною зрадою; Чергові завдання соціалістичного будівництва і національної політики на Радянській Україні; До теоретичних засад освітлення асиміляційних процесів; Для чого потрібний тримісячних української культури в Донбасі?; Закарпатська Україна; Про національну теорію Булгакова; УСРР – п'ємонт українських трудящих мас; Національне питання в програмі Комінтерну; Про одне «непорозуміння»; До українізації «Одесских известий»; Завдання сходознавства; Німецьке питання в СРСР; Підсумки й прогнози; До реконструкційних проблем; Національні перетинки; Ні на момент не звужувати уваги; Сталін як теоретик національного питання; Відроджений народ. Нові лінії в національно-культурному будівництві; Есперантизація чи українізація; На два фронти у боротьбі з націоналізмом; Пролетарським шляхом; Національне питання у програмах соціально- економічних вишів; Додатки: До члена колегії Наркомзему Рєзнікова; П'ятий конгрес Комінтерну про національне питання Середньої Європи і Балкан.

В ногу з реконструкцією // Рад. театр Х., 1931. № 1–2. С. 3–11.

Висока школа і постанова ЦК ВКП(б) про трудову школу // Студент революції. 1934. № 31–32. С. 6–10.

Два роки переможного соціалістичного будівництва в УСРР: Звітна доп. уряду на сесії Київської міськради 12 скликання, 22 лют. 1931 р. // Рад. освіта. 1931. № 5. С. 1–20.

2 роки переможної п'ятирічки в УСРР. Х., 1931. С. 56.

До соціалістичної перебудовної роботи: Привітальна промова на V Всеукр. з'їзді Робмис, 28 груд. 1931 р. // Рад. театр. 1931. № 5–6. С. 3–5.

Елементарні показники загального навчання: Промова на V пленумі ВУКу у РОБОС, 28 груд. 1930 р. // Рад. освіта. 1931. № 2. С. 1–10.

За доброякісний радянський підручник, за боротьбу з

шкідництвом на культурному фронті / з доп. і прикінцевого слова на XI з'їзді Рад // Рад. книгар. 1931. № 10–11. С. 8–18.

За ленінську філософію. Х., 1931. С. 39; Більшовик України. 1931. № 6. С. 18–35.

За нові методи і рамки роботи над підручником: Промова на засіданні колегії НКО, 30 листоп. 1930 р. // Рад. освіта. 1931. № 1. С. 22–25.

За нові соціалістичні методи роботи // З промови на зборах партактиву харківських вишів // Студент революції. 1931. № 1. С. 2–4.

За перебудову роботи школи // Комуністична освіта. Х., 1931 № 9. С. 8–12.

За самоусвідомлення та пролетарські наставления в образотворчому мистецтві. Х., 1931. С. 42.

За фахівця-більшовика // Комсомолець України. Х., 1931. 18 лют.

Завдання науково-педагогічного фронту у світлі постанови ЦК ВКП(б) на початкову й середню школу // З доп. наркома освіти УСРР тов. М. Скрипника на IV Всеукр. з'їзді наук. працівників, 21 жовт. 1931 р. // Комуністична освіта. Х., 1931. № 10–12. С. 9–33.

Завдання робітництва у загальному навчанні. Х., 1930. С. 48; Комуністична освіта. Х., 1931. № 1. С. 5–7.

Загальне навчання та політехнізація шкіл // Комуністична освіта. 1931. № 2–3. С. 5–28.

Зближення і злиття націй за доби соціалізму: Доп. на комісії нацпитання при ВУАН, 23 лют. 1931 р. Х., 1931. С. 47; Більшовик України. 1931. № 8. С. 17–38.

Культурное строительство в СССР. Х., 1931. С. 48.

Лікнеп, загальне початкове навчання та політехнізація шкіл: Звіт на XII Всеукр. з'їзді Рад 2 берез. 1931 р. Х., 1931. С. 48.

Лікнепроботу підпорядкувати боротьбі за нові кадри робітників // З промови на колегії НКО, 10 липня 1931 р. // За масову комуністичну освіту Х., 1931. № 9. С. 1–2; Рад. освіта. 1931. № 10–12. С. 9–13.

Музику на рейки реконструкції: Промова до делегатів Вуторму, 10 трав. 1931 р. // Критика. 1931. № 6. С. 3–14; Рад. театр. 1931. № 4. С. 7–15.

На боротьбу за нові методи вишівської роботи: Промова на нараді при ЦК ЛКСМУ // Комуністична освіта. 1931. № 4. С. 5–13.

На виставці проектів пам'ятника Шевченкові // Літ. арх. 1931. Кн. 1–2. С. 34–38.

Нова перемога соціалізму: Рапорт ЦК ЛКСМ про всетехобуч до ЦК ВКП(б). До ЦК КП (б)У // Робітнича освіта. 1931. № 7–8.

С. 193–200.

Організувати справу дитячої бібліотеки: Промова на нараді з бібліотечною бригадою, 30 квітня 1931 р. // Комуністична освіта. 1931. № 5–6. С. 5–11; Рад. книгар. 1931. № 18–19. С. 4–7.

Особливості національного питання на Україні // Національне питання: Хрестоматія // упоряд. Б. Борєв. Х., 1931. С. 77.

Педагогіка мусить стати знаряддям соціалістичної перебудови // В боротьбі за марксистсько-ленінську педагогіку. Х., 1931. С. 117–122; Комуністична освіта. 1931. № 2–3. С. 65–71.

Перебороти й доконати повзучі збочення // За комуністичне виховання дошкільника. Х., 1931. № 6. С. 6–13.

Перебудовними шляхами: Проблема культбудівництва національностей України: Доп. на І Всеукр. конф. культурно-освітніх робітників нацменшостей, 20 трав. 1931 р. // Більшовик України. 1931. № 12. С. 13–27; № 13–14, С. 23–39; Рад. освіта. 1931. № 8. С. 6–13; Комуністична освіта. 1931. № 7–8. С. 16–33.

Передмова // Фалькевич І. Д. Радянський державний устрій. Конституція СРСР і союзних республік у популярному викладі. 5-е вид. Х., 1931. С. 164.

Підручник як знаряддя комуністичного виховання: Промова на конф. в справі підручників масової школи, 1 груд. 1930 р. // Рад. освіта. 1931. № 1. С. 26–32.

Підсумки XI пленуму Виконкому Комінтерну: Доп. на Харківському міському партактиві, 19 квіт. 1931 р. Х., 1931. С. 47.

Поглиблюємо обмін досвідом: Промова на зустрічі з делегацією білоруського державного театру, 19 трав. 1931 р. // Рад. театр. 1931. № 1. С. 3–9.

Постанова ЦК ВКП(б) про школу та освітній фронт. Промова на харківському активі робітників освіти 5 верес. 1931 р. // За комуністичне виховання дошкільника. Х., 1931. № 8. С. 1–11.

Привітання на III пленумі ЦК ЛКСМУ // Комуніст. Х., 1931. № 277. 7 жовт.

Промова: Обговорення доп. на філос. дискусії, 14–18 січ. 1931 р. // Поворот на філософському фронті. Матеріали філос. дискусії, 14–18 січ. 1931 р. Х., 1931. С. 167–185.

Промова (2 міська партійна конференція Київщини), 11 лип. // Пролет. правда. 1931. № 156. 11 лип.

Промова на III сесії ЦВК СРСР, 8 січ. 1931: Скорочений виклад // Пролет. правда. 1931. № 7. 9 січ.

Розмови з земляками: Промова на прийомі делегації колгоспників Барвінківського району, 27 трав. 1931 р. // Рад. освіта. 1931. № 7. С. 1–5.

Стан культурного будівництва в СРСР: Доп на II конф.

міжнар. рев. літератури, 10 листоп. 1930 р. // Рад. освіта. 1931. № 1. С. 1–16.

Сучасний період та боротьба на культурному фронті: Промова на ІІ міськпартконференції // Київська парторганізація в боротьбі за третій рік вирішальний. К., 1931. С. 47–55.

УРЕ – то наша пролетарська зброя: Промова на засіданні редбюро УРЕ, 4 груд. 1930 р. // Бюл. УРЕ. Х., 1931. № 1. С. 3–8.

Шумськізм у лавах КП(б)У і КПЗУ // Національне питання. Хрестоматія / упоряд. Б. Борев. Х., 1931. С. 153–158.

1932

До питання боротьби за марксо-ленінське мовознавство: Промова на кафедрі нацпитання при УІМЛ, 3 травня 1932 р. // Червоний шлях. 1932. № 1–2.

Доповідь на ІІІ Всеукраїнській партійній конференції // Вісті ВУЦВК. 1932. 11 лип.; Третя конференція КП(б)У: Стеногр. звіт. Х., 1932. С. 100–105.

Завдання зразкових шкіл // Зразкова школа та організація роботи в ній. К., 1932. С. 1–12.

Завдання правдиста-робселькора: До 20-річчя «Правды». З доп. тов. М. Скрипника на першій Харківській загальноміській конф. робкорів і партактиву // Пролет. правда. 1932. №. 116, 118. 22, 24 трав.

Комсомол на боротьбу за школу: Промова на нараді комсомольців – делегатів VI Всеукр. з'їзду «Робос», 16 лют. 1932 р. // Молодий комунар. Х., 1932. № 3–4. С. 6–10; Комуністична освіта. 1932. № 45. С. 5–16.

Комсомол за завоювання науки. Промова на Харківській міській конф. комсомольців-аспірантів, 7 лют. 1932 р. // Методичні проблеми готування кадрів. Х., 1932. № 1. С. 5–9; Студент революції. Х., 1932. № 7.

Ленін і наука: Доп. на загальних зборах наук. працівників та винахідників м. Харкова, 10 січ. 1932. Х., 1932. С. 30.

Лікнепроботі більшовицькі темпи і якість. Х., 1932.

На черзі мистецькі фронти на Україні за постановою ЦК. Х., 1932. С. 193.

Нариси другої культурної п'ятирічки: Промови. Х., 1932. С. 52.

Організація областей – організація самодіяльності трудящої людності: З промови на IV позачерговій сесії ВУЦВК // Червоне село Х., 1932. № 4. С. 11–12.

Перед другим десятиріччям // Вісті. 1932. № 117. 23 трав.;

Комуніст. 1932. № 141. 23 трав.

Переломні риси шкільної справи: Постанова ЦК ВКП(б) про школу на наші завдання. Х., 1932. С. 78.

«Піонер. рух є нове знаряддя…»: З доп. на VII Всеукр. нараді в справах КДР та школи // Дитячий рух. Х., 1932. № 2. С. 1.

Питання якості й чіткості марксо-ленінської лінії у педагогіці.: З промови на IV Всеукр. з'їзді наук. робітників // За культурну революцію. 1932. № 1.

Про підсумки XVII Всесоюзної конференції: Доп. на зборах міського партактиву, 11 лют. 1932 р. в м. Харкові // Комуністична освіта. 1932. № 1–2. С. 5–16.

Профспілки в боротьбі за другу культурну п'ятирічку: Виступ на V Всеукр. з'їзді профспілок у квіт. 1932 р. // Комуністична освіта. 1932. № 4–5.

Реконструкція країни й перебудова школи: Скорочена доп. на IV Всеукр. з'їзді спілки «Робос», 13–14 лют. 1932 р. // Політехн. Школа. Х., 1932. № 1–2. С. 24–40. Окреме видання: Х., 1932. С. 88; Комуністична освіта. 1932. № 3. С. 5–37.

1933

Методи й проблеми планувальної роботи в світлі постанов січневого пленуму ЦК ВКП(б) // Госп. України. 1933. № 3–4.

Нариси підсумків українізації та обслуговування культурних потреб нацменшостей УСРР, зокрема російської: Промова на засіданні колегії НКО УСРР, 14 лют. 1933 р. Х., 1933. 36 с.

1934

Выступления Н. Скрыпника (Щура) на совещании расширенной редакции «Пролетария», июнь 1909 г. // Протоколы совещания расширенной редакции «Пролетария». М., 1934.

1958

Доклады, выступления Н. Скрыпника на VI съезде РСДРП(б) // Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы: Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза. М., 1958. 488 с.

1959

Выступления Н. Скрыпника на VIII съезде РКП(б) // Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы: Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза. М., 1959. 602 с.

1960

Выступления Н. Скрыпника на IX съезде РКП(б) // Девятый съезд РКП(б). Март-апрель 1920 года. Протоколы. Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза. М., 1960. 650 с.

1961

Выступление Н. Скрыпника на XI съезде РКП(б) // Одиннадцатый съезд РКП(б). Март-апрель 1922 года. Стенографический отчет: Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961. С. 874.

Выступление Н. Скрыпника на XV съезде ВКП(б) // Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчет: Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961. С. 848.

1963

Выступления Н. Скрыпника на X съезде РКП(б) // Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет: Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза. М., 1963. С. 316.

1968

Выступления Н. Скрыпника на XII съезде РКП(б) // Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет: Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций Коммунистической партии Советского

Союза. М., 1968. С. 904.

1988

Доклады, выступления Н. Скрыпника на I съезде КП(б)У // Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины, 5-12 июля 1918 г.: Протоколы. К., 1988. С. 258.

1990

Выступление Н. Скрыпника на частном совещании делегатов конференций партийных организаций коммунистов (большевиков) Украины 2–5 июля 1918 г.; Выступление Н. А. Скрыпника на V Всероссийском съезде Советов от имени делегатов первого съезда большевистских организаций Украины, 6 июля 1918 г. // Большевистские организации Украины: организационно-партийная деятельность (февраль 1917 – июль 1918): Сб. док. и матер. К., 1990. С. 675–688.

1991

Вибрані твори. К., 1991. С. 617.

Зміст: Кореспонденція в газету «Искра» із Саратова з приводу судового процесу над учасниками демонстрації; Кореспонденція в газету «Искра» з Нижнього Новгорода з приводу судових процесів над сормовськими і нижньоновгородськими робітниками; Кореспонденція в газету «Искра» з Уралу з приводу збройної сутички робітників Златоуста; Сучасні партійні течії і завдання революційної соціал-демократії (Лист до всіх організацій РСДРП); Заява одеському комітетові РСДРП з приводу угоди ЦК і бюро комітетів більшості щодо скликання III з'їзду партії. 31 березня 1905 р.; Виступи на III з'їзді РСДРП при обговоренні резолюцій з'їзду. 23 квітня 1905 р.; Завдання озброєння; Звіт про роботу бойового комітету при Петербурзькому комітеті РСДРП. Не пізніше 16 жовтня 1905 р.; До питання про організацію підготовки збройного повстання. (Доповідь Петербурзькому комітетові РСДРП); Кооперативний з'їзд і робітничі кооперативи; До майбутнього з'їзду фабрично-заводських лікарів. Лист з Москви; Виступи на нараді розширеної редакції «Пролетария» при обговоренні питання про завдання більшовиків щодо думської діяльності. 13 червня 1909 р.; Хазяї і страхові збори робітників;

Цілком за рахунок підприємців; Про вибори до страхової Ради; Робітниче страхове представництво і завдання об'єднання; Класовий характер організації соціального страхування; Віденський конгрес і робітничі страховики;

Виступ на Всеросійській (березневій) нараді партійних працівників на доповідь Й. В. Сталіна «Про ставлення до Тимчасового Уряду». 29 березня 1917 р.; Виступ на VI з'їзді РСДРП(б) при обговоренні питання про явку В. І. Леніна на суд. 27 липня 1917 р.; Ворожа піднімається; Доповідь на IV загальноміській конференції фабрично-заводських комітетів Петрограда. 10 жовтня 1917 р.; Привітання І Всеросійської конференції фабрично-заводських комітетів. 17 жовтня 1917 р.; Телеграма Й. В. Сталіну в питанні про становище Української Радянської Республіки в Російській Федерації у зв'язку з укладенням миру з Німеччиною. 4 березня 1918 р.; Виступ на засіданні Всеросійського Центрального Виконавчого Комітету Рад робітничих, солдатських і селянських депутатів з питання становища на Україні. 1 квітня 1918 р.; Новий стан в революції на Україні; Співдоповідь та заключне слово на І з'їзді КП(б)У з питання про політичне становище і завдання партії. 8 липня 1918 р.; Доповідь з організаційного питання на закритому засіданні І з'їзду КП(б)У. 11 липня 1918 р.; Виступ на І з'їзді КП(б)У при обговоренні проекту резолюції «Про партію». 12 липня 1918 р.; Виступ на ІІ з'їзді КП(б)У при обговоренні доповідей ЦК КП(б)У і ЦВРК України. 20 жовтня 1918 р.; Промова на І конгресі комуністичного Інтернаціоналу про становище і завдання Комуністичної партії України. 3 березня 1919 р.; Виступ на засіданні організаційної секції VIII з'їзду РКП(б). 20 березня 1919 р.; Настрій у селі. Запис бесіди про політичний настрій селянства Правобережної України, зроблений кореспондентом газети «Коммунист»; За об'єднання революційних сил. Промова на IV Всеукраїнському з'їзді Рад. 18 травня 1920 р.; Національна політика (щодо) малих народів; Донбас і Україна. З історії революційної боротьби на Україні (1917–1918 рр.); Виступ на XI з'їзді РКП(б) при обговоренні доповідей ЦК і ревізійної комісії РКП(б). 27 березня 1922 р.; Жовтень і Комінтерн. (25 жовтня 1917 р. – 7 листопада 1922 р); Виступ від імені комуністичної фракції на VII Всеукраїнському з'їзді Рад у питанні про утворення СРСР. 13 грудня 1922 р.; П'ятиріччя 1-го корпусу Червоного козацтва; П'ятиріччя ЧК на Україні; Промова на IV нараді ЦК РКП(б) з відповідальними працівниками національних республік та областей з питання союзного будівництва. 12 червня 1923 р.; Виступ на VIII конференції КП(б)У при обговоренні звітної доповіді ЦК КП(б)У. 13 травня 1924 р.; Ленін та національна

справа; Ленін про Україну; Виступ на засіданні комісії Виконкому Комінтерну про розпуск УКП. 19 грудня 1924 р.; Революційна законність. Доповідь на Всеукраїнській нараді у справі радянського будівництва. 13 лютого 1925 р.; Союз Радянських Соціалістичних Республік; Революційна законність УСРР. Доповідь на сесії ВУЦВК. 22 жовтня 1925 р.; Організатор перемог; До перевиборів нар засідателів; Жовтень і мистецтво революції; Лист до закарпатських робітників і селян з Великої України. 14 листопада 1926 р.; Лінія освітньої роботи в будуванні соціалізму. Промова на Всеукраїнській нараді профспілкових бібліотечних робітників. 7 березня 1927 р.; Завдання комсомолу в культурно-освітній роботі народного комісаріату освіти. Промова на пленумі ЦК ЛКСМУ. 15 березня 1927 р.; Народна освіта за 10 років; Десяті роковини УСРР. Промова на урочистому засіданні ВУЦВК і РНК УСРР. 26 грудня 1927 р.; Ленін як учений. Доповідь на зборах комосередку в Українському інституті марксизму-ленінізму. 4 лютого 1928 р.; VI конгрес Комінтерну. Скорочена доповідь на партактиві в Харкові. 4 вересня 1928 р.; Великий почин; До підсумків річної роботи. Промова на агітпропнараді ЦК КП(б)У в справі марксистської критики та роботи журналу «Критика». 27 грудня 1928 р.; Звіт уряду УСРР. Доповідь та заключне слово на XI окружному з'їзді Рад Київщини. 31 березня 1929 р.; Промова на XVI конференції ВКП(б) про завдання культурного будівництва у зв'язку з прийняттям п'ятирічного плану розвитку народного господарства СРСР 25 квітня 1929 р.; З минулого про майбутнє; Стан та перспективи культурного будівництва на Україні. Доповідь на XI Всеукраїнському з'їзді Рад. 13 травня 1929 р.; Промова на VI з'їзді Рад Союзу РСР у питанні культурного розвитку національних республік. 22 травня 1929 р.; Проти забобонів. Промова на II з'їзді Всеукраїнської спілки пролетарських письменників. 30 травня 1929 р.; Комсомол і культурне будівництво; Завдання сходознавства. Промова на відкритті II Всеукраїнського з'їзду сходознавців 1 листопада 1929 р.; Основні засади єдиної системи народної освіти СРСР. Доповідь на Всесоюзній партійній нараді. 27 квітня 1930 р.; Промова на XVI з'їзді ВКП(б) при обговоренні звітної доповіді Центрального Комітету партії. 1 липня 1930 р.; Промова на засіданні президії Комуністичної академії про завдання філософського фронту. 18 жовтня 1930 р.; Культурне будівництво в СРСР. Доповідь на першому пленумі Міжнародного бюро революційної літератури. 10 листопада 1930 р.; Ленін і наука. Доповідь на загальних зборах наукових працівників та винахідників м. Харкова. 20 січня 1932 р.; Завдання правдиста-робселькора. Доповідь на першій загальноміській Харківській конференції робкорів і партактиву.

5 травня 1932 р.; Друга культурна п’ятирічка та завдання освіти. Доповідь на засіданні виїзної колегії Наркомосу УСРР спільно з заводським партійним комітетом, комітетом комсомолу, заводським профкомом і дирекцією Харківського тракторного заводу. 11 червня 1932 р.; Промова на Лютневому пленумі ЦК КП(б)У при обговоренні доповіді С. В. Косіора «Підсумки хлібозаготівель і завдання КП(б)У в боротьбі за піднесення сільського господарства України». 7 лютого 1933 р.; Промова на Червневому пленумі КП(б)У при обговоренні доповіді І. С. Степанського «Про організацію здавання хліба державі в 1933 р.». 10 червня 1933 р.

Выступления Н. Скрыпника на II съезде КП(б)У // Второй съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины, 17–22 октября 1918 г.: Протоколы. К., 1991. С. 92–95, 138–139 и др.

2000

Об укапизме // Комуніст України. 2000. № 1. С. 64–70.

2002

Ленін та національна справа. Донбас і Україна (з історії революційної боротьби на Україні 1917–1918 рр. // Комуніст України. 2002. № 1. С. 75–83.

notes

Примечания

1

Бабко Ю. Солдат партії (Про М. О. Скрипника). К., 1962. С. 106; Бабко Ю., Білокобильський І. Микола Олексійович Скрипник. К., 1967. С. 202.

2

См., напр.: Очерки истории Коммунистической партии Украины. Изд. 4-е, доп. К., 1977. С. 275–284; Мельниченко В. Ю. Бойовий загін єдиної ленінської партії. К., 1978. С. 104; и др.

3

Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАОО Украины). Ф. 39. Оп. 12. Д. 555. Л. 1-23.

Кошелівець І. Микола Скрипник. Мюнхен, 1972. С. 343.

5

Национальная политика партии в современных условиях (платформа КПСС), принята Пленумом ЦК КПСС 20 сентября 1989 года // Материалы Пленума Центрального комитета КПСС. 19–20 сентября 1989 г. М., 1989. С. 215, 231.

Комуніст України. 2000. № 2. С. 91.

См.: Білокінь С. Нарком // Літературна Україна. 1987. 10 грудня. (Сторінки історії Української РСР: факти, проблеми, люди. К., 1990. С. 357–367); Мельниченко В. Ю. І з'їзд КП(б)У: історія і сучасність // Український історичний журнал. 1988. № 7. С. 27–41; Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. 5-12 июля 1918 года: Протоколы. К., 1988. С. 258; Варгатюк П. Л., Гошуляк І. Л., Курас І. Ф. На шляху до І з'їзду КП(б)У // Про минуле заради майбутнього. К., 1989. С. 22–34; Замковий В. П. Микола Скрипник: сторінки політичної біографії // Там же. С. 247–264; Нечай П. Ім'я і доля. Героїчні і трагічні сторінки біографії М. О. Скрипника // Київська правда. 1989. 12, 14, 15 лютого; Пиріг Р. Я., Шаповал Ю. І. Микола Скрипник: хроніка загибелі // Політика і час. 1991. № 4. С. 78–85 и др.

Мацевич А. Микола Скрипник. Біографічна повість. К., 1990. С. 216.

Скрипник М. О. Вибрані твори. К., 1991. С. 617.

См.: Етнонаціональний розвиток України. Терміни, визначення, персонали. К., 1993. С. 100–101; Мала енциклопедія етнодержавознавства. К., 1996. С. 884; Світова та вітчизняна етнодержавницька думка (У персоналіях). К.; Донецьк, 1997. С. 228–229.

11

См., напр.: Шаповал Ю. І. Україна 20-50-х років: сторінки ненаписаної історії. К., 1993. С. 16–17, 98-131; Его же. Людина і система (Штрихи до портрета тоталітарної доби в Україні). К., 1994. С. 168–192; Мейс Дж., Солдатенко В. Ф. Національне питання в житті й творчості Миколи Скрипника // Український історичний журнал. 1996. № 2. С. 74–86; № 3. С. 130–143; Українська державність у XX столітті. Історико-політологічний аналіз. К., 1996. С. 31–40; и др.

12

См.: Скрипник Микола Олексійович. До 125-річчя з дня народження. Матеріали «круглого столу» в Інституті історії України НАН України (Смолій В. А. Вступне слово; Кульчицький С. В. Постать Миколи Скрипника в нашій історії; Солдатенко В. Ф. М. О. Скрипник у 1918 році; Шаповал Ю. І. «Справа Миколи Скрипника»: механізм фабрикації; Нагорна Л. П. Еліта і контреліта в Україні 20-30-х рр.: феномен Миколи Скрипника). К., 1998. С. 94.

13

М. Скрипник у національній та історичній пам’яті: матеріали круглого столу 25 січня 2012 р. // Гілея. Науковий вісник. К., 2012. Вип. 61. № 6. С. 5–8.

14

Юридична енциклопедія. Т. 5. К., 2003. С. 508–509; Політична енциклопедія. К., 2011. С. 668; Енциклопедія історії України. Т. 9. К., 2012. С. 618–619; Українська дипломатична енциклопедія. Х., 2013. Т. 4. С. 461–462; Українець, революціонер, державотворець (Микола Скрипник) // Історичний календар. К., 2012. С. 54–59.

15

Уряди України у XX ст. Науково-документальне видання. К., 2001. С. 335–341; Солдатенко В. Ф. «З'їзд Рад викликав мене на Україну» (М. О. Скрипник) // Проект «Україна» 1917–1920 рр. Постаті. Х., 2011. С. 156–166; Его же. Україна в революційну добу. Історичні есе-хроніки: в 4 т. Т. ІІ. Рік 1918. К., 2009. С. 411.

16

См.: Солдатенко В. Ф. У пошуках соціальної й національної гармонії (ескізи до історії українського комунізму). К., 2006. С. 479; Его же. Октябрьская революция и политика коренизации как основополагающие факторы национально-культурного возрождения народов России (на примере Украины 20-х – начала 30-х гг. XX века) // The 8-th World Socialism Forum. The Temporal Characteristics of the Great Transformation Era, and socialism with Chinese characteristics (на английском и русском языках). Beijing. China, 2017. P. 738–752; То же (на английском и китайском языках) // Cultural Diversity in the World and Socialism Culture with Chinese Characteristics. Beijing. China, 2017. P. 86–101.

17

См.: Кульчицький С. В. Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928). К., 1996. С. 396; Єфименко Г. Г. Національно-культурна політика ВКП(б) щодо Радянської України (1932–1938). К., 2001. С. 304; Греченко В. А., Ярмиш О. Н. Україна в добу «раннього» тоталітаризму (20-ті роки XX ст.). Х., 2001. С. 276; Дорошко М. С. Компартійно-державна номенклатура УСРР у 20-30-ті роки XX століття: соціоісторичний аналіз. К., 2004; Фролов М. О. Компартійно-радянська еліта в Україні: особливості існування та функціонування в 1923–1928 рр. Запоріжжя, 2004. С. 800.

18

См., напр.: Шаповал Ю. Олександр Шумський. Життя, доля, невідомі документи. К.; Львів, 2017. С. 742.

Mace J. Communist and the Dilemmas of National Liberation: National Communism in Soviet Ukraine, 1918–1933. Cambridge, MA, 1983.

См.: Mace J. National Communism // Encyclopedia of Ukraine. Toronto; Buffalo; London. Vol. III.

21

См.: Мейс Джеймс, Панчук Май. Український національний комунізм. Трагічні ілюзії. К., 1997. С. 3–4.

Там же. С. 16.

23

Любовець О. Український націонал-комунізм як ідейно-політична течія; Скрипник Н. Об укапизме // Комуніст України. 2000. № 1. С. 64–70; «…Вважати реабілітованим у партійному відношенні» // Там же. 2000. № 2. С. 90–95.

«…Вважати реабілітованим у партійному відношенні». С. 90.

Шевченко Тарас. Кобзарь. М., 1947. С. 330.

26

Государственный архив Днепропетровской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 49. Л. 78; Государственный архив Донецкой области. Ф. 113. Оп. 1. Д. 39. Л. 6.

27

Скрипник М. Моя автобіографія // Статті й промови. Харків, 1930. Т. 1. С. 5–6.

Там же. С. 6.

См.: Кошелівець І. Микола Скрипник. С. 32.

Скрипник М. Моя автобіографія. С. 6.

31

Шевченко Тарас. Кобзарь. С. 203.

32

Лотоцький Олександр. Сторінки минулого. Варшава, 1933. Ч. II. С. 94; Кошелівець І. Указ. соч. С. 34.

Кошелівець І. Указ. соч. С. 34–35.

Шевченко Тарас. Кобзарь. С. 578.

35

Ленин В. И. Отдача в солдаты 183 студентов // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 393.

Ленин В. И. Отдача в солдаты 183 студентов // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 393–394.

Там же. С. 394.

38

Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). Ф. 166. Оп. 12. Д. 7093. Л. 1, 27 об., 28 об.

39

Ленин В. И. Насущные задачи нашего движения // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 376–377.

Скрипник М. О. Вибрані твори. К., 1991. С. 3.

41

Ленин В. И. Г. М. Кржижановскому // Полн. собр. соч. Т. 46. С. 185.

Скрипник М. О. Вибрані твори. С. 7.

Скрипник М. О. Вибрані твори. С. 8.

Там же. С. 8–9.

Скрипник М. Моя автобіографія. С. 9.

Там же. С. 9–10.

Скрипник М. Моя автобіографія. С. 10.

48

Переписка Н. Ленина и Н. К. Крупской с Одесской организацией (окончание) // Пролетарская революция. 1925. № 7. С. 47.

49

См.: Очерки истории Николаевской партийной организации. Одесса, 1980. С. 24–25; Очерки истории Одесской областной партийной организации. Одесса, 1981. С. 59.

50

Третий съезд РСДРП. Апрель – май 1905 г.: Протоколы. М., 1959. С. 358–359, 362, 370–371, 385–386, 395–396, 404, 427–428, 433, 437, 443–444, 446 и др.

51

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 313. Оп. 2. Д. 1086. Л. 25–28; Ф. 385. Оп. 3н. Д. 913. Л. 3–4; Д. 922. Л. 1–8 об.

52

РГАСПИ. Ф. 385. Оп. 3н. Д. 913. Л. 1.

Там же. Л. 2.

Там же. Оп. 6н. Д. 2029. Л. 3.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 336.

Там же.

Скрипник М. Статті й промови. Т. 1. С. 13.

Скрипник М. Статті й промови. Т. 1. С. 14.

Скрипник М. О. Вибрані твори. С. 57.

Там же. С. 59, 60.

61

Цит. по: Бабко Ю., Білокобильський І. Микола Олексійович Скрипник. С. 84.

Скрипник М. О. Вибрані твори. С. 63.

Там же. С. 76.

64

Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАОО Украины). Ф. 39. Оп. 12. Д. 356. Л. 1–13.

Цит. по: Бабко Ю., Білокобильський І. Указ. соч. С. 96.

Скрыпник Н. Рабочий класс и рабочая партия: Доклад, читанный к 25-летию РКП(б). Х., 1923. С. 78–79.

67

Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года: Протоколы. М., 1958. С. 31–32.

Там же. С. 232.

Там же. С. 234–235, 263–264.

Скрипник М. О. Вибрані твори. С. 91–92.

Ленин В. И. Украина // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 341.

Там же. С. 342.

73

Там же.

Винниченко В. Відродження нації. К.: Відень, 1920. Ч. ІІ. С. 108.

75

Ленин В. И. Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к украинской Раде // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 143–145.

Там же. С. 138–139.

77

Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1974. Т. 5. С. 111–112; РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 19. Л. 1 об., 3 об.

Донецкий пролетарій. Харьков, 1917. № 35 и 36. 14 и 15 декабря; Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине: Хроника важнейших историко-партийных и революционных событий. К., 1982. Ч. 2. С. 490–492.

Там же.

Правда. 1917. 17 декабря. № 217.

81

Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 5. С. 145–146; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 182–183.

Варгатюк П. Л., Солдатенко В. Ф., Шморгун П. М. В огне трех революций: Из истории борьбы большевиков Украины за осуществление ленинской стратегии и тактики в трех российских революциях. К., 1986. С. 562.

83

Скрипник Мария. Воспоминания об Ильиче. М.; Л., 1927. С. 77–78.

84

Постановления и распоряжения рабоче-крестьянского правительства Украинской Народной Республики. 1918. № 82; Бош Е. Год борьбы. 2-е изд. К., 1990. С. 243–253.

Скрипник М. О. Вибрані твори. С. 93–94.

ЦГАВО Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7 в. Ч. I. Л. 25.

Там же. Л. 67.

ЦГАВО Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7 в. Ч. I. Л. 1, 1 об.

89

Там же. Л. 2–5, 6, 7 об.

Там же. Л. 26, 27.

Скрипник М. О. Вибрані твори. С. 102.

Там же. С. 97–98.

93

Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 5. С. 356.

ЦГАВО Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7 в. Ч. 1. Л. 20–23.

Там же. Л. 35, 36, 51,58, 65, 65 об., 66, 66 об.

Там же. Л. 20.

Там же. Л. 54.

Там же. Л. 55.

ЦГАВО Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7 в. Ч. 1. Л. 59.

Там же. Л. 62–63.

Там же. Л. 82-101.

Там же. Л. 64.

103

Там же. Л. 57.

ЦГАВО Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7 в. Ч. 1. Л. 57.

105

Там же. Л. 57 об.

106

Там же.

107

Варгатюк П. Л., Курас И. Ф., Солдатенко В. Ф. В. И. Ленин и большевистские организации Украины в Октябрьской революции. К., 1980. С. 130–131.

Пролетарская мысль. 1917. 8 ноября. № 3.

109

Там же. 9 ноября. № 4.

110

Большевистские организации Украины в период установления и укрепления Советской власти (ноябрь 1917 – апрель 1918 г.): Сб. документов и материалов. К., 1962. С. 418–419.

111

Молот (Полтава). 1917. 30 ноября. № 4; Большевистские организации Украины (ноябрь 1917 – апрель 1918 г.). С. 482–483.

112

Пролетарская мысль. 1917. 18 ноября. № 12.

113

Большевистские организации Украины (ноябрь 1917 – апрель 1918 г.). С. 419.

Шиловцев Ю. В. Партійне будівництво на Україні (листопад 1917 – липень 1918 р.). Харків, 1972. С. 52, 57, 58.

115

Пролетарская мысль. 1917. 23 ноября. № 15.

См.: Юрченко О. Т. В. І. Ленін і більшовицькі організації України. К., 1970. С. 581.

117

Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 5. С. 90.

Цит. по: Шиловцев Ю. В. Указ. соч. С. 58–59.

119

Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 155–157.

120

Там же.

121

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 265. Л. 4; Д. 131. Л. 72; Д. 82. Л. 107; Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине: Хроника важнейших историко-партийных и революционных событий на Украине. С. 326, 444.

Шиловцев Ю. В. Указ. соч. С. 80–83.

123

Большевистские организации Украины: организационно-партийная деятельность (февраль 1917 – июль 1918): Сб. документов и материалов. К., 1990. С. 520.

124

Большевистские организации Украины: организационно-партийная деятельность (февраль 1917 – июль 1918): Сб. документов и материалов. С. 526–527.

125

Летопись революции. 1926. № 5. С. 80, 82, 91, 92.

Варгатюк П. Л., Курас И. Ф., Солдатенко В. Ф. Указ. соч. С. 304–305.

127

Летопись революции. 1926. № 5. С. 80.

Там же. С. 80, 83, 91, 92.

129

Там же. С. 73, 79–81.

130

См.: Варгатюк П. Л., Солдатенко В. Ф., Шморгун П. М. Указ. соч. К., 1986. С. 536–540.

131

Солдат и рабочий. Херсон, 1917. 12 декабря. № 172; Донецкий пролетарий. Харьков, 1917. 12 декабря. № 33.

132

Государственный архив Одесской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 331. Л. 6.

133

Літопис революції. 1930. № 5. С. 106–110.

Сторінки історії Компартії України. Запитання і відповіді. С. 74–77.

135

Там же.

136

Большевистские организации Украины в период установления и укрепления Советской власти (ноябрь 1917 – апрель 1918 г.). С. 82.

137

Там же. С. 83, 84, 86.

138

Большевистские организации Украины в период установления и укрепления Советской власти (ноябрь 1917 – апрель 1918 г.). С. 86.

139

Коммунист. 1918. № 1–2. С. 31–32.

Цит. по: Мельниченко В. Ю. Бойовий загін єдиної ленінської партії. К., 1978. С. 54.

141

Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины (5-12 июля 1918 года): Протоколы. К., 1988. С. 169.

Там же. С. 179–180.

143

Цит. по: Мельниченко В. Ю. Указ. соч. С. 55.

144

Протоколы I-го съезда Коммунистической партии (большевиков) Украины. М., 1918. С. 12–13.

145

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 483.

146

Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. 5-12 июля 1918 года: Протоколы. С. 29.

Там же. С. 68–69.

148

Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. 5-12 июля 1918 года: Протоколы. С. 66–67.

149

Там же. С. 69–70.

150

Там же. С. 150, 153.

151

Там же. С. 67.

Там же. С. 97.

153

Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. 5-12 июля 1918 года: Протоколы. С. 179.

154

Там же.

155

Там же. С. 167.

Там же. С. 167–168.

157

Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. 5-12 июля 1918 года: Протоколы. С. 167.

158

Там же. С. 168.

159

Там же. С. 166.

160

Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. 5–12 июля 1918 года: Протоколы. С. 128–129.

161

Там же. С. 173.

Там же. С. 173–174.

163

Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. 5–12 июля 1918 года: Протоколы. С. 178.

Скрипник М. Статті й промови. Т. 1. С. 125.

Скрипник М. П’ятиріччя ЧК на Україні // Вибрані твори. С. 188–189.

Скрипник М. Революційна законність // Там же. С. 215.

167

Семененко О. Наркомюст Скрипник // Сучасність. 1961. № 6. С. 93.

Скрипник М. Основні питання українського Жовтня // Вісті ВУЦВК. 1925. № 291. 20 грудня.

169

Скрипник М. П’ятиріччя ЧК на Україні // Вибрані твори. С. 184.

Там же. С. 185.

171

Там же. С. 185–186.

Скрипник М. П’ятиріччя ЧК на Україні // Вибрані твори. С. 186.

173

Там же. С. 186–187.

Там же. С. 187.

175

Второй съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины, 17–22 октября 1918 года: Протоколы. К., 1991. С. 93.

Там же. С. 94–95.

177

Там же. С. 95.

178

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 73. Л. 1.

179

ЦГАВО Украины. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 17; Д. 13. Л. 52 об. – 53.

180

ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

181

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 130. Оп. 3. Д. 682. Л. 2–3; Вопросы истории КПСС. 1988. № 5. С. 79.

182

ЦГАВО Украины. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 44, 53, 55 об., 58–61.

183

Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 87. Л. 39.

Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 20; Д. 19. Л. 76, 78, 79.

185

Затонський В. Уривки з спогадів про українську революцію // Літопис революції. 1929. № 5–6. С. 139–140.

186

ЦГАВО Украины. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 94.

187

Там же.

Там же. Л. 106 об.

189

Восьмой съезд РКП(б): Протоколы. М., 1959. С. 174–175.

Там же. С. 175.

191

Коммунист. 1919. 17 мая.

192

ЦГАВО Украины. Ф. 529. Оп. 1. Д. 15. Л. 83; Ф. 2579. Оп. 1. Д. 12. Л. 22.

193

Там же. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2. Л. 43.

Там же. Л. 1; Д. 15. Л. 56.

195

ЦГАВО Украины. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

Там же. Л. 43 об.

197

Там же. Д. 9. Л. 66.

Там же. Д. 39. Л. 44–45 об., 194–195 и др.

Там же. Д. 1. Л. 80–81, 106; Д. 2. Л. 146–147 об.

200

ЦГАВО Украины. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1. Л. 25, 26; Д. 3. Л. 175–176.

201

Там же. Д. 2. Л. 54.

202

Там же. Д. 2. Л. 115–120 об.

203

Там же. Д. 1. Л. 80.

Там же. Д. 2. Л. 141 об., 180–184 и др.

Там же. Оп. 1. Д. 1, 2 и др.

206

Там же. Д. 2. Л. 162–163 об.

207

ЦГАВО Украины. Ф. 539. Оп. 1. Д. 9. Л. 85.

Там же. Д. 3. Л. 290–294, 297; Д. 9. Л. 58–58 об.; Д. 40. Л. 71–71 об. и др.

209

Там же. Д. 15. Л. 197.

Там же. Д. 9. Л. 57.

211

Там же. Д. 40. Л. 115.

212

ЦГАВО Украины. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1. Л. 27, 36; Д. 3. Л. 44–45.

213

Там же.

214

Там же. Д. 1. Л. 27–28, 29, 32, 37, 44, 45, 80; Ф. 539. Оп. 1. Д. 3. Л. 44–45.

215

Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 575. Л. 23.

Там же. Л. 67 об., 82; Ф. 539. Оп. 1. Д. 1. Л. 95, 96.

217

Там же. Ф. 2579. Оп. 1. Д. 4. Л. 63.

Великий Жовтень і громадянська війна на Україні. Енциклопедичний довідник. К., 1987. С. 229.

219

ЦГАВО Украины. Ф. 1. Оп. 2. Д. 57. Л. 47.

Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 87. Л. 27–32, 40–44 и др.

Там же. Л. 39 и др.

222

ЦГАВО Украины. Ф. 5. Оп. 1. Д. 423. Л. 5.

Там же. Л. 6.

224

Там же.

Там же. Л. 7.

226

Там же.

Там же. Л. 9.

228

ЦГАВО Украины. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1165. Л. 33.

229

Там же. Л. 34.

Там же. Л. 34–35.

231

Там же. Л. 35.

232

Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 87. Л. 32.

233

Там же. Д. 423. Л. 11, 12, 12 об.

Там же. Л. 13.

235

Там же. Д. 1165. Л. 35.

Там же. Л. 2, 52.

237

Там же.

238

ЦГАВО Украины. Ф. 1. Оп. 2. Д. 87. Л. 44 об.

239

Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1165. Л. 3 об., 55–56.

240

Там же.

241

Там же. Д. 1165. Л. 2–3 об., 52–53.

Там же. Л. 2 об., 55.

243

Там же.

Там же. Л. 54.

245

ЦГАВО Украины. Ф. 1. Оп. 2. Д. 87. Л. 51 об.

Там же. Л. 52.

247

Там же. Л. 72 об. – 73.

Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 648–666; 1085–1095, 1172; 1811–1837 и др.

249

Там же. Там же. Д. 1164. Л. 1-79.

250

Там же. Ф. 106. Оп. 2. Д. 87. Л. 75.

251

Там же. Л. 85 об.

Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 87. Л. 48 об. – 49.

253

ЦГАВО Украины. Ф. 8. Оп. 1. Д. 822. Л. 37.

Там же. Л. 3 об.

255

Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 373. Л. 31–32, 68–78; Ф. 8. Оп. 1. Д. 822. Л. 28–28 об., 30, 35 об.

Там же. Л. 34, 37; Ф. 8. Оп. 1. Д. 822. Л. 30.

257

Там же. Д. 372а. Л. 4, 4 об., 5, 5 об.; Д. 373. Л. 34–49; Ф. 8. Оп. 1. Д. 822. Л. 30 об., 35, 35 об., 36 об.

Там же. Д. 373. Л. 68–78; Ф. 8. Оп. 1. Д. 822. Л. 38–41.

259

Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 822. Л. 42–50.

Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 373. Л. 385.

261

Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 822. Л. 37.

Там же. Л. 42.

263

Там же. Л. 49 об.

Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 371. Л. 16, 18.

Там же. Л. 64.

ЦГАВО Украины. Ф. 2. Оп. 2. Д. 373. Л. 255.

267

Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 822. Л. 8.

Там же.

Там же. Л. 84.

Там же. Л. 100, 101, 113.

Там же. Л. 113.

Там же.

Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 373. Л. 292, 310, 311, 313, 317.

Там же. Л. 110.

275

Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 521. Л. 2; Ф. 166. Оп. 12. Д. 7093. Л. 2.

ЦГАВО Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 853. Л. 39.

277

Там же. Ф. 166. Оп. 12. Д. 7093. Л. 1–2.

Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 455. Л. 8-20.

Там же. Ф. 8. Оп. 2. Д. 20. Л. 4; Д. 234. Л. 1.

280

Там же. Ф. 8. Оп. 8. Д. 20. Л. 11–13 об., 14–17.

281

Там же. Оп. 7. Д. 5. Л. 126.

Там же. Л. 161–164, 168–170, 176, 177, 181, 183, 205–273 и др.

283

ЦГАВО Украины. Ф. 8. Оп. 7. Д. 5. Л. 165.

Там же. Оп. 1. Д. 822. Л. 42, 45.

285

Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 380. Л. 258; Ф. 8. Оп. 8. Д. 20. Л. 33.

Там же. Д. 423. Л. 21.

См., напр.: Там же. Д. 373. Л. 185, 186; Д. 375. Л. 97; Д. 377. Л. 31 и др.

Там же. Д. 371. Л. 100; Д. 375. Л. 1.

289

Там же. Д. 377. Л. 95-158; Ф. 8. Оп. 1. Д. 822. Л. 388, 391.

Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 371. Л. 182, 186.

291

Там же. Д. 377. Л. 161–188, 443–445; Ф. 8. Оп. 1. Д. 822. Л. 388–397.

Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 337. Л. 394.

293

Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 132. Л. 6; Ф. 8. Оп. 1. Д. 500. Л. 33.

Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 829. Л. 60; Д. 1348. Л. 1-67 и др.

295

ЦГАВО Украины. Ф. 8. Оп. 8. Д. 109. Л. 1-36.

Там же. Д. 20. Л. 318; Д. 234. Л. 111.

Там же. Д. 20. Л. 719, 924.

Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 455. Л. 8-20.

299

Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 44. Л. 18.

См., напр.: Там же. Д. 1502. Л. 271; Ф. 8. Оп. 8. Д. 20. Л. 179, 302, 303.

301

Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1513. Л. 47–56; 60–62.

Там же. Ф. 8. Оп. 8. Д. 20. Л. 11, 14; Д. 234. Л. 4.

303

Там же. Оп. 1. Д. 1502. Л. 266.

Там же. Д. 1500. Л. 550.

Там же. Оп. 8. Д. 20. Л. 396–413; 434–435.

306

ЦГАВО Украины. Ф. 8. Оп. 8. Д. 423. Л. 15.

307

Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 377. Л. 117–118.

Там же. Л. 119–122.

309

Там же. Ф. 8. Оп. 8. Д. 20. Л. 169; Д. 234. Л. 17.

310

Там же. Оп. 1. Д. 1502. Л. 206–206 об.

311

Там же. Оп. 8. Д. 20. Л. 190.

ЦГАВО Украины. Ф. 8. Оп. 8. Д. 20. Л. 241–268.

313

Там же. Л. 437.

Там же. Д. 234. Л. 133.

315

Там же. Д. 20. Л. 341; Д. 124. Л. 154.

Там же. Д. 24. Л. 20–32 и др.

317

Скрипник М. Вибрані твори. С. 188.

318

Как и почему Исполком Коминтерна распустил УКП. Х., 1925. С. 60.

319

Там же. С. 61.

320

Как и почему Исполком Коминтерна распустил УКП. С. 61–62.

321

ЦГАОО Украины. Ф. 39. Оп. 4. Д. 192. Л. 216–217.

Там же. Л. 217–218.

323

Скрипник М. Статті й промови. Т. 1. С. 217–218.

Там же. С. 127–128.

325

Скрипник М. Статті й промови. Т. 1. С. 216–217.

Там же. С. 222.

327

Скрипник М. О. Вибрані твори. С. 144.

Скрипник М. О. Вибрані твори. С. 144–145.

329

Там же. С. 146–147.

330

Скрипник М. О. Вибрані твори. С. 147.

Там же. С. 155–156.

Скрипник М. О. Вибрані твори. С. 155.

Там же. С. 158–159.

Там же. С. 159.

335

Скрипник М. О. Вибрані твори. С. 159–160.

Скрипник М. О. Вибрані твори. С. 165.

Скрипник М. О. Вибрані твори. С. 198.

Там же.

339

Одиннадцатый съезд РКП(б). Март – апрель 1922 года: Стенографический отчет. М., 1961. С. 72–73.

Одиннадцатый съезд РКП(б). Март – апрель 1922 года: Стенографический отчет. С. 73–74.

341

Там же. С. 74.

342

Там же.

Там же. С. 73–74.

Там же. С. 75.

345

Одиннадцатый съезд РКП(б). Март – апрель 1922 года: Стенографический отчет. С. 75.

Там же. С. 74.

347

Скрыпник Н. А. Ленин об Украине // Ленин об Украине. Х., 1924. С. 3.

Скрыпник Н. А. Ленин об Украине. С. 5–6.

349

Скрипник М. О. Вибрані твори. С. 201.

Там же. С. 178–180.

351

Четвертое Совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9-12 июня 1923 г.: Стенографический отчет. М., 1923. С. 206.

Там же.

353

Четвертое Совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9–12 июня 1923 г.: Стенографический отчет. С. 207.

Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года: Стенографический отчет. М., 1968. С. 572.

Там же. С. 573.

356

Как и почему Исполком Коминтерна распустил УКП. С. 62.

Там же. С. 63.

Там же. С. 64.

359

Скрипник М. О. Вибрані твори. С. 212.

Там же. С. 214.

361

Скрипник М. О. Вибрані твори. С. 219.

Там же. С. 219–220.

Скрипник М. О. Вибрані твори. С. 384.

Там же. С. 384–385.

Скрипник М. Статті й промови. Т. ІІ. Ч. І. С. 6.

366

ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 2. Д. 7096. Л. 56; ЦГАОО Украины. Ф. 39. Оп. 1. Д. 192. Л. 1.

Кошелівець І. Микола Скрипник. С. 188.

См.: Скрипник Микола. Статті й промови. Національне питання. Том II. Ч. 1. С. 146–164.

Там же. С. 217–264.

См.: Солдатенко В. Ф. До оцінки організацій «українських більшовиків» // Український історичний журнал. 1989. № 6. С. 62–69; № 7. С. 49–57.

См.: Ненароков А. П. Из опыта национально-языковой политики первых лет Советской власти // История СССР. 1990. № 2. С. 6.

Скрипник М. Статті й промови. Т. ІІ. Ч. 1. С. 103.

373

Скрипник М. Статті й промови. Т. ІІ. Ч. 1. С. 73–74.

Дзюба І. Інтернаціоналізм чи русифікація? К., 1998. С. 128.

Там же.

Дзюба І. Інтернаціоналізм чи русифікація? С. 129.

Скрипник М. Статті й промови. Т. IV. Ч. 1. С. 3–17.

Там же. С. 13.

Там же. С. 8.

Там же. С. 132–141.

381

Там же. С. 134.

382

Скрипник М. Статті й промови. Т. IV. Ч. 1. С. 132–133.

См.: Там же. С. 48–129, 142–315 и др.

Там же. С. 178, 182, 219.

Там же. С. 179.

Скрипник М. Статті й промови. Т. IV. Ч. 1. С. 214, 216 и др.

387

См.: ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 7. Д. 204. Л. 1-142; Оп. 9. Д. 796. Л. 1-59; Д. 873. Л. 1-48.

Там же. Оп. 9. Д. 66. Л. 1–6.

389

Там же. Ф. 166. Оп. 7. Д. 240. Л. 69; Оп. 8. Д. 40. Л. 145.

Там же. Д. 204. Л. 81; Оп. 8. Д. 40. Л. 102.

391

ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 8. Д. 40. Л. 205, 206.

Там же. Оп. 7. Д. 204. Л. 15; Оп. 8. Д. 40. Л. 205.

Кошелівець І. Указ. соч. С. 202–203.

Скрипник М. Статті й промови. Література й мистецтво. Харків, 1930. Т. V. С. 43.

395

Там же. С. 285.

Там же. С. 285–286.

397

Скрипник М. Підсумки літературної дискусії // Більшовик України. 1926. № 1 (липень); Скрипник М. Статті й промови. Т. II. Ч. 1. С. 137–138.

Там же. С. 139.

399

Скрипник М. Статті й промови. Т. ІІ. Ч. 1. С. 130, 131, 139.

Там же. С. 125.

Там же. С. 132–133.

Там же. С. 126.

403

Там же. С. 114.

Там же. С. 115.

405

Там же.

Скрипник М. Статті й промови. Т. ІІ. Ч. 1. С. 117–118.

Там же. С. 124–128, 144–145 и др.

Там же. С. 128.

409

Скрипник М. Лист до тов. Лебедя // Статті й промови. Т. ІІ. Ч. 1. С. 309.

Там же. С. 311.

411

Там же. С. 309.

412

Скрипник М. Лист до тов. Лебедя // Статті й промови. Т. ІІ. Ч. 1. С. 314.

413

Скрипник М. Статті й промови. Т. ІІ. Ч. 2. С. 281–285.

Там же. С. 294–301, 314.

415

Скрипник М. З приводу економічної платформи націоналізму // Статті й промови. Т. II. Ч. 1. С. 300.

Кошелівець І. Указ. соч. С. 204.

417

Там же.

Скрипник М. Статті й промови. Т. ІІ. Ч. 1. С. 127.

419

См.: Кошелівець І. Указ. соч. С. 196–197; ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 7. Д. 240. Л. 84.

Скрипник М. Статті й промови. Т. V. С. 10–11.

Скрипник М. Статті й промови. Т. V. С. 273.

Там же. С. 21.

Скрипник М. Статті й промови. Т. II. Ч. 2. С. 304.

Там же. С. 304.

См.: Кошелівець І. Указ. соч. С. 201.

426

ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 9. Д. 1545. Л. 88.

Там же. Л. 92.

Там же. Л. 88.

429

Там же. Ф. 166. Оп. 8. Д. 59. Л. 89–94.

Кошелівець І. Указ. соч. С. 213.

Там же. С. 199–200.

Там же. С. 210–211.

Скрипник М. Статті й промови. Т. V. С. 13–14.

См.: Кошелівець І. Указ. соч. С. 211.

Там же. С. 211–213.

Там же. С. 213.

Скрипник М. Статті й промови. Т. ІІ. Ч. 2. С. 353.

Там же. С. 351.

Цит. по: Кошелівець І. Указ. соч. С. 113.

Там же.

441

Українські вісті. Париж, 1927. 15 жовтня.

442

Цит. по: Кошелівець І. Указ. соч. С. 227–228; Борщак І. Дві зустрічі // Україна. Париж, 1950. № 4. С. 257.

См.: Курас І. Ф., Солдатенко В. Ф. Соборництво і регіоналізм в українському державотворенні (1917–1920 рр.). К., 2001. С. 65–202.

См.: Скрипник М. Статті й промови. Т. II. Ч. 2. С. 167–216 и др.

445

См.: Скрипник М. Статті й промови. Т. II. Ч. 1. С. 217–264, 267–288; ч. 2. С. 73128 и др.

См., напр.: Там же. Ч. 1. С. 277–278.

Там же. С. 150–159.

Там же. С. 155.

Там же. С. 315–330.

Народность и родной язык населения СССР. М., 1928. С. 54, 73.

Скрипник М. Статті й промови. Т. II. Ч. 1. С. 319.

Там же. С. 320.

453

Там же. С. 321.

См., включая таблицу: Там же. С. 322.

455

Скрипник М. Статті й промови. Т. ІІ. Ч. 1. С. 323, 327.

Скрипник М. Статті й промови. Т. ІІ. Ч. 1. С. 318–319.

Вісті ВУЦВК. 1930. 24, 25 квітня. № 94, 95.

См.: Скрипник М. Статті й промови. Т. II. Ч. 2. С. 338–346.

459

Там же. С. 380.

Там же. Т. II. Ч. 1. С. 92.

Червоний шлях. Харків, 1933. № 10. С. 198.

462

ЦГАВО Украины. Ф. 3866. Оп. 1. Д. 176. Л. 23.

463

ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 9. Д. 873. Л. 139–140 и др.

Там же. Д. 796. Л. 64–66; Д. 1427. Л. 59 и др.

Там же. Оп. 7. Д. 204. Л. 37.

Там же. Д. 272. Л. 34–35.

Там же. Л. 36.

Там же. Л. 100; Оп. 8. Д. 40. Л. 81.

469

ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 7. Д. 204. Л. 139; Оп. 8. Д. 40. Л. 11.

Там же. Оп. 8. Д. 40. Л. 14.

471

Там же. Ф. 1. Оп. 5. Д. 8. Л. 37.

Там же. Л. 38.

Скрипник М. Статті й промови. Т. ІІ. Ч. 1. С. 268.

Там же. С. 341–344.

Там же. С. 356.

Там же. Т. II. Ч. 2. С. 235–238; 250–253.

Скрипник М. Статті й промови. Т. ІІ. Ч. 1. С. 269.

478

ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 7. Д. 240. Л. 66; Оп. 8. Д. 40. Л. 120, 125.

См.: Скрипник М. Статті й промови. Т. II. Ч. 2. С. 127–356.

Там же. С. 356–357.

481

Там же. С. 363.

Скрипник М. Статті й промови. Т. ІІ. Ч. 2. С. 363.

483

Там же.

Там же. С. 357–358.

485

ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 9. Д. 66. Л. 11.

Там же. С. 11–12.

Скрипник М. Статті й промови. Т. ІІ. Ч. 2. С. 357.

Там же.

489

Скрипник М. Статті й промови. Т. II. Ч. 2. С. 45.

Там же. С. 71–79.

491

ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 9. Д. 66. Л. 6.

Там же.

493

Скрипник М. Статті й промови. Т. ІІ. Ч. 2. С. 55.

494

См.: ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 9. Д. 796. Л. 54; Д. 873. Л. 48 об. и др.

495

ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 7. Д. 240. Л. 61.

Там же. С. 56.

497

Там же. Ф. 166. Оп. 9. Д. 55. Л. 11–15.

Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 87. Л. 63–63 об.

499

Там же.

Цит. по: С чего начинается личность. М., 1984. С. 23.

501

ЦГАОО Украины. Ф. 39. Оп. 4. Д. 192. Л. 19–20.

Дзюба І. Інтернаціоналізм чи русифікація. С. 134.

503

Скрипник М. Статті й промови. Т. IV. Ч. 1. Х., 1930. С. 87.

504

Цит. по: Замковий В. П. Микола Скрипник: сторінки політичної біографії // Про минуле – заради майбутнього. К., 1989. С. 259.

505

Скрипник М. «Два сапога – пара» // Комуніст. 1926. 16 червня.

506

Там же.

507

См.: Скрипник М. Статті й промови. Т. II. Ч. 1. С. 271–288, 302–314, 355–361 и др.

508

ЦГАВО Украины. Ф. 2605. Оп. 3. Д. 1553. Л. 1.

509

Там же. Ф. 2708. Оп. 4. Д. 5. Л. 32.

Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 17. Л. 170.

511

Там же. Оп. 8. Д. 3. Л. 2–3.

512

ЦГАОО Украины. Ф. 39. Оп. 4. Д. 192. Л. 3.

513

Там же.

514

ЦГАОО Украины. Ф. 39. Оп. 4. Д. 192. Л. 3. С. 4.

515

Там же. С. 4–5.

Там же. С. 5–6.

517

Вісті ВУЦВК. 1932. 26 січня. № 21.

518

ЦГАВО Украины. Ф. 264. Оп. 1. Д. 10. Л. 13; Ф. 2605. Оп. 3. Д. 1553. Л. 6–7 и др.

519

Цит. по: Замковий В. П. Указ. соч. С. 248.

См.: Шаповал Ю. І. Людина і система (Штрихи до портрета тоталітарної доби в Україні). К., 1994. С. 170–171.

521

Вісті ВУЦВК. 1933. 12 липня.

522

ЦГАОО Украины. Ф. 39. Оп. 4. Д. 192. Л. 7.

523

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 911. Л. 42; ЦГАОО. Ф. 39. Оп. 4. Д. 192. Л. 7; Голод 1932–1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. К., 1990. С. 291.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 911. Л. 42; ЦГАОО. Ф. 39. Оп. 4. Д. 192. Л. 7–8; Голод 1932–1933 років… С. 292.

525

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 911. Л. 42; ЦГАОО. Ф. 39. Оп. 4. Д. 192. Л. 8; Голод 1932–1933 років… С. 292.

526

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 911. Л. 42 об.; ЦГАОО. Ф. 39. Оп. 4. Д. 192. Л. 10; Голод 1932–1933 років… С. 293.

527

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 911. Л. 42 об.; ЦГАОО. Ф. 39. Оп. 4. Д. 192. Л. 9; Голод 1932–1933 років… С. 292–293.

528

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 911. Л. 42 об.; ЦГАОО. Ф. 39. Оп. 4. Д. 192. Л. 9; Голод 1932–1933 років. С. 293–294.

529

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 911. Л. 42 об.; ЦГАОО. Ф. 39. Оп. 4. Д. 192. Л. 10; Голод 1932–1933 років… С. 293.

530

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 911. Л. 42 об.; ЦГАОО. Ф. 39. Оп. 4. Д. 192. Л. 10; Голод 1932–1933 років. С. 294.

Більшовик України. 1933. № 3. С. 3.

См.: Шаповал Ю. І. Указ. соч. С. 172–173.

Більшовик України. 1933. № 11. С. 113.

См.: Шаповал Ю. І. Україна 20–50-х років: сторінки ненаписаної історії. К., 1993. С. 112–113.

Скрипник М. Вибрані твори. С. 529–530.

Там же. С. 530.

Там же. С. 532.

Там же. С. 534–535.

539

ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 281. Л. 191; Ф. 39. Оп. 4. Д. 192. Л. 1.

Цит. по: Пиріг Р., Шаповал Ю. Микола Скрипник: хроніка загибелі // Політика і час. 1991. № 4. С. 80.

См.: Шаповал Ю. Україна 20-50-х років… С. 116.

Цит. по: Пиріг Р., Шаповал Ю. Указ. соч. С. 81.

543

ЦГАВО Украины. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1. Л. 84; Ф. 166. Оп. 12. Д. 7093. Л. 57.

См.: ЦГАВО Украины. Ф. 377. Оп. 1. Д. 12043. Л. 1–2 об., 53–60, 62–72; Д. 12046. Л. 7-10, 36 об., 41–43 об. и др.

545

Там же. Д. 12045. Л. 5–7 об.

Там же. Д. 12043. Л. 73–86, 89-103; Д. 12046. Л. 20–23, 35–41, 47–49 об., 50–51 и др.

547

ЦГАВО Украины. Ф. 337. Оп. 1. Д. 12043. Л. 56.

Там же.

Цит. по: Пиріг Р., Шаповал Ю. Указ. соч. С. 80–81.

550

См.: Скрипник М. Нариси підсумків. Українізація та обслуговування культурних потреб нацменшостей УСРР, зокрема російської. Промова на засіданні НКО УСРР з 14.11.1933 р. Харків, 1933. С. 36.

551

Скрипник М. Нариси підсумків. Українізація та обслуговування культурних потреб нацменшостей УСРР, зокрема російської. Промова на засіданні НКО УСРР з 14.11.1933 р. С. 3–4.

Там же. С. 5–7.

553

Там же.

Там же. С. 9.

Там же.

556

Скрипник М. Нариси підсумків. Українізація та обслуговування культурних потреб нацменшостей УСРР, зокрема російської. Промова на засіданні НКО УСРР з 14.11.1933 р. С. 11.

Там же. С. 11–12.

Там же. С. 34.

559

Там же. С. 13, 14.

Скрипник М. Нариси підсумків. Українізація та обслуговування культурних потреб нацменшостей УСРР, зокрема російської. Промова на засіданні НКО УСРР з 14.11.1933 р. С. 31.

Там же. С. 19–26.

Там же. С. 13–14.

См.: Там же. С. 18–19, 27.

Цит. по: Пиріг Р., Шаповал Ю. Указ. соч. С. 81.

565

Овчаров Г. Микола Скрипник і радянська література. Харків, 1933. С. 103.

Там же. С. 15–16.

Там же. С. 16–17.

См.: Там же. С. 52, 55.

См., напр.: Овчаров Г. Микола Скрипник і радянська література. С. 30, 70–78, 100 и др.

Там же. С. 66.

571

Там же. С. 74.

Шаповал Ю. Україна 20-х – 50-х років… С. 116.

Вісті ВУЦВК. 1933. 1 травня.

Там же.

Вісті ВУЦВК. 1933. 1 травня.

Там же.

Хвиля А. Викорінити, знищити націоналістичне коріння на мовному фронті // Більшовик України. 1933. № 7–8. С. 55.

Хвиля А. Викорінити, знищити націоналістичне коріння на мовному фронті // Більшовик України. 1933. № 7–8. С. 43.

Там же. С. 52–53.

580

Шліхтер О. За більшовицьку непримиренність в теорії // Більшовик України. 1933. № 5–6. С. 71.

581

Там же. С. 85.

582

Шліхтер О. За більшовицьку непримиренність в теорії // Більшовик України. 1933. № 5–6. С. 72–73, 76–77.

Там же. С. 77–78.

Там же. С. 78.

585

Шліхтер О. За більшовицьку непримиренність в теорії // Більшовик України. 1933. № 5–6. С. 78–79.

Там же. С. 80.

Там же. С. 80–81.

588

Шліхтер О. За більшовицьку непримиренність в теорії // Більшовик України. 1933. № 5–6. С. 80–81.

589

Документ – письмо Д. З. Мануильского – находится в коллекции документов ЦГАОО, однако почему-то не зафондирован.

590

Шліхтер О. За більшовицьку непримиренність в теорії // Більшовик України. 1933. № 5–6. С. 80–81.

591

Там же.

592

Там же.

См.: Шаповал Ю. Указ. соч. С. 117–118.

ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 13. Д. 400. Л. 11.

595

Там же. Л. 11–12.

ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 13. Д. 400. Л. 12.

597

Там же. Л. 12–13.

Там же. Л. 15.

599

ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 13. Д. 400. Л. 16.

600

Там же.

601

Там же. Л. 17–18.

602

ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 13. Д. 400. Л. 19.

603

Там же. Л. 20.

Там же. Л. 22.

605

Там же. Л. 22–23.

Там же. Л. 23.

607

Там же. Л. 71.

608

ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 145. Д. 18. Л. 7.

609

Там же. Д. 19. Л. 5.

Там же. Д. 20-а. Л. 2.

611

Там же. Д. 21. Л. 1.

612

Цит. по: Попов М. Про націоналістичні ухили в лавах української парторганізації та про завдання боротьби з ними // Червоний шлях. 1933. № 7. С. 119–120.

613

Вісті ВУЦВК. 1933. 11 липня.

Вісті ВУЦВК. 1933. 30 червня.

615

Там же. 3 липня.

616

Вісті ВУЦВК. 1933. 3 липня.

617

Там же. 11 липня.

618

Там же.

619

Там же.

620

Вісті ВУЦВК. 1933. 11 липня.

621

Там же.

622

Там же.

623

Там же.

624

Володимир Винниченко про самогубство М. Хвильового і М. Скрипника «Думки про себе на тім світі. З неопублікованих записок В. Винниченка «Думки про себе на тім світі» // Сучасність. 1971. № 9. С. 13–14.

625

ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 145. Д. 21. Л. 4.

626

ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 145. Д. 21. Л. 4.

627

Вісті ВУЦВК. 1933. 8 липня.

628

Там же. 9 липня.

629

Там же.

Вісті ВУЦВК. 1933. 9 липня.

631

Там же.

632

Там же.

633

Там же.

634

Там же.

635

Правда. 1933. 8 июля.

636

Пролетарий. 1933. 8 июля.

637

Вісті ВУЦВК. 1933. 12 липня.

638

Там же.

639

Там же.

Там же.

641

Там же.

642

Там же.

643

Вісті ВУЦВК. 1933. 23 липня.

ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 284. Л. 34.

645

Вісті ВУЦВК. 1933. 14, 17 липня.

646

Там же.

647

Микола Олексійович Скрипник // Більшовик України. 1933. № 7–8. С. 105.

Микола Олексійович Скрипник // Більшовик України. 1933. № 7–8. С. 103–104.

649

Вісті ВУЦВК. 1933. 11 серпня.

650

Красная армия. 1933. 16 июля, 3 августа.

651

Цит. по: Замковий В. Указ. соч. С. 263.

652

Там же.

653

Там же.

ЦГАОО Украины. Ф. 39. Оп. 1. Д. 4. Л. 44.

655

Там же.

Там же. Л. 45.

Там же. Л. 46; Листопадовий об’єднаний пленум ЦК і ЦКК КП(б)У. Резолюції. Х., 1933. С. 71–76.

658

Про підсумки об’єднаного Пленуму ЦК і ЦКК КП(б)У. 18–22 листопада 1933 р. Матеріали для доповідачів і пропагандистів. Х., 1934. С. 46–53.

659

XII з'їзд Комуністичної партії (більшовиків) України. Стенографічний звіт. К., 1934. С. 547.

Там же. С. 555.

661

XVII съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М., 1934. С. 31–32.

662

ЦГАВО Украины. Ф. 4465е. Оп. 1. Д. 926. Л. 1-30.

663

Там же. Ф. 2. Оп. 7. Д. 39. Л. 106.

Хвиля А. Викорінити, винищити націоналістичне коріння на мовному фронті. С. 55–56.

665

См.: Шаповал Ю. Указ. соч. С. 126.

Там же. С. 126–127.

См.: Там же. С. 126–131.

Шаповал Ю. Указ. соч. С. 127.

669

ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 338. Л. 161–162.

Times. 1933. 10 июля.

Deyli Telegraf. 1933. 12 июля.

672

Володимир Винниченко про самогубство М. Хвильового і М. Скрипника. С. 7–8, 11–12.

Там же. С. 12.

Там же.

675

Володимир Винниченко про самогубство М. Хвильового і М. Скрипника. С. 14.

Там же. С. 16.

Там же. С. 16–17.

Винниченко В. Політбюро ЦК КП(б)У. Копія – Політбюро ВКП(б) – т. Сталіну. Машинописный вариант в личном архиве автора. С. 10–11.

Там же. С. 12.

Там же. С. 14.

681

Там же.

682

Винниченко В. Політбюро ЦК КП(б)У. Копія – Політбюро ВКП(б) – т. Сталіну. Машинописный вариант в личном архиве автора. С. 15.

683

Там же.

Там же. С. 16.

Там же. С. 16–17.

686

ЦГАОО Украины. Ф. 39. Оп. 4. Д. 192. Л. 52.

687

Там же. Ф. 1. Оп. 145. Д. 2925. Л. 8–9; Ф. 39. Оп. 1. Д. 192. Л. 51.

688

Володимир Винниченко про самогубство М. Хвильового і М. Скрипника. С. 7–8.

689

Дзюба І. Інтернаціоналізм чи русифікація? С. 27, 134, 165 и др.

Там же. С. 142.

691

Бойко Леонід. Як розпинали Івана Дзюбу // Інтернаціоналізм чи русифікація? С. 261.

692

Без культури немає народу // Київ. 1989. № 10. С. 96–97.

693

ЦГАВО Украины. Ф. 5111. Оп. 1. Д. 921. Л. 212–213.

Известия. М., 1972. 25 января.

695

ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 16. Д. 166. Л. 9.

Комуніст України. 2000. № 2. С. 91–95.

Комуніст України. 2000. № 2. С. 95.

Там же. С. 91.

699

Скрипник М. Вибрані твори. С. 617.

Постишев П. Радянська Україна – непохитний форпост великого СРСР // Червоний шлях. 1933. № 8–9. С. 255; Про підсумки об'єднаного Пленуму ЦК і ЦКК КП(б)У. 18–22 листопада 1933 р. С. 53.

При подготовке приложения использованы материалы книги «Скрипник Н. А. Избранные произведения». К., 1991. С. 544–590.